УДК 338
ББК 65.9(2)
Р 17

Раззаков Ф.И.
Р 17 Коррупция в Политбюро. Дело «красного узбека». – М.: Алгоритм, 2009. – 512 с.

ISBN 978-5-6993-8383-2

Двадцать лет назад «гласность и перестройка», провозглашенные М. Горбачевым, выбросили на бурлящую политическими изменениями авансцену советской политической жизни двух следователей Генпрокуратуры – Гдляна и Иванова, а вместе с ними и новое словосочетание - «хлопковое дело». Тогда никто и подумать не мог, что расследование якобы совершенных в далеком Узбекистане экономических преступлений является одним из ключевых этапов дьявольского плана мировой закулисы по разрушению СССР.

По сути, «хлопковое дело» как раз явилось политической миной, подложенной под Страну Советов.

УДК 338
ББК 65.9(2)

© Раззаков Ф.И., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© ООО «Издательство Эксмо», 2009

ISBN 978-5-6993-8383-2

Памяти моего отца посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

За полгода до своей смерти в ноябре 1982 года престарелый Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев совершил две свои последние официальные поездки. Обе республики были мусульманскими: Узбекистан и Азербайджан. До сих пор нет внятного ответа на вопрос, почему, уже буквально дышащий на ладан Генсек вдруг сорвался из Москвы в такие дали? Не были ли эти поездки вызваны желанием Брежнева и его сторонников наконец опереться на мусульманский центр силы, вместо прежнего — кавказско-еврейского (глобалистского)? Не понял ли престарелый Генсек на закате своей жизни, что именно мусульманство может стать одной из главных державных скреп для советского государства? Ведь еще Александр Невский произнес по этому поводу крылатую фразу: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Были и другие высказывания на этот счет. Например, архиепископ Дмитрий (Абашидзе), одно время возглавлявший Туркестанскую епархию, отмечал: «Мусульмане всегда были верными подданными Российской державы». Увы, но это прекрасно понимали и враги советского проекта. В итоге сразу после смерти Брежнева и прихода к власти Юрия Андропова было затеяно дело, которое чуть позже получит наименование «узбекского».

С тех пор в отечественной историографии превалирует точка зрения, что это «дело», затеянное Юрием Андроповым в 1983 году и продолженное М. Горбачевым, было ничем иным, как бескомпромиссной борьбой власти с коррупцией. Сегодня пришло время взглянуть на те события под иным углом зрения. Судя по всему, коррупция для организаторов этого дела была лишь удобным предлогом. На самом деле «узбекское дело» явилось первым звеном в той цепи тайных операций «кремлевских глобалистов», которые ставили целью ликвидацию социализма и реставрацию капитализма в СССР.

За оказанную им услугу в деле уничтожения великой державы западные глобалисты сполна воздали своим кремлевским сподвижникам: те же Михаил Горбачев и Эдуард Шеварднадзе были провозглашены «людьми столетия». Таковыми они считаются в либеральной историографии и поныне. Зато такие деятели, как руководитель Узбекистана Шараф Рашидов, числятся по разряду преступников. Что, естественно, верх несправедливости. Рашидов был интернационалистом, лидером одной из самых просоветских республик и СССР не разваливал. В его деятельности были ошибки и заблуждения, но высокой идее он всегда оставался верен и страну свою, ровесником которой являлся, не предавал. Побегушкой или официантом-разносчиком на банкете мировых глобалистов он никогда не был, да и не мог быть по определению. За это, собственно, горбачевский агитпроп и сделал из него этакого монстра — «босса всесоюзной мафии». Чтобы истинные мафиози чувствовали себя спокойно. Именно в целях развенчания этой многолетней лжи и рождена на свет эта книга.

Часть I
ОТ УЧИТЕЛЯ ДО ПРЕЗИДЕНТА

Глава 1

БУРЛЯЩАЯ АЗИЯ

Шараф Рашидов был ровесником Великого Октября — он родился 6 ноября (24 октября по старому стилю) 1917 года в городе Джизаке. В те годы этот древний город (известен с X века) рядом с Голодной степью считался не самым крупным населенным пунктом Узбекистана и насчитывал всего несколько тысяч жителей. Пройдет всего лишь шесть десятков лет после рождения там Рашидова, и город разрастется до 75 тысяч жителей и станет одним из крупных центров хлопководства. Естественно, на момент рождения Рашидова никто из его близких не мог даже предположить, что они присутствуют при рождении человека, который приложит руку к тому, чтобы не только их родной город расцвел пуще прежнего, но и вся республика достигла небывалого могущества и процветания. Ведь будущий руководитель Узбекистана родился в бедной крестьянской семье, и если бы спустя сутки после его рождения в далеком Петрограде к власти не пришли большевики, то будущая судьба новорожденного вряд ли смогла бы сложиться столь грандиозно — при прежнем режиме выходцы из бедняков не имели никакой возможности встать у руля государства.

Как уже говорилось, родители Рашидова были людьми из самых низов. Его отец — Рашид Рашидов — до революции был бедным дехканином, который с утра до ночи гнул спину на баев, зарабатывая скудные гроши на пропитание своей семьи. Однако после революции он сумел заметно улучшить свое материальное положение, устроившись на работу в милицию. И хотя зарплата там была не ахти какая, однако милиционерам выдавали дополнительный паек, который Рашид приносил домой жене и детям. Так длилось до 1924 года. В том году Узбекистан стал уже полностью советским (в октябре была образована Узбекская ССР, а

спустя год она вошла в состав СССР в качестве союзной республики) и в органах власти происходила реорганизация. В итоге Рашид Рашидов потерял место в милиции и устроился арбакешом (развозчик товаров на арбе) в артель «Кызыл караван» («Красный караван»). В 1929 году он вступил в колхоз «10 лет Октября» Джизакского района.

Между тем вхождение Узбекистана в состав СССР было вполне закономерным явлением. Договор о создании Союза Советских Социалистических Республик был подписан 30 декабря 1922 года представителями РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации (Азербайджан, Армения и Грузия). Эти государства еще в годы гражданской войны образовали военно-политический союз, заключив ряд межгосударственных соглашений. Вполне естественно, что сразу после войны усилия этих республик по поиску будущих форм экономического и политического объединения активизировались, поскольку это а) отвечало их историческим традициям (столетиями между ними складывалась единая экономика; происходило культурное взаимодействие; вместе они отражали нападения внешних врагов и т. д.) и б) базировалось на сходстве политических систем, поскольку стоявшие у власти в этих республиках национальные компартии входили в состав Российской Коммунистической партии (большевиков). Все это в итоге и привело к образованию СССР, который фактически спас Россию от развала и заложил основы будущей советской империи.

Отметим, что в самом руководстве РКП(б) существовало две точки зрения на государственное устройство будущего Союза. Так, Сталин и его сторонники (В. Молотов, С. Орджоникидзе, Г. Чичерин и др.) отстаивали план «автономизации», согласно которому вхождение советских республик в состав РСФСР происходило бы на правах автономий. Этот план, основанный на принципе «демократического централизма», ставил жесткие ограничения для тех республик, руководство которых в будущем захотело бы полной независимости от Центра. Однако вождь партии Ленин разделял другую точку зрения на Союз: он выступал за объединение советских республик на основе полного равноправия. Поэтому, когда он узнал о том, что побеждает точка зрения Сталина и К° (а ее поддержали все республики, кроме Грузии), он наложил «вето» на это решение. Спорить с вождем никто не решился. Чуть позже ярый идеологический противник Ленина и большевиков известный русский философ Н. Бердяев в качестве выдающейся заслуги Ленина выделит именно то, что тот спас

Россию от развала. Тем самым философ признавал безальтернативность на тот момент федерализма как организации государственного устройства для российского и других народов бывшей унитарной империи.

Между тем на момент создания СССР в состав РСФСР была включена только часть Узбекистана, входящая в Туркестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (в нее входили территории, на которых вскоре возникнут Узбекская, Туркменская, Киргизская ССР и Каракалпаская АО). Столицей ТАССР был выбран город Ташкент, что выглядело вполне логично — он был таковым и в период существования Туркестанского генерал-губернаторства.

В то же время на территории Узбекистана были образованы две самостоятельные республики: Бухарская народная советская республика (столица — Бухара) и Хорезмская народная советская республика (столица — Хива). Однако фактически со дня провозглашения независимости было понятно, что их самостоятельность — дело временное, поскольку они оказались на перекрестии интересов Востока (советской России) и Запада (стран Антанты и Турции). В итоге уже в 1921 году турецкий генерал Энвер-паша поднял в Бухаре антисоветское восстание, которое закончилось провалом. Спустя год компартии Бухары и Хивы были подключены к деятельности Туркестанского бюро ЦК РКП(б), и с этого момента фактически на всей территории Туркестана была установлена единая вертикаль партийной власти. Два года спустя Москва решила взяться за национально-государственное размежевание в Средней Азии. Декретом от 27 октября 1924 года БНСР и ХНСР были ликвидированы и их территории вместе с территорией упраздненной Туркестанской АССР были поделены между Узбекской и Туркменской ССР.

Чуть позже, в феврале 1925 года, на землях, прилегающих к Аральскому морю, была образована Каракалпакская автономная область, которая сначала входила в состав Казахской АССР, а в декабре 1936 года вошла в состав Узбекской ССР. В 1929 году таджикская автономия, входившая в состав Узбекской ССР, была преобразована в Таджикскую ССР, а после принятия Сталинской конституции 5 декабря 1936 года появились Киргизская и Казахская ССР (до этого обе входили в состав РСФСР).

Несмотря на то, что сопротивление значительной части местного населения советизации Средней Азии было достаточно долгим и упорным (басмаческое движение просуществовало там до начала 30-х годов), однако в целом большевикам удалось дос-

таточно быстро и эффективно разрешить многие проблемы. Как говорил известный персонаж культового фильма «Белое солнце пустыни» красноармеец Федор Сухов: «Восток — дело тонкое». Большевики это быстро уяснили и стали строить свою политику в Средней Азии исходя из местных реалий. И в формировании тамошних политических элит стали опираться на те кланы, которые играли ключевые роли в данных регионах.

Так, в Казахстане большинство первых партийных работников были выходцами из двух жузов: Среднего (Орта) и Младшего (Киши). Первый представлял из себя потомков казахских племенных объединений (кипчаки, аргыны и др.) в Центральном и Северо-Восточном Казахстане, заключивших свой союз еще в XVI веке и вошедших в состав России в середине XVIII века; второй — потомков казахских племен (жети-ру, алим-улы, бай-улы) в Западном Казахстане, вошедших в состав России в XVI веке. На третьем месте по степени своего влияния в системе власти в советском Казахстане стояли потомки Старшего (Улу) жуза, куда некогда входили племенные объединения (канглы, дулаты, албаны и др.), проживавшие в районе Семиречья (южный и юго-восточный Казахстан).

В советской Киргизии власть между собой разделили потомки племен Севера и Юга, которые вели межплеменную борьбу еще с первой половины XIX века. В северную группировку входят следующие кланы: Чуй-Кеминский и Нарынский (роды Сары Багыш и Саяк, представители которого проживают в Кеминском районе Чуйской области, а также в Кочкорском, Тянь-Шаньском и Ат-Башинском районах Нарынской области), Таласский (роды Кушчу и Сару), Чуйский (роды Солто и Тынай), Иссык-Кульский (род Бугу). В южные кланы входят роды Ичкилик и Отуз Уул. Первые проживают на территории Ошской и Баткенской областей и частично Джалал-Абадской области, вторые — на территории Джалал-Абадской области и частично на территории Ошской.

В Таджикистане клановое разделение проходило по трем направлениям: «равнинный север» (ленинабадцы или ходжентцы), «сельскохозяйственный юг» (кулябцы и кургантюбинцы) и «центр» (душанбинцы, гарманцы, тавильдарцы). На номенклатурной обочине находились памирцы и бадахшанцы.

В Туркмении назначение первых лиц в республике проводилось строго по ротации, когда представителя одного племени сменял представитель другого. В итоге там руководителями становились представители всех крупных туркменских племен: ахалские текинцы, алили, марыйские текинцы, емуды, эрсары.

Наконец, в Узбекистане власть между собой делили выдвиженцы четырех кланов: самаркандского (самаркандско-бухарского), ферганского, ташкентского и кашкадарьинского. Клановая система в Узбекистане сформировалась на основе территориальной общности примерно в конце XIX — начале XX века. Поскольку узбеки давно перешли к оседлому образу жизни, то знание о том, кто из какого рода и племени произошел, у них утратило свое значение и актуальность. В итоге под кланом у них стала пониматься группа людей, объединенных родовой (родственной) или территориальной общностью происхождения. Причем клановость не довлеет над обществом. Связи и конфликты внутри клана или между кланами непосредственно затрагивают определенный слой людей, располагающих доступом к власти, материальным ценностям и собственности. Вся остальная масса населения вовлекается в клановые отношения вольно или невольно, по мере необходимости.

Наибольшее влияние, как при царском режиме, так и в первые годы советской власти, имел самаркандско-бухарский клан. Не случайно поэтому в 1924 году столицей советского Узбекистана был провозглашен именно Самарканд. Самым ярким представителем бухарского клана был в то время Файзулла Ходжаев, который, несмотря на то, что был сыном бухарского купца-миллионера, на протяжении 12 лет (1925—1937) являлся председателем Совнаркома Узбекской ССР. Правда, 1-м секретарем компартии Узбекистана был «варяг» — русский В. Иванов, что вытекало из политики Москвы, которая основывалась на превалирующей роли Центра в управлении окраинами.

Отметим, что СССР создавался на добровольной основе, поскольку республиканские элиты (в том числе и среднеазиатские) приняли тот проект объединения, который им предложила Москва. Подтвердилось то, о чем заявлялось руководством ЦК РКП(б) еще на XII съезде партии: «На наш Союз Республик Восток смотрит как на опытный полигон. Либо мы в рамках этого Союза правильно решим национальный вопрос в его практическом преломлении и тогда весь Восток увидит, что в лице нашей федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен идти, и это будет началом краха мирового империализма. Либо мы здесь допустим ошибку, подорвем доверие ранее угнетенных народов, отнимем у Союза Республик притягательную силу в глазах Востока, которую он имеет, и тогда выиграет империализм, проиграем мы».

Серьезной проблемой для Центра был мусульманский фактор. В Узбекистане особую опасность представляло сочетание панисламизма (в наше время это зовется исламским экстремизмом) и пантюркизма, поскольку большинство народов Средней Азии — это тюрки. Центр решил разделить эти два течения. Каким образом? Вот как об этом пишет В. Камши:

«Традиционное исламское духовенство, объявившее в свое время джихад советской власти, происходило из старых богословов, наученных еще в арабских или иранских медресе, совершивших хадж в Мекку и в гораздо большей степени связанной с арабскими и персидскими богословами, чем с собственной паствой. Подраставшая молодая поросль мулл формировалась уже в других условиях и была заинтересована в получении постов и должностей, которые занимали старики. За границей они не бывали, по происхождению были отнюдь не персы и арабы, а местные жители, были в гораздо большей степени склонны заявлять, что советская власть вполне совместима с учением Магомета и отмежевывались от коренящихся в Саудовской Аравии радикальных исламистов — ваххабитов (на самом деле, они отнюдь не изобретение сегодняшнего дня, а существуют с XVIII века). В итоге с помощью чекистских органов процесс естественного обновления духовенства принял ускоренный и необратимый характер...».

Несмотря на явные перегибы национальной политики, которые порой граничили с откровенной жестокостью, Москве (Центру) удавалось достаточно эффективно наладить управление огромным многонациональным государством, аналога которого не было еще в истории человечества. Ведь в СССР проживали представители более ста национальностей, численность которых колебалась от сотен до десятков миллионов человек. Ничего подобного не было ни в Европе, ни в США. Например, в Европе хотя и существуют автономные государственные образования, но они состоят из тех народов, которых европейцы попросту... не успели уничтожить (вроде басков, ирландцев, корсиканцев и т. д.). Вот почему до сих пор именно в этих регионах существует перманентная напряженность, причем именно по вопросу национальной автономии. Как верно отмечает историк и политолог С. Кара-Мурза:

«Именно «просвещенные» европейцы и американцы несут ответственность за уничтожение миллионов человек в Африке, островах Тихого океана, Южной Америке, Индии и Китае. Есть ли в истории России примеры такого жуткого, тотального геноцида,

какой, например, был устроен на острове Тасмания, население которого было полностью уничтожено колонизаторами? Нет.

Конечно, могут возразить — мол, в Квебеке франкоязычные канадцы нормально живут — и нет там никакого угнетения или притеснения. Чем хуже «советской» модели? Но такие сравнения как минимум странны. Странны хотя бы потому, что франко- и англоязычные выходцы из Европы, Канаду заселявшие, принадлежат к одной европейской цивилизации, и предки их имели теснейшие контакты во время проживания в Старом Свете. Этого нельзя сказать, например, о русских и якутах, туркменах и прибалтах — это народы с огромным различием в менталитете, которые, однако, мирно сосуществовали на просторах СССР. Экономическое и культурное развитие «национальных» регионов страны было тесно взаимосвязано. В это непросто поверить, но во время первых пятилеток в СССР строились десятки городов ежегодно. Города становились индустриальными и культурными центрами, в которых основывались национальные школы, киностудии, Академии наук. Быстрыми темпами создавалась «национальная» культурная и политическая элита, и каждому человеку был доступен широкий выбор путей в жизни, независимо от его национальности. Шансов стать космонавтом, руководителем крупного предприятия или популярным писателем было поровну у выходца из Ленинграда, из-за Уральских гор и из казахстанских степей...»

Глава 2

КТО БЫЛ НИЧЕМ...

Пример героя нашей книги со всей очевидностью подтверждает сказанные выше слова. Шараф Рашидов родился в бедной крестьянской семье и при прежнем, царском режиме вряд ли имел хоть какую-нибудь возможность достигнуть тех высот, которые ему предоставила советская власть. Ведь образование СССР и решение в его рамках национального вопроса означало, прежде всего, подъем культуры и образования именно среди беднейшего населения. Достаточно сказать, что если бы проблема ликвидации неграмотности в России решалась теми же темпами, что при царе, то среди русских неграмотность была бы ликвидирована примерно к концу XX века, в Средней Азии — только через пять веков, а среди народов Сибири и вовсе через тысячу лет.

Именно с вхождением Узбекистана в состав СССР в республике началась активная ликвидация неграмотности. Например, если в 1910 году в Туркестанском крае было всего 476 начальных школ (29 944 учащихся), то уже к 1925 году в Узбекистане было более 2,5 тысячи школ первой ступени (около 200 тысяч учащихся, в том числе 65% коренных национальностей). Кроме этого функционировали почти 100 школ второй ступени (7 тысяч учащихся). При советской власти в Узбекистане в год открывалось порядка 674 школ.

Отметим также, что именно после революции в Узбекистане начали открываться школы для девочек. Первое такое заведение появилось на свет в декабре 1917 года в Ташкенте в махалле Зевак Бешагачской части Ташкента (школа Башарат Джалиловой). В ней учились 42 девочки-узбечки. К 1920 году подобных школ в Узбекистане будет уже несколько десятков: в Ташкенте — 12, в Андижане — 2 и т. д.

После вхождения Узбекистана в состав СССР тысячи детей в городах и отдаленных кишлаках пошли в начальную школу, чтобы в скором времени составить тот контингент молодых людей, который придет на смену своим менее грамотным (а то и вовсе безграмотным) родителям. Не стал исключением и Шараф Рашидов. В 1924 году он переступил порог джизакской школы-семилетки и впервые взял в руки букварь. Как утверждают очевидцы, учеба давалась ему легко, поскольку еще ребенком он отличался от большинства сверстников отличной памятью. Поэтому азы грамоты Шараф постигал быстрее других. А тут еще и сама судьба помогла ему вытянуть счастливый билет. Впрочем, это была история из разряда «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Дело в том, что в конце 20-х годов ушла из жизни мать Рашидова и поскольку отец не мог в одиночку усмотреть за всеми детьми (а их в семье на тот момент было уже несколько), родители покойной взяли Шарафа к себе на воспитание. И в новой семье смышленый мальчишка попал под опеку брата своей матери Хамида Азимова. В ту пору этот человек уже был известен в Узбекистане как весьма одаренный молодой литератор, выступающий под литературным псевдонимом Хамид Алимджан.

В 1926 году, когда Хамиду было всего 17 лет, свет увидел его первый поэтический сборник под названием «Весна», который был тепло встречен литературной общественностью. Много лет спустя известный узбекский поэт Айбек будет подчеркивать символичность этого названия, имея в виду то, что в момент его выхода автор переживал свою «весеннюю» пору в творчестве. Ей соответствовал настрой сборника: оптимистический, романтически приподнятый. Два года спустя Хамид отправился в Самарканд, где с первого же захода поступил в Педагогическую академию, параллельно активно занимаясь и литературным творчеством.

Следуя по стопам своего дяди, выберет свой дальнейший жизненный путь и Шараф Рашидов. Окончив в 1931 году школу-семилетку, он поступит в Джизакский педагогический техникум, где, как и в школе, достаточно быстро проявит себя с лучшей стороны: станет не только лучшим учеником, но и будет избран председателем профсоюзного комитета. Параллельно с учебой Рашидов активно пробовал себя и на литературном поприще: писал стихи, прозу, а также очерки, которые он публиковал в техникумовской стенгазете. Дядя, который наездами бывал в Джизаке, внимательно следил за этими литературными опытами своего племянника и всячески поощрял его на продолжение этой деятельности.

Отметим, что сам Хамид Алимджан в том же 1931 году закончил Педагогическую академию и переехал в столицу, в Ташкент (ею он стал в 1930 году), где еще более активно оказался вовлечен в литературную жизнь. Он устроился работать журналистом, а все свободное время посвящал поэтическому творчеству. Как вспоминал его друг и коллега поэт Уйгун: «Хамид приехал в Ташкент следом за мной... Время было скудное: бумаги не было. Мы писали на длинных узких обрезках, которые брали в типографии, но писалось нам хорошо: наверное, поэтому и у меня и у Хамида навсегда сохранилось пристрастие к узким, длинным бумажным полоскам...».

Именно на таких полосках Хамид написал свою первую известную публицистическую работу: «На пути к овладению социалистическим реализмом», которая в 1933 году вышла в свет отдельной брошюрой. На протяжении нескольких лет после революции в творческой среде СССР шли жаркие дискуссии между представителями разных направлений, однако победу в итоге одержали те, кто пропагандировал социалистический реализм. В советских справочниках этот творческий метод литературы и искусства трактовался следующим образом: «Эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, изображение жизни в свете социалистических идеалов. Важнейшие принципы социалистического реализма: народность, партийность и социалистический гуманизм. Эстетическая платформа социалистического реализма включает как глубину объективного познания (реалистическое начало), так и пафос субъективной активности (преобразующее начало, романтика)».

В марте 1934 года состоялся I съезд писателей Узбекистана, который учредил в республике Союз писателей, куда вошли 37 членов и 11 кандидатов. Хамид Алимджан также стал одним из активных участников этого события. Тогда же произошли изменения и в его личной жизни. Во время одного из мероприятий, проходившем в СП, он обратил внимание на 19-летнюю поэтессу Зульфию Исроилову из Бухары (она тогда училась в Ташкентском педагогическом институте, а параллельно писала стихи, первый печатный сборник которых увидел свет в 1932 году). Плененный ее красотой, Хамид решил познакомиться с девушкой поближе. Но как это сделать, если девушка считалась в литературной среде весьма неприступной особой? И тогда Хамид пошел на хитрость. Под предлогом помощи в гардеробе СП, он повесил пальто Зульфии вместе со своим на одну вешалку, а номерок забрал себе. В итоге это позволило ему после мероприятия не только снова встретиться с девушкой, но и вызваться проводить ее до дома. Так они познакомились. А спустя год (в 1935-м) молодые поженились. Вскоре на свет появилась дочь, которую счастливые родители назвали Хулькар.

Отметим, что еще до свадьбы Шараф Рашидов имел возможность познакомиться с будущей женой своего дяди — они приехали в Джизак для знакомства с родителями жениха. И у них с Зульфией с первых же минут установились достаточно теплые отношения. К тому времени Рашидов уже закончил школу-семилетку и трудился на педагогической ниве — работал учителем в одной из джизакских школ.

В те годы в СССР продолжала осуществляться государственная программа в области народного образования. В июле 1930 года в стране было введено всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8—10 лет. За год до этого в Узбекистане насчитывалось 2 720 школ всех типов, а в 1933 году их уже стало 6444 (509 в городе и 5935 на селе). Число учащихся за это время возросло со 139 800 до 644 300 (145 000 учились в городах и 499 300 в сельской местности). Росло и число учителей: если в 1929 году их было 5400 (2100 работало на селе), то в 1933 году — 19 300 (13 800 работало на селе). Отметим, что 46% учителей составляли лица коренной национальности — узбеки.

V Съезд Советов Узбекской ССР, состоявшийся в январе 1935 года, поставил перед Совнаркомом республики задачу разработать план охвата обязательным семилетним обучением всех детей от 8 до 15 лет. На нужды народного образования были выделены огромные средства — 1162,5 млн. рублей против 395,5 млн.

в годы первой пятилетки (1929—1934). В итоге этой программы за годы второй пятилетки в Узбекистане было построено 539 школ на 35 тысяч мест.

Профессия педагога в те годы в СССР считалась одной из престижных. Не был исключением и Узбекистан, где учитель (укутувчи) в глазах населения был приравнен к сонму самых уважаемых людей, поскольку помогал бедным дехканам освоить грамоту и добиться значительных благ в жизни. Заработная плата у учителей тогда была около 1500— 1700 рублей (отметим, что в конце 20-х она равнялась всего 700 рублям). Для сравнения: 1 кг мяса в середине 30-х стоил 9 рублей 42 копейки, 1 кг сахара — 4 рубля 50 копеек, 1 кг крупы — 4 рубля 14 копеек, 1 кг муки — 2 рубля 63 копейки, 1 кг картофеля — 92 копейки, 1 кг овощей — 58 копеек, бутылка водки 0,5 л — 6 руб., шерстяной мужской костюм — 75 рублей и т. д.

Параллельно с преподавательской деятельностью Рашидов продолжал пробовать себя и как литератор: писал стихи, рассказы, очерки. Часть из них он отправлял как в местные (джизакские) газеты, так и в центральные — например, в самаркандские. В итоге уже очень скоро Рашидов обратил на себя внимание серьезных людей, которые учитывали не только его несомненный литературный талант, но и родство с известным литератором и общественным деятелем Хамидом Алимджаном (родственные связи в Средней Азии всегда были и остаются весьма важным элементом продвижения по служебной лестнице). И вот уже в 1937 году ему поступает предложение от руководства Самаркандской областной газеты «Ленин йули» («Ленинский путь») занять пост ответственного секретаря. Рашидов соглашается, и с этого момента, собственно, и берет старт его руководящая карьера.

В те годы Узбекистан в ходе индустриализации становился крупным промышленным регионом страны и его экономика уже не носила только аграрный характер (как это было десятилетие назад, когда удельный вес сельского хозяйства в народном хозяйстве республики составлял 61,6%, а промышленности — 38,4%). Многие историки отмечают, что этот процесс носил форсированный и подчас жестокий характер. Например, историк Л. Левитин описывает это следующим образом:

«Это была запаздывающая модернизация, модернизация вдогонку за ушедшими на много лет вперед в техническом прогрессе развитыми капиталистическими странами. Отсюда ее предельно форсированные темпы, которые не могли обойтись без огромных социальных потерь. Советская модернизация в Узбекистане

достаточно быстро приобщила страну к техническому прогрессу, к машинному труду. Но в то же время республика была вынуждена развиваться не в результате своей естественной эволюции, не в силу внутренних условий и закономерностей. Модели, программы и сроки навязывались извне, вопреки сложившимся традициям и естественным тенденциям развития узбекского общества. Модернизация в Узбекистане означала столкновение цивилизаций, их элементов, когда железо шло против земли, когда люди одной культуры навязывали свою волю людям другой культуры. Это был молох — страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

В Узбекистане, как и в других национальных республиках, модернизация проводилась в строгом соответствии с политическим диктатом Москвы. Национальные интересы узбекского народа если и интересовали Москву, то только в той мере, в какой они совпадали со стратегическими интересами системы, отвечали ее идеологическим догмам. При этом Узбекистану, как и другим национальным регионам, были навязаны такое разделение труда и такая специализация, которые на многие десятилетия обусловили его зависимость и от центра, и от других республик...».

Все сказанное выше — правда, как правдой является и то, что иной альтернативы, кроме как вхождение в состав СССР, у Узбекистана (как и у других советских республик) не было. Если бы эти республики не объединились под эгидой Москвы, то их рано или поздно прибрали бы к рукам другие ведущие государства. Например, на Узбекистан давно «облизывались» такие крупные европейские державы, как Англия и Франция, поскольку в республике имелись богатейшие земли, климатические условия, позволяющие выращивать хлопчатник и, завладев этим богатством, можно было пошатнуть мировую монополию США в этой сфере. Впрочем, и сами американцы тоже были не прочь прибрать к рукам этот благодатный регион.

Отметим, что при активном участии западных спецслужб еще в 1918 году в Ташкенте был поднят контрреволюционный мятеж под руководством бывшего прапорщика царской армии К. Осипова. Однако этот мятеж, как и многие другие, был подавлен. Но если бы западным странам повезло и они смогли бы навязать Узбекистану свою волю, вряд ли он тогда смог бы стать промышленно развитой республикой и сохранить свою, пусть во многом и «спеленутую», самостоятельность, как это было при СССР. Таким образом большого выбора, по сути, у него в тот период не

было и приходилось жертвовать малым ради того, чтобы сохранить большее.

Между тем характерной особенностью периода индустриализации в Узбекистане было развитие народного хозяйства более быстрыми темпами, чем по Союзу в целом. Все это четко укладывалось в программу большевиков по быстрейшей ликвидации экономической отсталости национальных окраин. Конечно, Центр при этом ставил во главу угла свои проблемы, а не республиканские, имея в виду, что республики должны стать его сырьевыми придатками.

Например, Узбекистану была уготована роль главного поставщика «белого золота» — хлопка, поскольку именно там имелись наиболее благоприятные условия для его культивирования. Несмотря на то, что большое число солнечных дней в году есть во всех республиках Средней Азии (Таджикистане, Туркмении, Киргизии), а также в Казахстане, однако в трех первых из названных республик не имелось в наличие больших площадей поливных земель (хлопок требует немало воды для полива), а в Казахстане приоритет был отдан культивированию зерновых (вместе с Украиной он стал «главной житницей» страны). Кроме этого, Узбекистан всегда отличался от своих соседей наличием большого числа сельского населения, что тоже было немаловажно в деле культивирования хлопка. О том, какое значение для экономики имеет «белое золото», рассказывает один из руководителей Советского Узбекистана Н. Мухитдинов:

«Что такое хлопок, который народы Средней Азии называют «пахта»? В зависимости от сорта, особенностей зон высеивания и других факторов вегетационный период у хлопчатника длится от 100 до 200 дней, а высота главного стебля растений достигает 50—120 см. В каждом растении 10—30 и больше коробочек (кусак) размером с грецкий орех или чуть крупнее, по форме они — шаровидные или яйцевидные, с носиком и звездочкой.

Коробочка хлопчатника — подлинная кладовая богатейших природных ресурсов, каждая содержит 2—10 граммов универсальных средств, называемых хлопком-сырцом.

Выход волокна из каждой коробочки составляет 20—40 процентов, длиной от 25 до 42 мм, которые идут на производство пряжи. Из семян извлекают масло, имеющее самое широкое употребление. Семена, а также оболочка коробочки — сырье, из которого можно изготовить буквально все. Например, жмых — питательный корм, способствующий росту, повышению упитанности, продуктивности скота, улучшению качества мяса и молока; пух и

подпушек — они используются для изготовления искусственного волокна, кинопленки, пластмасс; шелуха — сырье для производства различных синтетических материалов, высококачественных полимеров, не боящихся термообработки, заменяющих металл при изготовлении нагревательных приборов; из семян хлопчатника извлекают госсипол, используемый для производства жаростойких покрытий, лаков, красителей и лекарств.

Из отходов хлопкоочистительных и маслобойных заводов производятся целлюлоза, линолеум, картон, изоляционные материалы. Часть хлопка и пуха используются для изготовления ваты, применяемой в медицине, легкой и мебельной промышленности, а также ватина для производства подкладок, фильтров и других технических изделий.

Из листьев, стеблей, створок и коры изготовляют витамин «Р», каротин, белковые дрожжи, антибиотики, крахмал, веревку, бумагу, картон, различные кислоты, в том числе 15 наименований аминокислот, смолы, соли, более 10 фенольных соединений, около 20 высокомолекулярных углеводов, спиртов, воска и др., более 100 различных химических препаратов, а всего из хлопка вырабатываются свыше тысячи видов продукции, изделий, товаров, медикаментов.

Средняя урожайность хлопка-сырца с одного гектара — 30 центнеров, из этого количества можно произвести 1000—1100 килограммов волокна, 1600—1800 килограммов семян.

Из 1000 килограммов волокна вырабатывают более 10 тысяч метров ткани, а из 1700 килограммов семян — 330 кг масла, 30 кг мыла, 700 кг жмыха, 500 кг шелухи, до 10 кг линта...».

Отметим, что точно такая же роль отводилась Узбекистану и до революции — культивирование хлопка там в промышленных масштабах было начато еще при российских царях. Другое дело, что тогда никакой текстильной промышленности, способной переработать хлопок, в республике не было, поэтому на переработку его везли в Россию. При большевиках этот процесс перенесли в саму республику. И уже с 20-х годов в Узбекистане начали строить мелкие и средние предприятия, перерабатывающие хлопок и другое сельскохозяйственное сырье. За короткие сроки были созданы текстильные и шелкомотальные фабрики, выпускающие первичную продукцию, то есть полуфабрикаты, которые для конечной обработки отправлялись в Россию, на Украину и в Белоруссию. В 1926 году была построена текстильная фабрика в Фергане, в 1928 — шелкомотальная в Маргилане, в 1934 — текстильный комбинат в Ташкенте и т. д. В том же Ташкенте был построен завод по выпуску сельскохозяйственных машин, который зависел от других предприятий России и Украины, так как многие важные комплектующие детали привозились оттуда.

В итоге этих преобразований уже к концу 30-х Узбекистан вошел в число промышленно развитых республик с доходной частью бюджета в 1 миллиард 325,3 миллионов рублей (на 1937 год). Отметим, что в Турции доходная часть тогда равнялась 870,7 млн. рублей, в Афганистане — 195 млн. рублей, в Иране — 170 млн. рублей.

В это же время окончательно утвердился и колхозный строй в республике. Коллективизация в Узбекистане проводилась ускоренными темпами и с большими перегибами, поскольку Центр выдвинул лозунг добиться к концу первой пятилетки, то есть к 1934 году, хлопковой независимости СССР. Поэтому уже к середине 30-х в Узбекистане было создано 9539 колхозов. Это составляло 74,9% всех дехканских хозяйств республики. К концу десятилетия колхозы Узбекистана уже занимали 1-е место в СССР по размерам денежного дохода. Все это было достигнуто республикой за счет сбора «белого золота» (хлопка) — доход от него в том году составил 1 917 млн. рублей. Это привело к тому, что в декабре 1939 года Узбекская ССР была награждена своим первым орденом Ленина, став на этом поприще четвертой республикой в составе СССР (в 1935 году подобной награды удостоились Грузия, Азербайджан и Белоруссия).

Между тем именно в конце 30-х Сталин задумал осуществить кадровую «революцию сверху». После смерти вождя и доклада Н. Хрущева на XX съезде партии в 1956 году в советской историографии утвердилась точка зрения, что эта революция, вызвавшая волну репрессий против партноменклатуры, была связана в основном с личными качествами Сталина: его маниакальной подозрительностью и жестокостью. На самом деле были и другие, куда более значимые причины. Как писал историк В. Кожинов:

«Нетрудно понять, что «замена» более полумиллиона (!) руководителей никак не могла быть проявлением личной воли одного — пусть и всевластного — человека и причины такого переворота неизмеримо масштабнее и глубже пресловутого «культа личности»...

Кардинальные изменения политической линии Сталина в середине 1930-х годов главным образом определялись, надо думать, очевидным нарастанием угрозы войны — войны не «классовой», а национальной и, в конечном счете, геополитической, связанной с многовековым противостоянием Запада и России...»

Судя по всему, в этом противостоянии Сталин опасался опираться на прежнюю элиту («касту проклятую» по его же словам) и решил заменить ее не только более молодой и мобильной, но и национально ориентированной (вместо прежней — космополитической). Естественно, что эта неуправляемая «цепная реакция» репрессий вовлекла в свою орбиту и тысячи ни в чем не повинных людей, но Сталин, видимо, сознательно пошел на это, поскольку иного выхода не видел — смену элит необходимо было провести в кратчайшие сроки. Ему это сделать удалось, и с начала 1939 года волна репрессий пошла на спад.

В Узбекистане происходило то же, что и по всей стране, правда, со своей спецификой. После того, как в 1930 году столицей республики стал Ташкент, представители самаркандско-бухарского клана стали постепенно вытесняться из власти и им на смену стали приходить «ферганцы» и «ташкентцы». Последние даже смогли вытеснить «варяга» — В. Иванова, которого на посту руководителя компартии сменил «ташкентец» Акмаль Икрамов (в 1927-м).

Когда в конце 1930-х в стране началась сталинская кадровая «революция сверху», «самаркандцам» пришлось уступить верховную власть «ферганцам», лидером которых был Усман Юсупов. С 1931 года он занимал пост председателя Среднеазиатского бюро ВЦСПС (профсоюзы), а в 1937-м стал 1-м секретарем ЦК КП(б) Узбекистана вместо репрессированного «ташкентца» А. Икрамова («глазами и ушами» Москвы подле Юсупова будут 2-е секретари, которые всегда назначались Центром из русскоязычных: сначала это будет Павел Яковлев, в 1940-е — Константин Ефимов). Отметим, что репрессированными также оказались двое председателей Совнаркома республики: уже известный нам «бухарец» Файзулла Ходжаев (1925—1937) и сменивший его «ташкентец» Султан Сегизбаев (1937—1938). А вот председатель республиканского ЦИКа «ферганец» Юлдаш Ахунбабаев (узбекский Калинин, как его называли в республике) останется на своем посту вплоть до самой смерти в 1943 году.

Это была не первая «чистка» партийных рядов в Узбекистане. Первая случилась в самом начале 30-х, когда компартия «похудела» почти на 40 тысяч человек (вместе с кандидатами), а к 1937 году отсеву подверглись еще около тысячи членов. С 1938 года начался новый активный рост рядов КП Узбекистана и к началу войны в ней уже было более 72 тысяч членов (по сравнению с 1937-м рост составил более 42 тысяч человек). В основном это были молодые люди, многие из которых, минуя сразу несколько служебных ступенек, сумели быстро сделать карьеру в партийных рядах.

Среди этих людей суждено было оказаться и Шарафу Рашидову. Ему в ту пору было всего 20 лет, но у него уже появилась прекрасная возможность себя проявить. И он своего шанса не упустил. Буквально за считанные годы (1937—1941) прошел путь от ответственного секретаря до редактора газеты. В 1939 году вступил в ряды ВКП(б).

Отметим, что восхождение Рашидова вверх по карьерной лестнице было типичным для тех лет. Практически все будущие члены Политбюро, кто будет править страной вместе с Рашидовым в 1960-е — 1970-е годы, начали свое восхождение к вершинам власти именно тогда — в годы сталинской кадровой «революции сверху». Так, Леонид Брежнев в 1938 году перешел на партийную работу (стал заведующим отделом в Днепропетровском обкоме) с поста директора техникума. Юрий Андропов в 1937 году стал секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ, за год до этого закончив Рыбинский техникум водного транспорта. Алексей Косыгин до 1938 года был директором прядильно-ткацкой фабрики в Ленинграде, после чего был назначен на должность заведующего отделом Ленинградского обкома ВКП(б). Андрей Громыко, закончив экономический институт, трудился в Институте экономики АН СССР, после чего в 1939 году был призван на дипломатическую службу.

Однако было бы неверным объяснять восхождение этих людей к вершинам власти исключительно историческими причинами. Был в этом и субъективный фактор, то есть — личные качества этих людей. Например, у Рашидова это были целеустремленность, трудолюбие, гибкий ум и, конечно же, честолюбие. Не будь всех этих качеств, Рашидов никогда бы не смог добиться того, чего он достиг в жизни: восхождения на самый верх советской системы.

Глава 3

ДЕСНИЦА ТИМУРА

На посту редактора газеты Рашидова застала Великая Отечественная война. Между тем последней значимой журналистской акцией, в которой он участвовал буквально накануне войны, стало вскрытие гробницы великого Амира Тимура. Так зва-

ли древнего властителя Узбекистана, который правил страной с 1370 по 1405 год. Это он создал мощное государство со столицей в Самарканде, которое под его руководством разгромило Золотую Орду, а также покорило Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию. С Тимура взяла свое начало династия Тимуридов, которая правила в Средней Азии до 1507 года (наиболее известными правителями этой династии, кроме самого Тимура, были: Шахрух (1377—1447), Улугбек (1394—1449), Бабур (1483—1530; последний основал в Индии в 1526 году династию Великих Моголов).

После смерти Тимур нашел вечный покой в усыпальнице Гур-Эмир в Самарканде (там же будут похоронены и все остальные тимуриды). Причем с момента погребения вход туда большинству простых смертных был строго запрещен и к могилам могли приближаться только несколько избранных мулл. Поэтому в предвоенные годы у многих ученых возникли серьезные сомнения в том, что великий Тимур похоронен именно в Гур-Эмире (например, академик Кара-Ниязов был уверен, что тело древнего правителя Узбекистана покоится в Афганистане, а ряд других ученых считали, что его прах спрятан в каком-нибудь богом забытом мавзолее в Шахрисабзе).

У этих версий были веские причины для существования, поскольку Тимур умер во время похода в Китай и тело его сразу похоронить не смогли и перевозили с места на место. В итоге в годы советской власти несколько раз поднимался вопрос о том, чтобы вскрыть гробницу Тимура и убедиться в том, что она не пуста. Однако церковные власти были категорически против подобного святотатства. В качестве одного из аргументов они приводили слова, которые были начертаны на могильных плитах в Гур-Эмире: «До нас были великие и будут после нас. Если же кто-то вознесется над другими, потревожит прах предков, то пусть постигнет его страшная кара».

Ситуация изменилась летом 1941 года, когда в дело вмешался сам Сталин. Согласно легенде, вождь всех народов с большим пиететом относился к Тимуру и, якобы, даже свою партийную кличку, ставшую затем фамилией — Сталин, придумал в честь древнего правителя Узбекистана (Тимур в переводе означает «стальной», «железный»). Говорят, что во второй половине 1930-х, когда по заданию Сталина в школах был введен новый учебник истории, туда было внесено и упоминание о Тимуре, как о правителе, который разбил Золотую Орду и спас Русь от ига.

Сталин убедил узбекское руководство в том, что вскрытие гробницы Тимура необходимо не только для научных целей, но и для пропагандистских. Мол, знаменитый скульптор Михаил Герасимов готов восстановить по скелетным останкам подлинный внешний облик Тимура и это даст возможность узбекам любоваться им не только на фресках (где был запечатлен условный облик великого правителя), а, так сказать, в натуральном виде. И хотя сомнения в правильности этого предложения все равно оставались, однако тогдашний руководитель Узбекистана Усман Юсупов не решился возражать Сталину.

Вскрытие гробницы Тимура было назначено на вторую половину июня 1941 года. В группу исследователей, которая должна была осуществить эту акцию, вошли: упоминаемые выше академик Кара-Ниязов (руководитель) и скульптор Герасимов, а также востоковед Семенов (он в совершенстве знал древние языки), писатель Садриддин Айни (он собирался написать роман о Тимуре), кинооператор Малик Каюмов (именно он снимал на камеру первую женщину Узбекистана, отказавшуюся от паранджи — 13-летнюю Таджихон Шадиеву, а также запечатлел на пленку первых безграмотных узбечек, которые пошли учиться в школу — фильм «13 ласточек» — и многие другие эпохальные для советского Узбекистана события). Всего в группу исследователей вошло около десяти человек.

Между тем желающих попасть в знаменитую гробницу, куда нога большинства простых смертных никогда еще не ступала, было значительно больше и все они в те дни толпились у мавзолея. Был среди этих людей и 23-летний Шараф Рашидов, который специально пришел к гробнице, чтобы написать статью об ее вскрытии. Шансов на то, чтобы его мечта сбылась у Рашидова практически не было, однако случилось настоящее чудо. Ему удалось познакомиться с оператором Маликом Каюмовым и тот согласился взять его в свои помощники во время спуска в усыпальницу Тимура.

Вскрывать гробницы начали не с гроба Тимура, а с гробов его родственников-тимуридов (всего в усыпальнице было девять могил). Очередь до Тимура дошла только 21 июня. Однако едва рабочие стали отодвигать могильную плиту в сторону, как в усыпальнице разом погасли все осветительные приборы. Был немедленно объявлен перерыв и люди поспешили наверх.

И там с Каюмовым произошла поистине мистическая история.

К нему подошел незнакомый человек и сообщил, что в ближайшей чайхане с ним хотят встретиться некие старики. Оператор отправился на встречу. И действительно застал в чайхане трех стариков в халатах и тюбетейках. В руках одного из них он заметил старинную книгу. Именно этот старик обратился к оператору со странным заявлением. А сказал он следующее: «Запрети своим людям дотрагиваться до Тимура. Иначе будет очень плохо». Однако, увидев по лицу оператора, что тот им не очень доверяет, старик раскрыл перед гостем книгу и попросил его прочитать верхнюю строчку. А там значилось: «Прах великого Тимура не тронь, иначе начнется война!». Только тут Каюмов понял, что это не розыгрыш, и немедленно поспешил к своим коллегам. По его же словам:

«Коллеги подняли меня на смех, хотя и последовали в чайхану. Писатель-соцреалист Айни начал издеваться над стариками на фарси: «Сейчас погоню вас палками!». Мне стало стыдно за поведение моих старших товарищей. Но что я мог? Старики поджали губы, закрыли книгу и исчезли в ближайшей подворотне. Я бросился за ними, чтобы просить сняться на пленку вместе с их странным фолиантом, но стариков уже и след простыл. К этому моменту свет в подземелье был снова включен. Антрополог Герасимов отодвинул крышку последнего гроба. И, ликуя, извлек на свет божий кости ноги с огромной шишкой в коленной чашечке (согласно летописям, Тимур в одном из сражений был ранен в ногу и с тех пор хромал. — *Ф.Р.*). Эту кость передавали из рук в руки как величайшую драгоценность. Сенсация произошла. Мы все-таки нашли нашего Великого хромца!..».

Однако ликование исследователей длилось не долго — до следующего дня. Воскресным утром 22 июня 1941 года по радио сообщили, что на Советский Союз напала фашистская Германия. То есть предупреждение старцев полностью подтвердилось. Потрясенные этим открытием, исследователи немедленно позвонили руководителю Узбекистана Усману Юсупову и рассказали ему о встрече со старцами. На что Юсупов буквально закричал, что надо было сразу же сообщить ему об этой встрече, а теперь уже поздно. «Я снимаю с себя всякую ответственность!» — заявил глава республики и бросил трубку.

В тот же день экспедиция была свернута. Гробницу Тимура привели в надлежащий порядок, однако череп великого правителя было решено переправить в Москву с тем, чтобы Герасимов все-таки восстановил внешний облик древнего правителя для истории.

Глава 4

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ...

Тем временем вся страна поднялась на борьбу с фашистскими оккупантами. Поскольку уже с первых дней войны советские войска начали отступать под натиском агрессора, руководство страны приняло решение срочно эвакуировать многие промышленные предприятия и учреждения в глубь страны — на Урал и в Среднюю Азию. Именно в Ташкенте во время войны развернула свою деятельность часть киноработников московских киностудий (остальные сотрудники были рассредоточены по другим среднеазиатским республикам).

В годы войны в Узбекистане нашли убежище сотни тысяч людей. Так, только одних детей за годы войны туда было эвакуировано около 200 тысяч, причем большая их часть была взята жить в узбекские семьи. Например, семья кузнеца Шаахмеда Шамахмудова взяла к себе 14 детей разных национальностей.

Мало кто знает, что больше года в Ташкенте прожил будущий кумир миллионов советских людей актер Андрей Миронов, который оказался в Узбекистане в возрасте... 6 месяцев. Приехал он туда вместе со своими родителями — популярными эстрадными артистами Александром Менакером и Марией Мироновой — и прожил в Ташкенте до октября 1942-го.

Как пишет историк Л. Левитин: «В истории узбекского народа годы войны — один из «звездных часов». В дни общенародного горя словно от прикосновения волшебной палочки ожили души людей, надломленные годами унижений, пробудились от века присущие узбекам терпеливость и терпимость, сострадание и доброта. За свою жизнь мне довелось беседовать со многими людьми, эвакуированными во время войны в Узбекистан, прожившими там эти тяжелые годы. И все они, без исключения, с теплотой и благодарностью вспоминали о Ташкенте и Самарканде, Андижане и Фергане, о тех людях, которые делили с ними хлеб, кров, тепло очага. И все они могли повторить сказанное Анной Ахматовой (тоже эвакуированной в Ташкент): «Кто мне посмеет сказать, что здесь злая чужбина?»...»

Тем временем уже к концу 1941 года почти половина всех промышленных предприятий Ташкента перешла на полный или частичный выпуск военной продукции. Кроме этого в городе были размещены более 100 предприятий, эвакуированные из дру-

гих регионов страны. К началу следующего года в Ташкенте действовало 137 предприятий, из которых почти половина (64) выпускали военную продукцию. В городе также действовали более 20 госпиталей (общее число коек — 7650), 23 научно-исследовательских учреждения. Помимо кинематографистов в Ташкенте тогда жили и работали сотни других специалистов: например, одних крупных ученых и научных работников из Академии наук СССР было 375 человек (отметим, что в 1943 году в Узбекистане будет создана своя собственная Академия наук).

Шараф Рашидов застал лишь начало этого процесса, поскольку тем же летом 41-го (в августе) был призван в Красную Армию. Он был отправлен в пехотное училище, расположенное в столице Киргизии городе Фрунзе. И уже с первых же дней курсантов стали активно готовить к боевым реалиям: каждый день они совершали марш-броски в горах, учились стрелять, окапываться и т. д. Учеба должна была длиться около четырех месяцев, но все произошло куда быстрее. Уже в конце октября, из-за тяжелой ситуации на фронте, три батальона курсантов и весь сержантский состав Фрунзенской «пехотки» погрузили в эшелоны и отправили в действующую армию.

К тому моменту враг неумолимо рвался к Москве и Ленинграду. Так, широкомасштабное наступление на столицу началось 30 сентября ударом соединений правого крыла группы армий «Центр» по войскам Брянского фронта. На рассвете 2 октября группа армий «Центр» нанесла удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Как и в начальный период войны, в голове наступавших фашистских войск шли танковые соединения, поддерживаемые авиацией. Главный удар танковые дивизии наносили на узких участках фронта, вдоль основных коммуникаций, ведущих к Москве.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и под Ленинградом. Наступление немецко-фашистских войск на северную столицу началось 10 июля с рубежа реки Великая. Враг рассчитывал в течение двух месяцев смять оборону города и уже к осени полностью захватить его. Но этот план потерпел поражение — Ленинград стоял насмерть. Однако, прорвавшись через станцию Мга и овладев 8 сентября Шлиссельбургом (Петрокрепостью), фашисты сумели отрезать Ленинград с суши и установили блокаду города. В октябре враг начал новое наступление — попытался прорваться к реке Свирь, чтобы соединиться там с финскими войсками и осуществить полную блокаду Ленинграда. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, фашистам удалось 8 ноября захватить город Тихвин и перерезать железнодорожную магистраль, по которой шли грузы в Ленинград. Ситуация складывалась тяжелая. Именно в этот момент Ставка Верховного Главнокомандования и приняла решение перебросить на московское и ленинградское направления свежие силы — соединения с Дальнего Востока и из Средней Азии.

Отметим, что в годы войны на советско-германском фронте воевало более 330 тысяч узбеков. По этому показателю они занимали 7-е место среди других национальностей СССР (1-е было у русских — 19 миллионов 650 тысяч призывников; 2-е у украинцев — 5 миллионов 320 тысяч; 3-е у белорусов — 964 тысячи; 4-е у татар — 511 тысяч; 5-е у евреев — 434 тысячи; 6-е у казахов — 341 тысяча).

Еще в июле Сталин обратился к советским гражданам с речью, где рассматривал войну с фашистской Германией не как обычную войну между армиями, а «войну всего советского народа», «всенародную отечественную войну», «войну за свободу нашего Отечества». Не забыл вождь и национальные аспекты этой войны. Он говорил об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, узбеков, грузин, армян, азербайджанцев, молдаван, татар, литовцев, латышей и других народов Советского Союза, угрозе их онемечения, их превращения в рабов немецких князей и баронов. Как пишет историк А. Вдовин:

«В идеологической области все годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору войны, когда довоенная армия была, по сути дела, уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования, в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, проявлялось и недоверие к некоторым народам, дружба народов в целом выдержала тяжелое испытание...».

Да, именно в годы войны прошла испытание боем та самая дружба народов, о которой на протяжении почти четверти века говорили и писали большевики. До этого все их декларации на этот счет в основном носили чисто теоретический характер, а в 1941-м настало время подлинной практики. И она со всей очевидностью доказала всему миру истинную мощь первого в мире многонационального государства. Ведь той же царской России создать дееспособный союз Центра и национальных окраин так и не удалось. Об этом говорили многочисленные факты, в том числе и восстание в Средней Азии, которое случилось за год до падения царизма — в 1916 году.

Поводом к нему стала мобилизация жителей этого региона (узбеков, казахов, киргизов и туркменов) на Первую мировую войну. Причем новобранцев предполагалось использовать не в качестве солдат на передовой (давать им в руки оружие царская власть опасалась), а всего лишь как чернорабочих в тылу (на строительстве траншей, окопов, блиндажей и т. д.). Однако даже эта безопасная работа возмутила призывников, которые не захотели служить царскому режиму. В итоге 32-летний казах Алиби Джангильдин поднял восстание, собрав под свои знамена более 20 тысяч воинов.

Отметим, что восставшим не хватало оружия, поэтому они обходились подручными средствами: сами ковали ножи, пики, изготовляли порох для берданок, отливали пули. Часть оружия захватывали у правительственных войск, нападая на их склады. Как ни старалась царская власть подавить это восстание, сделать это ей так и не удалось. Что неудивительно, поскольку это было настоящее национально-освободительное восстание, в котором объединилась вся Средняя Азия: в одном ряду плечом к плечу сражались как бедные слои населения, так и зажиточные.

Спустя каких-нибудь два года тот же Алиби Джангильдин с теми же воинами воевал уже на стороне большевиков, сформировав первые казахские части Красной Армии, которые бились насмерть с войсками атамана Дутова, белочехами и колчаковцами. За свои подвиги А. Джангильдин был награжден орденами Ленина и Боевого Красного Знамени. В войне 1941—1945 годов Джангильдин военного участия не принимал, однако, будучи заместителем председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР, участвовал в формировании отрядов для отправки на фронт, а также налаживал работу эвакуированной в Казахстан промышленности.

У узбеков таким человеком был Юлдаш Ахунбабаев, который, будучи выходцем из состоятельной семьи кашгарских (уйгурских) эмигрантов, после революции устанавливал Советскую власть в Узбекистане, боролся с басмачами, а потом долгие годы находился на руководящей государственной работе: возглавлял ЦИК (1925—1938) и Президиум Верховного Совета Узбекской ССР (1938—1943).

Скажем прямо, у кремлевского руководства поначалу были сомнения в том, что народы СССР в тяжелую годину единым фронтом поднимутся на борьбу с фашизмом. В конце сентября 1941 года, встречаясь в Москве с координатором американской программы ленд-лиза У.А. Гарриманом, Сталин обронил следующие слова: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию...».

Произнося эти слова, вождь в первую очередь имел в виду русский народ, составляющий большинство в СССР. Однако подспудно речь шла и о других народах, населявших страну и которые могли иметь серьезные претензии по отношению к Центру. Однако последующие события наглядно продемонстрировали и Москве, и всему миру, что все нанесенные советской властью обиды для жителей советских окраин отступили в сторону, и они в едином порыве взялись за оружие, чтобы защитить и советскую власть, и свои национальные интересы. По этому поводу уместно привести интересный документ — письмо воинов-узбеков, воевавших в составе войск 1-го Белорусского фронта, опубликованное в тогдашней советской печати. Приведу из него лишь небольшой отрывок:

«Война расширила наше понятие о Родине — священнейшей из всех святынь. Мы не могли и не можем представить себе великой Родины — Советского Союза — без нашего солнечного Узбекистана. Но теперь мы с особой остротой чувствуем, что Родина несравненно больше и шире, чем только Узбекистан. Нет нам Родины без единого союза братских народов, населяющих СССР! Нет нам Родины и жизни без ясного московского неба... Родина для нас — это и волжские берега, и степи Украины, и леса Белоруссии, обильно политые нашей кровью...».

Между тем понимая, что одной силой коммунистической идеологии врага не одолеть, высшее руководство страны обратилось за помощью... к религии. В итоге уже с осени 1941 года начались определенные подвижки в этом направлении. Например, в кинохронику стали включаться немыслимые еще недавно кад-

ры: колокольный звон московских церквей; крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами; встречи армейских колонн в освобожденных городах местными жителями с иконами; освящение танковой колонны, построенной на пожертвования верующих и т. д. Дальше — больше.

Весной 1942 года власти впервые способствовали организации празднования православной Пасхи. А в октябре следующего года был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. Затем дошла очередь и до других религиозных объединений. Так, в дополнение к Духовному управлению мусульман, которое находилось в Башкирии (в Уфе), были созданы еще три самостоятельных управления: Средней Азии (в столице Узбекистана Ташкенте), Закавказья (в столице Азербайджана Баку) и Северного Кавказа (в Буйнакске). Эти управления занимались патриотическим воспитанием мусульман, собирали средства для семей фронтовиков и на постройку боевой техники, призывали верующих на перевыполнение плановых заданий и т.д.

О героических деяниях воинов-узбеков, призванных на фронт, наглядно свидетельствуют цифры. Так, более 120 тысяч призывников из Узбекистана за мужество и героизм были награждены орденами и медалями. 282 воина-узбека были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди последних: бухарец Азим Рахимов, ферганец Тохтасин Ахмедов, хорезмиец Сатым Нурматов, самаркандец Ишанкул Исмаилов, ташкентец Салих Умаров и др.

Рашидов тоже трусом не был и, будучи, по сути, необстрелянным новобранцем, вынужден был с ходу включиться в грандиозное сражение, развернувшееся на подступах к Москве в составе войск Северо-Западного фронта (командующий — генерал-лейтенант П. А. Курочкин), который растянулся от озера Ильмень (у Старой Руссы) до озера Селигер (у Осташкова). Причем ему, южанину, было особенно тяжело, поскольку морозы в те дни достигли отметки в 40 градусов (в Узбекистане таких морозов никогда не бывает). Однако Рашидов, как и тысячи других его земляков, плечом к плечу с представителями других народов СССР героически отражали атаки противника, прекрасно понимая, что значит для всей сражающейся страны падение Москвы. 3 ноября газета «Правда» в передовой статье отмечала следующее:

«Перед всеми нашими бойцами Можайского, Малоярославецкого, Волоколамского и Калининского направлений, перед

всеми воинами, обороняющими подступы к Москве, стоит теперь величайшая историческая задача — выдержать и этот новый напор гитлеровских полчищ, встретить его железной стойкостью, мужеством, самоотверженностью... Мы должны истощить, измотать, обескровить фашистскую армию, похоронить на подмосковных землях новые немецкие дивизии. Мужественной защитой родной Москвы мы покажем путь к победе всем нашим войскам, дерущимся на других фронтах Великой Отечественной войны. Таков великий смысл происходящих и предстоящих битв».

Самоотверженность бойцов Красной Армии, состоявшей из людей самых разных национальностей, дала превосходный результат — фашисты были отброшены от стен Москвы. Контрнаступление советских войск началось 5—6 декабря и в нем приняли участие войска Калининского, Западного, правого крыла Юго-Западного (с 18 декабря — Брянского) и Северо-Западного фронтов. Последний силами четырех армий (27-я, 34-я, 3-я и 4-я ударные) наносил удары в направлении городов Малое Ельно, Холм, Торопец, Нелидово. Кроме этого, правое крыло Северо-Западного фронта участвовало в контрнаступлении на ленинградском направлении с целью отбросить соединения группы армий «Север» за реку Волхов.

16 декабря был освобожден город Калинин. Как написано в многотомной энциклопедии «История Великой Отечественной войны»: «Вступление частей Красной Армии в Калинин превратилось в незабываемый праздник для жителей города. На улицы вышли женщины, старики, дети. Они обнимали бойцов и командиров, горячо благодарили их за избавление от фашистского ига, со слезами на глазах рассказывали о зверствах и разрушениях, чинимых гитлеровцами в Калинине. За короткий срок оккупации города немецкие захватчики вывели из строя городской транспорт, водопровод, средства связи. Фашисты сожгли здания городского театра, областного Совета депутатов трудящихся, областной клинической больницы, музея. В городе замерла торговля. Тысячи людей голодали.

Фашисты дорого заплатили за свои злодеяния. В боях за Калинин советские войска нанесли поражение шести немецким дивизиям, то есть половине состава 9-й армии. Только убитыми противник потерял свыше 100 тысяч солдат и офицеров. Наши войска захватили 31 танк, 9 самолетов, около 1900 орудий разных калибров, до 1 тысячи автомашин, 160 минометов, 303 пулемета, 4500 винтовок, 21 тысячу снарядов, 500 тысяч патронов...».

Разгром фашистов под Москвой и сопротивление жителей Ленинграда стали предвестниками будущей победы народов Советского Союза на гитлеровской Германией. Уже тогда многим стало ясно (в том числе и руководству Третьего рейха), что страна, которая так героически бьется буквально за каждую пядь своей земли (отметим, к примеру, что Франция капитулировала через 44 дня после начала войны), не может быть побежденной. Например, Ленинград. Взятый в кольцо врагом, холодный и полуголодный город являл всему миру чудеса мужества и стойкости. Всему миру тогда казалось, что жизнь в этом городе должна остановиться, а вместо этого там... справляли 500-летие великого просветителя Востока, узбека Алишера Навои. По этому случаю в декабре 1941 года в Эрмитаже был устроен торжественный вечер, на который собрались видные советские ученые, писатели, государственные и партийные деятели. Председательствовал на вечере академик И. А. Орбели. Вот как описывал происходящее там поэт Всеволод Рождественский:

«В эту минуту (когда со вступительным словом выступал И. Орбели. — *Ф.Р.*) мощный, глухой удар заставил содрогнуться воздух, и сразу же грянул второй удар, и на Неве взметнулся, рассыпая брызги и осколки льда, водяной столб. Фашисты обстреливали невские мосты.

— Спокойно, товарищи! — произнес, почти не повышая голоса, Орбели, — заседание продолжается...

И все остались на прежнем месте... Собрание продолжалось... Читались стихи из сокровищницы Навои, где все говорит о любви, светлой и вечной, облагораживающей сердце человека. И этот вечный призыв к Жизни и Счастью звучал как вызов дикому варварству и насилию. Стихи пятисотлетней давности звучали так, точно родились сейчас, в год жестокой и беспощадной борьбы Добра и Правды с мировым злом фашизма. В трагической тьме тяжелых испытаний образ свечи, зажженной гением Навои, становился не только образом Любви и Света, но и символом победы над царством тьмы в пору самых горестных волнений и тревог...».

Тем временем в январе 1942 года войска Северо-Западного фронта совместно с правым крылом Калининского фронта (командующий — генерал-лейтенант И. Конев) провели Торопецко-Холмскую операцию, в результате которой удалось прорвать оборону 16-й фашистской армии группы армий «Север» и продвинуться на 250 километров, обойдя с запада ржевско-вяземскую и глубоко охватить с юга демянскую группировки противника.

К тому времени Рашидов был выбран секретарем бюро ВЛКСМ батальона 38-й гвардейской дивизии. В архивах Министерства обороны СССР содержатся донесения о личной храбрости политрука Ш. Рашидова, проявленной им в боях. За это мужество в начале 1942 года он был награжден орденом Красной Звезды. Наград могло быть и больше, если бы не тяжелое осколочное ранение, которое Рашидов получил во время одного из боев.

Глава 5

ЖУРНАЛИСТ И ПИСАТЕЛЬ

Лечение Рашидов проходил вдали от фронта — в городе Ревда Свердловской области. После нескольких месяцев пребывания там медики пришли к выводу, что дальнейшее прохождение воинской службы для Рашидова невозможно, поскольку ранение дало осложнение на сердце. В итоге его комиссовали и вернули на родину, в Джизак, предписав выбрать себе работу поспокойнее. Однако время тогда отнюдь не располагало к созерцательной деятельности. И Рашидов устроился работать директором школы, в которой некогда сам учился. Поскольку в то время в Узбекистане ощущалась серьезная нехватка учителей (многие ушли на фронт), Рашидову пришлось совмещать директорскую должность с преподавательской. Время было тяжелое: не хватало учебников, письменных принадлежностей, а из-за отсутствия преподавателей многие школы приходилось соединять: только в 1942 году такому объединению подверглись 110 школ. Чтобы восполнить недостаток педагогов, в республике были организованы курсы подготовки учителей (в 1943 году эти курсы выпустили 16 тысяч преподавателей).

Как вспоминают очевидцы, Рашидов достаточно споро справлялся со своими обязанностями. Причем, все из-за той же нехватки педагогов, ему приходилось вести сразу несколько предметов: литературу, историю, русский язык. И у него это хорошо получалось, учитывая, что Рашидов, как мы помним, обладал феноменальной памятью. Еще в молодости, когда он чуть ли не запоем читал книги по самым разным направлениям, он сумел обогатить свою память знанием многих интересных фактов и событий. Например, он знал множество разных легенд и преданий как из истории своего, так и других народов СССР. Теперь все это с лихвой пригодилось ему в его преподавательской деятельности.

Между тем Узбекистан продолжает вносить свою посильную лепту в общую победу над врагом. Достаточно сказать, что если валовая продукция промышленности республики в 1940 году равнялась 2 миллиардам 189,9 миллионам рублей, то в 1943 году она уже равнялась 3 миллиардам 185,1 миллионам рублей. Из них значительную часть составила стоимость вооружения и боеприпасов. Кроме этого, Узбекистан продолжал давать стране «белое золото» (хлопок), а также «черное золото» (уголь). Если в 1940 году республика выдала «на гора» 3,4 тысячи тонн угля, то в 1943 году эта цифра составила 72,5 тысячи тонн. Выпуск химической продукции увеличился в 7,5 раза, добыча нефти — более чем в три раза. Всего за время войны в Узбекистане было введено в строй 280 новых промышленных предприятий. А колхозы республики сдали государству почти на 8,5 млн. пудов хлеба больше, чем в последнем предвоенном году. Кроме этого они продали государству около 2 млн. пудов из личных запасов.

Со сдачей хлопка ситуация выглядела несколько иначе. Если в 1940 году республика сдала 1383 тысячи тонн, то в 1943 году всего около 500 тысяч (то есть, недостача составила 1 миллион тонн!). Это было следствием нехватки людских ресурсов, техники, а также удобрений. В итоге в начале 1944 года Усмана Юсупова вызвали в Москву на заседание Оргбюро, где кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков чуть ли не с порога бросил реплику: «Товарищ Юсупов, в такое тяжелое для страны время Вы хотите оставить армию и народ без штанов?». Покинул высокий кабинет руководитель Узбекистана со строгим выговором, который в перспективе не сулил ему ничего хорошего.

Огорченный несправедливостью своего наказания, Юсупов тем же вечером, прямо из номера гостиницы, позвонил Лаврентию Берии. Выслушав его претензии, тот произнес только одну фразу: «Немедленно приезжай ко мне». Когда Юсупов приехал, Берия повез его на дачу к Сталину. И там произошло неожиданное — вождь не дал в обиду Юсупова. Более того, даже сделал ему подарок. Когда Юсупов вошел в кабинет Сталина и мельком взглянул на настенные часы, вождь поинтересовался: «Товарищ Юсупов, у тебя нет часов?». Получив утвердительный ответ, Сталин тут же подарил гостю свои собственные наручные часы (этот эпизод много позже будет отражен в художественном фильме о Юсупове, снятом узбекскими кинематографистами).

Результатом этой встречи станет то, что строгий выговор Юсупову будет отменен, а союзным министерствам будет дано указание оказать нужную помощь Узбекистану в сборе хлопка.

В итоге осенью того же 1944 года республика выполнит план по сдаче хлопка государству: будет сдано 820 тысяч тонн, что на 325 тысяч тонн больше, чем в предыдущем году. Всего же за годы войны Узбекистан сдал государству 4 миллиона 800 тысяч тонн «белого золота».

Отметим также, что за годы войны трудящиеся Узбекистана внесли из личных сбережений в фонд обороны 650 миллионов рублей, кроме этого в этот фонд поступило 4226 млн. рублей от государственных займов, выкупленных населением республики. На эти средства были построены танковые колонны и эскадрильи «Советский Узбекистан», «20 лет Узбекистана», «Колхозник Узбекистана», «Комсомолец Узбекистана», которые геройски сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Чуть меньше года Рашидов пробыл на посту директора школы. Затем, учитывая его предвоенный журналистский опыт, его вернули на прежнюю работу — назначили редактором все той же самаркандской областной газеты «Ленин йули» («Ленинский путь»). А спустя год — в июле 1944 года — Рашидов делает очередной шаг наверх: переходит на партийную работу. И это вполне объяснимо. Во-первых, в пору своего редакторства он проявил отменные качества руководителя, знающего людей и умеющего с ними работать, во-вторых — в те годы в партийных органах страны остро ощущалась нехватка опытных кадров, поэтому такие деятели, как Рашидов (молодые, амбициозные, да еще с фронтовым опытом) нужны были партии позарез. Все это и приводит к тому, что Рашидова назначают секретарем Самаркандского обкома ВКП(б), причем доверяют ему один из самых ответственных участков — подбор кадров. Все это было не случайно, а прямо вытекало из личностной характеристики Рашидова: ведь он не только хорошо разбирался в людях, но и умел налаживать с ними нужный контакт.

Отметим, что работа на этом посту самым существенным образом поможет Рашидову в его дальнейшей карьере: он наберется определенного опыта в партийных делах и познакомится с людьми, которые в скором времени помогут ему в дальнейшем восхождении на самый верх политического Олимпа.

Между тем возвышение Рашидова совпало с трагедией в его семье: 3 июля из жизни ушел его дядя Хамид Алимджан. Отметим, что на тот момент слава его уже гремела на всю страну. А в самом Узбекистане Алимджан был одним из самых влиятельных литераторов, с 1939 года возглавляя республиканский Союз писателей (в 1943 году он стал членом-корреспондентом Академии

наук Узбекистана). Его перу принадлежали такие произведения, как поэмы «Айгуль и Бахтияр» (1938), «Симург» и «Край» (обе — 1939), «Счастье» (1940), «Зейнаб и Аман» (1941). Не менее плодотворно развивалась творческая карьера Алимджана и в годы войны, когда он написал еще целый ряд значительных произведений: сборник стихов «Возьми оружие в руки!» (1942), историческую драму «Муканна» (1943), поэму «Слезы Роксаны» (1944).

Смерти Алимджана сопутствовала нелепая случайность. В тот день он возвращался в Ташкент из области на грузовике. Причем ехал в кузове вместе с четырнадцатью своими коллегами-писателями. На одном из поворотов водитель не справился с управлением и грузовик перевернулся. Пострадали все, кто находился в кузове, получившие травмы различной тяжести. Однако только у одного человека эти травмы оказались несовместимы с жизнью — у Алимджана. На момент смерти ему было всего 34 года.

Отметим, что жена Алимджана поэтесса Зульфия (по фамилии — Исроилова — в Узбекистане ее никто не называл) после гибели мужа больше ни с кем не свяжет свою судьбу. В одном из своих стихотворений она напишет: «Как лед разлуки потускнел мой голос, живу одна, на сердце камень положив». На похоронах мужа Зульфия поклянется писать двумя карандашами — за него, и за себя. И каждую весну, которую он так любил, Зульфия будет посвящать ему одно стихотворение.

Что касается Рашидова, то для него гибель дяди была не меньшей трагедией. Ведь именно этому человеку он был многим обязан, в том числе и тем, что литература стала одним из главных дел в его жизни. Поэтому, когда Рашидов станет руководителем Узбекистана, он много сделает для того, чтобы увековечить память о Хамиде Алимджане в республике. Но вернемся в середину 1940-х.

Партийная должность Рашидова не становится преградой для его второй ипостаси — литературной деятельности. В ту пору он продолжает писать, причем как прозу, так и стихи. Естественно, учитывая фронтовой опыт Рашидова, многие тогдашние его произведения посвящены войне. И вот уже в 1945 году в свет выходит его дебютная книга стихов «Мой гнев», посвященная победе советского народа над фашистской Германией. Нельзя сказать, что стихи Рашидова представляли из себя нечто необычное — они вполне укладывались в русло официальной советской поэзии. Однако их несомненным достоинством было то, что в основе каждого из них лежали мысли и чувства человека,

который не понаслышке, а воочию видел самую страшную войну в истории человечества. В результате выход этого сборника не остается незамеченным: Рашидова принимают в Союз писателей Узбекистана.

Отметим, что в годы войны большие потери понесли все народы СССР. Среди погибших военнослужащих по национальному составу наибольшие потери понесли русские — 5,7 миллиона человек (66,4% всех погибших), украинцы — 1,4 миллиона (15,9%), белорусы — 253 тысячи (2,9%), татары — 188 тысяч (2,2%), евреи — 142 тысячи (1,6%), казахи — 125 тысяч (1,5%), узбеки — 118 тысяч (1,4%), другие народы СССР — 8,1 процента. Всего та война унесла жизни более 26 миллионов советских людей. Кроме этого, в центральных районах страны была разрушена практически вся промышленная инфраструктура. Однако даже в столь тяжелой ситуации у людей нашлись силы для того, чтобы в кратчайшие сроки поднять разрушенную экономику на ноги. В итоге уже в 1948 году в СССР была отменена карточная система (Советский Союз это сделал первым из всех воевавших стран) и промышленное производство перекрыло довоенный уровень.

Не отставал от этого процесса и Узбекистан. Главной отраслью сельскохозяйственного производства там продолжало оставаться хлопководство. Без него в стране не могли развиваться не только легкая и пищевая, но и некоторые отрасли тяжелой промышленности — автомобильная, авиационная, электротехническая, химическая, оборонная (из хлопка получали порох). Короче, по своему значению в экономике страны хлопок занимал одно из ведущих мест. Причем хлопок именно узбекский, поскольку почти 60% общесоюзного «белого золота» давал Узбекистан (далее шли: Туркмения, Таджикистан, Азербайджан, Казахстан и Киргизия). В итоге, например, большая часть одежды, в которую одевались советские люди, выпускалась легкой промышленностью страны на основе именно узбекского хлопка.

Конечно, издержки у этого процесса тоже имелись. Например, безудержная гонка за валом приводила к тому, что посевы хлопчатника росли быстрее прироста поливных земель. Все это вело ко все большему напряжению баланса поливных земель, к недостаточному выделению земель под продовольственные и кормовые культуры. То есть, вместо того, чтобы в равной мере выращивать у себя и хлопок, и зерно, и фураж, Узбекистан вынужден был делать основной упор на выращивание хлопка, а зерно и фураж (как и многое другое) завозить из соседних республик.

Между тем первые послевоенные годы в истории узбекской экономики принято считать «золотым веком». Если до войны главным направлением индустриализации в Узбекистане было превращение его в одного из поставщиков сырья для промышленных предприятий в России (Москва, Ленинград, Западная Сибирь), то после войны это положение коренным образом изменилось. Поскольку именно в Среднюю Азию была эвакуирована большая часть промышленных предприятий из Центра (только на территории Узбекистана тогда оказались 48 машиностроительных, металлообрабатывающих, химических и других предприятий тяжелой промышленности, 45 предприятий легкой промышленности и т. д.), это помогло «влить кровь» в саму узбекскую экономику. И в республике была создана собственная угольно-металлургическая база для обеспечения потребностей ее развивающейся промышленности.

Тем временем в 1947 году Узбекистан фактически провалил план по сбору хлопка: сдал государству 1 миллион 500 тысяч тонн, что было на 365 тысяч тонн меньше, чем в прошлом году (план выполнили только на 76,4%). Это было следствием плохих погодных условий: очень холодным выдался апрель, потом шли дожди, которые затянулись до середины июня (во многих районах хлопчатник пришлось пересевать дважды, а то и трижды; в мокром грунте при низкой температуре семена не прорастали, а гнили). Кроме этого, остро ощущалась нехватка бензина и керосина, из-за чего простаивала техника. Однако Москву мало интересовали эти причины — ей нужен был план любой ценой и никакие ссылки республиканского руководства на побочные явления не могли ее разжалобить. Усмана Юсупова вызвали в столицу для «разбора полетов». О том, что произошло дальше, рассказывают его биографы — Б. Ресков и Г. Седов:

«Юсупов ехал в Москву по вызову Политбюро, надеясь, что примут во внимание то огромное, что было проделано Узбекистаном в годы войны, от которых отошли едва на шаг. Республика же и после победы не замыкалась в кругу только своих забот. На Украину, в Краснодарский и Ставропольский края отправили в помощь разрушенным колхозам две тысячи тракторов и автомобилей, сотни паровозов, несколько тысяч отремонтированных вагонов, восемь тысяч лошадей, 170 тысяч овец и коз. Сотни добровольцев восстанавливали Сталинград, Донбасс...

— Кто дал вам право забросить хлопок? Стране хлопок крайне необходим, — сказали ему.

Он услышал многое такое, от чего он, умевший настраивать себя не на похвалу, а прежде всего на критику, пришел с заседания, затянувшегося за полночь, мокрый. Это в 25-градусный московский мороз!

Ему и председателю Совнаркома республики Абдурахманову объявили по выговору. Но суть не во взыскании. Он все думал, где была допущена ошибка; не позволял ни себе, ни другим (помощники Попов, Кудрин хорошо это знали и потому сочувственно молчали) находить оправдания, хотя ему, как каждому человеку, которого корят за упущения, сделать это было нетрудно.

— Партия нас критикует за дело и для того, чтобы мы работали лучше, — фраза эта была для Юсупова наполнена живым смыслом.

Был он, разумеется, подавлен, мрачен, возможно, полон невеселых размышлений о будущем — своем, а не республики; на этот счет сомнений не было. Соберутся умные головы, агрономы, ирригаторы, хозяйственники. Найдут выход, чтоб был хлопок. Да и год на год не приходится. Холодная, долгая весна в Узбекистане исключение. Но никому никогда Юсупов не признавался ни в слабостях своих, ни в сомнениях. Достоверно известно только, что на другой день он был приглашен на дачу ЦК и там Сталин поднял за него тост:

— Тебя обсудили, наказали, но ты талантливый человек, самородок, большой друг своего народа. Мы в тебя верим...».

В следующем году ценой невероятного напряжения сил Узбекистану удалось сдать государству 1 миллион 519 тысяч тонн хлопка-сырца, что на 19 тысяч было больше прошлогоднего показателя (и на 136 тысяч тонн превышало уровень 1940 года). В том же году выпуск промышленной продукции в республике по сравнению с тем же 1940-м вырос более чем на 40%, а производительность труда — на 62%.

Однако ситуация в Узбекистане все больше волновала Москву — там считали, что республиканское руководство явно не справляется со своими обязанностями. Однако снимать Юсупова Сталин сразу не хотел, видимо, опасаясь наломать дров. Поэтому в конце 1940-х был учрежден институт Уполномоченного ЦК ВКП(б) по Узбекистану (напомним, что Москва имела в каждой из республик свои «глаза и уши» в лице 2-х секретарей; в Узбекистане им был с начала 1940-х Константин Ефимов). В Ташкент был направлен работник центрального аппарата ЦК Семен Игнатьев и еще десяток специалистов по основным отраслям хозяй-

ства и культуры. Эта бригада должна была на месте разобраться с ситуацией в республике и дать Москве свои выводы по ней.

Тем временем Рашидов продолжает трудиться в должности секретаря Самаркандского обкома. Причем работа у него была отнюдь не кабинетная: он много и часто разъезжает по Узбекистану, участвуя во всех тогдашних крупнейших стройках, в том числе и в освоении целинных земель Центральной Ферганы, в строительстве Фархадской ГЭС (стройка началась в 1943 году, а Рашидов приехал туда годом позже вместе с десантом из 10 тысяч человек). Его активная деятельность на этом поприще обращает на себя внимание его земляков-самаркандцев, обосновавшихся в высшем партийном аппарате в Ташкенте. В итоге они делают все от них зависящее, чтобы помочь Рашидову перебраться в столицу. И в 1947 году он переезжает в Ташкент, чтобы занять должность ответственного редактора республиканской газеты «Кызыл Узбекистон» («Красный Узбекистан»). Тогда же Рашидов поступает на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) (заочное отделение), что явно свидетельствует о том, что в перспективе он надеется продолжить свое восхождение по партийной линии.

Вполне благополучно складывалась и личная жизнь Рашидова: на тот момент он был уже женат (супругу звали Хурсан Гафуровна) и у него росли двое детей: сын Ильхом (Володя) и дочь Сайера (чуть позже на свет родятся еще две дочери).

Между тем редакторская должность становится большим подспорьем для Рашидова в его литературной деятельности: именно в том период он начинает работу над своим первым крупным прозаическим произведением — повестью «Победители», в которой рассказывается о борьбе узбекского народа за освоение целинных земель. По тем временам это была достаточно актуальная книга, которая рассказывала о борьбе молодых новаторов, которые выступали за решительные меры по изменению оросительной системы в республике, против консерваторов, которые эти меры считали утопией и предпочитали не рисковать, оставив все как есть.

Новая система орошения, на которую узбекские колхозы и совхозы стали переходить в конце 1940-х — начале 1950-х годов предполагала, что вместо больших участков земли в 1,5—10 га с мелкими оросительными каналами будут орошаться крупные участки земли в 10—20 га и более. Это позволило бы применить современную ирригационную технику, более эффективно использовать машины и механизмы, сократить непроизводительные расходы воды, повысить производительность труда. В итоге все это должно было содействовать восстановлению посевных площадей, сократившихся в период войны. Так, если в 1945 году вся посевная площадь в Узбекистане была 2 478,8 тысяч га, то в 1950 году, благодаря новой системе орошения она почти приблизилась к довоенному уровню и достигла 2 898,5 тысяч га.

Рашидов прекрасно знал ситуацию в сельском хозяйстве республики, поэтому и посвятил свою первую повесть именно этой теме. В «Победителях» главные герои — молодая председатель сельсовета в кишлаке Алтынсай Айкиз Умурзакова и ее возлюбленный, комсомольский вожак (позднее, вернувшись с фронта, он станет секретарем парторганизации) Алимджан — выступают именно как новаторы: они хотят перекрыть реку Алтынсай плотиной, построить водохранилище и с его помощью дать возможность веками томившейся без воды Голодной степи эту воду наконец получить. Против этих планов выступает перестраховщик Кадыров — председатель того же колхоза.

Отметим, что конфликт «старого и нового» в те годы был главным стержнем всей тогдашней советской литературы. Однако в узбекской именно Шараф Рашидов оказался в числе первооткрывателей этой темы. Его повесть «Победители» увидела свет в 1951 году (семь лет спустя выйдет продолжение — роман «Сильнее бури») и следом одно за другим на свет появились другие произведения, исследующие эту же тему: «Хилол» Ибрагима Рахима, «Голодная степь» Хамида Гуляма, «Птичка-невеличка» Абдуллы Каххара и др.

Между тем Рашидов выступает и как публицист: пишет статьи на актуальные темы как республиканского, так всесоюзного и международного направлений. На этом поприще он становится широко известен во влиятельных кругах московской интеллигенции. Так, Рашидов близко сходится с писателем Александром Фадеевым, который в те годы занимал посты генерального секретаря Союза писателей СССР и вице-президента Всесоюзного Совета мира (на оба поста был назначен в 1946 году).

В те годы уже вовсю бушевала «холодная война», которую Запад развязал против СССР и его союзников сразу после другой войны — Второй мировой. Отправной точкой этого мирового конфликта принято считать речь премьера-министра Великобритании У. Черчилля, которую он произнес в марте 1946 года. Судя по всему, для Сталина такой поворот событий не стал большой неожиданностью — он был умный и дальновидный политик, по-

этому прекрасно отдавал себе отчет в том, что антигитлеровская коалиция, созданная в годы войны, недолговечна, и что союзники СССР по Второму фронту останутся таковыми, что называется, «до ближайшего поворота». В 1946-м этот поворот и наступил. Однако готовиться к нему Сталин стал загодя, всемерно укрепляя вертикаль власти и идеологию.

Отметим, что во многих своих тогдашних начинаниях Сталин черпал опыт в далекой истории, а именно — в событиях времен Византийской империи (сразу после революции все ученые-византологи были репрессированы, но с 1943 года Сталин вновь возобновил изыскания в этой области), а также во временах правления Ивана Грозного. В этом интересе вождя к событиям «старины глубокой» не было ничего странного, если учитывать, что и Византия, и Иван Грозный тоже вели свою «холодную войну» с «просвещенным Западом», а Византия даже пала благодаря его предательству. И корни той «холодной войны», которую в XX веке объявил Запад Советскому Союзу, питались теми же соками, что и многие столетия назад.

Например, значительная часть византийской интеллигенции, плененная западными ценностями, по сути, предала свою родину. Ту же самую ситуацию наблюдал в своей стране и Сталин. Поэтому, желая не допустить повторения византийского краха, советский вождь предпринял мощную атаку на тех советских интеллектуалов, кто оказался под влиянием западной идеологии. Эта кампания получила название «борьбы с космополитизмом». На острие ее оказались практически все крупные советские идеологические работники, в том числе Александр Фадеев (в Москве) и Шараф Рашидов (в Узбекистане).

Началом кампании принято считать события ноября 1948 года, когда на творческой конференции в Москве группа театральных критиков (большинство из них составляли евреи, которых явно вдохновило появление на свет в мае 1948 года государства Израиль) подвергла массированной атаке творчество таких литераторов-государственников, как Фадеев, Софронов, Сурков и ряд других (большинство из них были русскими). Судя по всему, острие этой атаки было направлено против Фадеева, которого таким образом его недруги собирались дискредитировать перед руководством страны и на декабрьском пленуме СП СССР сместить с поста руководителя писательской организации. Однако за Фадеева заступился сам Сталин.

По команде вождя 28 января 1949 года в газете «Правда» была опубликована статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая была оперативно перепечатана всеми ведущими республиканскими органами печати, в том числе и в Узбекистане. В этой статье целая группа театральных критиков (А. Гурвич, И. Юзовский, А. Борщаговский, Я. Варшавский, А. Малюгин, Г. Бояджиев, Е. Холодов) были обвинены в том, что они «утратили свою ответственность перед народом» и «являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма».

Между тем кампания, начатая в Москве, автоматически перекинулась и в республики, что вполне естественно, поскольку Центр был заинтересован в том, чтобы приструнить окраины, где высшая элита, имевшая несомненные заслуги в общем разгроме фашизма, могла захотеть обрести большую самостоятельность, чем того хотелось Центру. Поэтому в большинстве республик борьба велась не только с космополитами, но и с националистами. Например, в Узбекистане тогда существовали три группы деятелей литературы и искусства, которые стояли на разных идейных позициях.

Представители первой группы («космополиты») критически оценивали все, что было сделано не только в советский период, но и на протяжении всей многовековой истории Узбекистана. Даже великие творения национальной музыки, песни, поэзию, национальные музыкальные инструменты и многое другое они объявляли архаичным, устаревшим, ратовали за то, чтобы, как они выражались, перейти к новому, современному и внедрить в республике «новые жанры искусства — балет, оперу, симфонию и др.». Только тогда, утверждали они, узбекская культура сможет обогатиться и подняться на мировой уровень.

Представители второй группы («националисты») отстаивали самобытность узбекского искусства, доказывая, что именно своими национальными корнями — пением, музыкальным исполнением, оно обогатит мировую культуру и займет в ней достойное место.

Наконец, в третью группу («центристы-государственники») входили те, кто выступал за развитие узбекских литературы и искусства в тесном контакте с русским искусством. Они отстаивали необходимость сочетания различных жанров, всемерного развития и широкого внедрения тех же балета, оперы, симфонии и других общеизвестных в мире жанров, но без выпячивания их западных корней.

Отметим, что борьба с национализмом в том же Узбекистане велась практически не прекращаясь на протяжении всего пе-

риода существования там Советской власти. Другое дело, что масштабы ее и интенсивность в разные периоды были разными: она то вспыхивала, то затухала. Однако именно после войны «угли» этой борьбы стали усиленно раздуваться. Еще в августе 1946 года на XIV Пленуме ЦК КП Узбекистана отмечалось, что «в ряде научных и художественных произведений имели место ошибки националистического толка. Со стороны отдельных исследователей и историков делались плохо прикрытые попытки идеализации феодального прошлого, слюнявого умиления перед этим прошлым...».

Гораздо интенсивней огонь этой борьбы запылал в конце 1940-х, когда Центр объявил «борьбу с космополитизмом». «Бригаде Игнатьева», которая, как мы помним, именно тогда начала свою деятельность в Узбекистане, было дано указание подготовить списки тех деятелей узбекской литературы и искусства, кто в своих воззрениях стоял на позициях космополитизма и национализма. В итоге такой список был составлен — в него вошли около 60 видных деятелей узбекской литературы и искусства.

Надо отдать должное тогдашней узбекской власти, которая не стала слепо следовать всем указаниям Москвы. В мемуарах Н. Мухитдинова (а он тогда был главным идеологом в республике) можно найти рассказ о том, как он вместе со своими соратниками по Бюро ЦК КП Узбекистана сопротивлялись реализации репрессий против заявленных в упомянутом списке людей. В итоге жертв гонений оказалось значительно меньше, чем предполагалось ранее.

Как уже говорилось, не мог остаться в стороне от этой борьбы и Шараф Рашидов. Причем на него удары наносились сразу с двух сторон: из писательской среды (за его дружбу с Александром Фадеевым), и из партийной (за его прекрасные перспективы, которые сулили ему продолжение карьерного роста уже в ближайшем будущем). Все это и стало поводом к тому, чтобы в самом начале марта 1949 года на 10-м съезде КП Узбекистана недоброжелатели решили поднять вопрос о смещении Рашидова с поста редактора влиятельной газеты.

С разгромной речью против Рашидова на партийном форуме выступили сразу двое ораторов, которые прямо обвинили его в идеологических ошибках. Понимая, откуда дует ветер и что нападки на этом не прекратятся, Рашидов в перерыве между заседаниями подошел к 1-му секретарю ЦК КП Узбекистана Усману Юсупову, который всегда относился к нему с уважением. Поделившись с ним своими подозрениями, Рашидов прямо спросил у Юсупова: не подать ли ему в отставку? Хотя тот явно сам был в растерянности от случившегося (после приезда в Ташкент «бригады Игнатьева», кресло под ним уже закачалось), однако пообещал Рашидову свою полную поддержку. В результате сразу после перерыва он предоставил ему слово в прениях и во время этой речи репликами всячески его поддержал. Для инициаторов антирашидовской кампании это стало сигналом к отступлению (но они не сложили оружия).

Между тем уйти в отставку с редакторского поста Рашидову все равно пришлось: в июле 1949 года он возглавил Союз писателей Узбекистана. Судя по всему, это произошло при прямом вмешательстве Москвы, а если конкретно — с помощью Александра Фадеева, который не забыл позиции Рашидова во время кампании «по борьбе с космополитизмом». Поэтому, когда в том же году Рашидов приехал в столицу, чтобы участвовать в Первой Всесоюзной конференции сторонников мира, именно Фадеев провозгласил тост за главу делегации Узбекистана: «Горжусь своим братом Рашидовым, партийным работником, талантливым художником слова».

Вечером того же дня Фадеев и его заместитель в СП СССР Константин Симонов пришли в номер гостиницы, где жил Рашидов, и проговорили с ним до утра. Фадеев тогда выступил в роли провидца, сказав хозяину номера следующие слова: «Знаю, что тебя ждет большая партийная, государственная деятельность, и как родной брат советую — никогда не оставляй творчество».

Отметим, что в годы горбачевской перестройки, когда к власти в стране будут рваться именно космополиты, ими на страницах печати будут вылиты тонны грязи в адрес Рашидова. Припомнят они ему и его дружбу с А. Фадеевым, и его позицию в кампании «по борьбе с космополитизмом». Вот как, к примеру, в журнале «Огонек» (главном тогдашнем рупоре либерал-перестройщиков) на этот счет выскажется писатель Тимур Пулатов:

«Писатель М. Исмаили, работавший в конце сороковых годов вместе с Рашидовым в редакции газеты «Кызыл Узбекистон», рассказывал, как будущий руководитель республики восторгался Сталиным, его разоблачениями «врагов народа». Занимавший одно время должность председателя Союза писателей Узбекистана, Рашидов принимал деятельное участие в сменявших друг друга кампаниях «борьбы против космополитизма» и «против национализма» в среде писателей...».

Глава 6

ПРЕЗИДЕНТ

На посту «главного писателя» Узбекистана Рашидову суждено было пробыть недолго — чуть больше одного года. Летом 1950 года в Узбекистане начинаются очередные пертурбации во властных структурах, которые затронули и Рашидова. Отметим, что затеяны они были не самими узбеками, а Москвой, которая, наконец приняла окончательное решение о замене республиканского руководства.

Напомним, что долгие годы при Юсупове (а он руководил республикой 12 лет) Узбекистан был на хорошем счету у Центра. Особенно большую лепту республиканская организация внесла в общесоюзную копилку в годы войны став, по сути, главным промышленным регионом для воюющей страны. Сталин не забыл Юсупову этой помощи и когда в 1946 году затеял смену руководящих элит в Средней Азии (в Казахстане и Таджикистане), Узбекистан он не тронул. Однако спустя четыре года доверие вождя к Юсупову иссякло, поскольку тот явно не справлялся с проведением кампании по борьбе с космополитизмом и национализмом в республике. В итоге в августе 1950 года Юсупов был снят со своего поста.

Тогда же заменили и руководство Киргизии, причем поводом к этому стало все то же — недовольство Москвы проведением идеологической кампании. Вот как об этом пишет историк Л. Левитин:

«Ход борьбы с кыргызским эпосом «Манас» носил по тем временам весьма специфический характер. Неожиданно для Москвы кыргызы, в том числе их политическая элита, мужественно и открыто выступили в защиту своего великого культурного наследства. И уж совсем необычным стало то, что статьи в защиту «Манаса» публиковала издававшаяся на киргизском языке газета «Кызыл Кыргызстан», орган ЦК компартии Киргизии.

В Москве забеспокоились. Под эгидой центра в столице Киргизии была проведена весьма представительная научная конференция, в которой приняли участие известные российские ученые и представители других союзных республик. Однако и эта конференция, с ее многодневными спорами и борьбой взаимоисключающих мнений, не дала, в сущности, никаких результатов. Стороны остались на своих позициях. Защитники «Манаса»

не согнули головы перед Москвой. Естественно, после этого последовали политические, точнее кадровые решения, главные протагонисты разыгравшейся драмы из местной политической элиты лишились своих постов...».

К власти в Киргизии пришел Исхак Раззаков, который считался представителем южного клана, однако фактически был компромиссной фигурой (он родился в Ташкенте и долгое время жил вне Киргизии, поэтому был приведен к власти как альтернативный кандидат, удовлетворяющий оба клана — северный и южный).

Однако вернемся к Узбекистану. Там сняли не только Усмана Юсупова и 2-го секретаря ЦК Константина Ефимова (первый был назначен министром хлопководства СССР, а второй его помощником), но и ряд других высокопоставленных деятелей. Одновременно с этим упразднили институт Уполномоченного ЦК ВКП(б) по Узбекистану, который, по мнению Москвы, выполнил свою функцию. Однако если С. Игнатьева отозвали в Москву (его сначала назначат заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, а через год посадят в кресло председателя союзного МГБ), то большинство его сотрудников оставили в Узбекистане и назначили на ответственные должности в партийных и государственных органах.

Сменщиком Юсупова стал его же земляк из ферганского клана Амин Ниязов, который в 1947—1950 годах занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета республики. «Глазами и ушами» Москвы (то есть 2-м секретарем ЦК КП Узбекистана) стал Роман Мельников. Остальные высшие посты в Узбекистане были поделены между представителями двух других кланов: ташкентского и самаркандского. Так, Председателем Совета Министров стал «ташкентец» Абдураззак Мавлянов (он сменил своего же «ташкентца» Абдужабара Абдурахманова, который занимал этот пост с 1938 года!), а в кресло Председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана сел наш герой — «самаркандец» Шараф Рашидов.

Отметим, что протеже Рашидова выступил сам Юсупов, который, как мы помним, неоднократно покровительствовал ему и раньше. В апреле 1950-го именно Юсупов на Пленуме ЦК КП Узбекистана внес предложение избрать Рашидова членом Бюро ЦК, после чего рекомендовал его на пост Председателя Президиума Верховного Совета республики (фактически — президент). Августовская сессия утвердила Рашидова в этой должности. Все это ясно указывало на то, что «ферганцы» по-прежнему удерживают в своих руках высшую власть (партийную), уступая предста-

вителям других кланов власть второстепенную, поскольку пост президента был из разряда символических — этакий «свадебный генерал», который подписывает указы, награждает республиканских знаменитостей, встречает глав зарубежных делегаций, ездит с ними по республике и т. д.

Несмотря на то, что по Конституции Верховный Совет (парламент) должен был играть главную роль в советской государственной системе (принимать законы), по сути, все законы в стране принимала партийная власть (Политбюро ЦК КПСС), а депутаты ВС их только утверждали (штамповали). Поэтому в номенклатурной иерархии высшие чины Верховного Совета шли последними. Вот как это описывает один из сотрудников Президиума ВС СССР Ю. Королев:

«Когда в 1936 году ЦИК и Совнарком разделились (на новый Верховный Совет и Совнарком), то поделили между ними и так называемую материальную базу. О том, кого в государстве считали главным, а кого — второстепенным, свидетельствуют результаты раздела. В основном почти все досталось Совнаркому, то есть правительству, которое, как известно, и формируется парламентом (в нашем случае — Верховным Советом), и подотчетно ему. В распоряжение Совнаркома перешли дома отдыха, столовые, специальные базы, закрытые ателье, такие же закрытые для простых смертных больницы и поликлиники. Лишь высшее руководство Верховного Совета (а это несколько человек) имело право на привилегированное обслуживание. Зато работники Совнаркома (не только высшие, но даже и рядовые) получили все остальное.

Говорю это не из запоздалой зависти, я ведь тоже пользовался привилегиями, пусть не такими, как работники правительственного аппарата, но о которых миллионы советских людей и мечтать не могли. Говорю об этом, чтобы лишний раз показать запланированно приниженную роль парламента страны, а значит, и ее президентов. И зарплата в Президиуме была на треть меньше, и столовые похуже (хотя, повторяю, с общедоступными равнять нельзя), и путевки в дома отдыха более скромные, чем для работников Совнаркома. Сделано это было для того, чтобы законодатели знали свой «шесток» и не особенно мнили о себе. От них требовалась скромность...».

Провозгласив лозунг «Вся власть Советам!», большевики в итоге опустили Советы на самый низ управленческой системы. Нищие Советы на местах были подмяты партийной (секретарями обкомов) и хозяйственной (председатели колхозов) властями,

а также правоохранительной системой (органами МГБ). Именно поэтому во властной иерархии работники Верховных Советов располагались на низших ступенях, демонстрируя по сути потешность советской демократии. Правда, подобный расклад не мешал (а даже помогал) СССР иметь достаточно сильную и устойчивую власть, которая прошла не только испытание временем, но и огнем (в горниле Великой Отечественной войны). Поэтому все упреки по поводу искусственности советской демократии можно смело адресовать и всем остальным мировым демократиям — там ситуация с этим делом тоже была не лучше. Ведь если в СССР традиционная власть управляла народом через принуждение и убеждение, то в западных демократиях — через манипуляцию сознанием и соблазнение. Как написано в исследовательском труде «Проект Россия»:

«Ни в одной стране мира нет демократии в заявленном виде. Все европейские страны, уже не первый век пытающиеся культивировать эту модель на себя, давно понимают ее ущербность. Но сделать ничего не могут, и потому создают видимость демократии... США просуществовали более двух веков только потому, что никогда не имели той демократии, о которой говорят. У них всегда была постоянная власть. Менялась только крошечная верхушка айсберга. Подводная часть оставалась неизменной. СССР просуществовал 70 лет благодаря потешной демократии. Реально это была постоянная власть, диктатура КПСС. Начни Советы устраивать выборы, России не стало бы уже к 1930 году...».

А вот еще одно мнение на этот счет — историка С. Кара-Мурзы:

«Зададимся вопросом: что такое демократия? Точка зрения обывателя тут крайне проста: демократия это как на Западе. А поскольку в СССР не было парламента с враждующими фракциями, многопартийной системы, желтой прессы, пошлых избирательных шоу, то и делается вывод: СССР был недемократическим государством. Эту точку зрения опровергнуть легче всего: перед нами классическая логическая ошибка — то, что в СССР не было демократии, а была лишь на Западе, доказывается тем, что за образец демократии берется сам Запад. То есть тезис, который требуется доказать, берут за основу доказательства. Более эрудированный оппонент процитирует: демократия есть форма государственного устройства, основанная на признании народа источником власти, на принципах равенства и свободы. Различают непосредственную демократию, при которой основные решения принимаются всеми гражданами, имеющими право голоса, и

представительную демократию, при которой решения принимаются выборными учреждениями. Но с этой точки зрения, вообще-то Советский Союз был тоже демократическим государством, только в нем наличествовали институты не представительной демократии, как на Западе (парламент, партии и т. д.), а прямой демократии (Советы депутатов разного уровня). Правда, указанный эрудит не преминет добавить, что система Советов на деле в СССР была задавлена партийной вертикалью. В действительности, все было гораздо сложнее.

Реальная демократия отличается от недемократии другим — высокой социальной мобильностью. То есть демократия позволяет инициативным, активным людям перемещаться с социального низа на социальный верх. Противостоит же «демократии» общество сословного, аристократического типа, где социальный статус человека определяется его происхождением. Если человек родился крестьянином, то и сам он и его дети останутся таковыми, а исключения крайне редки. В этом смысле СССР был именно демократическим обществом и государством. Вспомним, что все его политическое руководство было выходцами из крестьян и рабочих (разрушителем СССР стал тот, кого Советская власть вознесла от комбайнера до секретаря ЦК), каждый гражданин имел возможность бесплатно получить образование, включая высшее, заниматься наукой, административной, хозяйственной работой и т. д. На Западе такая мобильность достигается умением нажиться, сколотить состояние, поэтому западную демократию следует охарактеризовать как плутократическую, а в СССР человек поднимался по социальной лестнице в случае его верности идее, коллективу, общему делу, своей Родине и государству, и советскую демократию следует назвать идеократической...»

Но вернемся к Шарафу Рашидову.

Несмотря на то, что его протеже выступал сам Усманов, однако это не помешало недоброжелателям нового Председателя Президиума ВС УзССР фактически сразу объявить ему войну. Ситуацию им облегчало и то, что Усманов, назначенный министром хлопководства СССР, вынужден был покинуть республику и уехать к месту назначения — в Москву. Судя по всему, эта война была спровоцирована серьезными опасениями недоброжелателей Рашидова, что даже на чисто символическом посту он сумеет укрепить свой авторитет не только у населения республики, но также и в Москве (а председатели Президиумов ВС в республиках автоматически становились заместителями председателя Президиума ВС СССР, то есть — президента страны), и за границей (как уже говорилось, по статусу президенту полагалось выезжать за рубеж, а также встречаться и сопровождать иностранные делегации в самой республике). В итоге уже спустя полгода после избрания Рашидова (в начале 1951 года) была предпринята попытка сместить его с президентской должности. Причем сделано это было весьма хитро.

На очередном заседании Бюро ЦК КП Узбекистана был поднят вопрос об укреплении идеологической работы в республике. Со своего поста был снят прежний секретарь ЦК, ведавший этим направлением, и вместо него был назначен Рашидов. А на его место в Верховном Совете был рекомендован известный академик-математик 35-летний Ташмухаммад Сарымсаков, который в то время был президентом (с 1946 года) Физической академии. Казалось, что недоброжелатели Рашидова могли торжествовать победу. Однако...

Несмотря на то, что решение о новом назначении было принято на Бюро ЦК (то есть в высшем властном республиканском органе) и два месяца спустя утверждено на Пленуме, Рашидов и не думал покидать своего поста в Верховном Совете, поскольку прекрасно знал, что за его спиной стоят не менее влиятельные люди. По сути, эта коллизия должна была в очередной раз выявить, что время безраздельного господства ферганского клана уходит в прошлое. В итоге после почти полугодового противостояния Бюро ЦК КП Узбекистана вынуждено было отменить свое постановление по Рашидову и тот продолжил свою работу на посту Председателя Президиума Верховного Совета УзССР. Случай поистине уникальный и беспрецедентный в политической истории не только Узбекистана, но и всей страны.

Победа Рашидова почти совпала с новой кампанией по борьбе с национализмом, которая развернулась в среднеазиатских республиках в 1951 году. Тогда репрессиям были подвергнуты несколько известных узбекских литераторов (Шукрулло Юсупов, Шухрат, Хамид Сулейман, Мирзакалон Исмаили — это на его слова будут опираться в конце 80-х перестройщики, разоблачающие Рашидова), а также под огнем ожесточенной критики оказались такие тюркские героические эпосы, как «Дастан» и «Алпамыш», которые были объявлены «националистической пропагандой».

Тем временем в марте 1953 года в Москве умирает И. Сталин. К власти приходят его соратники: Никита Хрущев становится 1-м секретарем ЦК КПСС, Георгий Маленков — Председателем Совета Министров СССР, Вячеслав Молотов — 1-м заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром

иностранных дел СССР, Климент Ворошилов — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Лаврентий Берия — 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел.

Несмотря на внешнюю сплоченность, которую являли миру сталинские соратники, на самом деле каждый из них тянул одеяло на себя, пытаясь в итоге стать единоличным правителем. Особенно старался Берия, который заключил союз с Маленковым и добился включения в число кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС своего человека: 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана Мир-Джафара Багирова. Отметим, что это был первый случай принятия в высший партийный ареопаг мусульманина. Правда, принадлежал он к кавказцам, что вытекало из той политики, который придерживался еще Сталин — допускать к вершинам власти исключительно представителей кавказских народностей (грузин, армян и азербайджанцев). Что касается лидеров из Средней Азии, то их к кормилу власти не допускали.

Кроме этого, Берия провел ряд реформ, которые должны были возбудить к нему симпатии широких слоев населения как внутри страны, так и за ее пределами. Так, он закрыл «дело врачей», выпустив из заключения всех арестованных по нему людей, а также провел в стране амнистию, после которой из неволи вышли десятки тысяч осужденных (в том числе и уголовники). В конце апреля 1953 года Берия затеял еще одну реформу: разослал во все союзные республики записку, где предлагал обсудить вопрос о том, чтобы национальные кадры работали исключительно в местах своего рождения.

Когда эта записка обсуждалась в Узбекистане, против высказался тамошний премьер-министр Нуритдин Мухитдинов. Естественно, доброжелатели тут же донесли об этом Берии. И тот приказал узбекскому руководству освободить Мухитдинова от должности премьера. Вместо него этот пост занял Усман Юсупов, который, как мы помним, в 1937—1950 годах был 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана, а затем уехал в Москву, где возглавил Министерство хлопководства. Однако вскоре после смерти Сталина это министерство было упразднено, и Юсупова вернули на родину, назначив его председателем Совета Министров вместо Мухитдинова (его назначили министром иностранных дел Узбекистана). Сменилось и руководство МВД Узбекистана: из Москвы был прислан руководить чекист с 32-летним стажем Алексей Бызов, который в течение пяти лет (1946—1951) возглавлял МГБ Казахстана, а последние два года трудился в должности начальника 1-го управления МГБ СССР (внешняя контрразведка). Отметим, что спустя год Бызов станет председателем КГБ Узбекистана, а в кресло министра внутренних дел сядет начальник Ферганского УКГБ Юлдаш Бабажанов.

Тем временем в Президиуме ЦК КПСС не все были согласны с инициативами Берии. Так, против смещения Мухитдинова высказались Хрущев, Молотов, Косыгин и Булганин, которые прекрасно понимали, что таким образом Берия укрепляет свои позиции, давая сигнал национальным элитам, кто истинный хозяин в Москве. И Берия в самом деле тогда был на коне, поскольку легко смог сломить сопротивление даже столь многочисленной группы и провести свои решения в жизнь. Однако торжествовал он недолго.

26 июня 1953 года Хрущев и его сторонники в Президиуме, заручившись поддержкой военных (Г. Жукова и других) арестовали Берию прямо во время заседания в Кремле и спустя полгода (23 декабря) расстреляли (Багирова арестуют тогда же, однако расстреляют спустя три года). С этого момента центр силы в Президиуме переместился к Хрущеву. И он, вооружившись «метлой», принялся наводить порядок в республиках, прекрасно понимая, что со сталинскими кадрами ему долго в кресле «первого» не усидеть — сбросят.

В южном регионе Хрущев первым делом избавился от хозяина Казахстана, любимчика Сталина Жумабая Шаяхметова, который фактически руководил республикой 15 лет (с 1939 по 1946 годы, когда был 2-м секретарем, и с 1946 по 1954 год, когда был 1-м секретарем). В феврале 1954 года Шаяхметова отправили в отставку, обвинив в сопротивлении освоению целинных земель, которые затеяла Москва. После этого к руководству Казахстаном пришли «варяги»: славяне Пантелеймон Пономаренко (1-й секретарь) и Леонид Брежнев (2-й секретарь; через год он сменит Пономаренко в кресле «первого»).

В 1956 году Хрущев сменил руководство Таджикистана: со своего поста был снят представитель ленинабадского клана Бободжан Гафуров, который продержался на своем посту 10 лет. Правда, ему на смену местные элиты привели опять же ленинабадца — Турсуна Ульджабаева.

В 1958 году дошла очередь и до Туркмении, где, как мы помним, первые лица республики были выходцами из разных кланов и по очереди сменяли друг друга. В итоге на место Сухана Бабаева (алилинец; правил с 1951 года) пришел Джума Дурды Караев (марыйский текинец).

Единственной среднеазиатской республикой, руководство которой в 50-е годы миновала пертурбация, была Киргизия. Там с 1950 года правил Исхак Раззаков, который, как мы помним, хотя и считался представителем южного клана, однако фактически был компромиссной фигурой, удовлетворяющей оба клана — северный и южный.

Что касается Узбекистана, то там за первое послесталинское пятилетие произошло больше всего изменений в верхах. Первым пал председатель Совета Министров Усман Юсупов, который, как мы помним, был возвращен в республику волевым решением Москвы. Юсупов перестал устраивать Хрущева как по причине своего прошлого (выдвиженец и любимец Сталина), так и по своим взглядам на развитие экономики Узбекистана. Хрущев находился под большим впечатлением от успехов хлопкоробов Таджикистана, которые внедряли у себя квадратно-гнездовой посев и двухстороннюю обработку, а Юсупов его восторг не разделял. В итоге Хрущев решил его сместить, тем более, что и в самой узбекской элите многие были настроены против Юсупова, имея на него зуб еще со сталинских времен, когда он был безраздельным хозяином республики.

Смещение Юсупова произошло в декабре 1954 года. Причем недоброжелатели отыгрались на нем, что называется, по полной программе: его отправили руководить... самым отстающим колхозом в Узбекистане «Баяут-4», который был расположен в Голодной степи.

На посту главы правительства Юсупова сменил все тот же «ташкентец» Нуритдин Мухитдинов, которого он вытеснил с поста в 1953-м. Этот человек давно пришелся по душе Хрущеву, в результате чего уже спустя год, в декабре 1955-го, Мухитдинов из кресла премьер-министра переместился в кресло 1-го секретаря ЦК КП Узбекистана, сменив в нем «ферганца» Амина Ниязова, руководившего Узбекистаном последние пять лет. Как вспоминает сам Мухитдинов, он и в мыслях не думал занимать столь высокий пост, однако, если Москва приказала... Много лет спустя в своих мемуарах он опишет случившееся следующим образом:

«В те декабрьские дни в связи с простудой я находился в больнице. Оттуда приехал в аэропорт встречать делегацию из Индии, присутствовал на митинге, а, прибыв с гостями на дачу, сообщил, что завтра выступаю с докладом, и, извинившись, не остался на ужин. 20-го, после республиканского совещания, снова поехал в больницу. 21-го, проводив делегацию в Москву, намеревался опять вернуться туда, но попросили ненадолго собраться в ЦК.

Когда подъехали члены Бюро, Р. Е. Мельников (2-й секретарь ЦК. — *Ф. Р.*) вдруг сообщил, обращаясь ко мне: «Недавно, когда Вы находились в больнице, состоялось заседание, где обсудили положение в Бюро и Секретариате, признали их работу неудовлетворительной. Открыто говорили о серьезных ошибках и искривлениях, допущенных А. И. Ниязовым. Пришли к выводу, что он не справляется с делом.

После обстоятельного разговора А. И. Ниязов признал, что квалифицированное руководство такой крупной партийной организацией (на тот момент узбекская компартия насчитывала в своих рядах почти 135 тысяч человек. — *Ф. Р.*) ему не по плечу, просил освободить его от занимаемой должности, предоставить другую работу, более близкую по образованию и опыту. Теперь просим Вас возглавить работу ЦК Компартии Узбекистана. Пленум решили провести завтра в 10 часов утра».

Со мной раньше на этот счет никто не разговаривал. Начали обсуждать разные стороны данного предложения, а я высказал сомнения в целесообразности таких решений в тот момент. Мне ответили: «Предварительный разговор с руководством ЦК КПСС показал, что оно поддерживает освобождение т. Ниязова от обязанностей первого секретаря ЦК и избрание Вас на этот пост. Заседание было коротким. Договорились, что о заявлении т. Ниязова сообщит т. Абдуразаков, а Вашу кандидатуру от имени Бюро внесет т. Рашидов».

Все разъехались, а я отправился в больницу. Вечером туда позвонил мне Амин Ирматович (Ниязов. — *Ф. Р.*) и изъявил желание встретиться. Сказал, что могу подъехать к нему, но он возразил: «Нет, я сам хочу навестить Вас».

Приехал, долго и откровенно беседовали. Он рассказал, как проходило заседание Бюро, какие ему предъявили обвинения, что считает правильным и с чем не согласен. Дал личную оценку ситуации и своей работе. В завершении беседы сказал: «Мне пора уходить из Бюро, да и в Секретариате у нас не все гладко, но по всем вопросам, особенно крупным, принципиальным, как Вы знаете, бывает единство взглядов. Поэтому я на этом заседании официально поставил вопрос о своем освобождении. Спасибо Вам за совместную работу, я искренне поддержал Вашу кандидатуру. Такое же заявление сделаю и на Пленуме».

Откровенно говоря, я оказался в неловком положении. Уговаривать Амина Ирматовича взять заявление обратно было не-

удобно, да и невозможно, так как вопрос уже решен на Бюро. Делать разбор того, что уже обсуждалось на Бюро, тоже нетактично. Выражать сочувствие и успокаивать — несолидно, поскольку он старше меня по возрасту и по должности, многому полезному научился у него в процессе работы. Конечно, бывали споры, иногда разногласия, но они носили сугубо деловой характер. Так мы расстались.

На следующий день, 22 декабря, состоялся Пленум, на который, кроме членов, кандидатов в члены ЦК, членов Ревизионной комиссии, был приглашен весь руководящий актив. Открыв Пленум, Роман Ефимович (Мельников. — *Ф. Р.*) объявил, что на повестке дня один вопрос — о руководстве ЦК.

Для оглашения предложений Бюро слово дал М. Абдуразакову. Малик Абдуразакович огласил решение и прокомментировал причины такого предложения Бюро. Он подверг резкой критике А. И. Ниязова. Выступили несколько человек в таком же духе, а затем слово дали А. И. Ниязову. Он признал критику, сказал, что и сам не удовлетворен своей работой и просит освободить его. Вопрос поставили на голосование и единогласно приняли решение.

Затем Шараф Рашидович (Рашидов. — *Ф. Р.*), подойдя к трибуне, пространно обрисовал, какими качествами должен обладать первый политический руководитель республики. Сказал он буквально следующее:

«Кто должен быть первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана? Первый секретарь ЦК Компартии республики должен быть самым культурным человеком нашей партийной организации. Он должен быть самым объективным человеком среди нас. В то же время он должен быть подкупающе искренним, но неподкупным ни в каком отношении, предельно честным, почти идеально безупречным человеком!

Первый секретарь ЦК Компартии республики должен быть доступным для соратников, сослуживцев, для окружающих. Он должен быть самым скромным человеком во всех отношениях, особенно в быту. Но в то же время он должен отличаться требовательностью к себе и к другим.

Его терпимость к мнению иных, к критике должна быть выше, чем у всех нас, членов нашей республиканской партийной организации! Он не должен допускать даже в малейшей степени грубость в обращении с людьми. Блестящее сочетание всего этого должно составлять одну из важнейших черт характера его личности!

Первый секретарь ЦК Компартии республики должен обладать еще одним качеством, так необходимым в условиях общенародной собственности на средства производства, то есть когда громадное производство, хозяйство, экономика по существу управляются из одного и того же центра, хоть и на различных уровнях, — с высоты Союза, республик, местных административных делений — областей, районов. Наш республиканский лидер должен быть крупным организатором производственной, хозяйственной и экономической жизни республики, обладающим умением слушать людей, специалистов, опытных практиков по конкретным вопросам для того, чтобы аккумулировать ценные мнения для правильного решения вопросов в масштабе республики! Сложные вопросы дальнейшего развития хлопководства он должен постоянно изучать, а также мобилизовать усилия ученых и компетентных людей на благо крестьян и всего населения республики!

При всем этом первый секретарь ЦК Компартии республики должен постоянно учитывать упущения и ошибки своих отдельных предшественников, которые проявили отсталость в культурном отношении и ограниченность в понимании теоретических вопросов!

Для того, чтобы он успешно справлялся с выполнением задач, определенных нашей мудрой партией, ответственными обязанностями, возлагаемыми на него его высоким положением, и достойно оправдал наше с вами, товарищи члены и кандидаты в члены ЦК, доверие и надежды населения республики, всего узбекского народа, первый секретарь ЦК нашей Компартии, наконец, должен обладать в достаточной степени сложнейшим искусством работать с людьми, с массами, с активом! Как известно, это самое первое и всеобъемлющее качество профессионального партийного руководителя всех рангов, в данном случае, республиканского уровня. А, как известно, самым необходимым, первейшим и последним условием этого является завоевание доверия членов партии, всего народа, а еще точнее, оказание руководителю партийной организации такого доверия коммунистами и всем народом республики!».

Так эмоционально описав качества первого партийного руководителя, накалив аудиторию, Шараф Рашидович сказал: «Мы, члены Бюро ЦК, единогласно одобрили и вносим на ваше рассмотрение предложение избрать первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана товарища Мухитдинова Нуритдина Акрамовича». На вопрос председательствующего: «Будем обсуждать?» —

поступил отрицательный ответ. Проголосовали и избрали. Затем дали мне слово.

Чувствовал себя еще неважно, приехал на Пленум с температурой. Поэтому, не выходя к трибуне, встал и с места поблагодарил товарищей, заверил их, что постараюсь оправдать доверие, высказал ряд пожеланий в адрес коллектива. Тепло сказал об Амине Ирматовиче Ниязове...

На пост Председателя Совета Министров рекомендовали Камалова С., работавшего секретарем ЦК по сельскому хозяйству (отметим, что Сабир Камалов был, как и Мухитдинов, «ташкентцем». — *Ф. Р.*). На этом Пленум закрылся...».

Между тем пройдет всего два месяца и в феврале 1956 года Мухитдинов сделает еще один весомый шаг наверх: его изберут кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. А в декабре 1957 года Хрущев введет Мухитдинова в состав Президиума ЦК КПСС, что явится весьма знаменательным фактом: до этого ни один руководитель из Средней Азии (в отличие, к примеру, от представителей Закавказья) не удостаивался подобной чести. Столь беспрецедентный взлет узбекского политика объяснялся несколькими причинами, причем как внутреннего, так и внешнего характера.

Глава 7

УЗБЕКСКИЙ ПРОРЫВ

Придя к власти, Хрущев намеревался уже в ближайшие годы удивить страну и мир новыми экономическими рекордами (они позволили бы Никите Сергеевичу утвердить себя во власти). В частности, Узбекистану предстояло значительно увеличить сдачу государству «белого золота» (почти до 70% от общего объема производства в СССР), шелковичных коконов (до 50% от общего объема производства), каракульских смушек (35% от общего объема производства), а также добычу газа (увеличение в два раза), производство цемента (увеличение в два раза) и т. д.

Отметим, что по своим экономическим показателям Узбекистан в ту пору уверенно входил в первую пятерку республиканских лидеров СССР (из 15 существовавших республик). Причем он был не только главным поставщиком «белого золота» в стране (следом шли Таджикистан, который тогда выдавал «на гора» 450 тысяч тонн хлопка, Туркмения — 350 тысяч, Азербайджан — 300

тысяч, а в хвосте — Киргизия и Казахстан — по 40 тысяч тонн), но и считался одним из развитых промышленных районов страны. По выпуску промышленной продукции Узбекистан находился на 4-м месте в стране (после РСФСР, Украины и Казахстана), причем половину выпускаемого давала тяжелая индустрия. Узбекистан экспортировал свою продукцию (сельскохозяйственные машины, химическое оборудование, компрессорные установки и др.) в 44 страны мира.

Однако мало кто догадывался, что за всем этим внешним благополучием скрывались и серьезные недостатки. Например, со сдачей хлопка государству в Узбекистане не все обстояло благополучно. Собственно, в 1955 году Москва и поменяла республиканское руководство именно потому, что оно так и не сумело выправить ситуацию, когда в течение последних пяти лет Узбекистан не справлялся с выполнением планов хлопкозаготовок. Хотя в сравнении с другими странами урожайность узбекского хлопка была неплохой. Так, она была больше по сравнению с США на 1,9 ц с га, с Египтом и Мексикой — на 2,2 ц, с Пакистаном — на 4,5 ц.

Чтобы нацелить республику на более высокие показатели, Москва пошла навстречу Узбекистану, повысив цену за сдачу хлопка, после чего республика в год стала получать 3 миллиарда рублей чистого дохода. В целях повышения трудового энтузиазма людей во время сбора хлопка с августа 1956 года в республике был учрежден праздник «Пахтама-байрами», который отныне станет проводиться ежегодно в воскресенье и понедельник последней недели августа.

Однако, продолжая ориентировать Узбекистан исключительно на хлопководство, Москва в то же время сдерживала другие отрасли — например угольную. Так, в 1956 году дефицит электроэнергетических мощностей в Узбекистане составил 250 тысяч кВт, в то время как гидроэнергетические ресурсы республики определялись в 40—45 млрд. кВт. Учитывая, что в Узбекистане имелись огромные запасы угля (более 2 млрд. тонн), республика могла самостоятельно, развивая собственную угольную промышленность, регулировать свои энергетические мощности. Но Москва предпочитала этот уголь в Узбекистан завозить из других регионов (например, из Украины), причем не в достаточных количествах (в 1956-м его завезли 2 млн. тонн), что и вызывало дефицит электроэнергетических мощностей.

В том же году было принято решение о дальнейшем освоении Голодной степи, что предполагало достаточно большие го-

сударственные затраты — около 4,5 млрд. рублей. На эти деньги предполагалось освоение 300 тысяч гектаров для посева хлопка и других культур, а также создание 34 совхозов и 34 хлопкоочистительных заводов. Создание последних ясно указывало на то, что Центр собирается и дальше использовать Узбекистан не только в качестве сырьевой базы, но и сделать регионом, перерабатывающим у себя хлопок-сырец и производящим из него нити, ткани и всю остальную продукцию — то есть, и дальше двигать республику в сторону аграрно-индустриального развития.

Правда, это движение имело свои определенные рамки. Когда узбекское руководство чуть позже (уже при Рашидове) попытается на землях центральной Ферганы образовать новый район — Кызылтепинский — чтобы ускорить там развитие совхозов и на базе местных источников заложить курорт республиканского значения, Москва ответит отказом, видимо, опасаясь предоставлять узбекам лишнюю возможность заиметь альтернативные источники финансовых доходов.

Отметим также, что после смерти Сталина продолжала расширяться взаимозависимость советских республик друг от друга. В экономике это выражалось в том, что Узбекистан, к примеру, поставлял во все регионы хлопок (80% его экспорта), но вынужден был ввозить из других республик зерно, мясо, уголь и т. д. Все это было целенаправленной политикой Центра, который таким образом накрепко привязывал республики не только к себе (все управление этими процессами велось из Москвы), но и друг к другу.

Тем временем не менее важная роль отводилась Узбекистану и во внешней политике СССР, а именно — на центральноазиатском направлении. В те годы начался распад колониальной системы, который подвиг большинство освободившихся стран так называемого «третьего мира» определить свои позиции в начавшейся холодной войне между Востоком (СССР и страны социалистического лагеря) и Западом (США и их союзники в лице Англии, Франции, Италии, ФРГ). В итоге «третий мир» избрал позицию нейтралитета, которую на Конференции по вопросам отношений между странами Азии, состоявшейся в 1947 году в Дели, провозгласил премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Как пишет историк П. Кальвакоресси:

««Третий мир» отвергал понятие мира, разделенного надвое, в котором только Соединенные Штаты и СССР имели вес, а остальные страны должны были встать на ту или другую сторону. Этот мир боялся мощи супердержав, воплощенной в ядерном

оружии и приумноженной им. Он не доверял их намерениям, завидовал (особенно в случае с Америкой) их огромным богатствам и отвергал их настойчивые утверждения о том, что они открыли — в одном случае в демократическом капитализме, а в другом в коммунизме — образ жизни, который другим нужно просто копировать. Националистические лидеры, хотя и настроенные антиевропейски по природе вещей, имели, по крайней мере, одну характерную черту, общую с уходящими хозяевами, — прагматизм. Жесткий коммунистический догматизм Москвы и все более жесткий антикоммунизм Вашингтона вызывали у них раздражение. Они совершенно не чувствовали себя обязанными ни Соединенным Штатам, ни Советскому Союзу своей независимостью от европейского владычества, которой они добились так неожиданно быстро и легко...».

Однако ведущие державы не собирались так просто отпускать страны третьего мира в «свободное плавание», поскольку были кровно заинтересованы в них. Например, СССР это сулило хорошие перспективы как экономического (экспортный и импортный рынок), так и политического толка (там находились сырьевые источники промышленности Западной Европы и Америки и, контролируя этот регион, СССР мог диктовать Западу свои условия). Таким образом, борьба за третий мир была не менее важна для сверхдержав, чем соревнование в области ракетно-ядерных вооружений. В итоге этой борьбы уже в первой половине 1950-х годов ряд государств Азии, ставя свои экономические и стратегические потребности выше нейтрализма, подписали торговые и даже оборонительные договоры с США или СССР. Так, Индия заключила торговое соглашение с Советским Союзом и мирное соглашение с Китаем, а Афганистан стал первой некоммунистической страной, получившей советскую помощь. В то же время Пакистан, Таиланд и Филиппины заключили военное соглашение с США (был создан военный блок СЕАТО, куда, кроме упомянутых стран, также вошли Англия, Франция, Австралия и Новая Зеландия).

Между тем главная борьба сверхдержав в этом регионе развернулась за Индию. Как весьма откровенно выразился в 1951 году на страницах журнала «Лук» известный американский юрист Вильям О. Дуглас: «Ключом к Азии теперь является Индия. С потерей Индии будет потеряна и Азия». Ему вторил бывший госсекретарь США Джордж Макги, который 24 июля того же года в комиссии по иностранным делам палаты представителей заявил следующее: «Индия чрезвычайно важна для Запада как в смысле населения, так и из-за ее минеральных и других ресурсов».

Поскольку главный соперник Индии Пакистан избрал сторону США, а сами американцы вместе со своими союзниками выступили против развития в Индии тяжелой промышленности, не желая преобразования аграрно-сырьевой периферии мировой экономики, Индия, которая жаждала хозяйственной независимости, устремила свои взоры в сторону СССР. И тот с охотой согласился оказать Индии содействие в данной сфере. Тем более, что до этого СССР уже оказывал этой стране помощь и в других ее проблемах. Так, еще в 1951 году он поставил в эту страну, переживавшую тогда страшный голод, 100 тонн пшеницы.

Тем временем именно Узбекистану отводилась на индийском направлении особая роль, поскольку он считался самой влиятельной азиатской республикой в составе СССР и на этом поприще еще в 40-е годы установил связи с рядом стран Центральной Азии, Африки и Ближнего Востока. Но наиболее тесными были контакты Узбекистана с Индией, поскольку истоки этой дружбы уходили в далекое прошлое. Приведу по этому поводу слова самого Д. Неру:

«Некоторые люди утверждают, что подлинные дружба и сотрудничество возникли у нас с Узбекистаном после провозглашения независимости Индии в 1947—1950 годах. На самом деле в прошлом накоплен огромный опыт добрососедства, дружбы и братства между народами Индии и Средней Азии. Не знать об этом или тем более игнорировать это — значит подрубать корни и предавать забвению деятельность наших великих предков.

Знаете ли вы, что у нас в Кашмире, откуда родом моя семья, 4300 лет назад прибывшие туда из Средней Азии люди начали осваивать землю, создавать хозяйство, проводить орошение, внедрять культуру и привнесли сокровища высокой цивилизации? Об этом на основе глубоких исследований ученые опубликовали обширные труды... Далее. Когда 2300 лет назад Александр Македонский вторгся в Индию и захватил несколько провинций, народ во главе с Ашокой поднял восстание, вынудил Александра отступить, а потом и уйти со своей армией из Индии. Он ушел дальше, завоевывать Вавилон[1]. Так вот, тогда и в последующие периоды индийцы чувствовали поддержку народов и крупнейших государств Средней Азии. Достаточно вспомнить древнее Кушанское государство на берегах Амударьи.

[1] В действительности Александр Македонский завоевал Вавилон раньше (в 331 г. до н.э.), чем отправился в Индийский поход (327 г. до н.э.). – *Ред.*

Или взять знаменитого правителя Средней Азии Бабура (основатель государства Великих Моголов, потомок Амира Тимура, жил в 1483—1530 года.— *Ф.Р.*). Он, вынужденно оставив родину в 23-летнем возрасте, примерно с двумястами своих родных и друзей переправился через Амударью, имея при себе лишь посох. Двадцать лет жил в Афганистане, создал там государство. Затем совершил поход в Индию и образовал здесь свое государство, а себя провозгласил шахом. Однако правил он страной всего лишь пять лет, управлял примерно 30 провинциями из более чем 100. К тому же и его государство, и армия были чисто мусульманскими. Тем не менее, мы высоко ценим и чтим его, народ уважает память о нем. Я писал о нем как об умном, дальновидном, высокообразованном правителе, который, захватив часть Индии, создав здесь свое государство, затем оставил его самому индийскому народу, а не присоединил к Средней Азии.

Из шести поколений Бабуридов, царствовавших у нас, всеобщей любовью народа пользуется внук Бабура Акбар. Он в отличие от своего деда и отца Хумаюна царствовал у нас в стране 50 лет из 63 прожитых им. Объединил все провинции и образовал мирным путем могущественное государство. В больших странах, как наша и ваша, исключительное значение имеют два фактора — религиозные и национальные чувства людей. В Индии множество наций и народностей, этнических групп, которые говорят на своих языках. Акбар, не игнорируя, а, наоборот, уважительно относясь к религиозным и национальным чувствам, нашел пути, чтобы сплотить народы в масштабах большой страны.

Более того, Бабур женился пять раз — один в Ташкенте, четыре — в Афганистане, а из восемнадцати его детей 16 родились в Афганистане, и все были мусульманами. А Акбар имел трех жен: Султан Таги — мусульманку, узбечку, Джо Дова — индианку, исповедовавшую индуизм, Марию — христианку. Так он породнился и стал зятем почти всего населения Индии, поскольку главными ее религиями являются индуизм, ислам и христианство. Конечно, у нас есть и другие мощные религиозные учения — буддизм, брахманизм, джайнизм. Но в данном случае я говорю о другом — о мудрости, дальновидности Акбара.

Если вспомнить новую и новейшую историю, то можно привести множество фактов добрососедства, взаимопонимания и сотрудничества между нашими народами. Конечно, английское господство всячески ограничивало связи индийского народа с соседями и дружественными ей странами, но и в этих условиях разные люди — ученые, торговцы, интеллигенция — находили пути для дружбы...».

Эти слова выдающегося индийского политика и мыслителя легли на благодатную почву. Когда в первой половине 1950-х между СССР и Индией началось активное экономическое и культурное сотрудничество, именно Узбекистан оказался в авангарде этого процесса.

В декабре 1953 года между СССР и Индией было подписано первое торговое соглашение сроком на 5 лет. В феврале 1955 года на свет родился новый совместный документ: договор о строительстве в городе Бхилаи первого в Индии металлургического завода. В этом строительстве самое активное участие принимал и Узбекистан: первенец индийской металлургии помогали строить около 30 предприятий республики, отгрузивших более 500 тонн различного оборудования. Кроме этого Узбекистан тогда наладил поставку в Индию текстильных машин, ворохоочистителей, канавокопателей, хлопкоуборочных машин «Узбекистан» и т. д.

Началось активное сотрудничество Узбекистана и Индии и в других областях, в частности — в культуре. Так, в 1951 году состоялся первый приезд в СССР деятелей индийского кинематографа, которые посетили Москву, а также Ташкент. Три года спустя по этому же маршруту отправилась еще одна представительная индийская делегация, в которую вошли такие деятели кино, как: Ходжа Ахмад Аббас (глава делегации), Радж Капур, Наргис, Балрадж Сахни, Нирупа Рой, Дев Ананд и др.

Осенью того же 1954 года в Узбекистане (в Ташкенте) состоялся первый фестиваль индийского кино на котором демонстрировались следующие фильмы: «Бродяга», «Два бигха земли», «Ураган», «Байджу Бавра», «Ганга». В состав индийской делегации вошли: Радж Капур (глава), Наргис, Балрадж Сахни, Димп Кумар и др. В одном из своих тогдашних интервью Р. Капур так оценил узбекское гостеприимство:

«Ташкент всегда отличался необыкновенным радушием и гостеприимством. Можно сказать, что столица Узбекистана для нас, индийцев, стала местом паломничества. Здесь многое напоминает мою родину — прежде всего, ваши люди, мои старые добрые друзья и знакомые. Они всегда приветливы и дружелюбны. Больше всего меня радует, когда ко мне обращаются: «Товарищ «Бродяга»!»...».

Отметим, фильм Раджа Капура «Бродяга» стал первым индийским фильмом, вышедшим в широкий советский прокат в 1954 году. Он стал фаворитом киносезона, собрав на своих сеансах гигантскую по тем временам аудиторию в 63 миллиона 700 тысяч зрителей (3-е место за всю историю советского кинопроката!). Львиную долю этих зрителей составили жители Средней Азии, для которых индийское кино с этого момента стало одним из самых любимых видов зрелищ.

Кстати, «Бродяга» был одним из любимых фильмов и Шарафа Рашидова, который в те годы, по долгу службы (будучи президентом Узбекистана), активно участвовал в узбекско-индийских контактах. Он неоднократно выезжал в Индию, а также принимал индийские делегации в Ташкенте. При его активном участии в конце 1955 года в Индию отправилась представительная делегация деятелей искусства Узбекистана во главе с известным писателем Абдуллой Каххаром. 19 декабря узбекские артисты дали свой первый концерт на Национальном стадионе в Дели для 5 тысяч зрителей. Среди которых был и глава страны Джавахарлал Неру. После индийской столицы узбекские артисты выступали в Бомбее, Калькутте, Мадрасе и других городах страны (всего состоялось 45 концертов).

Активная деятельность на индийском направлении отразилась и на литературном творчестве Рашидова: в 1956 году свет увидела его повесть «Кашмирская песня», в которой речь шла о борьбе индийского народа за свое освобождение.

Отметим, что помимо Индии Узбекистан в те годы открыл свои двери и для других зарубежных государств, представители которых буквально зачастили с визитами в республику. Например, только за полтора года (1955 — первая половина 1956) в Узбекистане побывали гостившие в СССР высокие деятели из Китая, Сирии, Индонезии, Египта, Норвегии, Голландии, США, Англии, Уругвая, Аргентины, ГДР, Чехословакии и других стран. Кроме этого, республику посетили парламентские делегации Швеции, Ирана, ГДР, Дании, Пакистана, Норвегии, КНДР.

Однако вернемся к Рашидову.

По мере расширения его политической и общественной активности росло и число его недоброжелателей в республиканской элите. Ведь даже невооруженным глазом было видно, что с ростом авторитета президента растет и вероятная возможность того, что именно он сможет в скором времени претендовать на главный пост в республике — должность 1-го секретаря ЦК, вернув тем самым самаркандскому клану бразды правления, которые были у него отобраны еще в начале 30-х годов.

Эти опасения имели под собой весьма реальные основания, поскольку на фоне большинства руководителей республики Рашидов выглядел наиболее выигрышно: это был человек поистине энциклопедических знаний. В то время как многие его коллеги по

руководящей работе кроме партийных документов практически ничего больше не читали, Рашидов постоянно штудировал самую разную художественную и историческую литературу, знал наизусть множество стихов, в том числе и классиков, начиная от Алишера Навои и заканчивая Омаром Хайямом и Александром Пушкиным. Как уже говорилось, он также обладал отменной памятью, которую постоянно тренировал, запоминая массу фактов и событий, которые происходили с ним на президентском посту.

Кроме этого, как уже говорилось ранее, у Рашидова был феноменальный дар легко сходиться с людьми, что объяснялось не только его широким кругозором и умением поддержать разговор любой направленности, но и врожденным чувством такта и уважения к собеседнику (Рашидов умел слушать людей, чего, увы, многие руководящие деятели делать не умеют). Практически в любой аудитории Рашидов чувствовал себя как рыба в воде. А аудитория у него, президента республики, была самая разная: начиная от простых дехкан и директоров заводов и заканчивая народными артистами и выдающимися спортсменами. Не случайно поэтому именно Рашидов был председателем комиссии по подготовке первой Декады узбекского искусства в Москве, а также одним из инициаторов создания узбекской футбольной команды «Пахтакор».

Деятельность Рашидова-президента во многом напоминала времена правления знаменитого государственного деятеля Узбекистана, одного из внуков Амира Тимура Мирзо Улугбека, который правил Самаркандом в 1409—1449 годах. Улугбек вошел в мировую историю не только как крупный государственный деятель, но и как ученый и просветитель. Так, в годы своего правления он построил около Самарканда одну из наиболее значительных обсерваторий средневековья (Расад). Главный труд, который был выполнен в обсерватории — «Новые астрономические таблицы» («Зидж-и-джедит-и Гурагони») — содержал изложение теоретических основ астрономии и каталог положений 1018 звезд, определенных с большой точностью.

К сожалению, судьба Улугбека в итоге сложилась трагически: он был убит по приказу собственного сына Абдуллатифа, рвавшегося к власти, а его обсерватория полностью разрушена (ее остатки нашел в 1908 году археолог В. Вяткин). По сути, Рашидов и в этом повторит судьбу Улугбека: конец его жизни тоже окажется во многом трагическим и клевета станет спутницей его имени на протяжении нескольких лет. Но, как и в случае с Улугбеком, история очень быстро расставит все по своим местам, воздав Рашидову должное за те деяние, которые он совершил в годы своего руководства республикой.

Как уже говорилось, просветительская деятельность Рашидова в годы его президентства была весьма многогранной. Так, будучи писателем, он стал одним из инициаторов и участников Международной конференции писателей стран Азии и Африки, которая состоялась в Ташкенте (отметим, что на этом же поприще активно трудилась и жена его покойного дяди Хамида Алимджана поэтесса Зульфия (Исроилова), которая в 1959 году будет удостоена ордена Ленина). Он же выступил активным инициатором упомянутой выше Декады в Москве, которая ставила своей целью значительно расширить авторитет узбекских литературы и искусства в масштабах всей страны.

Отметим, что по давно установившейся традиции, каждая советская республика имела почти равные возможности в деле пропаганды своих свершений. Происходило это по нескольким каналам: через прессу (там регулярно публиковались материалы о жизни в союзных республиках), через радио и телевидение (трансляции торжественных мероприятий, посвященных союзным республикам; концертов их творческих коллективов и т. д.), через кинематограф (по всему Союзу каждый год в прокате демонстрировались от 3 до 5 фильмов союзных республик), через литературу.

Если взять Узбекистан, то его авторитет в широких кругах советского населения в первую очередь зиждился на именах известных людей, представлявших массовые искусства: кино, музыку, литературу. Например, из узбекских оперных артистов это была певица театра оперы и балета имени А. Навои Халима Насырова, которая за свои успехи на сцене была награждена званием народной артистки СССР (в 1937 году), а затем дважды становилась лауреатом Сталинской премии (в 1942 и 1951 годах).

Из актеров узбекского кино в СССР в 1940-е — 1950-е годы был хорошо известен Раззак Хамраев, который сыграл главные роли в таких популярных фильмах, как «Тахир и Зухра» (1945), «Похождения Насреддина» (1947) и «Алишер Навои» (1948).

Среди узбекских литераторов особенно выделялись Гафур Гулям (Сталинская премия в 1946 году) и Абдулла Каххар (Сталинская премия в 1952 году). В 1950-е годы к этим именам прибавилось и имя Шарафа Рашидова, романы и повести которого начали издаваться в большинстве советских республик, в том числе и в РСФСР.

Среди узбекских эстрадных артистов, пользующихся большой популярностью как в СССР, так и далеко за его пределами, в первую очередь следует назвать танцовщицу Тамару Ханум. Она родилась в 1906 году в Фергане и была наполовину армянкой (ее отцом был Артем Саркисович Петросян). Танцевальной деятельностью Тамара начала заниматься в 13-летнем возрасте, причем ее карьера могла завершиться самым трагическим образом, едва успев начаться. Поскольку юная артистка начала выступать на сцене с открытым лицом, это вызвало гнев правоверных мусульман, которые однажды стали забрасывать Тамару камнями и палками. От неминуемой гибели ее спас знакомый.

В 1921 году Тамара поступила в русскую балетную труппу в Ташкенте. Вскоре после этого вместе с ансамблем Кари-Якубова она начинает гастрольную деятельность — разъезжает по республике. Три года спустя Тамара отправляется в Москву и поступает в Театральный техникум на хореографическое отделение. Именно там она окончательно берет себе тот творческий псевдоним, с которым до этого к ней обращались лишь близкие люди и сослуживцы — Тамара Ханум (Ханум в тюркском языке имеет значение уважительного отношения к женщине). Услышав за кулисами это прозвище, один из администраторов зала, где она должна была выступать, написал на афише: «Концерт с участием Тамары Ханум» — с тех пор так и повелось.

Уже во второй половине 1920-х годов слава Тамары Ханум шагнула далеко за пределы Узбекистана. Как гласит легенда, ее мастерству поклонялась даже знаменитая танцовщица Айседора Дункан, которая однажды пришла за кулисы к Ханум и попросила разрешение у нее... пересчитать шейные позвонки и ощупать кисти рук. Дункан никак не могла поверить, что у человека может быть столь гибкое тело. Почти то же самое случилось с Ханум во время ее гастролей в Париже. Как вспоминала позднее она сама: «По улицам ходить было очень трудно, нас всегда окружала толпа. Я крепко держалась за руку Кари-Якубова. Увидев улицы Парижа, я поняла, что выйти в моем узбекском платье нельзя, неудобно. Я попросила Кари-Якубова купить мне европейскую одежду. В магазине меня окружила толпа продавщиц, моментально подобрали мне туалет и детали к нему, и тут же стали просить продать им мою одежду. Они так восхищались моим халатом, шитыми золотом туфлями, ханатласным платьем и особенно украшениями. Я разрешила примерить свой костюм — они встали в длинную очередь. Тогда я решительно надела свои вещи, а купленные понесла в картонке».

Тамара Ханум стала настоящим полпредом советского Узбекистана за его пределами. Ведь искусство доступно почти каждому человеку и редко у кого вызывает чувство отторжения (как это, к примеру, часто бывает с политикой). Поэтому Ханум с ее изумительным искусством восточного танца и пением (а танец она удачно совмещала с вокалом) была понятна практически каждому человеку в любой точке земного шара. Неудивительно, что где-нибудь в Англии или Австралии при одном упоминании Узбекистана миллионы людей тут же немедленно реагировали: «Тамара Ханум».

Придя в 1926 году в Узбекский этнографический ансамбль в качестве рядовой танцовщицы, спустя десятилетие Тамара Ханум стала создателем и руководителем Государственного музыкального драматического театра. Ее артистический диапазон буквально поражал воображение: она играла Ширин в «Фархаде и Ширин», Лейли в «Лейли и Меджнун», Халиму в музыкальных драмах, исполняла вокальные партии, танцевала в балете «Ференджи» классическую партию, играла в комедии Н. Гоголя «Женитьба», а также рисовала эскизы костюмов, оформляла собственную инсценировку хорезмского вокально-танцевального представления. Отныне без нее не обходился ни один правительственный концерт в Кремле, поскольку Тамара Ханум — одна из любимых артисток самого Сталина. В 1941 году за свои успехи в пропаганде узбекского (а значит, и советского) искусства она была удостоена звания лауреата Сталинской премии.

В годы войны Тамара Ханум много гастролирует за рубежом, а все средства от концертов передает в Фонд обороны. Выступает она и на фронте, за что ей в конце войны присваивают звание капитана Советской Армии.

В 50-е годы Тамара Ханум по-прежнему находилась в ореоле славы, являясь самой яркой звездой культуры Узбекистана. Именно поэтому в 1956 году она удостаивается высокого звания народной артистки СССР.

Рашидов познакомился с Ханум еще в 1940-е годы, когда работал журналистом. Став президентом республики, он стал покровительствовать артистке уже как государственный деятель, прекрасно понимая, что ее слава служит на благо всего Узбекистана.

Между тем на поприще пропаганды узбекского искусства во второй половине 50-х появились и более молодые дарования — те, кто станет гордостью Узбекистана в следующем десятилетии. Одним из них был эстрадный певец Батыр Закиров — по сути, первопроходец в легком песенном жанре в Узбекистане. Как пишет музыковед И. Волков:

«Батыр Закиров не мог не стать певцом. Бывает, что приход человека в искусстве определяет случайность, счастливое стечение обстоятельств. Если бы Луи Лепле не услышал на улице голос нищей девчонки, мы, по всей видимости, не знали бы Эдит Пиаф. У Батыра Закирова все было предопределено заранее. Первого своего появления на большой сцене он сам, конечно, не помнит, потому что дебютировал, если можно так выразиться, еще в грудном возрасте: на сцену Узбекского Государственного театра оперы и балета имени Алишера Навои его выносил отец — народный артист Узбекской ССР певец Карим Закиров, — как то и требовалось по ходу действия оперы «Гульсара». Так что «запах кулис» был знаком Батыру Закирову буквально с пеленок (он родился в апреле 1936 года. — *Ф. Р.*). Известной певицей, солисткой Ташкентского музыкального театра драмы и комедии имени Мукими была и его мать — Шоиста Саидова. Их шумный гостеприимный дом посещали многие выдающиеся узбекские артисты и певцы того времени: Тамара Ханум, Муккарам Тургунбаева, Мухитдин Кара-Якубов, Халима Насырова, Мухтар Ашрафи. Так что Батыру, его сестре Луизе, братьям Фарруху, Джамшиду и Ноуфалю некуда было деваться — атмосфера искусства, музыки, поэзии, живописи, импровизаций, творческих находок питала их с раннего детства. Вот так и сформировалась в Ташкенте музыкально-артистическая династия Закировых...»

Закончив школу-восьмилетку в 1951 году, Батыр поступил на подготовительное отделение Ташкентской консерватории. Окончив его, он становится студентом по классу вокала. В середине 1950-х, когда благодаря хрущевской «оттепели» в советском искусстве начинаются активные поиски новых средств и форм самовыражения, новый импульс получает и эстрадная музыка. Эта волна доходит и до Узбекистана, где Батыр Закиров создает первый в республике эстрадный ансамбль под названием «Юность». Как пишет все тот же И. Волков:

«До этого момента эстрады в ее нынешнем понимании в Узбекистане практически не существовало. А это значит, что не было ни традиций исполнения, ни манеры сценического поведения, ни репертуара, ни авторов — поэтов и композиторов, пишущих для эстрады. Все это нужно было создавать, придумывать, искать — словом, начинать с нуля.

Правда, был надежный фундамент — неисчерпаемая сокровищница узбекской народной песенной культуры с ее яркой, многоцветной поэтикой, богатейшей ритмикой, тесной связью со сценическим действием, танцем (узбеки говорят не «спой песню», а

«сделай песню», подразумевая и песню, и танец как неразрывное целое). Но процесс перехода народной песни, народных песенных традиций на эстрадные подмостки — процесс трудоемкий, сложный и не всегда оправданный и, конечно, требующий большого такта исполнителя и аранжировщика. А это все приходит со временем. Пока же Батыр с сестрой Луизой с успехом исполняют популярные песни из индийских кинофильмов.

Это была хорошая школа. Индийские песни очень непросты в вокальном отношении — непривычное построение мелодии, трудная артикуляция, переходы на фальцет. Кроме того, исполнение заведомо популярных песен требует и особого контакта с публикой, и умения воссоздать национальный колорит, и мастерства стилизатора. Но чтобы не получилась пустая, никому не интересная копия, нужно еще сделать песню своей, как говорят, артисты, «пропустить ее через себя», вложить в нее свои мысли, свои чувства, свое понимание мира...».

Ансамбль «Юность» достаточно быстро завоевал популярность у ташкентской молодежи. Однако это была, так сказать, узкая слава. Все изменилось летом 1957 года, когда «Юность» приезжает в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Там Батыр исполняет несколько песен, однако самой знаменитой суждено будет стать не индийской (хотя индийское кино в СССР пользовалось большой популярностью), а арабской на слова древнего поэта Дариз Эль Атташа. Песня так и называлась — «Арабское танго» («О, светоч грез моих»). Она была настолько интересна и оригинальна, что ее записывают на Всесоюзном радио и отныне транслируют на всю страну, сделав имя Батыра Закирова известным на весь СССР (именно с этой песней его тогда же впервые показали по всесоюзному телевидению).

Еще один прорыв на «узбекском направлении» во второй половине 1950-х происходит на спортивном поприще. И вновь руку к этому прикладывает Шараф Рашидов. Будучи страстным футбольным болельщиком, он давно вынашивал идею, чтобы узбекский футбол был допущен к играм в высшей лиге.

Отметим, что история узбекского футбола брала свое начало еще до установления там советской власти, а если быть точным — с 1912 года. Именно тогда в Фергане был официально организован первый на территории Узбекистана футбольный клуб под названием «Общество скобелевских футболистов». Чуть позже (через несколько месяцев) свои футбольные команды были образованы в Ташкенте, Самарканде и Коканде, Андижане.

После установления в Узбекистане советской власти футбол там получил свое дальнейшие развитие. И вот уже к 1922 году там насчитывалось несколько десятков команд. Причем если до революции в эту игру в основном играли не коренные жители, то теперь в нее стали втягиваться молодые люди местной национальности — узбеки, таджики и др. В середине 1920-х в Узбекистане начали проводиться футбольные чемпионаты в отдельных городах, а с 1927 года — первенство республики. Спустя год сборная Узбекистана по футболу уже участвовала во Всесоюзной спартакиаде в Москве и добилась значительного успеха: заняла 7-е место из 23.

С 1936 года в СССР стали проводиться регулярные чемпионаты страны по футболу, а уже на следующий год во второй лиге в группе «Г» играла команда ташкентского «Динамо», которая заняла 8-е место. После этого вплоть до 1946 года узбекские футболисты не принимали участия в чемпионатах страны.

После войны чемпионат страны был возобновлен и сразу три узбекские команды — «Динамо», «Спартак» и «ОДО» (Окружной Дом офицеров) из Ташкента были включены в состав команд, игравших в классе «Б» (вторая группа, Среднеазиатская зона). Эта зона насчитывала девять команд и кроме вышеперечисленных в нее входили: алма-атинские «Динамо» и «Спартак» (Казахстан), ашхабадский «Локомотив» (Туркмения), сталинабадское «Динамо» (Таджикистан), фрунзенские «Динамо» и «Спартак» (Киргизия). Узбеки там выступали не плохо: например, в 1946-м «ОДО» взяло 2-е место, в 1947-м «Динамо» — 3-е, в 1948-м «ОДО» — 1-е (с переходом в более высшую подгруппу).

В 1948 году высшие футбольные власти страны хотели включить среднеазиатские команды в высшую лигу первенства, но в последний момент эта затея сорвалась. Два года спустя эти команды были включены в класс «Б» и узбеки в том году заняли там 5-е место (в 1951-м уже 13-е, в 1952-м — 16-е).

Тем временем во второй половине 1950-х популяризация футбола в стране заметно пошла в гору. Матчи высшей лиги стали транслировать по телевидению, а в прессе, помимо газеты «Советский спорт», регулярно освещавшей все аспекты футбольной жизни, вопросы футбола стали находить свое отражение в новом издании — журнале «Спортивные игры», первый номер которого вышел в 1955 году. Естественно, на этом фоне среднеазиатские футбольные власти стали с новой силой стремиться в высшую лигу, поскольку это служило поднятию престижа их республик, причем не только в спорте, но и в государственной политике. Перед Москвой все чаще стал подниматься вопрос о

коллективном включении республиканских команд в состав высшей лиги. В итоге Москва согласилась, пообещав сделать это уже в ближайшие годы.

Именно тогда (весной 1956 года) в Узбекистане была сформирована общенациональная команда «Пахтакор» (Ташкент), которая должна была стать республиканским клубом-флагманом. В качестве тренера был приглашен из Москвы опытный динамовский тренер Валентин Бехтенев, который собрал в «Пахтакоре» лучших ташкентских игроков из разных клубов. Правда, первые два «блина» у клуба-новичка вышли «комом»: в сезоне-1956 «Пахтакор», выступая в турнире среди команд второго эшелона класса «Б», занял всего лишь 13-е место, в следующем — 10-е. Однако в последующие годы спортивные показатели клуба заметно улучшились — ташкентцы целых два сезона (1958—1959) занимали 4-е места.

Рашидов внимательно следил за судьбой «Пахтакора» и, при любой возможности, старался помочь ему всем, чем возможно. Конечно, команде помогал не только он один, но и другие тогдашние республиканские руководители (1-й секретарь ЦК Н. Мухитдинов и премьер-министр С. Камалов), однако именно Рашидов чаще всего выступал в роли «толкача» новорожденной команды. По его ходатайствам ей выделялись все необходимые средства, в том числе и денежные (как на содержание игроков, так и на другие нужды). В 1956 году команда заимела в Ташкенте свой собственный стадион республиканского значения «Пахтакор» вместимостью 60 тысяч зрителей.

Отметим, что именно в 1956 году в СССР была проведена 1-я Спартакиада народов СССР, на которой сборная Узбекистана заняла всего лишь 15-е место, завоевав три медали: одну серебряную и две бронзовые. Однако уже на 2-й Спартакиаде три года спустя у республики оказалось куда более престижное место — 8-е.

Глава 8

В ПАУТИНЕ ИНТРИГ

Все перечисленные факты активного участия Рашидова в общественной жизни республики поднимали его авторитет, но в то же время плодили и завистников, которые буквально спали и видели, как бы сместить его с президентского поста, а то и во-

все свести на тот свет. Дело в том, что ни для кого в верхах не было секретом, что у Рашидова были нелады со здоровьем (как мы помним, у него после ранения, полученного на фронте, появились проблемы с работой сердца), поэтому его противники надеялись, что любой сильный удар по его нервной системе может самым пагубным образом отразиться на его сердце.

В начале 1956 года, после того как Хрущев выступил на XX съезде партии с докладом «О культе личности Сталина», во многих республиках начались гонения на многих деятелей, кто вознесся при Сталине. Рашидов тоже попадал в их число, поскольку в последние годы жизни вождя руководил Союзом писателей Узбекистана, а потом из «главных писателей» шагнул в президенты республики. К тому же в мае того года в Москве покончил с собой Александр Фадеев, который, как мы помнил, давно симпатизировал Рашидову.

Все эти события играли на руку недоброжелателям Рашидова, однако их попытки убрать его с политической арены были сорваны внешними факторами: осенью того года республика сдала государству рекордный урожай хлопка — 2 миллиона 857,8 тысяч тонн, причем 85% было сдано первым сортом — и Москва наградила Узбекистан вторым орденом Ленина (первый, как мы помним, республика заработала своим ударным трудом в 1939 году). Почти 16 тысяч колхозников, механизаторов и партийных работников были награждены орденами и медалями, в том числе: 202 человека удостоились звания Героя Социалистического Труда (им вручили орден Ленина и Золотую звезду «Серп и Молот»; 1172 человека наградили орденами Ленина; 2955 — орденами Трудового Красного Знамени, 4881 — орденами Знак Почета). Это было самое масштабное награждение передовиков Узбекистана за всю тогдашнюю историю республики: в 1939-м была награждена лишь небольшая группа передовиков, а теперь — сразу 15 714 человек!

Отметим, что именно тогда в стране появился первый в стране трижды Герой Социалистического Труда — им стал председатель колхоза «Шарк Юлдузи» (с 1935 года) Хамракул Турсункулов (двух Звезд он был удостоен еще при Сталине: в 1948 и 1951 годах). Причем вышло все спонтанно. Дело в том, что когда узбекское руководство отправило в Москву материалы на Турсункулова, включив его в общий список награжденных, столица ответила отказом: дескать, рано еще открывать в стране список трижды Героев. Но когда в Ташкент приехал Хрущев, чтобы лично прикрепить орден Ленина на Знамя республики и ему рассказали

об этом отказе, он немедленно, прямо во время торжественного банкета, позвонил в Москву и дал команду наградить Турсункулова третьей Звездой Героя. И сам об этом сообщил собравшимся под шквал аплодисментов.

Между тем недоброжелатели Рашидова не оставляли попыток выбить его из руководящего кресла. Один из самых мощных ударов по нему был нанесен в августе 1957 года, когда в высших кругах Узбекистана пошли разговоры о том, что у Мухитдинова появились реальные шансы пойти на повышение — переехать в Москву под крыло Хрущева. Последний взялся еще более активно налаживать мосты со странами Юго-Восточной Азии, а также с арабским Востоком, поэтому мусульманин в руководстве ему был просто необходим. А поскольку наиболее тепло из всех азиатских руководителей он относился к Мухитдинову, то все «стрелки», как говорится, сходились именно на его кандидатуре. Догадываясь об этом, противники Рашидова решили лишить его любой возможности претендовать на главный пост в республике.

Начиная атаку против Рашидова, его недоброжелатели были уверены в своей победе, поскольку конъюнктура момента складывалась как никогда в их пользу. Дело в том, что в том году в республике сложились неблагоприятные условия для сбора хлопка (плохая погода, маловодье) и было ясно, что не только перекрыть прошлогодний результат, но и сравняться с ним уже не удастся (сбор хлопка тогда составил 2 миллиона 750 тысяч тонн). Тут еще случились июньские события в Москве, когда Хрущев и К° разгромили на Пленуме антипартийную группу в лице Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Кроме перечисленных лиц в эту группу еще входил и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ворошилов — непосредственный шеф республиканских президентов, в том числе и Рашидова.

Отметим, что Ворошилов всегда симпатизировал последнему, считая его одним из самых образованных и интеллигентных руководителей национальных окраин. А поскольку Климент Ефремович был членом Политбюро и весьма популярным в народе политическим деятелем, то его мнение многое решало (например, предшественник Ворошилова на посту президента Николай Шверник таким авторитетом в обществе не пользовался). Поэтому сместить Рашидова с его поста при Ворошилове было весьма проблематично — Климент Ефремович весьма ревностно следил за тем, чтобы никто не смел посягать на его владения. Однако в июне 1957-го кресло под «народным Маршалом» реально закача-

лось и многим тогда показалось, что его дальнейшая карьера висит на волоске. Как мы теперь знаем, Хрущев простит Ворошилову его участие в «антипартийной группе» (и в кресле президента страны Маршал просидит еще три года), однако летом 57-го, повторюсь, еще ничего не было ясно. Поэтому лучшего времени для недоброжелателей Рашидова нанести по нему удар трудно было себе представить.

В итоге на одном из августовских заседаний Бюро ЦК КП Узбекистана в повестку дня был включен один вопрос — «О товарище Рашидове Ш. Р.». Инициатором обсуждения стал... сам 1-й секретарь республиканского ЦК Нуритдин Мухитдинов. Он перечислил перед собравшимися прегрешения Рашидова: мол, защищает негодных работников, невнимателен к талантливым руководителям, плохо справляется с отдельными ответственными поручениями и т. д. Однако в ходе обсуждения «неправильного поведения Рашидова» (формулировка Мухитдинова) мнения членов Бюро разделились.

Так, председатель Совета Министров республики М. Мирза-Ахмедов сказал, что знает «поведение Рашидова в крутых моментах в бытность его секретарем Самаркандского обкома, оно было партийным, мужественным, принципиальным. Его выдвинули по заслугам, сейчас он один из популярнейших работников нашей республики. Его мы все уважаем... Его ошибки, мне кажется, происходят в некоторой степени от переоценки своего авторитета и знаний. Он общается с руководителями ЦК КПСС, с правительством, с К. Е. Ворошиловым. По должности так и должно быть. Но его это должно украшать, а у него начали появляться серьезные ошибки».

Первый секретарь Ферганского обкома Г. Габриельянц сначала отозвался о Рашидове как об авторитетнейшем человеке в республике, но затем отметил, что он высказывается не совсем обдуманно. Секретарь ЦК А. Лучинский отметил «некоторое высокомерие, самоуверенность Рашидова, принимавшего на себя решение тех или иных вопросов». Председатель КГБ Узбекистана А. Бызов заявил, что «к Рашидову следует предъявлять требования более высокие, чем к целому ряду других товарищей. Он писатель, интеллигент, человек с очень деликатной натурой, требующий и от других по отношению к себе чрезвычайной деликатности».

В итоге этих прений члены Бюро решили пока ограничиться предупреждением Рашидову, которое было зафиксировано в виде специального постановления. Его полный текст гласил следующее:

«Заслушав и обсудив сообщение т. Мухитдинова о некоторых ошибках, допущенных т. Рашидовым, выступления членов Бюро товарищей Камалова, Мельникова, Рахимбабаевой, Мирзаахмедова, Габриельянца, Бызова, Лучинского, кандидата в члены Бюро ЦК т. Нуритдинова, а также объяснения т. Рашидова, Бюро ЦК КП Узбекистана отмечает, что т. Рашидов в своей работе за последнее время допустил ряд ошибок. Он заигрывал с отдельными руководящими работниками республики, особенно с теми, которые в своей практической работе имеют серьезные недостатки и упущения, за что они были подвергнуты серьезной критике на Бюро ЦК Компартии Узбекистана (тт. Кучкаров, Магрупов). Тов. Рашидов неправильно требовал пересмотра решения Бюро ЦК о награждении орденами отдельных работников в их присутствии.

Серьезной ошибкой т. Рашидова было то, что он при наличии мнения большинства членов Бюро ЦК КП вычеркнул отдельные формулировки проекта решения Бюро ЦК «О непартийном поведении тт. Алиева, Беглова, Азизханова и Бабаханова» от 07.01.1957 года, что меняло смысл этого документа в сторону смягчения остроты вопроса. Тов. Рашидов, иногда глубоко не разобравшись в существе дел, предъявлял необоснованно обвинения работникам аппарата ЦК (в заволокичивании дела о награждении т. Моисеева Б. Я., обвинение работников отдела ЦК в связи со статьями о т. Магрупове).

Тов. Рашидов, являясь председателем межколхозного совета по освоению Центральной Ферганы, а также председателем комиссии по подготовке к проведению Декады узбекского искусства и литературы в Москве, неудовлетворительно выполняет эти поручения ЦК КП Узбекистана.

Бюро ЦК считает совершенно неправильным, когда т. Рашидов болезненно реагировал на замечания, сделанные ему отдельными членами Бюро ЦК, и своевременно не сделал из них соответствующих выводов, а в отдельных вопросах и во взаимоотношениях с некоторыми членами Бюро вел себя неискренне.

Бюро ЦК КП Узбекистана считает, что т. Рашидов в своих информациях и рассказах о поездках за рубеж допускал неточности и недопонимание политического значения отдельных вопросов.

Бюро ЦК считает, что эти допущенные т. Рашидовым ошибки являются результатом того, что он за последнее время стал переоценивать себя и результаты своей работы, особенно в идеологических вопросах.

Бюро ЦК КП Узбекистана постановляет:

1. Обратить внимание т. Рашидова на недопустимость в дальнейшем подобных фактов в своей практической работе.

2. Принять к сведению заявление т. Рашидова о том, что он глубоко осознал свои ошибки и дает слово не повторять их в будущем».

Позднее сам Рашидов признается, что в его жизни это был один из самых тяжелых периодов — 1956—1957 годы. Что, вспоминая о событиях того времени, у него невольно слезы наворачиваются на глаза. По сути он тогда находился в полушаге от завершения своей политической карьеры, поскольку эти события не только пошатнули его авторитет, но и самым серьезным образом отразились на его здоровье. Достаточно сказать, что в 1958 году он длительное время вынужден был лечиться (ему была сделана сложная операция), причем не только у себя на родине, но и в Москве, где элитная медицина была более высокого качества. Вполне вероятно, его недоброжелатели именно на это и рассчитывали — что здоровье Рашидова вынудит его подать в отставку. Но этого не произошло. В 41 год Рашидов не собирался уходить на пенсию, хотя без работы он в любом случае бы не остался — ведь даже будучи президентом республики, он продолжал заниматься литературной деятельностью.

Тем временем спустя четыре месяца после заседания Бюро по поводу Рашидова (в конце декабря 1957 года) Мухитдинова и в самом деле перевели на работу в Москву: он был введен в Президиум ЦК КПСС, а также назначен секретарем ЦК КПСС, курировавшим не только азиатское направление внутри страны, но и вне ее. Таким образом за последние семь лет в Узбекистане уже трижды менялось высшее партийное руководство — частота достаточно редкая.

Отметим, что выдвижение мусульманина в состав высшего партийного ареопага вызовет ревность со стороны практически всех высших республиканских руководителей. Среди них пойдут разговоры, что Узбекистан намеренно тянут в передовые регионы, а его столица Ташкент становится чуть ли не второй (!) столицей страны.

С уходом Мухитдинова в Бюро ЦК КП Узбекистана встал вопрос о его преемнике. И здесь мнения членов Бюро разделились: ряд членов выдвинули «ташкентца» Сабира Камалова, который в течение двух последних лет возглавлял Совет Министров Узбекистана, другие рекомендовали... Шарафа Рашидова. В итоге победил первый, хотя сам он и сомневался в правильности такого

решения — считал, что у него маловато опыта для того чтобы руководить целой республикой. Однако за ним стоял ташкентский клан, который не собирался выпускать вожжи руководства республикой из своих рук.

Кроме этого, с кандидатурой Камалова согласилась и Москва, где еще не успели забыть недавнее «персональное дело» Рашидова (собственно, именно для этого то «дело» и было явлено на свет). Тогда в Узбекистане еще никто не подозревал, что эта пертурбация далеко не последняя и что уже в скором времени новый руководитель республики будет изгнан со своего поста как не справившийся со своими обязанностями. Однако это будет чуть позже, а пока Центр всячески благоволит к новому руководству Узбекистана и соглашается на весьма показательный шаг: проводит в Москве 18—19 февраля 1958 года Всесоюзное совещание хлопкоробов, на которое съезжаются около 1500 передовиков производства и почти все республиканское руководство.

Отметим, что ничего подобного в отношении Узбекистана Центр еще не проводил. Только один раз, еще при Сталине в 1935 году, в Кремль были приглашены лучшие люди Узбекистана, однако тогда эта делегация насчитывала в своих рядах всего два десятка человек. Гостям были вручены высшие государственные награды страны, подарки. Однако Хрущев решил переплюнуть «вождя народов» и пригласил в Кремль сразу полторы тысячи узбекистанцев. Конечно, дело здесь было не в личных симпатиях руководителя страны, а в его государственной заинтересованности — ему позарез нужен был хлопок, причем в большом количестве.

Между тем во время этого слета произошел весьма курьезный случай. Дело в том, что узбеки привезли с собой и поваров, которые должны были поразить руководителей страны и гостей представительного форума национальным блюдом — пловом. Для этого в Москву были привезены несколько огромных чугунных казанов. Однако их размеры были столь большими, что они не уместились на кремлевской кухне. Тогда повара-узбеки решили варить плов... прямо на улице. Вынесли казаны и стали рыть для них огромные ямы на одной из кремлевских лужаек. Естественно, когда это увидела охрана, она пришла в ужас. И тут же вызвала к месту происшествия главного узбека в кремлевском руководстве — Нуритдина Мухитдинова. И тот уладил конфликт: нашел отдельный зал на кухне Кремля, где удалось разместить половину казанов. Кстати, от приготовленного плова все кремлевские руководители пришли в полнейший восторг.

Между тем во второй половине 50-х Узбекистан продолжил свое бурное развитие, причем не только в сельском хозяйстве. Вот лишь некоторые его тогдашние показатели.

Например, вклады только сельского населения в сберкассы к 1959 году увеличились в сравнении с началом десятилетия в 4 раза и составили 244 миллиона рублей.

В Узбекистане в то время действовало 31 высшее учебное заведение (88 тысяч студентов) и 85 средних специальных учебных заведений. На каждые 10 тысяч жителей республики приходилось 108 студентов, в то время как в США было их 92, в Японии — 58, во Франции — 30, в Италии — 31. Учился в Узбекистане каждый четвертый человек, специалистов с высшим и средним образованием насчитывалось около 190 тысяч — столько же, сколько их было во всей царской России в 1913 году. То есть, всего за каких-нибудь 45 лет Узбекистан из безграмотной окраины Российской империи превратился в одну из самых образованных республик. Впрочем, такие же показатели тогда были и у других союзных регионов. Достаточно привести хотя бы следующий факт. Когда в 1960 году к власти в США пришел президент Джон Кеннеди, первое, что он сделал: дал задание ЦРУ разработать меры по копированию системы образования СССР. То есть, Кеннеди был восхищен тем, как безграмотная в сравнительно недавнем прошлом страна сумела совершить непостижимый экономический рывок, выиграла войну и стала сверхдержавой.

Однако вернемся к Узбекистану.

Количество радиоприемников у населения республики к концу 50-х достигло 706 тысяч, а радиотрансляционных точек — 750 тысяч. Ежегодное число зрителей, посещавших кинотеатры в городах и на селе составило 75 миллионов (9 посещений в год на человека).

В Ташкенте действовал завод грампластинок, который первую продукцию (несколько тысяч грампластинок) выпустил в августе 1945 года. Спустя четырнадцать лет завод выпустил уже 12 миллионов грампластинок, которые распространялись по всей стране.

Начало развиваться в республике и телевизионное вещание. Первый телецентр в Узбекистане был открыт в Ташкенте в 1956 году (второй откроют в Ургенче уже при Рашидове в конце 1961 года, остальные чуть позже). Только в 1959 году населению было продано 39,9 тысяч телевизоров. Телевизионная программа была одна. Чтобы читателю было понятно, что смотрели в те годы жители Узбекистана, приведу в качестве примера телепрограммы двух январских дней 1959 года:

16 января (пятница): 19.30 — «Навстречу XXI съезду КПСС» (на русском языке). 19.45 — Киножурнал. 19.55 — Литературная передача (на узбекском языке). 20.15 — Известия. 20.35 — «О творчестве Глиэра». 21.00 — «Девушка в черном» (художественный фильм).

18 января (воскресенье): 12.00 — «Пахта-ой» (художественный фильм; на узбекском языке). 19.00 — Концерт (отрывки из макомов). 19.40 — Киножурнал. 19.50 — Известия. 20.10 — «Борец и клоун» (художественный фильм).

Между тем время правления Сабира Камалова длилось недолго — всего один год и три месяца. А камнем преткновения при его снятии с должности стали вопросы, к которым в Кремле всегда относились ревностно — национальный и религиозный.

Несмотря на то, что советская власть провозгласила отделение церкви от государства и проповедовала государственный атеизм, однако религия продолжала играть важную роль в жизни жителей СССР. Особенно значительным это влияние было в Средней Азии, где были сильны идеи ислама. Как пишет историк А. Вдовин:

«Ислам являлся не просто религией, но и образом жизни, мировоззрением, системой этических и эстетических норм. Государственная антирелигиозная политика привела к вытеснению ислама из идеологии и политики в сферу семейно-бытовых отношений. Но эта сфера оставалась практически неприступной для советско-коммунистического мировоззрения. Благодаря этому коренные этносы Средней Азии и Казахстана во многом сохранили фундаментальные традиционные жизненные ценности: многодетную семью, иерархичность и коллективизм социальной организации, культурные и профессиональные предпочтения. Этим же можно объяснить и отсутствие национального движения, выступающего за отделение от СССР...».

По мере расширения хрущевской «оттепели», Центр вынужден был несколько ослабить свой диктат над республиками. В итоге те получили в свое ведение право на принятие собственного законодательства об устройстве судов, право самостоятельно решать вопросы областного территориально-административного устройства, а также расширились бюджетные права республик. Кроме этого, из союзного в республиканское ведение было передано более 11 тысяч предприятий, а в мае 1957 года был совершен еще более радикальный шаг: отраслевая система управления была заменена на территориальную. Верховные Советы республик создали 107 экономических районов (70 из них в РСФСР),

в которых были учреждены коллегиальные органы управления — совнархозы. Было ликвидировано 141 союзное и республиканское министерство. Возникло 107 мини-правительств с отраслевыми и функциональными отделами. Над ними пришлось надстроить республиканские совнархозы — параллельно сохранившимся Совминам.

Все эти нововведения, которые вели к резкой децентрализации и разделению всей системы управления, в итоге вдохновили республиканские элиты на более решительные шаги в деле ослабления диктата Центра. Например, в Узбекистане при С. Камалове началась кампания по коренизации кадров (то есть из руководящих рядов стали вытесняться представители других национальностей, а главный упор делался на узбеков). Естественно, население, наблюдавшее за этим, ответило соответствующим образом — началось массовое и демонстративное соблюдение мусульманских обрядов: посещение мечетей, обрезание, бракосочетание и погребение умерших по обычаям предков.

Следует отметить, несмотря на 40-летнее существование Советской власти, которая внедряла в массы политику государственного атеизма, отношение простых людей к религии в советских республиках было разным. Если в регионах со славянским населением это отношение было, скорее, отстраненным, то в Средней Азии и на Кавказе наоборот — религия оставалась главной святыней для большинства людей, в том числе и для молодежи (в славянских республиках молодежь к концу 50-х была уже почти вся безбожной, что в итоге и приведет ее к стремительной вестернизации). Естественно, Центр прекрасно был осведомлен о ситуации, складывающейся в республиках в области религии, но поделать с этим ничего не мог, поскольку не имел в этом деле надежной опоры в лице тамошних коммунистов: те почти все в той или иной мере были религиозны, несмотря на все директивы Центра. Особенно сильно это было выражено в республиках Средней Азии, например, в том же Узбекистане. Как пишет историк Л. Левитин:

«К концу 50-х, наряду с официально существующими мечетями и святыми местами, на территории республики нелегально действовали 270 мечетей и 160 так называемых святых мест, обслуживаемых нелегальными духовниками, наблюдался рост религиозных настроений среди студенчества и учащейся молодежи. Только зарегистрированные мечети в праздники Ураза-хаит и Курбан-хаит в 1955 году посетило 164 тысячи человек, а в 1958 году — уже 288 тысяч. В Самарканде на молебне по случаю Курбан-хаита в мечети Хадиса Зудмурат 19 июля 1956 года присутствовало 12 тысяч человек, более половины из них молодежь в возрасте до 25 лет. По данным Ташкентского горкома в 1959—1960 годах 90% браков молодежи сопровождалось никохом, то есть венчанием через муллу...».

Во многом с согласия партийного руководства республики в Узбекистане начал возрождаться предусмотренный Кораном сбор пожертвований на благотворительные цели, который в основном предназначался для финансирования религиозных мероприятий. Многие «красные чайные» в мгновение ока превратились в центры по пропаганде основ ислама и отправления религиозных обрядов. В итоге дело дошло до того, что заведующий отделом культуры ЦК КП Узбекистана внес на рассмотрение высших партийных инстанций вопрос о замене кириллической основы узбекской письменности арабским алфавитом. Мотивировалось это необходимостью создания кадров арабистов для работы в арабских странах.

Эта инициатива переполнила чашу терпения Москвы. Там всерьез испугались, что подобная политика рано или поздно может привести к обретению национальными элитами чрезмерной самостоятельности, которая в будущем может грозить серьезными проблемами Москве — вплоть до выхода отдельных республик из состава СССР. Это понял даже Хрущев, который в национальных проблемах разбирался слабо и, к примеру, часто путал узбеков с таджиками, а казахов с киргизами. По этому поводу вспоминается одна история, которая случилась с Хрущевым в конце 1955 года, когда он, возвращаясь из поездки в Индию, посетил Узбекистан (отметим, что это был первый приезд руководителя ЦК КПСС в эту республику за всю предыдущую советскую историю).

Выступая на центральной площади Ташкента перед жителями города, Хрущев вдруг начал свою речь с приветствия: «Уважаемые товарищи таджики...». И дальше понес и вовсе запредельное: мол, вы таджики молодцы, хорошо трудитесь, а вот узбеки работают неважно — срывают план по сбору хлопка. Можно себе представить ужас узбекских руководителей, находившихся с Хрущевым на одной трибуне. И недоумение ташкентцев, которые слушали речь руководителя страны, стоя на площади. В итоге кто-то из стоявших рядом с Хрущевым людей сумел быстро разъяснить ему его ошибку и первый секретарь, извинившись перед людьми, перестал в своей речи называть узбеков таджиками.

Между тем в аппарате ЦК (в частности в Отделе организационно-партийной работы, в его секторе среднеазиатских республик) работали люди, которые, в отличие от Хрущева разбирались в национальных проблемах гораздо лучше, чем он. Большая их часть пришла туда еще во времена Сталина, который сам хорошо понимал национальные проблемы (не случайно при Ленине курировал именно это направление в работе ЦК) и стремился к тому, чтобы этим вопросом занимались люди компетентные. Хрущев, придя к власти, часть этих людей из ЦК удалил, однако не всех, что в итоге и помогло ему тогда выправить ситуацию. В результате в конце 50-х-начале 60-х годов почти во всех среднеазиатских республиках прошли широкомасштабные чистки руководящих кадров, которые ставили целью усмирить «закусивших удила» националистов. Первой республикой на этом поприще стал Туркменистан (в 1958 году), а спустя год дошла очередь и до Узбекистана, где к власти пришел наш герой — Шараф Рашидов.

Часть II
МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Глава 9

ТРИ ДНЯ И ДВЕ НОЧИ

Некоторым приближенным к Хрущеву лицам выбор Рашидова в качестве хозяина Узбекистана мог показаться странным, поскольку в их глазах тот тоже считался националистом и приверженцем исламских традиций. Этим людям хорошо был известен поступок Рашидова, датированный 1956 годом, когда он, вернувшись из официальной поездки в Индию, Пакистан, Афганистан и Бирму, куда он ездил в составе правительственной делегации во главе с членом Президиума ЦК КПСС Анастасом Микояном, поднял в Бюро ЦК КП Узбекистана вопрос о неуважительном отношении к чувствам верующих людей в республике. Чтобы понять, о чем идет речь, приведу полный текст записки Рашидова, направленной на имя тогдашнего 1-го секретаря ЦК КП Узбекистана Н. Мухитдинова:

«Во время недавней поездки с товарищем Микояном А.И. в Пакистан, Индию, Афганистан и Бирму я столкнулся с многочисленными фактами антисоветской пропаганды в этих странах со стороны английских и американских империалистов, причем, эта пропаганда в значительной степени ведется через мусульманское духовенство.

Как видно из прилагаемой копии записки, посланной мною в ЦК КПСС, американо-английские империалисты при помощи печати, радио и своих агентов распространяют слухи, что мусульмане в СССР живут в «ужасно тяжелом положении», что коммунисты издеваются над национальными и религиозными чувствами узбеков, таджиков и других мусульман, запрещают им исповедовать ислам.

В последнее время в журналах «Исламик ревью» (Лондон), «Мидул ист джорнэл» (США) и в ряде газет опубликована серия

клеветнических статей, доказывающих, что в Узбекистане ликвидируются не только свобода религии, но и в целом узбекский народ и его национальная культура.

Необходимо, на мой взгляд, поручить востоковедческим организациям Ташкента систематически информировать Бюро ЦК о всех касающихся Советского Узбекистана материалах, публикуемых в странах Востока как нашими друзьями, так и нашими врагами. Мы не можем оставлять без ответа антисоветские выпады в англо-американской печати и в газетах их агентуры в странах Востока.

Наша задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы противопоставить американо-английской провокационной пропаганде нашу пропаганду, направленную на разъяснение в странах зарубежного Востока национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, конституционных прав граждан и особенно свободы религии в СССР, успехов народов Узбекистана и других среднеазиатских республик в своем хозяйственном и культурном развитии.

Этим же целям должен соответствовать наглядный показ иностранным делегациям свободы отправления религиозных культов мусульман в нашей стране, показ мечетей, мазаров, духовных училищ и религиозных памятников.

Между тем, изучение этого вопроса показало, что наша пропаганда в печати и по радио, а также наша информационная деятельность в Пакистане, Индии , Афганистане и Бирме ведутся в весьма ограниченном масштабе и недостаточно активно.

В радиопередачах Узбекистанского комитета радиоинформации для стран зарубежного Востока вопросы свободы личности и особенно свободы религии в СССР поднимаются очень редко. По этим вопросам нет по существу никакой литературы.

Следовало бы организовать выступления по нашему радио, а также в иностранной печати представителей Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана с опровержением клеветнических слухов и сообщений об отсутствии свободы религии в Узбекистане и других среднеазиатских республиках.

Ничем не оправданно прекращение в 1948 году выпуска журнала Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Необходимость в таком журнале очевидна. Отсутствует путеводитель по религиозным местам Узбекистана.

Многие имеющиеся в Узбекистане мечети, мазары и религиозные памятники находятся в запущенном состоянии и используются не по назначению.

Так, например, в левом крыле ремонтируемого ныне здания медресе Барак-хан, где намечается открыть Ташкентское духовное училище, расположена керосиновая лавка Ташпромторга.

Принадлежащее духовному управлению здание, расположенное на территории дворца центральной соборной мечети Тилляшайх, занято под физкультурный зал школы №23, окна этого здания выходят во двор мечети.

В непосредственной близости от медресе и центральной соборной мечети, на арке старогородского рынка, установлен мощный репродуктор-рупор, который включается во время богослужения и заглушает молитву.

Имеющаяся при мазаре Имам Каффал Шаши мечеть занята под общежитие учащихся автошколы; на куполе этой мечети, над религиозным знаком-полумесяцем, установлен красный флаг.

Мазар при соборной мечети Шайх Зайнуддин передан в ведение архитектурного управления, находится под замком, в результате чего духовники нередко лишены возможности показать этот мазар иностранным гостям. Например, во время пребывания в Ташкенте албанской делегации в план входил показ упомянутой мечети, но, к удивлению гостей, никак не могли найти сторожа, у которого хранятся ключи.

В мечети и мазаре Зинги-Ата, расположенных в Янги-Юльском районе Ташкентской области, разместился веревочный цех промартели общества слепых.

Все упомянутые мечети и мазары не только представляют собой ценные архитектурные памятники, но и широко известны в мусульманских странах зарубежного Востока, как «святые места». Приезжающие в Узбекистан иностранные делегации, особенно из мусульманских стран, проявляют большой интерес к этим «святым местам» и стараются их посетить.

Приведенные и подобные им факты неправильного содержания и использования мечетей и мазаров порождают недовольство у духовников и верующих, а также производят плохое впечатление на иностранных гостей и вызывают отрицательные отклики за рубежом. Все это играет на руку американо-английским империалистам и используется ими для клеветы на советский строй в провокационных целях.

Считаю, что требуется вмешательство Бюро ЦК КП Узбекистана в это дело.

Проект постановления прилагаю.

Ш. Рашидов».

Эта записка возымела немедленный эффект. Рассмотрев ее, Бюро ЦК КП Узбекистана приняло целый ряд решений, которые предлагал осуществить Рашидов. Среди них были:

1) издание сборника очерков о жизни мусульман в Узбекистане и иллюстрированного путеводителя по религиозным местам республики на нескольких языках (узбекском, арабском, фарси и урду);

2) улучшение качества радиопередач для стран зарубежного Востока с целью показа свободы религии в СССР;

3) поручение институту востоковедения АН УзССР и восточному факультету САГУ изучать все публикуемые в иностранной прессе материалы относительно положения в советской Средней Азии и информирование об этих материалах руководство республики;

4) поручение Министерству культуры УзССР обеспечить посылку в зарубежные мусульманские журналы писем и статей руководителей Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана, разоблачающих клевету об отсутствии свободы религии в Узбекистане;

5) возобновление издания иллюстрированного журнала — органа Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана, с учетом распространения его основного тиража за рубежом;

6) разрешение Духовному Управлению открыть в 1956 году в Ташкенте духовное училище с контингентом учащихся 30 человек, соответственно сократив контингент обучающихся в бухарском медресе «Мирараб»;

7) разрешение Духовному Управлению построить в Ташкенте гостиницу дачного типа для приема иностранных делегаций духовников;

8) разрешение о передаче в ведение Духовного Управления некоторых мечетей и мазаров, находящихся в ведении архитектурного управления.

Согласитесь, факт появления подобной записки из-под пера Рашидова мог трактоваться определенными людьми в Москве, как «примиренческо-покровительственное отношение к религиозным чувствам мусульман» и «националистическое извращение», что в глазах такого ярого атеиста, каким был Хрущев, могло выглядеть как преступление. И в таком случае Рашидову никогда бы не видать поста руководителя республики. Однако в ЦК КПСС (в том же Отделе организационно-партийной работы), а также в КГБ, органы которого тоже пристально следили

за республиканскими элитами (не случайно в большинстве республик в креслах председателей КГБ сидели ставленники Москвы: например, в Узбекистане тогда это был Алексей Бызов) оказалось куда больше трезвых голов, которые прекрасно понимали, что на фоне Сабира Камалова и стоявших за ним людей такие националисты, как Рашидов, являются скорее благом, чем злом. И это было правдой. Широко образованный и осторожный Рашидов выступал за умеренную исламизацию республики, в то время как Камалов и К°, решив, что Центр утрачивает рычаги управления республиками, вознамерились решить проблему «одним скачком». За что, собственно, и поплатились.

Напомним, что последние 20 лет только представители двух кланов — ташкентского и ферганского — возглавляли высшую партийную власть в республике (в 1938—1950 и 1950—1955 это были «ферганцы» Усман Юсупов и Амин Ниязов; в 1955—1957 и 1957—1959 — «ташкентцы» Нуритдин Мухитдинов и Сабир Камалов). И это было вполне объяснимо, поскольку Ташкентская и Ферганская области считались в Узбекистане передовыми по всем показателям, в том числе и по валовому выпуску промышленной продукции. Однако во второй половине 50-х в Москве, видимо, окончательно пришли к убеждению, что ставленники этих кланов утрачивают свой лимит доверия, а в вопросах национальных отношений и вовсе себя дискредитируют. И Центр, к примеру, вдруг обратил внимание на то, что Ферганская область является самой происламистской в Узбекистане. Все это, без сомнения, было на руку представителям самаркандского клана, одним из ярких представителей которого был именно Шараф Рашидов.

Как уже говорилось, кампанию по замене первых секретарей среднеазиатских республик Москва начала с Туркмении: в декабре 1958 года к ее руководству был приведен Джума Караев. Следующим в списке должен был стать Узбекистан, куда кампания должна была докатиться спустя три месяца — в марте 1959 года. Республиканская элита, естественно, об этом была прекрасно осведомлена, тайной для нее был только один вопрос: кто именно станет новым хозяином республики. Хотя выбор кандидатур был, в общем-то, не особенно и обширен.

В число главных претендентов входили два человека: президент Узбекистана Шараф Рашидов («самаркандец»), который, как мы помним, еще полтора года назад (в 57-м) котировался на этот пост, но в итоге проиграл Сабиру Камалову, и 1-й секретарь Самаркандского обкома Ариф Алимов («ташкентец»). Учитывая, что последний 1-й секретарь был представителем «ташкентского»

клана и в глазах Центра себя дискредитировал, можно было предположить, что больше всего шансов у Рашидова. Правда, у «ташкентцев» в Москве был «свой» человек — секретарь ЦК Нуриддин Мухитдинов, который вполне мог повлиять на Хрущева. Другое дело, сильным ли было это влияние, чтобы вновь привести к руководству республикой своего человека? Ведь однажды Мухитдинов уже подвел Центр, рекомендовав на свое место своего земляка, который возложенное на него дело фактически провалил (позднее, в начале 60-х, Мухитдинову Москва поставит в упрек, что он «оставил после себя никчемное руководство»).

Между тем в первой половине февраля 1959 года Рашидов отправился в Москву. Как выяснится, это будет его последняя поездка в столицу в ранге президента Узбекистана. Привела же его туда служебная необходимость. Во-первых, он присутствовал на открытии Третьей декады литературы и искусства Узбекистана, которую также почтили своим присутствием Н. Хрущев, а также 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Микоян и секретари ЦК КПСС А. Аристов и Е. Фурцева. Декаду открыла опера Мухтара Ашрафи «Дилором», которая была показана на сцене Большого театра. Во-вторых, 23 февраля Рашидов в качестве заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР участвовал во встрече Хрущева с Премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом.

Декада продлилась до 24 февраля: в тот день в Большом театре состоялся заключительный концерт, который вновь посетили Хрущев и Рашидов. В том концерте выступили: танцевальный ансамбль «Бахор», певец Бахрам Мавлянов и др. Когда представление закончилось, знатный посланец Узбекистана — 90-летний Юсуп Шакаржанов — вместе с группой других делегатов поднялся в правительственную ложу и вручил Хрущеву великолепный бухарский ковер с изображением В.И. Ленина, а также другие подарки. Сразу после завершения декады Рашидов вернулся на родину, а спустя три недели был избран на пост 1-го секретаря ЦК КП Узбекистана.

В годы горбачевской перестройки, когда союзная элита начала процесс дискредитации Рашидова, на авансцену пропагандистской кампании был вытянут миф о том, что он попал на пост руководителя Узбекистана случайно. Творцами этого мифа были два известных узбекских писателя: Камиль Икрамов (сын Акмаля Икрамова, который был главой Узбекистана в сталинские годы и который был репрессирован в 37-м) и Тимур Пулатов. Причем отметим, что первый одно время (в конце 60-х, о чем речь еще

пойдет ниже) находился в компрах с Рашидовым, не сойдясь с ним во взглядах на литературные процессы, происходившие в республике, однако спустя десятилетие изменил свои взгляды и в октябре 1979 года написал Рашидову длинное письмо, где были следующие строчки:

«Всякий раз я испытываю наплыв счастья, сознавая, что невероятно трудное дело, начатое моим отцом, вот уже столько лет находится в Ваших удивительно добрых и в то же время могучих руках. Это сочетание благословенно!..».

Не пройдет и десяти лет, как К. Икрамов станет говорить о Рашидове уже совершенно иные слова — оскорбительные. И начнется все именно со статьи в «Литературной газете» за июнь 87-го, где писатель распространит миф о случайности избрания Рашидова на пост 1-го секретаря ЦК КП Узбекистана.

Отметим, что Икрамов и Пулатов в своих рассказах ссылаются на слова одного и того же человека — бывшего члена Бюро ЦК КП Узбекистана Расула Гуламова — но правдивей их версии от этого почему не выглядят. Судите сами.

10 июня 1987 года в «Литературной газете» К. Икрамов поведал следующее:

«В 1959 году, будучи членом Бюро ЦК Компартии Узбекистана, Расул Гуламович возражал против избрания Рашидова на пост первого секретаря, и его точку зрения разделяла ровно половина состава Бюро.

Небывало долгим было то заседание. Советовались с Москвой, расходились, снова сходились и снова спорили. Сомнения в кандидатуре были серьезные, но... Рашидова избрали. Большинством в один голос. И этот голос подал он сам...».

А теперь послушаем рассказ Т. Пулатова, который был опубликован ровно через год после икрамовского — в июле 1988 года — в другом рупоре либерал-перестроечной прессы — журнале «Огонек» (№29). Цитирую:

«В том, что именно Рашидов, а не кто другой, более достойный, занял пост первого секретаря ЦК Компартии республики, сыграла роль случайность. Активный участник тогдашних событий, старый большевик Р. Г. Гуламов рассказывал мне, что, когда на Бюро ЦК решался вопрос, кто будет первым секретарем, голоса разделились поровну «за» и «против» Рашидова. Уже была объявлена дата Пленума ЦК, а члены Бюро все продолжали спорить. Тогда, согласно легенде (почему легенде, если писатель строит свой рассказ на словах реального участника событий — Гуламова? — *Ф.Р.*) представители ЦК КПСС, приехавшие в Ташкент,

позвонили Н. С. Хрущеву: «Узбекские товарищи никак не могут договориться». «А кто там в списке кандидатур?» — спросил Н. С. Хрущев. Ему прочитали список. «Я из них только Рашидова знаю. Были вместе в Индии», — сказал Н. С. Хрущев, и эта его фраза, переданная членам Бюро ЦК, и решила исход голосования в пользу Рашидова...».

Итак, мы имеем один и тот же источник информации — непосредственного участника событий Р. Гуламова, однако ясности в вопросе от этого почему-то не прибавляется, а даже наоборот. Например, по Икрамову получается, что Рашидов сам помог своему избранию на пост 1-го секретаря (именно его голос перевесил чашу весов при голосовании), а по Пулатову выходит, что все решил звонок Хрущеву. В таком случае возникает вопрос: было вообще голосование или нет? Если было и победил Рашидов, тогда зачем надо было звонить в Москву — ведь та уже делегировала в Ташкент своих людей, которые наверняка имели на руках фамилию нужного Центру кандидата? Отметим, что этими людьми были: 1-й заместитель заведующего отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Петр Пигалев и заведующий отделом промышленных товаров ЦК КПСС Леонид Лубенников.

Данную проблему можно было разрешить элементарно: подняв материалы заседания того самого Бюро ЦК КП Узбекистана, на котором решалась судьба будущего 1-го секретаря. Но это сделано не было, причем сознательно. В таком случае все те мифы вокруг избрания Рашидова, которые распространяли по стране люди вроде К. Икрамова и Т. Пулатова, лопнули бы как мыльный пузырь. А именно этого как раз и не хотели тогдашние высшие элиты как в Москве, так и в самом Узбекистане. В итоге правда об этом вскрылась только спустя несколько лет, когда Союз уже развалился — в начале 90-х. Именно тогда в Узбекистане была издана книга С. Ризаева о Шарафе Рашидове, где впервые и была опубликована стенограмма того исторического заседания. В списке имен выступающих была и фамилия Р. Гуламова (на которого ссылались в своих рассказах К. Икрамов и Т. Пулатов), только вот говорил он диаметрально противоположное тому, о чем поведали миллионам людей писатели-мифотворцы.

То памятное заседание по вопросу выборов нового руководителя КП Узбекистана и в самом деле длилось долго — три дня: 12—14 марта 1959 года. Однако отметим, что два первых дня члены Бюро бурно обсуждали деятельность прежнего 1-го секретаря Сабира Камалова (стенограммы этих заседаний насчитывают 453 страницы текста!), и только последний день был посвящен выборам нового руководителя КП республики. Причем изложение этих выборов уместилось всего лишь на 89 страницах, поскольку никаких особенных споров по кандидатуре нового 1-го секретаря не было. А было почти единогласное решение. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые выдержки из тех стенограмм.

Р. Мельников (2-й секретарь ЦК КП Узбекистана) «Нам нужно избрать первого секретаря ЦК. Давайте обсудим кандидатуры. Кто желает взять слово?».

З. Рахимбабаева (секретарь ЦК КП Узбекистана): «Нам, товарищи, сейчас нужен первый секретарь с большой подготовкой, исключительно уважаемый, грамотный, обладающий качествами руководителя, который сумеет сплотить Бюро ЦК, который мог бы на основе сплочения, дружбы внутри Бюро ЦК также повысить требовательность к кандидатам в члены Бюро ЦК, человек высокой эрудиции, близкий с народом, человек, который был бы близко связан с интеллигенцией.

Я думаю, на должность первого секретаря нужно выставить кандидатуру товарища Рашидова Шарафа Рашидовича. Мы его знаем. Если мы ему поможем, каждый на своем участке, еще больше сплотим свои силы и улучшим участки своей работы, если у нас создастся атмосфера взаимоуважения, взаимоподдержки, у нас резко изменится положение.

Этими качествами, которые так нужны секретарю, к сожалению, не обладал бывший секретарь ЦК. Я вношу предложение рекомендовать первым секретарем ЦК товарища Рашидова».

М. Абдуразаков (секретарь ЦК КП Узбекистана): «Я поддерживаю».

Г. Габриельянц (Первый заместитель Председателя Совета Министров УзССР): «Я поддерживаю».

С. Нурутдинов (первый секретарь Ташкентского обкома партии): «Я думаю, что кандидатура Шарафа Рашидовича очень удачная и получит полную поддержку у всех. Во-первых, его положительные качества: человек совершенно эрудированный. Хотя его нынешняя работа имеет свои особенности, но, несмотря на это, в жизни партийной организации он участвует не меньше любого члена Бюро ЦК. Товарищ Рашидов очень принципиальный, чуткий к кадрам, к людям. Я полностью разделяю мнение, что Шараф Рашидович может кадры сплотить и поднять крупные, принципиальные вопросы, связанные с жизнью республики, возглавить республиканскую парторганизацию для решения грандиозных

задач, поставленных XXI съездом КПСС. Я полностью поддерживаю и считаю, что это самая удачная кандидатура».

М. Мирза-Ахмедов (Председатель Совета Министров УзССР): «Я тоже, товарищи, присоединяюсь к предложению товарищей Рахимбабаевой и Нуритдинова. Я считаю, что товарищ Рашидов достоин на выдвижение первым секретарем ЦК КП Узбекистана. Его кандидатура еще год назад котировалась. Год проработал, все-таки у нас убеждения остаются верные, он должен быть первым секретарем ЦК. Он сумеет организовать работу Бюро, сплотить актив республики. Он очень трудолюбивый. Работая Председателем Президиума Верховного Совета, принимал активное участие в подъеме сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. Сильно помогал в развитии литературы, искусства, кино и других отраслей культуры нашей республики. Я думаю, что как здесь, так и на пленуме, будет единодушное одобрение».

М. Мухамеджанов (заместитель Председателя Совета Министров УзССР): «Действительно, нам серьезно надо подумать. Год прошел, мы избрали Сабира Камаловича. Надо сделать так, чтобы нам пришлось долго работать с новым секретарем ЦК. Правильно, качества у него такие, какие назвала Зухра Рахимовна. Я против кандидатуры товарища Рашидова ничего не имею. Действительно, товарищ достойный.

Но вот есть один момент, пусть Шараф Рашидович сам об этом подумает. Здесь надо день и ночь работать. Мы знаем, что здоровье у Шарафа Рашидовича не очень крепкое и все мы желаем ему крепкого здоровья (как уже говорилось, в 1958-м Рашидов серьезно лечился. — *Ф. Р.*). Здесь день и ночь надо сидеть. А ему тяжело. Поэтому мне очень трудно высказаться за его кандидатуру, а для республики, для дела надо вот именно другого товарища подобрать. То, что у меня в душе, — я должен сказать.

Я выдвигаю кандидатуру товарища Алимова. Почему? Во-первых, все стадии работы партийной и хозяйственной он прошел. На какую бы работу его не направляли, он с ней справляется неплохо. Он грамотный, знает хозяйство, имеет опыт работы, знает хлопководство, партийную и советскую работу.

Я думаю, что при желании он может сколотить вокруг себя партийно-советский актив. Да, у него есть некоторые недостатки, которые он может устранить, если мы по-товарищески будем делать иногда замечания, вовремя подскажем. И здоровье такое, что он может работать день и ночь, он еще молодой, еще много лет может работать.

Мне кажется, что его поддержит партийно-советский актив, члены пленума поддержат.

Я еще раз говорю, что против Шарафа Рашидовича я ничего не имею. Пусть он скажет это. Во всяком случае, это такая работа, здесь действительно нужно иметь хорошее здоровье, а товарищ Алимов по всем качествам подходит под эту должность. Я выдвигаю кандидатуру товарища Алимова».

Р. Мельников: «Еще кто хочет сказать, товарищи?».

Р. Гуламов (Первый заместитель Председателя Совета Министров УзССР) (тот самый, на слова которого ссылаются в своих рассказах К. Икрамов и Т. Пулатов): «То, что мы молчим, не от того, что мы не хотим говорить, но прямо будет позорно, если мы и в этот раз не подберем настоящего секретаря, который может достойно возглавить ЦК. Может быть, Сабир Камалович не хотел попасть в такое неудобное положение. Но у него есть некоторые качества, которые довели его до этого.

Зоя Рахимовна (так на русский манер звали Зухру Рахимбабаеву. — *Ф. Р.*) очень правильно говорит, какими качествами должен обладать секретарь ЦК. Мы тоже хотим, чтобы человек, которого мы подберем, имел такие качества. Я Шарафа Рашидовича знаю очень хорошо, не меньше других, если не больше. Он был секретарем обкома по кадрам в Самарканде, а я в отделе кадров ЦК работал. Давно знаем друг друга и дружим. Он хороший товарищ, скромный труженик, пользуется огромным уважением и авторитетом не только в нашей республике. Шарафа Рашидовича знают и за пределами нашей республики, и за рубежом. Он прекрасный проводник линии партии не только внутри нашей страны, но и в международных делах. Наглядным доказательством может служить конференция писателей стран Азии и Африки. Ташкент стал вторым Бандунгом. В этом заслуга товарища Рашидова, я рядом с ним работал и вместе с Зоей Рахимовной помогал в организации этой работы. Я знаю, это была очень ответственная работа. Все время я ношу в душе его кандидатуру.

Он крупный писатель, должен написать много прекрасных произведений. На этой декаде мы говорили, что 300 книг привезли, но там выделялись два-три крупных произведения, в их числе и самое главное — «Сильнее бури» Шарафа Рашидовича. (Речь идет о декаде литературы и искусства Узбекистана в Москве и романе Рашидова, который был продолжением его книги 1951 года «Победители». — *Ф. Р.*)...

Вот единственное, что у меня. Я целиком и полностью за канидатуру товарища Рашидова, который говорит, что у него здо-

ровье неважное. Если мы будем спокойны в этом отношении, мы будем ему помогать, но ему надо будет работать день и ночь. Если бы мы в его лице не потеряли человека в результате перегрузки, не допустили бы подрыва его здоровья, конечно, со всех сторон подходящий секретарь для ЦК КП Узбекистана — это Шараф Рашидович. Не менее подходящей кандидатурой является и товарищ Алимов.

Вот, действительно, может быть, Шараф Рашидович облегчит наше положение, скажет, как он сам на это смотрит. Только нужно здесь отбросить скромность, нужно сказать от души. Он не меньше нас переживает за все это дело, и судьба партийной организации для него не безразлична. Поэтому он должен исходить из интересов партийной организации, с учетом своих возможностей. Если его возможности позволяют, отбросив ложную скромность, если можно так выразиться, он должен сказать нам, тогда бы мы смелее пошли на решение вопроса».

А. Бызов (Председатель КГБ при Совете Министров УзССР): «Вы сами понимаете, что мы сейчас только и думаем об этом деле. Я также, как и все остальные члены ЦК, спать не мог. Дело-то трудное. И действительно, дело получается так, что если через год мы будем менять своих секретарей, мы притчей во языцех станем.

Возникла у меня мысль и о Шарафе Рашидовиче, причем прямо скажу и в личном плане, потому что с Шарафом Рашидовичем мы очень часто встречаемся. Мне приходится очень много говорить по вопросам идеологии и всегда в Шарафе Рашидовиче нахожу большую поддержку. Глубоко он знает вопросы идеологии и прочие. Я хотел бы, чтобы он стал первым секретарем. Но вот состояние здоровья Шарафа Рашидовича меня чрезвычайно смущает. Он у нас очень часто болеет, причем болезнь серьезная, а нагрузка первого секретаря невозможная.

Мне кажется, что кандидатура товарища Алимова в смысле своих моральных, деловых и физических качеств тоже подходящая».

Ш. Рашидов (Председатель Президиума Верховного Совета УзССР): «Члены Бюро ЦК, выступавшие здесь, говорили о том, над чем они много думали. Мы все заинтересованы избрать первым секретарем ЦК такого человека, который бы гарантировал успех нашей республики, успех нашего народа и сплотил вокруг Центрального Комитета партии.

Поэтому, естественно, товарищи здесь много думали, волновались, искали самый верный путь, исходя из своих убеждений и знаний. Конечно, каждый товарищ находит себе ответ и путь к

этому вопросу. В отношении товарища Алимова. Конечно, деловые качества и другие качества у него выше многих. Я бы голосовал за товарища Алимова. Он очень подготовленный товарищ, все качества у него отвечают этому.

Вот что я хотел сказать в отношении товарища Алимова, о чем я говорил и раньше и дальше скажу, что он очень подготовленный товарищ, наш друг. Я еще раз подчеркиваю, я ставлю общие качества его выше, чем у нас, у отдельных.

Обо мне говорили многие товарищи здесь. Я прямо скажу, что в прошлом году передо мной поставили этот вопрос. Я убедительно просил этого не делать, потому что это было связано с состоянием здоровья. Товарищ Мухамеджанов правильно говорил.

В 1958 году у меня было очень тяжело со здоровьем, очень сложно. Товарищ Камалов знает. Сейчас я поправил свое здоровье, наравне с другими членами Бюро ЦК работал, выполнял все поручения, которые мне давали, побывал в Каире на международной конференции во главе делегации, потом вместе с товарищами мы проводили конференцию писателей стран Азии и Африки. Имеем хорошую оценку. Потом я месяц сопровождал короля Непала. Я хочу сказать о том, что в прошлом году я работал и сейчас работаю, все выполняю на том участке, который мне поручен. Как здоровье? Товарищи знают, после операции было осложнение. Я был один раз в Трускавце, резко поправил свое здоровье и сейчас оно коренным образом улучшается.

У меня есть и недостатки в работе. Это очень сложный вопрос. Поэтому членам Бюро виднее. Здесь выступили товарищи Гуламов, Бызов, Зоя Рахимовна и другие. Я свое мнение высказал и дал оценку в отношении товарища Алимова. В отношении дальнейшей работы. Я заверяю вас, что жалеть здоровья не буду в ущерб работе».

Г. Габриельянц: «Действительно, товарищи, вопрос очень большой. Бюро должно решать, кто будет продолжать руководить всеми нами. Если говорить, кого мы должны выдвинуть из коллектива нашей организации, то я согласен, что есть две кандидатуры: Ариф Алимович и Шараф Рашидович.

Кроме того, что мы товарища Алимова знаем по работе в республике, я знаю его еще по совместной работе. В смысле напористости, умения организовать работу, конечно, товарищ Алимов недостатков не имеет. Бывало время, в Намангане по двое-трое суток без отдыха работали, когда нужно было. С этой стороны его кандидатура не вызывает возражений. Но я так ставлю вопрос: нам нужно политически очень крепко сколотить органи-

зацию. У товарища Камалова было отменное здоровье. Мы все его избирали и все от души хотели помогать ему и помогали.

Но кроме личных поступков, о которых много на Бюро ЦК говорили и на пленуме будут говорить, товарищ Камалов не смог создать единую партийную семью, не смог по-настоящему возглавить нашу большую партийную организацию. Сейчас всем стыдно и перед ЦК КПСС, и перед своей организацией, что мы человека год назад выдвинули, а теперь меняем.

Товарища Рашидова мы знаем, мы выдвинули его. И на наших глазах он болел, поправляется и снова начал работать. Здоровье его в этом году намного улучшилось. Сможет ли товарищ Рашидов по-настоящему сколотить всю партийную организацию, то есть найдет ли он поддержку во всей организации? Я думаю, что он такую поддержку найдет. Думаю, что Рашидов может возглавить нашу организацию. Поэтому, когда у меня спросили, я сказал, что поддерживаю. Поэтому, кроме двух лиц, Шарафа Рашидовича и Арифа Алимовича, мы никого обсуждать не можем, если не хотим допустить грубую ошибку и показать свою незрелость».

Р. Гуламов: «В прошлом году я на Бюро о товарище Рашидове говорил, когда обсуждали кандидатуру товарища Камалова, а после Мирза Валиевич сказал, что вопрос сняли с повестки. У нас две подходящие кандидатуры, вполне заслуженные быть руководителями республики. Это Шараф Рашидович и Ариф Алимович. Обсуждение это показало, и москвичи тоже могут сделать правильные выводы (речь идет о москвичах — членах ЦК КПСС, которые приехали в Ташкент и находились на этом же заседании Бюро ЦК КП Узбекистана. — *Ф. Р.*). Я считаю, что товарищ Рашидов может быть хорошим руководителем, он нас сблизит, а мы от него не отойдем, мы в глаза друг другу будем говорить правду, и у нас дело пойдет».

М. Абдуразаков: «С первого дня Бюро я тоже думал — кому доверить возглавить Бюро ЦК и партийную организацию республики, потому что это дело очень ответственное. Действительно, нам нужно не ошибиться, чтобы не возвращаться к этому.

Я много думал, и действительно Гайк Аветисович правильно говорит, что единственные кандидатуры — это Шараф Рашидович и Ариф Алимович. С Арифом Алимовичем я работал, когда он был первым секретарем Ташкентского обкома партии, вместе работали. Товарищ Алимов пользуется авторитетом. Для первого секретаря ЦК надо быть таким работником. И в Самарканде он тоже себя показал.

Шарафа Рашидовича я знаю давно. Будучи Председателем Президиума Верховного Совета, членом Бюро ЦК КП Узбекистана, по-моему, он не меньше работал, чем мы все. Наравне с нами разъезжает, физическая нагрузка еще больше. Он почти полмира объездил. Эти полеты тоже требуют здоровья. И при этих условиях он выполнял поручения Бюро ЦК, обязанности Председателя Президиума Верховного Совета.

Какую тяжелую нагрузку мы ему дали — Центральная Фергана! Это огромный участок работы. Кроме того, он ночами трудится, когда мы спим. Он пишет. Причем пишет замечательные книги. Мы гордимся этими произведениями, и народ наш гордится ими.

В связи с этим я поддерживаю предложение Зои Рахимовны о рекомендации товарища Рашидова первым секретарем ЦК».

Т. Камбаров (первый секретарь Ферганского обкома партии): «Совершенно правильно выступают члены Бюро ЦК, очень ответственное дело для нас, для членов Бюро ЦК, избрание первого секретаря ЦК. Товарищи правильно предлагали. Я знаю товарища Рашидова с 1944 года по его работе секретарем Самаркандского обкома по кадрам. До этого он был редактором областной газеты. Если действительно избирать толкового секретаря ЦК, то у нас две достойные кандидатуры — товарищ Рашидов и товарищ Алимов. Алимова я знаю по работе секретарем Самаркандского обкома партии.

Здесь товарищи правильно говорят: в прошлом году нас смущало здоровье товарища Рашидова. Поскольку он в 1958 году улучшил свое здоровье, у товарища Рашидова личные качества хорошие. Он очень скромный человек и душевный, а главное — объективный. Общительный, товарищи правильно говорят. Он писатель, идеологически грамотный человек, организацию может хорошо возглавить. В связи с теми качествами, которыми обладает товарищ Рашидов, он соответствует должности первого секретаря ЦК.

Сам он говорит, что здоровье у него теперь тоже хорошее. Нам нужно работать не только ногами, но и головой, не надо метаться, а думать, чтобы товарищ сидел, продумывал актуальные, назревшие вопросы, давал правильное направление. Здесь все нужно предусмотреть. Ведь человек может день и ночь метаться бестолково и безрезультатно. Но человек должен сидеть и думать, заставить себя и других работать, сохранить за собой право контролировать деятельность других.

Товарища Рашидова я знаю. Он приехал в «Ферганаводстрой». Условия были очень тяжелые. Освоение Центральной Ферганы — это очень тяжелый участок работы. Он его возглавил. Он избран Председателем Президиума Верховного Совета, работает 10 лет. В продолжении этих 10 лет он ничем себя не дискредитировал. Поэтому очень тяжело, когда вторая кандидатура тоже достойна.

Мирза Валиевич правильно оценил: Алимов принципиально острый, душевный, работал в партийной организации в Намангане, в Андижане, в Самарканде, в Каракалпакии, секретарем ЦК по сельскому хозяйству. В наших глазах он подготовленный человек, который действительно трудился и завоевал определенный авторитет. О товарище Алимове я ничего не могу сказать плохого. Часто мы с ним ругались, но он хороший товарищ, с открытой душой, это хорошие качества.

Но я считаю, что подавляющее число членов Бюро ЦК внесло предложение рекомендовать на пост первого секретаря ЦК товарища Рашидова Шарафа Рашидовича. Он писатель, у него большой кругозор. Когда будет секретарем ЦК, видимо, будет еще лучше писать. Поэтому кандидатуру товарища Рашидова надо одобрить и внести на обсуждение пленума ЦК.

Я глубоко уверен, что обе кандидатуры — и товарища Рашидова, и товарища Алимова пленум одобрит. Но Рашидова мы должны единогласно рекомендовать. У нас иногда, когда рекомендуют — в глаза смотрят, а как избрали — вовремя не подсказывают, а некоторые товарищи подсказывают, — он не воспринимает, а потом через один-два года снимаем.

Работа первого секретаря ЦК зависит от членов Бюро ЦК. Я уверен, и товарищ Рашидов говорил, что он в практической работе учтет те ошибки, которые были допущены Камаловым. Это налагает на него определенную ответственность. Замена первого секретаря через 2—3 года нас не украшает. Я, как один из членов Бюро ЦК КП Узбекистана, всю свою энергию отдам тому, чтобы ЦК работал хорошо, в своей практической работе Шарафа Рашидовича буду всемерно поддерживать».

А. Алимов (первый секретарь Самаркандского обкома партии): «Я тоже думал, потому что от того, как подберем кадры, расставим — будет зависеть политический и хозяйственный успех в республике, ибо по нашей вине партийная организация опозорилась перед Центральным Комитетом.

Почему? Потому, что мы открыто не говорили, при подборе допускали панибратство, а кое у кого пробудили личную заинтересованность. Что же это такое? Подбираем человека, через год-два закрытое бюро и с треском снимаем. Я уверяю вас, что если бы Ниязов сидел на своем месте, он бы спокойно работал, а мы его посадили секретарем ЦК и он здорово наделал дел (Амин Ниязов был 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана в 1950—1955 годах. — *Ф. Р.*). Если бы Сабир Камалович сидел сейчас в Совете Министров, он бы работал (Сабир Камалов был 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана в 1957—1959 годах, придя туда с поста Председателя Совета Министров УзССР. — *Ф. Р.*). Помогли мы с вами, друзья, не могли сказать. Теперь ему все приписали: политику, быт, жизнь и все остальное.

Я помню, был Мавлянов у нас. Он много сделал, работал здесь в ЦК секретарем по сельскому хозяйству, мы уважали его. Потом он попал в перепалку, его двинули в Совет Министров. Личные интересы были у отдельных товарищей. У Мавлянова был инфаркт. Теперь он работает директором садвинсовхоза.

Почему я об этом говорю? Мы должны правильно подумать, чтобы и через год подобранный товарищ был на своем месте. Мое положение сложнее, чем у других, потому что мы с Шарафом Рашидовичем «именинники». Спасибо, товарищи, за это доверие, поэтому вы не поймите меня неправильно.

В прошлом во всей этой кашеварке я тоже участвовал. Поэтому мне стыдно смотреть на ошибку за ошибкой в подборе кадров. В прошлом году, когда этот вопрос встал, я прямо назвал кандидатуру Шарафа Рашидовича. Я говорю: вот среди членов Бюро он может вести хозяйство. Тогда было известно, что он болен, поэтому он не мог работать первым секретарем ЦК. С этим надо было считаться.

Сегодня правильно товарищи говорят, забота у них большая, чтобы потом не краснеть. Кристально чистый он человек, мы с ним товарищи хорошие и друзья, работали, делились и горем, и радостью. Он от нашей области избран депутатом.

Шараф Рашидович выступал. Он говорит, что у него в последнее время здоровье улучшилось. Поэтому я поддерживаю его кандидатуру, если у него, как он заявил, здоровье хорошее. Чувствуется, что он не отступит ни от чего. Я хотя физически покрепче, но он отдает делу не меньше сил. Поэтому нам нужно остановиться на нем. Но одно «но» есть. Давайте, друзья, раз мы его выдвигаем, — это для него поворотный пункт: или мы действительно его вылечим и он поднимет республику, или мы можем ему сделать медвежью услугу.

Я считаю, что каждый товарищ тянет свой участок, работает и отвечает. Но чтобы не получилось так, что есть только один конец. Как руководство, то коллективное, а как отвечать — то один отвечай. Чтобы так не получилось, тем более учитывая состояние здоровья товарища Рашидова, поэтому нам самим надо работать, а не прикрываться Шарафом Рашидовичем.

Когда мы выдвигаем человека, то говорим: он честный, скромный, душевный, а когда снимаем — чего только не придумываем, даже художественно оформляем. В таком случае надо будет и Бюро распускать.

Шарафа Рашидовича мы выдвигаем потому, что он идеологию знает, идеологией будет заниматься, но хозяйство не менее важно. Поэтому кто надеется, что Шараф Рашидович за него будет идеологией заниматься — это глупость. Каждому нужно отвечать за свой участок. Мы не можем в партийном руководстве на первый план ставить только идеологию, а хлопок, хлеб, мясо, молоко, жилье — потом. Никита Сергеевич говорит, коммунизм — это хлеб, мясо, молоко и жилье. Шарафу Рашидовичу нужно перестроиться, а товарищам надо работать, а не просто прикрываться первым лицом. Раз мы такую ответственность берем на себя, нам нужно работать и честно помогать.

Я понимаю, что он соглашается, но у него неплохая жизнь, там немножко спокойнее — он заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Союза. Он ездит за границу, во всех международных комиссиях участвует. Первый теперь будет здесь заниматься всеми делами. Он человек знающий, тоже переживает морально больше, чем мы, он думает, что делать за нашу республику, и соглашается взять на себя ответственность. Тогда давайте ему помогать.

Я, как член Бюро, какой бы пост мне ни дали, буду честно и добросовестно работать. Во-вторых, сколько могу, если Шараф Рашидович меня послушает, я буду помогать, чтобы республика процветала».

С. Камалов (еще пока действующий первый секретарь ЦК КП Узбекистана): «Я считаю, что правильно выдвигают две кандидатуры: Шарафа Рашидовича и Арифа Алимовича. Я должен сказать, что Арифа Алимовича давно знаю по совместной работе. Он хороший организатор и умный человек, может вести хозяйство.

Шарафа Рашидовича я знаю давно, много сталкивался с ним по работе. Я должен сказать, что Шараф Рашидович один из самых культурных, грамотных, способных товарищей. У меня тоже было сомнение насчет его болезни, потому что этот пост, товарищ Камбаров правильно говорит, требует большой работы. Хлопок — такая культура, которой надо отдавать все, разбираться с положением дел на местах. А то, знаете, получится как в прошлом году в Ташкенте получилось — немного запустили хлопок, и его скушали вредители. Если бы вовремя обнаружили, было бы все в порядке.

Я думаю, что Шарафу Рашидовичу коллектив ЦК поможет, ему надо создавать условия, чтобы он не болел, для этого нужно организовать всяческую помощь. Я согласен полностью с Арифом Алимовичем. Если будут помогать, как мне помогали товарищи, то я должен сказать, что Шарафу Рашидовичу трудно не будет. Очень правильно товарищи говорят, что я удовлетворительно работал в Совете Министров. Меня выдвинули, хотя товарищи и говорили, что не обеспечу и т. д.

Получилось, что пост секретаря ЦК — это такой пост, где имеют значение оперативность, организаторские способности, но нужно думать и уметь сплотить организацию, всестронне быть образованным, грамотным человеком. Я сегодня тоже скажу на пленуме. Моя ошибка заключается в том, что я больше увлекался хлопком, односторонне вел работу и допустил ошибки. У товарища Рашидова так не случится, потому что у него большой кругозор, грамотность. Но каждый товарищ, если ему не помочь, если ему своевременно не подсказать, может ошибиться. И у Шарафа Рашидовича будет такое положение, если мы не будем ему помогать. Поэтому очень правильно говорил Ариф Алимович, что надо ему помогать и Бюро ЦК и секретарям ЦК и каждым членом ЦК, чтобы он работал, тогда дело пойдет.

Что касается меня, Шараф Рашидович, я вам помогу, я вас не подведу. И если каждый член ЦК, каждый член Бюро ЦК и все секретари ЦК будут от души помогать Шарафу Рашидовичу, я думаю, он поднимет это дело».

Р. Мельников: «Кончаем, товарищи? Да. Я думаю, товарищи, то, что здесь сказано, это очень серьезный и ответственный для нас вопрос о первом секретаре. Все сказано объективно, правильно. Действительно, когда мы рассматриваем вопрос о первом секретаре, речь может идти о двух кандидатурах — о Шарафе Рашидовиче и Арифе Алимовиче. И товарищи, все рассматривая, все обсуждая, приходят к тому, чтобы нам снова не допустить ошибку. Очень неприятно для нашей организации, нехорошо, когда в Узбекистане меняются секретари. Узбекистан — республика большая, важная в стране. И неприятно, когда мы через год меняем первого секретаря.

Когда мы рассматривали кандидатуру Сабира Камаловича, если бы мы по-партийному, с полной ответственностью подошли к этому делу, и оставили бы его на посту Председателя Совета Министров, мы бы его сохранили и не переживали тяжелый момент. Он освоил там дело, работал бы в организации и дальше. Но мы поставили его первым секретарем, зная его слабые стороны. Это вина членов Бюро ЦК. Сейчас мы обсуждаем кандидатуру первого секретаря. Шараф Рашидович уважаемый в республике человек, он пользуется большой популярностью. Это надо обязательно сказать членам пленума, он подходящий и по своей скромности и деловитости. Но, товарищи, мы, члены Бюро, давайте, взвешивая все — и дела, и здоровье Шарафа Рашидовича, примем решение.

У Шарафа Рашидовича в прошлом году было тяжелое состояние. Мне с ним пришлось в прошлом году отдыхать в Сочи. У него был тяжелый приступ. Врачи его смотрели, говорили: товарищи, берегите этого человека. Этот человек нужен для нашей страны. Он много сделал, не поступайте с ним беспардонно, как вы с ним иногда обращаетесь.

После этого Шараф Рашидович поехал в Трускавец. Действительно, там он удачно полечился, попал именно в ту воду, которая ему нужна. В этом году он значительно лучше себя чувствует, работает, меньше болеет.

Надо прямо сказать, при проведении декады он проделал огромную работу и с этой стороны показал себя очень хорошо.

Ариф Алимович — это человек, который прошел огромную школу в Узбекистане и поработал у нас во многих областях, причем проверен на делах. Надо быть объективным. Я знаю его с тех пор, когда он работал в Самарканде еще первый раз, затем его взяли в Министерство хлопководства. Республика в 1950 году блестяще вышла с хлопком. Получился тяжелый провал в Бухаре, послали его в Бухару, — он поправил, затем снова его вернули в Ташкент. А возьмите показатели 1955 года — это самые высокие показатели. Мы сейчас, подготавливая решения, отталкиваемся от этого года. Сейчас он работает в Самарканде. В прошлом году Самарканд хорошо у нас вышел, область дала хорошие показатели. Деловые и политические качества — он организатор, человек, который знает дело, вникает в дело, — это правильно. Есть у него и недостатки, о них он знает.

Учитывая все это, правильно члены Бюро сегодня высказывались: человек, который должен объединить, который пользуется огромной популярностью, огромным доверием, таким человеком является Шараф Рашидович. Давайте единодушно выйдем на пленум, выдвинем его кандидатуру и поддержим, и я думаю, что наша организация это хорошо воспримет.

Это на нас на всех налагает огромную ответственность. Шарафу Рашидовичу во многих делах придется помогать. Правильно здесь товарищи говорят: в первую очередь, в делах хозяйства, в промышленности, в строительстве, особенно в сельском хозяйстве. Тут, члены Бюро, свою тележку надо тянуть. Если мы не будем тянуть, дела по-всякому могут складываться. В сельском хозяйстве год на год не приходится. Если каждый из нас не будет тянуть, мы Шарафа Рашидовича можем поставить в тяжелое положение.

Нам всем надо понимать о полной ответственности и очень серьезно помогать и тянуть республику, потому что в ЦК у нас будет спрос по делам. Если мы будем выполнять план, будем обеспечивать страну хлопком, шелком и другими продуктами сельского хозяйства, к нам будет отношение хорошее.

Так что, товарищи, будем голосовать или нет?».

Голоса с мест: «Нет!».

Р. Мельников: «Предложение о Шарафе Рашидовиче принимается единодушно».

Итак, стенограмма заседания наглядно подтверждает, что каких-то особенных споров по кандидатуре 1-го секретаря в Бюро ЦК КП Узбекистана не было. Ничего она не упоминает (даже намеком) и о звонке Хрущева. Все это указывает на то, что к моменту заседания все члены Бюро уже, видимо, определились с главной кандидатурой, поскольку хорошо представляли себе расклад сил в самой республиканской элите, а также мнение Москвы, которая хотела видеть на этом посту именно «самаркандца» Рашидова. Судя по всему, узбекская элита сделала ставку на него по нескольким причинам, но главной была одна: за годы своего президентства он сумел обзавестись в Москве большими связями, которые, в случае попадания его на высший пост, гарантировали республике хорошие перспективы развития.

Можно с уверенностью сказать, что даже самые активные сторонники Рашидова, выбирая его на высший пост, даже не могли себе представить, что эпоха его правления растянется почти на четверть века (если точно — 24 года и 7,5 месяцев). По сути Рашидов повторит путь Амира Тимура, который тоже принадлежал к самаркандцам и правил страной чуть большее время — 35 лет. Однако, уступив Тимуру в сроках правления, Рашидов сравняется с ним в другом: он сумеет вознести самаркандский клан

на вершину политического Олимпа, вернув ему утраченную в 30-е годы верховную власть.

Отметим, что проигравший А. Алимов внакладе не останется: его переведут в Ташкент и назначат Председателем Совета Министров Узбекистана. А президентом республики вместо Рашидова станет женщина — 39-летняя Ядгар Насриддинова, что было весьма характерно для СССР, где женщины все более активно участвовали в государственном управлении. Достаточно сказать, что в июне 1957 года в состав Президиума ЦК КПСС (бывшее Политбюро) впервые вошла женщина — 47-летняя Екатерина Фурцева. Что касается Узбекистана, то там женщины тоже были в авангарде общественных процессов: в 1958 года в республике был проведен 1-й съезд женщин Узбекистана. К тому времени примерно около 40 представительниц слабого пола работали секретарями обкомов и горкомов (к середине 60-х их число вырастет до 80 человек), около 1800 — секретарями первичных партийных организаций (к середине 1960-х их станет 2400), около 75 женщин возглавляли промышленные предприятия (116 к середине 1960-х), около 20 — колхозы (более 30 к середине 1960-х). Почти полсотни узбекских женщин были Героями Социалистического Труда (75 к середине 1960-х).

Восхождение Ядгар Насриддиновой к высотам высшей государственной власти опять же было типичным явлением для СССР, когда люди из самых низов имели возможность подняться на самый верх государственной власти. Ядгар родилась в 1920 году в трудовой семье и по сути росла сиротой (за что и получило свое имя, которое в мусульманских странах дают именно сиротам). Ее отец работал грузчиком в Коканде и однажды, вернувшись домой сильно уставшим, лег спать на земляном полу и получил сильнейшее воспаление легких. Вскоре он умер. А спустя несколько месяцев 13-летняя жена покойного родила на свет девочку. Как расскажет позже сама Я. Насриддинова:

«У дедушки моего было несколько жен. И у каждой — дети. Пока мама выполняла работу по дому, она была нужна семье. А когда родилась я, стала мешать. Однажды дедушка посадил нас в повозку, отвез на 50 километров от Коканда и в одном из кишлаков вторично выдал маму замуж. Отчиму я оказалась и подавно не нужна. Он был жутким наркоманом, ничем не занимался. Когда мне исполнилось 6 лет, решил от меня избавиться — взял за руку, вывел на дорогу и оставил одну на обочине. Подошли люди, видят: ребенок плачет — взяли меня к себе. До 11 лет я переходила с рук на руки: то одна семья возьмет меня, то другая. В 1931

году меня определили в первый в Узбекистане детский дом. Потом было ремесленное училище, рабфак Ташкентского института железнодорожного транспорта...».

Партийная карьера Насриддиновой началась в 1942 году, когда она, закончив Ташкентский институт железнодорожного транспорта, стала секретарем ЦК ЛКСМ (узбекский комсомол). В 1946 году ее избрали 1-м секретарем Ташкентского обкома. Затем она была 2-м секретарем ЦК ЛКСМ Узбекистана, министром промышленности строительных материалов республики, а в 1955—1959 годах трудилась в должности заместителя Председателя Совета Министров Узбекистана.

Насриддинова по своему характеру считалась сильной женщиной (характер она закалила еще в детском доме), которую боялись даже многие ее коллеги-мужчины. Она принадлежала к ферганскому клану и назначение ее президентом республики было естественным ходом событий: несмотря на ряд поражений, понесенных этим кланом после ухода с поста Первого секретаря их ставленника Амина Ниязова, они продолжали играть существенную роль во власти. Как гласит легенда, Рашидов видел на посту президента другого человека, однако «ферганцы» опередили его: предложили Хрущеву кандидатуру Насриддиновой и тот это желание поддержал, поскольку увидел в этом сильный идеологический ход — назначение женщины на пост одного из национальных лидеров поднимало авторитет СССР в глазах мирового сообщества.

Глава 10

«ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ!»

Тем временем следующей среднеазиатской республикой, где в самом конце 50-х сменилась власть стал Казахстан. Там с 1954 года (после замены сталинца Жумабая Шаяхметова) в течение шести последующих лет к власти ставились исключительно славяне (русские или украинцы), поскольку казахам Хрущев не доверял (считал их националистами). В 1954—1955 годах Казахстаном правил П. Пономаренко, в 1955—1956 — Леонид Брежнев, в 1956—1960 — И. Беляев. Наконец, в январе 1960 года Хрущев решил вернуть казахам их права на верховную власть и разрешил привести к власти в республике своего человека — 49-летнего Динмухамеда Кунаева, который до этого пять лет работал председателем Совета

Министров Казахстана. Говорят, протеже Кунаева перед Хрущевым был Леонид Брежнев, который в бытность свою хозяином Казахстана крепко подружился с Кунаевым. Однако уже очень скоро Хрущев пожалеет о том, что послушался Брежнева.

Хрущевская коса натолкнулась на кунаевский камень уже очень скоро — спустя год. Хрущев задумал перенести столицу республики из Алма-Аты в Акмолинск и переименовать его в город Целиноград, однако Кунаев выступил резко против обоих решений. Более того, он убедил в правильности своей позиции большинство коллег по руководству республикой. В итоге Хрущев смог довольствоваться половиной задуманного: Акмолинск он все-таки переименовал, но сделать его столицей не смог. Зато он сумел образовать в Казахстане три края: Целинный, Южно-Казахстанский и Западно-Казахстанский.

Все эти стычки настроили Хрущева против Кунаева и он только ждал повода к тому, чтобы отправить его в отставку. Такая возможность появилась у Первого секретаря в декабре 1962 года, когда Кунаев решительно выступил против передачи нескольких районов Казахстана своим ближайшим конкурентам: Узбекистану и Туркмении (например, к Узбекистану отходили два сельскохозяйственных района Чимкентской области, где сеяли хлопок). В итоге Хрущев снял Кунаева и назначил на его место 48-летнего Исмаила Юсупова, до этого работавшего секретарем Южно-Казахстанского обкома и отраслевым секретарем ЦК. Причем он был не казахом, а уйгуром, что изначально должно было быть воспринято большинством казахов отрицательно. Но Хрущеву на это было наплевать, поскольку в скором времени он собирался построить в стране коммунизм и отменить на территории СССР все национальности. Вот как об этом вспоминал сам И. Юсупов:

«Когда меня вызвали в ЦК КПСС, второй секретарь ЦК Фрол Козлов сказал мне, что решением Политбюро ЦК КПСС меня рекомендовали первым секретарем в ЦК Казахстана. Я сказал, что не могу этот выбор сделать. Потому что, когда русского первого секретаря присылают, казахский народ к этому привык, а когда единственного уйгура среди казахов выдвигают первым секретарем — этого люди не поймут. Как будто среди казахов казаха нету, такого, которого можно было выдвигать первым секретарем ЦК. Козлов говорит, тогда идите к Хрущеву и это все ему докладывайте. Я пошел к Хрущеву и сказал ему то же, что и Козлову. Он стукнул кулаком об стол: «Я думал, ты грамотный уже, понимаешь задание коммунизма: мы идем к ликвидации национальностей. В Союзе в перспективе будет единый язык. Границ между республиками скоро не будет. Неважно, кто встанет во главе республики, — езжай и работай». Я и поехал...».

Следующей после Казахстана среднеазиатской республикой, куда дотянулась хрущевская «метла», стала Киргизия. Как мы помним, там с 1950 года в кресле 1-го секретаря сидел представитель южного клана Исхак Раззаков. В 1961 году его заменили «северянином» из нарынского клана Турдакуном Усубалиевым, который на протяжении последних трех лет работал 1-м секретарем Фрунзенского горкома КП Киргизии.

В том же 61-м сменилось и руководство в Таджикистане. Причем призошло это со скандалом, резонанс от которого разошелся по всему миру. Поводом к скандалу стали якобы махинации руководства республикой (как мы помним, с 1956 года ею управлял Турсун Ульджабаев) со сдачей хлопка государству. Суть хлопковых приписок заключалась в завышении качества хлопковолокна. То есть под видом самого низкокачественного хлопка грузили линт, улюк — то, что хлопком уже не считается, но внешне на него весьма похоже. Естественно, за это платились взятки определенным лицам как в республиках, так и в Москве, чтобы те закрывали на это глаза.

Эти махинации вскрылись после инспекторской проверки из Москвы, которую вызвали сами таджики — противники Ульджабаева из противоположного клана. В итоге в апреле 1961 года этот скандал оказался в центре внимания Пленума ЦК КПСС, на котором Т. Ульджабаева и председателя Совета Министров Таджикистана Н. Додхудоева за то, что они потворствовали «систематической фальсификации отчетных документов» и «докладывали о перевыполнении планов продажи хлопка государству, фактически же эти планы не выполнялись», отправили в отставку (Ульджабаева исключили из партии и назначили директором отстающего совхоза).

Судя по всему, руководство Таджикистана пострадало тогда за дело — приписки и в самом деле могли иметь место. Однако справедливым было бы отправить тогда в отставку и самого Хрущева, поскольку вызвал эти приписки во многом именно он. Началась же эта история после выступления Хрущева на XXI съезде КПСС в начале 1959 года, когда он поставил задачу в кратчайшие сроки «догнать и перегнать ведущие капиталистические страны, в том числе США, по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения». Лозунг был по сути утопический, хотя и понять Хрущева было можно — ви-

димо, он настолько проникся общим пафосом, который тогда царил в стране, что просто потерял ощущение реальности.

В основе этого пафоса лежала невероятная энергия миллионов советских людей, которые на волне «оттепели» были уверены в том, что им подвластны любые свершения, в том числе и скорое построение в СССР коммунизма. Правда, конкретные сроки этого эпохального события тогда никем не назывались, но то, что он неизбежен — в это верило большинство советских людей, живших в «оттепельные» годы. Приведу лишь один пример — с популярным актером Георгием Бурковым. Он в ту пору жил на Урале, в Перми, и еще не мечтал стать актером. У него была другая мечта — стать писателем. И в планах у него тогда было написание четырех циклов романов о... грядущем коммунизме. Вот что Бурков написал в своем дневнике, датированным 1955 годом (ему тогда было 18 лет):

«Это, может, будут романы, пьесы, рассказы, повести, статьи, фельетоны... Одни могут быть связаны между собой общими героями, общей темой, идеей. Другие могут не иметь между собой никаких отношений. Основная тема эпопеи — преображение СССР на пути к коммунизму... Условно я назвал эту эпопею «Рождение нового мира». Один из романов будет носить название «Как произошел Человек». Это будет роман о рабочем классе, о росте самосознания среди рабочих, о том, как рабочие поняли свое место в жизни, свою роль в истории. Так возник Человек, свободный от пут мещанства и прочей дряни, встал он во весь рост, смотришь на него, аж дух захватывает!..».

Судя по всему у Хрущева и других советских руководителей тоже дух захватило от «оттепельного» энтузиазма. И они все силы советской пропаганды бросили на то, чтобы уверить людей, что коммунизм наступит... уже при жизни этого поколения советских людей. Что через 20—25 лет (в 1980-е годы) не будет в стране ни бедности, ни преступности, ни разделения людей по национальному признаку и т. д. И СССР станет на голову выше своих мировых конкурентов — ведущих капиталистических стран. Именно тогда и родился упомянутый лозунг Хрущева «Догнать и перегнать Америку!».

Как мы теперь знаем, этот лозунг оказался чистой утопией. И хотя он помог советскому обществу сделать мощный экономический рывок (то же освоение космоса произошло во многом именно благодаря ему), однако в дальней перспективе заложил под фундамент общества мощную бомбу. Как утверждает историк С. Костриков:

«Среди основных причин, которые способствовали разрушению нашего союзного государства есть одна, на мой взгляд, основная причина. Хрущев в силу своего характера, своих мелкобуржуазных представлений и своей необразованности в качестве базовой стратегии развития принял лозунг «Обогнать Америку». В самой сути этого лозунга было заложено представление не о нашей самобытности, не об уже реализованных преимуществах социализма, не о разумной достаточности, а о какой-то нашей неполноценности и неправильности. Конечно, В. И. Ленин говорил о необходимости для Советской России «догнать передовые страны». Но у него речь шла о научно-техническом, культурном, промышленном прогрессе, о передовой организации управления и производства, на основе которых должно развиваться совсем другое общество. Ленин рассуждал с позиции политика 20-х годов, возглавлявшего разрушенную войнами и интервенцией отсталую в культурном и техническом плане страну. Хрущев же возглавлял вторую державу в мире, которая достигла огромных успехов в экономике, науке, культуре, сумела победить в невиданной ранее войне именно благодаря достижениям социализма. И он должен был диалектически смотреть на дальнейшее развитие, а не гнаться за буржуазным Западом.

Однако о диалектике он лишь слышал. Хрущевский лозунг «Обогнать Америку!» носил глубоко обывательский характер, отражавший мелкобуржуазный взгляд на развитие и его цель. Речь шла преимущественно о банальном потреблении без учета наших реалий. Иначе говоря, мы должны были обыгрывать противника на его поле и по его правилам. Хрущев психологически развернул население в сторону общества потребления, не учитывая традиций наших народов, экономической целесообразности, возможностей государства и вероятных социально-психологических, идеологических, политических последствий.

Очевидные преимущества социализма, которые позволяли любому человеку нормально, здорово и творчески развиваться, были замазаны и подменены обывательскими и потребительскими идеалами и инстинктами. А Запад превратился в блистающую витрину бесконечного количества нужных и не очень товаров, то есть настоящую обывательскую идиллию. Подобно дикарю, ослепленному блеском консервной банки и отдающему за дешевые побрякушки настоящие драгоценности, хрущевский обыватель за жевательную резинку и кока-колу готов был отдать завоевания социализма, что, к сожалению, и произошло...»

После провозглашенного Хрущевым лозунга все советские республики были ориентированы на достижение максимальных экономических показателей. А поскольку все они и без того развивались на максимуме своих возможностей, то новые требования Центра вынуждали их пуститься во все тяжкие дабы найти любые лазейки для того, чтобы перекрыть этот максимум. В результате на свет и стали появляться приписки, которые стали настоящей «палочкой-выручалочкой» для тех руководителей, кто не мог выполнить спускаемый сверху план и боялся прослыть в глазах Центра отстающим в той кампании под названием «Догнать и перегнать», которая была объявлена в стране. Ведь отстающим светили самые разные наказания: снятие с руководящих должностей, понижение зарплат, лишение премий и т. д.

Нельзя сказать, что руководители страны не отдавали себе отчета в том, что их инициативы могут явить на свет негативные явления. Но они, видимо, не ожидали, что последние приобретут столь широкие масштабы и затронут даже руководство отдельных республик. Когда же это стало ясно (после скандала в Таджикистане), в Кремле вооружились дубиной: 24 мая 1961 года свет увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов». Текст Указа гласил о следующем: «Установить, что приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных отчетных данных о выполнении планов должны рассматриваться как противогосударственные действия, наносящие вред народному хозяйству СССР, и лица, виновные в этом, наказываются лишением свободы на срок от трех лет или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового».

Как мы знаем на примере Таджикистана, виновные в тамошних приписках за решетку не отправились, а отделались более мягким наказанием: были сняты со своих должностей и отправлены в почетную ссылку — в отстающие хозяйства. И дело здесь было вовсе не в том, что их махинации вскрылись после появления на свет пресловутого Указа: как известно из истории, Хрущев мог наказать кого угодно по собственной прихоти, не считаясь с буквой закона. Просто после смерти Сталина руководство партии взяло курс на фактическую ликвидацию репрессий в отношении парт— гос- и хозноменклатуры, после чего к суровым мерам против элиты стали прибегать лишь в исключительных случаях, дабы не ронять авторитет высшей власти в глазах общества.

Между тем таджикский скандал не был в ту пору единичным. Не меньший резонанс имело другое громкое дело — так называемое «ларионовское». Речь идет о 1-м секретаре Рязанского обкома партии Алексее Ларионове, который считался одним из наиболее известных и опытных руководителей в стране (он стоял во главе области с 1949 года, что было удивительно — к концу 50-х Хрущев сменил практически всех руководителей-сталинцев). Когда в 1958 году Рязанская область заняла 1-е место в стране по надоям молока, Хрущев решил именно Ларионову доверить роль так называемого «маяка» — то есть правофлангового в кампании «Догнать и перегнать». Здесь стоит более подробно объяснить читателю, что такое «маяки».

Они появились в советской системе в 30-е годы в период индустриализации, когда стране необходимо было в кратчайшие сроки построить мощную индустриальную базу. В итоге среди миллионов людей, поднявшихся на ударный труд, появились передовики производства, которые в одиночку или в составе коллектива выдавали «на гора» рекордные результаты. Именно их, с помощью СМИ, власть и наделила обязанностью быть «маяками» для всего общества. Например, в те же 30-е годы такими «маяками» стали: трактористка Прасковья Ангелина (организатор в 1933 году первой женской тракторной бригады в СССР), шахтер Алексей Стаханов (в августе 1935 года он установил рекорд по добыче угля) и др.

Конечно, было в этом движении и своего рода лукавство, поскольку многим «маякам» власти намеренно создавали лучшие условия для установления рекордов, чем всем остальным. Например, на какую-нибудь доярку, назначенную «маяком», могла сдавать продукцию целая ферма: ей отбирали лучших коров, давали дополнительные корма и т. д. А в том же Узбекистане на одного бригадира-хлопкороба иной раз мог работать целый колхоз. В итоге получалась своеобразная цепочка: когда доярка или хлопкороб получали звание Героя Социалистического Труда, то вместе с ней соответствующие награды или премии получали секретари обкомов и райкомов, председатели колхозов — то есть все те, кто обеспечивал «маяку» его рекорд.

Естественно, подобное явление трудно было спрятать от общественности. Однако она реагировала на это вполне благосклонно, поскольку в большинстве своем правильно понимала идею «маякизма» — вдохновить общество на трудовой энтузиазм. Поэтому миллионы советских рабочих и колхозников в честном трудовом порыве совершали рекорды, даже не надеясь стать «маяка-

ми» — таким образом они доказывали самим себе и обществу, что им вполне по силам стать рекордсменами и без поддержки «сверху». Другое дело, что среди миллионов честных и бескорыстных трудяг находились и такие, кто пытался, что называется, «въехать в рай на чужом горбу». Эти люди штамповали липовые рекорды путем приписок, подлогов и других махинаций, на которые они шли в сговоре с тем же начальством. Подобное тоже было, причем с каждым десятилетием таких примеров в советском обществе становились все больше. Особенно заметным это стало именно в конце 50-х, когда Хрущев во всеуслышание заявил о «гонке» за Америкой. В новой кампании власти вновь понадобились «маяки», которые могли бы повести за собой остальных. Однако в своем рвении поразить мир небывалыми рекордами, власть попросту утратила чувство реальности, о чем самым наглядным образом и говорила история с Алексеем Ларионовым.

Во время работы XXI съезда КПСС (проходил 27 января — 5 февраля 1959 года) Хрущев вызвал к себе Ларионова и потребовал от него, чтобы тот взял на себя обязательство увеличить за год сдачу мяса государству в целых три раза. Отказать Первому секретарю Ларионов не посмел. Как утверждают очевидцы, когда он вернулся от Хрущева, на нем не было лица. Видимо, секретарь прекрасно понимал, что выполнить обещанное без махинаций — чистая утопия. Но отступить он уже не мог.

На начало октября 1959 года Рязанской областью было продано государству 102 тысячи тонн мяса, что составляло два годовых плана. Но дать-то надо было три плана. И вот уже 16 декабря рязанские власти торжественно рапортовали о 100% выполнении взятых на себя обязательств: область продала государству 150 тысяч тонн мяса, в три раза превысив поставку предыдущего года. Одновременно область брала на себя повышенные обязательства на следующий год — сдать аж 180 тысяч тонн мяса! Когда об этом доложили Хрущеву, он немедленно распорядился наградить Ларионова званием Героя Социалистического Труда (награда нашла героя аккурат накануне Нового, 1960 года).

Этот эксперимент мгновенно родил на свет массу подражателей, которые тоже ринулись «в поход за славой». Тех же, кто в это движение вписываться не хотел, попросту сбрасывали с «локомотива прогресса». Так, например, случилось с 1-м секретарем Куйбышевского (сельского) райкома партии в Кротовке Александром Глазуновым. Когда по всей стране шел «ларионовский эксперимент» и области соревновались друг с другом в плане бурного прироста сельхозпродукции, Глазунов честно заявил, что он

в этом деле участвовать не будет. «Не только 2,5 плана, а и полтора никак не получается, ибо цифры нереальные», — сказал он во всеуслышанье. И чем ему только не грозили высокие начальники, однако от своих слов Глазунов не отказался. В итоге в январе 1959 года его сняли с должности 1-го секретаря и назначили на должность заместителя управляющего трестом «Первомайбурнефть».

Тем временем ларионовская эпопея стремительно двигалась к своему печальному концу. Как пишет писатель Н. Шундик:

«На первых порах казалось, что эксперимент удался. Плодились поросята, кролики, озера были забиты гусями, утками. Гремели победные рапорты, в газетах трубили о рязанском опыте. Но пристальный взгляд мог заметить, что уже подкрадывается несчастье. Положение на фермах и полях стало ухудшаться. Да, поросят наплодилось неслыханно много. Но нечем было кормить свиней. Не было кормов для скота и птицы.

На околице Рязани спешно соорудили выставку достижений. Была она сказочно красива и — неправдоподобна. Одно из зданий размером с небольшую виллу миллионера, вычурное и претенциозное, должно было изображать дом рядового колхозника. Но само-то село оставалось прежним — без дорог, с обветшавшими избами, разваливающимися хозяйственными постройками...

Чудо не состоялось...».

Чудо не состоялось, зато произошла трагедия. «Мясной налог» Рязанской областью был выполнен, но в то же время нанес ей непоправимый удар. Ведь, чтобы сдержать данное Хрущеву обещание, Ларионов распорядился забить весь приплод, а также большую часть молочного стада и производителей, «присовокупив» под расписку весь скот, выращенный колхозниками в своих хозяйствах. Однако и этого количества мяса оказалось недостаточно. Тогда были организованы закупки скота в соседних областях за счет средств из общественных фондов, предназначенных для приобретения машин, строительства школ, больниц и т. д. «Мясной налог» ударил не только по всем колхозам и совхозам области, но и по всем городским учреждениям; сдаваемое государству (по чисто символическим ценам) мясо исчезло из продажи.

В итоге поголовье скота в области уменьшилось по сравнению с 1958 годом на 65%, падение производства зерна составило 50%, поскольку колхозники, у которых под расписку «временно» изъяли скот, отказывались обрабатывать колхозные земли. На продаже мяса колхозы области понесли убыток в 33,5 млн. руб-

лей. В итоге Хрущев тут же сменил пряник на кнут и решил поменять руководство Рязанского обкома, а Ларионова лишить звания Героя Соцтруда. Пленум по этому вопросу должен был состояться 30 сентября 1960 года. Не дожидаясь этого события, за 8 дней до Пленума, Алексей Ларионов покончил с собой.

После этого самоубийства власть, кажется, впервые осознала, что дело зашло слишком далеко. А когда грянул скандал с приписками в Таджикистане, она и вовсе принялась «закручивать гайки». Сначала появился Указ «о приписках», затем репрессии были ужесточены: Хрущев, возобновив сталинскую практику, попросту приравнял хозяйственные преступления к измене родине и стал за это расстреливать людей. Правда, не высокопоставленных, а из среднего руководящего звена — стрелочников. После этого волна приписок резко спала.

Глава 11

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Между тем на том же XXI съезде КПСС в 1959 году было принято постановление «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». И там перед Узбекистаном ставилась задача довести объем производства хлопка-сырца от 3,4 до 3,7 миллионов тонн, или около 60% всего общесоюзного производства. По сути это были вполне выполнимые цели, если иметь в виду, что в том же 1959-м республика сдала государству 3 млн. 163 тыс. тонн хлопка. Однако Центр не учитывал различные побочные факторы: например, погодные условия. В итоге уже в следующем году, из-за засухи, республика не выполнила план и сдала всего 2 млн. 830 тыс. тонн хлопка. По сути, со своими обязательствами справились только две области — Самаркандская (345 тыс. тонн) и Хорезмская (265 тыс. тонн), а остальные свой план провалили.

Однако в 1961 году, несмотря на такие же плохие погодные условия, республика смогла выполнить план и сдала 3 млн. 600 тыс. тонн хлопка. Правда, попотеть пришлось изрядно, выведя на поля огромное количество людей, в том числе и школьников. Но иначе было нельзя, поскольку все это вписывалось в объявленную Центром кампанию «догнать и перегнать», противиться которой регионы не могли — как говорится, себе дороже. Если, к примеру, представить себе, что Рашидов решительно бы воспротивился диктату Центра, то судьба его была бы решена в одночасье — он разделил бы судьбу руководителя Казахстана Д. Кунаева, которого, как мы помним, спустя всего два года после назначения в 1960 году Хрущев снял с руководства республикой именно за слишком строптивый нрав (как мы помним, тот не хотел переносить столицу из Алма-Аты в Акмолинск и переименовывать его в Целиноград). Учитывая, что в Узбекистане только за 1950-е годы поменялось целых четыре (!) 1-х секретаря ЦК КП, то вполне объяснимо желание Рашидова не повторять ошибок Кунаева. Ведь в случае отставки Рашидова никто не мог дать гарантию, что Хрущев не задумает прислать в Узбекистан руководителя из «варягов» — кого-нибудь из славян. А этого узбекская элита (как и любая республиканская) больше всего опасалась. Поэтому Рашидов по сути находился между молотом и наковальней: ему приходилось учитывать интересы собственной элиты и одновременно не гневить Хрущева, соглашаясь с большинством его указаний.

Конечно, Рашидову, как и большинству республиканских руководителей, часто не удавалось игнорировать установки Центра. Ведь ему, повторюсь, приходилось балансировать между двумя элитами: узбекской и московской. И трудно сказать, с какой ему приходилось труднее. Ведь те кланы, которые составляли основу узбекской элиты, привели Рашидова к власти, рассчитывая с его помощью а) успокоить Москву и б) упрочить свои позиции во властной вертикали. И Рашидов, будучи опытным и умным царедворцем, прекрасно это понимал. Но в то же время он ясно отдавал себе отчет, что если президентская должность не несла с собой частых и прямых стычек с представителями различных кланов, то теперь, в кресле фактического хозяина республики, ему придется чьи-то интересы конкретно ущемлять. И если в первые год-полтора своего правления Рашидов достаточно осторожно шел на кадровые перестановки, то потом ему пришлось заниматься этим куда более активно, дабы упрочить как свои собственные позиции, так и влияние своего (самаркандского) клана и тех кланов, которые выступали его союзниками. Правда, делать это ему приходилось осторожно и с оглядкой на Москву.

Дело в том, что даже в кадровых вопросах республиканские лидеры должны были спрашивать разрешения у Центра. Конечно, речь идет не о низшем и среднем звеньях номенклатуры, а о высшем — уровня ЦК. Именно для этого Москва направляла в республики своих полномочных представителей: 2-х секретарей ЦК, председателей КГБ и т. д. Например, в 1959—1960 годах подле Рашидова возникли: новый 2-й секретарь (вместо Романа

Мельникова им стал Федор Титов, который до этого работал 1-м секретарем Ивановского обкома) и новый председатель КГБ Узбекистана Георгий Наймушин (вместо Алексея Бызова, с которым у Рашидова сложились неплохие отношения в бытность его президентом республики). Все эти люди являлись «глазами и ушами» Центра, который зорко следил за тем, чтобы Рашидов не ставил республиканские интересы выше московских. Поэтому, к примеру, когда Рашидов делал очередную попытку возвысить своих земляков-самаркандцев, Москва относилась к этому ревностно: ей было выгодно, чтобы 1-й секретарь не чувствовал себя полностью защищенным от оппозиции, поскольку только в таком случае можно было держать его в постоянном напряжении и, значит, в узде.

Мало кто знает, что в структуре ЦК КПСС имелась своя партийная разведка, в обязанность которой вменялось следить за всем партийным аппаратом, в том числе и в республиках. В этот орган стекалась вся гласная и негласная информация о деятельности партийных руководителей, которая хранилась в специальных досье. Доступ к ним имело ограниченное число людей: 1-й и 2-й секратари ЦК КПСС, председатель КГБ и еще несколько человек, в том числе и заведующий административным отделом ЦК КПСС, который курировал силовые структуры. В конце 50-х этим человеком был Аверкий Аристов. Существует легенда, что однажды он, симпатизируя Брежневу, принес ему его досье и предложил... сжечь. Брежнев согласился, поскольку на тот момент уже имел значительный вес в верхах — стал секретарем ЦК. С Рашидовым такой номер никогда бы не прошел: несмотря на все его московские связи, вряд ли кто-то из этих людей осмелился бы бросить его досье в печку — себе дороже. Поэтому Рашидову постоянно приходилось быть настороже, дабы не совершить какую-нибудь оплошность, которая могла лечь несмываемым пятном в его партийном досье.

Между тем Москва зорко контролировала в республиках и другое силовое ведомство — военное. Так, в Узбекистане командующими Туркестанского военного округа всегда были славяне: с 1954 года это был генерал армии, фронтовик Иван Федюнинский, который, как и председатель республиканского КГБ, входил в состав Бюро ЦК КП Узбекистана.

Зато менее значимое для Москвы республиканское Министерство внутренних дел было отдано в руки местных кадров, правда тоже не целиком — заместителями у министров все равно были люди славянского происхождения. В Узбекистане, как мы

помним, министром внутренних дел с 1954 года был узбек Юлдаш Бабаджанов (бывший руководитель УКГБ Ферганской области), которого в 1959 году Рашидов поменял на более лояльного себе человека — генерала внутренней службы 3-го ранга Т. Джалилова.

Кстати, в деле борьбы с преступностью Хрущев тоже наломал достаточно дров. Заявив в конце 50-х, что через двадцать лет преступность в стране будет полностью искоренена, он провел радикальные преобразования в правоохранительной сфере. В частности, в 1956 году он упразднил Министерство юстиции, а также провел кадровые чистки в КГБ и МВД. Во главе обоих ведомств он поставил не профессионалов, а партийных аппаратчиков: в КГБ это был бывший 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин (во главе КГБ встал в 58-м), в МВД — бывший заведующий Отделом строительства ЦК КПСС Николай Дудоров (в 56-м). При обоих началось кадровое сокращение в подвластных им учреждениях: так, уже спустя несколько месяцев после своего воцарения в кресле министра Дудоров рапортовал о сокращении органов внутренних дел почти на 7 тысяч человек. Спустя два года из МВД было сокращено вдвое больше людей — 14 331 сотрудник, в 1959-м министерство недосчиталось еще 1 300 человек. Это принесло государству экономию в 163 млн. рублей, однако и вреда было причинено немало. Например, в первом полугодии 1960 года по сравнению со вторым полугодием 1959 года количество наиболее опасных преступлений в стране увеличилось на 22,6% во многом именно потому, что на местах недосчитались достаточного количества сотрудников милиции.

Общие показатели уровня преступности в СССР в те годы выглядели следующим образом. Если в 1958 году в стране было зарегистрировано 880 322 преступления, то уже спустя год их стало 614 552, а в 1960-м — 651 260. Однако в 1961 году вновь был отмечен рост — 877 549 преступлений. Правда, этот рост не шел ни в какое сравнение с тем, что тогда творилось у главного стратегического конкурента СССР — Соединенных Штатов Америки. Здесь Советский Союз демонстрировал отставание, поскольку догнать и перегнать Америку по уровню преступности у советского руководства мысли никогда не возникало. Как сообщалось в справке Верховного Суда СССР за 1957 год:

«По динамике преступности СССР коренным образом отличается от любой капиталистической страны и в первую очередь от США. Даже из официально опубликованных данных Федерального бюро расследований США видно, что преступность

в Америке из года в год растет, причем рост преступности идет за счет наиболее опасных видов преступлений. Так, например, в 1956 году в Соединенных Штатах было подвергнуто аресту только за совершение серьезных преступлений почти 11,5 млн. человек, то есть каждый пятнадцатый гражданин США. В течение суток в США совершается в среднем 7094 серьезных преступления. Характерной чертой преступности в США является большой удельный вес преступности несовершеннолетних. В 1955 году в США было совершено 2 262 450 серьезных преступлений, из них более 42% было совершено подростками моложе 15 лет. За последние четыре года численность возрастной группы малолетних преступников от 10 до 17 лет увеличилась в США на 10%, а арестов среди этой группы было приблизительно вдвое больше...».

Среди среднеазиатских республик Узбекистан занимал 1-е место по числу совершенных преступлений, что было связано с объективными причинами: численностью населения и более быстрым ростом числа городских жителей, значительную часть которого составляли представители некоренных народностей. Что касается места в общей статистике преступлений, совершаемых в СССР (особенно особо тяжких), то там Узбекистан находился ближе к концу республиканского списка (в год в республике регистрировалось порядка 25—30 тысяч преступлений). Причем, еще в конце 20-х республика находилась в лидерах по количеству преступлений, совершенных в городах (по данным видного криминолога М. Гернета), однако уже через 30 лет Узбекистан превратился в одну из самых безопасных в криминогенном отношении республик, при том что относился к числу одних из самых густонаселенных (4-е место в СССР, более 9 миллионов человек в конце 50-х).

После того как в январе 1960 года МВД СССР было упразднено, республиканские министерства получили большую, чем раньше самостоятельность, хотя диктат Москвы все равно никуда не улетучился — он лишь слегка ослаб. И практически все кампании, которые затевала в области той же борьбы с преступностью Москва, автоматически переносились в республики. Например, в самом начале 60-х по инициативе Хрущева была объявлена война расхитителям социалистической собственности: валютчикам, спекулянтам, растратчикам государственных средств и т. д. И тут же республиканские МВД и КГБ начали «трясти» эту публику, что называется, как грушу.

До широких слоев населения отголоски этой борьбы доносились со страниц прессы — как центральной, так и республиканской. Например, в Узбекистане этим занимались газеты «Правда Востока» и «Ташкентская правда». Чтобы читателю стало понятно о чем идет речь, пролистаем подшивку одного из этих изданий («Правда Востока») хотя бы за короткий период с июля по август 1961 года (отметим, что этот период времени в советской криминальной истории был отмечен громким судебным процессом в Москве над группой валютчиков во главе с Я. Рокотовым и В. Файбишенко, которых советский суд приговорил сначала к 15 годам тюрьмы, а потом, по личному распоряжению Хрущева, к расстрелу).

Итак, 15 июня и 8 июля главная газета Узбекистана опубликовала два материала о, так называемых, подпольных миллионерах из Ташкента. Ими были некие братья Ш. и Б. Шамаловы, а также М. Кандов, А. Тамаров и Д. Фузайлов. Как писала газета: «Не желая честно трудиться, эти лица вели паразитический образ жизни, спекулируя валютой и другими ценностями». В чем же конкретно заключалась вина этих людей?

Так, Ш. Шамалов скупал валюту и золотые монеты дореволюционной и иностранной чеканки, облигации государственных займов и перепродавал их по спекулятивным ценам. На его квартире из тайника, оборудованного в ножках обеденного стола узбекские чекисты изъяли около 100 золотых монет. В другой тайнике — между зеркалами трельяжа — были обнаружены американские доллары, скупленные валютчиком у американских туристов. Кроме этого Ш. Шамалов, а также А. Тамаров, спрятали более чем на 200 тысяч рублей облигаций трехпроцентного займа выпуска 1957 года.

Узнав об аресте Ш. Шамалова, его брат Б. Шамалов и Д. Фузайлов за освобождение валютчика предлагали следователям взятку в 10 тысяч рублей в новых деньгах (в 1961 году в СССР был проведен денежный обмен. — *Ф. Р.*) и автомобиль «Волга». С этой целью на этом самом автомобиле они приехали из Самарканда в Ташкент, однако были разоблачены и арестованы.

Еще один арестованный — М. Кондов — специализировался на автомобильных махинациях: продавал их по спекулятивным ценам. Только за последние несколько месяцев перед своим арестом он перепродал две «Победы», «Москвич» и «Волгу».

Состоявшийся в июле 1961 года суд приговорил Ш. Шамалова к 7 годам тюремного заключения с конфискацией имущества, М. Кандова — к 5 годам. К различным срокам лишения свободы были приговорены и остальные участники этого уголовного процесса.

Минуло меньше месяца, и 15 июля в «Правде Востока» появилась новая публикация на криминальную тему под названием «Ротозеи и жулики». В ней речь шла о шайке преступников из почти десятка человек, которые в Ташкенте воровали государственное имущество, а также занимались вымогательством. Возглавлял это преступное формирование некий Михаил Риц, который одно время работал экспедитором 3-го строительного управления стройтреста №153. После своего увольнения оттуда, он обманным путем унес с собой чистые бланки со штампом и печатью на получение материальных ценностей. После этого машина хищений заработала в полную мощь.

С помощью ряда высокопоставленных лиц, которых он привлек к своим махинациям, вручив им взятки (это были: начальник отдела снабжения управления машиностроительной промышленности Совнархоза Н. Спирин, начальник отдела снабжения электроремонтного завода Л. Фрадкин и директор этого завода Аветисов) Риц, представив поддельное письмо об отпуске железа стройуправлению, получил четыре письменных разрешения на получение 35 тонн фондового и листового железа, в том числе 20 тонн с электроремонтного завода и 13 тонн — с завода «Узбекхлопкомаш». Всю эту многотонную добычу Риц продал, заработав на этом сотни тысяч рублей. Но этого ему показалось мало и он начал... шантажировать своих подельников.

Организовав мошенническую группу из четырех человек и снабдив их поддельными документами работников прокуратуры, Риц отправил этих людей к тем руководителям-взяточникам, кто помог ему провернуть операцию с железом. Мнимые прокурорские работники стали вымогать у них взятки в обмен на «закрытие уголовного дела». В итоге с одного шантажируемого они взяли облигации трехпроцентного займа на сумму в 4800 рублей, с другого — 5 тысяч рублей наличными, с третьего — 10 тысяч рублей. Однако воспользоваться этими деньгами преступникам не удалось — вскоре их арестовали. Суд приговорил Рица к 12 годам тюремного заключения с конфискацией имущества, остальных его подельников — к 10 годам.

23 августа в «Правде Востока» появился материал о махинаторах с республиканской киностудии художественных и документальных фильмов. Заметка называлась «Неприглядные кадры «Узбекфильма». В ней речь шла о шайке преступников во главе с самим заместителем директора студии З. Магруфовым. Вместе со своими подельниками — помощником Р. Давлетшиным и старшим администратором И. Водолазским — Магруфов выписывал расходные ордера на несуществующих лиц, якобы участвовавших в киносъемках, и деньги, предназначенные «мертвым душам», присваивал себе. Кроме этого, мошенники производили подлоги актов на прокат имущества, якобы взятого за оплату у отдельных лиц. В ходе следствия было выявлено, что из 773 проверенных расходных ордеров только по одному фильму («Хамза»), подложными оказались 308, что позволило махинаторам от кино положить в свой карман несколько тысяч рублей.

Короче, все эти факты наглядно свидетельствовали о том, что борьба с преступностью в стране ведется достаточно бескомпромиссная и под ее каток попадают люди самых разных профессий и должностей. Достаточно сказать, что за период 1961—1963 годов в СССР будет проведено около 100 «хозяйственных» процессов, на которых будет вынесено почти 200 смертных приговоров. Правда, ни одного факта привлечения к уголовной ответственности лиц из высшей номенклатуры (речь идет о деятелях уровня министров и 1-х секретарей обкомов) в те годы зафиксировано не было, поскольку центральная власть придерживалась принципа «сор из избы не выносить». Поэтому, если на каких-либо махинациях попадались высокопоставленные номенклатурщики, то их наказывали по-тихому: либо исключали из партии и увольняли, либо понижали в должностях и отправляли в почетную ссылку — на низовую работу. Подчеркнем, что такова была установка Центра, которую обязаны были строго соблюдать все союзные республики. Поэтому, если тот же Рашидов, к примеру, захотел бы «засадить» за решетку какого-нибудь проворовавшегося члена своего ЦК, он должен был прежде спросить об этом разрешения у Москвы и потом делать то, что та ему прикажет.

Между тем, учитывая, что Рашидов был приведен к власти в следствии недовольства Центром прежним руководителем, который, как мы помним, допустил серьезные просчеты в подборе руководящих кадров, Москва в начале его карьеры выдала ему временный карт-бланш с тем, чтобы он провел необходимые замены (но не аресты) в низшем и среднем руководящих звеньях. Затем дело дошло и до высшего звена руководителей.

4 февраля 1961 года Рашидов выступил на республиканском партийном активе с достаточно резким докладом, где было много нелицеприятной критики. Так, он отметил, что в минувшем году колхозы и совхозы Бухарской области дали хлопка на 26 тысяч тонн меньше, чем даже в 1953 году и снизили урожайность по сравнению с тем же 53-м на 3,1 центнера с гектара. В другой области, Ферганской, по его словам, за последние семь лет урожай-

ность хлопка повысилась всего на 0,8 центнера с гектара. Была в его докладе и критика в отношении отдельных руководителей. Вот лишь один небольшой отрывок из его выступления:

«Невозможно без возмущения говорить о фактах беззакония и обмана государства, вскрытых в Кунградском районе. По указанию секретаря райкома партии Шарипова и бывшего председателя райисполкома Абдуллаева были выписаны фиктивные квитанции на закупку масла. В действительности масло не было произведено.

Тех, кто допускает злоупотребления и обман государства, надо снимать с занимаемых постов, привлекать к строжайшей партийной и государственной ответственности. Карьеристам и обманщикам — не место в партии!».

Отметим, что за те почти два года, что Рашидов находился у руля республики, он сменил несколько руководителей райкомов партии и райисполкомов, причем некоторые из них были исключены из партии, а другие отданы под суд именно за подобного рода махинации. В сентябре 1961 года (на XVI съезде КП Узбекистана) Рашидов привел следующие факты: за последние несколько лет в аппарат ЦК поступило 22 824 письма, жалобы и заявления от рядовых граждан. На их основании за 1960 и 8 месяцев 1961 года республиканским ЦК была рассмотрена 631 апелляция на решения об исключении из членов и кандидатов в члены КПСС. Из них восстановлены в партии 119 человек и подтверждено исключение из партии 400 человек (отметим, что в 1961 году Компартия Узбекистана насчитывала в своих рядах 211 559 членов и 25 519 кандидатов).

На том же съезде у Рашидова дошли руки и до членов высшего республиканского партийного ареопага — Бюро ЦК КП Узбекистана. Оттуда были выведены: А. Алимов (председатель Совета Министров УзССР; на этом посту его сменил Р. Курбанов), Р. Гуламов (председатель Верховного Совета УзССР). Вместо них в Бюро был введен один человек — М. Мусаханов, который занял пост секретаря ЦК вместо М. Абдуразакова.

Учитывая, что двое пострадавших (Гуламов и Абдуразаков) поддерживали избрание Рашидова на пост Первого секретаря, их удаление из высшего ареопага выглядело странно. Но это только на первый взгляд. Ведь то единство взглядов, которое было явлено во время выборов Рашидова в марте 59-го, для некоторых членов Бюро было делом вынужденным. Поэтому в их речах тогда было мало искренности, а больше конъюнктуры — все они были опытными людьми и просто не хотели, что называется, плевать

против ветра. Поэтому, когда Рашидов вступил в права хозяина республики, на поверхность не могли не всплыть те расхождения во взглядах, которые существовали у него с его оппонентами.

На XVI съезде КП Узбекистана были сформированы руководящие органы республиканского ЦК. Так, в состав Бюро вошли следующие люди: Ш. Рашидов (1-й секретарь), Ф. Титов (2-й секретарь), Р. Курбанов (председатель Совета Министров УзССР), М. Абдуразаков (1-й секретарь Ташкентского обкома), М. Мусаханов (секретарь ЦК), Р. Рахимбабаева (секретарь ЦК по идеологии), Г. Наймушин (председатель КГБ), И. Федюнинский (командующий ТуркВО), Я. Насриддинова (председатель Президиума Верховного Совета УзССР), Г. Габриельянц (секретарь ЦК по сельскому хозяйству); кандидаты в члены Бюро: И. Бурмистров, Н. Мартынов, К. Муртазаев.

Из состава Бюро были выведены А. Алимов (его отозвали в Москву, в распоряжение ЦК КПСС) и А. Рудин.

Руководителями (заведующими) отделов ЦК стали: И. Бурмистров (отдел партийных органов), М. Рахманкулов (пропаганды и агитации), А. Султанходжаев (промышленности), Т. Зинин (сельскохозяйственный), А. Кабулов (финансов и плановых органов), Я. Закиров (административных органов; отдел надзирал за силовыми ведомствами), А. Шахов (строительства и стройматериалов), Т. Хасанов (транспорта и связи), А. Каюмов (науки, образования), А. Ходжаев (председатель партийной комиссии при ЦК КП Узбекистана).

В то время отношения Рашидова и Хрущева, что называется, ладились. Например, когда в 1960 году Центр задумал свернуть работы по освоению Голодной степи (как мы помним, решение об этом освоении было принято четыре года назад), Рашидов выступил категорически против этого решения. Но в Москве, в ЦК КПСС, его не стали слушать, заявив: как решили — так и будет. Тогда Рашидов и еще несколько человек из руководства Узбекистана добились личной аудиенции у Хрущева.

Отметим, что руководитель страны тоже поначалу был на стороне своих коллег, мотивируя свое мнение тем, что освоение степи отнимает у государства слишком много денежных средств — более четырех миллиардов рублей, в то время как эти деньги могли бы пригодиться для других дел (например, для латания экономических дыр, которых в конце хрущевского правления в советской экономике становилось все больше). Однако Рашидов и его товарищи в ответ возразили, что Голодная степь является огромным источником увеличения производства хлоп-

ка в СССР, а значит — и новых финансовых поступлений, которые в разы перекроют затраты (не забудем, что хлопок был одной из важных статей валютных поступлений в СССР). В итоге Хрущев, проникшись этими словами, дал команду переиграть ранее принятое решение.

В том же году личное вмешательство уже самого Рашидова помогло в строительстве такого важного для всей страны военно-стратегического и хозяйственного объекта, как космодром Байконур (он располагается на территории Казахстана). Вот как об этом вспоминает военный строитель Д. Галацкий:

«При строительстве Байконура основные строительные материалы (булыжник, песок) поступали из Узбекистана. Кроме того, Ташкент обеспечивал будущий космодром кирпичом, кабельными и лакокрасочными изделиями. Первое время все эти материалы поступали на объект согласно заявкам и графикам точно в срок, однако затем поступление булыжника для приготовления на месте щебня почти прекратилось. Кирпич тоже стал поступать всего 1—2 вагона в день. Наши неоднократные обращения в управление Среднеазиатской железной дороги и министерство промстройматериалов об увеличении отгрузки успехов не имели. По решению начальника строительства космодрома генерал-майора Н. Г. Шубникова я был направлен в Ташкент.

По прибытии я обратился в Управление Среднеазиатской железной дороги, однако вопрос оставался открытым. Такой же оборот дела получился и в Министерстве промстройматериалов Узбекистана. Тогда Шубников разрешил мне обратиться лично к Шарафу Рашидовичу Рашидову. Приехав в ЦК, доложил, откуда и по какому вопросу прибыл, и попросил, чтобы меня принял Рашидов. Пропуск был выдан мне сразу, и я был принят незамедлительно.

Рассказав ему, кто я и почему оказался у него, я доложил ему о срыве поставок. Шараф Рашидович достал из сейфа карту, нашел Байконур и сказал: «Жаль, что эта стройка находится в другой республике». Затем вызвал секретаря и дал задание немедленно пригласить к нему начальника Среднеазиатской железной дороги, министра промстройматериалов, директоров заводов кабельного и лакокрасочного. Попросил меня подождать их прихода. В течение получаса все приглашенные прибыли. Ш. Рашидов сказал им, что я приехал со строительного объекта, который имеет мировое значение, с жалобой о плохом обеспечении из Ташкента необходимыми материалами. Затем дал команду ежедневно отправлять не менее эшелона булыжника, не менее 10 вагонов

кирпича, а директорам кабельного и лакокрасочного заводов отгружать материалы строго по графику.

Поблагодарив Шарафа Рашидовича, я вернулся на космодром. Буквально на второй день диспетчер со станции поступления сообщил о прибытии эшелона с булыжником и вагонов с кирпичом. Вскоре стройка вошла в график, и в 1961 году в космос был запущен гражданин Советского Союза Ю. А. Гагарин. Оперативная помощь Шарафа Рашидовича сыграла в этом мировом событии свою роль».

Короче, весьма активная и эффективная деятельность Рашидова на посту лидера одной из ведущих республик не осталась не замеченной со стороны Хрущева. В итоге в самом конце октября 1961 года на XXII съезде КПСС Рашидова не только ввели в состав ЦК КПСС (в качестве кандидата он пребывал с 1956 года), но и выбрали кандидатом в члены Президиума (бывшее Политбюро) ЦК КПСС. Все это было серьезным подтверждением того, что авторитет Рашидова в Москве значительно возрос. Отметим, что Рашидов оказался в числе трех руководителей республиканских компартий, кто был избран кандидатом в члены Президиума. Двумя другими были: Кирилл Мазуров (Белоруссия) и Василий Мжаванадзе (Грузия). Был еще один «нацмен» среди кандидатов — Владимир Щербицкий — но он являлся не руководителем республики, а всего лишь секретарем ЦК КП Украины.

Заметим, что взлет Рашидова совпал с фактическим закатом карьеры его земляка — первого мусульманина в составе высшего руководства страны Нуритдина Мухитдинова, которого сразу после съезда вывели из Президиума ЦК КПСС и лишили секретарского поста, посадив в кресло заместителя председателя правления Центросоюза. Чем же провинился Мухитдинов, которого совсем недавно сам Хрущев называл «самым молодым и самым перспективным руководителем в составе Президиума ЦК»?

Яблоком раздора стало отношение... к Сталину. Дело в том, что на том съезде Хрущев решил не только продолжить свою критику «вождя народов», но и задумал потревожить его прах — вынести Сталина из Мавзолея и похоронить на Новодевичьем кладбище. И чтобы повязать всю партию круговой порукой в этом деле, он решил обязать руководителей крупных республик выступить на съезде с одобрением своей инициативы. И первым в этом списке оказался Мухитдинов, который должен был выступить от лица среднеазиатских республик. О том, что из этого получилось, рассказывает он сам:

«Однажды вечером, после очередного заседания съезда, мне передали, чтобы я зашел к Хрущеву. Захожу и вижу: у него сидят Подгорный, Микоян, Суслов, Шелепин и еще кто-то. Никита Сергеевич говорит:

— Давайте уберем Сталина из Мавзолея и похороним его на Новодевичьем кладбище, где лежат его жена, родные.

Общее молчание. Тут я осмелился и заговорил первым:

— Никита Сергеевич, его поместили в Мавзолей по решению ЦК, Президиума Верховного Совета и Совета Министров.

Козлов перебил:

— Всем известно, зачем повторять?

Но я продолжал:

— Вряд ли народ хорошо воспримет, если мы так отнесемся к останкам покойного. У нас на Востоке, у мусульман, это большой грех — тревожить тело умершего.

Микоян оборвал:

— Не навязывай нам на съезде свои мусульманские обычаи.

Я все же досказал свою мысль:

— Трудно будет объяснить, почему нужно хоронить на Новодевичьем кладбище. За Мавзолеем лежат его соратники — Дзержинский, Свердлов, Фрунзе, Калинин и многие другие, работавшие вместе с ним. Быть может, и ему найдется здесь место?

После некоторого молчания слово взял А. Н. Шелепин:

— Переносить останки Сталина на Новодевичье кладбище опасно, рискованно. Не исключено, что кто-то может их украсть. Вряд ли возможно предотвратить это. Получится скандал, и это в то время, когда так хорошо проходит съезд.

Хрущев подумал и говорит:

— Ну, давайте предложим съезду убрать его из Мавзолея. Ему не место рядом с Лениным. Быть может, действительно, похоронить его за Мавзолеем, в ряду известных деятелей?

Все согласились. Никита Сергеевич продолжил:

— Ты, Николай Викторович (Подгорному), сделаешь доклад, внесешь проект постановления. Анастас (Микояну) займется перезахоронением. Товарищ Суслов подготовит проект решения, а товарищ Козлов продумает, кто будет выступать. Желательно, чтобы руководители крупных республик и регионов высказались в поддержку этого решения.

На этом мы все разошлись.

На следующий день после вечернего заседания звонит мне в кабинет Козлов и спрашивает, закончил ли я свои дела. Ответил, что заканчиваю.

— Давай поедем вместе в моей машине. Выходи к подъезду.

Когда отъехали, он по дороге пожаловался на усталость и предложил заехать к нему:

— Пропустим по рюмочке, а хозяйка, быть может, что-нибудь приготовит.

Я ответил:

— Давай лучше к нам. Выпить тоже найдется, а моя жена угостит любимым тобой пловом.

Но он настаивал, и мы заехали к нему.

Когда перекусили, Козлов говорит:

— С участием некоторых товарищей, знакомых с вопросом о Сталине, обсудили и договорились поднять его 30 октября на утреннем заседании. Председательствовать будет Шверник, в повестку дня решено не включать. В ходе обсуждения проекта Устава вначале выступит первый секретарь Ленинградского обкома Спиридонов. Он, сказав о злоупотреблении властью, беззакониях, массовых арестах, от которых пострадали многие ленинградцы, ссылаясь на старых большевиков, внесет предложение о выносе тела Сталина из Мавзолея Ленина и захоронении в другом месте. Условились, — продолжал он, — что от партийных организаций народов Закавказья выступит Мжаванадзе (1-й секретарь ЦК КП Грузии. — *Ф. Р.*), а тебе признано целесообразным выступить и поддержать от своего имени, сказав о репрессиях в Средней Азии, и в частности у тебя на родине, в Узбекистане. От Московской организации выступит Демичев, а затем от делегатов Украины и других республик проект постановления предложит Подгорный.

Выслушав его, я сказал:

— Видно, вы всесторонне все продумали, но есть неясности.

— В чем? — спросил он, усиленно продолжая угощать меня.

— Насколько мне удобно выступать от всех республик Средней Азии и Казахстана? И это притом, что я уже почти полчаса говорил с трибуны съезда. К тому же я давно уже не работник Узбекистана, работаю рядом с вами в Москве. На съезде присутствуют Первые секретари Компартий всех республик. Им нужно собраться и договориться, кто выступит от имени региона — Кунаев, Рашидов или другой.

Козлов возразил:

— Не ломай договоренность. Поручается выступить тебе.

— Но кто меня уполномочил на это? Тем более из секретарей ЦК КПСС никто по этому поводу не выступает.

Тогда он заметил:

— Имей в виду — хозяин сильно обидится. Я должен сейчас доложить по телефону о нашем разговоре.

— Хорошо, передай мои соображения.

Тут к нам в комнату вошла жена Козлова. Я поблагодарил за угощение, попрощался и вышел...».

Отдадим должное Мухитдинову: он, будучи человеком, который считал Сталина повинным во многих преступлениях (в Президиуме ЦК Мухитдинов, в частности, отвечал за вопросы реабилитации жертв среди переселенных народов: чеченцев, ингушей, крымских татар), не побоялся выступить против инициативы Хрущева. А все потому, что понимал: в большей своей массе советский народ (в том числе и его земляки-узбеки) отнесутся к перезахоронению Сталина отрицательно. Поэтому и не стал брать на себя ответственность собственным выступлением освящать хрущевскую блажь. Впрочем, так поступил не только он один. Например, лидер Грузии Василий Мжаванадзе тоже отказался выступать, правда поступил более хитро: сослался на простуженное горло (он даже пришел на заседание съезда с перевязанным горлом). В итоге вместо него пришлось выступить его коллеге — Г.Д. Джавахишвили.

От республик Средней Азии и Казахстана инициативу Хрущева публично никто не поддержал. При этом трудно сказать, обращались ли к ним с подобным предложением или нет. Вполне возможно, что и обращались, но они не стали этого делать, поскольку по мусульманским обычаям, как правильно отметил Мухитдинов, тревожить прах покойного — большое святотатство. Тем более такого человека, каким был Сталин, которого подавляющая часть советских людей продолжала уважать, даже несмотря на его злоупотребления властью. При этом свою роль играло еще одно обстоятельство: на фоне Сталина тот же Хрущев выглядел, конечно же, куда менее притязательно: как внешне, так и в своей деятельности на посту первого руководителя государства.

Как отмечает Мухитдинов в своих мемуарах, его опала (а его, напомню, вывели из состава Президиума ЦК и сделали заместителем председателя Центросоюза) была связана не только с его поведением на съезде (к отказу выступать добавился и его неприход на заключительное заседание), но и с теми кознями, которые на протяжении ряда последних лет вели против него не только его отдельные соратники по Президиуму — главный идеолог партии Михаил Суслов и 2-й секретарь ЦК Фрол Козлов, но и земляки, в числе которых ведущую скрипку играл Шараф Рашидов. Судя по всему, это заявление является правдой. Однако мемуарист не объясняет, какие причины толкали, к примеру, того же Рашидова объединиться с Сусловым и Козловым и выступить против своего земляка, который по сути являлся главным «толкачом» узбекских проблем в высшем руководстве страны. Учитывая, что Рашидов был умным и опытным царедворцем, можно предположить, что у него к подобным действиям имелись вполне реальные основания.

Как только Мухитдинов получил назначение в Москву, его связи с Узбекистаном заметно ослабли, поскольку Хрущев ввел его в Президиум прежде всего как «толкача» республиканского масштаба (а не одного Узбекистана). Сам Мухитдинов приводит в своих мемуарах следующие слова Хрущева по этому поводу: «Темпы роста экономики и всего хозяйства Узбекистана стали выше, чем во многих республиках. Даже ваши соседи относятся к этому ревниво. Мы не имеем право не учитывать всего этого, так как должны обеспечивать равномерное развитие всех республик, одинаково ко всем относится. Вот Вы, находясь здесь, в ЦК, будете следить за этим...».

Таким образом Мухитдинов, чтобы оправдать оказанное ему доверие, вынужден был иной раз принимать решения в ущерб своей республике, дабы не ущемлять права других. Естественно, Хрущеву подобный подход импонировал, чего нельзя сказать о Рашидове, который по долгу службы в первую очередь должен был учитывать интересы своего региона. Отсюда, судя по всему, и брали свои истоки его разногласия с Мухитдиновым (не забудем также, что последний принадлежал к другому клану — ташкентскому, также как и Ариф Алимов, которого Рашидов, как мы помним, сместил с поста премьер-министра той же осенью 61-го). Видимо, об этом были прекрасно осведомлены и противники Мухитдинова в самом Президиуме ЦК, что и стало поводом к их объединению с Рашидовым.

Напомню еще раз, что с тех пор как Рашидов возглавил республиканскую организацию, он угодил в ситуацию между молотом и наковальней. Сохранить власть в подобном положении имел возможность только тот человек, кто обладал стратегическим мышлением и умел заглядывать в будущее, выстраивая свою политику не только в соответствии с интересами своих союзников, но и противников. Иной раз, чтобы победить в дальней перспективе, от таких людей требуется наступить на горло собственной песне (например, объединиться с противниками) и сделать шаг назад, чтобы потом совершить два шага вперед. Именно таким образом чаще всего и поступал Рашидов, который еще в годы своего президентства научился умело балансировать между интересами различных кланов и группировок, что и позволило ему почти 10 лет быть президентом одной из крупнейших со-

ветских республик, а потом еще почти 25 лет быть ее полновластным хозяином.

В годы горбачевской перестройки, когда советские СМИ целенаправленно лепили из Рашидова этакого монстра без чести и совести, все его хитрые стратегические шаги, которые он совершал в целях не только укрепления своей власти, но и во благо республики, были выданы как аморальные, а то и вовсе преступные. Все эти обвинения были достаточно легко восприняты большинством обывателей, поскольку массовому сознанию всегда легче двигаться в плоскости рассуждений «плохой — хороший». Поэтому для умелых политтехнологов не составляет особого труда, манипулируя фактами, выставить любого политика в том свете, какой выгоден конъюнктуре данного момента.

Было бы наивным утверждать, что Рашидов, занимая на протяжении почти четверти века высший руководящий пост, не совершал неверных поступков. Таких политиков в мировой истории попросту не существует, а тот человек, кто утверждает обратное, попросту выдает желаемое за действительное и тем самым вводит общественность (вольно или невольно) в заблуждение. Здесь уместно привести слова историка Жана-Поля Ру, написанные им по поводу деятельности великого правителя Самарканда Амира Тимура: «Разумеется, его политика не была чиста, но она никогда не была низкой. Он шел к своей цели на удивление открыто, решительно и с ясным пониманием состояния вещей».

В основе всех неоднозначных поступков Рашидова лежало не только желание сохранить свою власть (а это естественное желание для любого настоящего политика), но и забота о вверенном ему регионе — подчеркнем, одном из крупнейших в стране. И само время, которое, как известно, является лучшим судьей, наглядно подтвердило правильность большинства поступков Рашидова: именно во многом благодаря заложенному им фундаменту сегодняшний Узбекистан продолжает оставаться одним из самых мощных и развивающихся государств на постсоветском пространстве.

Чтобы читателю стало понятно, каким образом политтехнологи времен перестройки «шили дело» против Рашидова, приведу в качестве примера историю, которая относится именно к тем временам, о которых идет речь в данной части этой книги — к первому пятилетию его правления.

Если быть точным, история датирована маем 1959 года, когда Рашидов всего лишь два месяца как стал хозяином республики. Именно тогда он поднял в Москве вопрос о том, чтобы

снизить закупочные цены на хлопок-сырец. С точки зрения интересов республики это был, конечно же, явный откат от решения середины 50-х (тогда, как мы помним, Центр повысил цены на хлопок-сырец, что позволило Узбекистану получить 3 млрд. рублей дополнительного дохода). Кроме этого, Рашидов предлагал лишить дехкан, так называемого «отоваривания» (кроме денег за сданный хлопок дехкане получали также пшеницу, муку, жмых, стройматериалы и т. д.). Поэтому против этого предложения активно возражали многие узбекские политики: например, Н. Мухитдинов (член Президиума ЦК КПСС), Г. Габриельянц (секретарь ЦК КП Узбекистана по сельскому хозяйству), Н. Таджиев (председатель Госкомцен Узбекистана), С. Зиядуллаев (председатель Госплана Узбекистана).

Между тем зададимся вопросом: если все эти деятели прекрасно понимали негативные последствия для республики от подобного предложения, неужели сам Рашидов об этом не догадывался? Естественно, все он прекрасно понимал. Однако почему-то выдвинул Москве столь заманчивое предложение, которое сулило Центру экономию в миллионы рублей, но несло мало пользы его республике. Что же двигало Рашидовым?

Судя по всему, это был дальний расчет. Своеобразная приманка для Москвы, которая должна была убедить ее, что свой выбор в пользу Рашидова она сделала правильно. И Москва эту наживку проглотила, что обеспечило Рашидову возможность более уверенно чувствовать себя в кресле хозяина Узбекистана. И вот уже спустя год (в 60-м) он добивается от Хрущева продолжения субсидирования освоения Голодной степи, которое «вытянуло» из Центра гораздо больше средств (4,5 млрд. рублей), чем те миллионы, которые потерял Узбекистан от снижения закупочных цен на хлопок-сырец (отметим, что в перспективе и Центр не останется в накладе, поскольку голодностепский хлопок принесет в копилку Центра миллиарды рублей, в том числе и валюту).

Кроме этого, Рашидов способствовал вытеснению из Президиума ЦК КПСС Н. Мухитдинова и фактически сам занял его место, выдвинувшись в число влиятельных политических деятелей из числа мусульман. Рядовой обыватель, скажет, что это коварство, а любой сведущий в политике человек назовет это иначе: тонкой и расчетливой деятельностью государственного мужа. Ведь подобную политику вели практически все руководители советских республик, однако именно Рашидову (а также еще нескольким представителям окраин) удалось войти в святая святых — Президиум (Политбюро) ЦК КПСС (пусть и в качестве кандидата). Случилось это, как мы помним, в октябре 1961 года.

Глава 12

В ГОРНИЛЕ «КАРИБСКОГО КРИЗИСА»

Сразу после XXII съезда Хрущев предпринял свою первую широкомасштабную поездку по Средней Азии. Заметим, что сделал он это неожиданно даже для своих соратников по Президиуму, поскольку у Хрущева было много текущих дел в Москве: после съезда надо было заниматься перераспределением персональных обязанностей в новом составе Президиума и Секретариате, встречаться с зарубежными делегациями и т. д. И в этот момент Хрущев внезапно буквально срывается со своего места и отправляется в Среднюю Азию. Почему?

Судя по всему, сделал он это не случайно, а под впечатлением тех событий, которые развернулись на съезде вокруг его инициативы перезахоронить Сталина (кстати, это мероприятие состоялось 31 октября, причем не днем, а глубокой ночью, то есть его инициаторы действовали «аки тати в ночи»). Уязвленный тем, что среднеазиатские руководители отказались публично поддерживать его инициативу, Хрущев решил лично убедиться в настроениях среднеазиатских элит и, если нужно, «вправить им мозги».

В самих среднеазиатских республиках тоже не ожидали приезда высокого руководителя. Ведь там в тот период шла горячая страда — уборка хлопка и практически все руководство занималось именно этим вопросом (выезжали в колхозы, решали насущные вопросы обеспечения уборки всеми необходимыми средствами и т. д.). Однако у Хрущева, видимо, земля горела под ногами — так ему хотелось защитить свое уязвленное самолюбие.

Хрущев прилетел в Ташкент 10 ноября. В аэропорту его встречали не только руководители Узбекистана во главе с Рашидовым, но и главы всех среднеазитских республик, а также несколько союзных министров, представителей общественности Ташкента. Отдохнув на правительственной даче в Дурмене, высокий гость утром следующего дня на поезде отправился в Самарканд. Ознакомившись с достопримечательностями этого древнего города, его историческими памятниками, Хрущев встретился с партийными и советскими работниками области, принял рапорт колхозников и рабочих совхозов о выполнении годового плана хлопкозаготовок. После этого он направился на родину Рашидова — в Джизакскую область. В конце дня провел совещание работников управления «Главголодностепстрой», руководителей

ряда целинных хозяйств, где были обсуждены первые результаты освоения новых земель.

В течение двух следующих дней Хрущев посетил казахстанскую часть нового крупного района хлопководства (колхоз «Пахта-Арал»), затем вернулся в Ташкент, где посетил один из старейших (создан в 1925 году) и знаменитейших колхозов «Политотдел» (20 км от города, в Верхнечирчикском районе). Затем в Янгиюльском районе встретился с прославленной женщиной-механизатором 24-летней Турсуной Ахуновой. 14 ноября Хрущев посетил Всесоюзный научно-исследовательский институт хлопководства, расположенный в окрестностях Ташкента. Наконец, 15—16 ноября в ташкентском Театре оперы и балета имени А. Навои Хрущев провел зональное совещание по вопросам сельского хозяйства. На повестке дня стоял всего один вопрос: «О мерах по увеличению производства хлопка, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов в республиках Средней Азии, Азербайджана и южных областей Казахстана». На этом совещании Хрущев вручил ордена Ленина представителям Ташкентской и Самаркандской областей и Каракалпакской АССР за успехи в развитии хлопководства, достигнутые еще в 1959 году.

Эта поездка ясно указывала на то неослабевающее внимание, которое продолжал уделять среднеазиатским республикам Центр. И самым влиятельным политиком этого региона был именно Шараф Рашидов. И своим приездом в Узбекистан Хрущев, в частности, собирался рассеять свои сомнения относительно того, а прав ли он был, когда вместо Мухитдинова сделал свою ставку именно на Рашидова.

Отметим, что «ташкентцы» из Бюро ЦК КП Узбекистана (Я. Насриддинова, М. Абдуразаков и др.) пытались отговорить Хрущева от ужесточения кары для Мухитдинова (его собирались вывести и из состава ЦК КПСС) и с этой целью вручили ему письмо, подписанное двумя секретарями райкома и двумя председателями колхозов, в котором те заступались за Мухитдинова. Это ходатайство возымело действие на Хрущева: он дал указание своему помощнику позвонить в Москву Фролу Козлову и не давать хода проекту решения о выводе Мухитдинова из состава ЦК.

Видимо, поведение Рашидова вполне удовлетворило Хрущева и он покинул Узбекистан с чувством, что на этого человека можно положиться. Поэтому не случайным выглядит то, что весной 1962 года именно Рашидова привлекли в качестве основного участника к секретной операции «Анадырь», которую затеял

Хрущев, решивший подложить хорошую свинью под самый бок США — разместить на Кубе советские стратегические ракеты.

Дело в том, что советское руководство было убеждено в том, что США обязательно нападут на Остров Свободы, а потерять этот оплот революционного движения в Латинской Америке СССР не хотел. А поскольку обеспечить оборону острова обычными вооружениями не представлялось возможным, и было выбрано единственно возможное решение — разместить там ракеты. Правда, отправить их туда надлежало скрытно. И в этой операции именно Рашидову отводилась одна из главных ролей — он должен был усыпить бдительность американцев. Каким образом?

По задумке разработчиков операции ракеты (а также военнослужащие) на Кубу должны были быть доставлены секретно на нескольких судах, которые, якобы, перевозят сельскохозяйственную технику для орошения земли, а также туристов. Поскольку такую технику выпускали и использовали в Узбекистане, Рашидову предстояло взять на себя миссию дымовой завесы. Во второй половине марта 1962 года он прибыл в Москву и 22-го числа в течение 1 часа 15 минут пробыл в кремлевском кабинете Хрущева. Для большинства людей эта встреча проходила как рабочее совещание по вопросам мелиорации, на самом деле собеседники помимо этого вопроса обсуждали и другой — планы предстоящей операции по отводу глаз американцев.

23 марта Рашидов вновь был в Кремле у Хрущева, только на этот раз к их беседе присоединились еще несколько человек: председатель Госэкономсовета СССР А. Засядько, академик-секретарь отделения гидротехники и мелиорации ВАСХНИЛ А. Аскоченский и ряд других лиц. Эта встреча длилась в два раза дольше вчерашней — почти два с половиной часа. На ней речь шла только о мелиорации в Узбекистане, однако и это рандеву также было частью «ракетного» плана, поскольку информация о нем была опубликована в печати, что было все той же дымовой завесой для американских спецслужб, которые буквально с лупой штудировали всю советскую прессу.

Месяц спустя (24 апреля) Хрущев принял у себя группу высокопоставленных военных: министра обороны Р. Малиновского, главкома ракетных войск стратегического назначения С. Бирюзова, командующего войсками ПВО В. Судец, главкома авиации дальнего действия Ф. Агальцова. Судя по всему, на этой встрече утрясались детали все той же «ракетной» операции.

Еще через месяц (23 мая) Хрущев принимал у себя мелиораторов — специалистов сельского хозяйства по орошению земель и выращиванию хлопка. Однако кроме них во встрече принимают участие представитель МИД СССР, член Госкомитета Совмина СССР по внешнеэкономическим связям и главный редактор газеты «Сельская жизнь» П. Алексеев. На следующий день именно в этой газете появится подробный материал об этой встрече, где будет сообщено, что она была посвящена вопросам оказания материальной помощи братской Кубе.

На тот момент Рашидов уже был в Москве. Сначала он в качестве кандидата в члены Президиума участвует в заседании, где руководство страны утверждало окончательное решение по переброске ракет на Кубу. Как вспоминает генерал армии А. Грибков (он был одним из немногих военных, посвященных в эту операцию):

«Хрущев поставил вопрос, каким образом можно предотвратить вооруженную агрессию против дружественной нам Кубы, если политические и дипломатические меры не дадут желаемого эффекта. Предложив перебросить на Кубу для усиления ее обороны некоторое количество наших ракет, он тут же признал, что это неизбежно вызовет острую реакцию со стороны Соединенных Штатов. Но главное, что его волновало, — не начнут ли США ядерную войну!

Поскольку вероятность такого исхода событий была весьма велика, дебаты продолжались долго. И все же большинство участников заседания поддержало Хрущева: военную силу можно сдержать только военной силой. Постановили: Совету Министров, Министерству обороны и Министерству морского флота СССР организовать скрытную доставку войск и боевой техники на Кубу. Это решение было зафиксировано в протоколе заседания. Все члены Президиума документ подписали. Что касается его секретарей, то некоторые из них, ссылаясь на свою некомпетентность, протокол не подписали. И только после разговора с Хрущевым все же поставили свои подписи...».

25 мая Рашидов вновь приходит к Хрущеву, чтобы принять участие в последнем совещании, где окончательно утрясаются детали «ракетной» операции. На той встрече, кроме нашего героя, присутствовали: Ф. Козлов (секретарь ЦК КПСС), А. Громыко (министр иностранных дел СССР), С. Бирюзов (главком ракетных войск), Ю. Андропов (секретарь ЦК по международным делам), А. Алексеев (посол СССР на Кубе), О. Трояновский (помощник Председателя Совета Министров СССР). Встреча закан-

чивается тем, что именно Рашидова Хрущев назначает главой делегации, которая отправляется на Кубу. В состав делегации также вошли: С. Бирюзов (под псевдонимом инженер Петров), А. Алексеев и ряд других лиц.

На Рашидова возлагалась миссия под видом переговоров с Фиделем Кастро об оказании помощи Кубе в поставках сельскохозяйственных машин, а также техники для мелиорации передать предложение советского правительства о поставках и размещении на Кубе ракет для обороны от американской агрессии. Всю техническую сторону размещения этих ракет должен был обсудить с Кастро Бирюзов, а на долю Алексеева выпадала миссия связника.

Делегация пробыла на Кубе две недели и вернулась на родину 10 июня. На следующий день все ее члены прибыли к Хрущеву и доложили ему о согласии кубинского руководства с предложением советского правительства на поставки ракет. Они должны были начаться уже в июле, причем перебросить предстояло огромную группировку: только ее ядерная составляющая представляла из себя целую ракетную дивизию из трех полков Р-12 (24 пусковые установки). Вся группировка насчитывала порядка 51 тысячи человек, однако перебросить в итоге удалось только 42 тысячи (остальных не пустили американцы, которые все-таки узнали об операции, обнаружив с воздуха строящиеся на Кубе позиции для ракет).

Между тем Рашидов продолжал участвовать в операции «Анадырь» и в последующие дни. Так, 13 июля он встречался в Кремле с Фиделем Кастро. Помимо них на той встрече с советской стороны также присутствовали и два министра: Р. Малиновский (обороны) и А. Громыко (иностранных дел).

Как уже говорилось, ракетная техника перебрасывалась на Кубу под видом поставки сельскохозяйственных машин, а также под видом военных учений, а военнослужащие — как обычные туристы. И вновь послушаем рассказ генерала армии А. Грибкова:

«План дезинформации и маскировки был разработан на весь период проведения операции. Она осуществлялась под видом стратегического учения всех видов и родов войск ВС СССР, перебрасываемых с этой целью в различные районы Советского Союза железнодорожным и морским транспортом. В графике движения было четко указано, откуда, куда, в какой промежуток времени следует к месту назначения тот или иной эшелон, корабль, та или иная воинская часть. При этом соблюдалась строжайшая маскировка. Скопление транспорта в одном месте категорически не допускалось. Все было расписано по минутам, если не по секундам. А это колоссальный труд, ведь только кораблей океанского класса было привлечено около 85! И совершили они более 180 рейсов!

Ни один из иностранных лоцманов во время прохождения проливов так и не попал ни на один из наших кораблей. И не только потому, что мы досконально изучили существующие фарватеры и установленные в них заграждения. Подошедшему на катере лоцману наши моряки опускали за борт корзинку, а в ней и бутылочка, и все к ней прилагающееся. Ни один из них не обиделся на качество и количество презентуемого! Или вот другой пример: в газете «Заря Востока» была опубликована заметка, что впервые к берегам Кубы отправляется теплоход «Адмирал Нахимов» с большой группой советских туристов, а на борту находилось около тысячи военнослужащих. Я уже не говорю о гражданской форме одежды (наши солдаты в шутку даже переименовали операцию «Анадырь» в операцию «Клетчатая рубашка») и о том, что на борт загружались полушубки, валенки, лыжи...».

Как уже говорилось, американцы все-таки узнали о «ракетной» операции (это случилось 14 октября), что спровоцировало «Карибский кризис». В ночь с 27 на 28 октября мир стоял в пяти минутах от ядерной войны: тогда президент США Джон Кеннеди был готов отдать приказ напасть на Кубу, а Хрущев в таком случае готов был нанести ответный удар по США. К счастью, страшного исхода удалось миновать. Однако в той ситуации Хрущев повел себя по отношению к Кубе весьма оскорбительно. Впрочем, иного и быть не могло, поскольку Остров Свободы советское руководство рассматривало как свою новую союзную республику, а с ними они порой тоже особо не церемонились. Что же случилось?

Когда Хрущев узнал от Кеннеди, что американцы собираются бомбить ракетные стартовые площадки на Кубе, он стал торговаться с президентом США. В итоге руководители двух сверхдержав пришли к компромиссу: Хрущев согласился вывести с Кубы все ракеты, а Кеннеди в ответ пообещал не бомбить остров. Однако свое решение советский руководитель принял без всякого согласования с Кубой. В итоге, когда на следующий день эта информация была передана на весь мир открытым текстом (по Московскому радио), то возмущению кубинцев не было предела. Ситуацию усугубило еще и то, что когда в тот же день лидер кубинцев Фидель Кастро потребовал от США полного прекращения подрывной деятельности против Кубы, американцы

цинично заявили, что эту проблему будут обсуждать и решать... с руководством СССР. Подобный ответ преследовал одну цель: унизить Кастро и заставить его порвать с Советами. И Кастро уже был готов сделать это, но Хрущев вовремя опомнился и отправил на Кубу утрясать конфликт мастера подобных дел Анастаса Микояна. И тот с миссий справился — конфликт уладил. Как заявит чуть позже Ф. Кастро: «Хрущев по отношению к нам допустил ошибку, причинившую Кубе боль, но это тем не менее не может затмить или аннулировать заслуженных им чувств нашей благодарности».

Глава 13

В ВОДОВОРОТЕ ПРОБЛЕМ

Участие Рашидова в операции «Анадырь» было не единственным примером его активного присутствия в делах высшего советского руководства на международном направлении. Он продолжал был одним из важных игроков Кремля на другом направлении — советско-индийском.

Как мы помним, активное сотрудничество СССР и Индии началось еще в первой половине 50-х. И Узбекистану в этом деле отводилась ведущая роль как крупнейшей и авторитетнейшей республике в среднеазиатском регионе. В итоге в период с 1956 по 1961 год в ходе второго пятилетнего плана Индии из 16 проектов в сфере тяжелой промышленности 8 были построены с помощью Советского Союза и практически в каждом из этих проектов участвовал и Узбекистан. Всего же за вторую половину 50-х СССР оказал Индии экономическую помощь в размере 681 млн. долларов, что составило 27% всей помощи, предоставленной СССР азиатским странам.

Между тем в конце того десятилетия советско-индийское сотрудничество ожидало серьезное испытание. Дело в том, что Китай все сильнее стал дистанцироваться от СССР, считая политику Хрущева в деле разоблачения Сталина ревизионистской. А после того как Китай и Индия в 1959 году вступили в вооруженную конфронтацию, а СССР взял сторону последней, китайские руководители сделали себе еще одну зарубку на памяти. А когда советское руководство заняло ту же позицию во время следующего китайско-индийского конфликта — в октябре 1962 года — Пекин назвал Москву предательницей коммунистического движения.

Именно тогда СССР начал поставку в Индию своего вооружения, а именно — самолетов МиГ-21. Кроме этого, советское руководство начало строительство в Индии заводов по производству этого истребителя-перехватчика. Поскольку Узбекистан продолжал играть самую активную роль в советско-индийских отношениях, позиции Рашидова от этого только усиливались.

Между тем было бы неверно утверждать, что все свое время Рашидов тогда посвящал государственным проблемам. Нет, он находил время и для других дел. Например, по ночам он продолжал писать книги и в те самые дни когда разворачивалась операция «Анадырь» на его столе лежала уже почти законченная рукопись романа «Могучая волна», который был посвящен строительству Фархадской ГЭС. Отметим, что Рашидов и в этом случае знал, о чем писал: в 1944 году в числе «десятитысячников» он приехал на эту ГЭС, чтобы участвовать в ее возведении.

Как и в двух предыдущих книгах Рашидова («Победители» и «Сильнее бури»), в центре этой также были судьбы двух молодых людей, влюбленных друг в друга: юношу звали Пулат, девушку — Бахор. Присутствовал в книге и популярный для советской литературы и искусства тех лет производственный конфликт: в центре его были 1-й секретарь райкома партии Джурабов (новатор) и чиновник райсовета Султанов (консерватор). Как будет вспоминать позднее сам Рашидов:

«Говоря об основных героях моих романов, критики отмечали «корчагинское начало» в их поведении (для людей несведущих поясню, что речь идет о герое романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павле Корчагине — одном из самых любимых героев советской молодежи. — *Ф. Р.*). В частности, это начало они усматривали в поступках Пулата («Могучая волна»). Я не думаю, что это утверждение стоит опровергать. «Корчагинское начало» ощутимо в характере не одного поколения советских людей. Истоки его — в нашей революции, в славных традициях борьбы рабочего класса. Оно воспитывается Коммунистической партией, всегда уделявшей и уделяющей громадное внимание молодежи. В наши дни это начало проявляется и в подвигах космонавтов, и в героическом труде строителей БАМа, и в славных делах хлопкоробов, освоителей целины. В нем в концентрированной, я бы сказал «материализованной», форме выражается и верность великому делу коммунизма, и высокая нравственность, и беспримерное мужество сознательных строителей нового общества. Оно типично для личности советского человека, нашего современника...».

Кроме этого, Рашидов много свободного времени посвящал спортивным проблемам республики. Так, он внимательно следил за успехами ташкентской футбольной команды «Пахтакор» у истоков создания которой, как мы помним, он стоял еще будучи президентом Узбекистана (в 1956-м).

В 1960 году футбольные власти страны приняли наконец решение включить большинство республиканских команд в высшую лигу и «Пахтакор» в том турнире занял скромное 14-е место. В следующем году результат был получше — 10-е место. Однако в 1962 году «Пахтакор» заиграл по-настоящему мощно, удивив большинство специалистов — такой прыти от него мало кто ожидал. Он попал в предварительную подгруппу «Б», где вместе с ним оказались такие гранды советского футбола, как московские клубы «Спартак», «Динамо» и «Торпедо», а также тбилисское «Динамо». Ташкентцы уступили «Спартаку» и тбилисцам, но сыграли вничью с «Торпедо» и «Динамо», а у большинства остальных клубов подгруппы выиграли. Таким образом «Пахтакор» набрал 23 очка (5-е место) и вышел в группу, где разыгрывались места с 1-го по 12-е.

Тогдашние успехи «Пахтакора» были связаны с именем тренера Александра Келлера, который внедрил в игру команды собственное ноу-хау: он один из первых использовал на подстраховке позиционного игрока в защите (Олег Моторин), а также выдвинул на острие атаки сразу двух центральных нападающих (Геннадий Красницкий и Сергей Стадник). Замысел этого ноу-хау заключался в том, чтобы обеспечить надежность в обороне и открыть оперативный простор для тандема центральных форвардов, которых поддерживал тактически очень грамотный и техничный игрок (Идгай Тазетдинов). Кроме этого, от многих советских клубов, которые выезжали на «варягах» (приглашенных игроков из других клубов), «Пахтакор» делал ставку на своих доморощенных воспитанников.

Игры в подгруппе «Б» проходили с апреля по сентябрь, а в группе лидеров — с 25 сентября по 18 ноября. Как и весь Узбекистан (а в том сезоне средняя посещаемость матчей с участием «Пахтакора» в республике равнялась 52 тысячам зрителей), Рашидов не только с интересом следил за выступлением родной команды по телевизионным трансляциям, но по возможности лично посещал матчи с ее участием. Впрочем, так поступал не только он один, но и многие другие влиятельные государственные деятели страны. Ведь футбол в СССР был больше чем спорт: для большинства населения это была своего рода религия, а для политиков еще и любимая игрушка, которая помогала им доказывать свое превосходство над конкурентами на полях политической борьбы. Поэтому за всеми футбольными грандами страны стояли как реальные хозяева из спортобществ, так и закулисные — высокопоставленные партийные и государственные деятели. Так повелось еще с 30-х годов и спустя три десятилетия ситуация в этом плане нисколько не изменилась.

Например, ЦСКА «курировал» министр обороны (Малиновский), столичное «Динамо» — министр МВД (Круглов), киевское «Динамо» — президент Украины (Щербицкий), бакинский «Нефтчи» — 1-й секретарь республики (Ахундов), тбилисское «Динамо» — 1-й секретарь республики (Мжаванадзе) и т. д. Что касается Хрущева, то он футбол не жаловал, зато страстным болельщиком был тогдашний президент страны Леонид Брежнев, который болел сразу за два футбольных клуба — столичный ЦСКА и «Днепр» из Днепропетровска (Брежнев родился в тех краях).

Поскольку у Рашидова было много недоброжелателей не только у него на родине, но и в Москве (ряд приближенных к Хрущеву деятелей опасались все возрастающего влияния хозяина Узбекистана, который, став кандидатом в члены Президиума осенью 61-го, явно выказывал желание войти в высший партийный ареопаг в качестве полноправного члена уже в ближайшее время, особенно после своего активного участия в операции «Анадырь» и в советско-индийских отношениях), они пытались всячески помешать Рашидову в его далеко идущих планах. Однако сделать это было трудно, поскольку в 62-м у хозяина Узбекистана дела шли как по маслу практически по всем направлениям: как в политике, так и в экономике. И даже то, что в том году республике грозил провал по сдаче хлопка государству (из-за плохих погодных условий будет собрано на 800 тысяч тонн хлопка меньше, чем в 1961 году), это не могло помочь недоброжелателям Рашидова поколебать его позиции в глазах Хрущева — ведь по остальным экономическим показателям все обстояло как никогда хорошо. В 1962-м Узбекистан увеличит производство стали на 12 тысяч тонн больше, чем в предыдущем году, угля — почти на 500 тысяч тонн, нефти — почти на 50 тысяч тонн, газа — на 1 020 млн. кубометров и т. д.

Между тем трудности в сельском хозяйстве вынудили Рашидова сменить куратора этого направления в составе Бюро ЦК — Г. Габриельянца. Вместо него в состав Бюро в августе 1962 года был введен А. Хайдаров (что касается Габриельянца, то его назначили заместителем председателя Совета Министров УзССР).

Тогда же возле Рашидова появились новые «глаза и уши» Москвы — 48-летний 2-й секретарь Владимир Карлов, который сменил на этом посту Федора Титова (Карлов до этого работал 1-м секретарем Калининского обкома).

Однако вернемся к футболу, поскольку, как уже говорилось, будучи любимой игрушкой политиков, он часто превращался для них в способ борьбы с конкурентами. Не стал исключением в этом деле и Рашидов, который мечтал, чтобы «Пахтакор» занял достойное место в первенстве-62, а его недоброжелатели, естественно, этого всячески не хотели. Между тем одним из любимых игроков Рашидова в составе ташкентской команды был 26-летний нападающий Геннадий Красницкий, что не удивительно, поскольку талантом этого игрока тогда восторгались многие болельщики, причем не только в Узбекистане.

Свою карьеру в футболе Красницкий начал в 1954 году, выступая за ташкентский «Пищевик». Четыре года спустя талантливого 18-летнего парня заметят тренеры «Пахтакора» и пригласят в основной состав. Буквально с первых же матчей Красницкий покажет себя во всей красе: благодаря высокой скорости, мощи и сильнейшему удару он станет лучшим форвардом-тараном в составе команды. Про удары Красницкого ходили легенды. Самый феноменальный случай произойдет в Лиме, куда Красницкий приедет в составе сборной клубов «Динамо». Москвичи играли против клуба «Спортинг Кристалл». В один из моментов Красницкий так мощно пробил с правой ноги по воротам соперников, что мяч... пробил сетку и улетел на трибуну. В газетах на следующий день написали, что если бы на пути мяча встал вратарь, то он наверняка стал бы инвалидом.

Не менее впечатляюще Красницкий выступал и в чемпионате СССР, являясь главным забивалой «Пахтакора» (например, в 1960-м он стал одним из лучших бомбардиров страны, забив 19 мячей). В итоге в 1961 году его пригласили играть за сборную СССР. Во многом благодаря стараниям Красницкого «Пахтакор» очень успешно выступал и в чемпионате-62. Вот почему именно его хотели убрать с дороги руководители и высокие меценаты клубов, соперничающих с «Пахтакором» за высокие места в турнирной таблице. Скажем прямо, шансы для этого у них были весомые, поскольку Красницкий в ту пору оказался в объятиях «звездной» болезни.

В начале сентября 1962 года «Пахтакор» занимал 5-е место во 2-й подгруппе, отставая от лидера, тбилисского «Динамо», всего на четыре очка, а от трех других конкурентов — столичных клубов «Спартак», «Динамо» и «Торпедо» — и вовсе на одно-два очка. Именно в этот момент, как будто по заказу, и случился скандал с Красницким. Он получился настолько громким, что его долгое время горячо обсуждала вся спортивная общественность страны. О его перипетиях люди узнали из статьи в «Комсомольской правде» от 7 сентября под названием «Кающаяся звезда». Ее авторами выступили заведующий отделом спорта газеты «Комсомолец Узбекистана» В. Емельянцев и журналист Н. Дадабаев. Писали же они следующее:

«Ташкентский «Пахтакор» ждали трудные матчи в Тбилиси, Харькове и Баку. Перед выездом капитан команды мастер спорта Геннадий Красницкий обнадежил болельщиков:

— Едем добывать очки!

Команда, действительно, уехала, но... без капитана. Тот решил продлить свой отдых и лишь через два дня соизволил пожаловать в Тбилиси. Был он явно не в духе и на поле не блистал («Пахтакор» тогда проиграл 0:4. — *Ф. Р.*). Совсем «сердитым» приехал капитан в Харьков и все 90 минут игры с «Авангардом» простоял на поле (ташкентцы и здесь уступили — 1:2. — *Ф. Р.*). Зато уж после матча он развернулся...

События начались в полночь. Центр нападения легко обошел защиту, состоявшую из дежурных администраторов, и ворвался в гостиницу. Отборная брань понеслась по этажам. Начальник команды У. Бектемиров пытался перехватить разбушевавшегося форварда, но досталось и ему. Только с помощью основного и дублирующего составов Красницкого удалось нейтрализовать. Утром ему купили билет и отправили в Ташкент. А Уктам Сулейманович Бектемиров только причитал: «Что будет, что будет?!».

Почему же так волновался начальник команды? Чтобы понять это, стоит оглянуться назад.

В минувшем сезоне перед игрой с московским «Спартаком» захмелевший ташкентский центр нападения оскорбил дежурную в Лужниках. Вечером, изрядно выпив, он решил выяснить у администраторов, хорошо ли они знают Красницкого. Дело закончилось очередным скандалом.

Дебошира пожурили. Так, не строго, по-семейному. Но даже и это обидело «звезду».

— Покупайте билет. Играть не буду. Улетаю в Ташкент... — куражился Красницкий.

Его уговорили остаться: ведь он забивал голы, которые приносили очки. А за очки прощали все. Красницкий мог опоздать на самолет, оскорбить товарища, нагрубить тренеру. Он мог не

явиться на занятия в институт и сидеть три года на одном курсе с пятнадцатью «хвостами» в зачетке. И ему все сходило с рук, потому что он хорошо бил правой по воротам. А когда научился крепко бить и левой, его включили в сборную СССР и стали прощать больше.

Например, такое. Красницкий развлекался в ташкентском ресторане «Зеравшан». Сначала бил бокалы, потом попытался напасть на инкассатора. Когда же в зале раздались выстрелы, «звезда» сбежала. Конечно, его узнали, но, конечно же, опять простили.

Очередной дебош не помешал республиканскому Совету спортивных обществ возбудить ходатайство о присвоении Г. Красницкому звания мастера спорта СССР. И он стал мастером. Стал и капитаном команды. Но поведение его осталось прежним.

Победу над столичным «Спартаком» («Пахтакор» выиграл со счетом 3:2. — *Ф. Р.*) Г. Красницкий отметил в своем обычном стиле — явился в гостиницу пьяным. Что делать? Отстранить его от игр и отправить домой — значит обидеть «звезду». Придется руководителям команды держать ответ перед всеми его семью няньками — Федерацией футбола, перед республиканским советом Союза спортивных обществ и перед самим его председателем В. С. Митрофановым. Наконец начальник команды У. Бектемиров, собравшись с духом, позвонил в Ташкент:

— Шума не поднимайте. Чтобы не пошли разговоры по Москве. Дома разберемся, — распорядились оттуда.

А дома делали вид, что ничего не произошло. Дело замяли. Замяли, как и много раз до этого.

Спортивные руководители Узбекистана видели в Красницком не молодого парня, делающего первые шаги в большом спорте, а только футболиста, забивающего голы. Они по-прежнему славили капитана, считали его незаменимым. Дело доходило до смешного. Перед товарищеской встречей в Фергане на улицах города появились афиши: «Выступает «Пахтакор». За команду играет Красницкий и другие».

Что ж, «реклама — двигатель торговли». Болельщики валом валили на стадион смотреть аж самого (!) Красницкого.

А смотреть-то уж, честно говоря, было не на что. Пьянки сказались. На счету прославленного в прошлом бомбардира ныне всего четыре мяча и десяток дебошей...

Увы, похождения Красницкого и на этот раз не стали предметом большого разговора. Заседание президиума республиканского совета Союза спортивных обществ проходило при закрытых дверях. Говорят, Красницкий вновь каялся и вновь обещал...

А любвеобильные няньки вновь хлопотали вокруг своего неугомонного дитяти».

Между тем одной статьи оказалось мало и 16 сентября «Комсомолка» продолжила разговор о Красницком, опубликовав отклики читателей на статью «Кающаяся звезда». На этот раз публикация носила куда более жесткое название — «С поля!..». Вот что писали в своих письмах читатели.

Г. Пулатов, болельщик «Пахтакора», Ташкент: «Прочитав остро написанную статью о Красницком, не могу не высказать своего одобрения. До этого мы лишь понаслышке знали о непростом поведении Красницкого. Теперь стало ясно, насколько позорным и возмутительным оно было.

Я не пропускаю ни одного матча «Пахтакора». В команде есть замечательные ребята. Много раз она играла без своей «звезды», и не хуже, а часто лучше, чем с Красницким. Когда на поле Красницкий, складывается впечатление, что он сковывает инициативу нападающим, требует играть только на него. Не дай бог, если кто-либо из партнеров даст не «чистый» мяч. Он злится, откровенно игнорирует товарищей по команде.

Поведение Красницкого позорит всю команду. Так зачем же держаться за дебошира и хулигана? Не лучше ли лишить его права играть в классе «А»?».

А. Дружинин, Ташкент: «Читая статью «Кающаяся звезда», приходишь в недоумение. Неужели законы и нормы нашего общежития не распространяются на Красницкого, эту зарвавшуюся «звезду»?

Произошло же подобное потому, что узбекистанские спортивные руководители, руководство команды «Пахтакор» считали Красницкого незаменимым. Но самое печальное то, что они и после выступления «Комсомольской правды», видимо, продолжают оставаться на этой глубоко ошибочной точке зрения. Иначе чем еще можно объяснить появление Красницкого на поле во время матчей с ленинградским «Динамо» («Пахтакор» победил 1:0. — *Ф. Р.*) и кутаисским «Торпедо» (в этом матче ташкентцы проиграли 1:2. — *Ф. Р.*). Этот вызывающий жест тренеров команды «Пахтакор» трудно понять.

Нет, таким горе-футболистам не место на наших стадионах. Их, как сорную траву, надо гнать с полей, вместе с меценатами».

От редакции «Комсомолки» под письмами было помещено следующее резюме:

«До сих пор неизвестно, что же творилось за закрытыми дверями республиканского совета Союза спортивных обществ Узбе-

кистана и какое наказание понес футбольный дебошир и зазнайка. Спортивные руководители Узбекистана словно в рот воды набрали. А судя по сигналам ташкентских любителей спорта, всю эту историю вновь хотят спустить на тормозах.

Надо надеяться, что Федерация футбола СССР и Центральный совет Союза спортобществ разберутся и примут меры как по отношению к хулиганствующему футболисту, так и к его покровителям».

Следующее возвращение к этому скандалу «Комсомолка» предприняла 30 сентября, когда «Пахтакор» уже вышел в группу финалистов чемпионата и начал борьбу за медали первенства. Тогда был опубликован ответ председателя совета Союза спортивных обществ и организаций Узбекистана В. Митрофанова. Вот что он сообщал:

«Вопрос о поведении Красницкого обсуждался на президиуме совета Союза спортивных обществ и организаций Узбекистана с участием Федерации футбола, тренерского совета, руководства ЦС «Пахтакора», а также всего состава футбольной команды. Обсуждение носило откровенный, острый характер, и поведение Красницкого было осуждено всеми участниками, требовавшими сурового наказания.

Вместе с тем комсорг команды Семенов и другие футболисты просили президиум учесть решение коллектива — сохранить Красницкого в «Пахтакоре» с тем, чтобы силой коллектива воздействовать и перевоспитать его.

С такой же просьбой обратились члены президиума Федерации футбола Узбекистана.

Дважды выступил Красницкий. Полностью признав свою вину, он обратился с просьбой оставить его в команде, дав обещание исправиться.

Президиум совета Союза спортобществ, с учетом вышеуказанного, принял следующее постановление:

1. За систематическое нарушение режима, недостойное поведение и зазнайство лишить Красницкого Г. звания мастер спорта.

2. ...дисквалифицировать Красницкого Г. на один год условно и отстранить от обязанностей капитана команды.

3. За ослабление требовательности и воспитательной работы в коллективе команды «Пахтакор» начальнику команды тов. Бектемирову У. объявить строгий выговор. Старшему тренеру команды тов. Келлеру А. А. объявить выговор».

Таким образом заветная мечта конкурентов «Пахтакора» — лишить команду ее главного забивалы — оказалась несбыточной.

И всю озабоченность этой ситуацией «Комсомолка» отразила в своем резюме. Цитирую:

«На первый взгляд ответ тов. Митрофанова производит внушительное впечатление. Красницкий лишается звания мастера, столь дорогого и почетного для каждого спортсмена, руководителям команды объявлены выговоры. Но вот вдумаешься в смысл второго пункта постановления: дисквалифицировать на один год условно, и в душе нарастает протест. Для чего же, дорогие товарищи, стоило, как говорится, огород городить? Ведь этот пункт не что иное, как бастион прежних меценатских позиций: главное — не человек, его поступки, а умение бить левой и правой. Тут сказалось желание всеми силами сохранить футболиста для добывания новых очков команде. Можно напомнить, что два года назад Красницкий уже был условно дисквалифицирован на целый сезон. Новый рецидив — расплата за всепрощенчество.

По сей день в редакцию идут письма читателей, возмущенных похождениями зарвавшейся «звезды». Пишут и земляки Красницкого, люди, болеющие за успехи и неудачи «Пахтакора». Все болельщики, как один, требуют подлинной, настоящей дисквалификации Красницкого. Пусть за зиму как следует подумает, потренируется, и не в ресторанных выпивках, конечно, а в спортивном зале, и, глядишь, с нового сезона общественность доверит ему право защищать спортивную честь родной республики.

Вот это принципиальная позиция, которую, к сожалению, никак не может решиться занять тов. Митрофанов...».

Несмотря на большой резонанс, вызванный этими публикациями, руководство «Пахтакора» сумело отстоять Г. Красницкого в составе команды, поскольку прекрасно понимало, что парень, конечно, виноват, но с его уходом шансы «Пахтакора» на высокий результат резко сократятся. Правда, в последних играх первенства он принять участие не смог, что дало повод для многих узбекских болельщиков сделать вывод о том, что все произошедшее было не случайно.

18 ноября чемпионат СССР по футболу благополучно завершился. «Золото» первенства досталось московскому «Спартаку», однако и «Пахтакор» выдал «на-гора» отменный результат — занял 6-е место, пропустив вперед себя только грандов отечественного футбола: столичное и тбилисское «Динамо», ЦСКА и «Динамо» из Киева. Причем от двух последних команд ташкентцы отстали всего лишь на одно-два очка. Этот результат отныне будет вписан золотыми буквами в историю узбекского футбола (столь высокое место «Пахтакор» завоюет еще раз только 20 лет спустя — в 1982 году).

Глава 14

В КОНФЛИКТЕ С ХРУЩЕВЫМ

Между тем в планах Хрущева было продолжение экономических реформ в стране, в том числе и в республиках Средней Азии. Поскольку особую ставку он делал именно на Узбекистан (вместе с Казахстаном тот был одним из самых многонаселенных регионов юга страны) и лично на Рашидова, Хрущев в начале октября 1962 года отправился в Ташкент, чтобы ознакомиться с деятельностью тружеников промышленности, сельского хозяйства и ученых республики.

В Москву Хрущев вернулся обогащенный новыми идеями, которые подвигли его в декабре к созданию Среднеазиатского бюро ЦК КПСС с головным офисом в Ташкенте, на которое возлагалось оперативное руководство теми реформами, которые в скором времени должны были начаться в Средней Азии. Во главе бюро Хрущев поставил опытного партийного руководителя из главной парткузницы страны Москвы — Владимира Ломоносова (на партийной работе с 1954 года, в 1958—1962 был 2-м и 1-м секретарем Калининского райкома партии в Москве).

В том же декабре произошли новые кадровые перестановки и в Бюро ЦК КП Узбекистана (теперь он назывался Президиумом). Из него были выведены секретарь ЦК по сельскому хозяйству А. Хайдаров (тем самым он проработал на своем посту всего четыре месяца; тогда же сняли с должности и министра сельского хозяйства Н. Маннанова) и председатель КГБ УзССР Г. Наймушин. Правда, последний был всего лишь понижен до звания кандидата, что являлось следствием политики, проводимой Хрущевым: таким образом тот понижал статус КГБ, дабы тот не смел вмешиваться в партийные дела. В число кандидатов в Президиум также вошли К. Муртазаев и Н. Нажесткин.

Среди новых членов Президиума значились: Н. Мартынов и Н. Худайбердыев. Первый должен был курировать руководство промышленным производством, второй — сельскохозяйственным (вместо А. Хайдарова).

Тогда же значительные большие полномочия получил Комитет партийного контроля (эта структура была образована еще в 20-е годы как Центральная контрольная комиссия), который реорганизовали в Комитет партийно-государственного контроля и наделили еще большими полномочиями. Отныне Комитет получил право контролировать и партийные органы, и правительство, и вооруженные силы, и даже КГБ. В обязанность ему также вменялось проводить расследования, налагать взыскания на провинившихся и передавать дела в прокуратуру и суд. Расширение полномочий КПГК значительно ослабляло влияние Совета Министров и Верховного Совета, поэтому против этого активно возражали руководители этих структур: Алексей Косыгин и Анастас Микоян. Однако Хрущев к их мнению не прислушался. Руководить КПГК он поставил бывшего шефа КГБ Александра Шелепина (в партийной среде его за глаза называли «железный Шурик» — за решительный и жесткий характер).

В Узбекистане председателем КПГК был назначен 50-летний Мирзамахмуд Мусаханов, который был ставленником ташкентцев. В свое время он окончил в Москве текстильный институт, затем вернулся на родину и одиннадцать лет трудился в легкой промышленности: был сначала заместителем министра, а затем возглавил отрасль. В 1955 году его назначили секретарем Ташкентского обкома. В 1956—1958 годах он возглавлял узбекский Госплан, затем стал председателем Совета профсоюзов, секретарем ВЦСПС. В апреле 1961 года он был введен в состав Президиума ЦК КП Узбекистана, назначен секретарем ЦК. Наконец в конце 1962 года Мусаханов возглавил КПГК, что, конечно же, делало его еще более влиятельным политиком в республике.

Полный состав Президиума ЦК КП Узбекистана выглядел следующим образом: Ш. Рашидов (1-й секретарь), В. Карлов (2-й секретарь), Р. Курбанов (председатель Совета Министров), М. Мусаханов (председатель Комитета партийно-государственного контроля), Я. Насриддинова (председатель Президиума Верховного Совета), З. Рахимбабаева (секретарь по идеологии), И. Федюнинский (командующий Туркестанским военным округом), Н. Мартынов, Н. Худайбердыев. Кандидаты: К. Муртазаев, Н. Нажесткин (первый заместитель председателя Совета Министров), Г. Наймушин (председатель КГБ).

Однако прошло всего полгода, как в состав Президиума пришлось вносить новые коррективы. Весной 1963 года Хрущев всерьез озаботился проблемами идеологии (потребовал ее усиления) и Рашидову в июле пришлось менять идеолога. Вместе Зухры Рахимбабаевой, которая курировала это направление на протяжении нескольких лет (она окончила Академию общественных наук, защитила кандидатскую диссертацию по истории), а теперь была выведена из состава Президиума и отправлена руководить Министерством культуры, главным идеологом (и членом Президиу-

ма соответственно) стал Рафик Нишанов, который принадлежал к ташкентскому клану (в 1956—1959 годах он работал заведующим отделом Ташкентского горкома партии, затем три года был 1-м секретарем Октябрьского райкома партии Ташкента, с 1962-го — председателем Ташкентского горисполкома).

Между тем в обратную сторону были проведены пертурбации в руководстве узбекским комсомолом. Там в феврале 1963-го вместо мужчины — М. Ибрагимова — к руководству пришла женщина — Р. Абдуллаева.

В декабре 1962-го был приведен к руководству и новый председатель Верховного Суда УзССР — им стал Мамеджан Максумов. Это тоже было не случайным явлением, а закономерным: Москва продолжала требовать от республик не только не ослаблять борьбу с преступностью, но и вести ее более жестко. Напомню, что расстрельные приговоры за хозяйственные преступления тогда были в большом ходу — то есть с людьми, которые своими преступлениями наносили государству значительный ущерб, тогда особо не церемонились.

О целенаправленной политике государства в области борьбы с преступностью широкую общественность по-прежнему регулярно оповещали СМИ. Вот лишь несколько примеров, взятых мною из газеты «Ташкентская правда» за период с октября по декабрь 1962 года.

В номере за 19 октября была напечатана заметка под названием «Взяточники». В ней рассказывалось о том, как в управлении промышленности Ташгорисполкома сформировалась преступная группа в которую вошли: заместители начальника управления А. Артыков и В. Попов, старшие инженеры Р. Сигал и А. Оксенгендлер, начальник отдела снабжения и сбыта И. Шилин. Эти люди брали взятки за каждый килограмм фондового и нефондового сырья, за станки, за цифру в плане. Платили им деньгами, добываемыми за счет различных «бестоварных операций», «левой» продукции, спекулятивных махинаций, которыми занимались дельцы на фабриках «Кызыл юлдуз» («Красная звезда»), текстильно-галантерейной, трикотажной №1 и др. Отметим, что мздоимцы из Ташгорисполкома занимались своим преступным промыслом не один год: например, Сигал и Артыков встали на этот путь еще в 1957 году (отметим, что Артыков и в ту пору занимал ответственный пост: работал председателем Ташкентского облпромсовета).

Суд воздал каждому из взяточников по заслугам: Сигал был осужден на 15 лет тюрьмы с конфискацией имущества, Артыков — на 10 лет, остальные получили чуть меньше — по 8 лет лишения свободы и конфискации имущества.

Вообще взяточничество в СССР в те годы (начало 60-х) было явлением достаточно распространенным, хотя и не столь широкомасштабным, как это, к примеру, имеет место быть в сегодняшней России. Так, «тысячный» порог в данном виде преступления страна официально перешагнула только в 1958 году: тогда в судах было рассмотрено 1 241 уголовных дел по факту взяточничества. После этого с каждым последующим годом число подобных дел росло, правда, не катастрофически — прибавка составляла порядка 100—150 дел в год.

Вообще коррупция в России имела давние корни — еще с XVI века, когда появилось, так называемое, «кормление от дел», которое было почти узаконенным способом личного обогащения чиновника. В последующем, несмотря на произошедшие в XVIII веке изменения в системе государственного управления, традицию «кормления» искоренить так и не удалось, а с ростом управленческого аппарата коррупционные действия приобрели и вовсе всеобъемлющий характер. И лишь после Октябрьской революции 1917 года коррупцию удалось существенно обуздать, но не искоренить. Даже при жестком сталинском режиме общество продолжали сотрясать коррупционные скандалы.

К примеру, в конце 40-х годов много шума наделало так называемое дело Мосминводторга. Эта организация содержала в Москве павильоны, где продавались в розлив пиво и водка. Служба в этих павильонах была настолько прибыльной, что, для того чтобы устроиться на нее, требовалось «отстегнуть» начальникам 15 тысяч рублей, а эта сумма тогда равнялась шестидесяти месячным стипендиям студента-отличника МГУ. Место же руководителя павильона оценивалось в два раза выше. Зато, устроившись в павильон или палатку, можно было с помощью элементарного недолива возместить затраты в течение одного месяца. И все оставались довольны. Продавец получал свою долю левого навара, инспектора — свою, даже районное отделение милиции было не в обиде на торг, имея свой процент от левых денег.

И вот в конце 40-х годов директора торга Федунова все-таки взяли. Тогда этот арест навел страху на московских барыг, правда, ненадолго. Вскоре, используя связи в Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, Федунов был помилован и вышел на свободу.

Другое громкое коррупционное дело той поры было датировано 1950 годом. Тогда в Верховном суде РСФСР на взятках «пого-

рели» несколько членов суда и консультантов. Секретарь Военной коллегии некто Буканов за деньги подписывал для преступников различные ходатайства с указанием своей немаленькой должности, и последние прикрывались этими бумагами как щитом.

Однако, даже несмотря на наличие подобных примеров, следует отметить, что коррупция в сталинские годы не несла в себе институционального характера и росла достаточно медленными темпами. Сама тогдашняя система, где наличествовал жесткий административный надзор за всеми общественными институтами, не способствовала тому, чтобы коррупционеры размножались как грибы после дождя. То есть власть, зная о существовании рядом с собой той же теневой экономики, не позволяла ей укрепиться и расшириться, и с помощью штыка раз от раза проводила профилактические мероприятия по ликвидации особо зарвавшихся теневиков и коррупционеров.

Как пишет бывший советский партийный работник В. Казначеев: «Сталин понимал, что аппарат может стать коррумпированным, и именно поэтому старался свести возможность эту к минимуму, легализуя всевозможные привилегии. Пробился в номенклатуру — получай, помимо зарплаты, бесплатную дачу, паек, машину со сменными водителями, повариху, бесплатные путевки в лучшие санатории — полный «джентльменский набор», только не воруй и не занимайся поборами. Введя привилегии, Сталин освободил аппарат от мирских забот: я создал для вас условия, мне нужна от вас отдача. В партийный устав был внесен пункт: партийные взносы уплачиваются со всех доходов. Утаивание даже самого ничтожного — но постороннего! — источника дохода считалось несовместимым с пребыванием в партии. Тех, кто отступал от этого, карали беспощадно, не считаясь с заслугами. В конце сороковых годов был отправлен на пенсию председатель Совмина России, хотя ему было сорок с небольшим. Основание? Жена этого деятеля добыла еще один талон на паек, о чем муж даже не подозревал. На том и кончилась блистательно начавшаяся карьера.

Весь авторский гонорар за издание трудов Сталина поступал в партийную кассу. Член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенский получил Сталинскую премию первой степени за книгу об экономике страны в период Великой Отечественной войны — сто тысяч рублей, цифра по тем временам фантастическая. Все деньги он пожертвовал детскому дому. Партийные и государственные деятели на выступление в печати смотрели как на составную часть работы и отказывались от гонораров...».

Несмотря на то, что коррупция существовала и в сталинские годы, однако суммы ущерба, которые наносили тогдашние мздоимцы, не идут ни в какое сравнение с тем, что, к примеру, происходит сегодня в России, где коррупция носит именно институциональный характер (по сути это вторая, неофициальная власть). Специалист по организованной преступности в СССР Александр Гуров, изучив в Мосгорсуде дела 40 бандитских групп и шаек мошенников, разоблаченных за период с 1946 по 1959 год, выяснил, что их «подвиги» куда скромнее, чем дела нынешних бандитов. Одна тогдашняя банда из 17 человек, занимавшаяся хищениями, причинила убыток на сумму в 3 тысячи рублей, что, по новому исчислению, равняется сумме... в 300 рублей. Отметим, что даже за столь незначительные суммы ущерба советские преступники получали по суду максимальные сроки — от 8 до 15 лет тюрьмы.

Однако, как уже упоминалось ранее, после смерти Сталина высшая советская номенклатура сделала все от себя зависящее, чтобы отодвинуть как можно дальше карающую секиру правосудия от своей шеи. Подчеркиваю, отодвинула, но не убрала вообще, поскольку необходимость существования подобной секиры никем наверху не оспаривалось. Однако возможный урон для себя от ее действий высшая элита все-таки минимизировала. В итоге это сыграет злую шутку с обществом: очень скоро оно начнет гнить с головы, что в конечном счете и приведет к разрушению страны.

Отметим, что именно московские чиновники часто были заинтересованы в распространении коррупции на окраинах империи. Многие высокопоставленные деятели, сидящие в ЦК КПСС и различных министерствах и ведомствах, намеренно проталкивали в жизнь такие сметы и планы, чтобы затем вытягивать из нужных людей в республиках определенный денежный «навар». Кроме этого, за взятки в республики отдавались различные фондовые материалы: начиная от строительных и заканчивая зерном, мясом и даже фильмами, которые в республики попадали через союзное Госкино. По этому поводу уместно привести рассказ одного из секретарей райкома партии в Узбекистане, который описывает одну из подобных схем:

«В январе 1961 года в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС. Пленум проходил в Кремле. Я повестку дня Пленума не помню, но помню, что он был посвящен вопросам развития сельского хозяйства и животноводства. Я не являлся тогда ни членом, ни кандидатом в члены ЦК КПСС, однако был приглашен на Пленум как первый секретарь передового райкома партии. Перед по-

ездкой в Москву мне позвонил один из наших первых секретарей обкома и сказал: «Не забывай, что в Москве будет много гостей и потребуются деньги». Я взял с собой 800 рублей (средняя зарплата советского служащего в те годы составляла 120—140 рублей. — *Ф. Р.*). Когда начался Пленум, то в одном из перерывов на второй день работы Пленума меня пригласил все тот же секретарь обкома в кабину, где стояли телефоны «ВЧ». Когда мы зашли в кабину, то секретарь закрыл за собой дверь и спрашивает меня: «Деньги привез?». Я ответил, что да. Тогда он потребовал у меня: «Дай сюда». Я вынул паспорт, забрал 500 рублей и отдал секретарю...».

Как уже говорилось, правоохранительные органы были лишены возможности бороться с коррупцией в верхах: если в каком-нибудь уголовном деле в качестве подозреваемого появлялся «высший номенклатурщик», его либо немедленно выводили из дела, либо передавали данные на него на самый верх — в ЦК КПСС. А там уже решали, что делать. Чаще всего дело спускали на тормозах, чтобы не выносить сор из избы. О том, как сильным мира сего удавалось выходить сухими из воды говорит, хотя бы, следующий случай из уголовной практики начала 60-х.

В те годы в Москве была разоблачена группа расхитителей, действовавшая под крышей крупнейшего универмага «Москва». Главным действующим лицом в ней была директор универмага Мария Коршилова, до этого долгое время возглавлявшая московский ЦУМ. Работа в таком солидном заведении, да еще в руководящей должности, позволила Коршиловой обзавестись весьма полезными знакомствами (она, в частности, дружила с секретарем ЦК КПСС Екатериной Фурцевой) и стать вскоре членом горкома КПСС. Находясь на должности директора «Москвы», Коршилова сумела добиться через Министерство торговли разрешения на открытие трикотажного цеха при универмаге. Начальником его она сделала своего давнего знакомого Александра Хейфеца. Вскоре после начала работы этого цеха на прилавки универмага легли первые тенниски, майки, женское и детское белье. Вся эта продукция моментально раскупалась, что позволяло Коршиловой иметь для себя солидный куш и платить своим рабочим гораздо больше, чем они смогли бы получать на государственных предприятиях такого типа. В результате за пять лет деятельности цеха было похищено государственного имущества на 2,5 миллиона рублей.

Но когда афера вскрылась и все ее участники были арестованы, Мария Коршилова успешно избежала наказания, проходя

по делу всего лишь как свидетель. Зато Александр Хейфец и его преемник на посту начальника цеха Юрий Евгеньев были по приговору суда расстреляны. А Мария Коршилова, оправившись от потрясения и побыв короткое время не у дел, вскоре вновь возглавила один из крупных магазинов Москвы.

Добавим, что часть подобных дел на высшую номенклатуру оседала в недрах аппаратов КГБ и КПК, чтобы потом быть использованной в закулисных интригах этих ведомств против аппаратчиков в ЦК КПСС, а также в республиках. И поскольку Рашидов был далеко не новичок в политике, он прекрасно разбирался во всех тонкостях той деятельности, которую проводил Центр на местах. Знал он и о системе коррупции, которая как спрут своими щупальцами постепенно охватывает его республику. Однако рубить эти щупальца Рашидов самостоятельно не мог. Как уже говорилось, он имел право «чистить» только низовые звенья партии хозаппарата, а вот номенклатуру ЦК трогать не мог, не имея на то разрешение Москвы. Повторимся, что Центр оставлял в его руках надзор за органами МВД (а это, прежде всего, уголовная преступность), а вот органы КГБ подчинялись ему только формально. Конечно, у Рашидова и там были свои люди, однако руководство узбекского КГБ назначалось из Москвы и ей же было подотчетно. И значит большая часть того компромата, который чекисты собирали в республике, уходила не к Рашидову, а в столицу Союза. И этот компромат висел как гиря на ногах у Рашидова (как и у всех остальных лидеров республик) и мог в любой момент потянуть его на дно, попытайся он хоть в чем-то пойти против воли Центра.

Однако вернемся к подшивке «Ташкентской правды» конца 1962 года, в публикациях которой речь идет о борьбе с преступностью в нижних и средних слоях узбекского общества.

В номере за 3 ноября была помещена статья под названием «Конец волчьей тропы». В ней речь шла о поимке особо опасного преступника по кличке Волк. Моральное падение этого человека началось еще в годы войны, когда он, попав в плен к фашистам, согласился с ними сотрудничать. После войны предатель обзавелся фальшивыми документами и, выдавая себя за другого человека, жил в разных городах страны. В итоге, в начале 60-х судьба забросила его в столицу Казахстана Алма-Ату. Там он организовал банду, которая летом 1962 года по поддельным документам увезла с базы в городе Целинограде три машины с различным товаром: в них находились 250 ящиков водки и почти тонна мяса. Продав этот товар в том же Казахстане, Волк уехал

из республики, переместившись в Узбекистан. Здесь его и разоблачили. Причем произошло это, благодаря бдительности одного из жителей Ташкента.

Тот обратил внимание на странного постояльца, который снимал комнату у одинокой старушки рядом с его домом. Бдительный сосед немедленно сообщил о своих подозрениях в Штаб добровольной народной дружины, который находился поблизости, и дружинники нагрянули к постояльцу домой. Там они застали не только его, но и обнаружили в его чемодане... несколько десятков паспортов и военных билетов на разные имена, кучу бланков и печатей различных организаций. Забегая вперед, сообщим, что суд приговорит преступника к максимальному наказанию — расстрелу.

9 декабря в газете появилась очередная заметка на криминальную тему под характерным названием «Рабы золотого тельца». Речь в ней шла о разоблачении очередных подпольных миллионеров, которые во главу своей жизни и деятельности поставили жажду наживы. Всего в публикации назывались имена пяти миллионеров: Хашимова, Маруфова, Насимова, Еникеева и Садрисламова. Вина всех этих людей была в том, что они скупали с последующей перепродажей за более высокую цену золото и валюту. На этом они зарабатывали баснословные по советским меркам деньги, которые хранили в тайниках у себя на квартирах. Так, во время обыска в доме Хашимова было найдено 115 золотых монет дореволюционной чеканки и свыше 2 килограммов серебряных монет, украшений из золота и серебра, свыше 27 тысяч рублей, 22 каракулевые шкурки, 200 метров атласа и т. д. В доме другого подпольного миллионера — Маруфова — следователи нашли 188 золотых монет, английские фунты стерлингов, свыше 20 тысяч советских рублей и т. д.

Суд приговорил Хашимова и Насимова к 25 годам тюрьмы с конфискацией имущества, а всех остальных — к 10 годам тюремного заключения с той же конфискацией.

18 декабря «Ташкентская правда» опубликовала еще одну заметку на криминальную тему. Называлась она «Пойман с поличным» и была посвящена борьбе с наркоманией. Отметим, что для Средней Азии (и Закавказья) проблема потребления наркотиков всегда была более актуальной, чем для для других регионов страны, хотя, конечно, сравнивать масштабы этой проблемы с тем, что происходит сегодня, не стоит — сегодняшняя мировая наркомафия вышла уже на промышленное производство отравы, а тогда это была чистая кустарщина и удел незначительного

количества людей. Об одном из них и шла речь в рассматриваемой газетной заметке.

В статье речь шла о жителе Гулистана Иосифе Коенове, который, работая чистильщиком обуви, в течение нескольких лет тайно торговал опиумом. На этом поприще чистильщик, официальная зарплата которого составляла всего-то 50 рублей, сумел баснословно разбогатеть. Он приобрел два особняка (в Ташкенте и Гулистане), которые обставил дорогой мебелью, а полы и стены покрыл роскошными коврами. В гулистанском особняке милиционеры обнаружили 11 килограммов опиума, 11 сберкнижек на общую сумму в 23 тысячи рублей и другие ценности. Суд подверг торговца наркотиками довольно мягкому наказанию: присудил ему всего 4 года тюремного заключения, правда все имущество у него конфисковал в пользу государства.

Однако вернемся к герою нашей книги — Шарафу Рашидову.

В 1963 году его отношения с Хрущевым осложнились. Что вполне объяснимо, поскольку реформаторская деятельность хозяина Кремля приобрела характер откровенного волюнтаризма, что стало поводом к тому, что к Хрущеву стали испытывать антипатию не только почти все республиканские лидеры, но даже его соратники по высшему партийному ареопагу.

Все большее неприятие к деятельности Хрущева стали испытывать и простые советские граждане. Если каких-нибудь пять-шесть лет назад руководителя СССР большинство населения называло уважительно — Никита Сергеевич, то к 1963 году от былого пиетета к нему не осталось и следа и в обществе за ним закрепилось пренебрежительное прозвище «Никита-кукурузник» (за его желание засеять всю страну кукурузой, которая должна была заменить людям хлеб).

Чем дальше Хрущев находился на посту руководителя партии, тем больше его, что называется, «заносило». В итоге к началу 60-х он, по сути, превратился в настоящего самодура, которому практически ничего нельзя было сказать супротив. Любая критика воспринималась им в штыки, как попытка покушения на его авторитет выдающегося руководителя. А ведь большинство его начинаний явились настоящей катастрофой для страны.

Например, «штурмовое» освоение целинных и залежных земель, которое Хрущев затеял в середине 50-х, в итоге вызвало эрозию почв на значительных территориях, что привело к резкому уменьшению площадей пастбищ и сокращение поголовья скота. Огульное и некритичное разоблачение Сталина в 1956-м и последующих годах привело к серьезным проблемам в идеологиче-

ской области как внутри страны, так и на международной арене. А решение Хрущева о ликвидации крестьянских подсобных хозяйств привело к острой нехватке продовольствия, что стало поводом к волнениям в Новочеркасске (июнь 1962 года), которые Хрущев распорядился подавить силой оружия (в итоге погибли 24 человека, в том числе дети, а семеро рабочих из числа демонстрантов были приговорены к расстрелу).

Дабы решить продовольственную проблему, Хрущев волевым решением принялся насаждать по всей стране кукурузу, что породило дефицит основного продукта питания советского населения — хлеба. В 1963 году урожай зерна составил в стране всего 483 кг на душу населения, хотя в 1913 году он составлял 540 кг. В итоге с этого момента СССР начал закупать значительное количество зерна у своего стратегического противника — США. Даже в столице страны городе Москве (а она всегда обслуживалась по высшему разряду) в булочные стали выстраиваться километровые очереди, причем хлеб выдавали строго по одной буханке в руки (в этих очередях довелось тогда постоять и мне, хотя был я в ту пору крошечным младенцем: не имея возможности оставить меня одного дома, мама брала меня с собой и часами стояла в очереди в одной из самых старых булочных Москвы — на Разгуляе (сегодня на этом месте высится здание банка).

Реформы Хрущева в сельском хозяйстве так и не привели эту отрасль к прорыву. Например, если в 1913 году в Российской империи производили на человека 540 кг зерна, то в начале 1960-х — 573 кг. То есть, за полвека производство зерна на душу населения в России практически не выросло, хотя наука к тому времени шагнула далеко вперед. И если до 1959 года происходил заметный подъем сельского хозяйства, то после начала хрущевских реформ оно по существу стало топтаться на месте.

При Хрущеве по всей стране началась кампания против религии, которая вообще не имела прецедентов в советской истории. За пять ее лет (1960—1964) количество церквей и молитвенных домов в СССР уменьшилось почти на 5,5 тысяч. На 1 января 1964 года из восьми ранее действовавших духовных семинарий останется только три. Если на 1 января 1959 года только Русская Православная Церковь имели на территории СССР 63 действующих монастыря, то к середине 60-х их останется всего лишь 18. В числе закрытых окажется и древняя российская святыня — Киево-Печерская Лавра.

Повторю, что борьбу с религией Хрущев объявил по всей стране, в том числе и в Узбекистане. Однако тамошние руководители всячески сопротивлялись этому процессу и в итоге тоже вынуждены были идти на... приписки. Например, рапортовали Москве, что закрыли столько-то мечетей, а на самом деле те продолжали функционировать (напомню, что еще в 1959 году в республике с официально существующими мечетями и святыми местами нелегально действовали 270 мечетей и 160 святых мест). Тем более никто в Узбекистане даже не думал эти мечети сносить с лица земли, как это порой случалось в центральных областях России, где ряд церквей были разрушены, а сотни других отданы под нужды хозяйственных учреждений. Впрочем, в России у Хрущева на этот счет было хоть какое-то оправдание. Дело в том, что в начале 60-х в СССР количество верующих было не таким большим, поэтому многие церкви были почти не посещаемы и медленно разрушались. Поэтому, передавая их в руки хозяйственных субъектов, власть тем самым сохраняла эти объекты (например, устраивая там склады, новые руководители вынуждены были сначала отремонтировать эти здания).

Еще в 1957 году Хрущев сделал радикальный шаг: заменил отраслевую систему управления на территориальную. По большому счету ни к чему хорошему и эта реформа не привела, а лишь снизила технический уровень производства. Однако спустя пять лет Хрущев пошел еще дальше — начал создавать по два Совета депутатов трудящихся — промышленный и сельский, что нарушало один из основных принципов Советов, единство их системы. Одновременно реформам подверглась и КПСС — были созданы «городские» и «сельские» обкомы. Как отмечает историк С. Кара-Мурза: «Это было, видимо, не столько отрицанием самого типа партии и власти, сколько непониманием природы советского государства, представлением о государстве как о «машине», которую можно произвольно перестраивать».

Узбекистан тоже не избежал этих реформ. Так, из 115 районов там оставили только 61 район. В итоге многие населенные пункты оказались отдаленными от райцентра на 300 километров. И простому колхознику стало гораздо труднее разрешить свои проблемы, поскольку добраться до центра стало более проблематично. Естественно, посыпались жалобы, в том числе и в Ташкент, самому Рашидову. В иной день этих жалоб в ЦК КП Узбекистана поступало по нескольку тысяч. Все это бросало тень на республиканское руководство, делало напряженным его отношения с простым населением.

Отметим, что большинство из возникших проблем республиканское руководство не могло решать оперативно, то есть на

месте, а вынуждено было спрашивать разрешения Москвы. Так, только в 1962 году ЦК КП и Совет Министров Узбекистана направили в столицу СССР 1081 ходатайство с просьбой разрешить им принять соответствующие меры для решения местных проблем. Москва в ответ отреагировала следующим образом: 910 ходатайств были удовлетворены положительно, 113 отрицательно и 38 сняты с обсуждения как непринципиальные.

Пытался Хрущев заставить руководство Узбекистана активно культивировать в республике и кукурузу. Он поручил Рашидову засеять ею 600 тысяч гектаров земли. Тот в ответил заявил, что в таком количестве ее в республике не засеять — придется урезать поливные земли. Хрущев продолжал настаивать, но Рашидов упирался. В итоге Хрущев пришел к выводу, что Рашидов не тот человек, на которого можно было положиться в тех реформах, которые он собирался и дальше проводить в стране. Впрочем, так было не только с Рашидовым. К концу своего правления у Хрущева испортились отношения практически с большинством республиканских руководителей.

Несмотря на катастрофическую потерю авторитета в народе, советские масс-медиа продолжали раскручивать культ личности Хрущева. Со стороны это выглядело нелепо, поскольку, как метко выразился один из известных советских писателей: «Культ есть, но нет личности». Хрущев и в самом деле мало соответствовал тому пропагандистскому шуму, который разразился с начала 60-х вокруг его имени в советских СМИ. Он даже внешне выглядел непритязательно: небольшого роста, лысый, с круглым и некрасивым лицом. Особенно ярким этот контраст был на фоне более колоритных и солидных соратников Хрущева по Президиуму ЦК, вроде Фрола Козлова, Леонида Брежнева или Александра Шелепина (отметим, что высокий и статный Шараф Рашидов на фоне Хрущева тоже выделялся в лучшую сторону). Вот как описывает тот культ личности, который возник вокруг Хрущева, его сын Сергей:

«Деятельность отца сопровождалась непомерным раздуванием его культа: все чаще мелькали его портреты на улицах Москвы и других городов, его непрерывно цитировали, на него ссылались по любому поводу. На экраны выпустили фильм по сценарию писателя Василия Захарченко «Наш Никита Сергеевич». Сделан он был в «лучших» традициях недавнего прошлого: с неумеренными славословиями и назойливыми восторгами. Фильм показали отцу. Он просмотрел его молча, не похвалил, но и не запретил.

Окружающие восприняли это как сигнал. Началась работа над новым фильмом с претенциозным названием «Славное десятилетие» (напомним, что Первым секретарем ЦК КПСС Хрущев стал в 1953 году. — *Ф. Р.*). Возглавил ее Алексей Аджубей (зять Хрущева и главный редактор газеты «Известия». — *Ф. Р.*)...».

Несомненно, что раздувая культ Первого секретаря, партийная бюрократия преследовала личные цели: ей нужно было сильнее привязать Хрущева к себе, заставить его не совершать необдуманных реформистских поступков в ее отношении. И это были не напрасные опасения, поскольку подобные мысли стали посещать Хрущева все чаще. А ведь до этого ничего подобного за ним не замечалось. Так, еще во второй половине 50-х, когда Хрущев окончательно укрепился во власти, он фактически вывел парт- и госноменклатуру из-под контроля контролирующих инстанций. Тем же КГБ и МВД было запрещено вести оперативную работу против партэлиты: депутатов, партийных, комсомольских и профсоюзных работников высшего ранга. Любые материалы на высшую номенклатуру теперь подлежали уничтожению.

Тогда же значительно расширились привилегии номенклатуры: например, увеличилось число закрытых распределителей, где «отоваривалась» элита, были построены новые комплексы зданий под ее жилье. Например, в Москве эти дома появились на Кутузовском и Ленинском проспектах. Квартиры в них были роскошные: четыре-пять комнат, огромные холлы и непременная обслуга в лице хозяйки (убирала апартаменты, меняла белье и т. д.) и экономки (готовила пищу, ходила в магазин за продуктами и т. д.).

Отметим, что Москва диктовала моду и республикам: там происходило то же самое. Так, в Узбекистане высшая партноменклатура долгие годы работала в старом комплексе зданий на улице Гоголя, но в 1956—1957 годах был построен новый комплекс в районе Турпаккургана (там же располагались здания Совета Министров и Верховного Совета УзССР), а также были возведены новые, более благоустроенные, жилые дома для элиты, открыты новые «спецраспределители».

Однако в начале 60-х годов Хрущевым овладел новый зуд пертурбаций и сокращений (например, армия была сокращена на 1,5 млн человек) и под его горячую руку грозила попасть и парт-, хоз- и госноменклатура. Так, в феврале 1962 года свет увидел Указ «Об усилении ответственности за взяточничество», который усиливал наказание за совершение данного преступления. Теперь лицам, которые впервые были уличены в том, что брали взятки, грозило от 3 до 10 лет тюремного заключения с конфиска-

цией имущества, лицам, которые совершали неоднократно — от 8 до 15 лет, при отягчающих обстоятельствах (то есть, если сумма взятки была большой) — расстрел. Лицам, которые давали взятки, грозило от 3 до 8 лет тюрьмы, за посредничество в получении взятки — от 2 до 8 лет.

В 1963 году Хрущев создал Комитет государственного и партийного контроля, который должен был бдеть за высокопоставленными вельможами, чтобы те не сильно зарывались. Кроме этого, в планах Хрущева были и другие новшества: он собирался ввести норму пребывания на руководящих постах в пределах двух сроков по четыре года (этот опыт он подсмотрел в США, куда ездил дважды), а также ликвидировать значительную часть закрытых распределителей и сократить число персональных машин для руководящего состава парт и -госаппарата. Естественно, подобные реформы в корне не могли понравиться высшей элите, которая за время «славного десятилетия» после смерти Сталина успела привыкнуть к безмятежной и сытой жизни. Хрущев с его непредсказуемым характером грозил это все поломать. В этом крылась одна из главных причин последующей отставки Хрущева.

Отношения с Рашидовым стали портиться у Хрущева примерно за год до его отставки. Хозяину Кремля не нравилось, что узбекский лидер чуть ли не демонстративно стал показывать ему, что у него есть собственная точка зрения на многие события внутренней жизни страны. Однако снять его с должности Хрущев никак не решался, поскольку дела в республике явно спорились.

Так, в 1963 году одного хлопка Узбекистан выдал «на гора» рекордную цифру — 3 миллиона 688 тысяч тонн, что было на 681 тысячу тонн больше прошлогоднего показателя. В декабре Президиум Верховного Совета республики даже установил почетное звание «Заслуженный хлопкороб Узбекской ССР».

Кроме этого, в республике было произведено: стали — 343 тысячи тонн (на 18 тысяч тонн больше, чем в предыдущем году), нефти — 1 миллион 792 тысячи тонны (на 38 тысяч тонн больше), газа — 2 миллиона 989 миллионов кубометров (на 956 тысяч кубометров больше), минеральных удобрений — 1 миллион 419 тысяч тонн (почти на 200 тысяч тонн больше), цемента — 2 миллиона 26 тысяч тонн (на 348 тысяч тонн больше) и т. д.

В том году в республике вступили в строй 29 новых промышленных предприятий и 55 крупных цехов на действующих заводах и фабриках. На заводе «Ташкенткабель» была введена в эксплуатацию первая в Советском Союзе поточная автоматическая линия по изготовлению жил телеграфно-блокировочных кабелей в полиэтиленовой изоляции.

В Ташкенте были открыты первые в Средней Азии Педагогический институт русского языка и планетарий. Открывая последний, Рашидов явно шел по стопам уже упоминаемого ранее на страницах этой книги знаменитого правителя из династии Тимуридов Мирзо Улугбека, в период правления которого тоже был построен планетарий, уничтоженный затем врагами этого правителя. Не случайно тогда же на киностудии «Узбекфильм» был запущен в производство художественный фильм «Звезда Улугбека» (режиссером ленты был тогдашний 1-й секретарь Союза кинематографистов Узбекистана Латиф Файзиев).

Уверенная поступь его республики придавала Рашидову дополнительные силы в его непростых взаимоотношениях с Хрущевым. В иных случаях хозяин Узбекистана чуть ли не в открытую бросал вызов хозяину Кремля, как это было, к примеру, в случае с известным писателем Валентином Овечкиным, который незадолго до этого попал в опалу к Хрущеву. Отметим, что это был не первый опальный литератор, которого «пригрел» у себя Рашидов. Первым был Константин Симонов, которого еще в 1959 году выслали из Москвы. Пристанище он нашел в Ташкенте у Рашидова. В том же годы журнал «Звезда Востока» начал публикацию лучшего романа Симонова «Живые и мертвые». Это была едва ли не самая первая публикация романа в Советском Союзе.

С Валентином Овечкиным случилась похожая история. Поскольку широкому читателю он известен менее широко, чем К. Симонов, позволю себе хотя бы вкратце напомнить его биографию. Овечкин начал свою литературную деятельность еще в середине 20-х годов и писал преимущественно о деревенских проблемах. Так, его первый сборник рассказов, выпущенных в 1935 году, так и назывался — «Колхозные рассказы». В 1947—1949 годах из-под его пера выходят пьесы «Бабье лето» и «Настя Колосова», где речь шла о послевоенной украинской деревне. Однако всесоюзная слава к Овечкину пришла после цикла из пяти очерков, связанных общностью темы и действующих лиц», «Районные будни», написанных в 1952—1956 годах (туда вошли произведения: «Районные будни», «На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками» и «Трудная весна»). Как написано в «Литературной энциклопедии»:

«Эта «деловая» проза, основанная на факте, реальном событии (хотя иногда и с вымышленными персонажами и сюжетом), впервые в современной отечественной литературе сделала эко-

номические, социальные и внутриполитические темы предметом глубокого эстетического переживания, явлением «большой» литературы, способствующей постижению актуальных психологических и экзистенциальных проблем...».

Между тем радикальные реформы Хрущева на селе по мере их осуществления вызывали все большее неприятие у Овечкина. Особенно это стало заметно в самом начале 60-х. В итоге, когда кто-то из аппарата Хрущева предложил Овечкину, чтобы он написал восторженный очерк о родном украинском селе Хрущева Калиновка (а оно, стараниями Первого секретаря, было превращено в передовое и часто фигурировало в качестве оного в советских СМИ), Овечкин послал аппаратчика куда подальше. А потом грянула трагедия.

Осенью 1960 года Овечкин приехал в Омскую область, чтобы собственными глазами увидеть как проходить освоение целины «по Хрущеву». Увиденное потрясло писателя до глубины души. И он, вернувшись на родину в Курск, выступил на партконференции, где открытым текстом объявил, что освоение целины в основном зиждется на показухе и субъективизме. Когда об этом узнал Хрущев, он был в ярости. На Овечкина начался откровенный накат со стороны партийных бонз. Не выдержав давления, писатель решил свести счеты с жизнью — попытался застрелиться. Однако в последнюю секунду рука у него дрогнула и он получил тяжелое ранение — пулей ему выбило глаз. Врачам только чудом удалось спасти Овечкина.

Став инвалидом, писатель какое-то время вел жизнь затворника. Подавляющая часть друзей и коллег по писательскому цеху от него отвернулись, поскольку испугались попасть в такую же немилость к Хрущеву. У Овечкина началась депрессия. И кто знает, чем бы она закончилась, если бы старший сын писателя (кстати его тезка) Валентин, который жил в Ташкенте (младший, Валерий, тоже жил и работал в Средней Азии — в Таджикистане), не предложил ему переехать жить к нему. Писатель согласился.

По приезде в столицу Узбекистана (а на дворе стояла весна 1963 года) Овечкин с женой Екатериной поселились у Валентина. Но поскольку у того уже была своя семья, а жилье было малогабаритное, естественно, жили они в стесненных условиях. Поэтому, спустя какое-то время, писатель предпринял попытку добиться у узбекских властей получения отдельного жилья для себя. И он написал письмо Рашидову, с которым был знаком лично.

Это знакомство произошло еще в начале 50-х на ниве общей профессиональной деятельности — будучи писателями, они встре-

чались в Союзе писателей в Москве. Однако более тесное их знакомство произошло в середине 50-х, когда Рашидов уже работал Председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана и вместе с Овечкиным и группой других советских писателей посетил с официальным визитом Китай. Отметим, что Овечкин читал книги Рашидова (они оба работали в одном жанре — деревенской прозе) и весьма лестно о них отзывался. Так, в 1955 году, выступая на Всесоюзном совещании писателей, Овечкин упомянул произведения Рашидова, наряду с работами Залыгина, Терьянова, Вишни и других известных писателей, пишущих на деревенские темы.

Короче, Овечкин хорошо относился к Рашидову. Однако он не знал, как в новых условиях отреагирует на его просьбу сам хозяин Узбекистана. Ведь тот, помимо писательской должности, является еще и крупным партийным деятелем, руководителем одной из крупнейших республик в СССР. Да еще в качестве кандидата входил в состав Президиума ЦК КПСС — высшего партийного органа страны. Учитывая все это, можно было предположить, что Рашидов, зная отношение к Овечкину Хрущева (а это ни для кого не было секретом, поскольку история с выступлением Овечкина на партконференции и его последующим неудачным самоубийством мгновенно облетела высшую номенклатуру), побоится идти наперекор хозяину Кремля. Во всяком случае, большинство руководителей его ранга так и поступили бы, что вполне объяснимо — зачем рисковать хорошими отношениями с Хрущевым ради какого-то писателя? Но Рашидов поступил вопреки этому мнению.

В один из дней старшего сына Овечкина пригласили в Ташкентский горисполком и предложили на выбор несколько благоустроенных квартир. Перебрав все варианты, сын писателя остановился на четырехкомнатной квартире на первом этаже в доме старой застройки по адресу улица Ново-Московская, 24. Естественно, что все это происходило по прямому указанию Рашидова. Более того, когда дела у Овечкина пошли на лад (он снялся с учета в Союзе писателей СССР и поступил в штат одной из газет в качестве корреспондента), Рашидов подключил его к своей деятельности: стал возить писателя-корреспондента по колхозам и совхозам республики (Рашидов ввел в практику два-три раза в год посещать каждую из областей Узбекистана). В итоге уже летом того же 63-го Овечкин побывал в Фергане и Самарканде, в Сурхандарьинской и Бухарской областях, в Голодной степи.

Кроме этого, Рашидов неоднократно бывал дома у Овечкина, где они подолгу беседовали на разные темы, в том числе и на

темы хрущевских реформ. Учитывая бескомпромиссный характер Овечкина, можно с уверенностью сказать, что он наверняка не скрывал от своего гостя своих резко критических взглядов на реформаторскую деятельность хозяина Кремля. Впрочем, к тому времени и сам Рашидов относился к Хрущеву не самым лучшим образом.

Вся эта история с Овечкиным не могла укрыться от внимания Москвы. Тем более, что сам Рашидов и не стремился ее скрыть, а даже более того — совершал и вовсе демонстративные поступки. Так, в июне 1964 года, когда Овечкину исполнилось 60 лет, Рашидов представил его к награждению орденом Ленина. Отметим, что сам юбиляр не верил в то, что эта затея удастся и даже пытался отговорить Рашидова от нее. Но тот его не послушал. Ситуация создалась весьма напряженная и в Москве какое-то время решали, как поступить. В итоге было выбрано компромиссное решение: Овечкина все-таки наградили, но вместо ордена Ленина вручили награду рангом пониже — орден Трудового Красного Знамени, при этом обязав Рашидова не публиковать информацию о награждении в республиканской печати.

Рашидов вынужден был согласиться с последним распоряжением, однако и здесь нашел способ бросить вызов Москве: провел торжественное заседание в честь юбиляра. Отметим, что последний всерьез полагал, что на него придут от силы десятка два самых смелых и преданных ему людей, однако зал оказался заполнен до отказа. Все это было свидетельством того, что и сам Рашидов, и большая часть узбекской элиты не только не уважают Хрущева, но уже не слишком и боятся его необузданного нрава.

Глава 15

ЗАГОВОР ПРОТИВ ХРУЩЕВА

Впрочем, так вела себя не только узбекская элита, но даже ближайшие соратники Хрущева, которые, как мы теперь знаем, затеяли в начале 1964 года заговор с целью его смещения с руководящих постов и удаления на пенсию. Во главе этого заговора стояли несколько членов Президиума ЦК КПСС: Михаил Суслов (главный идеолог КПСС), Леонид Брежнев (секретарь ЦК и Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Николай Подгорный (секретарь ЦК КПСС) и ряд других деятелей из высшей руководящей прослойки.

Выступить против Хрущева этих людей в первую очередь толкала боязнь лишиться своих руководящих постов. Например, Суслова в идеологии уверенно теснил молодой хрущевский выдвиженец Леонид Ильичев, Брежнева на посту президента страны должен был сменить Анастас Микоян, а Подгорный был обижен на Хрущева за то, что тот все меньше считался с его мнением и даже самовольно вывел его выдвиженца Владимира Щербицкого (он занимал пост Председателя Совета Министров Украины) из кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС.

Кроме этого, заговорщики прекрасно понимали, что дальнейшее пребывание Хрущева на посту руководителя страны грозит обществу серьезными проблемами. Об этом наглядно свидетельствовал рост массового недовольства населения происходившими в стране реформами (ярким проявлением этого недовольства стали, уже упоминавшиеся, события в Новочеркасске в июне 1962 года). Это растущее недовольство четко фиксировал поток писем от рядовых советских граждан во все республиканские ЦК партии и непосредственно в ЦК КПСС в Москве. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу выдержки из некоторых писем, которые в те дни приходили в Москву, в редакции ряда центральных газет (в частности, в «Правду», «Литературную газету», «Комсомольскую правду», «Труд» и т. д.).

Аноним из Москвы: «Принцип социализма — кто не работает, тот не есть». Однако у нас немало людей, которые грабят, и они лучше живут, чем те, кто честно работает. Значит, этот принцип только на бумаге... Дело доходит уже до того, что даже в столице государства, строящего социализм, опасно ночью и даже поздно вечером выйти на улицу, а мы киваем на Америку. Назревает вопрос. Если сверху не могут решить эту проблему, то она решится снизу, путем создания дружин самообороны. Мы сами будем уничтожать все, что нам мешает строить и жить. На то мы и рабочие, ведущий класс. Хватит, скоро 50 лет советскому государству. Пора навести порядок с «золотой молодежью», из них растут паразиты».

В. Бабин, житель Новосибирской области: «...Мы здесь все вместе думаем, обсуждаем коллективно политику нашей партии. Я взял на себя обязанность написать. Если у руководителей оплата труда будет выше, чем у рабочих, то неизбежна бюрократия, карьеризм. Моральное разложение, перерождение, проституция и эксплуатация. Следовательно, оплата труда всех руководителей, низших и высших, всех должностных лиц, всех представителей должна быть не выше зарплаты рабочих...

В настоящее время забота у ЦК партии об улучшении жизни народа идет по такому пути: директорам будет прибавлена зарплата с 300 до 600 рублей в месяц, а рядовым колхозникам с 30 рублей в месяц до 40. Ныне у нашего народа нет коммунистического воодушевления. У нашего народа ныне тоска по социализму настоящая. Да, после XX съезда партии еще не подул свежий ветер. Нет еще демократии. Высокооплачиваемые работники нашей власти — по существу, представители высокооплачиваемого сословия, буржуазии, но не всего народа. И решают они в интересах своего класса — буржуазии...

Сколько ошибок совершил нынешний ЦК партии. И все они были научно обоснованы. Много ошибок, но беда не в этом. Беда в том, что народ видит, что в ЦК партии нет совести. Надо не мудрить, как бы сохранить, оправдать буржуазную нечестную политику. Надо менять всю политику. Ныне нам видно, что у ЦК партии нет ничего святого, коммунистического. Мы считали, что члены ЦК — это лучшие коммунисты, самые святые люди, но потом узнали, что они самые богатейшие люди страны... Народ считает, что коммунист должен быть исключительно честным человеком, без капли эгоизма, любящий людей, стремящийся дать людям счастье, близкий, родной народу. А какой должен быть первый, руководящий коммунист? Как Ленин, Дзержинский... Ложь и репрессии исчезнут лишь тогда, когда не будет социалистического буржуйства, когда не будет богатых и бедных, высших и низших».

В. Приходько из Днепропетровска: «...В настоящее время именем Ленина играют всевозможные оттенки в коммунистическом, рабочем и освободительном движении и каждый считает себя правым. А как думает рабочий, простой советский рабочий (партийный или беспартийный — это роли не играет)? Рабочий говорит: «Бытие определяет сознание». Дайте мне то, что необходимо для жизни, предоставьте такие условия, чтобы мои мысли не были настолько заняты заботами о завтрашнем дне, чтобы наши жены и матери перестали носиться между магазинами большую часть своего «свободного» времени... Вот тогда, и только тогда моя сознательность поднимется до такого уровня что я начну задумываться: а прав ли я, съедая кусок белого хлеба с маслом, если на другом конце планеты умирают от голода дети. Так говорит рабочий. И он не доволен тем, что мы слишком «добрые». Мы так волнуемся за своих «друзей», что забываем о себе. Мы строим сотни предприятий в других странах, даем очень выгодные кредиты, заключаем все торговые договоры, какие только нам предлагают. И в то же время мы не отказываемся от кредитов Английского банка, в какой-то степени работая на капиталистов. Жизненный уровень в нашей стране, по сравнению с другими странами, невысок и в этом отношении нельзя кивать только на бомбы и ракеты.

...Наши советские люди в состоянии понять всю ответственность миссии, которая лежит на их плечах. Но если рядовой гражданин СССР должен обладать такими громадными моральными данными, то насколько повышается требовательность к людям, в чьи руки дана власть над нами...».

Н. Киселева из Киева: «Я со страхом думаю, что мне отвечать детям, когда они спрашивают: ты коммунист, ответь мне? А что им ответить? Сядьте в Киеве на трамвай №30 и езжайте до остановки «Копыленко». Вы увидите «Гастроном». Нет, не обычный «Гастроном». «Простые люди» — как у нас почему-то принято говорить, называют его «объедками». Туда выбрасывают оставшиеся от партработников нереализованные продукты. Работникам ЦК их продают за иные деньги, за гроши. Есть у нас и закрытые больницы, и аптеки, и даже гостиницы. Это чудовищно!».

Громов из Москвы: «...Все наше бытие и привилегированное положение по различным признакам — социальным, партийным и др. — породило в действительности деление нашего общества. В то время как за 47 лет даже в Москве не удалось вытащить народ из подвалов, «руководящие деятели» живут в таких вольготных квартирах, что создают весьма высокую среднюю жилищную норму, около 10 кв. метров на человека. В то время, когда «народу» предлагают вступать в кооператив, «руководящие деятели» получают бесплатные квартиры в хоромах. В то время, как народ своими боками и руками пробивается из Медведково-Мазилово городским транспортом к месту работы, «руководящие деятели» на государственных автомобилях переезжают с одной улицы центра на другую. В то время, как 95 процентов народа вынуждено проводить свой отпуск диким способом, без лечения (ведь ВЦСПС обеспечивает им лишь 5—7 процентов трудящихся), «руководящие деятели» получают путевки бесплатно и нежатся на пустом пляже, куда их доставляет лифт (Верхняя и Нижняя Ореанда, санаторий «Украина» и др.)».

Даже принимая во внимание, что во многих из этих писем эмоции преобладали над разумом, а подлинные факты порой подменялись субъективизмом, однако эти письменные документы ясно указывали на растущую волну недовольства среди простого населения той политикой, которая проводилась в стране в «славное десятилетие» правления Н. Хрущева. Ведь это

при нем каста «руководящих деятелей», или «красная буржуазия» сумела нагулять тот жирок и обрести то комчванстсво, которые так возмущали простых советских граждан. При предыдущем правителе — «вожде всех народов» Сталине — ситуация была иной: тогда «красную буржуазию» держали в ежовых рукавицах и периодически делали ей кровопускание, чтобы она не слишком зарывалась. Хрущев, как мы помним, эту практику в широком смысле прекратил. И результаты этой деятельности не заставили себя долго ждать.

Когда в начале 60-х годов в Москву приехал один из лидеров кубинской революции Че Гевара, он был до глубины души возмущен теми привилегиями, которые имели советские вожди. В итоге, вернувшись на родину, он заявил, что кремлевские руководители — это типичные буржуи, только с партийными билетами в карманах. Сам «команданте Че» культивировал на Кубе иной образ жизни: будучи министром, он обязал себя и других высокопоставленных деятелей после работы выезжать на плантации и час-другой вкалывать там плечом к плечу с простыми сборщиками сахарного тростника.

Другой пример — Китай. Проводившаяся там в середине 60-х годов «культурная революция», была ничем иным как борьбой с зажравшейся «красной буржуазией». В ходе нее сотни тысяч партийных деятелей и представителей интеллигенции были отправлены на «перековку» в глубинку (в деревню) и на производство. Этой «перековке» был даже подвергнут Генеральный секретарь ЦК КП Китая — любитель карточной игры в бридж и других буржуазных излишеств Дэн Сяопин, которого отправили работать... на тракторный завод. Как пишет историк В. Шапинов: «Переродившегося чиновника уровня министра, который, поедая деликатесы в правительственном буфете, уже думал, как бы конвертировать политический капитал в денежный, революционные массы могли спокойно выволочь на улицу, надеть на голову колпак, заставить каяться в контрреволюционных устремлениях, а потом отправить в сельские районы трудиться в поле и изучать марксизм-ленинизм среди простых крестьян...».

Естественно, что советская верхушка с ужасом смотрела на «культурную революцию» и делала все от себя зависящее, дабы правда о ней не дошла до простого народа. Поэтому, например, заявление китайского руководства от 14 июля 1964 года под названием «О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке» в советских СМИ не публиковалось. Говорилось же в нем следующее:

«В советском обществе образовалась привилегированная прослойка, которая состоит из перерожденцев в среде руководящих кадров партийных и государственных учреждений, предприятий и колхозов и из буржуазных интеллигентов; эта прослойка противостоит советским рабочим, крестьянам и широким массам интеллигенции и кадровых работников...

Эта привилегированная прослойка, присваивая плоды труда советского народа, получает доходы, превышающие в десятки и даже сотни раз доходы рядовых советских рабочих и крестьян. Представители этой прослойки получают громадные доходы в виде высокого жалованья, больших премий, огромных гонораров и всевозможных личных надбавок. Более того, используя свое привилегированное положение, они занимаются различными злоупотреблениями, коррупцией, взяточничеством и хищениями...»

По сути после смерти Сталина руководители СССР взяли курс на фактическую замену диктатуры пролетариата властью «красной буржуазии». И те реформы в экономике, которые проводил в стране Хрущев, четко укладывались в русло этой замены. Не случайно во главе этих реформ были поставлены такие экономисты, как харьковчанин Евсей Либерман — апологет того, чтобы прибыль была превращена в главный рычаг экономического управления. Как писал по этому поводу западногерманский коммунист В. Диккут:

«Предложения Либермана не были осуществлены в открытой капиталистической форме, но его особая роль состоит в том, что он был первым в Советском Союзе, кто выдвинул тезис прибыли как главного экономического рычага, тезис, который, в явном или скрытом виде, проходит красной нитью через все «эксперименты» и планы «реформ» ревизионистов. Либерман, протеже Хрущева, много сделал, чтобы экономическая дискуссия полностью выполнила свои задачи, а именно, сосредоточила мысли экономистов на прибыли и оправдала введение экономических структур, направленных исключительно на извлечение прибыли...».

Тот же В. Диккут резко критиковал советское руководство и за другое: что они провозгласили не просто скорое, а форсированное построение коммунизма в СССР. Хотя на самом деле... Впрочем, послушаем самого Диккута:

«Лидеры Советского Союза утверждают, что переход ко второй фазе коммунизма уже начался. Соответственно, они должны в будущем перейти к коммунистическому принципу распределения «каждому по потребностям». Но меры, которые они принимают, ведут в противоположном направлении и уничтожают

даже социалистический принцип распределения. Развитие социализма было не только прервано бюрократией, узурпировавшей власть и отменившей диктатуру пролетариата. Последовательно, в дальнейшем ходе событий бюрократия также полностью уничтожила основы социализма и ввела свой капитализм нового типа. Введя стремление к прибыли для обеспечения личных привилегий и, в связи с этим, используя материальное стимулирование, чтобы поднять производительность труда, она проложила путь всесторонней реставрации капитализма в Советском Союзе. Вместо подъема социалистического сознания и развития общественного духа новая буржуазия культивировала стремление к прибыли и материальные стимулы, таким образом возбуждая эгоизм и отодвигая на задний план социалистическое сознание масс.

Как только капиталистические законы приводятся в действие, дальше они работают автоматически. Материальное стимулирование как средство повышения интенсивности использования рабочей силы служит, как при капитализме, увеличению прибыли, которая главным образом используется для обеспечения и расширения привилегий, то есть обогащения новой буржуазии. Рабочим перепадают жалкие крохи прибыли; так и частные капиталисты западных стран уступают рабочим несколько процентов через увеличение заработной платы или другие реформы, чтобы те не восстали против капиталистической системы...».

Итак, непредсказуемый характер Хрущева с определенного времени стал внушать его соратникам почти такой же ужас, как и «китайская революция». Большая часть представителей высшей советской элиты все больше убеждались в том, что Хрущев свою миссию выполнил — заложил фундамент для становления класса «красной буржуазии», после чего должен уступить место более адекватному политику. Так возник заговор против Хрущева.

Судя по воспоминаниям очевидцев тех событий, заговор стал зреть примерно с февраля 1964 года. Причем заговорщики не исключали даже вариант физического устранения Хрущева. Например, Брежнев в разговоре с председателем КГБ СССР Владимиром Семичастным (в июне) зондировал почву на предмет того, чтобы либо отравить Первого секретаря, либо подстроить ему авиакатастрофу. Однако шеф КГБ отговорил Брежнева от такого варианта. Между тем в подобных разговорах не было ничего удивительного, поскольку политика — дело достаточно грязное.

Вспомним, что сам Хрущев пришел к власти в результате почти такого же убийства (был арестован и расстрелян его соратник по Политбюро Лаврентий Берия), а спустя еще несколько

лет тот же Хрущев с помощью интриг убрал из власти (но оставил в живых) остальных своих соратников по сталинскому Политбюро: Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина. Тогда же был дискредитирован и отправлен в отставку и другой известный деятель — Маршал Советского Союза Георгий Жуков. Короче, в высших политических кругах СССР всегда царили страсти не хуже шекспировских, другое дело, что большинство населения было ограждено от информации о них: в СМИ подробности всех этих закулисных дрязг никогда не попадали.

К маю 1964 года в заговор с целью смещения Хрущева были уже вовлечены десятки людей, в том числе и некоторые руководители республик. В частности, среди заговорщиков оказались 1-е секретари ЦК КП Армении и Грузии Заробян и Мжаванадзе. Однако они не были ни кандидатами, ни членами Президиума ЦК КПСС, в то время как Шараф Рашидов был. Поэтому вполне вероятно предположить, что Рашидов наверняка мог быть посвящен в этот заговор, тем более что он, как мы помним, в последнее время чуть ли не в открытую конфликтовал с Хрущевым (взять, к примеру, ту же историю с писателем Овечкиным). Можно предположить, что посвятил Рашидова в заговор Брежнев, у которого с ним были давние связи — еще со второй половины 50-х, когда Леонид Ильич занимал пост 1-го секретаря ЦК КП Казахстана. Теперь же Брежнев был секретарем ЦК, на которого фактически замыкалась работа с руководителями республик и обкомов, что, естественно, облегчало ему общение с республиканскими лидерами.

Пока в Москве зрел заговор против Хрущева, в Узбекистане произошел ряд кадровых рокировок. Так, в декабре 1963 года Москва заменила председателя КГБ при Совете Министров УзССР: вместо Г. Наймушина в Ташкент прибыл С. Киселев. Отметим, что если Наймушин (как и предыдущие председатели КГБ) был кандидатом в члены Бюро ЦК КП Узбекистана, то Киселеву такая честь оказана не была, что явно указывало на то, что Хрущев продолжает держать госбезопасность на некотором расстоянии от партийных органов.

В середине марта 1964 года произошли кадровые изменения в составе другого силового ведомства — МВД. Там Рашидов поменял министра внутренних дел, заменив кадрового милиционера Т. Джалилова кадровым чекистом Хайдаром Яхъяевым. Отметим, что последний был на десять лет моложе Рашидова и являлся его земляком — самаркандцем. В 1945 году, когда Рашидов работал секретарем Самаркандского обкома по кадрам, он короткое время занимал должность заведующего общим отделом

Самаркандского райисполкома. Оттуда его перевели на работу в органы государственной безопасности. Чуть позже Яхъяев заочно окончил филологический факультет Самаркандского госуниверситета (как мы помним, в этом же вузе, но чуть раньше, учился и Рашидов). В 1961 году Яхъяев возглавил УКГБ по Сурхандарьинской области, а три года спустя Рашидов назначил его министром внутренних дел.

В августе на Пленуме ЦК КП Узбекистана произошли кадровые изменения в составе Бюро ЦК КП Узбекистана: в нем появился новый человек — И. Анисимкин.

Между тем заговор против Хрущева сохранить в тайне не удалось. О нем узнал сотрудник 9-го управления КГБ СССР (охрана высокопоставленных деятелей) Василий Голюков и попытался дать знать об этом Хрущеву. Но тот ему не поверил. И продолжил отдых в Крыму, вместо того, чтобы вернуться в Москву и попытаться нейтрализовать заговорщиков. В итоге те за его спиной назначили Пленум ЦК КПСС и вызвали Хрущева в Москву.

Что касается Рашидова, то он в дни накануне Пленума находился в Узбекистане. 29 сентября он устроил в Ташкенте прием в честь участников Всемирного форума молодежи, а 6 октября принял делегацию руководящих работников Компартии Норвегии. И только в десятых числах вылетел в Москву. 13 октября он уже присутствовал на заседании Президиума ЦК КПСС, где весь его состав выразил вотум недоверия Хрущеву. Говорят, особенно жестко на том заседании вел себя член Президиума, Председатель Совета Министров РСФСР Геннадий Воронов, который на реплику Хрущева «Ведь все мы здесь друзья», ответил: «У вас здесь нет друзей!». Воронов был прав, причем в широком смысле: в политике никогда друзей не бывает — есть лишь соратники.

На том заседании высказались все присутствующие, в том числе и Рашидов. К сожалению, в стенограмме того заседания его речь дана лишь тезисно. Поэтому приведу только некоторые пункты из этого выступления: «В вашем характере — противоречивость: в выступлениях — одно, а в действиях — другое»; «Надоели ваши реорганизации»; «Товарищей унижаете»; «Все с вашим именем связывают». В конце выступления Рашидов согласился с мнением большинства — Хрущева надо отправить в отставку. На следующий день состоялся Пленум ЦК КПСС, который это решение утвердил. Хрущев одновременно лишился постов Первого секретаря ЦК КПСС (им стал Леонид Брежнев) и Председателя Совета Министров СССР (на этот пост был назначен Алексей Косыгин), с этого момента превратившись в пенсионера союзного значения.

Стоит отметить, что новость о смене руководства страной была воспринята большинством населения с удивительным спокойствием. Что неудивительно, поскольку к тому времени авторитет Хрущева в народе уже находился на самой нижней отметке и поддерживался по сути искусственно — благодаря средствам массовой информации. Поэтому его уход с политической арены не вызвал у большинства людей даже намека на какое-либо сочувствие.

Глава 16

УДАР ПО РАШИДОВУ

Вернувшись на родину, Рашидов практически сразу включился в работу: 19 октября он уже выступал на партийном активе в Аккургане, где хвалил местное руководство и население за выполнение плана заготовок хлопка. Впрочем, и в целом по республике этот план был в том году выполнен на 106,4%: было собрано 3 миллиона 670,7 тысяч тонн хлопка. Отметим, что впервые в истории хлопководства план хлопкозаготовок был выполнен и перевыполнен всеми областями республики и Каракалпакской АССР, почти всеми районами и большинством хлопкосеющих хозяйств. Это был своеобразный подарок хлопкоробов Узбекистана своей республике, которая в ноябре отметила 40-летие. По этому поводу 20 ноября в Доме искусств в Ташкенте состоялось торжественное заседание ЦК КП Узбекистана и Верховного Совета УзССР, где с приветственной речью к собравшимся обратился новоиспеченный руководитель партии Леонид Брежнев. Его приезд в Ташкент наглядно сигнализировал о том, что Узбекистан на хорошем счету у Москвы, а Рашидов — лично у Брежнева.

В своей речи высокий гость из Москвы привел некоторые факты того, как Узбекистан активно участвует в политическом, экономическом и культурном развитии страны. Например, Брежнев сообщил, что в Узбекистане имеются свыше 100 отраслей промышленности и республика экспортирует свою продукцию в 58 зарубежных стран. Узбекские заводы выпускают больше сельскохозяйственных машин, чем все страны Ближнего и Среднего Востока вместе взятые.

От себя отмечу, что из Узбекистана в республики СССР и за рубеж шли: металл, стальные и чугунные трубы, химическое и радио- и электротехническое оборудование, текстильные машины,

тракторы, подъемные краны, экскаваторы, хлопкоуборочные машины и т. д. Узбекистан также являлся поставщиком вольфрама, молибдена, кобальта, меди, свинца и других цветных металлов на заводы Урала, Москвы, Украины, Армении, Казахстана. В начале того же 1964 года по линии самого крупного газопровода Бухара — Урал начали поступать первые сотни миллионов кубометров высокоэффективного топлива в мартены и домны Магнитогорска, Челябинска, Орска и на другие предприятия Урала.

Кроме этого, киноаппаратура самаркандского завода «Кинап» поставлялась во все республики СССР, а машины «Таштекстильмаш» работали на 350 советских фабриках. На десятки важнейших пусковых объектов отправлял сложное энергетическое оборудование чирчикский завод «Электромаш». Что касается узбекского импорта, то в республику шли: зерно (из РСФСР и Казахстана), лес (из Сибири), уголь (из Караганды и Кузбасса), нефтепродукты (из Туркмении и Закавказья).

В Узбекистане на тот момент было 2 университета и 29 вузов. Функционировали также 21 театр, в том числе 2 театра оперы и балета, 7 драматических, Театр юного зрителя, Театр кукол, 3 музыкально-драматических театра, 7 театров музыкальной драмы и комедии. Кроме этого, в республики были: Государственный цирк, Государственный ансамбль народного танца «Бахор» («Весна»), Каракалпакский ансамбль песни и танца.

В республике имелось 3112 стационарных и передвижных киноустановок, из них государственных — 2169. Общее число зрителей, которые посетили киносеансы в Узбекистане в 1964 году равнялось 120 миллионам человек (при населении в 9,8 млн.). Как мы помним, одними из самых кассовых лент в Узбекистане были индийские мелодрамы, хотя не меньшим успехом пользовались и фильмы других жанров. Например, той осенью 1964-го фаворитами республиканского проката были индийская мелодрама «Зумрад» и американский вестерн «Великолепная семерка». Всего в республике ежегодно демонстрировалось порядка 90 зарубежных фильмов 30 иностранных киностудий, а узбекские ленты прокатывались в 40 странах.

Быстрыми темпами развивалось в Узбекистане и телевидение. На тот момент в республике было уже три телецентра (в Ташкенте, Ургенче и Андижане) и вещание велось по двум программам, хотя совсем недавно была всего одна. Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, приведу в качестве примера программу ТВ от пятничного дня 16 октября:

1-я программа. На узбекском языке: 18.00 — «По страницам журнала «Гунча». На русском языке: 18.25 — Телевизионные новости. 18.40 — Синтетические алмазы в машиностроении. 19.00 — «Рассказы о Танганьике» (документальный фильм). 19.50 — Реклама и объявления. 20.00 — Программа передач.

На узбекском языке: 20.10 — Телевизионные новости. 20.25 — Юбилейные новостройки. 21.00 — Еркин хает.

2-я программа. На русском языке: 18.10 — Для школьников «Музыкальный словарь». 18.45 — «Разрешите взлет» (документальный фильм). 19.25 — Ташкентские новости.

На узбекском языке: 19.35 — Ташкентские новости. 19.45 — Концерт.

Между тем особой заботой Рашидов продолжал окружать футбольную команду ташкентского «Пахтакора». Отметим, что к юбилею Узбекской ССР пахтакоровцы сумели преподнести своим болельщикам хороший подарок — вернулись в высший дивизион союзного чемпионата. Читатель вправе спросить, как же они туда угодили, если совсем недавно — в 1962 году — показали весьма достойный результат: 6-е место в чемпионате СССР?

Судя по всему плохую службу ташкентским футболистам сослужила эйфория от этого результата. В итоге уже в следующем году «Пахтакор» играл из рук вон плохо. Так, из 38 игр он только в четырех одержал победу (в прошлом году таких матчей было 15), в 21-й игре уступил своим соперникам и 13 матчей свел вничью. В ворота «Пахтакора» тогда залетело 83 мяча — самый плохой результат этой команды за всю ее историю (забили ташкентцы почти в два раза меньше — 44 мяча).

Отметим, что «Пахтакор» в том году и в самом деле играл неважно (потому и занял последнее, 20-е место), однако кое у кого из специалистов были подозрения, что ему (а также четырем другим командам из конца таблицы) могли помочь «вылететь» из высшей лиги судьи. Ведь именно тогда в советском футболе начали набирать силу так называемые «договорные матчи» (в подобных играх обе стороны в тайне договариваются о нужном результате, либо кто-то из соперников — у кого больше денег и возможностей — «заряжает», то есть подкупает — судей). Не случайно, что сразу после завершения чемпионата, выступая на пленуме Федерации футбола СССР, один из руководителей столичного «Спартака» (он занял 8-е место, а чемпионом стало тбилисское «Динамо») Андрей Старостин заявил следующее: «Надо упорядочить вопрос расчетов с судьями, чтобы наши судьи не были зависимы от посторонних факторов и чтобы это не влияло на качество судейства».

Между тем, оказавшись в низшем дивизионе, «Пахтакор» едва не затрещал по всем швам. Дело в том, что из него стали разбегаться лучшие футболисты. Так, в киевское «Динамо» собрались уйти вратарь Юрий Пшеничников и лучший бомбардир Геннадий Красницкий, в московский «Спартак» — нападающий Берадор Абдураимов. Это были серьезные потери, которые грозили похоронить надежды «Пахтакора» на возвращение в высшую лигу. Чтобы предотвратить это, спортивным руководителям пришлось обращаться за помощью к самому Рашидову. И он не остался в стороне от этой проблемы: помог клубу финансами, которых тому явно не хватало. В итоге Пшеничников и Красницкий вернулись из Киева, а Абдураимов, отыграв всего один (!) матч за «Спартак» — из Москвы. Все это благотворно сказалось на игре «Пахтакора» в сезоне-64 и он, заняв 3-е место в 1-м эшелоне, добился права вернуться в высшую лигу. Повторюсь, это случилось в середине ноября 1964 года, аккурат в те самые дни, когда Узбекская ССР справляла 40-летие со дня своего образования.

23 ноября был проведен Пленум ЦК КП Узбекистана, который, выполняя установки Москвы, утвержденные на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС, ликвидировал хрущевские начинания: вновь объединил промышленные и сельские областные, краевые парторгнизации. В республике были созданы единые областные партийные организации, а партийные комитеты производственных колхозно-совхозных управлений были реорганизованы в районные комитеты партии. Были также упразднены промышленно-производственные (зональные) партийные комитеты, а в руководстве ЦК КП Узбекистана ликвидировали два Бюро: по руководству промышленностью и строительством и по сельскому хозяйству. Соответственно были выведены из Бюро ЦК и оба их руководителя: Н. Мартынов и Н. Худайбердыев (последнего назначат министром сельского хозяйства УзССР).

Тем временем даже приезд в Узбекистан нового руководителя союзного ЦК не смог уберечь Рашидова от серьезного испытания — именно тогда кресло под ним серьезно зашаталось. Причем случилось это практически сразу после ноябрьских торжеств и отъезда Брежнева в Москву. Что вполне закономерно. Как станет известно чуть позже из многочисленных воспоминаний деятелей тогдашнего советского руководства, назначение Брежнева 1-м секретарем союзного ЦК было компромиссным решением различных властных группировок в Кремле. И для большинства руководящих партийных деятелей в стране не было секретом, что Брежнев является временной фигурой, а поэтому не может обладать всей полнотой власти в кремлевских верхах. Отсюда его приезд в Узбекистан и выказанная поддержка хозяину республики не стали поводом к тому, чтобы недоброжелатели Рашидова отставили в сторону планы по его смещению.

Судя по всему, оппозиция главным образом рассчитывала на то, что падение Хрущева вызовет «принцип домино» — то есть автоматическую смену большинства руководителей в республиках. Причем без оглядки на то, какие отношения связывали каждого из них с низложенным Первым секретарем (как мы помним, в последнее время отношения Хрущева и Рашидова были натянутыми). Думать так у оппозиционеров причины были: спустя месяц после низложения Хрущева в соседнем Казахстане сменилось руководство: вместо Исмаила Юсупова в кресло 1-го секретаря сел Динмухамед Кунаев.

Был ли влиятельный сторонник (или сторонники) в Москве у узбекских оппозиционеров, сказать трудно. Хотя, учитывая, что у Рашидова имелись реальные недоброжелатели как в ЦК КПСС, так и в высшем партийном ареопаге, сбрасывать эту версию со счетов не стоит. С другой стороны противники Рашидова, видимо, рассчитывали на то, что Москва в тот момент слишком занята дележкой власти в Кремле, поэтому не станет вмешиваться в процесс смены руководства в Узбекистане.

Удар по Рашидову был нанесен в декабре во время проведения Ташкентской объединенной областной партийной конференции, что весьма символично: после утраты власти в конце 50-х, отдельные представители ташкентского клана ни на секунду не переставали надеяться на реванш. В качестве полпреда оппозиции выступил заместитель заведующего организационно-партийным отделом Ташкентского обкома Вали Усманов. Отметим, что на трибуну он поднялся в тот момент, когда Рашидова не было в зале — он ушел в другое помещение, чтобы быть на совещании с участием представителей ЦК КПСС по вопросу ликвидации ряда среднеазиатских органов, созданных при Хрущеве.

Речь Усманова длилась примерно 25 минут и почти вся была посвящена критике не только партийно-хозяйственной деятельности Рашидова, но и его человеческих качеств. При этом оратор избрал верную тактику: с самого начала он связал имя Рашидова с именем раскритикованного в пух и прах и снятого с должности Хрущева, тем самым поставив их на одну доску. На деле это выглядело следующим образом:

«...Если образно говорить он (Рашидов. — *Ф. Р.*) ему (Хрущеву. — *Ф. Р.*) молился, как богу. Чтобы не быть голословным, разре-

шите вспомнить некоторые произнесенные товарищем Рашидовым речи за время секретарствования, которые публиковались в печати. В них он до тошноты подхалимничал и угодничал перед Хрущевым, превозносил его до небес, как человека, без которого не будет жизни на советской земле. И более того, якобы все процветание Советского Узбекистана было связано с именем Хрущева. Да, товарищи, ведь это клевета на нашу великую партию и Советское правительство, которое со времен Октябрьской революции самые сложные вопросы, вставшие перед страной, решали и решают в интересах социализма и коммунизма!..

На XXII съезде нашей партии товарищ Рашидов приписывал Хрущеву качества замечательного знатока глубинных процессов жизни, мудрость, смелость и принципиальность. В частности, он сказал: «Народы Узбекистана от всей души, от чистого сердца называют Никиту Сергеевича своим самым близким другом, дорогим и любимым учителем». Мне кажется, что эти слова Рашидова никаких комментариев не требуют. Но можно сказать следующее. Для нас, коммунистов, чтобы товарищ Рашидов понял, дорогим и любимым учителем был, есть и будет вечно великий Ленин и созданная им партия коммунистов...

Должен сказать, что мне за него (Рашидова. — *Ф. Р.*) стыдно. Ему оказали большое доверие, но он вместо того, чтобы говорить о партии, как великой организующей и мобилизующей силе, авангарде советского народа в деле построения коммунизма в нашей стране, принижая роль партии, все приписывал Хрущеву. Я скажу со всей серьезностью: по восхвалению Хрущева товарищ Рашидов среди рядовых и руководящих работников, коммунистов Советского Союза занимает первое место...».

Здесь прервем на время речь оратора и дадим небольшой комментарий. Высказанный Усмановым упрек в части славословий Рашидова по адресу Хрущева — сущая правда. Оратор привел лишь малую долю славословий по адресу «первого», хотя на самом деле были они куда более продолжительными. Например, Рашидов в той речи сказал также следующее:

«Четыре раза побывал в Узбекистане Никита Сергеевич, и каждый раз его приезд был большой школой для наших кадров. С именем товарища Хрущева связаны коренные преобразования в советском хлопководстве, как и во всех отраслях народного хозяйства. Мудрости, смелости и принципиальности Никиты Сергеевича, его постоянной заботе об облегчении труда хлопкоробов обязаны мы тем, что хлопководство развивается теперь на прочной основе технического прогресса. Именно благодаря этому наша республика за истекшие пять лет дала Родине на 2 200 тысяч тонн хлопка больше, чем за предыдущее пятилетие. Народы Узбекистана от всей души, от чистого сердца называют Никиту Сергеевича своим самым близким другом, своим дорогим и любимым учителем...».

Однако на основе этих слов читателю не стоит спешить бросать камень по адресу Рашидова: дескать, хвалил-хвалил Хрущева, а когда его снимали, с таким же рвением стал его критиковать. Дело в том, что все сказанные слова — это был типичный ритуал, который брал свои истоки еще во времена правления Сталина. Рассчитан он был исключительно на рядовых граждан, которым высшая власть всячески пыталась внушить, что в ее рядах царят тишь да благодать, и нет никаких внутриклановых разногласий. Сами же власть предержащие, отпуская по адресу друг друга хвалебные эпитеты, на самом деле прекрасно понимали, что все это — лишь дань моде. И тот же В. Усманов, будь он, к примеру, на месте Рашидова, вынужден был бы говорить Хрущеву точно такие же речи, а то и поцветастее.

Например, на упомянутом XXII съезде Рашидов в своем выступлении упомянул в восторженном ключе имя Хрущева 9 раз. Однако точно таким же образом поступило и подавляющее большинство остальных выступающих. Возьмем для примера ораторов, которые выступали прямо перед Рашидовым или сразу после него. Так, 1-й секретарь ЦК КП Казахстана Динмухамед Кунаев упомянул имя Хрущева 8 раз, 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии Кирилл Мазуров — 7 раз, а руководитель Украины Николай Подгорный поставил рекорд — в его речи (правда, в два раза большей, чем у всех остальных) хвала Хрущеву прозвучала 14 раз. Так что обвинять Рашидова в том, что он «молился Хрущеву, как богу» и был «первым хвалебщиком» — чистое лукавство. Это была всего лишь дань моде, этакий тест на проверку под названием «свой — чужой». Те, кто в эти игры не играл, моментально попадал под подозрение партаппарата, после чего у него было два пути: стать как все, или быть удаленным из высшей номенклатурной обоймы.

Отметим, что культ Хрущева начал усиленно раскручиваться с конца 50-х (если точнее — с осени 1959 года, когда он съездил в США). Инициатором этой «раскрутки» стал Идеологический отдел ЦК КПСС, а республиканские идеологи включились в этот процесс по мере его нарастания. Причем, славя лидера страны, республикам было запрещено создавать «культы» вокруг своих собственных руководителей, дабы лишний раз не умалять величия главного вождя.

Но вернемся к речи В. Усманова, который сказал следующее:

«Посмотрим на его (Рашидова. — *Ф. Р.*) некоторые практические действия, в них он оказывается очень неприглядным. Чтобы не быть голословным, давайте вспомним некоторые из них. Будучи первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана, он как писатель, несколько раз официально добивался, чтобы ему присудили звание лауреата Ленинской премии за книгу «Сильнее бури». Ему в этом отказали. Постановка этого вопроса с его стороны нескромна, с другой — неприсуждение премии ему — есть оценка его как писателя...

Восхваляя Хрущева, он имел самоцель. Подтверждением его подлой цели может служить следующий пример. Известно всем, как поступил товарищ Рашидов с товарищем Алимовым (председатель СМ УзССР. — *Ф. Р.*), которого буквально перед XVI съездом компартии Узбекистана (сентябрь 1961 года. — *Ф. Р.*) припрятал, не дал ему возможность принять участие в работе съезда. Ведь он был членом Бюро ЦК Компартии Узбекистана, Председателем Совета Министров республики, делегатом съезда. Это небывалый случай в партийной практике...

Товарищ Рашидов мстителен, зажимщик критики и покровитель зажимщиков критики, нарушителей партийной дисциплины и двурушников... Товарищ Рашидов субъективно осуществляет подбор и расстановку кадров не по ленинским признакам, а по принципу родства и землячества. Например товарищи Азимов С. — заместитель Председателя Совета Министров, Худайбердыев Н. Д. — секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Рашидов С. — заведующий орготделом Комитета партийно-государственного контроля ЦК КП и Совета Министров УзССР. По приятельским отношениям окружал себя таким подхалимом, угодником и двурушником, как товарищ Муртазаев — первый секретарь Ташкентского горкома партии...

Товарищ Рашидов при Хрущеве зазнался, не стал считаться с законами партии. Положение зазнавшегося, говорил В. И. Ленин, «довольно глупое, позорное и смешное». Ленин учил, что допустил ошибки — признайся, прими меры для их исправления. Поскольку товарищ Рашидов предал забвению завет Ильича, у меня есть все основания назвать его неискренним человеком.

Исходя из вышеизложенного, мое мнение, ему доверять пост первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана в дальнейшем нельзя.

Товарищи делегаты! Я должен вам сообщить, что было в перерыве. Я сегодня подал записку для выступления первым, во

время перерыва меня пригласили товарищ Рашидов и некоторые товарищи и начали уговаривать, чтобы я не выступал, так как товарищ Абдуразаков выступил от имени обкома. Они прямо сказали: «Вам нет необходимости выступать. Вы дайте нам текст своего выступления, а мы его рассмотрим». Этот факт говорит о том, что товарищ Рашидов изжил себя, он оказался в партийном строительстве неграмотным человеком. Это называется зажимом критики.

Разрешите выразить твердую уверенность в том, что наша столичная партийная организация как боевой отряд Компартии Узбекистана и КПСС, еще выше подняв свою боеспособность, на основе дальнейшего развития критики и самокритики приумножит достигнутые успехи 1964 года».

Отметим, что выступление В. Усманова периодически прерывалось бурными аплодисментами, что явственно указывало на то, что у него в зале имеется достаточное количество сторонников. Что вполне естественно, поскольку дело, как мы помним, происходило на Ташкентской партконференции, а не на Самаркандской. И хотя среди руководителей Ташкента хватало людей либо преданных Рашидову (вроде руководителя горкома К. Муртазаева, который являлся кандидатом в члены Бюро ЦК КП Узбекистана), либо лояльных ему (вроде главы обкома М. Абдуразакова, который был выведен из членов Бюро еще в 62-м), но они не в силах были сорвать эту атаку на Рашидова. Хотя перевесить чашу весов в его сторону в итоге они все-таки сумели.

Несмотря на присутствие в зале значительного числа сторонников Усманова, поставленной цели оппозиция так и не достигла — Рашидов устоял. Именно потому, что его сторонники не сидели сложа руки. Тот же К. Муртазаев, взяв слово, повел атаку уже на самого В. Усманова. В частности, была зачитана характеристика на него, в которой отмечалось, что в октябре 1960 года городской комитет партии, обсудив состояние дел по подбору и воспитанию кадров, а также деятельность В. Усманова как первого секретаря Кировского райкома партии, не рекомендовал его повторно на эту должность на районной партийной конференции. Почему? Как объяснил Муртазаев: «В указанной должности Усманов проработал с 1958 года и за это время в своей практической деятельности глубоко не вникал в организационно-партийную, идеологическую работу, руководство районной парторганизацией осуществлялось поверхностно, нередко проявлялось безответственное отношение к подготовке и проведению пленумов райкома, собраниям партактива и другим партийно-полити-

ческим мероприятиям. В вопросах подбора кадров тов. Усманов проявляет беспринципность, в отношении с людьми допускает нетактичность и грубость, болезненно реагирует на критические замечания. Горком партии считает целесообразным в дальнейшем использовать тов. Усманова на другой работе».

Отметим, что даже несмотря на столь нелестную характеристику, Усманову затем удалось стать заместителем заведующего организационным отделом Ташкентского обкома, что ясно указывало на то, что у него имелись влиятельные покровители. И в их наличии не было ничего удивительного — это была нормальная практика не только для властных структур Узбекистана, но и вообще для любой власти, которая всегда стремится опираться на «своих». Поэтому упрек, брошенный Усмановым Рашидову (дескать, тот тащит наверх преданных ему людей), тоже от лукавого: ни для кого в политике не является секретом, что опора на преданных людей чаще всего и позволяет большинству руководителей как можно дольше находиться у власти. Вот у Хрущева не получилось наладить отношения с ближайшим окружением и, как итог — его свергли. Брежнев этого уже не допустит, подняв на самый верх «днепропетровскую команду», которая и станет его верной опорой на долгие годы.

Поскольку для большинства присутствующих в зале не было секретом, что выступление Усманова не является спонтанным, а было частью далеко идущего плана оппозиции по удалению Рашидова от руководства республикой, поэтому его сторонники не стали отсиживаться в кустах, а также взяли слово. Так, работник Верховного Совета А. Кадыров заявил следующее:

«Я более десяти лет являюсь членом Президиума Верховного Совета республики, работал вместе с Рашидовым и хорошо его знаю. Вероятно, многие из вас, почти все, согласятся со мной, что Рашидов скромный, отзывчивый, труболюбивый и честный человек».

В этом месте голоса с мест поддержали оратора: «Правильно, и всегда болеет душой за работу».

После чего Кадыров продолжил: «Работая в Президиуме Верховного Совета, мне приходилось по многим вопросам вместе с Рашидовым разбирать дела, я не видел и не знаю ни одного такого случая, чтобы Рашидов относился к какому-то вопросу так, как товарищ Усманов здесь охарактеризовал его.

Затем товарищ Рашидов стал первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана. Обычно о человеке, о его делах судят по результатам, а какая теперь стала республика? Как выполняет план? Нет надобности это объяснять вам, товарищи...

Выступление товарища Усманова, безусловно, является тенденциозным. По всей вероятности, он очень обижен, он собрал материалы и о брате Рашидова, и о выдвижении его на Ленинскую премию, и т. д. А если разобраться, то я считаю, что у товарища Рашидова нет никакой вины, за которую можно было бы ставить вопрос о том, что он не может быть первым секретарем Центрального Комитета.

Выступление товарища Усманова показывает, что он готовился давно, специально, чтобы здесь выступить и создать мнение о товарище Рашидове».

Вновь раздались голоса с мест: «Правильно! Это не критика, а нападение».

А. Кадыров: «Очевидно, вы дадите характеристику Усманову. Я свое мнение высказываю, но во всяком случае я с вами согласен, что со стороны Усманова это была не здоровая критика, а нападение.

Товарищи, с другой стороны товарища Рашидова обвиняют в том, он хвалил Хрущева. А кто такой был Хрущев? Он был Первым секретарем ЦК нашей партии и кто тогда не хвалил Хрущева? Мы все хвалили Хрущева, имея в виду наш ЦК КПСС.

Голоса с мест: «Правильно».

А. Кадыров: «Если за это обвинять товарища Рашидова, то нужно обвинять всех членов партии. Я тоже часто выступал в печати, по радио и на совещаниях, особенно в день железнодорожника, и всегда начинал с похвал Хрущева (в зале смех, аплодисменты).

Сегодня в роли «героя» выступает Усманов, а почему он тогда молчал?!

Я считаю, что товарищ Рашидов на своем посту оправдывает себя, проводит ленинскую политику, является преданным нашей партии...».

Другой оратор — А. Саркисов — сказал в защиту Рашидова следующую речь:

«Я был пять лет начальником «Главголодностепстроя», и в мою бытность начальником покойный Засядько написал, что деньги Голодной степи повернуть на химию, что было поддержано товарищем Хрущевым. Тогда была написана записка «Главголодностепстроя», я позвонил предшественнику товарища Рашидова (речь идет о бывшем 1-м секретаре ЦК КП Узбекистана С. Камалове. — *Ф. Р.*), он сказал: «Не надо спорить». В этом вопросе в дальнейшем мы почувствовали поддержку товарища Рашидова.

Решение по записке товарища Засядько, подписанное Хрущевым, было трагедией для Голодной степи и ущербом для оро-

шения. Но есть решение ЦК, и его надо выполнять. Рашидов трижды был у Хрущева, пока не добился разрешения этого вопроса, то есть продолжения работ в Голодной степи. Я был очевидцем всех этих вещей.

Хрущев сказал, что в Узбекистане надо сеять 700 тысяч гектаров риса. Товарищ Рашидов сообщил, что можно посеять не 700 тысяч, а 312 тысяч гектаров. Тогда помощник Хрущева сказал, что так как этого мало, то Хрущев рисом не будет заниматься, пусть им занимаются сами узбеки. Товарищ Рашидов и здесь не отступил.

На февральском пленуме, когда товарищ Алексеевский сказал, что в Голодной степи строят 2—3-этажные дома, Хрущев подал реплику: «Почему строят двухэтажные, когда я говорил, надо строить пятиэтажные?». Во время моего выступления Хрущева не было, он читал стенограмму. Я возразил ему: «Для того, чтобы строить пятиэтажные дома, нужны кондиционеры и лифты». В заключительном слове Хрущев бросил реплику, что целинники Узбекистана уже требуют кондиционеры и лифты.

Я позвонил Рашидову о том, что нам в Голодной степи предлагают строить пятиэтажные дома. Рашидов сказал, что это невозможно и надо строить двухэтажные дома. Все эти факты характеризуют Рашидова с положительной стороны. Они ничего общего не имеют с выступлением Усманова.

Я Рашидова знаю с 1944 года, когда он с раненной на фронте рукой приехал на Фархадстрой с 10-тысячами колхозников строить Фархадскую ГЭС. После этого столько эпитетов. Я его знаю как скромного, принципиального, на редкость простого и честного человека. И после этого такая грязь! Это не критика!».

Наконец, свое веское слово сказал руководитель Ташкентского обкома М. Абдуразаков, который тоже поддержал Рашидова. Он назвал выступление Усманова демагогическим, а заодно разъяснил собравшимся, что предложение утвердить С. Азимова заместителем председателя Совета Министров (министром иностранных дел Узбекистана) внес в свое время (в 1959-м) не Рашидов, а А. Алимов — бывший Председатель Совета Министров (в это время из зала раздалась реплика Р. Гуламова: «Это я выдвигал эту кандидатуру. А Алимов ее поддержал!»).

«Худайбердыев никаких родственных отношений с Рашидовым не имеет, — сообщил далее Абдуразаков. — Я знаю Худайбердыева в течение многих лет. Он был секретарем обкома, секретарем ЦК. Он добропорядочный человек... И у Муртазаева полно недостатков, но в том, что он подхалим, я не согласен. Побольше

бы таких «подхалимов», как Каюм Муртазаев!». Последняя фраза вызвала аплодисменты присутствующих, многие из которых знали Муртазаева как прямого и принципиального руководителя.

Финальную точку в этой дискуссии поставил сам Рашидов, который выступил с 20-минутной речью, где попытался дать ответы на те обвинения, которые выдвинул против него В. Усманов. Рашидов сказал следующее:

«Товарищи, я получил записку члена КПСС товарища Климова, он пишет: «Прошу объяснить причину ухода товарища Рашидова с конференции. Просим, чтобы он выступил обязательно».

Выполняю эту просьбу. Почему я ушел? Позавчера было заседание Президиума ЦК. Мы огласили его решение о ликвидации ряда среднеазиатских органов (речь идет об упразднении Среднеазиатского Бюро, которое было создано по инициативе Хрущева больше года назад. — *Ф. Р.*). К нам приехали представители из Москвы, из всех братских республик Средней Азии, сейчас они заседают здесь. Мой долг как первого секретаря принять участие, помочь товарищам в решении вопросов. Сейчас время зимнее, тысячи людей остаются неустроенными. Поэтому я ушел отсюда и выполнил перед ними свой партийный долг (аплодисменты).

Товарищи, Ташкентская областная партийная конференция проходит в знаменательное время. Советский народ героически потрудился в 1964 году и, надо прямо сказать, мы с хорошими результатами завершаем этот год. Все вы читали документы сессии Верховного Совета СССР, все вы читали доклад товарища Косыгина, где выражены мысли советского народа, чувства и желания советского народа. В этих документах вы можете найти ответ на те вопросы, которые волнуют советского человека.

У нас прошла только что сессия Верховного Совета Узбекской ССР. Сессия утвердила народнохозяйственный план и бюджет нашей республики на 1965 год. Вы только вдумайтесь, товарищи, насколько быстрыми темпами развивается экономика и культура Узбекистана. Несколько лет тому назад производительные силы республики не получали такого быстрого развития.

Количество населения у нас за короткий срок увеличилось до 1,5 млн. человек (население Узбекистана в 1964 года составляло почти 10 миллионов человек — 3-е место в СССР после РСФСР и Украины. — *Ф. Р.*). Невиданными темпами развивается промышленность, капитальное строительство, сельское хозяйство, наука, культура. Мы в этом году отлично потрудились — рабочие, колхозники, интеллигенция.

Товарищ Хрущев очень резко критиковал нашу республику в Краснодаре, 50 процентов его выступления было посвящено Узбекистану. Это была незаслуженная критика. Около 600 тысяч гектаров нам поручили засевать кукурузой. Мы не могли ее сеять в таком количестве. Нас обвиняли, что мы 400 тысяч гектаров условно-поливных земель не используем. Это были критические выпады против Узбекистана, потому что такими землями мы не располагали.

В 1964 году были использованы имевшиеся возможности увеличения производства зерна. Труженики села прониклись сознанием того, что стране нужен хлеб. Своим героическим трудом они за год вместо 15 млн. пудов дали государству около 40 млн. пудов. У нас было произведено около 100 млн. пудов хлеба, этого достаточно, чтобы прокормить всех трудящихся Узбекистана. За 47 лет Советской власти республика не выращивала еще столько хлеба. (Отметим, что львиная доля хлеба, выращенного в Узбекистане, отправлялась в Центр, который распределял его по другим регионам. В Узбекистане же оставалась только та доля, которая спускалась из Центра. — *Ф. Р.*).

23 декабря промышленность Узбекистана досрочно выполнила годовой план, в этом году мы дадим государству сверхплановой продукции примерно на 100 млн. рублей.

Капитальное строительство у нас также быстро развивается. Посмотрите хотя бы на этот зал, где мы сидим. А ведь сколько чудесных зданий построено в Ташкенте, Самарканде, Нукусе, Андижане, Бухаре, как растут у нас новые города! Этого мы достигли благодаря заботе партии, благодаря тому, что наши строители отлично поработали. Мы всегда от всей души благодарны нашим героическим строителям.

Дальше о хлопководстве. Этот год — невиданный по трудностям, которые пришлось преодолеть для выращивания высокого урожая. В этом году, товарищи, мы из 17 стран мира получили ядохимикаты для уничтожения сельхозвредителей. Наши потомственные хлопкоробы говорят, что в истории еще не было столько сельхозвредителей, никогда в истории не видели, чтобы в течение всего периода обработки хлопка ежедневно 450 самолетов работали для уничтожения сельхозвредителей.

Напряжение было большое. Ни один секретарь обкома партии, ни один секретарь парткома, ни один директор совхоза, или председатель колхоза — никто не был в отпуске, не отступил перед трудностями, не дезертировал, когда возникло стихийное бедствие на полях Узбекистана. Вот результат. В этом году впервые в

истории все области Узбекистана с честью выполнили план хлопкозаготовок и дали сверх плана около 240 тысяч тонн, а всего государство получило 3 миллиона 670 тысяч тонн «белого золота». *(Аплодисменты.)*

Это — выдающаяся победа узбекского народа. За достигнутые успехи в народном хозяйстве трудящиеся республики в этом году получили три раза приветствия ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Теперь состоялось решение Президиума ЦК КПСС о том, чтобы за успехи в развитии народного хозяйства наградить около 12 тысяч человек орденами и медалями СССР. Это высокая честь для всех нас. *(Аплодисменты.)*

У нас много недостатков. Где много труда, там и много недостатков бывает. Товарищи, конечно, и в области сельского хозяйства есть недостатки, есть недостатки и в области капитального строительства и в культурном строительстве. Наша задача — устранять эти недостатки. Я, как первый секретарь ЦК КП Узбекистана, в первую очередь за них отвечаю и готов впредь ответить.

Здесь в мой адрес была резкая критика. Я считаю своим долгом ответить на эту критику. Азиз Мавлянович Кадыров ответил на некоторые вопросы. Поэтому я буду краток.

Действительно, я выступал в 1959 году на декабрьском Пленуме ЦК КПСС. Вот у меня стенограмма. Мы в том году выполнили план хлопкозаготовок. Самаркандская область, Каракалпакская автономная республика, Ташкентская область получили ордена Ленина. Я хвалил т. Хрущева. Он тогда смело помог в вопросах сельского хозяйства. В то время хотели свернуть работы по освоению Голодной степи. Мы пошли в ЦК КПСС и сказали, что это неправильно, что Голодная степь — огромный источник увеличения производства хлопка в Советском Союзе, ее надо осваивать и дальше.

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС, на XXII съезде партии я хвалил товарища Хрущева. А кто не хвалил его? Критика в мой адрес правильная. Он в то время много работал, был Председателем Совета Министров СССР, Первым секретарем ЦК КПСС. Я хвалил не доклад Хрущева, а доклад Президиума ЦК КПСС. И я, как коммунист, преданный делу партии, предан и директивам партии. Если в какой-то мере вношу вклад в успехи узбекского народа в духе директив Центрального Комитета КПСС и правительства Советского Союза, я буду счастлив вместе с вами. *(Аплодисменты.)*

Узбекский народ — любвеобильный народ и, конечно, мы выражаем свою любовь восторженно. Мы высказывали через товарища Хрущева свою преданность ЦК КПСС, так как он являлся Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров. В то время он многое делал, а потом допустил ряд ошибок в своей работе.

Вы прочитайте решение Центрального Комитета [коммунистической] партии Советского Союза. Там сказано о том, что Хрущев имел и заслуги. В первое время он работал хорошо, не все сто процентов его работы вычеркнуты. Он и теперь является членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Вся пропаганда Советского Союза хвалила товарища Хрущева, газета «Правда», радио, среди них и я хвалил вместе с товарищем Усмановым, стоя принимал письмо в адрес ЦК КПСС и Хрущева. *(Аплодисменты.)*

Товарищ Усманов говорил здесь, что я в душе не согласен с критикой недостатков Хрущева. Это — неправда. Во-первых, я выступил на Президиуме ЦК КПСС с критикой в адрес Хрущева. Там сидели члены Президиума и они знают мое выступление.

Товарищи, это честь Компартии Узбекистана, что она смело вскрывает недостатки Хрущева, а я тоже выступил на Президиуме ЦК КПСС и требовал снятия с работы товарища Хрущева. В стенограмме мое выступление записано.

Об итогах ноябрьского Пленума ЦК КПСС я сделал доклад по поручению Президиума ЦК КП Узбекистана на областном партийном активе в Ташкенте, выступил с докладом по поручению Президиума ЦК КП Узбекистана на партийном активе ТуркВО, Иван Иванович (И. И. Федюнинский — командующий ТуркВО. — *Ф. Р.*), сидящий здесь, присутствовал. Я выступал по этому вопросу в областях, в Нукусе, в аппарате и на Президиуме ЦК. Так что я не отмалчивался, как утверждает товарищ Усманов, а отвечал на любые вопросы. Совесть у меня чиста.

У нас были разногласия с товарищем Хрущевым. Я хочу о них рассказать. Два года тому назад, члены Президиума ЦК республики знают об этом, мы выдвигали вопрос о том, чтобы городу Янгиер присвоить имя Ленина. В 1918 году Ильич подписал декрет об освоении Голодной степи, об отпуске на эти цели 50 млн. рублей. Товарищ Хрущев нас не поддержал, сказал, что это неправильно, что Ленин не был в Голодной степи. У нас было образовано производственное управление и мы хотели его именовать Ильичевским. Товарищ Хрущев тоже за это нас ругал. Несмотря на это, мы назвали район Ильичевским.

Во многих городах горкомы партии были ликвидированы, а мы считали, что Ташкентский горком ликвидировать нельзя. Это столичная партийная организация, сюда приезжает много иностранцев, имеется очень крупная промышленность. Мы пошли к нему один раз, он ругал, второй раз отругал, третий раз пришли, а у него лежит записка — ликвидировать горкомы. Третий раз он сказал: «Черт с вами». Как известно, наш горком остался.

Вот у нас есть доклад о создании промышленных обкомов партии. Прошло два месяца, и от нас потребовали внести предложение. Мы написали, что создание промышленных обкомов партии и облисполкомов в Узбекистане считаем нецелесообразным. Письмо послали в ЦК КПСС. Присутствующие члены Президиума знают. Идти против Хрущева — надо было иметь крепкое сердце, он нас не убивал, но ругал.

Прошло 9 месяцев, мы внесли предложение — ликвидировать Самаркандский промышленный обком, а это означало идти против Хрущева, который был инициатором разделения обкомов. Мы ставили три раза этот вопрос, я выступал, просил от имени Президиума ЦК КП Узбекистана, ЦК КПСС принял решение создать в Самарканде единый обком партии.

В Узбекистане было 115 районов, а после перестройки, проведенной по настоянию Хрущева, оставили только 61 район. Многие населенные пункты оказались отдаленными от райцентра на 300 километров. Трудно было колхознику разрешить свои нужды, запросы в районных организациях. Мы добились разрешения разукрупнить ряд районов и создать 10 новых районов. Теперь ошибки Хрущева исправляются. ЦК КПСС разрешил нам создать 12 новых районов.

В прошлом году героически работали наши хлопкоробы. Состоялось решение Президиума ЦК КПСС о награждении передовых тружеников. Мы составили списки, представили. Хрущев говорил: «Не будем награждать». Второй, третий раз поднимали этот вопрос, но безрезультатно. До последних дней Хрущев запрещал награждение тружеников Узбекистана, хотя решение Президиума ЦК КПСС состоялось. Он потому это сделал, что мы не слушали его по вопросу создания промышленных обкомов партии, не слушали его по вопросу ликвидации Ташкентского горкома партии. Есть много мелких вопросов, о которых я не буду говорить. Так что выводы делайте сами.

Алимова никто не прятал. Он входил в номенклатуру ЦК КПСС. Он был вызван в ЦК, было признано целесообразным направить его на другую работу, на которой он находится до сих пор. Никто его не прятал.

О родственниках — Худайбердыеве и Азимове.

Я, товарищи, скажу одно. Их утвердил ЦК КПСС, рекомендовал их Президиум ЦК КП Узбекистана, а не я. Во-вторых, я их узнал близко только здесь. Товарищ Худайбердыев работал помощником у товарища Мухитдинова, потом заведующим сельхозотделом ЦК КП Узбекистана. Мы коллективно решали. Судите сами. Сегодня большие претензии мы предъявлять им не можем.

Есть у меня брат (речь идет о младшем брате Рашидова Сахабе. — *Ф. Р.*). Он 5 лет служил в Советской Армии, 17 лет работал в районе. До моего прихода в ЦК он был выдвинут на должность заместителя прокурора республики. Вот и все. Он построил дом в 1957 году, когда состоялось решение ЦК о строительстве домов, потом передал его безвозмездно местному Совету.

Здесь говорили, что я писал книгу о Хрущеве. Заявляю со всей ответственностью: не только книгу, но и статьи о Хрущеве я не писал. Мне поручено было выступить со статьей в «Правде» в связи с 40-летием республики. Я выступил. Я выполнил задание ЦК. Никакой книги и статьи о Хрущеве не писал и даже не думал писать.

Роман «Сильнее бури» был представлен на соискание Ленинской премии Союзом писателей, редакциями журналов без моего ведома и согласия. Я писал книги. Думаю через два-три года написать роман об освоителях Голодной степи.

На многие вопросы Ядгар Садыковна (Я.С. Насриддинова — Председатель Президиума Верховного Совета УзССР. — *Ф. Р.*) ответила. Если есть дополнительные вопросы, я готов ответить. Конечно, есть много недостатков и в моем характере, есть много недостатков в нашей работе. Я стараюсь устранять эти недостатки.

Я прямо скажу, товарищи, как я стал первым секретарем ЦК. Я больной человек, много раз меня оперировали. Несмотря на болезнь, когда мне поручили работать на этом посту, я пошел и работаю. Сколько могу, столько работаю, себя не жалею. Много недостатков в нашей работе, но одно могу сказать: мне не стыдно смотреть вам в глаза, товарищи. (Аплодисменты). О том, где меня использовать, это дело Президиума, это дело нашей партии. Любое решение я приму как должное.

В двух словах хотел бы сказать о том, какие большие и интересные перспективы открываются перед нами. Кратко хочу сказать о больших планах, потому что в них — наша радость, наше счастье. А эти планы одобрены Центральным Комитетом КПСС.

По развитию промышленности мы сейчас проводим огромную работу. Дух захватывает — неужели за два-три года можно

это сделать: создать крупную цветную металлургию, развить черную металлургию, машиностроение и т. д. Вот вчера мы сидели с товарищем Кадышевым и товарищами из ЦК КПСС, приехавшими сюда, и говорили о том, что мы через очень короткий промежуток времени дадим уже 45 процентов меди страны. А вы знаете, что такое медь!

К нашему счастью, в республике открыты колоссальные месторождения газа, из Узбекистана будет построен теперь магистральный газопровод в Москву. У нас обнаружены огромные запасы золота. Мы теперь займем чуть ли не первое место в мире по запасам золота, буквально через два-три года наша промышленность выйдет на одно из передовых мест по добыче золота. Я уже не говорю о других полезных ископаемых, по которым у нас также имеются огромные запасы.

О сельском хозяйстве. Вы знаете, что под руководством Центрального Комитета партии и Совета Министров СССР мы успешно осваиваем Голодную степь, Каршинскую степь, земли в низовьях Аму-Дарьи, Шерабадскую степь, Центральную Фергану. А сколько водохранилищ и каналов мы строим! В этих каналах и водохранилищах — счастье народа. Веками существует народная пословица: «Где кончается вода, там кончается земля». Развитие орошаемого земледелия немыслимо без воды, без источников орошения. Вот сидит здесь наш друг Павел Федорович, который закончил теперь строительство насосных станций в Бухаре. А вы знаете, какое огромное значение имеет насосное орошение. Действительно, просто дух захватывает.

Товарищ Муртазаев, которого незаслуженно назвали подхалимом, говорил о том, как много делается по строительству и благоустройству столицы республики. Мы внесли предложение в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о строительстве и благоустройстве Ташкента. Вчера был Президиум ЦК КПСС и товарищ Курбанов сообщил, что в основном предложения одобрены. Реконструкция города будет закончена в течение трех-пяти лет. Если в прошлом году жилья было введено 300 с лишним тысяч квадратных метров, то теперь ставится вопрос о том, чтобы ежегодно вводить 600—700 тысяч квадратных метров.

Следующий вопрос — это транспортное обслуживание населения в городе. Вы знаете, как трудно у нас с транспортом. Для рассмотрения этих проблем из Москвы приехало большое количество специалистов. Будет обновлен трамвайный парк, будет строиться метро в Ташкенте (Аплодисменты). Третий вопрос — улучшение коммунального обслуживания — газификация, элек-

трификация, расширение водопровода, канализации и телефонной сети и т. д. Все эти предложения, товарищи, поддержаны, вероятно, будут выделены дополнительно десятки миллионов рублей, чтобы коренным образом перестроить Ташкент.

Товарищи! Я в своей работе допускал недостатки, есть, конечно, и ошибки, и я принимаю сейчас меры к тому, чтобы их ликвидировать. Не буду жалеть сил, здоровья и знаний, чтобы совместно с другими членами Президиума ЦК Компартии, с коммунистами и трудящимися Узбекистана с честью выполнить задачи и оправдать доверие нашей партии. Все трудящиеся Узбекистана своим героическим трудом поднимают авторитет нашей республики и вносят достойный вклад в дело строительства коммунизма. (Аплодисменты)».

После выступления Рашидова началось обсуждение кандидатур в новый состав Ташкентского обкома. Несколько человек внесли предложение не вносить в эти списки кандидатуру В. Усманова, так как он «оклеветал товарища Рашидова». Было даже предложено лишить Усманова мандата и вывести из зала. Однако против этого выступил сам Рашидов, который предложил оставить Усманова в списках для тайного голосования. Так и сделали.

Когда голосование состоялось и огласили его итоги, выяснилось, что из 832 делегатов большинство (744 человека) проголосовали за Усманова, и только 88 голосовавших высказались против него. То есть, тайное голосование выявило, что львиная доля собравшихся в зале, даже несмотря на фактическое поражение Усманова, не изменили своей точки зрения относительно выводов, прозвучавших в его выступлении. И Рашидову предстояло уже в ближайшее время искать взаимопонимания с этими людьми.

Отметим, что шансов на победу у оппонентов Рашидова было мало с самого начала. И дело здесь было не только в том, что этой смены не хотели в Кремле. Этот вариант не устраивал и большинство населения республики, включая и представителей самих высших узбекстанских элит. Ведь к тому времени Рашидов находился у кормила власти более 15 лет (включая и президентский срок) и успел завоевать достаточный авторитет у людей. По сути, к середине 60-х его авторитет сравнялся с авторитетом Усмана Юсупова — человека, которого долгие годы боготворил весь Узбекистан, и к которому, кстати, хорошо относился и сам Рашидов.

Несмотря на свое отнюдь не богатырское здоровье, Рашидов взял за правило по два раза в год посещать все области республики, что сближало его с народом лучше всяких теле- и радиовыступлений. К тому же узбеки еще не успели забыть чехарду назначений 50-х, когда первые руководители в республике менялись как перчатки, а также пребывали в психологическом стрессе от волюнтаристских хрущевских экспериментов. После всего пережитого людям хотелось элементарной стабильности и лучшего выразителя этих чаяний, чем Рашидов, в Узбекистане было трудно отыскать. Так что, повторюсь, поражение ташкентской оппозиции было делом предрешенным с самого начала.

Глава 17

ПРОТИВ ПОДПОЛЬНЫХ МИЛЛИОНЕРОВ

Смещение Хрущева не остановило активную борьбу с преступностью, в том числе и в хозяйственной сфере, которая шла в стране на протяжении нескольких последних лет. Причем продолжение борьбы было обусловлено не только экономическими причинами, но и политическими: очень часто эта борьба помогала высшим руководителям «зачищать» политическое поле от тех людей, кто им был неугоден. Взять, к примеру, «дело графа Монте-Кристо», которое появилось на свет в соседнем с Узбекистаном Казахстане. Благодаря ему был разгромлен преступный синдикат, насчитывающий не один десяток человек. Он действовал под крышей мясоконсервного завода и возглавлялся начальником колбасного цеха Мулявко (именно ему подельники дали прозвище «граф Монте-Кристо» за его несметные богатства). Вот как описывает структуру и деятельность этой шайки Б. Самсонов:

«Структура: центр во главе с Мулявко, торговая сеть в каждом районе, куда сбывалась «левая» продукция, агенты — директора, снабженцы, завмаги, продавцы. Все доверенные лица главаря криминального бизнеса у него на «крючке». На каждого он вел папку с компроматом, в нее вносились дни и даже часы, когда и от кого персонально принята продукция, в каком количестве, на какую сумму и кому предназначалась, указывалась фамилия клиента, кого следовало «обслужить» дорогостоящим и разнообразным ассортиментом. «Спецнаборы» упаковывались в картонные вместительные коробки, по графику развозились, ловко и скрытно вручались адресатам.

Эти операции фиксировались Мулявко в соответствующих «гросбухах», сюда вписывались фамилии партийных, советских, хозяйственных чинов, которым подарок был вручен. У Мулявко

потом обнаружили длинный список «обслуживаемых», там фигурировали известные руководящие деятели, знакомые гражданам: если б они ведали, кто ими управлял, кто с различных трибун политически и нравственно наставлял их. Оговоримся сразу: этот список наизусть знал Кунаев...».

Как мы помним, Динмухаммед Кунаев в 1960—1962 годах был 1-м секретарем ЦК КП Казахстана, но после конфликта с Хрущевым по вопросу развития целинных земель, был отстранен от должности и пересажен в кресло председателя Совета Министров Казахской ССР. Однако, едва Хрущев был смещен, как близкий друг Кунаева Леонид Брежнев (они подружились в середине 50-х, когда последний возглавлял казахстанскую партийную организацию) вернул Кунаева на пост 1-го секретаря. Получив карт-бланш из Москвы, Кунаев начал свою деятельность с того, что затеял «дело Мулявко», чтобы на его основе перетрясти ряды влиятельных коррупционеров из нелояльных к нему кланов. Как пишет все тот же Б. Самсонов:

«Видные номенклатурные тузы, хозяйственные заправилы были втянуты в преступную деятельность, подкуплены, задарены... Подношения они принимали чаще под видом любезности и признательности с намеком на когда-то оказанную услугу. Подобострастие, лесть, захваливание, жадность к дармовщине, тяга обогатиться на халяву открывали двери в, казалось, недоступные мелкой сошке кабинеты. Правоохранительные органы, госконтроль были под особым наблюдением «Мулявко и К°», тактика подкупа опасных клиентов особая: созданный спецмагазин закрытого типа посещали только правозащитники и контролеры рангом покрупнее.

Всю воровскую сеть от нижнего звена до верхнего проверить и накрыть — задача не из простых. Чрезвычайно сложно докопаться до истины: за счет чего покрывалась «левая» продукция? Тем более, что с выполнением плана поставок на комбинате, с учетом и отчетностью, всегда все в ажуре. Пришлось ворошить первичные документы приема и сдачи скота, вникать в технологию переработки, прежде чем доказать: вот где собака зарыта. Сдатчиков скота комбинаторы надували значительным занижением фактического веса за счет естественной убыли веса животных. Убыль действительно была, но не в таком количестве, как махинаторы отражали в актах. Доверчивых, податливых сдатчиков круто обманывали, сомневающихся, колеблющихся подкупали взятками. Подступиться к Мулявко оказалось не так просто, задаренные и купленные чиновники были для него надежным щитом...».

В самом деле, при прежнем республиканском партийном руководстве к Мулявко подступиться было сложно — тот имел весьма влиятельную «крышу». Однако с приходом Кунаева прижать начальника колбасного цеха « к ногтю» было уже делом техники для правоохранительных органов. Тем более, что «добро» на это дала сама Москва. Поэтому люди Кунаева постарались выжать из этого дела максимальную выгоду. Было привлечено к уголовной ответственности тридцать человек, из них двадцать пять взяты под стражу. Им был предъявлено обвинение в нанесении ущерба государству в астрономическую по тем временам сумму в 10 миллионов рублей, из которых один миллион двести тысяч был истрачен на «подарки» номенклатурным чиновникам. У самого «графа Монте-Кристо» во время обыска изъяли более миллиона рублей наличными, которые он хранил... в собачьей будке.

Отметим, что под секиру возмездия угодили далеко не все. Например, директора мясоконсервного завода Кунаев приказал не трогать, поскольку тот, по его мнению, не знал (!) о преступных деяниях шайки, а когда началось следствие, стал активно с ним сотрудничать. Чуть позже этого человека Кунаев назначит 1-м секретарем Алма-Атинского горкома партии, а в 70-е он уже будет работать в Москве, в ЦК КПСС.

«Дело графа Монте-Кристо» имело большой резонанс во всех республиканских организациях, поскольку наглядно демонстрировало то, как Москва может помогать своим людям «зачищать» политическое пространство от конкурентов. Однако в 65-м такого права удостоился только Кунаев. В остальных республиках продолжал действовать прежний принцип: высшую номенклатуру не трогать. Вместо нее власть старалась вывести на суд общественности другие жертвы — например, разного рода теневых махинаторов.

В том же Узбекистане тамошние СМИ продолжали регулярно оповещать население об очередных успехах правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Так, 8 января 1965 года главная партийная газета республики «Правда Востока» публикует статью «Священна и неприкосновенна» (имелась в виду государственная собственность). В ней сообщается, что недавно в республике приведен в исполнение расстрельный приговор для целой группы подпольных миллионеров («дело Львовского, Лемешева, Кренцеля, Столина и Муратова»).

Кроме этого сообщалось, что на днях в Самарканде закончен уголовный процесс над бывшим заведующим складом сухофруктов Самаркандского пищекомбината Исамутдиновым, ко-

торый в течение нескольких лет занимался преступными делами: он с группой подельников подмешивал в компотную смесь из высококачественных сухих фруктов более дешевые сорта, а то и вовсе отходы. Кроме этого, преступники сбывали «налево» государственную продукцию комбината. В подземных тайниках Исамутдинова следователи обнаружили 526 тысяч рублей и различные драгоценности почти на такую же сумму. Суд приговорил его к расстрелу.

Среди других уголовных дел, о которых шла речь в этой достаточно большой по объему публикации, фигурировали следующие. В колхозе имени Навои Гулистанского района был разоблачен председатель этого хозяйства и еще несколько лиц (председатель правления, председатель ревизионной комиссии и др.), которые, чтобы скрыть растрату государственных средств, сфабриковали фиктивные ведомости на якобы выплаченные колхозникам деньги за сбор хлопка.

Еще одна преступная группа была разоблачена в «Ташплодовощторге». В течение долгого времени они продавали «налево» продукцию объединения, а когда узнали, что там готовится крупномасштабная инвентаризации, решили прикрыть «дыры» продукцией, которую завезли из других магазинов, где инвентаризация не производилась.

Еще одним местом приложения преступных махинаций стала аптека №1 города Ташкента. Тамошние работники в течение нескольких лет совершали растрату государственных средств. Общая сумма этих растрат составила 150 тысяч рублей.

А вот еще один случай. Заведующий Галляаральским приемочным пунктом Самаркандского треста Петросов растратил 1700 рублей, однако был прощен своим руководством и оставлен работать в той же должности. Видимо, уверовавший в свою безнаказанность, Петросов спустя некоторое время организовал преступную шайку, которая нанесла ущерб государству в виде хищений на общую сумму в 77 тысяч рублей.

Месяц спустя (в начале февраля) в «Правде Востока» была напечатана большая статья о, так называемом, «деле Олеха». Так звали человека, который вместе с двумя подельниками — Белинским и Мирхамидовым — выдавал себя за ревизора из Министерства торговли (у Олеха была подлинная «корочка» сотрудника этого министерства, которую он украл на одной вечеринке) и вымогал взятки у работников различных торговых организаций. Отметим, идею подобного рода преступления мошенники подсмотрели... в кино. В 1963 году в советском прокате демонстрировался польский фильм «Гангстеры и филантропы», где один

из героев — пан Ковальский — выдавая себя за торгового инспектора, получил взятку от работников ресторана. Кстати, шайку Олеха разоблачили именно в точке общепита — в привокзальном буфете.

Раз уж речь зашла о кино, читателю наверняка будет интересно узнать, какие художественные фильмы шли в ту пору в ташкентских кинотеатрах. А ленты там в основном крутили те же, что и в Москве или Вильнюсе, поскольку прокат тогда был всесоюзный. Так, в январе 1965 года из новинок кинопроката в Ташкенте демонстрировались следующие картины: комедия «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» (режиссер Элем Климов, «Мосфильм»), детектив про работу КГБ «Государственный преступник» (Николай Розанцев, «Ленфильм»), приключенческий фильм об отважных подростках, помогающих Красной Армии в годы гражданской войны «Армия Трясогузки» (Александр Лейманис, Рижская киностудия), современная драма о рабочем классе «Большая руда» (Василий Ордынский, «Мосфильм»), комедия «Сказка о потерянном времени» (Александр Птушко, «Мосфильм»), мелодрама «Генерал и маргаритки» (Михаил Чиаурели, «Грузия-фильм»), мелодрама «Господин 420» (Радж Капур, Индия) и др.

Вообще в том году количество зрителей, посетивших киносеансы в Узбекистане, составит цифру в 122 миллиона человек, хотя пять лет назад таковых было всего 83 миллиона человек. И это не удивительно, если учитывать, что в 1960 году в республике было 2 100 киноустановок, а в 65-м их уже стало 3462.

Что касается Шарафа Рашидова, то он в начале того года был в разъездах. 4 января он вылетел из Москвы в Мали (государство в Западной Африке, которое в июне 1960 года получило независимость и тогда же установившее дипотношения с СССР) в качестве руководителя правительственной делегации. Вернулся он обратно 17 января, однако уже неделю спустя вновь был в Москве, чтобы участвовать во встречах с деятелями Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского договора.

3 марта 1965 года состоялся XVI пленум ЦК КП Узбекистана, который внес очередные кадровые изменения в состав республиканского Бюро ЦК КП. Так, «ушами и глазами» Москвы (2-м секретарем ЦК) вместо Владимира Карлова (он пробыл на этом посту чуть меньше трех лет) был назначен 36-летний Владимир Ломоносов. Вполне вероятно, что на этой кандидатуре настоял сам Рашидов, который хорошо знал Ломоносова еще когда тот в 1963—1964 годах возглавлял Среднеазиатское Бюро ЦК КПСС.

Брежнев не стал возражать против этого назначения, так как был заинтересован в том, чтобы рядом с Рашидовым, у которого в Ташкенте имелась сильная оппозиция, появился человек, на которого он мог бы положиться. Отметим, что Ломоносов установит своеобразный рекорд долголетия, проработав на посту 2-го секретаря ЦК КП Узбекистана более 11 лет. Правда, к концу его пребывания на этом посту отношения с Рашидовым у него испортятся, о чем речь еще пойдет впереди.

Кроме этого в состав Бюро был введен Н. Матчанов.

Чуть позже Москва произведет рокировку и в силовом ведомстве — в руководстве Туркестанского военного округа. Вместо 65-летнего Ивана Федюнинского (руководил округом с 1954 года) в кресло командующего сядет 55-летний Николай Лященко (в Советской Армии с 1929 года, в 1936—1937 годах воевал в Испании, в 1941 году окончил Военную академию имени М. Фрунзе и в Великую Отечественную войну прошел путь от командира стрелкового полка до командира дивизии).

Глава 18

ОЧЕРЕДНАЯ АТАКА НА РАШИДОВА

Между тем 1965 год выдался достаточно тяжелым для сельского хозяйства Узбекистана, особенно для хлопководства. Большие трудности возникли из-за маловодья источников орошения. Республике пришлось напрячь все свои силы, чтобы не провалить план по сдаче «белого золота». Так, для выкачивания подземных вод и сбора сбросов вод было установлено около 16 тысяч насосов. В итоге все эти меры позволили Узбекистану установить новый рекорд — сдать государству 3 миллиона 903 тысячи тонн хлопка (в прошлом году было сдано на 233 тысяч тонн меньше).

Тем временем противники Рашидова во власти не сидят сложа руки. Так, Расул Гуламов (бывший член Бюро ЦК КП Узбекистана, а ныне заместитель председателя Госкино УзССР) 31 июля 1965 года обращается к нему с весьма резким письмом, в котором предъявляет ему весьма суровые, но по большей части спорные обвинения. Приведу некоторые отрывки из этого послания:

«Шараф Рашидович!

Недавно киностудия «Узбекфильм» получила от тебя письмо, в котором ты просишь снять твое авторство со сценария «Поэма двух сердец». Это письмо как бы приоткрыло завесу, которая до

сих пор скрывала некоторые стороны твоего лица не только как писателя, но и как коммуниста и руководителя.

Как же так получается! Начиная с 1958 года ты прилагал все усилия к тому, чтобы фильм «Поэма двух сердец» был создан. В те годы объявлялось, что авторами сценария этого фильма являются ты и В. Виткович. Ты стремился осуществить совместную постановку с одной из индийских кинофирм, в Индию неоднократно ездили представители киностудии «Узбекфильм», а из Индии приезжали к нам. На это тратились огромные государственные деньги. Наконец, когда индийская сторона от участия отказалась, работа над фильмом была приостановлена.

Затем ты снова предусматривал выпуск фильма к различным юбилейным датам, но всякий раз дело ограничивалось написанием нового варианта сценария.

Теперь ты неожиданно отказываешься от авторства. И дело тут, Шараф Рашидович, не в твоей занятости. Твои мотивы только выдают твое желание выйти сухим из воды, спрятать концы во всей этой неприглядной истории. У тебя не хватило мужества честно, по-партийному, признаться в том, что ты в создании сценария участия не принимал, а только отдал напрокат свою фамилию В. Витковичу и другим во имя того, чтобы прославиться как писателю.

...Желание прославить себя на поприще кинодраматургии ты не ограничил лишь этим сценарием. Вместе со своими соавторами ты сдал киностудии сценарий «Новая земля», за который выплачено 7800 рублей (в новом исчислении). А он был забракован как совершенно непригодный. Есть и другие примеры того, что под прикрытием твоей фамилии в Ташкенте создана негласная литературная фирма, которая кормится за государственный счет, но не приносит пользы Советскому государству.

Не только киностудию, но и издательства республики ты превратил в свою вотчину. Посчитай, сколько раз и какими тиражами издаются твои произведения. Только повесть «Кашмирская песня» издавалась 7 раз отдельной книгой. Но этого тебе мало, по ней еще создан и балет.

А разве интересами литературы объясняются издания в Ташкенте произведений твоих соавторов?.. Почему из московских писателей в Ташкенте издаются и переиздаются только те, кто связан с тобой?..».

Прервем на время автора письма и попробуем, отбросив в сторону эмоции, взглянуть на эти обвинения трезво. В чем Р. Гуламов обвиняет Рашидова? В том, что тот внезапно отказался от

авторства сценария «Поэма двух сердец» и передал все права на него В. Витковичу. Из этого делается вывод, что Рашидов никакого отношения к этому произведению не имеет и все это время водил людей за нос. Причем никаких фактов, подтверждающих правоту своих выводов автор письма не приводит. Например, он с порога отметает причину, которую в своем письме называет Рашидов: занятость государственными делами. Однако глава огромной республики и в самом деле вынужден был ежедневно решать сотни различных дел, а тут еще надо было уделять внимание сценарию, экранизация которого длилась уже более семи (!) лет (с 1958 года). Почему не предположить, что Рашидову надоела эта сценарная эпопея и он полностью передоверил ее решение своему соавтору?

Не менее странным выглядит и следующее обвинение — со сценарием «Новая земля». Гуламов обвиняет Рашидова в том, что деньги тот получил (если учитывать, что авторов было трое (а в тексте письма речь идет о соавторах во множественном числе), то рашидовский гонорар составил примерно 2600 рублей — типичная сумма за сценарий как для Ташкента, так и для Москвы), однако фильм поставлен так и не был. Но в чем заключается вина Рашидова? В том, что он получил деньги за свой труд — за участие в написании сценария? Или в том, что фильм не был поставлен? Однако последнее вообще надо поставить ему не в упрек, а в благодарность: будучи руководителем республики, он и пальцем не пошевельнул, чтобы «пробить» постановку своего произведения! По словам Гуламова: «Сценарий был забракован как совершенно непригодный». То есть, люди, которые забраковали сценарий ничуть не испугались гнева Рашидова — это ли не показатель наличия демократии в Узбекистане?!

Что касается упрека по поводу «Кашмирской песни» (дескать, издавалась 7 раз), то инициатива этого не обязательно должна была исходить от Рашидова. Вспомним, как в декабре 64-го Рашидову бросили обвинение в том, что он «пробивает» себе Ленинскую премию за роман «Могучая волна», на что сам Рашидов ответил, что это не его инициатива. Ведь лизоблюдов при любой власти всегда хватает и сдерживать их порывы не каждому правителю удается. Отметим, что много позже, уже после смерти Рашидова, когда его недоброжелатели бросятся искать на него разного рода компромат, в том числе и по части махинаций в литературе, найти ничего они не смогут. Выяснится, что свои гонорары Рашидов получал без каких-либо льгот. При этом часть денег он переводил в детские дома и различные фонды.

Но вернемся к тексту письма Р. Гуламова. Далее он пишет:

«В начале 1959 года, когда на Бюро ЦК КП Узбекистана обсуждалась твоя кандидатура на пост первого секретаря ЦК, мнения разделились. Против твоей кандидатуры выступил зам. Председателя Совета Министров республики академик М. Мухамеджанов. Он указал на отсутствие у тебя опыта руководящей работы в районных, городских и областных партийных органах, на твое незнание экономики республики, особенно сельского хозяйства. М. Мухамеджанова поддержали другие, в том числе и я.

Поскольку мнения «за» и «против» твоей кандидатуры разделились поровну, тебя попросили высказаться по этому вопросу. Ты примкнул к тем, кто «за», и так стал первым секретарем ЦК...».

И снова прервем автора письма для небольшой ремарки. Стенограмма того заседания приведена (пусть и не полностью) в первой части этой книги. Из нее совершенно не выходит, что дебаты на Бюро были жаркими и что мнения жестко разделились. Наоборот, за Рашидова однозначно высказались практически все присутствующие, а М. Мухамеджанов с оговоркой: дескать, у него слабое здоровье. Что касается самого Р. Гуламова, то он сказал о Рашидове следующее:

«Я Шарафа Рашидовича знаю очень хорошо, не меньше других, если не больше. Он был секретарем обкома по кадрам в Самарканде, а я в отделе кадров ЦК работал. Давно знаем друг друга и дружим. Он хороший товарищ, скромный труженик, пользуется огромным уважением и авторитетом не только в нашей республике. Шарафа Рашидовича знают и за пределами нашей республики, и за рубежом. Он прекрасный проводник линии партии не только внутри нашей страны, но и в международных делах...

Я считаю, что товарищ Рашидов может быть хорошим руководителем, он нас сблизит, а мы от него не отойдем, мы в глаза друг другу будем говорить правду, и у нас дело пойдет».

Что касается мнения самого Рашидова, то он, как явствует из стенограммы, голосовал... против себя. Он заявил: «В отношении товарища Алимова. Конечно, деловые и другие качества у него выше многих. Я бы голосовал за товарища Алимова. Он очень подготовленный товарищ, все качества у него отвечают этому...».

Зачем Гуламову понадобилось переворачивать все с ног на голову непонятно. Хотя одну версию высказать можно. Видимо, он никак не мог простить Рашидову его последующих действий по отношению к нему: то есть, выведение его из состава Бюро

два года спустя после своего избрания на пост руководителя республики (Гуламов тогда был отправлен на работу в Совет Министров). Об этом перемещении, кстати, Гуламов пишет и в своем письме. Цитирую:

«Что стало потом с теми, кто на Бюро возражал против твоей кандидатуры? Не прошло и трех лет, как в составе Бюро не осталось ни одного из них, ты их всех выжил. И второго секретаря ЦК Р. Мельникова, и академика М. Мухамеджанова, и Председателя Совета Министров республики А. Алимова, и меня, и члена Бюро ЦК А. Бызова, и других товарищей...».

Отметим еще раз, что никаких особых возражений против избрания Рашидова 1-м секретарем никто из этих людей не высказывал. Во-вторых, замена 2-го секретаря (Р. Мельникова) и председателя КГБ (А. Бызова) не могла произойти по воле Рашидова — это была целиком прерогатива Москвы. Рашидов мог только попросить об этом Центр — не более.

Далее Р. Гуламов пишет: «Это было только начало кадровой чехарды , которую ты устроил в руководстве республики. За время твоего пребывания на посту сменилось 4 вторых секретаря, 5 секретарей по сельскому хозяйству, 4 секретаря по промышленности, 2 секретаря по идеологии. Во всех обкомах партии сменилось по 3—4 секретаря. О нижних уровнях руководства, вплоть до колхозов и совхозов, не приходится говорить...».

И вновь без небольшой ремарки не обойтись. «Кадровая чехарда», которую проводил в республике Рашидов, подстегивалась опять же Москвой, и лично Хрущевым. Когда осенью 1961 года из Президиума ЦК КПСС удаляли бывшего руководителя Узбекистана Н. Мухитдинова (руководил республикой в 1955—1957), ему поставили в вину, что он оставил после себя «никчемное руководство». Именно, чтобы избавиться от этого наследия, Рашидов и менял многих руководителей, пытаясь облегчить себе задачу как внутри республики, так и во вне ее (в отношениях с Центром). И те неплохие экономические показатели республики, которые сложились к середине 60-х, наглядно демонстрировали, что «кадровая чехарда», затеянная Рашидовым, себя оправдывала.

Далее в своем письме Р. Гуламов пишет: «До того, как ты стал первым секретарем ЦК, в республике в основном были преодолены местничество и национальная ограниченность. С твоим же приходом эти явления начали возрождаться...».

И вновь необходимо пояснение. Во-первых, Гуламов неправ, когда заявляет, что еще до прихода Рашидова в республике были

преодолены местничество и национальная ограниченность. В основном именно за это и был снят Москвой его предшественник С. Камалов, а Рашидову предстояло все это исправить. Но он поступил весьма хитро: исправлял в основном только на словах, а на деле всячески потворствовал «национальной ограниченности», которая на самом деле выступала щитом в деле защиты исконных традиций и обычаев нации.

Деятели либерального толка, которых вынесла на гребень волны хрущевская «оттепель», весьма поднаторели в этом расшатывании в других республиках, особенно в славянских, из-за чего Брежневу и пришлось открывать «русские клубы», которые должны были сбить натиск либералов. Однако, как показало будущее, русских это так и не спасло от вестернизации и фактического закабаления Западом. Судя по всему, Рашидов прекрасно видел куда все движется, поэтому у себя в республике либеральным идеям разгуляться особенно не давал. Естественно, при этом у него случались и разного рода перегибы, однако в целом это был полезный процесс, который в итоге спасет Узбекистан от худших времен, которые наступят в момент распада СССР. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу один пример из второй половины 1960-х.

Как уже говорилось, в Узбекистане еще в 20-е годы был проведен «худжум» — борьба за равноправие женщин. В итоге спустя сорок лет узбекская женщина многого достигла в своем равноправии: например, президентом Узбекистана была Ядгар Насриддинова, узбекский комсомол возглавляла Р. Абдуллаева и т. д. Однако это не значило, что так было повсеместно. К примеру, в сельской местности во многом сохранялись старые обычаи, когда уделом женщины была подчиненная роль перед мужчиной. Либеральной общественностью это всячески осуждалось, хотя, не будь этого, Узбекистан вряд ли бы занимал одно из последних мест в СССР по числу разводов (их было меньше всего), а по числу новорожденных был бы в лидерах (почти по 400 тысяч младенцев в год).

В 1965 году на «Узбекфильме» был снят фильм, где проблема равноправия узбекской женщины рассматривалась именно с либеральной точки зрения. Речь идет о фильме режиссера Али Хамраева по сценарию Одельши Агишева «Белые, белые аисты». В нем речь шла о том, как в одном из кишлаков молодой парень, которому родители давно уже выбрали невесту, влюбляется в замужнюю женщину, а жители кишлака этой любви всячески противятся, считая ее вызовом древним обычаям. Причем, нельзя

было сказать, что жители кишлака были люди темными и изначально недобрыми. Например, в фильме показано, как эти же люди вместе строят дом своему скромному односельчанину, который ждет возвращающегося сына с невестой. Они же справляют всем миром грандиозную свадьбу, несмотря на то, что невестой жениха выступала русская девушка. Однако в истории, когда их молодой односельчанин пошел наперекор воле своих родителей, эти люди были непреклонны — этому не бывать.

Отметим, что фильм был запущен в производство буквально на исходе хрущевской «оттепели», а когда был снят, на дворе были уже иные времена. Брежнев, пришедший к власти, в частности, и для того, чтобы обуздать либерализм, начал постепенно «закручивать гайки». Особенно это станет заметно после августа 1968-го, когда советские власти подавят либеральную «бархатную революцию» в Чехословакии. Но «Белым, белым аистам» пусть отчасти, но повезло — их выпустили на всесоюзный экран в январе 1967 года. Однако у себя на родине фильм был запрещен к прокату, как оскорбляющий национальное достоинство узбеков. Кто-то (как авторы этого, безусловно, талантливого фильма) может назвать это решение ошибочным. Однако с точки зрения властей, пекущихся о нравственном здоровье своей нации, подобный запрет был благом.

И вновь вернемся к письму Р. Гуламова, где он продолжает предъявлять Рашидову все новые и новые претензии, причем еще круче прежних. Например, он пишет следующее:

«В чем причина участившихся самоубийств руководителей? Почему покончили с собой зам. председателя Верховного Суда республики Усманов, секретарь Кокандского горкома партии Кариев, зам. Председателя Совета Министров УзССР Иргашев (он отвечал за производство и заготовку сельхозпродуктов. — *Ф. Р.*) и другие? Почему был смещен министр охраны общественного порядка Джалилов и на его место назначен Яхъяев? Только потому, что последний, как и ты, из Самарканда?..».

И снова прервем автора письма. Поскольку вряд ли Гуламов знал истинные причины озвученных им самоубийств, он не имел права взваливать ответственность за них на Рашидова. Во всем была виновата та обстановка, которая тогда складывалась в стране. Как мы помним, в начале 1960-х в СССР по инициативе Хрущева началась борьба с преступностью, в том числе и с «беловоротничковой». Вспомним, что тех же расхитителей социалистической собственности за последние четыре года его правления было расстреляно несколько сотен. Поскольку эти же процессы происходили и в Узбекистане, можно предположить, что и те самоубийства, о которых ведет речь в своем письме Гуламов, во многом были именно их следствием. И так было не только в Узбекистане: даже в Москве в те годы покончили с собой некоторые высокие деятели из числа работников правоохранительной системы, парт- и госорганов (покончить с собой пытался даже один из бывших членов Президиума ЦК КПСС — министр культуры Екатерина Фурцева, которая осенью 61-го перерезала себе вены на руках, но была в итоге спасена врачами).

Что касается назначения самаркандца Яхъяева министром внутренних дел, то здесь можно сказать только одно: будь у руководства республикой, к примеру, ташкентец, то он наверняка бы назначил на этот пост своего земляка, поскольку так надежней. К тому же Яхъяев был профессионалом — около полутора десятка лет работал в системе КГБ, где прошел путь от рядового контролера тюрьмы до начальника областного УКГБ. Поэтому и это обвинение можно назвать очередным лукавством. Как и другое, о котором Р. Гуламов пишет далее:

«Не могу сказать и о твоем двуличии хотя бы на следующем примере. Твое угодничество и подхалимское заискивание перед Н. С. Хрущевым не знало границ. Ты говорил:

«С именем товарища Хрущева связаны коренные преобразования в советском хлопководстве, как и во всех отраслях народного хозяйства. Мудрости, смелости и принципиальности Никиты Сергеевича, его постоянной заботе об облегчении труда хлопкоробов обязаны мы тем, что хлопководство развивается теперь на прочной основе технического прогресса.

Народы Узбекистана от всей души, от чистого сердца называют Никиту Сергеевича своим самым близким другом, своим дорогим и любимым учителем».

Как мы помним, точно такие же упреки бросал Рашидову и его обвинитель на Ташкентской областной партконференции — В. Усманов. И я уже писал о том, что все это было явным передергиванием. Во-первых, Хрущев и в самом деле много полезного сделал для Узбекистана, поэтому похвалы Рашидова по его адресу звучали вполне уместными. А что касается их выспренности — то это была типичная дань тогдашней моде, когда практически каждый руководитель (а республиканский тем более) должен был не только обязательно похвалить «дорогого Никиту Сергеевича», но еще и с каким-нибудь особенным вывертом. И, как уже отмечалось ранее, Рашидов в этом деле не был исключением, однако и впереди телеги никогда не бежал — были восхвалители куда более энергичные и изощренные, чем он.

Кстати, и сам Гуламов по этой части был не без греха. Например, на том памятном Бюро ЦК КП Узбекистана в марте 1959 года он, говоря о писательском таланте Рашидова, говорил следующее: «Он крупный писатель, должен написать много прекрасных произведений. На этой декаде (речь идет о декаде литературы и искусства Узбекистана в Москве. — *Ф. Р.*) мы говорили, что 300 книг привезли, но там выделялись два-три крупных произведения, в их числе и самое главное — «Сильнее бури» Шарафа Рашидова...».

Вот что это: лизоблюдство или честное отношение к писательскому таланту Рашидова? Как говорится, понимай, как хочешь.

Между тем свое письмо Гуламов отправил не только Рашидову, но копию его отослал в Москву, Брежневу. Но генсек ему не ответил, поскольку был вовлечен тогда в не менее драматические события, за которыми, кстати, внимательно следили и в республиканских «верхах». Зачинщиком этих событий стал 1-й секретарь ЦК КП Украины, член Президиума ЦК КПСС (с ноября 1964 года) Петр Шелест, который летом направил высшему руководству страны письмо, где просил разрешить Украине самостоятельно выступать на внешнем рынке.

Скажем прямо, это была беспрецедентная просьба, которая, в случае ее удачного осуществления, грозила подорвать монополию Центра и дала бы возможность остальным республикам (особенно крупным) претендовать на расширении их самостоятельности. Ведь до этого существовала строго централизованная система, согласно которой Москва покупала у республик их продукцию по достаточно низким ценам, после чего продавала ее за границу по более высоким и большую часть доходов оставляла себе. Естественно, подобная ситуация не могла не вызывать недовольства у республик и они периодически поднимали перед Москвой вопрос о предоставлении им права торговать с заграницей самостоятельно (тот же Узбекистан, к примеру, давно мечтал пустить под это дело часть своего хлопка). Правда, просьбы эти не были столь уж настойчивыми, поскольку портить отношения с Центром никто из республик не хотел. В случае же с Шелестом все обстояло несколько иначе.

Дело в том, что еще в бытность Хрущева руководителем страны и при его активном протежировании, в высшем руководстве страны сложилась, так называемая, «украинская» группировка, которая достаточно активно стала лоббировать интересы Украины как во внутренней, так и во внешней политике государства. Именно выходцам из этой республики был дан «зеленый свет»

в продвижении к высшим должностям в аппарате ЦК КПСС и в других высших органах власти, а на самой Украине начался постепенный процесс вытеснения украинцами представителей других национальностей, в частности русских. Причем этот процесс не прекратился даже после смещения Хрущева, поскольку даже после его удаления остальные представители «украинской» группировки остались при своих должностях. Среди этих деятелей были: 2-й секретарь ЦК КПСС Николай Подгорный, тот же Шелест, а также кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, председатель Совета Министров Украины Владимир Щербицкий. Учитывая, что и Леонид Брежнев имел украинские корни, можно смело заявить, что шансы этой группировки для того, чтобы продолжать занимать доминирующую позицию в руководстве, были более чем существенными.

Именно этого и опасались другие члены Президиума, которым подобный расклад был невыгоден. Поэтому письмо Шелеста и вызвало яростную полемику в Президиуме ЦК КПСС. Против него дружно выступило большинство его членов, а особенно сильно возражали «русские державники» (М. Суслов, К. Мазуров, А. Шелепин, Д. Полянский), которые в большинстве подобных республиканских инициатив усматривали (когда правильно, а когда и нет) проявления национализма. О том, как развивались события в этом противостоянии рассказывает Л. Млечин:

«2 сентября 1965 года на Президиуме ЦК в конце заседания Брежнев сказал, что надо обсудить записку Петра Ефимовича Шелеста о работе министерства внешней торговли. Леонид Ильич добавил, что не знал о существовании письма (когда оно было отправлено в Президиум ЦК, он находился на отдыхе в Крыму. — *Ф. Р.*). Это был сигнал: первый секретарь украинцев не поддержит. Решительно все возразили против предоставления Украине права самостоятельно торговать с заграницей. Микоян сказал, что еще сорок лет назад был решен вопрос о монополии внешней торговли и его пересмотр невозможен.

Записка Шелеста стала поводом для политических обвинений. Члены Президиума говорили, что Шелест не только подрывает ленинский принцип монополии внешней торговли, но и искажает ленинскую внешнюю политику. Заговорили о том, что на Украине слабо ведется борьба против буржуазного национализма, что республиканское руководство претендует на особое положение, проявляет местничество, нарушает государственную и плановую дисциплину.

Поставили Шелесту в вину и то, что вывески на магазинах и названия улиц написаны на украинском языке. Севастополь — город русской славы, а надписи на украинском. На эту тему высказались Суслов и Косыгин.

Не ожидавший такой реакции, Шелест сказал, что он теперь видит ошибочность своего письма и готов взять его обратно. Но товарищи по Президиуму ЦК не дали ему возможности избежать проработки.

Микоян добавил:

— Товарищ Шелест, ваш долг — приехав в Киев, сообщить обо всем членам Президиума ЦК Компартии Украины, навести настоящую самокритику в связи с той политической ошибкой, которая вытекает из вашего предложения, и сделать необходимые выводы.

Секретарь по вопросам идеологии, науки и культуры Демичев завел разговор о том, что на Украине и в самом украинском ЦК вообще процветает национализм и в аппарате ЦК в Киеве не осталось русских.

Еще жестче выступил Шелепин, который сказал, что за политическую ошибку Шелеста несет ответственность не только он сам, но и Подгорный, который, пользуясь своим положением второго человека в партии, никому не позволяет вмешиваться в дела Украины.

Шелепин возмущенно сказал:

— Дело дошло до того, что в Севастополе при вручении награды Черноморскому флоту, флоту русской славы, все выступления были на украинском языке. В Крыму русских больше, но передачи по радио, по телевидению ведутся на украинском языке. И вообще украинский язык насаждается в ущерб русскому. Так что националистическая линия просматривается не только во внешней торговле, но и в политике, в идеологии.

Шелепин потребовал провести пленум ЦК компартии Украины и по-настоящему разобраться, что происходит в республике.

Шелест отверг все обвинения. Зло ответил Шелепину:

— Что касается оргвыводов, то вы не разбираетесь, что делается на Украине. Если вы хотите созвать пленум, то созывайте и послушайте, что вам скажут!

Столь же резко отвечал на обвинения Подгорный.

Анастас Микоян увидел в этой атаке на украинское руководство проявление великодержавного шовинизма. Но за этой схваткой стояла попытка подорвать позиции влиятельной украинской группы, на которую первоначально опирался Брежнев.

Подгорный признал, что совершил ошибку:

— Я должен был не рассылать это письмо, а предварительно обсудить его в Президиуме.

Брежнев спустил это дело на тормозах. Он примирительно сказал, что сомневается, надо ли проводить пленум, наверное, достаточно, что члены Президиума обменялись мнениями, а товарищ Шелест все замечания учтет.

Леонид Ильич, с одной стороны, был обеспокоен жесткостью атаки со стороны Шелепина, а с другой, доволен ослаблением позиций Подгорного. Это развязывало ему руки. Он не хотел иметь рядом с собой Подгорного в роли полноправного второго секретаря и нашел ему место председателя Президиума Верховного Совета (назначение на это пост состоится в ноябре 1965-го. — *Ф. Р.*)...».

Отметим, что Брежнев сделает выводы из выступлений «державников» и в том же году разрешит им создавать в стране, так называемые, «русские клубы». Первым таким учреждением станет Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Кроме этого, Брежнев начнет вводить в высшее руководство представителей еще одного славянского народа — белорусского: Кирилл Мазуров будет назначен 1-м заместителем председателя Совета Министров СССР, Василий Шауро — заведующим Отделом культуры ЦК КПСС, а весной 1966-го еще один белорус — 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии Петр Машеров — станет кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Кстати, Мазуров (а также Исмаил Юсупов в Казахстане) оказались единственными руководителями республик, смещенными со своих постов (правда, Мазуров с повышением) сразу после отставки Хрущева. В 66-м к ним добавится еще один деятель — Яков Заробян которого сменит Антон Кочинян (последний в течение 14 лет возглавлял армянское правительство). Всех остальных Москва решила пока не трогать. В итоге республиканское руководство тогда выглядело следующим образом (список дается согласно дате прихода к власти): Литва — Антанас Снечкус (долгожитель среди республиканских лидеров — он правил с 1940 года), Эстония — Иван Кэбин (с 1950-го), Грузия — Василий Мжаванадзе (с 1953-го), Узбекистан — Шараф Рашидов (с 1959-го), Азербайджан — Вели Ахундов (с 1959-го), Латвия — Арвид Пельше (с 1959-го), Туркмения — Балыш Овезов (с 1960-го), Молдавия — Иван Бодюл (с 1961-го), Таджикистан — Джабар Расулов (с 1961-го), Киргизия — Турдакун Усубалиев (с 1961-го), Украина — Петр Шелест (с 1963-го), Казахстан — Динмухамед Кунаев (с 1964-го).

Как уже писалось выше, большинство 2-х секретарей в республиках были лицами славянского происхождения. Так, в Таджикистане это был Иван Коваль (с 1961 года), в Азербайджане — Петр Елистратов (с 1961), в Литве — Борис Попов (с 1961), в Латвии — Николай Белуха (с 1963), в Туркмении — Василий Рыков (с 1963), в Узбекистане — Василий Ломоносов (с 1965), в Казахстане — Виталий Титов (с 1965), в Молдавии — Николай Щелоков (с 1965) и т. д.

Правда, имелись и исключения. Например, в Армении «вторыми» были исключительно армяне: так, Якова Заробяна (1958-1961) сменил Оганес Багдасарян, а последнего в 1966-м сменит Георг Тер-Газарянц. Та же ситуация была в Украине, где Николая Соболя (с 1963-го) в том же 66-м сменит Александр Ляшко. В Эстонии «вторым» был местный кадр Артур Вадер (1964—1970).

Итак, Брежнев оставил большинство республиканских руководителей на своих постах, в том числе и Рашидова. Тем самым он проигнорировал письмо Р. Гуламова, которое поступило на его имя в июле 65-го, поскольку обладал куда более обширной информацией из республики, которую ему доносили его тамошние «глаза и уши»: 2-й секретарь ЦК, председатель КГБ, да и другие источники в руководящих верхах Узбекистана. А они рисовали совсем иную картину того, как Рашидов руководил республикой, чем это делал Гуламов.

А тот между тем и не думал прекращать свои попытки достучаться до Брежнева. 5 декабря он прислал на его имя очередное послание, в котором сообщал следующее:

«Около четырех месяцев назад я обратился с письмом к товарищу Рашидову Ш. Р. по некоторым вопросам, касающимся его деятельности. Моя партийная совесть была единственной силой, побудившей меня высказать товарищу Рашидову свои замечания и предупредить развитие того порочного, что имеется в его деятельности. Я думал, что у него хватит партийности, чтобы сделать необходимые выводы. Этого не случилось. Он избрал путь «проверки содержания» моего письма.

С этой целью была создана комиссия ЦК КП Узбекистана, состоявшая из лиц, непосредственно подчиненных товарищу Рашидову Ш. Р. В беседе со мной один из них, зав. отделом партийных органов товарищ Орлов Г. М., допускал оскорбления, утверждал, что я обиженный, подтасовываю факты, кощунствую, что я должен быть привлечен к ответственности.

Чувствую, что дело идет к тому, чтобы обелить товарища Рашидова, а меня поставить в положение ответчика. По-видимому, как это было и раньше, необъятная власть товарища Рашидова берет верх.

Я вынужден просить вызвать меня в ЦК КПСС для беседы или направить комиссию ЦК КПСС, которая беспристрастно проверит содержание моего письма. Эта просьба вызвана не боязнью расправы. Я всегда верил в партийную правду».

Надо отдать должное Р. Гуламову — он и после того, как Брежнев проигнорирует его очередное послание, не оставит своих эпистолярных выпадов, направленных против Рашидова, превратившись по сути в его самого активного оппонента в республике. Однако отметим, что ни один волос не упадет с головы коммуниста Гуламова и он благополучно переживет Рашидова, чтобы уже вскоре после этого, в годы горбачевской перестройки, быть возведенным на пьедестал в качестве героя.

Глава 19

ТАШКЕНТ — ГОРОД ДРУЖБЫ

Первая половина 1966 года выдалась для Рашидова весьма напряженной. Началось все в самом начале января, когда именно в Ташкенте произошла знаменательная встреча председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина с премьер-министром Индии Лал Бахадур Шастри и президентом Пакистана Махаммедом Айюб Ханом. Эта встреча должна была примирить Индию и Пакистан, которые давно враждовали из-за территориальных претензий (из-за района Кашмир) и вступили друг с другом в вооруженный конфликт. Он грозил перерасти в широкомасштабную войну, если бы в него не вмешался СССР. Почему именно он?

Во-первых, как уже отмечалось выше, Советский Союз еще в начале 50-х установил дружеские отношения с Индией, а в середине 60-х и с Пакистаном. Во-вторых, у СССР не было серьезной военно-политической вовлеченности в проблемы данного региона (как, например, у США, которые в тот момент вели затяжную войну во Вьетнаме). Именно поэтому обе враждующие стороны выбрали в качестве третейского судьи в разрешении своего спора именно СССР. А местом переговоров был выбран Ташкент — столица самой влиятельной в Азии советской республики.

Переговоры в Ташкенте завершились подписанием Декларации, в которой Индия и Пакистан договорились решать спор-

ные вопросы мирными средствами и строить взаимоотношения на основе принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Однако концовка этих переговоров оказалась окрашена в трагические тона.

Подписав мирный договор, внезапно свалился с сердечным приступом индийский премьер Шастри. Советские врачи попытались сделать все от них зависящее, чтобы спасти его, но все их попытки оказались тщетными — 10 января Шастри скончался (новым премьером Индии станет Индира Ганди). Это событие вызвало настоящий шок в Москве, и оттуда в Ташкент была направлена представительная комиссия с тем, чтобы разобраться в случившемся. Одно время члены комиссии даже считали, что Шастри... отравили повара, которые накрывали столы во время торжественного обеда.

Свою посильную помощь в расследовании этого инцидента оказывал москвичам и Рашидов, для которого смерть Шастри тоже была как гром среди ясного неба (с этим человеком узбекский лидер до этого встречался неоднократно и они успели подружиться; чуть позже это станет поводом к тому, чтобы поставить в Ташкенте памятник покойному премьер-министру Индии). В итоге высокая комиссия выяснила, что версия с отравлением здесь ни при чем и Шастри в самом деле ушел из жизни в результате сердечного приступа (нагрузка на тех переговорах и в самом деле была большой: каждая встреча длилась по два-три часа, а в день таких встреч было около трех).

Между тем 3—5 марта 1966 года в Ташкенте прошел XVII съезд КП Узбекистана, на котором Рашидов значительно укрепил свои позиции во власти. Он почти на четверть обновил состав ЦК своими людьми, а также сменил ряд секретарей обкомов. Оставив в неприкосновенности состав Бюро ЦК КП, он обновил руководство отделов ЦК, заменив большинство заведующих. Так, отдел организационно-партийной работы возглавил Г. Орлов; культуры — С. Шермухамедов; науки и учебных заведений — Б. Абдуразаков; тяжелой промышленности и машиностроения — М. Рамазанов; строительства и городского хозяйства — М. Саидов; транспорта и связи — Д. Мангельдин; легкой и пищевой промышленности — А. Султанходжаев; водного хозяйства — А. Дадасянц; торговли, плановых и финансовых органов — А. Ахунджанов.

На своих местах остались четверо: Я. Закиров (отдел административных органов), М. Рахманкулов (пропаганды и агитации), Т. Зинин (сельскохозяйственный) и Д. Ходжаев (председатель парткомиссии).

Как видим, подавляющее большинство руководителей отделов были мусульмане. Однако ключевой отдел в аппарате ЦК — организационно-партийной работы, — который ведал кадрами, возглавляли русские: до 1966 года это был И. Бурмистров, затем его сменил Г. Орлов. Та же ситуация была и в Москве: при Хрущеве этим отделом заведовал Виталий Титов, которого сразу после воцарения Брежнева сменил Иван Капитонов (последний на этом посту просидит дольше всех — более 20 лет!).

Состав Политбюро (бывшее Бюро) ЦК КП Узбекистана выглядел следующим образом: Ш. Рашидов (1-й секретарь), В. Ломоносов (2-й секретарь), Р. Курбанов (председатель Совета Министров УзССР), Н. Лященко (командующий ТуркВО), Н. Матчанов (секретарь ЦК), Я. Насриддинова (председатель Президиума Верховного Совета УзССР), Р. Нишанов (секретарь по идеологии), И. Анисимкин (секретарь ЦК), М. Мусаханов; кандидаты в члены Политбюро: М. Абдуразаков, С. Расулов, М. Турсунов.

Тем временем в конце того же марта и в начале апреля в Москве проходил XXIII съезд КПСС на котором присутствовала представительная делегация из Узбекистана во главе с Рашидовым. Съезд многим показался скучным и блеклым по сравнению с недавними хрущевскими, что вполне объяснимо — Брежнев был приведен к власти партаппаратом именно для того, чтобы стать оплотом стабильности. На съезде восстановили в партии пост Генерального секретаря (вместо Первого секретаря) и вновь переименовали Президиум ЦК в Политбюро.

Несмотря на то, что имя прежнего руководителя страны — Н. Хрущева — на съезде ни разу не упоминалось, негласно его деятельность была съездом осуждена. В большинстве выступлений проводилась мысль о том, что отныне в деятельности партии нет места волюнтаризму (а именно в нем чаще всего обвиняли Хрущева при снятии с должности) и теперь вся ее деятельность будет строиться на базе научно взвешенного подхода. Однако, несмотря на тот публичный остракизм, которому был подвергнут лично Хрущев и большинство из его начинаний (самые безумные из них были отменены: например, были восстановлены центральные промышленные министерства), все же сущность хрущевской политики, главной идеей которой была ползучая реставрация капитализма, была оставлена нетронутой. Впрочем, это стало понятно еще за полгода до съезда — на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1965 году, где была «освящена» экономическая реформа, разработанная уже упоминаемым выше экономистом Евсеем Либерманом, но получившая название «косыгинской» (по

имени нового премьер-министра страны Алексея Косыгина, отвечавшего за ее проведение). Суть этой реформы сводилась к следующему: возведение капиталистического принципа максимализации прибыли в основной движущий принцип хозяйственной деятельности. Как пишет В. Шапинов:

«Хозяйственная номенклатура — такова была социальная база брежневского режима. Она поставила Брежнева к власти, сместив Хрущева с его «волюнтаристскими» экспериментами, не дававшими спокойно жить управленцам. Через два года после «смены власти» брежневская команда дала своей социальной опоре «удовлетворение», разрешив распоряжаться прибылями предприятий по своему усмотрению, в том числе перекачивая значительную их часть себе в карман через фонд оплаты труда и премии. Премия рассчитывалась в процентах от заработной платы, поэтому для управленческого персонала она была существенно выше, чем для рабочих.

Идеалом новой системы становился капитализм, где «инициатива предприятий» и «прибыль» как критерий эффективности достигают своего полного «расцвета». Реформа отодвигала советскую экономику от цели стать «единой фабрикой» к сумме независимых предприятий, связанных через рынок...».

Поскольку в СССР, в ходе развернувшейся в прессе дискуссии о «косыгинской реформе», звучали в основном ее положительные оценки, широкие массы (как коммунистов, так и беспартийных) не могли трезво оценить происходящее. Они верили руководству, которое утверждало (и, видимо, тогда было в этом искренне убеждено), что реформа сослужит советскому обществу хорошую службу и позволит советской экономике выйти из тех тупиков, в которые ее загнали хрущевские реформы. Хотя за пределами СССР было много скептиков, которые были убеждены, что «косыгинская реформа» есть не спасение, а погибель социализма в СССР. Так, к примеру считали руководители Китая, а также ряд некоторых марксистов, вроде аргентинца Че Гевары или западногерманского коммуниста Вилли Диккута.

Однако вернемся к Ш. Рашидову.

Вернувшись со съезда на родину, он с головой окунулся в привычную рутину повседневных дел. Так, 17 апреля в ташкентском Дворце искусств он открыл декаду белорусской литературы и искусства в Узбекистане. Подобные декады ежегодно проходили во всех союзных республиках, причем неоднократно — например, в ноябре в Узбекистане пройдет Декада туркменской литературы и искусства. Подобные мероприятия лучше всяких слов способствовали той самой дружбе народов, которая постоянно декларировалась в СССР. Декады длились около двух недель и на всем их протяжении население принимающей республики имело возможность посетить выступления лучших музыкальных и театральных коллективов республики-гостьи, увидеть ее новые фильмы, побывать на выступлениях ее лучших поэтов и писателей.

Спустя несколько дней, 22 апреля, Рашидов посетил другое торжественное мероприятие: заседание в честь 96-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина (оно прошло в Театре оперы и балета имени А. Навои). В те дни никому и в голову не могло прийти, что Узбекистан стоит на пороге серьезного испытания — ташкентского землетрясения.

Последний день перед трагедией (25 апреля) прошел в Ташкенте как обычно: город жил и работал в привычном ритме. Функционировали сотни магазинов и больниц, в парках отдыхали тысячи людей, в кинотеатрах шли новые кинофильмы. В тот день там демонстрировались следующие ленты: «Принимаю бой», «Время, вперед!», «Альпийская баллада», «Окровавленная рубашка», «Ярость» и др.

Телевизионный эфир 25 апреля 1966 года выглядел следующим образом:

1 программа: 18.00 — Торжественное закрытие Декады белорусской литературы и искусства в Узбекистане. Репортаж из Дворца искусств (на узбекском и русском языках).

2 программа: (на узбекском языке) 18.00 — Для детей «Книга — наш друг». 18.35 — Ташкентские новости. 18.45 — Научно-популярный фильм «Аку-Аку».

(На русском языке): 20.05 — Ташкентские новости. 20.15 — Решения XXIII съезда КПСС — в жизнь: «Новые автомобильные дороги». 20.35 — Документальный фильм «Встреча с Сибирью». 21.35 — художественный фильм «Сестры» (1-я серия).

26 апреля Ташкент еще мирно спал, когда в 5 часов 22 минуты 53 секунды начались сильнейшие подземные толчки с силой более 8 баллов по шкале Рихтера. По мнению сейсмологов, разрушительная стихия подземного удара была колоссальной (она равнялась 50 миллиардам киловатт, что было сравнимо с мощностью 12 тысяч ГЭС уровня Братской), и от полного уничтожения древний город спасло только то обстоятельство, что очаг катаклизма залегал на относительно небольшой глубине — от 3 до 8 километров под землей, благодаря чему вертикальные волны не распространялись далеко и быстро затухали. Совесем иная ситуация была в столице Туркмении Ашхабаде, где почти 20 лет назад

(6 октября 1948 года) тоже произошло сильнейшее землетрясение — там последствия катастрофы были ужасными: был разрушен почти весь город, погибло почти 176 тысяч человек (из 198 проживающих в городе).

В Ташкенте зона максимальных разрушений охватила 10 квадратных километров (это был центр города), однако разрушению подверглись в основном старые глинобитные дома, а число человеческих жертв было минимальным: по официальным данным погибло 8 человек и еще 150 человек получили травмы различной степени тяжести (чуть позже медики городской «скорой помощи» сообщат, что в последующие два года от пережитого стресса или в страхе перед новыми толчками скончаются от сердечных приступов еще сотни пожилых ташкентцев). О том, как реагировали жители Ташкента на землетрясение в первые его минуты, рассказывают очевидцы тех событий.

Т. Иванова (спустя год ее наградят медалью «Строителю Ташкента»): «Мы тогда жили в трехэтажном доме в районе Госпитального рынка. Многие вспоминают, что перед землетрясением был слышен подземный гул и видно какое-то свечение. Но я в ту ночь очень крепко спала, проснулась от толчка, как будто нашему дому кто-то дал снизу пинка. Конечно, выскочила спросонья во двор, где почти ничего не было видно из-за поднявшейся с земли пыли. Кто-то кричал: «Война!». Невольно думалось про атомную бомбардировку, которую в те годы ждали от американцев. Но я помню, что один наш сосед вышел на свой балкон, зачем-то вытряхнул вниз половик, и спокойно ушел спать. Это как-то подействовало на меня. Хотя я осталась во дворе до утра, пока не пошла на работу...».

У. Сарсенбаев: «Мне было двадцать лет, я учился на вечернем отделении и жил в студенческом общежитии в районе Ташсельмаша. Накануне настолько вымотался после зачетов и сидения за книгами, что даже не ощутил тот момент, когда произошли толчки. Просыпаюсь, а возле головы лежит кусок кирпича. Гляжу вокруг — ребят нет, а стены в трещинах, все разбросано как попало. Иду на балкон, а его просто нет. Глянул вниз, а он провис. Мне с улицы кричат: «Выходи скорее, да будь осторожен!». Я потихоньку сумел выйти на улицу, а уже только спустя какое-то время ощутил страх...».

В. Ивонин: «Я жил в частном доме с родителями и сестрой. Отчетливо все помню, потому что мы готовились встречать гостей, поскольку мне исполнилось двадцать лет. Я с волнением ждал первого сознательного юбилея. Когда тряхнуло, мы выбежали во

двор. Толчок был мощнейший. Грохот страшный, все сыпалось, рушилось. И самое удивительное — было совершенно светло. Землетрясение сопровождалось свечением. Хорошо помню светлые всполохи. Видимо, был какой-то геомагнитный эффект...

Что меня удивило — ходил общественный транспорт. Конечно, бродили разные слухи, но паники, дезорганизации не было... Занятия в тот день отменили, мы пошли искать друзей — тех, кто не пришел в институт. По пути увидели: наиболее пострадали дома возле Алайского рынка, упала крыша цирка, в популярном у молодежи кинотеатре «Искра» вывалилась крыша. Порушились Солдатские казармы, построенные еще до революции. Хотя стены в них были больше метра толщиной...».

Отметим, что самые сильные разрушения были в центре города, но пострадали в основном одноэтажные старые глинобитные дома, которые руководство города давно собиралось снести. Однако вся загвоздка была в том, что сами обитатели этих домов никуда не хотели уезжать с насиженных мест. Теперь же эту проблему решила подземная стихия, разрушив практически все «глинобитки». Как установит потом официальная комиссия, без крыши над головой остались около 79 тысяч семей или свыше 300 тысяч человек из проживавших тогда в Ташкенте полутора миллионов. Всего же были подвергнуты разрушению 2 миллиона квадратных метров жилой площади, 236 административных зданий, около 700 объектов торговли и общественного питания, 26 комунальных предприятий, 181 учебное заведение, 36 учреждений культуры, 185 медицинских и 245 промышленных зданий. Общее число разрушенных зданий составило 37 395, в том числе 35 тысяч жилых домов (около 92 тысяч квартир).

Практически с первых же минут после землетрясения руководство республикой оказалось в эпицентре спасительных работ. Рашидов немедленно позвонил в Москву и доложил о происшедшем Брежневу. И тот отнесся к этому звонку не формально (мог ведь отделаться дежурными фразами и переложить всю ответственность на руководство республикой), а принял решение немедленно вылететь в Ташкент (вместе с председателем Совета Министров СССР Алексеем Косыгиным). Московские гости прибыли в столицу Узбекистана уже спустя несколько часов после землетрясения. Вот как об этом вспоминает известный сейсмолог, профессор В. Уломов:

«Через час после землетрясения, поскольку телефонная связь в городе была полностью повреждена, за мной прислали машину, за рулем которой сидел майор милиции. Он объявил мне, что я

«арестован, в связи с произошедшими событиями». Но это оказалось шуткой. Меня доставили не в тюрьму, а в ЦК Компартии Узбекистана на встречу с Шарафом Рашидовым и, уже прилетевшими из Москвы, Леонидом Брежневым и Николаем Косыгиным.

Оба высоких московских гостя выказали желание сесть не во главу стола, как это им любезно предложил Рашидов, а в середине продольного стола, как раз передо мной и напротив повешенной за моей спиной карты. Я начал докладывать ситуацию... Первым прервал меня Брежнев, попросив показать на плане города место, где мы тогда находились, по отношению к эпицентру землетрясения. Я показал. В это время внизу, за окнами здания ЦК возникли крики и сильный шум. Брежнев спросил, не толчок ли это? Я сказал, что нет, добавив, что шум и громкие возгласы, по-видимому, вызваны забитым голом на стадионе «Пахтакор», расположенным неподалеку. Футбольный матч между сборными Белоруссии и Узбекистана не был отменен (отметим, что в городе также продолжали функционировать и многие другие общественные и культурные учреждения: театры, кинотеатры и т. д. — *Ф. Р.*). Тогда он, шутя, сказал: «Ну, Шараф Рашидович, никакого землетрясения у вас не было. Это голы забивают...». Но в этот момент действительно произошел 4-балльный толчок, на что Брежнев продолжил высказывание: «Придется мне теперь взять спальный мешок и лечь спать где-нибудь под деревом»...

Тогда я обратил внимание на то, что Брежнев очень часто обращался к Косыгину с тем или иным вопросом, спрашивая его мнение. Благодаря Косыгину, была поддержана и просьба Рашидова разрешить строительство в Ташкенте метрополитена, а также определены объемы сил и средств, которые смогут поставить союзные республики для восстановления Ташкента. Другим благоприятным для Ташкента обстоятельством было предложение покончить с глинобитным городом, но и не сооружать чего-либо временного, которое, как сказал тогда Брежнев, «может стать постоянным»...».

Как позже отметят многие узбекские историки, Рашидов проявил в той ситуации максимум находчивости и выдержки. Он давно мечтал начать переустройство Ташкента и особенно его центра (так называемого Старого города), однако денег на широкомасштабное строительство в бюджете республики не было. А Москва, едва слышала те цифры, которые называл Рашидов, тут же отвечала отказом. И так продолжалось несколько лет, пока не грянуло ташкентское землетрясение. В итоге все получилось как в той старой поговорке: «не было бы счастья, да несчастье помогло». И Рашидов, пустив в дело все свое обаяние, сумел убедить Генсека в том, что Центру необходимо выделить максимум средств не только на новое строительство в Старом городе, но и вообще на благоустройство Ташкента. Так столица Узбекистана фактически превратилась во Всесоюзную стройку, которая оказалась выгодна как самой республике, так и Центру в виде мощной идеологической кампании, должной воспеть дружбу советских республик. По сути это был первый пример проявления массового интернационализма в СССР после окончания Великой Отечественной войны. Ташкентцы, которые в годы войны приняли тысячи эвакуированных жителей Украины, Белоруссии и России, спустя 20 лет на себе ощутили братскую помощь всех союзных республик. Как вспоминает все та же Т. Иванова:

«В районе нынешнего ЦУМа военные поставили тысячи палаток для пострадавших. Над нами висел огромный лозунг «Трясемся, но не сдаемся» (отметим, что толчок 26 апреля был не единственный — Ташкент потом трясло неоднократно: 9 и 24 мая, 4 и 5 июля и 24 марта 1967 года. — *Ф. Р.*). Стали развозить продукты первой необходимости. Детей из школ забирали в пионерские лагеря по всему Союзу, включая «Артек». Жителям тоже предлагали уехать в другие города и даже республики, но не многие соглашались. Настроение было какое-то лихорадочное, но не паническое. Мне предстояло проводить телефонизацию нового района — Чиланзар. Раньше на месте Фархадского базара были болота с камышами и колхозные поля. В районе улицы Волгоградской мы собирали картошку. А теперь, до зимы 1966 года строители из других городов построили новый современный район из пятиэтажных кирпичных домов, в одном из которых я сама получила двухкомнатную квартиру.

Нумерация кварталов и домов на Чиланзаре такая беспорядочная потому, что она давалась в порядке сдачи в эксплуатацию. Магазины и кафе назывались в честь строителей. До сих пор здесь ориентируются по их бывшим названиям — «Башкирия», «Донецк», «Киевлянка», «Кафе Москва». Для того времени район был шикарным. В каждом дворе были детские площадки с песочницами и качелями, бассейны с водой. Деревья жильцы сажали сами...».

А вот еще одно воспоминание — безымянного автора, текст которого я обнаружил в Интернете: «Жили после землетрясения мы все на улице, вынесли кровати, кто-то палатку. Все три дома спали, ели, грудью кормили — 24 часа на улице! Пацанам раздолье...

Школа, какая там школа! Так — пришли — ушли! Все-таки дети жестоки... Вспоминаю сейчас, даже самому стыдно... Завязали мы ниткой люстры, и в самый критический момент на уроке начинали их раскачивать... Шум, крики — землетрясение! — все бегом из класса, за нами из соседнего. Так вся школа на улице и оказывалась... Нам дуракам казалось, что смешно, ну очень...

Помню по улицам ходили солдаты с автоматами. Не знаю, может и правда, говорят был приказ — мародеров на месте расстреливать. Как ни странно, ни одного убийства, ни одной кражи, вообще НИ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ в это время совершено не было! Хотел бы я посмотреть, что было бы сегодня! А тогда — все чувствовали себя братьями. Нет, не по несчастью, а по крови...».

Об этом же слова других очевидцев землетрясения.

В. Ивонин: «На нынешнем «Бродвее» (ташкентский «Арбат») стояли двухэтажные магазины, витрины все были разбиты. Но никакого воровства или мародерства не наблюдалось...».

У. Сарсенбаев: «Стали прибывать строители со всего Союза. Прямо вдоль улиц складировались стройматериалы. Я тогда работал на стройке бригадиром. И что характерно, лес самых разных сортов практически не охранялся. Никто даже не пытался воровать стройматериалы. Было общее осознание беды...».

Тем временем в город каждый день прибывают строительные отряды из всех союзных республик. Было развернуто более тысячи палаток, открыты около 600 временных магазинов и предприятий общественного питания. Более 15 тысяч семей в организованном порядке и с их согласия были переселены в другие города как в Узбекистане, так и в других республиках. Дети из Ташкента, кроме «Артека» (самого привилегированного лагеря в СССР), отдыхали в пионерских лагерях 94 областей СССР. Так, 12 июня в Киев самолетами были отправлены 395 детей, 15 июня в город Баку — 244 ребенка, 21 и 22 июня — по 240 детей, 4 июля в Одессу — 349 детей, и т. д. Всего в то лето 1966-го в различных лагерях отдохнуло более 23 тысяч детей из Узбекистана.

Рашидов, как и другие руководители республики, постоянно держали руку на пульсе строительных работ: они часто приезжали на стройки, лично решая все самые оперативные вопросы. Вообще землетрясение 66-го оказалось той самой лакмусовой бумажкой, благодаря которой стало ясно, что в республике имеется грамотное и энергичное руководство, которое в форс-мажорных обстоятельствах умеет собрать свою волю в кулак и выдать «на гора» отличный результат. Взять хотя бы действия руководства Среднеазиатской железной дороги. Вот как это описывал известный журналист-известинец Аркадий Сахнин:

«Как же избежать хаоса на узле, переработать немыслимый поток поездов и не закупорить Среднеазиатские республики?

Проблемой ташкентского железнодорожного узла занимались Центральный Комитет и правительство, руководители Узбекистана, министр путей сообщения.

Не было на ташкентском узле хаоса. Ни один поезд, шедший в Среднеазиатские республики, не был задержан. Ни одна строительная армия пятнадцати республик не могла бы предъявить претензии дороге. В восстановлении жилого фонда ташкентские железнодорожники перекрыли мыслимые нормы, оставив позади все строительные организации города.

Это результат талантливо проведенной организационной работы, смелого решения сложных инженерных проблем, большого напряжения духовных и физических сил рядовых железнодорожников.

В момент тяжелого испытания управление Среднеазиатской железной дороги оказалось боевым, подвижным, инициативным органом, способным решать сложные вопросы государственного масштаба. Внешне управление дороги похоже на штаб, ведущий сражение. Израненное, с десятками кабинетов, готовых рухнуть, откуда переселились люди в вестибюли и коридоры нижних этажей вместе со своими столами, шкафами, телефонами, селекторами, это здание с глубокими трещинами и есть боевой штаб дороги и ее стотысячного коллектива, которым двадцать лет руководит человек большой души, образованный, одаренный и удивительный, член ЦК Узбекской компартии Азис Мовлиянович Кадыров. Говорит он медленно и тихо, слова его весомы и убедительны. За двадцать лет никто не знает случая, чтобы он повысил голос. И это спокойствие, уравновешенность даже в самые острые моменты передаются окружающим.

За последние годы в управлении дороги не объявлено ни одного взыскания. Но сотни людей премированы и получили благодарности, ибо в эти же годы Среднеазиатская неизменно занимала первое и ли одно из первых мест в сети дорог СССР.

Партийный комитет дороги не разобрал ни одного персонального дела, потому что их нет. По тем же причинам бездействовал товарищеский суд. Не только в управлении, но и во всем стотысячном коллективе дороги искоренено пьянство и выпивки. Это было сделано несколько лет назад решительно и мудро. Операция, хотя и рассчитанная не на один месяц, но все-таки на короткий срок, многим казалась рискованной. Ее провели блестяще. Кадыров сказал: «Выпивка одного машиниста, диспетче-

ра, стрелочника, любого человека, связанного с движением поездов, может стоить жизни сотням. Чтобы предотвратить это, мы вправе идти на любые меры».

Начал действовать неизданный суровый закон: увольнять каждого, кто явится на работу выпивши или после вчерашней выпивки. Если человек выпил вчера, сегодня он не работник. От него исходит угроза безопасности движения. Перед каждой поездкой с машинистами, помощниками, кондукторами одну-две минуты разговаривал нарядчик. Малейшего запаха спиртного было достаточно, чтобы отстранить их от работы. Так же поступали с работниками других профессий, будь то слесарь — «золотые руки» или «незаменимый» бригадир. Так с болью поступали и тогда, когда попадал впросак и человек в принципе непьющий. Так поступали и в случаях, когда отстранение от работы грозило срывом графика движения поездов, выполнению плана или любыми неприятностями...

Вся жизнь и работа ташкентских железнодорожников свидетельствовали: если грянет беда, они будут стойки, мужественны, и на каждого можно будет положиться. Апрель 66-го это наглядно продемонстрировал.

После землетрясения нагрузка увеличилась в несколько раз. Из ста двадцати тысяч квадратных метров жилой площади железнодорожников, разбросанной по всему городу, пострадало восемьдесят тысяч. Кроме того, пострадали управление Среднеазиатской дороги, эксплуатационное отделение, станционные, вокзальные здания, к которым подведены сложные подземные и воздушные коммуникации, железнодорожные больницы, учебные заведения, детские учреждения. Все это требовало немедленного восстановления. Именно немедленного, ибо без связи, централизованного управления стрелками, которым оснащен Ташкент, диспетчерской и других служб движение поездов немыслимо. Столь же немедленно требовалось создать условия для отдыха тем, кто лишился крова, а это семьсот пятьдесят семей. Значит, ташкентским железнодорожникам, кроме основной работы, пришлось взять на себя огромное скоростное строительство, площадкой которого являлся весь город от края и до края.

Но и это не все. Пятнадцать советских республик, Москва, Ленинград и другие города поспешили на помощь столице Узбекистана. На заводах и фабриках страны заказы для нее выполнялись вне очереди, грузились вне очереди, поезда пропускались на правах пассажирских. Огромные потоки рабочих, студентов, проектировщиков, различного рода специалистов устремились на помощь пострадавшим. Строительные материалы, механизмы, машины, оборудование — и все это в одну точку, в Ташкент...».

Да, Ташкент восстанавливала вся страна. Например, власти Москвы приняли специальное постановление, где ставилась цель силами Главмосстроя возвести в столице Узбекистана 230 тысяч квадратных метров жилой площади, из них в 1966 году — 50 тысяч, в 1967 — 180 тысяч. Также москвичи брали на себя обязательство построить в Ташкенте комплекс зданий культурно-бытового назначения. Все строительство должно было осуществляться в счет программы Главмосстроя и за счет капитальных вложений Московского горисполкома и других застройщиков Москвы (общая стоимость — 56 миллионов 100 тысяч рублей).

Между тем похожие обязательства брали на себя и другие регионы. Так, РСФСР обязалась построить в Ташкенте 330 тысяч квадратных метров жилья (отметим, что в денежном исчислении Российская Федерация истратит средств на восстановление Ташкента больше всех регионов: 174 миллиона 700 тысяч рублей на строительные работы и 1 миллион 106 тысяч рублей перечислит в Фонд помощи), Украина — 160 тысяч (общая стоимость работ — 41 миллион 400 тысяч рулей, в Фонд помощи перечислено — 114 миллионов 400 тысяч рублей), Ленинград — 100 тысяч (общая стоимость работ — 23 миллиона 100 тысяч рублей), Азербайджан — 35 тысяч (общая стоимость работ — 4 миллиона 400 тысяч рублей, в Фонд помощи — 5 миллионов 600 тысяч рублей), Казахстан — 28 тысяч (общая стоимость работ — 3 миллиона 700 тысяч рублей, в Фонд помощи — 364 тысячи 300 рублей), Грузия — 25,5 тысяч (общая стоимость работ — 4 миллиона 400 тысяч рублей, в Фонд помощи — 4 тысячи 200 рублей), Белоруссия — 25 тысяч (общая стоимость работ — 4 миллиона 500 тысяч рублей, в Фонд помощи — 4 тысячи рублей), Литва — 20 тысяч (общая стоимость работ — 1 миллион 700 тысяч рублей, в Фонд помощи — 7 тысяч 700 рублей), Армения — 15 тысяч (общая стоимость работ — 900 тысяч рублей), Киргизия — 11,5 тысяч (общая стоимость работ — 1 миллион 800 тысяч, в Фонд помощи — 98 тысяч 800 рублей), Туркмения — 9 тысяч (общая стоимость работ — 1 миллион 400 тысяч рублей, в Фонд помощи — 63 тысячи 300 рублей), Таджикистан — 8 тысяч (общая стоимость работ — 1 миллион 500 тысяч рублей, в Фонд помощи — 117 тысяч рублей), Латвия — 7,5 тысяч (общая стоимость работ — 1 миллион 300 тысяч рублей, в Фонд помощи — 21 тысяча 600 рублей), Молдавия — 6 тысяч (общая стоимость работ — 800 тысяч рублей, в Фонд помощи — 29 тысяч 200 рублей), Эсто-

ния — 5,4 тысячи (общая стоимость работ — 800 тысяч, в Фонд помощи — 4 тысячи 500 рублей).

Также был создан фонд помощи, куда перечислялись личные и коллективные средства граждан. Министерству финансов республики и Узбекской республиканской конторе Госбанка было поручено организовать своевременный прием средств в помощь Ташкенту, а Ташгорисполкому — обеспечить использование этих средств на затраты, связанные с ликвидацией последствий землетрясения. Поступавшие средства зачислялись на счет №170064. Всего на этот счет поступит более 10 миллионов рублей. Из этих денег более 5,5 миллионов рублей было распределено райисполкомами на ремонт индивидуальных жилых домов. Это помогло уже к наступлению холодов переселить многие семьи из палаток в отремонтированные квартиры. Около 1 миллиона рублей было направлено на материальную помощь особо нуждающимся. Другая часть денег ушла на организацию бесплатного питания на детских площадках в городе и пионерских лагерях, на перевозку детей в лагеря и за пределы республики.

Как уже отмечали многие очевидцы тех дней, в Ташкенте тогда не было ни мародерства, ни краж, ни более тяжких преступлений. Казалось, даже преступники прониклись всеобщим порывом и на время забыли о своем ремесле. Хотя, конечно, люди, которые пытались нажиться на всеобщем несчастье, тогда все же находились. Об одном из таких случаев рассказала газета «Ташкентская правда» от 3 июня 1966 года. Речь в заметке шла о «черных маклерах» — торговцах квартирами в Чиланзарском районе.

Все началось с того, что там начали прокладывать новый водовод (еще до землетрясения) и некоторые дома подлежали сносу. Списки людей составляли работники «Водоканала». Именно туда однажды и пришел начальник спортивно-технического клуба Б. Тарновский, который заявил составителям списка: дескать, у вас же в руках — золотая жила. И предложил следующую комбинацию: он находит людей, желающих жить в благоустроенных квартирах, а работники «Водоканала» включают их в список очередников и получают за это денежный куш.

Афера вскрылась спустя несколько недель. В итоге все ее участники получили по заслугам: продавцы квартир получили тюремные сроки, а незаконные квартиранты были выселены из новых квартир. В конце заметки ее автор Г. Бухаров подводил итог этой истории: «Ташкент переживает тяжелые дни. Стихийное бедствие лишило многих крова. Сейчас, как никогда, при распределении жилплощади необходимо взвешивать все «за» и «против». Любителям погреть руки на народном горе не должно быть пощады».

О том, в каком режиме в те дни работала ташкентская милиция, рассказывается в книге «Советская милиция. История и современность». Приведу эти строки:

«В 1966 году во время землетрясения в Ташкенте нелегкую вахту самоотверженно несли работники органов внутренних дел. Они делали все возможное и даже невозможное. Милиция, образно говоря, держала руку на пульсе города. Люди в милицейских шинелях спасали людей, тушили пожары, устраняли завалы, утечку газа, откачивали воду из затопленных помещений, организовывали движение транспорта и т. п.

На улицах в патрулировании участвовало около 2 тысяч милиционеров, курсантов школы милиции, солдат, общественников. Они зорко следили за порядком, особенно в палаточных городках. Специальные оперативные группы принимали меры по охране ценностей, строительных материалов, продовольственных и промышленных товаров. В городе был обеспечен образцовый порядок.

Сотрудники милиции показывали пример выполнения служебных обязанностей. Дежурный по городу коммунист Х. Пулатов едва успел после первого толчка отправить в район разрушений дежурный наряд, как в помещении обрушился потолок. Пулатов выбрался из-под развалин и продолжал нести службу. Отвагу и мужество проявили при спасении людей офицеры Шарахмедов и Шахайдаров, сержант Рихматов и многие другие работники милиции. За самоотверженную службу 49 особо отличившихся работников милиции были награждены медалями «За отличную службу по охране общественного порядка»...».

И вновь обратимся к воспоминаниям свидетелей ташкентского землетрясения.

Вспоминает У. Сарсенбаев: «Было очень тяжело. Но мы видели, что не менее тяжело тем, кто приехал нам помогать в восстановлении Ташкента. Ведь толчки не прекращались. Солдаты ставили из деревьев и брусчатки временные дома. В них жили строители и другие специалисты. Один такой район из временных жилищ назвали «Спутник». Временные жилища и бараки были построены для нескольких сот тысяч людей.

Рабочие и инженеры приезжали из самых разных краев: Севастополя, Ленинграда, Прибалтики и Кавказа, Казахстана, Белоруссии. Кто-то жил в палатках, благо погода была теплая. Будто какие-то внешние силы повлияли — совершенно не было дождей.

Ташкент восстановили достаточно быстро. И что характерно, изменился не только город, изменилось мышление людей. Тысячи

жителей частного сектора — «махаллинцы» — переехали в многоэтажные дома. Некоторые просили поселить их в одном доме со своими соседями. И даже сейчас многие из них живут дружно и содержат подъезды и дворы в образцовом порядке...».

Как уже отмечалось выше, несмотря на постигшее город стихийное бедствие, жизнь в нем не остановилась: бесперебойно работали коммунальные службы, медицинские учреждения, вузы и школы, концертные залы, кинотеатры и т. д. На стадине «Пахтакор» проходили игры регулярного чемпионата страны, который начался за две недели до землетрясения — 10 апреля. В этом чемпионате ташкентский «Пахтакор» в итоге завоюет 9-е место (из 19-ти команд). Тренером команды тогда был знаменитый динамовец Михаил Якушин, который о своем пребывании в Ташкенте оставил следующие воспоминания:

«Хотя в столице Грузии ко мне тоже относились хорошо (Якушин возглавлял тбилисское «Динамо» дважды: в 1950—1953 и 1962—1964 годах. — *Ф. Р.*), все же с большей теплотой я вспоминаю о Ташкенте, который полюбил. Пожалуй, нигде мне не работалось так хорошо, как с «Пахтакором»...».

Об этом же и слова известного киноактера Родиона Нахапетова, который тем летом снимался в Узбекистане в фильме «Нежность»:

«Еще во ВГИКе я подружился с режиссером Эльером Ишмухамедовым. Вместе с ним мы работали над инсценировкой рассказа Чехова «На пути». Роль неудачника, желающего произвести на женщину сильное впечатление, стала одной из моих дипломных работ.

У нас с Эльером было общее увлечение — фильмы Феллини. Я даже в шутку прозвал Эльера «Эльерини».

И вот дружба, начатая в стенах института, переросла в творческий союз. Эльер пригласил меня сняться в роли Тимура в фильме «Нежность». Мне понравился сценарий Одельши Агишева — свежий, трогательный, нежный, как и рассказ Барбюса «Нежность», использованный в одной из сцен фильма.

Никогда не забуду открытие для себя республики Узбекистан. Уникальная средневековая архитектура, добродушие людей, жаркое солнце, плов и зеленый чай до сих пор вызывают у меня ностальгические чувства. Но более всего мне памятна атмосфера съемок.

Я читал когда-то, что Жанна Моро была недовольна съемками у Антониони (в фильме «Ночь»). Постоянное напряжение, идущее

от режиссера, сковывало ее инициативу и утомляло. «То ли дело съемки у Трюффо! — вздыхала она, вспоминая «Жюль и Джим». — Все было так легко, так непринужденно, по-дружески!».

«Нежность» для меня была то же, что «Жюль и Джим» для Жанны Моро, — не столько работа, сколько сама жизнь. По-дружески легко и непринужденно снимался и наш скромный узбекский фильм. Все мы были практически неразлучны, поэтому случайно оброненное слово, жест или наблюдение наматывались на ус, перемалывались в общей творческой лаборатории и находили свое место в фильме. Единение было полное, и свобода — исключительная. Никогда больше у меня не было такой беспечной и такой стимулирующей творчество жизни, как в тот год — год благословенной «Нежности»!..».

Отмечу, что фильм «Нежность» войдет в золотой фонд не только узбекского, но и советского кинематографа. В 1967 году он завоюет специальный диплом IV Недели азиатского фильма во Франкфурте-на-Майне. Но это будет через год, а пока другие узбекские фильмы покоряют сердца многомиллионной аудитории. Так, весной 1966 года лента Латифа Файзиева «Звезда Улугбека» была удостоена 2-й премии на Всесоюзном кинофестивале в Киеве (вместе с туркменским фильмом «Решающий шаг»).

Летом того же года очередную победу узбекскому (а также и советскому) искусству принес на международной сцене певец Батыр Закиров: он выступил с концертом в одном из самых престижных залов Европы — парижской «Олимпии». Мы расстались с Закировым в конце 50-х, когда его певческая слава только-только брала свой разбег. Спустя десятилетие это имя было известно уже миллионам слушателей. Грампластинки с песнями Закирова сметались с прилавков как горячие пирожки, он был частым гостем на телевизионных экранах. Особенно популярны в его исполнении две песни: «Хабиба» и «Девушка и кувшин». Были пластинки с этими песнями и в моей коллекции, причем относились они к числу самых часто слушаемых. Вот как описывает свои впечатления от этих песен уже известный нам музыковед И. Волков:

«Песня Т. Бабаева на стихи Ю. Энтина «Девушка и кувшин» написана в стиле «ориент-рок». Оказалось, что Батыр Закиров прекрасно чувствует себя и в такого рода песнях. Причем он не только выдерживает их стилистику и ритмику, но вносит свои индивидуальные особенности исполнения — открытость, характерность, изобразительную конкретность, персонифицированность лирического героя...

Спустилась ты с крутых вершин.
Ты на плече несла кувшин,
А в нем шербет, как мед, густой.
И вдруг кувшин на мостовой!
Ой-ой-ой-ой!

С каким азартом, удалью это поется! Будто воочию видишь веселого горского парня и робкую испуганную красавицу. А лукавые, игривые подголоски Луизы Закировой (сестра Батыра. — *Ф. Р.*) как бы заключают эту забавную картинку в рамку улыбчивого восточного орнамента. Песня получилась очень удачной...».

Отметим, что репертуар у Закирова был поистине интернациональный. В нем были не только узбекские и русские песни, но также азербайджанские, иранские, афганские, турецкие, индийские, греческие, итальянские, испанские, французские и др. Причем все на языке оригинала. Помимо этого у себя в Узбекистана Закиров был известен еще и как талантливый писатель: его рассказы и очерки периодически публиковались в разных журналах. Кроме этого, его перу принадлежали переводы на узбекский язык «Маленького принца» Антуана Сент-Экзюпери и «Тени» Евгения Шварца. Плюс Закиров всерьез увлекался живописью (в юности он даже стоял перед выбором куда пойти: в певцы или художники).

Большую роль в многонациональной советской культуре продолжает играть узбекская литература. Например, одним из самых популярных толстых журналов советской интеллигенции является «Звезда Востока», выходящий в Ташкенте. По этому поводу приведу слова писателя А. Устименко:

«Узбекская литература тогда была отнюдь не провинциальной. Провинциальными в то время оказывались не могущие позволить себе никакой литературной вольности те же московские журналы. А «Звезда Востока» позволяла. Большой шум в стране вызвал один из наиболее интересных номеров журнала, вышедших после трагического ташкентского землетрясения 1966 года.

В тот год очень многие известные прозаики и поэты решили передать свои произведения для публикации на страницах очередного номера «Звезды Востока», гонорар же от публикаций перечислить в фонд восстановления Ташкента. Так и поступили.

Номер получился очень интересным. Его невозможно было достать. Ведь на его страницах оказались не только литературные работы полуопальных тогда Вознесенского, Ахмадулиной, Евтушенко и т.д., но (после долгих-долгих лет замалчивания!) появились и произведения Михаила Булгакова, и Осипа Мандельштама, и Исаака Бабеля...

Среди постоянных авторов журнала того времени были: писательница Татьяна Сергеевна Есенина, дочь поэта, А. Вулис — литературовед, предпринявший первую попытку вызволения из небытия романа «Мастер и Маргарита»...».

Отметим следующий любопытный факт. Когда в том году Рашидов по делам службы приехал в Москву, ряд известных литераторов, которые с ним дружили, попросили его в следующий приезд привезти им тот самый раритетный номер «Звезды Востока», поскольку в Москве его, дескать, не достать.

Между тем в Узбекистане продолжает жить и работать еще один известный деятель советской литературы — писатель Валентин Овечкин. Как мы помним, он приехал туда весной 1963 года и был тепло принят местными властями: ему с супругой выделили отдельную квартиру в Ташкенте. Правда, уже очень скоро Овечкин затосковал по России, что наглядно подтверждают его письма коллегам по перу. Особенно сильно эта тяга проснулась в нем после октября 64-го, когда в Москве отправили в отставку его гонителя Н. Хрущева. Так, в письме А. Твардовскому, написанному в том же октябре, Овечкин писал следующее:

«Вот сейчас мне очень захотелось вернуться в Россию из своей добровольной ташкентской ссылки. Но практически это трудно осуществимо. А жить здесь вообще-то стало невмоготу. Не подумай, что по каким-то особенным причинам, нет, относятся ко мне здесь хорошо, просто потому что — не Россия, не родное, с которым был связан всю жизнь. Я даже не предполагал, что я до такой степени русский человек. Сейчас просто какая-то окопная тоска по родным краям, как на фронте было. Вероятно, и возраст имеет значение. Старое дерево в новую почву пересаживать нельзя. Не по-научному я с собою поступил...».

В другом своем письме Твардовскому (от января 1965-го) Овечкин писал следующее: «Когда я тебе написал, что с удовольствием уехал бы отсюда, это просто вырвался стон души. Никаких конкретных планов переезда у меня нет. В Москву? Ни в коем случае! О Москве и речи нет. Я подумывал о России, о каком-нибудь областном или даже не областном городе, но чтоб было свое, русское, родное. Только не в Москву. Туда меня не тянет. Но и для такого переезда, не в Москву, никаких реальных возможностей у меня нет, главная причина — денег нет...».

Как мы помним, Рашидов хорошо относился к Овечкину и всячески содействовал тому, чтобы писатель чувствовал себя в

Узбекистане комфортно. Но в то же время он прекрасно знал и о том, что Овечкин скучает по России, поскольку тот не скрывал своей тоски от него. Поэтому, если бы Овечкин изъявил желание уехать, Рашидов не стал бы его отговаривать. Более того, когда он узнал, что писатель нуждается в деньгах, то немедленно отреагировал на это: дал указание выпустить в издательстве «Ташкент» несколько томов «Избранного» В. Овечкина, которые затем были благожелательно отрецензированы в журнале «Звезда Востока». Но даже после получения неплохого гонорара Овечкин не покинул Узбекистан, поскольку внезапно (судя по всему, опять не без участия Рашидова) нашел для себя стоящее дело — задумал написать книгу о колхозе «Политотдел».

Это хозяйство, которое находилось в 20 км от Ташкента (в Верхнечирчикском районе Ташкентской области) считалось одним из старейших в Узбекистане — оно было создано в 1925 году. Колхоз специализировался на выращивании хлопка и кенафа и был одним из передовых не только у себя в республике, но и вообще в стране. И это отнюдь не преувеличение. Вот как об этом хозяйстве рассказывал сам В. Овечкин (в письме Г. Фишу, написанному за день до ташкентского землетрясения — 25 апреля 1966 года):

«Насчет моего переезда в Подмосковье. Туманное дело... Задержит меня в Ташкенте еще и то обстоятельство, что я приступаю к написанию книги о колхозе «Политотдел» и его людях, его председателе Хване (колхозом руководил кореец Хван Ман Гам. — *Ф. Р.*). Лучшего колхоза и лучшего председателя я в своей жизни не видел (отметим, что Овечкин за долгие годы своей журналистской работы воочию повидал не одну сотню колхозов как во многих советских республиках, так и в соцстранах. — *Ф. Р.*). Это был корейский колхоз (переселенцы с Дальнего Востока), но сейчас там много и узбеков, и русских, и казахов, в общем, колхоз интернациональный (какой была в свое время сельская коммуна «Сеятель», помнишь?). Очень у меня разгорелся зуб на эту книгу. Хван часто приезжает ко мне, и я бывал у него в колхозе много раз. Книга об этом колхозе, как она обдумалась у меня, дает возможность тесного и органического переплетения с моими личными воспоминаниями — о коммуне, о первых годах сплошной коллективизации, о 1932—1933 гг. на Кубани, о колхозах, которые я повидал за границей, в социалистических странах...

Я, поразмыслив, считаю просто гражданским долгом своим написать об этом колхозе — для всей страны. Чтобы все узнали, деревенские люди в первую очередь, какой может быть колхозная жизнь у нас. «Политотдел» — это уже настоящий сельскохозяйственный город. Это еще даже слабо сказано. Далеко не в каждом рабочем поселке или городе найдешь такой материальный уровень, культуру быта и производства, такую жизнь, как в этом колхозе. И такими могут, должны стать все колхозы!

Никогда не писал документальных вещей, но пришло время попробовать силы в этом жанре. Для убедительности, для достоверности думаю богато снабдить книгу фото. Писатель может соврать, увлечься, приукрасить, а вот фото — не врет. Вот, это документы, смотрите — какие в «Политотделе» дома, стадионы, сады, гаражи, ремонтные мастерские, Дворец культуры, Дом бракосочетаний, дороги, поля, стада, гостиницы, полевые дома отдыха, школы, больницы и пр. Надо сделать книгу предельно убедительной, лупить читателя по башке всем: и текстом, и фотографиями, и цифрами. Тот случай, когда автору цифр бояться не придется. Ведь цифры в «Политотделе» потрясающие. Например, доход колхоза за прошлый год составил 80 миллионов в старых деньгах!..».

В сентябре, уже в письме А. Твардовскому, Овечкин так писал о том же колхозе: «Рассказ о «Политотделе» переплетается с моими воспоминаниями о нашей коммуне, где я председательствовал, о первых шагах колхозного движения. Я чувствую возможность все это очень органично соединить, слить. Именно слить, а не склеить. Тема просторная, о многом можно высказаться! Наблюдая сегодня «Политотдел» (по моему убеждению — лучший колхоз в Советском Союзе), и бешено радуешься торжеству идеи коллективизации, и бешено злишься — почему не везде так? Ведь это же доступно всем!

Это все сделано, нажито своими руками, собственным горбом, на совершенно бесплодной (до колхоза) земле, на болотах, которые, прежде чем превратить их в орошаемые поля, сначала пришлось осушить. Колхоз «Политотдел» — этот тот идеал, который мерещится нам, первым голодным комунарам в Приазовье, когда мы зачинали свою нищую (в то время) коммуну. И я думаю, что, если бы не ударился в эту дурацкую литературу, и вернулся в свою бывшую коммуну (сейчас — колхоз) хотя бы сразу после войны, и меня избрали бы там опять председателем, — и наш колхоз сейчас ничем не уступал бы «Политотделу». Не пришлось бы ехать за тридевять земель любоваться этим красавцем колхозом — у себя дома достигли бы такого же идеала...».

Увы, но книгу о легендарном колхозе Овечкину написать так и не удастся. Он еще застанет награждение «Полиотдела» орде-

ном Трудового Красного Знамени (в 1967 году), а в конце января следующего года скончается от очередного инфаркта. Организацию похорон писателя возьмут на себя власти Узбекистана. Выйдет постановление ЦК и СМ об увековечении памяти В. Овечкина, после которого на его могиле в Ташкенте появится памятник. Вдове покойного узбекистанские власти установят пожизненную пенсию, помогут разменять квартиру. В Узбекистане будет издан посмертный сборник работ В. Овечкина «Жизнь продолжается», предисловие к которому напишет Ш. Рашидов.

Глава 20

ДВА ЗОЛОТА УЗБЕКИСТАНА

Как уже отмечалось, придя к власти Брежнев оставил на своих местах практически всех первых руководителей союзных республик. Единственными исключениями стали четыре республики: Казахстан (в ноябре 64-го 1-м секретарем ЦК там стал друг Брежнева Динмухамед Кунаев), Белоруссия (в марте 65-го к руководству пришел Петр Машеров), Армения (в марте 66-го к власти был приведен Антон Кочинян), Латвия (в апреле 66-го 1-м секретарем ЦК там стал Август Восс). Эти единичные перестановки, растянутые во времени (в течение полутора лет), не оставляли впечатления кампании и вполне удовлетворяли высшую элиту, которая для того и приводила к власти покладистого Брежнева, чтобы он принес в «верха» долгожданную стабильность, нарушенную Хрущевым. Вот почему в 1967 году провалилась попытка «радикалов» сместить Брежнева от власти и встать у руля государства самим — подавляющая часть элиты этого не захотела.

В числе «заговорщиков» оказалась большая группа так называемых «комсомольцев» — бывших руководящих деятелей ВЛКСМ, которых привел во власть лично Хрущев. Среди этих деятелей главную роль играли: Александр Шелепин (в 1952—1958 годах — 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1958—1961 — председатель КГБ, с октября 1961 — секретарь ЦК КПСС, член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС с ноября 1964 года), Владимир Семичастный (в 1958—1959 годах — 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, с ноября 1961 — председатель КГБ СССР, член ЦК КПСС с ноября 1964 года), Николай Месяцев (в 1946-1959 годах — в аппарате ЦК ВЛКСМ, с октября 1964 — председатель Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, кандидат в члены

ЦК КПСС с апреля 1966 года), Николай Егорычев (в 1960-1961 годах — в аппарате ЦК КПСС, с ноября 1962 — 1-й секретарь Московского горкома КПСС, член ЦК КПСС с 1961 года), Сергей Павлов (в 1959—1968 годах — 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК КПСС с 1961).

Вспоминает Л. Замятин (с 1946 года — на ответственной и руководящей работе в МИД СССР): «Я один раз читал тетрадку, какие КГБ рассылал. В ней запись разговора комсомольских работников в гостинице. Они, видно, в баньке мылись и заодно обсуждали текущую политику, всем характеристики давали. Эту запись со вниманием читали и выводы делали...».

У «комсомольцев» было достаточно сторонников в аппарате ЦК КПСС и даже в Политбюро (например, 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР Дмитрий Полянский), однако Брежнев оказался хитрее и опытнее всех этих людей. Придя к власти как временная фигура, разыгрывая из себя достаточно покладистого функционера, он в итоге сумел переиграть всех своих оппонентов, нанеся по каждому из них точечные удары, которые лишили их влияния в «верхах», а значит, и возможности угрожать его власти. Победить Брежневу помогло и то, что у «комсомольцев» были слишком радикальные идеи касательно привилегий партаппарата, которые попросту напугали последний. Например, Шелепин, когда стал членом Политбюро, отказался от охраны и призвал других своих коллег по высшему ареопагу последовать его примеру. По его мнению, охрану надо было оставить только у трех человек: Генерального секретаря, председателя Президиума Верховного Совета и главы правительства.

Кроме этого, Шелепин предлагал урезать средства на оплату бытовых проблем номенклатуры (и, подавая пример другим, оплатил из собственного кармана ремонт в своей квартире, хотя мог это сделать на государственные средства), прекратить практику ношения портретов членов Политбюро на праздничных демонстрациях и т. д. Все эти предложения по сути давно назрели (вспомним, слова Че Гевары и китайских руководителей о советской номенклатуре), однако должного отклика в «верхах» не нашли. Брежнев это чутко уловил и решил использовать недовольство номенклатуры в своей борьбе против «комсомольцев».

В мае 1967 года со своего поста слетел первый «комсомолец» — Владимир Семичастный, которого в кресле председателя КГБ сменил Юрий Андропов (Семичастного отправили подальше от Москвы, на Украину, где назначили 1-м заместителем председателя Совета Министров). Месяц спустя дошла очередь до

главы Московского горкома КПСС Николая Егорычева, который уступил свое кресло Виктору Гришину. В сентябре был устранен от верховной власти Александр Шелепин: его хоть и оставили в составе Политбюро, но освободили от обязанностей секретаря ЦК и назначили на малозначащий пост председателя советских профсоюзов.

Кроме этого происходили «зачистки» и на нижних этажах власти, где сторонники «комсомольцев» заменялись брежневскими выдвиженцами. Среди последних наиболее значительную роль играли «днепропетровцы», далее шли «молдоване» и «казахи» (в Днепропетровской области Брежнев родился и трудился на партработе до 1950 года, в Молдавии был 1-м секретарем ЦК в 1950—1952 годах, в Казахстане верховодил в 1954—1956 годах). Например, в «днепропетровский» клан входили: Георгий Цуканов (помощник Брежнева с 1958 года), Игнатий Новиков (заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госстроя СССР с 1962), Николай Тихонов (заместитель председателя Совета Министров СССР с сентября 1965), Георгий Павлов (управляющий делами ЦК КПСС с декабря 1965), Константин Грушевой (член военного совета Московского военного округа с декабря 1965), Николай Щелоков (министр внутренних дел СССР с апреля 1966), Георгий Цинев (1-й заместитель председателя КГБ СССР с мая 1967) и др.

Естественно, что эти брежневские предпочтения не были тайной за семью печатями для всего партаппарата страны. Не случайно даже в Ташкенте партийные функционеры шутили, что история России делится на три периода — допетровский, петровский и днепропетровский.

Между тем одним из близких соратников Брежнева из казахстанского клана был Динмухамед Кунаев, которого генсек в апреле 1966 года сделал кандидатом в члены Политбюро. Учитывая, что Казахстан считался одним из стратегических конкурентов Узбекистана на советском пространстве, можно себе представить чувства Рашидова после этого назначения — оно его явно не обрадовало. Ведь теперь Кунаев становился еще ближе к Брежневу, а значит мог влиять на него в своих притязаниях за лидерство в среднеазиатском регионе. И если совсем недавно, при Хрущеве, это стоило Кунаеву руководящего поста (как мы помним, в 1962 году он был удален от руководства республикой после того, как воспротивился передаче Узбекистану двух сельскохозяйственных районов Чимкентской области), то теперь, став кандидатом в члены Политбюро и приближенным к Брежневу человеком, Кунаев резко набрал политический вес. По этому поводу вспоминается следующая история.

Во второй половине 60-х у корейцев, проживавших в Узбекистане (а их с конца 30-х там обитало 50% из числа всех корейцев СССР), возникла идея выпускать свою собственную газету. Инициатором этого выступил журналист Ки Сек Пок, который в 30-е годы вместе с Рашидовым учился в одном вузе — Самаркандском университете. Естественно, что именно к нему он и обратился с этой просьбой. Рашидов идею одобрил, заявив, что корейцы Узбекистана заслужили право иметь свою прессу. Газету решили назвать «Ленин кичи» («Ленинское знамя»).

Как и положено, об этой инициативе Рашидов доложил в Москву. Там эту идею встретили с пониманием и пообещали ее инициаторам содействие. После этого в Ташкенте были уверены, что все разрешится самым лучшим для них образом. В издательство ЦК КП Узбекистана даже завезли корейские шрифты, чтобы в скором времени начать выпуск первого номера новой газеты. Как вдруг случилось неожиданное. Москва объявила, что редакция газеты будет базироваться в столице Казахстана городе Алма-Ате, а в Ташкенте разместиться всего лишь ее корреспондентский пункт из пяти человек.

Конечно, Брежнева нельзя было назвать недоброжелателем Рашидова (каким был, к примеру, Хрущев в последние полтора года его правления), однако у узбекского лидера во второй половине 60-х не было полной гарантии, что новый генсек, по подсказке кого-то из своих приближенных, не захочет вдруг сменить его на посту хозяина республики. Взять те же показатели по сдаче хлопка государству.

С тех пор как Брежнев пришел к власти, они в Узбекистане росли достаточно медленно и понемногу, в основном из-за тяжелых погодных условий. Так, в 1965 году было сдано 3 миллиона 903 тысячи тонн «белого золота», в следующем году — на 180 тысяч тонн больше, в 67-м роста вообще почти не было, в 68-м производство составило еще меньше — 4 миллиона 10 тысяч тонн. Естественно, Москва была недовольна этими показателями, требуя от узбекского руководства кардинальных изменений с целью выправления ситуации. В итоге Рашидову пришлось обращаться за советом к ученым-агрономам. Те предложили наиболее быстрый путь — химизация. А в качестве панацеи был предложен химикат бутифос — препарат из разряда дефолиантов, который вызывал искусственное старение листьев и ускорял созревание хлопчатника и облегчал его уборку. Это гарантировало рост хлопка и, значит — экономию в миллионы рублей.

Позднее критики Рашидова будут ставить ему в упрек эту инициативу, обвиняя в истощении земли и засорении почвы. Упреки в чем-то справедливые, но явно не учитывающие реалии тех времен. Например, критики настаивают на том, что ставка на бутифос отбросила назад науку, которая могла бы разработать новые виды минеральных экологически чистых удобрений, более полезных чем бутифос. Однако кто бы предоставил Рашидову эту роскошь — возможность в течение нескольких лет искать другие средства для роста урожаев хлопка. Центр наоборот торопил его, а также другие хлопкосеющие республики, увеличивать урожай в кратчайшие сроки. Пришедшей к власти в Москве брежневской команде нужны были быстрые результаты, которые укрепили бы ее политические позиции. И если бы Рашидов не согласился дать этот быстрый результат, его бы тут же отправили в отставку, а на его место посадили бы более покладистого человека. Вот почему, когда Рашидов заикнулся о бутифосе, Брежнев тут же подхватил эту идею и распорядился начать строить в Волгограде завод по его производству. Оборудование для него закупали в Швеции и ФРГ, а технология была американская.

Поскольку рост урожаев хлопка требовал расширения площадей посевных земель и, значит, дополнительных водных ресурсов для их орошения, перед Москвой встала проблема — где эту воду взять. Ведь, например, тот же Узбекистан больше чем соседние республики Средней Азии страдал от нехватки воды, поскольку все основные реки, текущие на его территории, начинаются в Киргизии или Таджикистане. Вот тогда и была реанимирована идея столетней давности (ее разработал в 1862 году выпускник Киевского университета Я. Демченко) о переброске части стока северных рек. Согласно этой идее, можно было значительно увеличить площадь орошаемых земель в республиках Средней Азии и Казахстане (до 18 миллионов гектаров, что было больше существующего в два раза), направив туда части стока сибирских рек Иртыш, Обь и ряда других.

Отметим, что реанимация этой идеи произошла еще при Хрущеве — на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года. В Программе КПСС, принятой на этом форуме, отмечалось, что «советский человек сможет осуществить дерзновенные планы изменения течения некоторых северных рек и регулирования их вод с целью использования мощных гидроресурсов для орошения обводнением засушливых районов». Однако смещение Хрущева на время отодвинуло осуществление этого проекта и только в 1968 году к нему вернулись вновь — Пленум ЦК КПСС дал поручение Госплану, Академии наук СССР и другим организациям начать разрабатывать план перераспределения стока рек.

Узбекистан от этого плана выиграл бы больше всего, однако у проекта имелась и масса противников, засевших в различных союзных министерствах и аппарате правительства СССР. Первая очередь проекта была невыгодна и Казахстану, поскольку воду по нему для Узбекистана и Туркмении собирались брать из Иртыша — самой большой реки Казахстана. Короче, на бумаге все получалось гладко, а на деле — сплошные овраги.

Между тем, требуя от хлопкосеющих республик увеличить урожаи «белого золота», Центр покупал его по заниженным ценам. По словам С. Ризаева, в Узбекистане это выглядело следующим образом:

«Закупочные цены на хлопок-сырец, несмотря на неоднократные предложения республики пересмотреть их, привести в соответствие с трудоемкостью культуры, оставались крайне низкими. Скажем только, что на производство одной тонны хлопка-сырца затрачивалось 340 человеко-часов, в то время как по зерну этот показатель равнялся всего 12 человеко-часов. Однако реализационные цены различались лишь в пять раз. К тому же, при таком соотношении трудоемкости и цен создавалось впечатление о низкой производительности труда в хлопкосеющих республиках. А ведь зерно можно сеять весной и осенью, полностью убирать комбайнами. Над каждым же кустом хлопчатника надо работать круглосуточно, почти полгода. Надо хлопчатник полить 6—8 раз, разрыхлять почву после каждого полива, осенью и зимой промывать почву, применяя при этом массу ручного труда.

Закупочная цена на узбекский хлопок в последние годы в среднем в пять раз (в зависимости от сорта) была ниже мировых цен, если считать по официально опубликованному коммерческому курсу валют: разница так велика, словно речь идет не о соседних странах, а о разных исторических эпохах, о другой цивилизации. Правда, 1,5—2 миллиарда рублей ежегодно возвращалось в Узбекистан из союзного бюджета, но в виде дотаций, оскорбительных для народа. Цена хлопка занижалась сознательно, в самой структуре цены на хлопок (как и на другие сельхозпродукты) не было ни полной стоимости рабочей силы, ни полной стоимости потребленных природных ресурсов. То есть, изначально закладывались и бедность дехканина, и экологические беды.

Особенно сильно проявились недостатки союзной политики в социальной сфере. Отклонения и просчеты в инвестиционной политике приводили к тому, что капитальные средства вы-

делялись в основном на производственные цели, а на социальные в последнюю очередь (это потом назовут «остаточным принципом»). Недоучитывались региональные особенности. Это и высокие темпы прироста населения (втрое выше союзного уровня), и жаркий климат, и многое другое. Реальное положение среднеазиатских республик, их демографические особенности Центром недоучитывались, что приводило к уравниловке. При выделении капитальных вложений уравнивалось положение республики и не учитывалось, какое будет население через три года, через пять лет. В результате в Узбекистане социальная инфраструктура села резко отставала от города.

К примеру, за 1960—1970 годы в целом по СССР количество детей в возрасте от 1 до 7 лет уменьшилось на 7,4%, а в Узбекистане возросло в 1,5 раза. Однако темпы строительства детских дошкольных учреждений как по Узбекистану, так и по СССР были одинаковыми. В результате потребность в детских учреждениях в Узбекистане была удовлетворена в 1970 году лишь на 14 процентов. Характерным было значительное отставание жилищного строительства при сооружении новых объектов народного хозяйства...».

Можно предположить, что низкие закупочные цены на хлопок сохранялись Центром не случайно. Это могло быть вызвано тем, что Центр таким образом заставлял руководство хлопкосеющих республик, озабоченных погоней за необходимыми им денежными поступлениями, не сбавлять темпы урожайности хлопка.

Между тем, помимо «белого золота», еще одной твердой валютой для Узбекистана, способствующей укреплению его позиций в структуре Союза, являлось чистое золото. Именно при Рашидове республика в течение короткого времени создала новую для себя индустрию и буквально ворвалась в десятку золотодобывающих стран мира, построив около десятка рудников, в том числе крупнейшее в мире золотодобывающее предприятие Мурунтау с выпуском золота самой высокой пробы.

Еще в самом начале своего правления, в начале 1960-х, Рашидов нацелил республиканских геологов на поиски новых месторождений золота в Узбекистане. При этом в Москве (да и в других регионах, особенно в конкурирующих с Узбекистаном) весьма ревностно следили за этими телодвижениями Рашидова. С одной стороны, Москве было выгодно получить новые «золотые жилы», с другой — там понимали, что это золото может подогреть амбиции узбекского лидера и позволит ему проводить более независимую политику. Вот почему, когда узбекские геологи рапортовали о новых и новых находках золота в республике (в том числе и самого крупного в СССР), в Москве относились к этому скептически, а то и раздраженно. И игнорировать эту реакцию было нельзя, поскольку без согласия Центра развивать эту индустрию (как и любую другую) узбекские власти попросту не могли. О том, как протекала «золотая эпопея» Рашидова, рассказывает очевидец — А. Кахаров:

«Развитию отрасли золотодобычи Узбекистана повезло. Шараф Рашидович обладал энциклопедическими знаниями по истории золота, хранил в памяти множество народных сказаний и легенд, в том числе о древнем золоте времен каменного века, когда человек на примере случайных находок проявлял интерес к металлу солнечно яркого цвета. Более подробно он любил рассказывать об эпохах бронзы и железа периода истории, когда наши предки научились выплавлять медь, золото, серебро, бронзу, железо и изготовлять примитивные орудия труда и оружие, а также искусные украшения во времена существования государств Согдиана и Бактрия.

О добыче самородков золота в Нуратинских горах и низовьях реки Заравшан в военные и довоенные годы Шараф Рашидович рассказывал как будто сам участвовал в их разработке. Он был хорошо осведомлен и прекрасно знал дислокацию, названия и особенности месторождений золота на всей территории республики. Видавшие виды, исколесившие и истоптавшие ногами равнины и горы Узбекистана первопроходцы-геологи, занимающиеся поисками золота, поражались доскональным знаниям Шарафа Рашидовича названий малозаметных ручейков, заброшенных поселений, старых мазаров, родников, колодцев, холмов и гор.

— Обратите внимание на местечко Акчоп у подножья гор в Нуратинской долине, — рассказывал Шараф Рашидович в редкие моменты отдыха в кругу близких его духу людей. — Там местные жители добывали золото до войны и если подняться по одноименному ручью вверх по течению, вы выйдете на перевал Узунсакал и Давлятходжа с небольшим озерцом на вершине. С этой вершины перед вами откроется панорама предгорья, где некогда кипела жизнь. В ущельях Ухум добывали железо, ковали подковы и оружие. Золото мыли в речках Маджерум, Сентап, Каттаич. За поворотом Аулие Мазар вы найдете норы и глубокие пещеры, где жили и работали древние рудокопы.

У него было свое собственное видение перспективы запасов золота и о возможностях его добычи. Он имел свое собственное понимание этимологии ряда обиходных слов и он трактовал по

своему смысл звучаний: Сентап, Чармитан, Зармитан, Зарафшан, Олт-Золт-Голд, Каульды, Алтын-казган, Заркашон, Захаб и др.

Ученые, писатели, журналисты, политические деятели и коллеги, которым удавалось иметь встречи в официальной и неофициальной обстановке, в приватной беседе с Шарафом Рашидовичем восхищались его глубокими знаниями древней и новой истории, современной литературы, умению обворожительно и захватывающе вести беседу с собеседниками...

Шараф Рашидов использовал каждую возможность встречаться со специалистами по золоту из Москвы, вступал с ними в дискуссию, отстаивал свою позицию в необходимости проектирования и строительства золотодобывающих рудников и фабрик в Узбекистане. Я помню нудные переписки и переговоры с министром цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако.

Убедившись в несостоятельности Минцветмета в крупномасштабных и решительных действиях по освоению золотого месторождения Мурунтау, Шараф Рашидович осторожно стал привлекать к этой идее министра среднего машиностроения СССР Ефима Павловича Славского.

Я помню одну из первых, не совсем удачно завершившуюся, беседу Славского с Рашидовым. Шараф Рашидович начал свою беседу словами благодарности Ефиму Павловичу за преобразования в пустыне Кызылкум средствами Минсредмаша. На самом деле в конце 50-х и в начале 60-х в тяжелейших условиях силами министерства Славского было совершено чудо — построен поселок Учкудук (городом это чудо в Навоийской области станет в 1978 году. — *Ф. Р.*).

Шараф Рашидович красочно обрисовывал преобразования, происшедшие в центре безжизненной пустыни, о местах, где можно было скорее погибнуть в поисках воды, чем найти следы занесенных песком трех колодцев, и о том, как возник мираж — промышленный гигант оборонной индустрии СССР с роторными экскаваторами, шахтными копрами, с уютным озелененным поселком, соединенный со всей страной, вновь построенной трехсоткилометровой железной дорогой.

Беседа за обеденным столом проходила в умиротворенной обстановке, когда говорили о многом, в том числе о пользе зеленого чая, о первой атомной бомбе, произведенной из сырья Узбекистана и Таджикистана, о трудностях сбора хлопка, об объектах урана в Чехословакии и Германии и об интересных находках золота узбекскими геологами.

Царило полное единодушие во всем, однако на дипломатическое предложение Шарафа Рашидовича о том, что только Минсредмашу и министру, каким является Славский, по силам принять на себя заботу об освоении крупнейшего месторождения золота в мире — Мурунтау, Славский решительно отказал Рашидову словами:

— Я понимаю тебя, Шараф! Золото нужно для страны. Ой, как нужно!Но ты пойми и меня. Мы призваны защищать Родину силой оружия. Мы не должны распыляться. Ты знаешь, сегодня наше министерство чем только не занимается. Мы заготавливаем столько картошки, сколько ее выращивает вся Белоруссия. Я вынужден создавать совхозы, производить кефир, коптить копчености, строить города, магазины, овощехранилища и еще многое другое. Если дело так будет продолжаться, министерство придется переименовывать. Каждый министр должен заниматься и отвечать за свое дело. Золото — это заманчиво, но это епархия Петьки и Васьки. (В то время министром цветной металлургии был Петр Ломако, министром финансов — Василий Гарбузов.)

Шараф Рашидович спокойно выслушал министра и, улыбнувшись, предложил:

— Я хотел лишь посоветоваться с Вами прежде, чем выносить этот вопрос на обсуждение Политбюро».

После этой беседы телефон СПС (специальной правительственной связи) ЦК заработал с удвоенной энергией. Рашидов настойчиво звонил, убеждал и переубеждал ответственных работников ЦК, Госплана, Совета Министров, Государственной комиссии по запасам, Министерство геологии и многие другие инстанции...

Желание Шарафа Рашидовича ускорить сроки добычи золота сталкивались с барьерами установленных государством порядков. Будучи глубоко убежденным сторонником перспектив золотоносности центральных Кызылкумов, он инициировал идею совмещения некоторых этапов освоения месторождения Мурунтау и поручил отделу ЦК подготовить предложения о начале проектирования и строительства не дожидаясь завершения подсчета запасов этого объекта.

Заведующий отделом ЦК М. Р. Рамазанов и я оказались в гуще столкновений диаметрально противоположных мнений по этому делу. Сторонников, поддерживающих идею Рашидова, было мало. В присутствии Шарафа Рашидовича противники этой идеи высказывались в форме предостережения и робко возражали, но, выйдя из кабинета, многие с яростью высказывались об абсурдности этой идеи.

Сторонниками идеи Рашидова были: министр геологии Узбекистана Туляганов Х. Т. и его заместитель Гаркавец В. Г., академик Хамрабаев И. Х. и еще ряд лиц. Не буду приводить имена противников этой дерзкой идеи Рашидова, так как многих нет в живых, а некоторые живые получили позднее награды и пишут воспоминания о том, что эта идея принадлежит им... Но хочу привести некоторые высказывания скептиков, чтобы показать с какими трудностями мы сталкивались и для демонстрации того, что культура речи и умелое оппонирование не имеют ничего общего с хамством и невежеством:

— Рашидов взялся не за свое дело.

— Раньше за такие дела расстреливали.

— Узбеки инициируют досрочные роды.

— Мурунтау — мертворожденный ребенок.

— Мурунтау — это авантюра, а авторы — авантюристы.

— Запасов золота у узбеков нет. Все это липа!

Мы ничего не скрывали. Рамазанов докладывал все откровенно. Шараф Рашидович слушал подобные доклады опустив взор. Обычно он не комментировал подобные высказывания и не раздражался, но видно было, что переживает. Лишь однажды он сказал, что Усмана Юсупова (бывший первый секретарь ЦК Узбекистана) тоже называли авантюристом за инициативу строительства Ферганского канала. А сколько хлопка получила страна?

В итоге удалось получить согласие многих заинтересованных лиц и организаций. Исключение составили проектные институты. Проектировщики категорически отказались приступать к делу, ссылаясь на то, что они не имеют права проектировать без утвержденных запасов и принесли инструкцию в которой было ясно оговорено, что проектирование осуществляется исходя из запасов золота категорий: А, В, С1 и С2... На месторождении Мурунтау к тому времени запасы оценивались как С2. Для перевода запасов из категории С2 в более достоверные нужно было строить шахты и проходить много подземных выработок, на что потребовались бы годы.

Ситуация была тупиковая. Проектировщики, разводя руками, заявляли: не мы при думали эти порядки и не нам их отменять. А ответственность? Кто будет отвечать, если запасы не подтвердятся? Кто может взять на себя такую ответственность?

Такую ответственность взял на себя Шараф Рашидович Рашидов, который убедил первое лицо государства и получил совершенно секретное Специальное Постановление Правительства СССР, разрешающее в порядке исключения начать проектирование и строительство грандиозного объекта Мурунтау на запасах категории С2, не дожидаясь завершения геологоразведочных работ.

Строительство началось (теперь об этом можно писать открыто) силами трех подразделений МВД Узбекистана (колонии: поселения, строгого и усиленного режимов) и специализированным военностроительным полком. Небольшая группа вольнонаемного состава, в основном работники Навоийского комбината, представляли дирекцию строящегося предприятия.

Так началось строительство крупнейшего предприятия страны по золотодобыче на 5 миллионов тонн руды в год, которое было завершено успешно и досрочно в марте 1967 года...».

Глава 21

ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

В ноябре 1967 года Рашидову исполнилось 50 лет. По давно заведенной традиции Москва наградила юбиляра орденом Ленина. Правда, информация об этом потонула в том потоке сообщений, которыми в те дни была полна советская пресса — страна отмечала 50-летие Октябрьской революции. Точно так же отреагировала на рашидовский юбилей и центральная узбекистанская пресса: в газетах «Правда Востока» и «Ташкентской правде» об этом событии ничего не написали, что было вполне объяснимо: Центр, после смещения Хрущева, твердо придерживался политики не раздувать культа личности ни вокруг имени нового Генсека, ни вокруг имен республиканских лидеров.

И все же было бы неверным утверждать, что в Узбекистане совершенно не заметили юбилея Рашидова. Ведь в республике, помимо центральной прессы была еще и региональная, которая живо откликнулась на это событие. Кроме этого была издана его первая биография (правда, весьма скромная по объему), принадлежавшая перу министра культуры В. Захидова под названием «Творец прекрасного». Естественно, это был чистый панегирик, где образ Рашидова рисовался, что называется, без единого пятнышка. Точно в таком же духе были написаны и многочисленные статьи о нем, появившиеся на страницах узбекистанской печати в те дни.

Между тем отметим, что это не было узбекским ноу-хау — в таком же ключе тогда развивалась вся советская печать, которая

взяла за принцип писать больше о положительном, а отрицательные факты чаще всего старалась оставлять вне зоны своего внимания. Особенно заметным это станет с августа 1968-го — после подавления «бархатной революции» в Чехословакии, где тамошние либералы при активной помощи Запада попытались углубить хрущевские реформы и ослабить диктат Москвы. Но случилось неожиданное: мягкотелый, как многим тогда казалось, Брежнев подавил эту попытку с помощью армии. С этого момента советское руководство окончательно закрыло хрущевскую «оттепель» не только в Чехословакии, но и у себя. Инакомыслие ушло со страниц СМИ, а с диссидентами призвано было бороться созданное в структуре КГБ 5-е управление (идеологическое).

Естественно, Узбекистан не мог быть исключением в этом плане. Тамошнее инакомыслие, являющееся в основном уделом городской творческой интеллигенции, было выведено за скобки общественной жизни, хотя никаких репрессий по отношению к людям, мыслящим инако не применялось. Их просто отрезали от печатного слова, а также закрыли им доступ к ТВ и радио. Правда, все каналы перекрыть все равно не удалось: действовал, так называемый, самиздат (самодельные печатные издания, тиражируемые на печатной машинке в домашних условиях).

Из узбекских инакомыслящих наибольшим авторитетом пользовался писатель-сатирик Абдулла Каххар — человек с весьма критическим складом ума и острый на язык. С Рашидовым у него были натянутые отношения, причем тянулось это еще с конца 40-х. В те годы Каххар написал роман «Кошчинар», где речь шла о том, как батрак женится на дочери кулака и отрывается от своей среды. Эту книгу узбекистанские власти назвали идеологически вредной, обвинив в бесклассовом подходе. В московской газете «Культура и жизнь» была опубликована критическая статья об этом произведении под названием «Роман, искажающий действительность». Под статьей стояли подписи Ш. Рашидова и И. Султанова.

У Каххара были и другие зарубки на памяти в отношении Рашидова, причем более свежие. Так, в 1963 году он написал остросатирическую пьесу «Голос из гроба», где бичевал взяточничество и должностные преступления власть имущих. Однако эта пьеса продержалась в репертуарах узбекских театров всего лишь год, после чего ее запретили. Впрочем, считать, что это была собственная инициатива Рашидова по сужению критики по адресу власти было бы преувеличением. Инициатива исходила от Москвы, которая, сместив Хрущева, взяла курс на постепенное сворачивание «оттепели».

Между тем в послеоттепельное время такие люди, как Абдулла Каххар, не могли не превратиться для интеллигенции в глашатаев свободы. К их острому слову прислушивались, их высказывания ходили по рукам в рукописных списках. Например, в дни, когда вся страна (в том числе и Узбекистан) с небывалым размахом отмечала 50-летие Октября, в среде узбекских интеллигентов в ходу были следующие строки, написанные им:

«Мы все тут считаем себя великими, но мы «великие» пока на уровне своей махалли. Чтобы стать действительно великим, надо учиться и трудиться, а не бахвалиться. Данные симптомы болезней Узбекистана могут перейти в хроническое состояние с понятным исходом, если у обитателей стратосфер общества, да и у всех нас не наступит отрезвление, не возобладает спасительная трезвость мышления. Для занятий вполне земными делами необходимо иметь ясную голову. На мой взгляд, «здесь и сейчас» следует перестать обманывать себя и других всякого рода мифами, деформировать общественное сознание различными байками.

Мифологизация сознания в наших условиях верный путь в никуда. Это все равно, что давать «добро» вслепую ускоряться в стенку. Без сомнения разочарования людей в одних утопиях приведут их в объятия других, не менее искушенных в искусстве лепить иллюзорные представления о «светлых днях» и образе великого будущего, не менее великом халифате...».

Наивно было бы предполагать, что Рашидов не понимал правоту многих из этих сентенций: он был не менее образованным и умным человеком, чем Каххар, хотя и моложе его (на 10 лет). Однако Рашидов был еще и руководителем одной из самых крупных республик в составе СССР (и самой крупной в Средней Азии), поэтому ему в своей деятельности приходилось часто опираться не столько на свои личные убеждения, сколько на разные побочные факторы, вроде руководящих директив из Москвы. К примеру, если Каххар (да и другие его последователи) строил свою критику ситуации в республике, опираясь лишь на те факты, которые ему были известны (а известно ему было не столь много), то Рашидов обладал куда большим объемом информации и поэтому его видение проблемы было более объемным, чем у критиков режима. Однако у Рашидова не было возможности делиться этими знаниями со всей общественностью республики, поэтому единственное, что он мог — подавать определенные сигналы той же либеральной интеллигенции, что многие их выводы он разделяет. Не потому ли тот же А. Каххар, в разгар своих критических выступлений, был всячески обласкан узбекистански-

ми властями: в 1966 году ему присудили Республиканскую премию имени Хамзы Хаким-заде, а год спустя он был удостоен звания Народного писателя Узбекистана. В мае 1968 года, когда А. Каххар скончался (у него был диабет), власти сделали все от них зависящее, чтобы его смерть не осталась незамеченной общественностью республики. Позднее о последних часах писателя свои воспоминания оставил другой известный советский литератор — Константин Симонов:

«Каххар был вообще человеком большого мужества. Именно с этой чертой его личности связано мое последнее воспоминание о нем. Я видел его в больнице всего за день до смерти. Он знал, что умирает, но не хотел умирать. По своей натуре был не способен проявлять страх перед лицом смерти. Он лежал на больничной койке высоко на подушках, тяжело дышал своей широкой грудью, и на его красивом, мужественном лице было такое выражение, словно ему неловко от того, что он не может встать навстречу друзьям и обнять их у входа в свой дом. Он умирал и знал это, но пока был жив, еще чувствовал себя хозяином на земле. И я убедился в ту последнюю встречу с ним в крепости рукопожатия и в твердости взгляда этого уже уходящего из жизни человека...».

Отметим, что А. Каххар критиковал не только режим, но и лично Рашидова за то, что тот позволяет разного рода писателям-лизоблюдам петь ему в СМИ всяческие оды и осанны. После этих трелей книги сладкоречивых «соловьев» издавались в узбекских издательствах тысячными тиражами, что многими рассматривалось как откровенное взяточничество. Мог ли прикрыть эту «лавочку» Рашидов? Наверное, мог, но, как говорится, человек слаб. К тому же не следует забывать, что это — Восток (не зря ведь есть особая форма лести — восточная), и то, что многое из названного происходило помимо воли Рашидова: как инициатива местных пропагандистов, на многих из которых он вынужден был опираться в своей внутренней политике.

Отсюда и ставка Рашидова на своих родственников, многих из которых он привел во власть в те годы. Так, его брат С. Рашидов стал заместителем председателя Комитета народного контроля республики, другой родственник — У. Арипов — был назначен заместителем министра здравоохранения. Еще двое людей из родни Рашидова заняли руководящие посты в родном Самарканде: Хамракулов возглавил тамошний облисполком, Азимов — горисполком. И опять это не являлось собственным ноу-хау Рашидова — это было типичное для любой власти (а для Востока особенно) явление: вспомним, что и Брежнев подбирал верные ему кадры, опираясь на своих родственников, друзей и земляков.

Отметим, что само обозначение этого явления (кумовста, семейственности) — слово «непотизм» — имеет итальянские корни. Оно утвердилось в мире еще со времен раннего Возрождения, когда папы римские, укрепляя свою власть, раздавали высшие церковные должности своим родственникам. Ими были сначала племянники (отсюда и пошло само выражение, поскольку племянник по-итальянски — nepote), потом сыновья и другие родственники. Таким образом, появились целые «папские» династии — Медичи, Борджиа, Орсини и т. д.

Что касается развития непотизма на Востоке, то по этому поводу уместно привести мнение историка Л. Левитина, которые пишет следующее:

«В Узбекистане и других среднеазиатских республиках авторитарность и авторитет секретарей послесталинской эры не только поддерживалась Москвой, но и опиралась на традиционные общественные структуры: кланы, региональные элиты. И хотя земляческие и прочие сепаратистские связи публично резко критиковались, предавались, так сказать, политической анафеме, в реальной жизни они имели очевидное политическое значение, поскольку отвечали ментальности среднеазиатского общества. Модернизируясь, оно продолжало оставаться традиционным обществом.

Именно в этот период в Узбекистане стали развиваться сверху донизу, на республиканском, областном и районном уровнях отношения клиентальной зависимости, протежирование на основе земляческих и клановых связей, взаимной выгоды. Причем нельзя упускать из виду: непотизм (в смысле покровительства своим людям) для узбекского общества это совсем не то, что для западного. Во всяком случае, это явление не отвергается народной моралью, а воспринимается как нечто само собой разумеющееся...»

Брежнев был прекрасно осведомлен об этих явлениях, поскольку в свое время воочию имел возможность наблюдать за тем, как строится политика в южном регионе: как мы помним, в середине 50-х он возглавлял компартию Казахстана. Поэтому никогда в этом вопросе не рубил с плеча (как это было присуще, к примеру, Хрущеву). Именно поэтому его мало трогали жалобы рашидовских оппонентов, которые периодически посылали в Москву слезные письма: дескать, Рашидов развел клановость, слаб по части восхвалений и т. д. Брежнев прекрасно понимал, что все эти жалобы от лукавого: приведи он к власти жалобщиков, и те

строили бы свою политику точно так же, а то и самого Рашидова оставили бы далеко позади. Для Москвы было более важно, что именно при Рашидове Узбекистан превратился в одну из самых стабильных в экономическом плане и одну из самых спокойных в национальном отношении республик СССР. Из всех республиканских руководителей Рашидов был одним из наиболее образованных и гибких политиков, умеющим легко сглаживать острые углы и всегда готовым к компромиссам. Как пишет С. Ризаев:

«Советская административно-командная система с центром в Кремле позволяла руководителям мест, ею назначаемым и контролируемым, действовать в строго определенных рамках. Шараф Рашидович Рашидов чувствовал эти рамки лучше других и ни при каких обстоятельствах не показывал, что они давят, жмут, мешают, мучают, унижают гордость и достоинство человека. Ибо вне этих рамок он просто не мог быть тем, кем был — первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Полностью в этих рамках он строил человеческие отношения с членами Политбюро, секретарями ЦК КПСС и их ближайшими помощниками. В тех же строгих рамках системы он воспринимал и ее экономические данности со всей архаикой производственных отношений. Здесь какое-то пространство для маневра, для встречных предложений ему было отведено. Он пользовался им мастерски. Он просил, убеждал, доказывал, настаивал — если была надежда на успех и если это не грозило испортить отношения с сильными мира сего. То есть, он просил, убеждал, доказывал, настаивал, — но не конфликтовал, не шел на обострение отношений. И эта тактика оправдывала себя: Узбекистан, опять же в рамках системы и всегда исходя из ее нужд, но не всегда из его нужд, не обделялся ассигнованиями и материальными ресурсами. В этом смысле едва ли другой лидер на месте Ш. Рашидова добился бы большего...».

Конечно, наивно было бы рисовать Узбекистан при Рашидове безоблачным раем. Однако, с другой стороны, кощунственно звучит утверждение, запущенное с легкой руки горбачевских либералов, что эта республика в составе СССР являлась чуть ли не центром всесоюзной коррупции. На самом деле коррупция там была не выше, чем в любой другой республике Советского Союза. И те же хищения в промышленности или приписки в хлопковом хозяйстве республики, которые опять же существовали во всех хлопкосеющих республиках, строго преследовались по прямому указанию Рашидова. Взять, к примеру, криминальную статистику 1969 года. Сошлюсь на слова Б. Савельева, который в газете «Правда Востока» (номер от 15 июля 1970 года) писал следующее:

«В 1969 году в легкой, пищевой, мясомолочной промышленности суммы недостач и хищений по сравнению с 1968 годом увеличились. На ряде заготовительных пунктов, особенно в Самаркандской, Хорезмской областях и Каракалпакской АССР, выявлены крупные недостачи и хищения, злоупотребления, связанные с неправильной оценкой качества хлопка-сырца в ходе его приемки от колхозов и совхозов. На Чирчикской обувной фабрике в течение нескольких лет разворовывались государственные средства...»

Не менее жесткая борьба велась в Узбекистане и с уголовной преступностью. Именно поэтому ее уровень там был одним из самых низких среди крупных республик СССР. Узбекский уголовный розыск считался одним из самых эффективных подразделений: процент раскрываемости преступлений у него был достаточно высоким. И кадры для него готовились непосредственно в Узбекистане: когда союзный МВД в середине 1960-х задумал создавать Высшие школы милиции и почти одновременно открыл четыре подобных заведения, одно из них располагалось в Ташкенте (три других были созданы в Москве, Киеве и Омске).

Между тем рост преступности в Узбекистане происходил в основном из-за правонарушений из разряда менее тяжких. Например, в середине 1960-х в республике выросло число краж, вызванное ростом бродяжничества. В апреле 1968 года узбекским властям пришлось даже выпускать в свет Указ об усилении борьбы с бродяжничеством и попрошайничеством. Высок был и уровень такого правонарушения, как хулиганство. Впрочем, этот рост был характерен для всего СССР. Так, если в 1965 году в стране было зарегистрировано 130 422 факта хулиганства, то уже год спустя эта цифра выросла до 257 015 (почти на 100%). Правда, в последующие шесть лет эти показатели оставались на уровне 1966-го года (в пределах 250—213 тысяч случаев), а затем даже стали снижаться.

В середине мая 1968 года в Ташкенте состоялось собрание партийного актива республики по вопросу усиления борьбы с преступностью. На него из Москвы прибыли прокурор СССР Роман Руденко и глава союзного МВД Николай Щелоков. Приведу лишь некоторые отрывки из тогдашних выступлений, где речь шла об уровне преступности в Узбекистане.

Х. Яхъяев (министр внутренних дел УзССР): «В целом по республике значительно меньше стало совершаться преступлений в общественных местах, сократилось количество уголовно-наказуемых хулиганств, уменьшилось число краж личной собственности граждан, аварий и наездов со смертельным исходом».

С. Пулатходжаев (председатель Верховного Суда УзССР): «Сейчас число осужденных в Узбекистане значительно ниже, чем в среднем по стране. Однако преступность все еще распространена в республике, и, следовательно, уровень работы административных органов отстает от предъявляемых к ним требований».

Однако отвлечемся на время от высокой политики и посмотрим на повседневную жизнь республики сквозь призму искусства. Например, взглянем на театральную афишу Ташкента в праздничные первомайские дни (1—2 мая) того же 1968 года. В Государственном академическом Большом театре имени А. Навои шел спектакль «Сорок девушек», в Театре драмы имени Хамзы — «Тополек мой в красной косынке», в Русском академическом театре драмы имени М. Горького — «Странная миссис Сэвидж».

В 1968 году в Узбекистане были открыты два новых тетра: драматический «Ешь гвардия» (в Ташкенте) и кукольный (в Андижане). Всего же на тот момент в республике функционировало 24 театра, в то время как девять лет назад (в год прихода Рашидова к руководству) их было 18. Именно тогда в Узбекистан из Ленинграда приехал театральный актер и режиссер Владимир Рецептер, которому Рашидов устроил личную аудиенцию, длившуюся почти час. Сделано это было не случайно.

Дело в том, что еще совсем недавно Рецептер был ташкентцем: он жил в столице Узбекистана и работал актером в Республиканском русском драматическом театре имени М. Горького. Причем актером не рядовым: в 1961 году именно Рецептер сыграл Гамлета в одноименной постановке по драме У. Шекспира. Однако в середине того же десятилетия молодого и талантливого актера позвал в свой театр сам Георгий Товстоногов (он возглавлял ленинградский БДТ) и Рецептер не смог ему отказать.

О том, как состоялась встреча актера и 1-го секретаря первый вспоминает следующим образом:

«Я прилетел в Ташкент, и университетский однокашник, работавший в ЦК Компартии Узбекистана, спросил меня, не хочу ли я посмотреть на Ташкент из Старой Крепости. В Старую Крепость, как на военный объект, в мое время было не попасть, а теперь ее снесли и на этом месте воздвигли беломраморное здание ЦК. Я сказал, что хочу. Он заказал пропуск, и, поднявшись на тре-

тий этаж, я полюбовался на речку Анхор и ее берега с точки зрения Центрального Комитета.

— А где сидит Рашидов? — спросил я.

Однокашник, которого звали Адхамом, сказал:

— Рашидов — шестой этаж. Хочешь смотреть? — И, демонстрируя свое могущество, снял трубку. — Михаль Иванович, здравствуйте, это Адхам Адхамов говорит... Исдес у нас гостях наш друг Владимир Ресептор, — от внезапного волнения его акцент усилился, — знаете, который университет Ташкенте кончал, театральный тоже, Гамлета играл, теперь работает Ленинграде, у Товстоногова... А, знаете!.. — Адхам радостно кивнул мне и выразительно поднял брови. — Вот, говорит, был бы здорова с шестой этаж СеКа Ташкент увидет!.. Можно это сделат для гостя, с вашего позволения?.. Харашо... Ожидаем... — Адхам прикрыл трубку другой ладонью и послал в мою сторону шепотом: — Это — помощник Рашидова, товарищ Косых Михаль Иванович, он другому телефону спросит охрана, мы с приемной Рашидова будем смотреть вид из окна... Да, да! Михаль Иванович, слушаю... Да... Да-а! Да-а-а!.. Счас?.. — Адхам потрясенно положил трубку и с недоверием посмотрел на меня. — Тебя, оказывается, товарищ Рашидов хочет видеть. Идем самому Рашидова...

Такого эффекта от своего лихого звонка Адхам явно не ожидал и всю аудиенцию томился в приемной.

Когда я вошел в кабинет Рашидова, тот, сидя, за длинным столом для совещаний, цветными карандашами подчеркивал что-то в многостраничном тексте и поздоровался прежде, чем я осознал всю степень его огромной занятости и государственной ответственности. Я приветствовал его бодрым тоном неисправимого оптимиста и баловня судьбы.

— Доклад на пленуме готовлю, — буднично объяснил Рашидов и показал, где я могу сесть. С указанного места я увидел, как он то красным, то синим карандашом подчеркивает в тексте цифры и цитаты. — Сейчас Нишанов подойдет, секретар по идеологии, — сказал Рашидов и, оторвавшись от своего труда, посмотрел на меня. Очевидно, встреча с представителем искусства должна была по протоколу протекать в присутствии главного партийного идеолога.

— Ну, как жизнь, — запросто спросил Рашидов, — как работа?

Я не понял, задан ли вопрос по существу или из восточной вежливости, и в ответе был предельно краток:

— Очень хорошо, Шараф Рашидович, спасибо. — И спросил: — А у вас на литературу время остается?

Этим я хотел подчеркнуть, что вижу в Рашидове прежде всего человека искусства, а уж потом — государственного деятеля. Его романов я, конечно, не читал, но не станет же он спрашивать о романах... Гнусную лесть Рашидов, видимо, оценил и с глубоким вздохом ответил:

— К сожалению, к сожалению...

Я не стал выражать ему сочувствия и переменил тему:

— Какой у вас вид из окна, Шараф Рашидович!

Рашидов посмотрел в окно, как бы оценивая пейзаж чужим взглядом, и скромно сказал:

— Да... Стараемся... Строим... — И спросил: — Как вам Ташкент?

Я сказал:

— Да, Шараф Рашидович, производит сильное впечатление... После землетрясения — другой город...

Тут вошел Нишанов, и Рашидов познакомил нас.

— Слышал, слышал, — сказал Нишанов и покровительственно улыбнулся.

Секретаря по идеологии Нишанова я хорошо знал по рассказам одной балерины из театра имени Алишера Навои, за которой он властно охотился, но которая почему-то отдавала предпочтение мне. Во всяком случае, в тот мой приезд. Но Нишанов не знал, что я о нем знаю, и держался как ни в чем не бывало. «Красивый мужик», — отметил я и подумал, что с балкона нашей общей знакомой, голубоглазой балерины из театра имени Алишера Навои, по странному стечению обстоятельств, как и Рашидов, обитающей на шестом этаже, Ташкент выглядел намного лучше, чем из широких окон Первого секретаря.

— Все-таки у нас вы не остались, — прервал мои размышления Рашидов. То ли это был упрек, то ли констатация факта.

— Шараф Рашидович, я же не мог работать в Театре Хамзы. Я должен был работать в русском театре... И меня позвал к себе самый крупный режиссер страны — Товстоногов, можно ли было такую перспективу отвергать?.. В конце концов, я в его театре представляю все-таки Ташкент. И в Москве, и в Ленинграде знают, откуда я появился.

— Расскажите нам, как работает товарищ Товстоногов? — спросил Рашидов, и в его вопросе мне послышался оттенок настоящего интереса. Тут, забыв о времени, я увлекся и стал рассказывать, какой это замечательный режиссер, и как творчески применяет он систему Станиславского и его метод действенного анализа, и в каких зарубежных поездках театр побывал, и как

много он успел почерпнуть за эти годы. Впрочем, я не забыл добавить, что многому научился именно в Ташкентском театральном институте, где тоже творчески применяют систему Станиславского, и какой это прекрасный институт, не говоря уже о Среднеазиатском университете.

Рашидов слушал внимательно, время от времени переглядываясь с Нишановым. Здесь творилась легенда о встрече бывшего ташкентца с самим Шарафом Рашидовым, которую деятели культуры скоро будут передавать из уст в уста. И, выдержав паузу, он сказал:

— И все-таки, когда было землетрясение, вас с нами не было.

Это был уже явный упрек, если не обвинение. Стало быть, из любви к Шарафу Рашидовичу Рашидову я должен был отказаться от ленинградской перспективы и стоически ждать будущего землетрясения. А если бы я уехал из Ташкента после землетрясения, я поступил бы патриотичней?

— Ну, знаете, Шараф Рашидович, — сказал я, не затягивая паузы, — землетрясение, к несчастью, никто не мог предсказать, не только я, но даже и вы, признайтесь!..

Ответ, видимо, его удовлетворил как признанием высоты его положения, так и констатацией независимости природы, и Рашидов усмехнулся.

— Это вы правильно заметили, — сказал он, глядя на Нишанова, и, подумав еще, диктующим тоном начал формулировать: — Если кто-нибудь будет вас упрекать, вы никого не слушайте. Ты — наш. Мы считаем тебя нашим полномочным представителем в Ленинграде. Недаром вы бываете в Ташкенте, не забываете нас. Приезжайте еще, что-нибудь сделайте для нас. Мы будем вам помогать... — И, посмотрев на Нишанова, закончил: — Передайте от нас привет товарищу Товстоногову.

Нишанов с видом глубокого удовлетворения кивал в такт словам Первого секретаря. Решение, как всегда, было мудрым, политически глубоким и единственно верным.

Когда я вышел в приемную, Адхам Адхамов, сняв с запястья часы и вытянув руку вперед, держал их перед глазами на ладони. Глуховатым и полным значения голосом, не отрывая взгляда от стрелок, он зафиксировал:

— Сорок восим. — Он глубоко заглянул мне в глаза и, снова сверившись с часами, повторил: — Сорок восим минут ты был у товарища Рашидова.

И, обернувшись к помощнику и показывая ему свои часы, в третий раз потрясенно повторил неслыханную цифру:

— Сорок!.. Восим!.. Минут!..».

В ташкентских кинотеатрах в майские дни 68-го демонстрировались следующие художественные фильмы: «Весна на Одере» (кинотеатры «Спутник», «Узбекистан», «Восток»), «Подвиг Фархада» («25 лет Узбекистана», «30 лет комсомола»), «Анна Каренина» («Чайка», Дворец искусств).

А вот как выглядела праздничная программа телепередач от 1 мая:

1-я программа. Ташкент: 8.30 — «Май, Труд, Мир». 8.50 — Военный парад войск Туркестанского военного округа и демонстрация трудящихся. Репортаж с площади имени В. Ленина в Ташкенте. 12.45 — Москва: Интервидение. Военный парад и демонстрация трудящихся на Красной площади.

Ташкент: 16.55 — Программа телепередач. На узбекском языке: 17.00 — «Шагай, веселый Май». 17.45 — «Это счастливая черная кошка» (телефильм). 18.05 — «Ешлик». «Гул фасли» (на русском языке). 19.35 — «Мелодии весны». 20.10 — «Аркадий Райкин» (художественный фильм). 21.30 — «Новые похождения Густава» (мультфильм для взрослых) (на узбекском языке). 22.00 — Праздничный концерт. Москва . 23.30 — «Время». 24.00 — Специальный выпуск теленовостей «Первомайский салют». Репортаж с Красной площади. 00.30 — «Свадебные колокола». Премьера художественного фильма. 02.30 — Только факты.

2-я программа. Ташкент: 12.45 — Демонстрация трудящихся Ташкента (продолжение репортажа; на узбекском языке). 13.10 — «Дубравка» (художественный фильм для детей). 14.25 — «Музыка народов Востока». Москва: 18.55 — Программа телепередач. 19.00 — «Путешествие по Талке». Телерепортаж. 19.30 — Цветное телевидение. 21.45 — «Звенит Первомаем весна. Праздничный выпуск «Голубого огонька».

3-я программа. Ташкент: 17.55 — Программа телепередач (на узбекском языке). 18.00 — «Клоун Фердинанд и химия» (телефильм; на русском языке). 18.35 — Для детей. В эфире ансамбль под управлением Локтева. 19.00 — «Судьба барабанщика» (художественный фильм). 20.20 — Цирковое представление. 21.05 — «Озорные повороты» (художественный фильм; на узбекском языке).

Тем временем Узбекистан продолжает играть важную роль на азиатско-африканском направлении внешней и культурной политики СССР. Как мы помним, республика стала активным игроком на этом поле в начале 50-х и к концу следующего десятилетия уже являлась одним из признанных авторитетов. И огромную роль при этом играла личность Шарафа Рашидова, который за годы своего президентства и первосекретарства посетил

практически все азиатские страны и установил личные контакты с большинством их руководителей, начиная от премьер-министра Индии Индиры Ганди и заканчивая президентом Индонезии Сукарно.

Осенью 1968 года, опять же при личном участии Рашидова, был перекинут еще один мостик, соединяющий страны Азии, Африки и Латинской Америки: состоялся Первый международный Ташкентский кинофестиваль. Это было важное событие как в культурной, так и в международной деятельности Советского Союза, который был крайне заинтересован в дальнейшем расширении своих контактов с, так называемым, «третьим миром». В то время как международные акции США, ведущих кровопролитную и несправедливую войну во Вьетнаме, в мире резко упали, авторитет СССР наоборот возрос. И такие акции, как проведение на своей территории крупного кинофестиваля, на котором страны Азии, Африки и Латинской Америки имели бы возможность продемонстрировать продукцию своих киноиндустрий, добавляли лишние очки в копилку СССР. Ведь в то время как Голливуд безраздельно захватил чуть ли не полмира и жестко следил за тем, чтобы чужие фильмы не имели возможности широкого доступа на экран, Советский Союз предложил странам «третьего мира» свою территорию (и территорию сопредельных социалистических стран) для проката своей кинопродукции. Как отмечал киновед С. Черток:

«Одна из важнейших особенностей Ташкентского фестиваля — его универсальность. Страны Азии, Африки и Латинской Америки участвуют в нем на равной основе, независимо от удельного веса в мировом киноискусстве, общественного и политического строя. Для нас не имеет значения число производимых в год фильмов. А ведь именно страны Азии, Африки и Латинской Америки, особенно небольшие страны, обычно очень скудно представлены на западных и американских киносмотрах. Ташкентский фестиваль способствует ликвидации монополистического превосходства некоторых крупных стран, старающихся заполнить кинорынки других регионов своей продукцией, и помогает составить объективную картину развития прогрессивного киноискусства трех континентов земли...».

Первый Ташкентский кинофестиваль состоялся в октябре 1968 года и собрал представителей 49 государств, которые привезли с собой свыше 100 художественных и документальных фильмов. Отметим, что особенностью этого представительного кинофорума являлось то, что награды в нем никому не присуж-

дались и призы присуждали только общественные организации. В итоге почетными дипломами в том году были отмечены следующие ленты: художественные — «Любовь в Кашмире» (Индия), «Дорога» (АНДР), «Тень над Ангкором» (Камбоджа), «Наводнение» (МНР), «Почмейстер» (ОАР), «Мандат» (Сенегал), «Деревня и город» (Сомали), «Завод рабов» и «Пламя верности» (Япония); документальные — «Один день в Ханое» (ДРВ), «Пребывание А. Косыгина в Пакистане» (Пакистан), «Исход-67» (Иордания), «Памяти Б. Шастри» (Индия) и др.

Спустя месяц после кинофестиваля знаменательное событие произошло и в спортивной жизни Узбекистана: футбольная команда «Пахтакор» (Ташкент) впервые в своей истории вышла в финал Кубка СССР. Дорога к этому финалу оказалась весьма нелегкой, но узбекские футболисты прошли ее достойно. Они обыграли батумское «Динамо» (2:0), саратовский «Сокол» (1:0) и донецкий «Шахтер» (2:1). Наконец 8 ноября на поле Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках, на глазах у 52 тысяч зрителей пахтакоровцы сразились в финале Кубка с московскими торпедовцами (отметим, что для тех это был уже 8-й по счету кубковый финал).

Матч, как и полагается в подобных случаях, выдался на редкость напряженным. Хозяева избрали наступательный вариант игры, гости — оборонительный. Первый тайм закончился безрезультатно для обеих команд. Во втором повезло торпедовцам: на 52-й минуте Михаил Гершкович сделал длинную передачу на Эдуарда Стрельцова и тот, блокируемый защитниками гостей, оказался спиной к воротам. Увидев, что в штрафную на полном ходу ворвался его партнер по нападению Юрий Савченко, Стрельцов пяткой, не глядя, точно переадресовал ему мяч под удар. Вратарь Любарцев был бессилен что-либо сделать. До конца игры этот счет так и не изменился, что позволило торпедовцам в четвертый раз стать обладателями Кубка СССР.

И вновь вернемся к вопросам большой политики, причем речь пойдет о событиях, в эпицентре которых оказался... все тот же футбол. Хотя начать эту историю надо все же не с него...

Весной того же 1968-го в Ташкенте прошло крупное мероприятие: республиканская научно-теоретическая и методическая конференция «Интернационализм — наше знамя». На этот форум съехались десятки идеологических работников со всего Узбекистана, которым предстояло выработать и обсудить очередные задачи в столь деликатном вопросе, как интернациональное воспитание людей (напомним, что Узбекистан считался одной из самых

многонациональных республик в составе СССР: в нем проживало более 100 наций и народностей). С речью перед участниками конференции выступил Ш. Рашидов, который заявил, что «Надо всегда помнить, что дружба народов — это величайшее завоевание социализма, это наше самое дорогое достояние». Между тем пройдет ровно год, как Ташкент потрясут события, которые ничего общего с декларируемыми на этом форуме лозунгами иметь не будут. Что же тогда произошло?

Чтобы понять истоки случившегося, следует отмотать время несколько назад. Из всех узбекских городов больше всего русских всегда проживало в Ташкенте. Причем, если в 1926 году их доля в общем этническом составе населения Узбекистана составляла 4,7%, то уже к концу 50-х она выросла до 13,5% (рост в три раза), а еще десятилетие спустя эта цифра выросла почти до 20%. Причем значительный процент русских проживал в городах республики. Так, если в 1959 году из 1 миллиона 90 тысяч 700 русских жителей в городской черте Узбекистана проживало 912 тысяч 700 человек (83,7%), то в 1970 году из 1 миллиона 473 тысяч 500 русских в городах жили 1 миллион 312 тысяч 300 человек (89,1%).

Число русских, проживающих в Ташкенте, значительно выросло после землетрясения в апреле 1966 года, когда тысячи людей со всех концов страны были направлены в столицу Узбекистана для его восстановления. Большинство из них, выполнив свою миссию, вернулись к себе на родину, но многие из тех, кого родина не особенно-то и ждала, решили остаться в Ташкенте (тем более, что для любого советского человека родиной считалась вся территория СССР).

Скажем прямо, среди них были разные люди: с одной стороны, грамотные специалисты в разных областях производства (учителя, врачи, инженеры и т.д.), а с другой — малоквалифицированный люд, готовый на самую неприхотливую работу. Среди последних попадались даже бывшие уголовники, которые, подрядившись на работу в Ташкент в качестве рядовых строителей, теперь решили осесть на этой теплой и благодатной земле. Именно представители последнего «сословия» и стали настоящей головной болью для ташкентских властей, поскольку эти люди свои прежние привычки и повадки стали переносить в новые условия. С этого момента в районах, где они проживали, стала расти социальная напряженность, повысилась преступность. Рано или поздно все это должно было закончиться взрывом.

Ситуация стала приобретать угрожающие формы примерно с марта 1969-го. Именно тогда многие русскоязычные жители

Ташкента почувствовали усиление социальной напряженности, нарастающую агрессивность узбекской молодежи и отчуждение старших по возрасту узбеков. Некоторые русские стали получать по почте анонимные письма, содержащие угрозы физической расправы и требования убираться из Узбекистана. В отдельных частях города стали возникать локальные драки с участием узбекской и русской молодежи. Несколько драк произошло после завершения киносеансов. Отметим, что в те дни на ташкентских экранах шли фильмы: «Новые приключения неуловимых» («Дворец искусств», «Чайка»), «Деревенский детектив» («25 лет Узбекистана»), «Новенькая» («Узбекистан», «Спутник», «Москва»), «Миллион лет до нашей эры» («Имени Навои») и др.

Детонатором дальнейшего роста напряженности стали события 4 апреля 1969 года. В тот день в семь часов вечера на ташкентском стадионе «Пахтакор» начался первый матч нового футбольного сезона (31-го по счету) среди команд высшей лиги. Играли «Пахтакор» и минское «Динамо». Поскольку это была первая игра в сезоне, интерес к ней был проявлен большой — стадион был практически заполнен до отказа. Причем нельзя сказать, что все собравшиеся были болельщиками «Пахтакора»: так, значительная часть пришедших, представлявшее русскоязычное население, болело за минчан. Причем болело достаточно активно: с их стороны звучали разного рода призывы и лозунги, которые болельщиками «Пахтакора» (а среди них было много молодежи) воспринимались как оскорбительные. Короче, уже в процессе матча страсти между болельщиками изрядно накалились.

А тут еще минчане оказались более подготовленными к сезону, чем хозяева, и показывали весьма техничную игру. И это при том, что «Пахтакор» выпустил на поле свой лучший состав в лице Любарцева (вратарь), Петухова, Штерна, Иноятова, Науменко, Варюхина, Рахматулаева, Мелкумова, Бекташева, Красницкого и Ибрагимова. Однако уже на 9-й минуте игры Любарцев ошибся при приеме мяча — выпустил его из рук — и минчанин Волох открыл счет. Во втором тайме хозяева сделали все возможное, чтобы отыграться, но мяч никак не хотел пересекать «ленточку» ворот гостей. Даже когда Бекташев вышел один на один с вратарем, все завершилось тем, что мяч после удара угодил прямо в руки динамовского голкипера. В итоге до конца игры счет так и не изменился, принеся победу гостям с минимальным счетом. Это поражение и стало поводом к тому, чтобы большая группа пахтакоровских болельщиков решила поквитаться за пределами стадиона с минскими болельщиками сразу после окончания матча.

Между тем уже в пылу драки воздух стали оглашать националистические возгласы, которые наэлектризовали толпу еще сильнее. И конфликт выплеснулся на улицы города, став по сути неконтролируемым. Масса молодых людей бесчинствовала, перекрыла движение по проспекту Навои. На улицах избивали европейского вида мужчин и женщин, даже узбечек в европейской одежде. Так продолжалось на протяжении длительного времени, пока в дело не вмешалась милиция. Правда, действовала она весьма своеобразно: националистически настроенную молодежь не задерживала, а только отгоняла ее от жертв нападений. Судя по всему, такова была утановка городских властей, которые явно сочувствовали националистам.

Что касается Рашидова, то его в тот день не было в Ташкенте: он находился в Карши, где выступал на пленуме Кашкадарьинского обкома. Но едва он вернулся, как тут же дал команду навести в городе порядок. Однако его указание было встречено без особого энтузиазма, что наводит на определенные мысли: не стояли ли за этими событиями оппозиционные ему силы, которые пытались дикредитировать Рашидова перед Москвой? Не поэтому ли уже 8 апреля, опять же после очередного футбольного матча с участием «Пахтакора» (он принимал московский «Спартак» и вновь уступил — на этот раз со счетом 1:2), вновь возникли столкновения между узбекской и русской молодежью. Та же картина наблюдалась и четыре дня спустя — 12 апреля. Как пишет историк Л. Левитин:

«Согласованность и размах действий участников массовых беспорядков в течение трех дней, бесспорно, превышали уровень спонтанной организованности. Кто же стоял за спиной участников этих событий? Во всех этих случаях милиция, состоявшая в подавляющем большинстве из узбеков, действовала вяло и, по существу, не пресекала противоправные действия. Впоследствии это квалифицировалось как безответственность и трусость, а не как солидарность с действиями толпы, которая, кстати, милиционеров не трогала. Московские власти, приславшие в Ташкент спецбатальон для охраны порядка, санкционировали чистку милиции и привлечение в нее новых людей по мобилизации на промышленных предприятиях и в учреждениях, а также добровольцев из числа бывших военнослужащих. И сегодня трудно вразумительно ответить на вопрос: почему республиканские власти во главе с Рашидовым не смогли пресечь и даже предотвратить стихийное выступление молодежи?..».

Вопрос звучит риторически: как я уже заметил, это могла быть очередная попытка ташкентской оппозиции чужими руками убрать Рашидова. Сам он, видимо, долгое время был в неведении относительно этих событий, иначе попытался бы на них повлиять. Ведь кому-кому, а ему эти беспорядки на националистической почве были крайне невыгодны. В Москве тогда в самом разгаре была идеологическая война между «либералами» и «державниками» (в СМИ эта война нашла свое отражение в публикациях таких толстых журналов, как «Новый мир» (либералы) и «Молодая гвардия» (державники), причем последние, на волне подавления «бархатной революции» в ЧССР, явно одерживали верх. Поэтому антирусские выступления в Ташкенте грозили Рашидову крахом его карьеры. Однако Брежнев, видимо, прекрасно осведомленный об истинной подноготной этих событий, даже пальцем не пошевельнул, чтобы отправить Рашидова в отставку. Зато с легкостью отстранил от руководства партийных глав двух других республик: Азербайджана и Туркмении.

Глава 22

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЛИГОН

Смена рулевого в закавказской республике произошла в середине июля 1969 года: от власти был остранен Вели Ахундов, который пришел к руководству Азербайджаном в один год с Рашидовым (правда, на несколько месяцев позже — летом 1959 года). Ахундов принадлежал к одному из самых влиятельных азербайджанских кланов — шушинскому (вторым по степени влияния был гянджинский клан), хотя и не был его уроженцем (он родился в Кубинском районе, что возле Баку), однако был женат на представительнице шушинского клана.

Вообще политику в Азербайджане, помимо шушинского и гянджинского, делали следующие кланы: нахичеванский (Начихеванская АССР), агдамский, шекинский, апшеронский, ленкоранский, геокчайский, агдашский, шемахинский и ряд других. У каждого из этих кланов была своя область приложения сил: так, гянджинский специализировался на виноделии и правоохранительной системе; нахичеванский — на торговле цветами; агдамский — на виноградарстве и виноделии, на общественном питании и торговле; ленкоранский — на овощеводстве и рыбном промысле; шекинский — на искусстве, образовании и науке; апшеронский — на рыболовстве и городском хозяйстве в Баку и т. д.

Отметим, что только один клан — шушинский — не замыкался на одной определенной сфере деятельности и претендовал на управление всем Азербайджаном. Именно представители этого клана долгое время были партийными руководителями республики и практически все обитали в Баку, правда не прерывая связь с родными краями: в Шуше у них сохранялись их родовые дома. В Москве прекрасно знали, что этот клан был одним из самых националистических и протурецких, однако доверяли ему власть в республике, сдерживая и контролируя его действия не только из Центра, но и с помощью других азербайджанских кланов.

Власть Ахундова длилась ровно десять лет, пока в повестку дня Москвы с особой остротой не встали нефтяной и хлопковый вопросы. Дело в том, что Азербайджан считался одной из главных нефтяных кладовых СССР, после Сибири: северо-западная часть последней в конце 60-х выдавала «на-гора» 31 миллион тонн нефти, Азербайджан — 21 миллион. В 1967 году, после того как нефть окончательно обогнала уголь и стала первым источником энергии во всем мире, политический вес закавказской «нефтекладовой» в глазах Центра неимоверно вырос. Однако одновременно с этим упало и доверие Центра к прежнему руководству: в Москве посчитали, что шушинцы не смогут обеспечить справедливое распределение финансовых средств от нефтяных поступлений и вряд ли смогут удержать республику от нового витка коррупции.

Что касается хлопковой проблемы, то здесь ситуация была похожей. В конце 60-х Москва задумала расширить производство «белого золота» в стране и заставила все хлопкосеющие республики напрячь все свои силы с целью решения этой задачи. Однако Ахундов стал противиться этому, опасаясь разрушения традиционного уклада села и роста безработицы (при нем в Азербайджане в год собирали около 300 тысяч тонн хлопка — четвертое место в СССР после Узбекистана, Туркмении и Таджикистана).

Вот почему врача по образованию Ахундова было решено заменить силовиком — кадровым чекистом с 25-летним опытом работы в КГБ 46-летним Гейдаром Алиевым (пришел в систему госбезопасности в самом начале войны и в 1967 году дослужился до должности председателя КГБ Азербайджана). Отметим, что Алиев был представителем нахичеванского клана, который до этого никогда еще не поднимался до высот высшего руководства. По словам самого Алиева, он этого назначения не хотел и даже пытался сказать об этом Брежневу. Вот его собственный рассказ об этом:

«В Кремле я направился в рабочий кабинет Брежнева. Леонид Ильич встретил меня открытой улыбкой. Между нами произошел такой разговор:

— Товарищ Алиев, мы пришли к решению предложить вашу кандидатуру на пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана.

— Я считаю для себя это большой честью, товарищ Брежнев. Но я не хочу этой должности.

— Как это не хочешь? — удивился Брежнев, переходя на дружеское «ты». — Мы тебе доверяем такой ответственный пост.

— Быть первым секретарем ЦК Компартии республики — дело нелегкое. Потому и не хочу.

Но моим возражениям Леонид Ильич не придал значения. Было видно, что он для себя решение уже принял. И Политбюро, обсудив мою кандидатуру, пришло к единому мнению, что в нынешнем положении республики подходящим будет только Алиев...».

Приведение к власти в республике кадрового чекиста было беспрецедентным явлением для всего СССР — до этого ничего подобного еще не происходило. Судя по всему, свою роль здесь сыграли не только причины экономического характера, но и политического: после подавления «бархатной революции» в ЧССР, советское руководство указывало своим доморощенным либералам их место: дескать, не зарывайтесь.

Вообще после того как Брежнев в 1967 году отстранил от власти «комсомольцев», в высшей элите многие изменили свое отношение к нему: если раньше Генсека не сильно уважали, считая слишком мягкотелым и зависимым от чужого мнения, то теперь поняли, что под шкурой овцы скрывается куда более серьезный зверь. События в Чехословакии только укрепили элиту в этом мнении. Были у нее и другие поводы задуматься о непростой сути характера Брежнева. Поставив в руководстве КГБ кадрового партаппаратчика Юрия Андропова (тот до этого десять лет возглавлял Отдел международных отношений ЦК КПСС), Брежнев расширил полномочия партийной разведки, объединив ее с КГБ и вменив им в обязанность усиление контроля за властными элитами в республиках.

В помощь Андропову Брежнев отрядил опытного чекиста Семена Цвигуна, который был специалистом именно по республиканским элитам (в 1951—1957 годах работал в должности заместителя министра КГБ и МВД в Молдавии, в 1957-1963 годах возглавлял КГБ Таджикистана, в 1963—1967 — КГБ Азербайджана). С Цвигуном Брежнев познакомился в начале 50-х во время их совместной работы в Молдавии и даже сблизился по родственной линии: Цвигун был женат на родной сестре его супруги. Чуть позже (в июне 1970 года) рядом с Андроповым вырастет еще один брежневец — Георгий Цинев, который являлся земляком Генсека и был знаком с ним с начала 30-х (со времен их работы в Днепропетровске).

Как уже говорилось, в своих взаимоотношениях с республиканскими элитами Москва всегда учитывала особенности их клановых систем. Она весьма эффективно поднимала на властный верх одни кланы, а другие держала на втором плане, заставляя усмирять свои аппетиты ради общего дела. Одним из важных рычагов в этой политике была, как ни странно, коррупция. Центральная власть очень часто поощряла ее, намеренно развращая республиканские элиты, чтобы потом, что называется, «посадить на крючок». Ведь, имея компромат на любого из коррупционеров, можно было легко им манипулировать. Это была типичная схема подкупа и вербовки, которую всегда использовали (и используют до сих пор) спецслужбы всего мира. При Хрущеве, который попытался резко ограничить компетенцию спецслужб, этот важнейший рычаг практически не использовался, однако при Брежневе он заработал с новой силой, для чего на Лубянку и был прислан триумвират в лице Андропова-Цвигуна-Цинева.

Отметим, что республиканские лидеры тоже пытались иметь в своих спецслужбах собственную внутреннюю разведку, которая могла бы помочь им упреждать отдельные атаки из Москвы. Эти службы создавались исключительно в целях защиты республиканских интересов, в то время как Центр строил свою внутреннюю разведку в целях отстаивания прежде всего своих, имперских интересов. Любой из республиканских руководителей, кто попытался бы не защищаться, а наступать был бы немедленно низложен со своего поста и, в лучшем случае, отправлен в отставку, а в худшем — исключен из партии и лишен всех благ.

Несмотря на тот запрет, который был введен еще Хрущевым в отношении деятельности КГБ в части слежки за высшей элитой (органам госбезопасности запрещалась агентурная работа, включая прослушивание, наружное наблюдение и т.п. в среде депутатов, партийных, комсомольских, профсоюзных работников высшего звена), КГБ негласно все-таки осуществлял надзор за представителями высших эшелонов власти страны, правда, знать о результатах этой слежки дозволялось только избранным: Генеральному секретарю и еще нескольким членам Политбюро.

Но иной раз факты об этом негласном надзоре все-таки не удавалось скрыть и от самих объектов разработки. По этому поводу приведу воспоминания А. Шелепина (как мы помним, в начале 1960-х он сам был председателем КГБ СССР):

«Накануне открытия одного из Пленумов ЦК ко мне в рабочий кабинет зашел Петр Елистратов (одно время он работал 2-м секретарем ЦК КП Азербайджана, затем был назначен 1-м секретарем Мордовского обкома. — *Ф. Р.*) и сказал: «Не могу больше терпеть, буду выступать и критиковать Брежнева». И стал рассказывать о тезисах своего выступления. Я уклонился от обсуждения. Открылся Пленум. Смотрю, Елистратова в зале нет. Как потом он рассказал мне и некоторым другим товарищам, вечером, после его визита ко мне, Цвигун — заместитель председателя КГБ СССР — пришел к нему в номер гостиницы «на правах старого друга» и заказал ужин. Утром Елистратов очнулся в больнице... Путь к выступлению на Пленуме ему был отрезан.

Чуть позже Брежнев в присутствии Суслова сказал мне, что знает каждую фразу, произносимую мной в служебном кабинете, на квартире и даже на улице. И в подтверждение своих слов рассказал почти дословно о разговоре с П. Елистратовым у меня в кабинете. Думаю, что слушали не только меня, но и других товарищей, например, Семичастного, работавшего уже в то время заместителем председателя Всесоюзного общества «Знание». В один из дней его вызвал секретарь ЦК КПСС Иван Капитонов и обвинил в том, что в его кабинете некоторые люди плохо отзываются о нынешнем руководстве ЦК, а он не дает отпора, и предупредил, что если он и впредь будет так себя вести, то его строго накажут...».

Но вернемся к событиям в Азербайджане.

Несомненно, что свое решающее слово в кадровых перестановках там сказал все тот же Семен Цвигун, который хорошо знал Гейдара Алиева, а также был в курсе расклада сил в тамошней элите. И свои «чистки» Алиев несомненно проводил с ведома и одобрения Москвы, которая извлекала из этого двойную выгоду: во-первых, опробывала новую тактику в деле манипуляции республиканскими элитами, во-вторых — подавала им сигнал, что Центр готов восстановить жесткий контроль над ними. Ведь за годы хрущевской «оттепели» республиканские элиты явно «разболтались». Несмотря на попытки Хрущева ужесточить наказание за то же взяточничество, он в то же время вывел парт- и госноменклатуру из-под карающего меча спецслужб, что превратило эту борьбу в обыкновенную компанейщину. Брежнев, конечно же,

не собирался посягать на особое положение элит, однако наведение хотя бы элементарного порядка в ее среде было просто необходимо. Ведь в том же Азербайджане, например, дело дошло до того, что за деньги продавались должности... секретарей республиканского ЦК и министров. И это не преувеличение — об этом заявил сам Алиев на закрытом совещении в ЦК КП Азербайджана вскоре после того, как пришел к власти.

Согласно сведениям, которыми располагал Алиев (а их он, без сомнения, почерпнул из материалов, собранных в республиканском КГБ), коррупционный прейскурант в республике выглядел следующим образом: должность 1-го секретаря райкома партии стоила 200 тысяч рублей, 2-го секретаря — 100 тысяч, министра коммунального хозяйства — 150 тысяч, министра социального обеспечения — 120 тысяч, ректора вуза — 100—200 тысяч (в зависимости от степени значения вуза), начальника районного отделения милиции — 50 тысяч рублей, районного прокурора — 30 тысяч и т. д.

Конечно, нельзя сказать, что духом купли-продажи были пронизаны все этажи власти в республике (были там и честные люди), однако коррупция все равно была достаточно высокой. Но Центр больше всего волновало не это, а эффективность системы, действующей в Азербайджане. Советская бюрократия, как и любая другая, была вороватой, но в то же время и достаточно профессиональной: то есть, воровала, но и работать эффективно умела. Однако в Азербайджане этого, как раз, и не было. Достаточно сказать, что со времен окончания войны республика ни разу не выполнила, спущенного Центром пятилетнего плана. И хотя с последним пятилетним планом (1965—1970) она, вроде бы, справлялась, но это только потому, что Москва пошла ей навстречу и снизила Азербайджану нормы выработки.

Кстати, именно эту причину (экономическое отставание) озвучил Алиев широкой общественности, объясняя свой приход к власти. Уже спустя месяц после своего воцарения он собрал Пленум ЦК, где выступил с докладом, в котором подверг жесткой критике положение, сложившееся в самых различных сферах жизни республики, в том числе и в экономике. Сказал он и о коррупции, пообещав уже в скором времени прижать к ногтю казнокрадов и взяточников. А чтобы ему было на кого опереться в своей деятельности, он назначил на ключевые должности своих коллег-чекистов. Так, заведующим Отделом административных органов (курирование силовых ведомств) он назначил бывшего заместителя начальника отдела контразведки КГБ Азербайджа-

на Юсиф-заде Зию Мамед оглы (всего за первые три года правления Алиева в республике будет назначено на руководящие номенклатурные должности 1983 сотрудника КГБ).

О том, как Алиев наводил порядок в своей вотчине, написано немало. Приведу лишь один отрывок, который принадлежит перу И. Наджафова и Э. Ахундовой:

«В первые месяцы своего руководства Алиев нагнал страху на торговую номенклатуру Баку. Пользуясь тем, что в лицо его мало кто знал, Алиев стал совершать партизанские вылазки в город. Оденется попроще, выйдет из дому и сядет в первое подвернувшееся такси. Выбирал самый длинный маршрут, чтобы поговорить с водителем «за жизнь»: как люди живут, чем недовольны, на что больше всего жалуются. Или зайдет в магазин и интересуется у продавца: «Сколько стоит мясо?». «Два рубля сорок копеек!». А почему, спрашивает, так дорого? В те годы по два сорок продавалось мясо первого сорта. Здесь же, говорит, одни кости. Продавцы плечами пожимают. А кое-кто и посылал любопытного покупателя подальше. Он и шел «дальше» — прямиком на склад или в подсобку, где, как правило, обнаруживал солидные залежи продовольственного дефицита. В общем, за две-три недели таких рейдов по «наводке» Алиева было арестовано около 40 человек.

Среди партийной элиты республики поползли разговоры: «первый» прибегает к недозволенным методам, то, что он делает, — волюнтаризм, партизанщина. А как ему было иначе узнать правду? Вызывает прокурора республики, тот докладывает, что в Азербайджане «все в порядке». Спрашивает у министра внутренних дел — та же отлакированная, далекая от реальности картина. А народ недоволен! Он знал об этом недовольстве, еще когда работал в КГБ. Но это была другая, невидимая часть айсберга, тщательно скрываемая от большей части общества.

Однако вылазки инкогнито по столице вскоре пришлось прекратить. Его стали узнавать. Потом уже ему сообщили, что фотография Алиева, размноженная кем-то в сотнях экземпляров, появилась на столе каждого завмага, под прилавком у каждой продавщицы. Остроумные бакинские таксисты его даже кличкой наградили: Михайло. В те годы на экраны страны вышел фильм «На дальних берегах» — про легендарного советского партизана Мехти Гусейнзаде, действовавшего в фашистском тылу в Югославии и Италии. Фильм пользовался большой популярностью. Так что кличка «Михайло» ему даже льстила...».

Между тем рейды Алиева по Баку затрагивали в основном интересы шушинского клана, что воспринималось представителями последнего крайне негативно. И хотя Алиев пытался разрядить ситуацию, назначая на места снятых с должностей руководителей не только своих земляков нахичеванцев, но и представителей из других регионов (так, среди новых 1-х секретарей бакинского горкома один был родом из самого Баку, другой из Шемахи, третий — из Армении, четвертый вообще был русским и т. д.), однако сути дела это не меняло — Алиева продолжали обвинять в протекционизме своего клана. В итоге эти жалобы дошли до Брежнева, который, видимо, посчитал, что новый хозяин Азербайджана явно перегибает палку и может попросту взорвать ситуацию в республике. И он немедленно позвонил Алиеву. При этом не стал сообщать ему, что звонит после жалоб из Азербайджана, а сослался на мнение... западных радиоголосов. И вновь обращусь к рассказу И. Наджафова и Э. Ахундовой:

«Около сорока минут рассказывал Алиев Генеральному обо всем, что пережил и передумал за эти первые после своего избрания дни. О разгуле коррупции, о тотальном воровстве и махинациях в торговом секторе, о социальном недовольстве населения. По-видимому, ему удалось в чем-то убедить Брежнева. К концу беседы голос Генсека стал звучать заметно мягче. И все же последняя фраза «генерального» прозвучала как приказ:

— В общем, смотри у меня, не слишком зарывайся! Уж больно ты горяч, как я погляжу...».

После этого Алиев сделал необходимые выводы из разговора с Генеральным, несколько умерив (но не смирив) свой пыл в деле перетряски кадров высшей номенклатуры.

Что касается смены руководства в Туркмении, то там Центром был использован другой вариант — мягкий. То есть, никаких разоблачений в среде местной элиты не произошло и Балыш Овезов, который занимал пост 1-го секретаря ЦК с июня 1960 года без всякого сопротивления в декабре 1969-го уступил руководящее кресло Мухамедназару Гапурову, который до этого в течение шести лет трудился в должности председателя Совета Министров Туркмении.

Скажем прямо, в остальных советских республиках тамошние руководители с тревогой взирали на эти перестановки, особенно на то, что происходило в Азербайджане. Всем было очевидно, что последний служит своего рода полигоном, на котором Центр отрабатывает новую схему по замене высшего республиканского руководства и приведению тамошних элит к нужному Москве состоянию. Следила за этими событиями и узбекская элита — ведь Азербайджан и Туркмения были мусульманскими анк-

лавами и там действовала та же клановая система. Определенные надежды эти перестановки могли вселять в антирашидовскую оппозицию, которая надеялась, что вслед за Ахундовым и Овезовым Москва наконец надумает сместить и Рашидова, который сидел в кресле «первого» ровно столько же, сколько и оба смещенных лидера — 10 лет.

Свои выводы делал и Рашидов, который опасался того же. А то, что ситуация складывается для него тревожная, говорило многое: и активизация оппозиции (взять хотя бы ташкентские события апреля 1969-го), и действия самой Москвы, которая прислала в Узбекистан нового силовика — председателя КГБ Алексея Бесчастнова, который сразу был введен в состав кандидатов в члены Бюро ЦК КП Узбекистана. Это был кадровый чекист с 32-летним стажем работы в органах. До 1951 года он руководил советниками МГБ в социалистических странах, затем был резидентом советской разведки в Польше, Венгрии, на Кубе. Его назначение в Узбекистан могло расцениваться Рашидовым двояко: как дружественный акт (поддержка Центра), так и враждебный (помощь оппозиции). Как показали дальнейшие события, верным оказался первый вариант. Оказалось, что Брежнев не собирался менять Рашидова, поскольку над его собственной головой сгустились тучи, которые потребовали от Генерального мобилизации всех верных ему сил, в число которых входил и Рашидов. Что же случилось в Кремле?

Все началось с того, что в Политбюро у Брежнева появилась группа оппонентов (Михаил Суслов, Александр Шелепин, Кирилл Мазуров), которые вдруг посчитали, что Брежнев проявляет излишнюю самостоятельность и порой игнорирует мнение остальных членов высшего ареопага. Так, на пленуме ЦК КПСС в декабре 1969 года Генеральный выступил с достаточно критическим докладом, не поставив об этом в известность членов Политбюро. В итоге Суслов и К° написали в Политбюро записку, в которой осуждали действия Брежнева и предлагали обсудить этот вопрос на мартовском пленуме ЦК.

Узнав об этом, Брежнев понял, что дело может принять для него плохой оборот — это обсуждение могло стоить ему поста Генсека. В этой ситуации от него требовался неординарный ход, которого противники бы от него не ожидали. И Брежнев (то ли сам, то ли с подачи своих ближайших помощников) такой ход придумал. Он отложил на неопределенный срок пленум и отправился в Белоруссию, где с конца февраля под руководством министра обороны СССР Андрея Гречко проводились военные учения

«Двина». Ни один из членов Политбюро не сопровождал генсека в этой поездке, более того многие из них, видимо, и не подозревали о том, что он туда уехал.

Брежнев приехал в Минск 13 марта и в тот же день встретился на одном из правительственных объектов, принадлежащих Министерству обороны, с Гречко и приближенными к нему генералами. О чем они беседовали в течение нескольких часов дословно неизвестно, но можно предположить, что генсек просил у военных поддержки в своем противостоянии против Суслова и К°. Поскольку Гречко, как и многие другие военачальники, давно недолюбливали «серого кардинала» Суслова, такую поддержку Брежнев быстро получил.

Окрыленный этим, Генсек через несколько дней вернулся в Москву, где его с нетерпением дожидались члены Политбюро, уже прознавшие, где все это время пропадал их генеральный. На первом же, после своего приезда в Москву, заседании Политбюро Брежнев ознакомил соратников с итогами своей поездки в Белоруссию, причем выглядел он при этом столь уверенным и решительным, что все поняли — Суслов проиграл. И действительно: вскоре Суслов, Шелепин и Мазуров «отозвали» свою злополучную записку, и она нигде не обсуждалась.

Параллельно с этими событиями развивались и другие — в Узбекистане, где Рашидов нанес мощный удар по своим оппонентам. Первой была выведена из игры Президент республики и член Бюро с 1959 года Ядгар Насриддинова. Как мы помним, Ядгар была бывшей детдомовкой и женщиной с весьма твердым характером, от которого приходили в трепет многие мужчины. Практически все свое время она отдавала работе, являя порой настоящие чудеса выносливости, которой могли позавидовать многие представители сильного пола. Особенно это стало заметно после 1966 года, когда из жизни ушел муж Насриддиновой, а их дети (сын и дочь) уже были относительно взрослыми.

С этого момента Ядгар чуть ли не удвоила свое рвение, буквально сгорая на рабочем месте. И эта активность всерьез настораживала Рашидова и его людей, которые видели, что Насриддинова из всех «ферганцев» может быть наиболее приемлемой кандидатурой на место первого секретаря. И в этом опасении не было ничего необычного: несмотря на то, что среди высших партийных руководителей советских республик еще никогда не было женщин, однако Узбекистан вполне мог дать такой прецедент, поскольку после того как в 1966 году в дружественной СССР Индии к власти пришла Индира Ганди (как мы помним, она стала пре-

мьер-министром страны вместо внезапно скончавшегося Шастри), на женщин-политиков в мире стали смотреть несколько иначе — без привычного предубеждения. Однако занять место Рашидова Насриддиновой было не суждено.

Поводом к опале знаменитой узбекской женщины-Президента стала... свадьба ее сына, которая произошла в 1969 году. А что такое свадьба на Востоке? Это не только одно из самых торжественных, но и сакральных событий, собирающее до нескольких тысяч человек. Это разгул настоящего пиршества и подлинный карнавал музыки, красок и веселья. Говорю это как очевидец, который первую узбекскую свадьбу воочию увидел именно тогда — летом 1969 года. И хотя было мне в ту пору не очень много лет (я готовился пойти в 1-й класс), однако воспоминания об этом событии живы в моей памяти до сих пор.

Между тем свадьба, которую справляла Ядгар Насриддинова для своего сына, по меркам того времени была не самой пышной: на только что отстроенной даче жениха (подарок матери) собралось всего несколько сот человек, включая и почти всех членов Бюро ЦК КП Узбекистана во главе с Рашидовым. Торжество обслуживали около 150 человек, из которых 50 — официанты и официантки. 200 человек выполняли роли шоферов, которые курсировали между городскими гостиницами, где проживали гости (отметим, что только жених, будучи студентом МГУ, пригласил на торжество 17 своих однокашников), и дачей. Было накрыто несколько десятков столов, которые ломились от привычных для этих мест явств: плова, шашлыков (3 тысячи порций — не самое большое количество для подобных мероприятий) и т. д.

Прошло всего немного после этого события, как информация о нем уже дошла до Москвы, до самого Брежнева. В информации указывалось, что Президент Узбекистана грубо нарушила нормы партийной этики, устроив пышную свадьбу для своего сына фактически на государственные деньги. Эта депеша легла на благодатную почву: Брежнев тогда руками Алиева «строил во фрунт» азербайджанскую элиту и не прочь был помочь Рашидову «построить» узбекскую. Именно «построить», а не наказать. В итоге Насриддинову отозвали в Москву и назначили Председателем Совета Национальностей СССР. В сентябре 1970 года Брежнев приехал в Узбекистан, чтобы лично узаконить и другие перестановки в высшем эшелоне узбекистанской элиты, а также стать гарантом для тамошних кланов, что эти перестановки не повлекут за собой «закручивания гаек».

На XX Пленуме ЦК КП Узбекистана (25 сентября) Рашидов провел существенные кадровые ротации в составе Бюро. Его покинули: секретарь ЦК по идеологии «ташкентец» Рафик Нишанов (его отправили послом СССР на Цейлон и Мальдивы), председатель Совета Министров УзССР (с 1961 года) «бухарец» Рахманкул Курбанов (вместо него в кресло премьер-министра был посажен джизакец Нармахонмади Худайбердыев, который одно время (в начале 60-х) уже был в составе Бюро, но в 1964 году был выведен из него и с тех пор занимал должность министра сельского хозяйства), секретарь ЦК «хивинец» Назар Матчанов (его назначили председателем Президиума Верховного Совета УзССР вместо Я. Насриддиновой).

Незадолго до этого из кандидатов в члены Бюро были также выведены: бывший 1-й секретарь Ташкентского обкома М. Абдуразаков и М. Турсунов. На сентябрьском Пленуме новыми секретарями ЦК были избраны: Ю. Курбанов, А. Салимов. В должностях заведующих отделами ЦК были утверждены: В. Архангельский (пропаганды и агитации), М. Хайруллаев (культуры), В. Казимов (транспорта и связи).

Вскоре после этого Москва сменила и второго силовика — командующего Туркестанским военным округом (смена первого силовика — председателя КГБ — произошла, как мы помним, еще в ноябре 69-го): место Николая Лященко занял генерал армии С. Белоножко. Отметим, что в конце июня 1969 года был воссоздан, упраздненный сразу после войны Среднеазиатский военный округ с управлением в Алма-Ате. В него вошли выделенные войска из Туркестанского военного округа, которые должны были отныне «прикрывать» территории трех республик — Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

В итоге, когда в начале марта 1971 года состоялся 18-й съезд Компартии Узбекистана, состав его Бюро выглядел следующим образом: Ш. Рашидов (1-й секретарь), В. Ломоносов (2-й секретарь), Н. Худайбердыев (председатель Совета Министров), Н. Матчанов (председатель Президиума Верховного Совета), М. Мусаханов (1-й секретарь Ташкентского обкома), А. Бесчастнов (председатель КГБ), С. Белоножко (командующий Туркестанским военным округом), И. Анисимкин (секретарь ЦК), А. Салимов (секретарь ЦК), Т. Осетров (1-й заместитель председателя Совета Министров).

Отметим, что впервые с хрущевских времен (если точнее — с начала 60-х) в состав Бюро был вновь введен председатель КГБ — «глаза и уши» Москвы, что было весьма симптоматично: это ясно

указывало на то, что Центр возвращал Комитету тот контроль за высшей элитой, который пытался сузить Хрущев.

Кандидатами в члены Бюро были избраны: К. Камалов (1-й секретарь Каракалпакского обкома), Н. Махмудов, С. Расулов, С. Султанова. В декабре число кандидатов вырастет еще на одного человека — Г. Орлова.

В этом списке обратим внимание на К. Камалова, поскольку незадолго до этого Рашидов женил своего сына Владимира на его дочери. Отметим таже еще один династический брак, который осуществил Рашидов: он выдал одну из своих дочерей за Мирзу Мусаханова, который в январе 1970 года из кресла первого заместителя председателя Совета Министров пересел в кресло 1-го секретаря Ташкентского обкома (вместо Малика Абдуразакова). Тем самым Рашидов еще сильнее укрепил свои позиции во властной элите.

Значительные изменения будут произведены в руководстве отделами ЦК: из 16 назначенцев только пятеро сохранят свои посты, будучи назначенными еще на предыдущем съезде. Это были: Г. Орлов (отдел организационно-партийной работы), Т. Зинин (сельскохозяйственный), А. Ахунджанов (торговли, плановых и финансовых органов), М. Саидов (строительства и городского хозяйства), Д. Ходжаев (председатель партийной комиссии ЦК). Среди новых назначенцев окажутся следующие: В. Архангельский (отдел пропаганды и агитации, с сентября 1970 года), Р. Абдуллаева (культуры), М. Хайруллаев (науки и учебных заведений), У. Рустамов (информации и зарубежных связей), В. Кадыров (административных органов), И. Рахматов (тяжелой промышленности), В. Казимов (транспорта и связи; с сентября 1970 года), М. Шамухитдинов (легкой и пищевой промышленности), А. Тихомиров (водного хозяйства), К. Таиров (общий отдел), Т. Умаров (управляющий делами).

Приезд Брежнева в Узбекистан, кроме прочего, преследовал цель не только укрепить позиции Рашидова во власти, но и успокоить его относительно скорых перестановок в высшем кремлевском ареопаге. Дело в том, что на раннюю весну 1971 года намечался очередной, 24-й по счету, съезд КПСС, где Брежнев собирался произвести изменения в Политбюро. В частности, он предполагал ввести в его состав сразу четырех кандидатов: Виктора Гришина (1-го секретаря МГК КПСС), Федора Кулакова (заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС), Владимира Щербицкого (председатель Совета Министров Украинской ССР) и Динмухамеда Кунаева (1-й секретарь ЦК КП Казахстана).

Отметим, что двое из этих деятелей — Гришин и Щербицкий — стали кандидатами одновременно с Рашидовым (в октябре 1961 года), а двое других значительно позже — весной 1966 года на 23-м съезде КПСС. Поэтому избрание в состав Политбюро Кулакова и особенно Кунаева, который возглавлял республику, считавшуюся главным конкурентом Узбекистана в южном регионе, было для Рашидова фактом из разряда неприятных. Хотя, конечно, он был прекрасно осведомлен о том, что Кунаева Брежнев считает своим близким другом, подружившись с ним еще в середине 1950-х в бытность свою руководителем Казахстана. Однако от чувства горечи все равно было трудно отделаться. Брежнев это понимал, что, видимо, и стало еще одним поводом к его приезду в Ташкент.

Глава 23

ОТ МУЗЫКИ ДО КИНО

Тем временем большая политика меньше всего волнует жителей Узбекистана, что вполне закономерно: стабильная жизнь в республике способствует тому, чтобы люди меньше всего обращали внимание на то, что происходит на политическом Олимпе. Тем более приезд самого Брежнева в республику наглядно продемонстрировал жителям Узбекистана, что Центр по-прежнему доверяет Рашидову и, значит, поводов к беспокойству за политику своего руководства у рядовых граждан не возникало.

В начале марта 1971 года в спортивной жизни Узбекистана произошло очередное знаменательное событие: туда пришел... хоккей с шайбой. Событие, на первый взгляд, экстраординарное, поскольку этот зимний спорта в одной из самых теплых советских республик должен был выглядеть непривычно. Но это только на первый взгляд, поскольку хоккей с шайбой к тому времени в СССР превратился в один из самых любимых видов спорта для миллионов советских людей, невзирая на то, в какой части страны и при каком климате они жили. Поэтому, в Ташкенте, например, в середине 70-х возникнет своя хоккейная команда мастеров «Бинокор», которая будет выступать в низшем дивизионе. Однако помимо имен ее игроков жителям Узбекистана в не меньшей степени (если не в большей) были известны имена таких прославленных хоккеистов, как Вячеслав Старшинов, братья Майоровы, Валерий Харламов, Александр Якушев, Владислав Третьяк. Ведь

за блистательной игрой сборной СССР на чемпионатах мира и Олимпийских играх с огромным интересом наблюдали жители даже самых отдаленных уголков Советского Союза. Но вернемся в Ташкент начала весны 1971-го.

Тогда в столице Узбекистана был проведен первый хоккейный турнир на Кубок Узбекской ССР и призы газет «Правда Востока» и «Советский Узбекистан». Причем на это соревнование удалось зазвать не середняков всесоюзного чемпионата, а самых что ни на есть его грандов: московские команды ЦСКА (чемпион 1970 года) и «Спартак» (чемпион 1969 года), а также воскресенский «Химик» и горьковское «Торпедо». Матчи проходили 5-9 марта на льду ташкентского Центрального спортзала «Юбилейный» и вызвали небывалый ажиотаж — трибуны были переполнены. Что вполне объяснимо, учитывая, что в составе ЦСКА и «Спартака» играли многие игроки национальной сборной СССР.

Между тем победитель турнира был выявлен в последний день в игре, где встретились ЦСКА и «Спартак». Сильнее оказались последние, которые забросили в ворота армейцев восемь шайб, пропустив в свои только пять.

Сразу после завершения турнира в Ташкенте впервые гостил популярный вокально-инструментальный ансамбль «Веселые ребята» из Москвы. Их концерты состоялись в концертном зале имени Я. Свердлова 10—14 марта и, как и хоккейные баталии, вызвали не меньший ажиотаж. Ведь данный ВИА считался первопроходцем в этом жанре (второй подобный коллектив в СССР после «Поющих гитар», которые появились на два года раньше — в 1966 году) и входил в число одних из самых популярных в стране. Особенно сильным этот ажиотаж стал в 1970 году, когда ансамбль выпустил на фирме грамзаписи «Мелодия» свою первую грампластинку, где звучали две песни из репертуара «Битлз»: «Старенький автомобиль» (на русском языке) и «Облади, обла-да» (на английском). Этот миньон разошелся колоссальным тиражом в 14 миллионов экземпляров, часть из которого достигла и территории Узбекистана. Вспоминает солист ансамбля Ю. Петерсон:

«В 1970 году мы записали пластинку с песнями «Битлз». Она продавалась в магазине «Мелодия» на Калининском проспекте в Москве. Мы с Леней Бергером (еще один солист «Веселых ребят». — *Ф. Р.*) ходили смотреть, как она продается. Там было настоящее столпотворение! Уже где-то через полгода билеты на «Веселых ребят» перепродавались спекулянтами по сумасшедшим ценам. Например, в Ташкенте билет на концерт «Веселых ребят» вместо номинала в 3 рубля продавался с рук по 25...».

Во время ташкентских гастролей в марте 1971 года репертуар ансамбля состоял из следующих произведений: «Алешкина любовь» (еще одна песня из первого миньона), «Записка», «Школьный бал» Сергея Дьячкова, «На чем стоит любовь» (тоже была представлена из первом миньоне), «Тебе все равно», «Рыбацкая песня» Олега Иванова, «А ты люби ее, свою девчонку», «Не просто быть вдвоем» Давида Тухманова, «Наташа и я» польского автора Богуслава Крынчика; а также песен из репертуара «Битлз» и певца Рэя Чарльза. Отметим, что в составе коллектива работал один узбек — солист Владимир Фазылов, который был родом из Бухары, а в то время учился в московском текстильном институте (чуть позже, через год, это он исполнит супершлягер «Люди встречаются», который войдет во второй миньон этого ансамбля).

Между тем именно в начале 70-х в Узбекистане родится свой собственный первый профессиональный ВИА — «Ялла» из Ташкента. Вообще то время было отмечено настоящим бумом: когда практически во всех союзных республиках появлялись собственные ВИА. Так, в Азербайджане это была «Гая», в Грузии — «Иверия», в Узбекистане — «Ялла» и т. д.

Как пишут музыковеды В. Щелкин и С. Фролов:

«Первым руководителем «Яллы» был выпускник ленинградской консерватории, пианист Евгений Ширяев. Потом он стал известным композитором и сочинил много хороших песен. Одна из них — известная «Березы русские» (на слова известного киноактера Талгата Нигматулина. — *Ф. Р.*) в исполнении певца Мансура Ташматова. Ширяеву удалось собрать в «Ялле» волшебные голоса из студентов Ташкентских вузов, сделать профессиональные инструментальные аранжировки и тем самым сделать коллектив не только поющим, но и одновременно играющим. А это гораздо сложней, чем просто петь в микрофон. Прекрасное начало, которое и определило стиль, направление, богатый репертуар коллективу на все последующие годы дал первый состав. Это пианист, аранжировщик и музыкальный руководитель Евгений Ширяев, солист и художественный руководитель Герман Рожков, Шахбаз Низамутдинов, Алиаскар Фатхуллин, Фарух Закиров, Равшан Закиров (родные братья Батыра Закирова. — *Ф. Р*)...».

Отметим, что музыкальный стиль и почерк «Яллы» были ни на кого не похожими. Современная музыка, исполняемая этим коллективом, тесно гармонировала и перекликалась с восточным фольклором. Видимо, это и сделало выступление еще самодеятельного ансамбля «Ялла» большим открытием и дебютом на первом телевизионном конкурсе «Алло, мы ищем таланты!». Это

случилось в самом начале 1971 года на отборочном туре передачи, который проходил в Свердловске. «Ялла» приехала туда с двумя песнями: узбекской «Кызбола» Энмарка Салихова (дословно «Девушка-парень», или «Боевая девчонка») и не менее знаменитой песней из художественного фильма «Простая история» под названием «На тот большак...».

Кстати, название «Ялла» родилось благодаря песне «Кызбола». Там шло нечто вроде припева без слов: «Ял-ла-ла-ла» и кто-то из участников коллектива воскликнул: «Да вот же готовое название для ансамбля!».

В Свердловске «Ялла» выступила блестяще и получила право выступить в финальном туре, который проходил в Москве и транслировался по телевидению на всю страну. Вот как это описывают все те же В. Щелкин и С. Фролов:

«Выступить по телевидению было почетным делом. А как волновались музыканты коллектива! Им выпало выступать последними. Пятеро молодых парней с электрогитарами и в стилизованных национальных костюмах пели русскую народную песню «Плывут туманы белые». Там в припеве было: «А почему несмелые девчонкам больше нравятся». Но все эти переживания настолько помогли ребятам, что их настроения точно вписались в исполнение конкурсной песни. Надо было видеть и слышать, — с каким чувством запевал ее солист ансамбля Равшан Закиров. Настоящий успех принесла национальная песня «Рамазан», вошедшая в золотой фонд ансамбля. Жюри единогласно отметило талант нового коллектива. Композитор Леонид Афанасьев, автор многих известных песен, в том числе «Гляжу в озера синие» из телефильма «Тени исчезают в полдень». Он отметил их бережное обращение с фольклором и что электрогитары звучат у музыкантов как узбекский тамбур и рубаб. Они стали лауреатами...».

Между тем из этого рассказа выпала весьма драматическая деталь — эпизод, когда некоторое время всем зрителям и самим участникам «Яллы» показалось, что награда обошла их стороной. Вот как это описывает один из артистов «Яллы» (в последующем — ее руководитель) Фарух Закиров:

«Все с замиранием сердца ждали, когда ведущий Александр Масляков начнет объявлять имена 12 дипломантов конкурса, это из нескольких десятков участников. Вот он называет пятого, шестого, седьмого дипломантов. Они выходят на сцену, исполняют свои песни. У нас настроение приподнятое — мы уверены в успехе. Но вот объявляют уже десятого и одиннадцатого — опять не мы. Мой младший брат Равшан перед выходом на сцену всегда выпивал сырое яйцо. Во время объявления победителей он нервно крутил яйцо в руках. Масляков объявил имя двенадцатого дипломанта... Но это не «Ялла». Как же так! Душит обида, у нас на глазах слезы. Яйцо в руках Равшана потекло прямо на костюм. За всем этим пристально следит камера телеоператора. Зрители и наши конкуренты пристально оглядываются на нас с недоумением, пожимают плечами. Никто ничего не понимает, и все нам искренне сочувствуют.

Но вот улыбающийся Масляков вышел на сцену и объявил: что есть еще один — тринадцатый дипломант, которому жюри фестиваля присудило особый приз. И это — вокально-инструментальный ансамбль из Узбекистана — «Ялла»! Что началось в зале — не передать словами. Мы были ошеломлены: наши конкуренты вскакивали с мест и устремлялись к нам, чтобы поздравить с победой! Мы плакали, но это были слезы радости...».

Тем временем в марте 1971 года очередные новшества произойдут в телетрансляциях на среднеазиатский регион: будет запущена программа «Восток», которая охватит территории Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Казахстана, Урала и Сибири. Эта программа позволит жителям этих регионов смотреть передачи в удобное для них время. Ведь до этого, к примеру, телетрансляции из Москвы доходили до Средней Азии с опозданием на несколько часов и многие из них шли далеко за полночь, когда большая часть зрителей уже спала (так, передачу «Спокойной ночи, малыши!» в Узбекистане показывали после 9 вечера, а «Кинопанораму» — ближе к часу ночи). Теперь эта проблема была решена. Программа 1 «А» («Восток»), сдвинутая по времени на три часа раньше, давала возможность телезрителям Средней Азии смотреть передачи ЦТ в удобное для них время. Тогда же в Узбекистане начались и первые цветные телепередачи.

Раз уж речь зашла о ТВ, приведу на этих страницах программу телепередач за один день — 14 марта 1971 года:

1-я программа. Ташкент: 18.55 — Программа телепередач. На узбекском языке: 19.00 — «Веселые минуты». На русском языке: 19.25 — «Ахборот». 19.35 — Для воинов Советской Армии. На узбекском языке: 20.05 — Поет Зейнаб Люманова. 20.35 — «Ахборот». 20.50 — «Навстречу съезду кинематографистов УзССР» (на русском языке). 22.40 — «Я шагаю по Москве» (художественный фильм). 23.55 — Программа телепередач. Москва: 24.00 — «Время». 00.30 — Программа телепередач.

2-я программа. Москва: 20.00 — Новости. 20.15 — «Коммунист и время». 20.45 — «Повесть о настоящем человеке» (художе-

ственный фильм). 22.15 — «За каменной стеной» (телеспектакль). 23.45 — «Перекоп» (телевизионный документальный фильм).

3-я программа. 18.00 — Душанбе.

Достаточно активно в те годы развивался и узбекский кинематограф. Впрочем, о его тогдашнем развитии следует рассказать особо.

Начать же следует с того, что большинство республиканских кинематографий являлись дотационными (то есть датировались из Центра, поскольку их продукция себя почти не окупала). Как вспоминает один из тогдашних руководителей Госкино СССР В. Баскаков:

«По существу, за счет «Мосфильма», «Ленфильма» держалась вся кинематография, отчасти — студии имени Горького. Вся республиканская кинематография дотировалась (кроме украинской, которая больших доходов не давала, но покрывала свои расходы). (На Украине функционировали две киностудии — имени А. Довженко в Киеве и Одесская. — *Ф. Р.*). Все неигровое кино датировалось за счет художественного кино. Все студии Кавказа и Средней Азии были убыточны. Другого такого фильма, как «Аршин Мал-Алан» не было, чтобы вся страна его смотрела! (Этот фильм, снятый на Бакинской киностудии режиссерами Рзой Тахмасибом и Николаем Лещенко, собрал в 1945 году 16 миллионов 270 тысяч зрителей и занял 8-е место в прокате. — *Ф. Р.*). Есть же предел восприятия национальных фильмов. В Рязанской области даже хороший таджикский фильм смотреть не хотели. Более того, был социологический подсчет, что грузинские фильмы в Грузии смотрели относительно меньше зрителей, чем в среднем по стране. В Грузии и на Кавказе вообще шли индийские и арабские фильмы в прокате (не меньшим успехом они пользовались и в Средней Азии. — *Ф. Р.*). Но индийские, арабские, французские и итальянские картины входили в общую копилку, и с их помощью кинематограф покрывал свои расходы...».

Между тем описанная выше ситуация была более характерна для 70-х годов, когда в республиках резко сократился выпуск кассовых хитов. До этого ситуация была несколько иной — тогда случались периоды, когда республиканские киностудии себя окупали (для этого фильм должен был собрать в прокате свыше 10 миллионов зрителей). Взять, к примеру, кинематографии республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья (а это большая часть советских республик — целых 8: Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Киргизия, Казахстан, Азербайджан, Армения и Грузия).

Например, во второй половине 50-х в фаворитах из перечисленных выше республик была Грузия, которая почти ежегодно выдавала «на-гора» один-два кассовых боевика. Например, в 1957 году это был детектив «Тайна двух океанов» (31 миллион 200 тысяч зрителей), комедия «Заноза» (29 миллионов 300 тысяч), в 1959-м — исторический фильм «Мамлюк» (27 миллионов 600 тысяч), мелодрама «Фатима» (26 миллионов 800 тысяч), в 1960-м — военно-героическая драма «Прерванная песня» (26 миллионов 900 тысяч).

Остальные кинематографии из перечисленных выше республик несколько отставали от грузинской, лишь изредка выдавая «на-гора» какой-нибудь кассовый хит, сборы от которых все равно были ниже грузинских. Так, в Казахстане это была «Девушка-джигит» (1955; 27 миллионов 800 тысяч); в Азербайджане: «На дальних берегах» (1958; 27 миллионов 500 тысяч), «Мачеха» (1959; 21 миллион 800 тысяч); в Таджикистане — «Я встретил девушку» (1958; 25 миллионов); в Армении — «Песня первой любви» (1958; 24 миллиона 600 тысяч).

Что касается узбекской кинематографии, то потолок кассовости ее хитов в те годы колебался в пределах от 15 до 20 миллионов («Авиценна», «Во имя счастья» — оба фильма сняты в 1957 году; «Когда цветут розы» — 1959). Однако в 1959 году (аккурат, когда к власти в Узбекистане пришел Ш. Рашидов) узбекские мастера кино получили новое здание киностудии «Узбекфильм», что позволило им претендовать на большее. В 1963 году на студии был снят первый фильм о подвиге узбекского народа в годы Великой Отечественной войны «Ты не сирота» (режиссер Шухрат Аббасов), который принес «кассу» почти в 23 миллиона. И хотя до результата грузинского шедевра «Отец солдата» (1965) он не дотянул всего чуть-чуть (тот собрал 23 миллиона 800 тысяч зрителей), однако не забудем, что грузины снимали свой фильм (кстати, тоже первый о Великой Отечественной войне), при поддержке главной киностудии страны — «Мосфильма».

В 60-е годы внезапно «выстрелила» киностудия «Таджикфильм»: ее боевик «Операция «Кобра» собрал в кинотеатрах по всей стране 34 миллиона 600 тысяч зрителей. Увы, но это оказался единственный «тридцатимиллионник» данной киностудии и все остальные ее хиты собирали уже меньшую аудиторию — до 27 миллионов.

У других киностудий из упомянутой «восьмерки» среди хитов того десятилетия значились: у Армении — «Чрезвычайное поручение» (1966; 30 миллионов 800 тысяч), у Азербайджана — «Следствие продолжается» (1968; 28 миллионов 200 тысяч); у Ка-

захстана — «Там, где цветут эдельвейсы» (1966; 25 миллионов 300 тысяч); у Туркмении — «Решающий шаг» (1966; 23 миллиона 300 тысяч). Как и прежде, не было кассовых хитов у кинематографистов Киргизии.

Между тем лидерами «восьмерки» по частоте выпуска кассовых лент тогда были кинематографии Грузии и Узбекистана. Причем первые некоторое время шли впереди. Так, самыми кассовыми лентами «Грузия-фильма» тогда были: детектив «Игра без ничьей» (1967; 29 миллионов 700 тысяч) и уже упоминаемый «Отец солдата». У «Узбекфильма» самым кассовым хитом оказался детектив «В 26-го не стрелять!» (1967; 32 миллиона 900 тысяч).

Даже разрушительное землятресение 1966 года не смогло помешать узбекским кинематографистам сохранить свои лидирующие позиции среди среднеазиатских и закавказских кинематографий. Если «Узбекфильм» выдавал «на-гора» до 10—12 картин в год (шесть художественных и шесть телевизионных, что было предельной квотой по кинопроизводству для республиканских киностудий), то его конкуренты вдвое меньше: «Казахфильм», «Таджикфильм», «Азербайджанфильм» — 5—7 фильмов, «Туркменфильм», «Киргизфильм» — 4—6 фильмов. Такая ситуация сложилась не случайно: именно на «Узбекфильме» была лучшая проявочная лаборатория, рассчитанная на обслуживание нужд всех республик Центральной Азии, лучший дубляжный цех, первенство которого безоговорочно признавали коллеги из других стран, современные павильоны и т. д.

В конце 60-х узбекские кинематографисты сделали мощный рывок вперед по части создания кассового кино, наладив выпуск истернов, которые их ближайшие конкуренты — грузины — отказывались снимать из принципиальных соображений, переключившись на, так называемое, «поэтическое кино». Отметим, что узбеки тоже не чурались этого направления (взять, к примеру, такие прекрасные ленты Эльера Ишмухамедова, как «Нежность» и «Влюбленные», собравшие по 9,8 млн. и 20,5 млн. зрителей соответственно), однако истерны тогда стали занимать в их киноиндустрии доминирующее положение, поскольку приносили куда больший доход. Картины этого жанра, повествовавшие о становлении советской власти в Средней Азии и борьбе с басмачеством (эту волну истернов в советском кино породили «Неуловимые мстители», которые стали настоящей сенсацией киносезона-67), стали выпускаться на «Узбекфильме» практически ежегодно и зритель (особенно молодой) охотно голосовал за них рублем.

В итоге в первой половине 70-х «Узбекфильм» полностью доминировал в республиканской «восьмерке» по части кассовости.

Только в одном 1971 году из его стен вышли следующие хиты: «Гибель черного консула» (19 миллионов 700 тысяч), «Он был не один» (19 миллионов 400 тысяч), «Чрезвычайный комиссар» (15 миллионов 400 тысяч). В 1973 году истерн «Седьмая пуля» собрал на своих сеансах 22 миллиона 500 тысяч зрителей. Сборы от этих фильмов перекрыли даже грузинские: например, одна «Седьмая пуля» по части кассовости стоила сразу пяти лент, снятых на «Грузия-фильме».

Отметим, что в эту истерновую кампанию включились тогда практически все среднеазиатские киностудии, а также одна закавказская — «Азербайджанфильм» — создавшая в 1970 году один из лучших республиканских истернов — «Семеро сыновей моих» (в подражание американской «Великолепной семерке»). В итоге только за пять лет (1969—1973) во всесоюзный прокат вышло более десятка среднеазиатских и азербайджанских истернов, среди которых самыми кассовыми оказались следующие ленты:

1969 год — «Встреча у старой мечети» («Таджикфильм»), «Всадники революции» («Узбекфильм»); «Красные пески» («Узбекфильм»), «Выстрел на перевале Караш» («Киргизфильм»).

1970 год — «Засада» («Киргизфильм»), «Разоблачение» («Таджикфильм»), «Чрезвычайный комиссар» («Узбекфильм»).

1971 год — «Гибель черного консула» («Узбекфильм») «Конец атамана» («Казахфильм»), «Семеро сыновей моих» («Азербайджанфильм»);

1972 год — «Алые маки Иссык-Куля» («Киргизфильм»), «Последний перевал» («Азербайджанфильм»), «Горячие тропы» («Узбекфильм»);

1973 год — «Седьмая пуля» («Узбекфильм»).

Как видим, лидером в этом списке был именно «Узбекфильм». В общей сложности шестерка перечисленных выше узбекских истернов собрала во всесоюзном прокате более 100 миллионов зрителей, что было отличным показателем для периферийной киностудии. И хотя высоколобая критика подобные ленты обычно не жаловала, однако рядовой зритель охотно нес в кассу свои кровные, чтобы увидеть на широком экране лихие погони и перестрелки, снятые на фоне среднеазиатской экзотики: в раскаленных песках пустыни и на фоне древних минаретов. Кстати, упреки по адресу подобных картин — дескать, большинство из них сняты на низком художественном уровне — явно натянуты. Достаточно вспомнить большинство американских или итальянских вестернов: шедевров среди них тоже очень мало, а основная масса — типичный маскульт.

Свидетельствую как очевидец: фильмы о борьбе красных с басмачами пользовались большой популярностью у молодежной аудитории. Иные из них по своей кассовости ни в чем не уступали тем же «дефа-вестернам» с «главным индейцем Советского Союза» Гойко Митичем в главных ролях. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, что так было не всегда: в основном такой ажиотаж сопутствовал фильмам из разряда «басмачкино» на заре становления этого жанра (в конце 60-х — начале 70-х годов), а потом этот интерес стал понемногу улетучиваться. Во многом потому, что наступила жанровая профанация, а также в советский прокат вновь стали поступать вестерны из США и других западных стран (первым таким фильмом после «Великолепной семерки» (хит сезона 1962 года) станет в 1974 году американская лента «Золото Маккенны»).

Между тем ленты из разряда «басмачкино» несли в себе важную идеологическую идею: они пропагандировали братскую дружбу между народами СССР. Ведь в центре их сюжетов был рассказ о совместной борьбе красных (жителей центрального региона) и коренных жителей (узбеков, таджиков, киргизов, азербайджанцев и т. д.) с местной буржуазией (эмирами, баями, курбаши и беками). Взять, к примеру, фильм Али Хамраева «Чрезвычайный комиссар», который в 1971 году был удостоен Государственной премии УзССР имени Хамзы (присуждена автору сценария О. Агишеву, режиссеру А. Хамраеву, оператору Х. Файзиеву и художнику Э. Калантарову). В центре его сюжета был рассказ о двух реальных большевиках: посланце Москвы в Средней Азии Петре Кобозеве (его прислал в Туркестан Ленин с полномочиями чрезвычайного комиссара) и одного из первых коммунистов-узбеков Низаметдине Ходжаеве. Вот как описывает сюжетную канву фильма кинокритик Л. Пустынская:

«Кобозев уезжает в Москву, и здесь фильм, согласно конструктивной сюжетной и жизненной логике, набирает в развитии заданной темы ленинской национальной политики новую высоту. Если Кобозев был как бы проводником ленинских идей к коммунистам Туркестана, то Ходжаев несет эти идеи узбекскому народу. Ключевым в идейном отношении эпизодом фильма стал митинг в старой части Ташкента, перед мечетью Шайхантуар, где перед простым народом выступил Ходжаев, призывая выдвинуть из своей Среды представителей в правительственные органы, зачитал бумагу, присланную из Москвы: «Это письмо прислал Ленин!». Тут же были выбраны в Советы и первые кандидаты — учитель и угольщик, известные здесь каждому своей честностью. Они будут заниматься школами для детей и распределением топлива среди населения. Камера крупным планом внимательно рассматривает лица людей, их реакцию на происходящее, и из множества индивидуальностей складывается образ народного единения, народной общности. И как итог — на состоявшемся в сентябре 1919 года Чрезвычайном съезде коммунистов Туркестана больше половины делегатов представляют местные национальности...

Нетрадиционно показывает Хамраев и басмачество. Он замечает в одном из интервью, что басмачей часто отождествляют с шайкой бандитов, тогда как на самом деле это была хорошо организованная регулярная армия врагов Советской власти...

Одна из сильных сцен в фильме — встреча Ходжаева с главнокомандующим войсками Ислама полковником колчаковской армии Мадамин-беком в его ставке, куда комиссар приходит безоружным. Здесь нет и следа условности, фальши, все от подлинной жизни. Мадамин-бек не похож на стандартного злодея. Это человек, убежденный в правоте своих деяний, уверенный в том, что борьба за свободу и независимость своего народа справедлива. Мадамин-бек — личность цельная, незаурядная. Тем весомее моральная победа, которую одерживает над ним Ходжаев. «Я простой человек и хочу, чтобы простые люди сеяли хлопок, растили детей, ходили друг к другу на свадьбы, — страстно говорит Ходжаев Мадамин-беку. — Нельзя обижать бедняков. Даже в коране сказано, что пророк завещал правителям превыше всего ценить труд земледельца, у которого ты отнимаешь землю, дом, загоняешь в пещеры, доводишь до скотского состояния. Сдавайся, бек. Будет поздно, народ проклянет твое имя...».

Красный комиссар зародил сомнение в душе басмача. Не сразу откликнется он на призыв Ходжаева. Еще немало крови прольется в гражданской войне, армия М. В. Фрунзе нанесет сокрушительные удары по басмаческим отрядам, пока усталый, потрепанный, с перевязанной головой Мадамин-бек встретит на каменистой тропе Ходжаева и, скрывая безнадежность, скажет с пафосом: «Я решил дать мир народам Ферганы»...».

Скажем прямо, фильмы, основанные на реальных исторических фактах, будут составлять меньшинство среди картин серии «басмачкино». В подавляющем же большинстве подобных картин в основу сюжета будут положены вымышленные истории. Однако одно в них будет неизменно: на фоне лихо закрученных сюжетов каждый раз победу будут торжествовать идеи классовой справедливости и интернационализма. Вот лишь несколько примеров подобных кинолент.

«Встреча у старой мечети» (1969): участник гражданской войны Гусев узнает, что на город готовится нападение басмачей, знающих о золоте, некогда спрятанном эмиром в старой мечети. Бывший красноармеец собирает небольшой отряд и расправляется с бандитами, а золото поступает в казну рабоче-крестьянского государства.

«Красные пески» (1969): красноармейский отряд под командованием Миркамиля Миршарапова пробирается через пустыню в Хиву, чтобы разгромить банду Джунаид-хана, который сеет вражду между туркменами и узбеками.

«Засада» (1970): цепь загадочных убийств и провокаций наводит пограничников одной из южных застав на мысль о том, что в их комендатуре орудует хитрый и умный враг, басмач из отряда курбаши Бостонкула. Чтобы разобраться в обстановке, на заставу приезжает русский чекист Шпалов.

«Семеро сыновей моих» (1971): семеро лихих мужчин защищают село от бывшего владельца Герай-бека, который со своей бандой скрывается в горах и мстит селянам за их поддержку советской власти (отметим, что этот фильм был удостоен премии Ленинского комсомола).

«Алые маки Иссык-Куля» (1972): пограничники 20-х годов ведут в Киргизии борьбу с контрабандистами, переправляющими в Китай опиум, собранный на Иссык-Куле для медицинских нужд простого населения (фильм был удостоен призов на фестивалях: «Тбилиси-72», «Сорренто-72», «Страсбург-73»).

Фильм Али Хамраева «Седьмая пуля» (1973; он же был автором истернов «Красные пески» и «Чрезвычайный комиссар»), который собрал в прокате 22 миллиона 500 тысяч зрителей, заметно отличался от всех вышеперечисленных картин. По сути, он был решен в американском ключе: это было цветное широкоэкранное кинополотно, где сюжет был минимально загружен традиционной идеологией и максимально динамикой — «экшном» по-голливудски. В основу сюжета был положен рассказ о том, как басмачи переманивают на свою сторону почти всех сотрудников отряда милиции под командованием Максумова и последний, дабы вернуть своих бойцов обратно, отправляется прямиком в басмаческое логово. Естественно, он выходит победителем из этой схватки и даже лично убивает главаря басмачей Хайруллу, использовав при этом припасенную для подобного случая пулю, седьмую по счету (она была спрятана за околышем милицейской фуражки Максумова). Эпизод с пулей тоже был позаимствован из западного кинематографа: похожая история происходила в ленте Д. Дамиани «Кто знает?» (1966), которая демонстрировалась в

советском прокате под названием «Золотая пуля» за три года до фильма Хамраева.

Отметим, что роль Максумова исполнил самый истерновый актер среднеазиатского «басмачкино» — Суйменкул Чокморов. До этого он сыграл главные роли у того же А. Хамраева в фильмах «Всадники революции» и «Чрезвычайный комиссар», а также снялся (опять в центральных ролях) в двух киргизских истернах: «Выстрел на перевале Караш» и «Алые маки Иссык-Куля». В 1972 году С. Чокморов был удостоен премии Ленинского комсомола именно за эти кинороли.

Между тем, если рядовой зритель достаточно высоко оценивал ленты «Узбекфильма», голосуя за них рублем, то высоколобая либеральная критика по большей части относилась к ним скептически. В основном именно из-за их идеологической направленности. Поэтому «Узбекфильм» (как и большинство республиканских киностудий) был не в большой чести у либералов, поскольку всегда шел в фарватере официальной идеологии. То ли дело, к примеру, «Молдова-фильм», которая с середины 60-х обрела статус одной из самых диссидентских киностудий страны, наладив вместе с «потоком» выпускать также в свет и менее традиционные с идеологической точки зрения фильмы, вроде «Последнего месяца осени» (1966) Вадима Дербенева, «Горьких зерен» (1967) Валерия Гажиу и Вадима Лысенко и др.

Однако в Молдавии подобная практика продлится недолго и в начале 70-х тамошнее партийное руководство, очистив киностудию от «вредных» элементов, добьется того, чтобы их киностудия перестала считаться диссидентской. Но свято место, как известно, пусто не бывает. И вот уже эстафетную палочку из рук молдавских кинематографистов перехватят грузинские: после 1972 года (с приходом к власти Э. Шеварднадзе) одной из самых диссидентских киностудий страны суждено будет стать «Грузия-фильму». Причем там ситуация будет диаметрально противоположной, чем на «Молдова-фильме»: грузинское партийное руководство будет решительно поддерживать своих кинематографистов.

Глава 24

ГАНГСТЕРЫ ТАШКЕНТА

Среди столиц союзных республик Ташкент считался не только одним из самых красивых городов, но и одним из самых безопасных. Достаточно сказать, что в списке городов-«миллионни-

ков» (с числом жителей более одного миллиона) он находился ближе к концу по числу особо тяжких преступлений. Например, в конце 60-х в нем совершалось порядка 50—60 убийств в месяц, причем подавляющая часть — бытовые (для примера: в Москве было 110—120 убийств, в Ленинграде — 100 убийств и т. д.). Все это было не случайным явлением, а вполне закономерным. И главным было то, что узбекские власти большое внимание уделяли комплектованию кадров ташкентской милиции (особенно уголовного розыска) настоящими профессионалами своего дела. Во главе узбекского угро (Управления уголовного розыска МВД УзССР) долгие годы стоял настоящий асс своего дела В. И. Селиверстов.

Между тем было бы наивно предполагать, что преступность в Узбекистане стояла на месте. Она росла, как и по всей стране и особенно заметным это стало в 70-х. Правда, не стоит путать этот рост, например, с нынешним российским, который обгоняет советский в разы. Например, в то время как российская деревня по уровню преступности тогда уверено догоняла город, в узбекских кишлаках царили тишь да благодать. И не потому, что именно в Узбекистане впервые в стране были созданы общественные пункты охраны порядка в сельской местности (хотя это тоже играло свою роль), а потому, что менталитет дехканина оставался прежним — патриархальным, общинным. Я прекрасно помню свой очередной приезд в Узбекистан (в августе 1972 года) и свое удивление тому, что там в кишлачных домах по-прежнему нет замков. А ведь в нашей московской коммуналке на улице Казакова, где входная дверь тоже никогда не закрывалась на ключ (только на ночь), аккурат перед нашим отъездом в Узбекистан кто-то украл мой новенький велосипед, стоящий в общем коридоре.

И все же преступность в Узбекистане росла, как и по всей стране. Достаточно сказать, что именно в 1970 году число зарегистрированных преступлений в СССР перевалило за миллионную отметку и составило 1 миллион 46 тысяч 336 преступлений. При этом умышленных убийств было зафиксировано: 263 (с разбоем), 203 (с изнасилованием), 3 240 (с хулиганством), 9 633 (с ревностью и ссорой), 489 (убийство матерью новорожденного). Итого — 13 828 убийств. Согласитесь, не самая большая цифра для почти 250 миллионной страны.

Отметим, что в Узбекистане большая часть тяжких преступлений совершалась не коренными жителями республики, а «варягами» — то есть, приезжими, которые осели там в поисках лучшей доли. Именно эти люди чаще всего шли на разного рода правонарушения, поскольку не были связаны с аборигенами ни родоплеменными связями, ни религиозными. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу лишь два примера, касающихся весьма дерзких преступлений — ограблений сберкасс и почтовых отделений, которые стали повсеместно входить в моду в СССР именно в начале 70-х. Почему именно тогда?

Дело в том, что с ростом благосостояния советских граждан, практически во всех крупных населенных пунктах страны стали открываться новые сберегательные кассы и почты, большая часть из которых не были оснащены никакими средствами видеонаблюдения и охранялись всего лишь одним-двумя милиционерами (многие кассы и почты вообще не охранялись). И новоявленных гангстеров отделяли от денег всего лишь невысокая деревянная стойка и стекло, которое легко разбивалось от первого же удара. Все эти обстоятельства и привлекали грабителей, которые промышляли этим видом преступления практически во всех крупных городах страны. В самом начале 1972 года банда подобных гангстеров обнаружилась и в столице Узбекистана городе Ташкенте.

Все началось 20 февраля, когда преступники напали на почтовое отделение №74. В конце дня, когда на почте не было посетителей, туда вошли несколько мужчин. Двое из них стали возле двери, а двое других направились к операторше. В руках одного из незнакомцев блеснул пистолет, который привел безоружную женщину в шоковое состояние. Между тем преступник под угрозой расправы потребовал у кассирши выдать ему все деньги, которые имелись в наличие. Женщина повиновалась. Через пару минут грабители удалились так же быстро, как и вошли.

Прошло всего лишь два дня, как налету подверглось другое почтовое отделение — №72. Сценарий его был тем же: опять несколько мужчин вошли в помещение, один из них был вооружен. Кассирше ничего не оставалось, как отдать им всю наличку. И хотя приметы вооруженного грабителя она сумела описать сыщикам, однако напасть на след банды по горячим следам не удалось. Однако свободой гангстеры все равно наслаждались недолго.

11 марта жажда денег вновь вывела бандитов на скользскую дорожку преступлений. В тот день они ограбили почтовое отделение №50, а 23-го посетили с недружественным визитом сберкассу №3649. А через четыре дня после последнего нападения милиции наконец удалось напасть на след бандитов и всех арестовать. По меркам того времени это была весьма крупная банда, состоявшая из... 12 человек. Причем, подавляющая часть бандитов принад-

лежала к украинско-русскоязычному населению, и только один был коренным жителем республики — узбеком. Одним из главарей банды был 39-летний мужчина, который втянул в нее и своего 16-летнего сына.

Пройдет чуть больше месяца после ликвидации этой банды, как в Ташкенте объявится еще одна, не менее дерзкая и жестокая. Ее деятельность выглядела следующим образом.

В один из апрельских дней двое операторов-инкассаторов Ташкентского главпочтамта К. Корешков и Н. Ермачков занимались привычным делом: инкассировали принадлежавшие им точки. Время близилось к концу рабочего дня, и к 18.15 инкассаторам оставалось заехать всего лишь в два отделения связи. Но во время посещения одного из них произошло непредвиденное.

Подъехав к 160-му отделению связи, Ермачков оставил коллегу за рулем «ЕРАЗа», а сам отправился в здание. Однако едва он успел переступить порог почты, как внезапно услышал за спиной несколько пистолетных выстрелов. Ермачков рванулся назад, на помощь к коллеге, но добежать до него не сумел — на выходе его встретили два выстрела в упор. Тяжело раненный, Ермачков все-таки сумел из последних сил добежать до автомобиля, но это не помогло — за рулем уже сидели неизвестные, которые на полном ходу сбили бампером инкассатора с ног.

Между тем невольным свидетелем этого побоища стал гражданин Абдурашид Кахаров, который на своем «Москвиче» подъехал к зданию почты. Бросившись на помощь к Ермачкову, он усадил его к себе в салон и вдвоем они бросились в погоню за преступниками. Однако в пистолете, который сжимал в руках истекающий кровью инкассатор, не было обоймы — она выпала во время падения, — что значительно увеличивало шансы грабителей.

Понимая, что в любую минуту инкассатор может умереть от потери крови, Кахаров решил срочно доставить его в больницу. Но как быть с преступниками? И тогда Кахаров принимает следующее решение: он останавливает на дороге первую встречную машину — это был «Запорожец», — объясняет его водителю ситуацию и просит, если не догнать, то хотя бы проследить за бандитами. Как это ни удивительно, но владелец «Запорожца» соглашается. Потом станет понятно, почему он так быстро согласился, но об этом чуть позже. А пока Кахаров доставляет Ермачкова в больницу, однако было уже поздно — на операционном столе тот умер от потери крови (у него остались шестеро детей). Однако вся милиция уже поднята на ноги, за поимкой преступников

лично следит министр внутренних дел республики Х. Яхьяев, а их поимкой руководит его заместитель Г. Ткачев.

Угнанная преступниками машина «ЕРАЗ» была найдена в тот же день в 12 километрах от места преступления. Бандитов в ней, естественно, уже не было, а был только убитый ими Корешков. При осмотре в салоне были обнаружены стреляные гильзы от боевого пистолета и револьвер «наган» погибшего инкассатора. Свидетели, оказавшиеся неподалеку от этого места, рассказали, что двое молодых людей вышли из «ЕРАЗа» и пересели... в «Запорожец», который следовал следом за ними. Да-да, это был тот самый «Запорожец», водителя которого Кахаров попросил проследить за бандитами. А он, как оказалось, был их сообщником, который прикрывал отход своих подельников. Но у милиции были его приметы, да и марка автомобиля тоже могла помочь выйти на след преступника. Удачу сыщикам сулило и то, что «Запорожец» при обгоне ударил «Победу», номер которой был известен. При осмотре «Победы», специалисты определили: у «Запорожца» погнут правый воздухозаборник, на нем должны остаться царапины и наслоения краски от «Победы». А дальше в дело включились агентурные связи (благодаря им в Советском Союзе раскрывалось до половины всех преступлений, а то и больше).

Вскоре от одного из агентов стало известно, что некие Хачик и Валерка-беспалый незадолго до нападения на инкассаторов подыскивали себе огнестрельное оружие. Стали выяснять личности этих людей. Установили: это 37-летний шофер одного из управлений города Владимир Хачиян, имеющий аж 9 (!) судимостей за разбойные нападения и побеги из мест заключения, и бывший шофер этого же управления 30-летний Валерий Гусман. Также выяснилось, что в феврале этого года Хачиян купил себе автомобиль марки «Запорожец». Круг, как говорится, замкнулся.

В ходе скрытого наблюдения за Хачияном и Гусманом сыщики выяснили, что у них имеется и третий приятель — 26-летний Шакир Каримов. Причем, сразу после ограбления троица прекратила всяческие контакты между собой и практически все время проводила либо на работе, либо дома, откуда и носа не высовывала. А Хачиян и вовсе схитрил — лег на обследование в туберкулезный диспансер. Думал, там его не найдут. Но просчитался. Пока он там отдыхал, сыщики обследовали его «Запорожец» и нашли указанные специалистами повреждения. После этого всю троицу арестовали.

Как выяснилось, инициатором ограбления был Гусман. Он ранее работал в автобазе, обслуживающей Министерство связи

Узбекистана, и поэтому хорошо был осведомлен о тамошних порядках. Планы ограбления разрабатывали тщательно, даже трижды их меняли, приноравливаясь к ситуации. В злополучный день к машине подошли двое: правую дверцу открыл Каримов и тут же в упор выстрелил в Корешкова, а Гусман завел мотор. В бегущего Ермачкова стрелял Каримов через лобовое стекло. А Хачиян все это время сидел неподалеку в своем «Запорожце» с винтовкой наготове.

В июне этого же года Указом Президиума Верховного Совета СССР К. Корешков и Н. Ермачков были посмертно награждены орденами Красной Звезды. Бандиты тоже получат свое: суд приговорит их к расстрелу.

Глава 25

ГРУЗИНСКИЙ ПОЛИГОН

После того, как в 1970 году Рашидов заметно ослабил позиции «ташкентцев» и укрепил свое положение в верхних эшелонах власти Узбекистана, наступила относительная стабильность. И юбилейный 1972 год (год 50-летия образования СССР, который отмечался в декабре) республика встретила без потрясений. Рашидов, в предверии праздника отвечая на вопросы главного редактора «Литературной газеты» А. Чаковского, рапортовал следующее:

«Нет силы более жестокой и разрушительной, нежели сила вражды и ненависти между людьми, между народами. Развалинами городов Древнего Египта и Согдианы, свежими руинами сел на многонациональной земле Вьетнама, пеплом и кровью, гарью пожарищ и слезами сирот история подтвердила эту непреложную истину со всей трагической очевидностью.

Лучшие, благородные умы испокон веков мечтали о том светлом дне, когда народы, распри позабыв, заживут на земле единой дружной семьей. Из бездны столетий доносится к нам этот зов, выраженный в песне сказителя, в прекрасных легендах о царстве солнца и разума, в словах мудреца. Ибо, если правда, что нет в мире силы более жестокой и разрушительной, нежели сила вражды и ненависти, — правда и то, что нет в мире энергии более доброй и созидательной, нежели энергия, рожденная дружбой людей и братством народов.

Неоспоримым свидетельством, вещественным доказательством этого служит наша прекрасная Родина, каждая пядь земли и каждое мгновение жизни которой — незыблемый памятник дружбы и братства народов. Безжизненные пустыни, превращенные в цветущие оазисы, — это результат совместных дружных усилий советских народов. Заводы и фабрики, искусственные моря и грандиозные электростанции, сооруженные на нашей земле, — это тоже плоды дружбы народов, монолитного интернационализма советских людей, свободных и равноправных социалистических наций. Как и знамя Победы, в мае 1945 года водруженное над поверженным фашистским рейхстагом. Как и полеты советских космических кораблей, прокладывающих пути к звездам...

Можно без преувеличения сказать: еще никогда и нигде не были созданы условия более благоприятные для бурного расцвета каждой нации, их материального и духовного сближения, чем в Советском Союзе...

Неузнаваемо изменился ныне облик узбекской земли. Современный Узбекистан так же не схож с прежним колониальным Туркестаном, как день с ночью. За годы Советской власти республика достигла изумляющих мир успехов в развитии экономики, культуры. Волею партии, усилиями народа она превращена в яркий маяк социализма на Востоке.

Наш край славится прежде всего своим хлопком — этим бесценным даром солнечной земли. Хлопок — наша гордость, главный источник богатства республики.

В дореволюционный период общее производство хлопка в границах Туркестанского края еле превышала 500 тысяч тонн. Совсем иное дело теперь. Советский Узбекистан стал основной хлопковой базой страны. Вот уже несколько лет подряд он дает ежегодно больше четырех миллионов тонн хлопка (четырехмиллионный рубеж республика перешагнула в 1966 году. — *Ф. Р.*). А в нынешнем, юбилейном году республика сдала государству 4 миллиона 700 тысяч тонн «белого золота». Такого Узбекистан еще не знал!..

Огромного размаха достигло в Узбекистане ирригационное строительство. Созданы крупные водохранилища и оросительные каналы, разветвленная ирригационно-мелиоративная сеть с современными гидротехническими сооружениями. Это позволило освоить обширные массивы ранее пустовавших земель в Голодной и Каршинской степях, Сурхан-Шерабадской долине, в Центральной Фергане, в низовьях Амударьи и других районах.

Надежным фундаментом социалистических преобразований на селе явилась созданная в республике могучая индустриальная база. В дореволюционном Туркестане промышленность была представлена лишь несколькими десятками полукустарных предприятий. Ныне в Узбекской ССР более 100 отраслей промышленного производства. Высокого уровня развития достигли в республике многоотраслевое машиностроение, энергетическая, химическая, нефтяная, угольная, газовая, горнорудная, металлургическая, золотодобывающая, электротехническая, самолетостроительная, электронная, легкая, пищевая и другие отрасли промышленности, строительная индустрия. Объем промышленного производства в 1971 году в 119 раз превысил уровень 1924 года — года образования Узбекской ССР. Продукция промышленности и сельского хозяйства Узбекистана ныне поставляется всем братским республикам СССР и экспортируется более чем в 70 стран мира.

Разительные сдвиги произошли в культурном строительстве. До революции в Узбекистане грамотные составляли только два процента общей численности населения. Теперь Узбекская ССР — республика сплошной грамотности. В 9234 общеобразовательных школах занимаются 3407 тысяч учащихся. Раньше в Узбекистане не было ни одного высшего учебного заведения, теперь — 41 вуз, 168 средних специальных учебных заведений, в которых обучаются свыше 400 тысяч студентов (напомним, что на момент прихода Рашидова к власти в 1959 году в республике был 31 вуз, в которых обучались 88 тысяч студентов, и 85 средних специальных учебных заведений. — *Ф. Р.*).

В Академии наук Узбекской ССР и 148 научных учреждениях насчитывается свыше 26 тысяч научно-педагогических работников, среди них более 100 академиков и членов-корреспондентов, около 600 докторов, 7660 кандидатов наук. В Узбекистане выросла замечательная плеяда писателей, поэтов, художников, композиторов, архитекторов, деятелей театра и кино, творчество которых широко известно далеко за пределами Советской страны...

И все это — не чудо, а закономерный итог развития советского общества, результат несравнимых преимуществ социализма перед капитализмом, советского общественного и государственного строя перед буржуазным, ленинского решения национального вопроса...».

Между тем празднование 50-летия СССР совпало с глобальными переменами в мировой политике: начиналась, так называемая, разрядка (экономическое и идеологическое сближение Востока и Запада). И в недрах советской системы стали вызревать

условия для того, чтобы начать внедрять во власть более молодых и либеральных деятелей, которые чуть позже составят костяк, так называемых, «кремлевских глобалистов».

В наши дни слово «глобализм» стало уже затертым. Между тем перекройка мира по лекалам мировых глобалистов начиналась именно тогда, в начале 70-х, когда так называемая «кейнсианская модель» (по имени английского экономиста Джона Кейнса, скончавшегося в 1946 году) исчерпала себя и должна была уступить свое место неолиберальной модели (глобалистской). Однако, чтобы понять суть этого явления, следует отмотать время на несколько десятилетий назад. Вот как описывают те события С. Батчиков и С. Кара-Мурза:

«В первой трети XX века индустриальная экономика стала столь большой системой, что «невидимая рука» рынка оказалась неспособной при сбоях возвращать ее в состояние равновесия. Кейнс отказался от механистического рыночного детерминизма и показал, что в хозяйстве должно участвовать государство, говорящее «на ином языке», чем частный бизнес. Экономисты-классики видели выход из кризиса в сокращении государственных расходов и зарплаты, в безработице. Кейнс, напротив, считал, что простаивающие фабрики и рабочие руки — признак ошибочности их теории. Его расчеты показали, что выходить из кризиса надо через массированные капиталовложения государства, вплоть до достижения полной занятости (беря взаймы у будущего, но производя). Так и действовал Рузвельт для преодоления Великой депрессии, несмотря на сопротивление экспертов и частного сектора. Ему удалось сократить безработицу с 26% до 1,2% при росте производства вдвое. Тогда-то экономика США набрала свой ритм. Произошла «кейнсианская революция» — Запад стал строить «социальное государство».

Это было несчастьем для крупной буржуазии. Да, она богатела, но нестерпимо было видеть, что и быдло стало прилично питаться. Доля активов, которой владел 1% самых богатых граждан США, снизилась с 48% в 1930 году до 22% в 1975-м. А доля в национальном доходе 0,1% самых-самых богатых снизилась с 8% в 1928 году до 2% в 1973-м. Все равно огромная разница в доходах, но тут дело не в достатке, а в сословной чванливости.

В 1947 году Ф. фон Хайек собрал (как водится, на курорте в Швейцарии) группу экономистов и философов (включая Поппера), и они стали вырабатывать доктрину контрнаступления на кейнсианское социальное государство. Эту доктрину и назвали неолиберализмом. Закрытая группа Хайека получила большую

финансовую и информационную поддержку крупного капитала и стала наращивать свое влияние в политических кругах и элитарных университетах. Был подключен и Нобелевский комитет по экономике, пошли премии...».

Неолибералы провозгласили тезис, что обогащение богатых будет выгодно большинству и сумели убедить в этом большинство элит крупнейших мировых держав. Попалась на этот крючок и советская элита, которая, как мы помним, после смерти Сталина взяла курс на капитализацию советской экономики. Продолжая сохранять в широком обиходе достаточно жесткую антизападную риторику, советские верхи по сути пошли на сепаратные переговоры с Западом примерно с конца 1960-х, когда советский премьер Алексей Косыгин начал свои встречи с президентом США Линдоном Джонсоном и его помощником Макджорджем Банди, а Юрий Андропов в 1970 году установил тайный канал связи с руководством ФРГ.

Кроме этого шеф КГБ установил негласные контакты и с так называемым «Римским клубом», возникшим в то же самое время — в 1968 году. Это была влиятельная организация, определявшая направления западной геополитики и сплотившая вокруг себя не только наиболее серьезных иностранных аналитиков, но и самых влиятельных политиков, а также теневых кардиналов мировой власти. Римский клуб был самым тесным образом связан с ведущими центрами мирового управления, с такими структурами, как Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Королевский институт международных отношений Великобритании, Совет по международным отношениям в США. За Римским клубом стояли люди, реально управляющие развитием мира: крупнейшие и наиболее влиятельные финансисты, промышленники, деятели спецслужб, политики.

Отметим, что одним из связующих мостиков с Римским клубом (помимо каналов КГБ) стал Международный институт прикладного системного анализа в Вене, где в числе учредителей был и советский Институт системного анализа во главе с академиком грузинского происхождения Джерменом Гвишиани — зятем советского премьера Алексея Косыгина и одним из ближайших консультантов Андропова.

Главной целью Римского клуба было скорое построение мира, разделенного на две неравные части: на касту сверхбогатых вершителей судеб (рентабельное население, или «золотой миллиард») и на стадо (нерентабельное население). Советские глобалисты, видимо, с какого-то момента ясно осознали, что эта идея

имеет все большую поддержку среди сильных мира сего на Западе (даже европейские коммунисты поддержали этот проект, родив на свет течение под названием «еврокоммунизм»), поэтому также решили включиться в этот процесс. В качестве парламентера был выбран наиболее опытный и информированный человек — Юрий Андропов, за плечами которого были несколько лет работы в Международном отделе ЦК КПСС и в КГБ (отметим, что в обеих структурах он был неизменным руководителем).

Именно Андропов был одним из активных инициаторов «разрядки». Для проведения своих планов в жизнь ему необходимы были во власти свои люди, которых он (и его сторонники) и стали продвигать «наверх». Особенно заметным этот процесс был в закавказских республиках, где капитализация экономики шла наиболее ускоренными темпами. Так, в 1969 году к руководству Азербайджаном был приведен кадровый чекист Гейдар Алиев, а спустя несколько лет очередь дошла и до двух других тамошних республик: Грузии и Армении. В первой к власти был приведен бывший министр МВД республики 44-летний Эдуард Шеварднадзе (в 1972-м), во второй — 40-летний хозяйственник-коммерсант («красный директор») Карен Демирчян (в 1974-м). Наибольший резонанс как в стране, так и в мире вызвал приход Шеварднадзе, поскольку эта акция была зеркально похожа на тот силовой вариант, который был опробован в Азербайджане.

Приход к власти Шеварднадзе стал возможен не только благодаря деятельности Андропова, но и стараниям другого руководителя — министра внутренних дел СССР Николая Щелокова. Несмотря на то, что они считались политическими конкурентами и испытывали друг к другу сильную личную неприязнь, в этой акции им пришлось действовать рука об руку, поскольку этого требовали интересы того высшего клана, которому они оба служили.

Как известно, грузинская партийная организация всегда была на особом счету у Центра. Что вполне закономерно, учитывая происхождение таких высших деятелей СССР, как Иосиф Сталин, Серго Орджоникидзе, Лаврентий Берия. Однако сразу после смерти Сталина в 1953 году этот авторитет несколько упал и в Грузию был прислан руководить генерал Советской Армии Василий Мжаванадзе (он служил замполитом в одном из военных округов), который не был связан узами ни с одним из тамошних кланов (как гласит легенда, он даже плохо говорил по-грузински). Хрущев надеялся, что Мжаванадзе станет его человеком, но сам все и испортил.

В феврале 1956 года на XX съезде партии Хрущев разоблачил культ личности Сталина, после чего навсегда похоронил свой авторитет у большинства грузин, в том числе и у Мжаванадзе. И когда осенью 1964-го Хрущева свергали, Мжаванадзе в этом заговоре играл далеко не последнюю роль. Брежнев ему этого не забыл и с тех пор всячески благоволил к грузинскому лидеру. Во многом именно благодаря этому Грузия при нем вошла в число передовых регионов СССР, нарастив не только экономическую мощь, но и политическую: Мжаванадзе добился для своей республики значительных поблажек как в дотациях, так и в политическом представительстве грузин в высших органах центральной власти.

Между тем с годами у Мжаванадзе, видимо, притупилась бдительность. Даже события 69-го года в соседнем Азербайджане не открыли ему глаза на то, что благосклонность Центра не может продолжаться бесконечно. И существующая в республике коррупция станет той же ахиллесовой пятой для него, что и для азербайджанского лидера Вели Ахундова.

Как мы помним, в Азербайджане мздоимство коснулось даже высших звеньев партийной власти — за деньги, к примеру, можно было купить должность даже в ЦК компартии. В Грузии ситуация была не лучше. В Москве, естественно, об этом знали, поскольку «ушами и глазами» ее в республике был председатель тамошнего КГБ А. Инаури, который считался единственным долгожителем на посту руководителя госбезопасности в СССР (занимал этот пост с 1954 года!). Однако до поры до времени Центр закрывал глаза на грузинскую коррупцию, предпочитая лишь иногда руками самого же Мжаванадзе совершать локальные чистки парт- и госаппарата, тасуя клановые колоды. Но в 1972 году кресло под Мжаванадзе реально закачалось. СССР тогда вступил на путь разрядки и в Кремле созрело убеждение, что Мжаванадзе, представляющий из себя «осколок прошлого» (кондового генерала, плохо смыслящего в вопросах конвергенции) должен уйти, освободив место молодому либералу, из которого в будущем можно было бы сотворить матерого глобалиста.

Учитывая помощь Москвы и то, что Шеварднадзе с 1965 года занимал пост министра внутренних дел Грузии, прийти к власти ему не составляло большого труда. Судя по всему, в Москве к нему уже давно приглядывались, отмечая его амбициозность и служебное рвение. Вот лишь один из подобных примеров.

Как-то в самом начале 70-х на одном из совещаний в Москве Щелоков упрекнул Шеварднадзе в том, что служба ГАИ Грузии

занимается денежными поборами и количество таких мздоимцев составляет чуть ли не 50% личного состава (в других регионах подобное мздоимство было значительно ниже). Шеварднадзе молча выслушал упрек министра и, вернувшись на родину, решил лично проверить правоту его слов. Загримировавшись под рядового гражданина, он сел за руль обычного «москвича» и выехал на дороги Тбилиси. То, что он увидел, потрясло его неимоверно. Поборами занимались не 50% сотрудников ГАИ, а... почти все 100%. После этого министр провел кардинальную чистку республиканской службы ГАИ, однако ликвидировать поборы окончательно так и не сумел.

Между тем в самой Грузии у молодого и амбициозного Шеварднадзе был еще один влиятельный союзник — второй человек в грузинском руководстве, секретарь ЦК Шота Чануквадзе. Он тоже был заинтересован в приходе к власти именно Шеварднадзе, поскольку с его помощью собирался убрать со своего пути влиятельного члена грузинского ЦК Георгия Гегешидзе. Но поскольку бросить ему вызов в открытую было опасно (за ним стояли весьма влиятельные люди из высшего грузинского руководства), было решено пойти обходным путем и нанести удар по его союзникам — миллионерам братьям Лазишвили. Сделать это было нетрудно, поскольку вся информация на них давно собиралась как в ведомстве Шеварднадзе, так и в КГБ у Инаури.

Операция по пересадке Шеварднадзе на высший партийный пост в Грузии началась в марте 1972 года. Именно тогда на свет появилось Постановление ЦК КПСС о недостатках в работе Тбилисского горкома партии, после чего руководить им был назначен именно Шеварднадзе. В то же время его люди в республиканском МВД, при тесном взаимодействии с КГБ, начали наступление на клан Мжаванадзе.

Как гласит легенда, все началось с обычного дорожного происшествия: один лихач сбил в Тбилиси некую женщину. Но поскольку лихачом оказался друг одного из братьев-миллионеров, этим делом лично занялся Шеварднадзе. А тут еще на свет всплыло дорогущее кольцо с бриллиантом в восемь каратов, считавшееся музейной редкостью и разыскиваемое самим Интерполом, которое один из братьев Лазишвили, Отар, якобы подарил жене самого Мжаванадзе (в Грузии ее называли не иначе, как «царица Тамара»). Сложив этот пасьянс, Шеварднадзе и его люди провели молниеносную операцию по аресту одного из братьев — Отара Лазишвили — и дискредитации Мжаванадзе.

Последнего вызвал в Москву лично Брежнев и посоветовал добровольно подать в отставку. Что и было немедленно сделано, поскольку воевать с Москвой — себе дороже. Отметим, что эта покладистость зачтется Мжаванадзе: он переедет жить в союзную столицу, где получит квартиру, дачу и персональную пенсию. Чуть позже, с сохранением всех перечисленных привилегий, он переберется на постоянное жительство на Украину (его жена была родной сестрой жены первого секретаря ЦК КП Украины Петра Шелеста).

Что касается Шеварднадзе, то он 29 сентября 1972 года на Пленуме ЦК КП Грузии будет избран 1-м секретарем ЦК. После чего продолжится борьба с кланом Мжаванадзе, которая будет сопровождаться дискредитацией деяний самого бывшего хозяина республики. К этому делу подключат печать. Например, в центральной партийной газете «Заря Востока» будет помещена статья, где имена и фамилии Мжаванадзе и его жены ни разу не будут упомянуты, но все читатели прекрасно все поймут. Процитирую лишь некоторые отрывки из этой публикации:

«Протекционизм, местничество, землячество, карьеризм процветают на почве родственных связей и коррупции... жены и члены семьи начинают подменять на должности своих высокопоставленных мужей, в узком родственном, семейном, приятельском кругу начинают решаться государственные проблемы...

Говоря о негативных влияниях в жизни партийной организации и осудив семейственность, неблаговидную роль родственников и протеже некоторых ответственных лиц, подорвавших их авторитет, участники пленума говорили, что родство с руководящими работниками никому никакой привилегии не дает. Единственная привилегия этих людей заключается в том, что они должны чувствовать большую ответственность за свои слова, за свои действия, за свой образ жизни, поведение в обществе...

На руководящие должности назначались работники не по их деловым и моральным качествам, а по протекции, знакомству, родственным связям, по принципу личной преданности... На руководящие посты иногда назначались недостойные люди по рекомендации случайных лиц. Все чаще раздавались в кадровых аппаратах слова «хозяин так сказал», «хозяйка так желает!». В ряде случаев комбинаторы, взяточники, вымогатели сумели нечестным путем занять даже руководящие должности. Именно в тот период стало возможным «заказать» для небезызвестного комбинатора Бабунашвили министерское кресло...

Коррупция, подкуп, взяточничество, делячество проникли в кадровую политику. Нередко на руководящую должность попадали и люди, нечистые на руку. Среди многих руководящих работников культивировалось весьма вредное мнение о нежелательности вынесения «сора из избы». Замалчивались факты взяточничества, хищений, морально-бытовых преступлений и др...».

Не стоит думать, что проблемы коррупции столь остро стояли только в Советском Союзе. В другой супердержаве, США, с этим делом тоже не все обстояло благополучно. Информация об этом регулярно доводилась до советских граждан, чтобы те не считали, будто мздоимство есть бич лишь советского строя. Например, аккурат в то же время, когда страна обсуждала события в Грузии (в начале 1973 года), в советских СМИ сообщалось, что прокурор штата Аризона обнародовал информацию о том, что действующий президент страны Ричард Никсон лично обратился в редакцию газеты «Аризона рипаблик» с просьбой прекратить на ее страницах расследование преступных связей одного известного национального лидера — сенатора Барри Голдуотера. Просьба президента была удовлетворена: расследование прекратилось, а документы, компрометирующие сенатора и его республиканское окружение, бесследно исчезли из местной прокуратуры. А ведь у журналистов были неопровержимые улики того, что Голдуотер покровительствовал мафии. В течение почти 30 лет (!) он, его брат Роберт и их близкий друг Гарри Розенцвейг, бывший руководитель республиканцев штата, были главенствующими фигурами в столице Аризоны Фениксе и во всем штате. Все это время они покровительствовали мафии, поддерживая тесную дружбу с ее главарями.

Кто-то скажет: вот видите, в США дело о преступных связях сенатора хотя бы дошло до газетчиков, а в СССР такого и близко быть не могло. Но, как говорится, дьявол кроется в деталях. В США, как известно, две партии: республиканская и демократическая. Поскольку Голдуотер принадлежал к первой, компромат на него заказали конкуренты из противоположной. Но президент-республиканец оказался в итоге сильнее и расследование прикрыл. Чуть позже его самого разоблачат в ходе «уотергейтского» скандала и отправят в отставку, после чего уже пришедшие к власти демократы получат возможность защищать своих мздоимцев. Короче, наличие двухпартийной системы позволяло американским властям создавать перед населением видимость бескомпромиссной борьбы с коррупцией. В реальности же число

мздоимцев там не уменьшалось, а только увеличивалось. Правда, в отличие от СССР в сети правоохранительных органов там иной раз попадали и «сливки общества».

Так, в начале 70-х за взятки угодили за решетку следующие деятели: бывшие губернаторы штатов Иллинойс и Оклахома Отто Кернер и Дэвид Хэлл, губернатор штата Мэриленд Мандель. В штате Нью-Джерси в течение нескольких лет на взятках «погорели» мэры десяти городов, три члена правительства штата, многие полицейские чины. В те же годы еще 15 членов конгресса США запутались в грязных финансовых аферах и попали под суд. Журнал «Юнайтес стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал, что в 1970—1973 годах в коррупции были замешаны 1598 высокопоставленных официальных лиц США. В одном только штате Иллинойс за это время активными взяточниками оказались 20 членов законодательного собрания штата и 100 полицейских чинов.

Но вернемся в Грузию.

За полтора года «чисток» Шеварднадзе освободит от должностей 20 министров и членов ЦК партии, 111 районных секретарей, трех секретарей горкомов, 10 мэров и т. д. На их места он назначит сотрудников КГБ и милиции, а также молодых партийцев — тех, кто входил в его команду. Этих людей в большинстве своем, конечно же, нельзя было назвать менее коррумпированными, но у них была масса других достоинств: они были более молоды, более амбициозны и, главное, не являлись идеологическими ортодоксами, как их предшественники. Если последние, как бы успокоились и замшевели в своем развитии, то эти наоборот — готовы были горы свернуть. Именно это рвение Москва в них больше всего и ценила. Она знала: эти, если и будут «брать», то уже с умом — с оглядкой на Центр. Как в том же Азербайджане. Там, после трех лет правления Гейдара Алиева должности в ЦК уже не продавали — боялись (ниже уровнем все осталось почти так, как было при Ахундове). Кроме этого, приход Алиева стимулировал экономическую активность Азербайджана, который вновь стал главным конкурентом Грузии в этом регионе. Особенно хорошо пошли дела в нефтяной отрасли, где в апреле 1971 года был зафиксирован рекорд страны: добыта миллиардная тонна нефти.

Грузинские события, а также показательные удары по советским диссидентам, осуществленные КГБ в том же году, значительно повысили рейтинг Юрия Андропова в глазах кремлевской власти. Итогом этого стало введение шефа КГБ в состав Политбюро (в апреле 1973 года), чего не было ровно 20 лет — с момента устранения Л. Берия. Как покажут дальнейшие события, это будет роковая ошибка Генерального — он сам выроет себе могилу. С этого момента КГБ станет подотчетно только Брежневу и никому иному, но эта отчетность будет стремительно сокращаться по мере физического дряхления Генерального, которое начнется уже очень скоро.

Отметим также, что вместе с главным чекистом в состав высшего кремлевского ареопага будет избран еще один силовик — министр обороны Андрей Гречко, а также министр иностранных дел Андрей Громыко. Политбюро покинут Геннадий Воронов (председатель Комитета народного контроля СССР) и Петр Шелест (1-й секретарь ЦК КП Украины). Обоих отправят на пенсию. А хозяином Украины станет давний приятель Брежнева и такой же давний недруг Рашидова Владимир Щербицкий.

Сегодня уже трудно установить с чего начались неприязненные отношения Рашидова и Щербицкого. То ли в дело были замешаны какие-то личные мотивы, которые брали свои истоки еще с хрущевских времен (напомним, что оба руководителя были избраны кандидатами в члены Политбюро одновременно: в октябре 1961 года), то ли политические (конкуренция двух крупных республик за право считаться передовыми). Однако известно, что Щербицкий, к примеру, всячески противился публикации произведений Рашидова у себя на родине, чего нельзя сказать о последнем — он ни в чем подобном замечен не был. И каждый раз, когда в Узбекистане проходила очередная Декада украинской литературы и искусства, сам ее открывал, поскольку понимал, что не стоит смешивать личные интересы и государственные.

Известно, что Щербицкого на дух не переносил и Петр Шелест, которого он сменил в кресле хозяина Украины. По словам Шелеста: «Щербицкий невоспитанный в партийном отношении человек, малокультурный, грубый и дерзкий в обращении с товарищами по работе, большой нытик. Он неавторитетен среди партийного актива и непопулярен среди народа». Однако, поскольку Щербицкий был другом и земляком Брежнева (оба были из Днепропетровска) это решило дело в пользу его назначения на высший руководящий пост в республике. Причем восхождению Щербицкого не помешала даже криминальная история, которая произошла с его сыном. Суть ее была в следующем.

Сын Щербицкого дружил с отпрыском знаменитой цирковой династии дрессировщиков тигров и львов Юрием Шевченко.

И вот однажды в поисках легких денег Юрий предложил товарищу ограбить кассу родного цирка. Мол, кассиршей там работает его хорошая знакомая, пенсионерка, которая легко откроет им дверь. Так оно и вышло. Кассирша действительно не заподозрила ничего подозрительного и, несмотря на внеурочный час, пустила двух молодых оболтусов к себе в кассу. И жестоко за это поплатилась. Юрий выхватил из-под пиджака заранее припрятанный металлический обрубок трубы и обрушил ее на голову несчастной. От полученной травмы та скончалась на месте. А грабители обчистили кассу и были таковы. Однако истратить награбленное они не успели — уже на следующий день их арестовали. Шевченко был осужден на 15 лет, а вот сына Щербицкого от наказания освободили, не найдя в его действиях состава преступления.

Вообще злоключения представителей советской «золотой молодежи» в те годы были притчей во языцах: о них не писали в газетах, но постоянно судачили на всех углах. Например, больше всего доставалось Галине Брежневой, слухи о скандалах с участием которой разносились по стране со скоростью пожара. Правда, она была чуть ли не единственным отпрыском членов Политбюро, о котором по стране гуляла нехорошая слава. Ничего подобного о других детях кремлевских небожителей сказать было нельзя. Например, сыновья Юрий Андропова, Михаила Суслова, Андрея Громыко, или дочь Алексея Косыгина вели малозаметный и вполне добропорядочный образ жизни.

То же самое касается и детей Шарафа Рашидова, о существовании которых жители Узбекистана, естественно, знали, но никогда не слышали о них ничего дурного. По этому поводу приведу воспоминания Л. Шабшая:

«Никогда не забуду как однажды, примерно в 1957 году в командировке, направляясь в буфет десятого этажа гостиницы «Москва», увидел в коридоре сына Рашидова, тогда маленького Вову (по-узбекски — Ильхом. — *Ф. Р.*). Я пригласил его позавтракать со мной, взял кефир и две булочки: себе — несладкую, ему — сладкую, учитывая, что ребенку это будет приятно. Вова посмотрел на булки и говорит мне: «Дядя Лазарь, а почему Вы мне даете лучшую булку, а себе взяли худшую? папа меня учил, что так делать нехорошо». Он взял нож, обе булки разрезал пополам, половину сладкой булки отдал мне, а половину несладкой взял с моей тарелки себе.

Позже, когда Вова стал старшеклассником и занимался стрелковым спортом, мне рассказывал мой сын, работающий в республиканской школе высшего спортивного мастерства, о скромности, дисциплинированности и хороших волевых качествах Вовы. Знаю, что став взрослым, самостоятельным человеком, Вова остается таким же. Это плоды воспитания многолетнего...».

Отметим, что Ильхом затем поступил учиться в Высшую школу КГБ, что уже предполагало его серьезное отношение к жизни и своему положению в обществе. Позднее, в годы горбачевской перестройки, когда на Рашидова станут выливать тонны грязи, кто-то из разоблачителей напишет, что таким образом хозяин Узбекистана хотел иметь своего человека в системе госбезопасности. Чушь полная, поскольку до высокой должности сыну Рашидова надо было еще дорасти, то есть это заняло бы не один год и к тому времени Рашидов-отец наверняка бы успел уйти в отставку. Просто КГБ считался в советской системе одним из самых престижных и, главное, менее коррумпированных учреждений, дающих своим сотрудникам хорошую путевку в жизнь.

Совсем иная ситуция складывалась в закавказских республиках. Тамошние отпрыски сильных мира сего активно пополняли ряды... политической оппозиции. Особенно заметным этот процесс был в Грузии при Э. Шеварднадзе. Как пишет политолог Б. Колоницкий:

«В Грузии развивалось и оппозиционное движение иного рода (помимо интеллигентской оппозиции. — *Ф. Р.*). В нем большую роль играли дети. Дети начальников и знатных лиц. Советскую послевоенную историю невозможно представить себе без сыновей и дочерей номенклатурных работников, которые с детства ощущали свое особое, привилегированное положение. Они чувствовали, что им позволено многое такое, что не разрешено их сверстникам. Правительственные дачи и распределители, доступ к информации и чувство защищенности. Ощущение того, что общие правила для них необязательны. Порой это создавало немало проблем и для детей, и для отцов. Нередко это создавало проблемы и для властей.

В Грузии, где значение родственных и дружеских связей было особенно велико, а желание дистанцироваться от Москвы объединяло порой самые несоединимые группы и кланы, фактор «знатных детей» приобретал особое значение.

Звиад Гамсахурдия был представителем знатной династии. Его отец, писатель Контантинэ Гамсахурдия, выпускник Берлинского университета, был живым классиком, титул «грузинского Горького» предоставлял ему немало возможностей. Правда, в мо-

лодости он, убежденный сторонник независимости, был чиновником министерства иностранных дел ГДР. Неудивительно, что в 20-е годы К. Гамсахурдия оказался на Соловках, но в более опасные 30-е он смог стать членом республиканской Академии наук и живым классиком. Классиком, сумевшим выжить...

В отцовском особняке Звиада окружала атмосфера оппозиционности, в «большом мире» он чувствовал себя избранным и защищенным. Способный и честолюбивый 15-летний юноша вместе со своим другом и сверстником Мерабом Костава в середине 50-х создал подпольную организацию «Горгаслиани». Молодые люди распространяли нелегальные листовки, пытались преобразовать протест 1956 года (речь идет о волнениях в Грузии после доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина». — *Ф. Р.*) в национально-освободительное движение. В апреле 1957 года члены организации были арестованы, но после 6-месячного заключения вышли на свободу. В 1959 году они были вновь задержаны за сопротивление представителям власти, но приговор был удивительно мягким — три года лишения свободы (условно).

Арест и статья для граждан СССР были черной меткой на всю жизнь, но Звиад в 1958 году стал студентом филологического факультета Тбилисского университета, а Мераб Костава поступил в Тбилисскую консерваторию. Получив диплом, Костава начал преподавать в музыкальной школе, а Гамсахурдия стал научным сотрудником элитного академического Института грузинской литературы. Он много публиковался, был принят в Союз писателей, получил ученую степень. Однако обоих продолжала интересовать политика. В 1973 году они создали Инициативную группу защиты прав человека, в 1976 — Грузинскую Хельсинкскую группу. Их деятельность получила признание международного сообщества правозащитников, в 1975 году они стали членами «Эмнести интернешнл»...».

Удивительно, как по-разному сложились судьбы у двух отпрысков республиканских руководителей — Ильхома Рашидова и Звиада Гамсахурдия. Оба были детьми крупных писателей, представителями советской «золотой молодежи». Но один стал сотрудником органов государственной безопасности и служил своей стране, другой стал видным диссидентом, активно с этой страной боровшимся.

Случайность? Нет, закономерность, которая станет понятной чуть позже, когда СССР уже не станет.

Глава 26

ВЫСОЦКИЙ, ЕВРЕИ, «ПАХТАКОР» И... ИНДЕЙЦЫ

Тем временем в начале 70-х Узбекистан считался одной из самых стабильных и развитых в экономическом отношении республик СССР. Так, среднемесячная зарплата рабочих и служащих в 1972 году там составила 121,2 руб. (рост за год на 3%). Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, увеличились на 7,6% и достигли в том году 211 рублей на душу населения. Была повышена заработная плата врачей, учителей, воспитателей детских дошкольных учреждений, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений и некоторых других категорий работников. При этом отметим, что это повышение не чета нынешним российским, когда их съедает инфляция — в СССР цены на те же продукты были стабильными на протяжении долгих лет: например, проезд в метро как стоил 5 копеек в начале 60-х, так и остался в 72-м, буханка белого хлеба как стоила 13 копеек, так и осталась таковой. Поэтому даже прибавление в зарплате на 5—10 рублей считалось в Советском Союзе весомой прибавкой, а не бессмысленной подачкой, тут же съедаемой инфляцией. Как пишет историк А. Шубин:

«Цены в СССР не стояли на месте, хотя по нынешним меркам их рост был еле заметным. Так, в 1968—1973 годах кило мяса и птицы выросло в цене в среднем с 1,622 до 1,673 рубля, то есть на 5,1 копейки. По копейке в год. Колбасные изделия — с 2,134 до 2,255 — то есть на 12,1 копейки. Рыба — на 4,6 копейки, сыр — на 8. Метр хлопчатобумажной ткани подорожал на 2 копейки. Быстрее дорожали шерстяные ткани (на 1,69 рубля за метр), кожаная обувь (на 1,12 рубля за пару). Но и это — за пять лет. Телевизоры и телерадиолы выросли в цене с 286,72 рубля до 316,48 рубля, то есть на 29,76 рубля, холодильники с 208,26 до 235,27, то есть на 27,01 рубля. Можно вспомнить, что эти товары были дефицитными. Но ведь у большинства советских людей к началу 80-х был и телевизор, и холодильник...».

В 1972 году на средства государства , колхозов и населения в Узбекистане были введены в эксплуатацию около 100 тысяч квартир и индивидуальных жилых домов общей площадью 5217 тысяч квадратных метров. Были улучшены жилищные условия 601 тысячи человек, причем почти все они получили свои квартиры бесплатно. Газифицировано 154,2 тысячи квартир, в том чис-

ле в сельской местности — 89,9 тысяч. Были построены десятки общеобразовательных школ, больниц, поликлиник, детских дошкольных учреждений и других объектов культурно-бытового назначения.

В том году вошла в строй и дала первый ток 1-я турбина на Сырдарьинской ГРЭС мощностью 300 тысяч киловатт, была введена в эксплуатацию 4-я турбина на Чарвакской ГЭС мощностью 150 тысяч киловатт. Вступили в строй новые хлопкозаводы в Сырдарьинской, Андижанской областях и Каракалпакской АССР, Ташкентская обувная фабрика.

В 1973 году был введен в строй завод по выпуску домашних холодильников в Самарканде, а в Ташкенте построен автоцентр Волжского автомобильного завода. В легкой промышленности были введены в эксплуатацию 1-я очередь Бухарского хлопчатобумажного комбината, обувная фабрика в Ташкенте, Кокандский завод хромовых кож, Навоийский, Тахтакупырский и Чартакский хлопкоочистительные заводы, в пищевой промышленности — 2-я очередь парфюмерной фабрики в Ташкенте.

Среднемесячная зарплата в Узбекистане выросла по сравнению с прошлым годом на 5,5% и составила уже 127 рублей (опять же при наличии стабильных цен). Было построено еще 80 тысяч новых квартир и индивидуальных жилых домов общей площадью 4 583 тысяч квадратных метров. 518 тысяч человек улучшили свои жилищные условия за счет государства, то бишь даром.

Конечно, за этими цифрами не все выглядело столь безоблачно, как хотелось бы. Например, качество многих отечественных изделий часто оставляло желать лучшего, из-за чего эта продукция пользовалась куда меньшим спросом, чем импортная (к примеру, та же парфюмерия или обувь). Многие новые дома, которые вводились в строй, после их сдачи в эксплуатацию требовали дополнительного ремонта, поскольку сдавались в спешке. Фактически не росла цена на узбекский хлопок, который государство покупало у республики. Например, цена на хлопок, выращенный в Азербайджане, была на 4 копейки больше, чем на хлопок, выращенный в Узбекистане, хотя их качество было одинаковым. В итоге большая часть азербайджанского хлопка была на самом деле узбекского происхождения, а искомые 4 копейки оседали в карманах махинаторов из высоких московских и республиканских кабинетов.

Зарплаты по стране тоже росли непропорционально: так, бюрократия получала почти в два раза больше, чем рядовые граждане. А у парт- и госэлиты к основной зарплате в 300—400 рублей

имелись еще разного рода спецраспределители, где можно было «отовариться» продуктами, которые в обычных магазинах входили в категорию дефицитных. По этому поводу приведу воспоминания М. Барбакадзе, который аккурат в начале 70-х побывал в Узбекистане и видел номенклатурную жизнь воочию (он приехал туда на свадьбу своего однокурсника по МГУ, который был сыном высокопоставленного узбекистанского чиновника):

«Когда мы приехали на дачу его отца, Наби взял телефонную трубку, небось вертушку, и сказал по-русски две фразы:

— Для «девятого», на шесть человек. И побыстрее, пожалуйста.

«Девятый» на их номенклатурной фене означал номер в государственной иерархии, где первым был, конечно, Шараф Рашидов.

Не успел Наби провести экскурсию по отцовской даче с коврами, громадными китайскими вазами и прочими атрибутами байской роскоши, как трое мужчин подъехали на микроавтобусе и стали вытаскивать пакеты с зеленью, фруктами, ящики с водкой, вином и минералкой, горы закуски и полбарана, из которого тут же на улице начали готовить плов, разведя костер и поставив на него огромный казан, больше которого я видел только на одной из узбекских свадеб...».

Между тем описанные выше нравы были типичными для всей тогдашней советской номенклатуры, которая уже мало чего боялась под сенью брежневской стабильности. Однако особую гостеприимность Узбекистана, где любой гость — всегда желанный, отмечали тогда практически все советские граждане, начиная от номенклатурных и заканчивая рядовыми. Я сам могу утверждать это как очевидец, поскольку каждый год ездил в эту республику с родителями и видел все собственными глазами. Кроме этого, я беседовал с русскими, которые жили в Узбекистане долгие годы, и все они отзывались о тамошней жизни исключительно положительно. Правда, в начале 70-х определенные проблемы у властей республики возникли с гражданами еврейской национальности, которые вдруг стали уезжать оттуда в Израиль. Впрочем, и эта проблема имела общесоюзный характер.

Началось все в конце 60-х, когда СССР стал особенно активно поддерживать арабов на Ближнем Востоке и жестко разобрался с «бархатной революцией» в Чехословакии, где значительную роль играло именно проеврейское лобби. В итоге в 1970 году премьер-министр Израиля Голда Меир объявила крестовый поход против СССР: даже в израильских школах детей стали учить, что СССР — исчадие ада, оплот антисемитизма в мире. Это было

откровенной ложью, поскольку евреи в СССР пользовались теми же правами, что и все остальные граждане. Существовал, конечно, бытовой антисемитизм и определенные действия советских властей ограничивали отдельные права евреев, однако в общем и целом их положение нельзя было назвать вопиющим. Достаточно сказать, что в сфере литературы и искусства, а также в науке именно евреи играли важную роль и власть не могла с этим не считаться (даже в высшем советском руководстве были евреи: тот же шеф КГБ Юрий Андропов, к примеру). Поэтому, когда в 1970 году, при активной поддержке Запада, многие советские евреи стали требовать от Кремля разрешить им эмигрировать из страны, власти пытались сделать все возможное, чтобы не допустить этого. Однако из этого ничего не вышло. И спустя год еврейская эмиграция в СССР была открыта.

Между тем в Узбекистане проживало значительное количество евреев, которые относились к двум категориям: коренные жители и приезжие. Причем количество последних все годы советской власти неуклонно росло, поскольку узбекистанские власти всегда более лояльно относились к евреям, чем, например, московские. Поэтому в руководящих слоях республики тоже было много евреев. Даже помощниками у Рашидова в разные годы были представители именно этой национальности: Л. Шабшай и Г. Крайнов.

Однако вложенные Западом в пропагандистскую обработку советских евреев деньги делали свое дело: наслушавшись разных «голосов», евреи стали стремиться покинуть СССР. Не миновала эта участь и Узбекистан, хотя еврейский исход оттуда оказался чуть ли не самым минимальным в стране. Причем дело было не столько в ответных пропагандистских акциях узбекистанских властей (тамошние газеты были полны возмущенными письмами евреев, которые осуждали своих соотечественников, поддавшихся на посулы западной пропаганды), сколько реальным положением дел: евреям в Узбекистане жилось лучше, чем их сородичам в других регионах.

Узбекистан при Рашидове вообще считался в кругах либеральной советской интеллигенции местом лояльным к инакомыслию. И хотя собственного профессионального диссидентства там практически не было (разве что крымские татары доставляли определенные проблемы), однако к «диссидентам мысли» власти республики относились вполне терпимо. К примеру, «бунтарь с гитарой» Владимир Высоцкий чувствовал себя там лучше, чем где бы то ни было в СССР. В качестве примера приведу его

приезд в Узбекистан (в составе Театра драмы и комедии на Таганке) в сентябре 1973 года.

Это было первое посещение «Таганкой» этой солнечной республики. Высоцкий, слава которого уже около шести лет гремела на всю страну, совмещал игру в спектаклях («Десять дней, которые потрясли мир», «Павшие и живые») с концертами (помимо Ташкента он пел также в Навои и Чирчике). При этом Высоцкий предпочитал жить не в гостинице, где остановились его коллеги, а дома у известного кинорежиссера Георгия Юнгвальд-Хилькевича, которого хорошо знал по совместной работе в фильме 1970 года «Опасные гастроли» (отметим, что дед режиссера Эмиль-Ольгерт Юнгвальд-Хилькевич создавал узбекское оперное искусство, был художественным руководителем оперного театра имени А. Навои в Ташкенте, этим же театром потом руководил и отец Георгия).

Вспоминает Г. Юнгвальд-Хилькевич: «Однажды Высоцкий накупил арбузов, дынь, винограда, все разложил в гостиничной ванне и наполнил ее водой. Приходил туда, менял воду, смотрел на всю эту красоту и говорил: «Пусть лежит». И мы ехали ко мне. Он просто балдел от Ташкента, повторял: «Остался же кусочек человеческой жизни в этой сраной стране!».

Высоцкий был очень наблюдательным. Прихожу домой, а он стоит и в окно смотрит. «Что такое булды?» — спрашивает.

Оказывается, внизу во дворе узбеки в большом казане плов готовили. «Все вокруг суетились, — рассказывал мне Володя, — а потом толстый узбек пришел и сказал «булды!». Они схватили котел и куда-то потащили. Что это значит?».

Я объяснил, что «булды» — по-узбекски «хватит». Он запомнил. Обожал мои узбекские байки, просил, чтобы я их рассказывал. А потом уже и сам повторял их в компании...».

Во время пребывания в Ташкенте Высоцкий дал несколько концертов в разных местах, в том числе и в Концертном зале имени Я. Свердлова. Помимо этого было еще одно его выступление, домашнее, о котором вспоминает другой очевидец — Лилия Николенко:

«Старые ташкентцы помнят Концертный зал Свердлова — старинное красивое здание, ныне переделанное под биржу. К концертному залу примыкал одноэтажный жилой домик на две семьи, за ним — баня. Вот в этом доме, между Свердлова и баней жил дядя Володя Калюгин с женой и дочерью. Человек огромного обаяния и харизмы, он знал в концертном зале всех. А потому нас с его дочерью пропускали в Свердлова на все концерты по-соседски. Но это было позже. Когда Владимир Высоцкий приезжал в Ташкент и выступал в Свердлова — мы были крошками.

Дядя Володя, естественно, как сосед концертного зала, присутствовал на выступлении. А по окончании концерта, по-свойски, зашел к Высоцкому в гримерную и пригласил к себе в гости на обед. Уставший Высоцкий легко согласился. В маленькую гостиную старого ташкентского домика дяди Володи набилась огромная толпа друзей, знакомых и совсем не знакомых. Еще большая толпа собралась за зарешеченным окном дома, на улице (эта улица упирается в современный городской Хокимият). Понятно, что Высоцкому было не до обеда. Видя такую обстановку, он продолжил свой концерт еще на несколько часов, без амбиций и денег, играл для всех, кто жаждал его слушать. Дядя Володя записал все происходящее на большой катушечный магнитофон.

У нас дома тоже хранится старая, полуразмагниченная катушка — концерт Высоцкого, когда он выступал перед геологами где-то в поселке в Голодной степи около Карши. Кассету записали прямо на концерте папа с друзьями. Родители не разрешали мне ее слушать, потому, что там были «неприличные слова». Но, конечно же, я ее слушала.

Вернусь к выступлению Высоцкого у дяди Володи Калюгина. Когда посиделки закончились, все собравшиеся отправились провожать Высоцкого до гостиницы. Вернувшись домой, дядя Володя обнаружил выдавленную оконную решетку на асфальте под окном. На столе в гостиной стоял пустой магнитофон без катушки с записью посиделки с Высоцким, кучка купюр суммой 100 советских рублей и записку: «Мужик! Извини! Это тебе за Высоцкого»...».

Чуть раньше «Таганки» (в апреле-мае 1973 года) в Узбекистане гастролировал другой популярный московский театр — Сатиры. Вот как об этом вспоминает актриса Т. Егорова:

«Апрель, начало мая, солнце, базары — горы клубники, зелени, помидоров, огурцов, свобода! Восточное вкрадчивое гостеприимство. Жили в одной гостинице. Ташкентская земля пробудила в артистах пылкое желание любви. После спектаклей с вечера до утра на всех этажах не переставали хлопать двери. Консьержка, сидящая на этаже, с мучительным выражением лица спросила одного артиста: «Скажите, а семьи-то у вас у кого-нибудь есть?»...

В номере Субтильной (Лиля Шарапова) организовали night club. На окне зубной пастой Магистр (Марк Захаров) написал night club, и, включая настольную лампу, он махал красным полотенцем, изображая таинственный свет ночного клуба. В этом «клубе» пили шампанское, курили наркотики — одну сигарету

на всех по кругу, танцевали. Но и тут Андрей (Миронов) не мог удержаться от сцен. Будучи женатым и имея жену на сносях, он меня ревновал ко всем, как Отелло. С кем-то я танцевала, он меня оторвал от партнера (при том, что я с ним год не разговаривала) и зашаркал со мной ногами на маленьком пятачке гостиничного номера...

Руководство Ташкента предоставило нам самолет для экскурсии в Самарканд. Потом к гостинице подъехал автобус с ящиком водки и закуской. «Избранные» отправились в горы на границу с Китаем. На берегу стремительной реки Магистр (любил широко гулять) снял с себя куртку и бросил в воду. Его примеру последовали Шармер (Александр Ширвиндт) и Корнишон (Михаил Державин) — они снимали с себя все что могли и швыряли в реку. Только один Андрей был сдержан и остался при всех своих хороших вещах...».

Не менее приятные воспоминания о Ташкенте тех лет остались у популярной певицы Софии Ротару. Впрочем, в те годы она еще не была столь известной. В 1972 году она проводила свои первые широкомасштабные всесоюзные гастроли и одним из городов на ее пути оказалась именно столица Узбекистана. Гидом певицы по Ташкенту стал 23-летний Алимжан Тахтахунов, который одно время был известен как игрок футбольной команды «Пахтакор». Тахтахунов устроил Ротару королевский прием в банкетном зале центральной гостиницы «Ташкент». Кроме певицы, ее мужа Анатолия Евдокименко и музыкантов ансамбля, в зал не пускали ни одного посетителя. На Ротару прием произвел потрясающее впечатление, и с тех пор с Тахтахуновым ее станет связывать крепкая дружба.

Раз уж речь зашла о футбольном «Пахтакоре», самое время рассказать об его тогдашних взлетах и падениях. Так, в сезоне 1970 года он выступал неудачно, заняв 13-е место (из 17-ти команд). Одна из его последних игр в чемпионате закончилась большими потасовками, которые имели трагический результат. Дело было 30 октября в Кутаиси, где «Пахтакор» встречался с тамошним «Торпедо», которое одной ногой уже стояло в низшей лиге и позарез нуждалось в очках.

Перед началом игры была сделана попытка подкупить гостей с помощью денежной взятки, но те отказались, поскольку очки им тоже были нужны: буквально в затылок «Пахтакору» дышали ленинградский «Зенит» и одесский «Черноморец». Поэтому торпедовцам не оставалось ничего иного, как завоевать необходимую победу в равной борьбе. Но как это сделать, если гости чуть ли

не на голову были сильнее? Тут, как ни старайся, ни ложись костьми на поле, ничего не получится.

Уже к 80-й минуте матча торпедовцы безнадежно проигрывали 0:3. А тут еще под самый занавес игры судья назначил пенальти в их ворота, позволяя гостям сделать счет и вовсе неприличным. Когда четвертый мяч оказался в сетке хозяев, их нервы не выдержали. Несколько игроков «Торпедо» подскочили к главному арбитру и принялись его избивать. Своих кумиров поддержали болельщики (а стадион был переполнен) — они стали бросать на поле камни, выломанные из сидений доски. Футболисты «Пахтакора» бросились в раздевалку, понимая, что в противном случае им придется туго. Однако убежать удалось далеко не всем: несколько ташкентцев вынуждены были найти спасение в центре поля, куда не долетали камни с трибун.

Милиция, которая не ожидала такого взрыва страстей, поначалу безучастно взирала на происходящее, но затем сумела прийти в себя и сделала попытку, во-первых — разнять дерущихся, во-вторых — вывести судью и гостей с поля. Для этого стражи порядка обступили своих подопечных плотным кольцом и довели их до раздевалки. Но страсти на этом не утихли. Увидев, что гостям удалось спрятаться за спасительными стенами, болельщики принялись крушить их автотранспорт — автобусы и машины. Первый они перевернули, а для пущей надобности еще и подожгли. Ситуация приобретала зловещий оборот. Ташкентцев надо было немедленно эвакуировать, но пути к отступлению были отрезаны. Милиция запросила дополнительные силы. Но даже когда они прибыли (милиционеров поддерживали несколько десятков солдат с автоматами), болельщики и не подумали отступить. Люди были настолько возбуждены, что даже вид автоматов их не привел в надлежащее чувство. Они бросились на милиционеров и солдат с палками наперевес, после чего раздались первые выстрелы. Только тут толпа бросилась врассыпную. Людей потом долго отлавливали по дворам и подворотням, пытаясь выявить зачинщиков беспорядков. Итог этого инцидента оказался ужасен: несколько человек были убиты и ранены, стадиону и прилегающим к нему окрестностям был нанесен значительный ущерб. Такова была плата за то, что кутаисское «Торпедо» вылетело в первую лигу.

Между тем в 1971 году уже сам «Пахтакор» разделил судьбу кутаисцев и вынужден был покинуть высший дивизион. Причем вместе с ним туда же должен был отправиться и бакинский «Нефтчи», но «верха» посчитали иначе. Скандал тогда получился грандиозный.

8 октября бакинцы играли в Ростове-на-Дону против тамошнего СКА. Уже в середине первого тайма гости повели в счете 1:0 и уверенно вели дело к победе. Но в середине второго отрезка времени ростовчане счет сравняли. А спустя минуту и вовсе вышли вперед. И тут у бакинцев не выдержали нервы. Сначала их вратарь Крамаренко ударил судью Ю. Балыкина по лицу, а когда тому на помощь прибежал боковой судья, уже защитник бакинцев Мирзоян... плюнул ему в лицо. Завязалась потасовка. Капитан «Нефтчи», сетуя на судейский произвол, стал призывать одноклубников покинуть поле всей командой. К счастью, этого не произошло и матч был доигран. Армейцы победили со счетом 3:1. А вскоре после этого начались разборки.

Футбольные власти дисквалифицировали Крамаренко на 3 года, а Мирзояна — на полгода. Кроме этого «Нефтчи» были засчитаны поражения в трех оставшихся матчах. Команде грозил вылет в низший дивизион. Но тут в дело лично вмешался руководитель Азербайджана Гейдар Алиев. Он связался со спортивными чиновниками из Отдела спорта ЦК КПСС и убедил их, что с «Нефтчи» поступили несправедливо. Те позвонили председателю Спорткомитета СССР В. Павлову и тот пошел на попятную. «Нефтчи» разрешили провести оставшиеся три игры и те сумели довести количество своих очков до 28. В итоге высшую лигу покинули «Пахтакор» и донецкий «Шахтер», у которых оказалось 26 и 24 очка соответственно.

В низшем дивизионе «Пахтакор» пробыл всего лишь год (кутаисцам повезло меньше — они пробыли там более десяти лет), после чего в 1973 году вновь получил право играть в высшем и занял там 12-е место (из 16-ти команд). Тот период в советском футболе был временем триумфа недавних середняков (в 72-м чемпионом стала ворошиловоградская «Заря», в 1973-м — ереванский «Арарат») и кулуарных разговоров о том, что эти чемпионства были куплены за деньги. На футбольных полях стало твориться гораздо больше безобразий и грубостей между игроками. Футбольные власти как могли пытались с этим бороться. В 1971-м родился на свет «Кодекс спортивной чести советского футболиста», два года спустя вместо ничьих, многие из которых были договорными, команды стали пробивать пенальти.

От спорта перейдем к кинематографу. Территория Узбекистана тогда часто привлекала кинематографистов разных стран, которые снимали там фильмы из разных эпох и разных жанров. Например, в 1972—1973 годах узбекские степи стали местом съемок, так называемых, «дефа-вестернов» — фильмов ГДР про борьбу

североамериканских индейцев с американскими колонизаторами. Эти фильмы были очень популярны в СССР (в том числе и в самом Узбекистане), собирая полные залы, а постоянный исполнитель главных ролей в этих картинах — югославский актер Гойко Митич. Этот актер в первой половине сентября 1972 года приехал в Узбекистан, чтобы сняться там в очередном «дефа-вестерне» — «Апачи» режиссера Готтфрида Кольдица (Митич играл роль вождя апачей Ульзану).

Съемки проходили в 25 километрах от Самарканда, на территории колхоза А. Навои. Работа над фильмом началась еще летом и большая часть натурных съемок была отснята в Югославии. А в Узбекистан группа приехала, чтобы в течение десяти дней доснять ряд эпизодов, в частности: лагерь апачей, проезд фургона по прерии, погоня за бандитами и ряд других. Съемки начались 5 сентября (снимали проезд фургона) и проходили без особых трудностей. Однако 14 сентября произошел инцидент, который стал поводом к возмущению со стороны советской стороны, обеспечивающей группу всем необходимым.

В тот день немцы снимали эпизод со стрельбой, а именно — падение каскадера с лошади после «подсечки». Однако прежде чем снимать этот опасный трюк, немцы должны были поставить в известность советскую сторону, поскольку лошадь, участвовавшая в съемках, была не колхозная, как это было в других эпизодах, а ипподромная и стоила больших денег. Если бы с ней что-то случилось, советской стороне пришлось бы платить большие деньги за причиненный животному ущерб. К счастью, все обошлось благополучно, но протест советская сторона все равно заявила.

Между тем это была не последняя шероховатость в отношениях между обеими сторонами. Немцы потом предъявят советской стороне еще ряд претензий (им выдадут для съемок вертолет не той конструкции, что они просили; сорвут отправку груза из Москвы и т. д.), на что советские, не желая оставаться внакладе, ответят тем же. Например, немцы будут уличены... в воровстве. Оказывается, будучи поселенными в лучшей гостинице города «Самарканд», они похитят из тамошнего валютного бара кофейные ложки, пепельницы и стаканы, которые были закуплены на инвалюту в Швеции. Общая сумма ущерба составит 160 рублей. Советская сторона потребует от гостей немедленно вернуть похищенное имущество, но те возвратят только... две ложки. Остальное так и канет бесследно. Как ни странно, но все эти инциденты не станут поводом к разрыву отношений и следующим летом (в конце августа 1973) та же съемочная группа опять приедет

в эти же самаркандские края, чтобы отснять ряд эпизодов продолжения «Апачей» — фильма «Ульзана». Отметим, что обе картины будут с успехом прокатываться в Узбекистане: первая в сентябре 1975 года, вторая в ноябре следующего.

Глава 27

МЕТЛА ДЛЯ НОМЕНКЛАТУРЫ

Тем временем внутренняя и внешняя конъюнктуры для СССР складывались в начале 70-х самым благоприятным образом, что придавало уверенности советским руководителям и обещало им хорошие перспективы в будущем. После того, как вторая половина 60-х принесла наиболее значительные успехи советской экономике за все годы ее существования, в Кремле пришли к выводу, что впереди страну теперь ожидает только подъем. И даже неудачи в 1972 году, когда в экономике случился спад (особенно плохо из-за засухи сложились дела в сельском хозяйстве), не смогли поколебать эту уверенность. И уже в следующем году эта уверенность нашла свое весомое подтверждение.

1973 год оказался лучшим годом в истории Советского Союза после окончания Второй мировой войны. Причем к успехам внутренней экономики добавилась и отличная внешняя конъюнктура как политического, так и экономического порядка: во-первых, американцы потерпели поражение во Вьетнаме, во-вторых — произошел существенный рост цен на нефть (с октября), который был вызван сговором стран ОПЕК в знак протеста против поддержки империалистическими странами Израиля в арабо-израильской войне того же 1973-го. Все это сулило казне СССР огромные доходы. Доходы эти и в самом деле вскоре полились на СССР обильным дождем, но итог этого «ливня» окажется для Кремля плачевным: он угодит в ловушку, расставленную для него Западом.

Можно ли было избежать подобного исхода? Судя по всему нет, поскольку высшая советская элита, впав в эйфорию от благоприятной конъюнктуры попросту переоценила свои возможности в деле борьбы за мировое господство. К тому же кремлевским руководителям явно не хватило иезуитской хитрости и хищнической хватки западных империалистов, которым, как известно, палец в рот не клади — откусят. Но СССР рискнул — палец все же положил, после чего потерял не только его, но и вообще все тело вместе с головой. Впрочем, не будем забегать вперед.

Поскольку советская «красная буржуазия» с некоторых пор стала испытывать некое духовное родство с западной, она не посчитала зазорным принять идею «разрядки» или конвергенции (сближения) с Западом. Поскольку внешне это обыгрывалось не как уступка Западу, а всего лишь как перевод «холодной войны» в более мирное русло, то, естественно, большинством простых советских граждан это было воспринято исключительно положительно. Однако за кулисами этого поворота уже зримо накапливались предпосылки того, что определенная часть советской буржуазии рано или поздно может не только замириться со своими западными собратьями, но и стать их союзником. И Запад это прекрасно понял, с неменьшим азартом включившись в процесс «разрядки». Ему стало понятно, что такой путь ликвидации СССР гораздо эффективнее, чем «холодная война». Поняли это и некоторые восточноевропейские политики, давно критиковавшие СССР за его ревизионистскую политику, ведущую к реставрации капитализма. Как писал уже известный нам западногерманский коммунист В. Диккут:

«Империалистическая теория конвергенции — одно из средств влияния на реставрацию капитализма в Советском Союзе и ревизионистских странах Восточной Европы, и интегрирования новой капиталистической системы в империалистическую систему... Теория конвергенции изображает развитие человеческого общества как схождение социалистической и капиталистической систем, подобно двум линиям, стремящимся к одной точке, в то время как на самом деле это развитие происходит иначе. Социализм и капитализм противостоят как огонь и вода. Они не могут быть объединены. Один строй исключает другой. Социализм или капитализм — нет ничего третьего. Как писал В. Ленин: «...Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа...»...».

То, как повел себя СССР сразу после «нефтяного кризиса» в 1973 году, наглядно демонстрировало тот факт, что кремлевское руководство не считает зазорным стать для Запада своеобразной «палочкой-выручалочкой». Правда, не даром, а за очень большие деньги, которые были необходимы ему для задабривания своего населения. Как пишет другой исследователь — В. Шапинов:

«...Помощь мировому капитализму пришла «откуда не ждали». Брежневская бюрократия фактически предала солидарность с «третьим миром» и его нефтяной блокадой, активно включившись в мировую капиталистическую систему в качестве поставщика сырой нефти. За счет нефтедолларов руководство

КПСС планировало решить многочисленные проблемы, которые возникли у Советского Союза в экономике и которые были не только не решены, но и усугублены рыночной реформой 1965 года. Теперь включался «компенсационный механизм»: за счет нефтяных вливаний можно было поддерживать экономику и подкупать население «брежневским изобилием» — советским вариантом общества потребления. С этого времени начинается интеграция в мировую капиталистическую систему Советского Союза и восточноевропейских стран, причем на невыгодном положении поставщиков сырья.

Предпочтя не революционное решение проблемы — как вовне (поддержка революции в странах капитализма), так и внутри (переход к коммунистическим отношениям), — а реформистское, руководство КПСС предопределило печальную судьбу социализма в СССР...

Именно в 1960—1970-е годы Советское государство окончательно превращается из фактора мировой революции в помощника мировой контрреволюции, поддерживая ее экономически — включением социалистических экономик в капиталистическое мировое разделение труда (эта реинтеграция стала одним из факторов перехода от «социального государства» к неолиберализму, таким образом, Брежнев, как это ни парадоксально, может считаться одним из отцов «глобализации»), и политически — поддерживая и насаждая реформизм в коммунистических партиях.

Комунистические партии Запада идут вправо даже дальше своего «старшего брата» — КПСС. В Италии лидер компартии Э. Берлингуэр заявляет, что необходим «исторический компромисс» с главной партией буржуазии — христианскими демократами. В Испании руководители компартии заговорили о «демократическом, самоуправляющемся, монархическом социализме». Этими манифестами заявляет о себе «еврокоммунизм», еще более правая, чем советский брежневский «марксизм-ленинизм» идеология европейских компартий...».

Тем временем осенью 1973 года в Узбекистан приезжает Леонид Брежнев. Это был его уже третий приезд в республику за последние три года (до этого Генеральный посетил Узбекистан в те же сроки в 70-м и 72-м годах). 24 сентября Брежнев выступил во Дворце искусств в Ташкенте перед партийно-хозяйственным активом республики с большой речью, из которой я приведу лишь несколько отрывков:

«Расцвет советской Средней Азии, ее стремительное движение вперед — прямой результат ленинской национальной поли-

тики нашей славной Коммунистической партии... Душа радуется, когда смотришь на ваши великолепные города, современные заводы и фабрики, на тщательно возделанные поля и цветущие сады.

Социализм — самый гуманный, самый демократичный общественный строй из всех, какие знает история. Все материальные и духовные ценности он широко ставит на службу человеку, его развитию, его благу. Забота общества и государства о человеке — это великое социальное завоевание, которым мы, советские люди, по праву гордимся; постоянное повышение уровня благосостояния и культуры советских людей — такова главная цель политики нашей партии, сформулированной XXIV съездом.

Верный путь к достижению этих целей — труд, труд и еще раз труд, вдохновенный, хорошо организованный труд советских людей, своими руками строящих свою счастливую жизнь. Человек — обществу, общество — человеку. Таков характер взаимоотношений личности и общества при социализме. Обязанность трудиться — это основной закон нашей жизни, коренное условие благополучия каждой советской семьи, каждого советского человека.

Люди, по наследству получившие пышные титулы князей и баронов, алчные земельные магнаты — баи и помещики, толстосумы, богатеющие за счет чужого труда, — банкиры и промышленники — вот кого считает знатными людьми эксплуататорское общество. А наши знатные люди — это передовики труда, новаторы производства, мастера своего дела вне зависимости от того, на каком участке они работают. Почет и уважение героям труда, равнение на их достижения — это уже привычная для всех норма советской действительности...

Можно определенно сказать, товарищи, что и в условиях сегодняшнего дня ленинские указания (о повышении дисциплины труда. — *Ф. Р.*) все еще сохраняют свою актуальность и силу. Нельзя не видеть, что в организации четкой, слаженной работы, в обеспечении дисциплины труда сделано далеко еще не все, что возможно и необходимо. Мы не имеем права мириться с тем, что на некоторых предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях дисциплина труда порою хромает, что не перевелись еще люди, которые халатно относятся к своим прямым трудовым обязанностям... В случаях, когда убеждение не действует, против злостных бездельников, бракоделов, пьяниц, нарушителей трудовой дисциплины надо применять решительные меры. Это оправданно, это диктуется интересами нашего общества, всего нашего народа. Это встретит одобрение всех честных тружеников...

Сила нашего ЦК и сила всей нашей партии состоит в том, что Центральный Комитет безгранично доверяет коммунистам вашей и других партийных организаций, и, в свою очередь, все ваши коммунисты беспредельно преданы своему ленинскому ЦК. В этом наша сила, товарищи!..».

Но это была, так сказать, внешняя оболочка брежневского визита. Кулуарная — та, что была скрыта от большинства посторонних глаз и проходила за закрытыми дверями — была посвящена обсуждению проблем, которые не должны были стать достоянием не только широкой общественности, но и большинства узбекских коммунистов. Когда Брежнев говорил в своей речи о том, что «ЦК безгранично доверяет коммунистам узбекского ЦК и других партийных организаций», он в изрядной мере лукавил: в своей политике Центр всегда исходил из принципа «доверяй, но проверяй». Поэтому на этот раз Брежнев приехал в Узбекистан не только для того, чтобы призвать жителей республики к новым трудовым свершениям, но и для того, чтобы нацелить Рашидова на очередное «закручивание гаек» в среде высшей партноменклатуры.

В то время как в Грузии уже вовсю наводил порядок Шеварднадзе, а в Азербайджане — Алиев, от Рашидова, который руководил одной из самых крупных республиканских партийных организаций страны (более 450 тысяч коммунистов, 3-е место в СССР), Москва тоже стала требовать, чтобы тот «встряхнул» свою номенклатуру, но без тех перегибов, которые были отмечены в упомянутых закавказских республиках. То есть: не зарываться и «шерстить» высшее звено по минимуму, чтобы не озлоблять бюрократию, а народ убедить в наличии жесткой руки. Эта установка наглядно демонстрировала, что «чистки», как и раньше, целиком и полностью должны были контролироваться из Москвы.

«Чистка» в Узбекистане началась в начале 1974 года. Главной жертвой ее должна была стать уже хорошо известная нам Ядгар Насриддинова — бывший президент Узбекистана (1959—1970), а ныне председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Судя по всему, в атаке на нее был заинтересован не только Рашидов, но и сам Брежнев, который таким образом хотел умерить амбиции союзного Президента Николая Подогорного, который вел себя крайне независимо и всегда подчеркивал, что не дает в обиду своих людей. Брежневу это не нравилось, поскольку он, во-первых, ставил себя выше президента и двоевластия не терпел, во-вторых — стал подозревать амбициозного Подгорного в том, что тот в недалекой перспективе может стать главным

претендентом на его пост. Поэтому и стал готовить почву для его будущего смещения. Так, в 1973-м он сменил человека Подгорного во главе компартии Украины: вместо Петра Шелеста поставил Владимира Щербицкого, который не только был его человеком, но и плохо относился к Подгорному. В итоге Щербицкий довольно скоро «вычистил» из украинского руководства почти всех ставленников последнего.

Подгорный хорошо относился к Насриддиновой и летом 1974 года собирался вновь рекомендовать ее на пост председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Однако ни Рашидов, ни Брежнев в этом назначении заинтересованы не были. В итоге из Москвы в Узбекистан была направлена весьма влиятельная комиссия в которую вошли: член Комитета партийного контроля ЦК КПСС Г. Осипов, ответственный контролер КПК С. Вологжанин, инструктор Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС М. Ишков и инструктор Отдела административных органов ЦК КПСС Ю. Северин. Эти люди совместно с партийными и правоохранительными органами Узбекистана должны были выбить почву из-под ног Насриддиновой. И им это удалось. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу отрывок из документа комиссии КПК:

«В процессе расследования уголовных дел, возбужденных в отношении преступных групп, состоящих из лиц, связанных с Насриддиновой и пользовавших ее поддержкой и покровительством, были вскрыты массовые хищения социалистической собственности в особо крупных размерах, факты взяточничества. Всего было осуждено 315 человек, в том числе 31 ответственный советский и судебный работник. Общая сумма хищений составила свыше 10 миллионов рублей...».

Отметим, что в числе лиц, привлеченных по этому делу, были люди самого разного ранга и должностей: секретарь Хивинского райкома КП Узбекистана, председатель Самаркандского райисполкома, директор объединения кинотеатров города Андижана, управляющий базой «Узтекстильпрома», директор Ургенчского винного завода и т. д. В число жертв «чистки» попали и более высокопоставленные деятели, вроде председателя Верховного Суда С. Пулатходжаева (1967—1974) и бывшего председателя Совета Министров Узбекистана (1961—1971), а ныне 1-го заместителя премьер-министра Рахманкула Курбанова. Последнего обвинили во взяточничестве и приговорили к 8-летнему тюремному сроку. Однако за него вступился сам Брежнев: спустя полгода после вынесения приговора он подписал указ о досрочном освобождении Курбанова из мест заключения (чуть позже его восстановят и в КПСС).

Между тем по ходу чисток в Узбекистане вскрывались не только факты коррупции, но и другие преступления. Вот как об этом вспоминал тогдашний начальник Управления уголовного розыска МВД СССР И. Карпец:

«Из Узбекистана мне позвонил начальник уголовного розыска республики Виктор Ильич Селиверстов и сказал, что они, работая по заявлению одной молодой женщины об изнасиловании, арестовали группу сводников, которые вербовали молодых красивых женщин для встреч с «денежными людьми» в специально организованном для этого притоне. В процессе работы было установлено еще одно место, куда возили девиц. Девицы эти в своем большинстве работали стюардессами, а возили их на одну из дач близ Ташкента, оказавшуюся дачей бывшего председателя Совета Министров республики. В. И. Селиверстов попросил, чтобы из Главка приехали сотрудники, ибо им сподручнее будет вести работу, так как они не зависят от местных влияний. Улей расшевелили. Действительно, кто только не посещал это заведение! Против хозяина было возбуждено уголовное дело о притоносодержательстве. Немало ответственных работников сильно пострадали из-за своей любви к веселью и «прекрасному полу».

Там же и в то же, примерно, время за убийство был арестован молодой лоботряс... Расследование продвигалось с трудом, ибо мать убийцы была, как принято говорить, женщина уважаемая, с влиятельными связями и знакомствами (сама она была одним из руководителей на ниве просвещения). В общем, в уголовный розыск республики без конца шли звонки. Звонившие доказывали, что убийца — хороший парень, что это — случайность, что он заслуживает снисхождения. Были и звонки с угрозами, и с обещаниями «хорошо отблагодарить», и т. п. Но сотрудники держались стойко. Прокуратуре (это ее подследственность) вести расследование тоже было непросто.

Однажды позвонили по телефону из Ташкента мои сотрудники и сказали, что мать убийцы летит в Москву. Я сказал, чтобы они летели «вместе с ней». Они прилетели и установили за ней наблюдение, что и привело их в пригород Москвы, к поселку, именуемому «Снегири», где были дачи Верховного Совета СССР. Они спросили меня, что делать? Я сказал, чтобы дожидались, пока эта женщина оттуда выйдет. Ждать пришлось до утра. А утром из ворот выехала автомашина, в которой сидели, как тогда говорили дежурный заместитель Председателя Президиума Верхов-

ного Совета СССР Насриддинова и героиня нашего повествования. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, зачем последняя ездила к «дежурной Президентше».

Я далек был от того, чтобы подозревать Насриддинову в чем-то, был знаком с ней и она произвела на меня благоприятное впечатление. Но впечатление впечатлением, а дело — делом. Кроме того, уголовный розыск не КГБ и слежкой за депутатами и членами правительства, как и вообще за любым человеком, если он не замешан в уголовном преступлении, не занимается. Поэтому я в то же утро доложил все материалы министру, сказав, что вести разговоры с Насриддиновой — не наше дело. Но необходимо освободить от какого-либо давления уголовный розыск и следствие. Министр оставил материалы у себя. Убийца вскоре был предан суду и получил по заслугам. Мешать нормальному ходу дела никто не рискнул...».

Как и в случае с Курбановым, Брежнев проявил снисходительность и к Насриддиновой. Вполне удовлетворенный тем, что она лишилась своего поста в Совете Национальностей, он хотел отправить ее послом в Австрию, но та отказалась. Тогда Генсек назначил ее заместителем министра промышленности стройматериалов. А когда КПК продолжило преследование Насриддиновой и приняло решение об ее исключении из партии, Брежнев и здесь заступился за женщину: спустя сутки (!) заставил КПК отменить свое решение. Хотя, бытует иная версия: дескать, на КПК надавил не Брежнев, а Подгорный и его люди, которые состояли в хороших отношениях с Насриддиновой и не хотели, чтобы она серьезно пострадала.

Между тем в разгар номенклатурных чисток в Узбекистане Центр направил туда нового председателя КГБ вместо прежнего, Алексея Бесчастнова, который занимал эту должность ровно пять лет — с ноября 1969 года (в Москве его назначат начальником 7-го управления, отвечавшим за наружное наблюдение; отметим также, что именно Бесчастнов приложит руку к созданию знаменитого спецназа КГБ «Альфа»). Новым шефом КГБ Узбекистана стал близкий соратник Андропова, фронтовик (участвовал в партизанском движении в Белоруссии) Эдуард Нордман. Судя по всему, Нордману вменялось в обязанность не только контролировать узбекское руководство, но и смотреть за тем, чтобы Рашидов не слишком перегибал палку в борьбе с оппозицией, поскольку это могло помочь укреплению его позиций в ущерб Москве.

Отметим, что приезд Нордмана в Узбекистан совпал с торжественным событием: Москва наградила Рашидова званием

Героя Социалистического Труда, а республику — орденом Октябрьской Революции. Это была уже четвертая по счету весомая награда на республиканском знамени: в 1939 и 1956 годах Узбекистан был удостоен орденов Ленина, в 1972 году — Дружбы народов. Орден Октябрьской Революции был приурочен к юбилею — 50-летию Узбекской ССР — и прикрепил его на знамя 22 октября 1974 года, приехавший в Ташкент главный идеолог страны Михаил Суслов.

В начале 1975 года произошли очередные изменения в Бюро ЦК КП Узбекистана: туда был введен А. Ходжаев. Больше перестановок в высшем органе партийной власти республики не было, да они и не требовались — Рашидов и с этим составом прекрасно контролировал ситуацию в республике. И единственное, что тогда могло волновать Рашидова — самочувствие Брежнева.

Первый серьезный кризис в здоровье Генсека произошел в ноябре 1974 года, когда после официальной встречи с президентом США Д. Фордом во Владивостоке у Брежнева случился инсульт. Врачам тогда удалось спасти Генсека от смерти, однако его здоровье после этого сильно пошатнулось. Тогда же Брежнев, что называется, «подсел» на сильные снотворные препараты, которыми его снабжала личная медсестра Нина К. В итоге в самочувствии Генсека все чаще стали возникать то периоды помутнения (когда он почти ничего не контролировал), то периоды просветления (когда он был необычайно активен).

Именно во время одного из «светлых» периодов Брежнев провел операцию по удалению из Политбюро своего давнего противника — Александра Шелепина (в апреле 1975 года его вывели из состава Политбюро и назначили заместителем председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию). Кроме этого, в августе Брежнев съездил в столицу Финляндии город Хельсинки, где участвовал в мероприятии, предопределившим будущую судьбу не только СССР, но и всего мира — в Совещании по безопасности в Европе. Вернувшись оттуда, Генсек угодил в период «помутнения». Вот как об этом вспоминает тогдашний начальник 4-го управления Минздрава Е. Чазов:

«В Москве Брежнев был всего сутки, после чего улетел к себе на дачу в Крым, в Нижнюю Ореанду. Все встало на «круги своя». Опять успокаивающие средства, астения, депрессия, нарастающая мышечная слабость, доходящая до прострации. Три раза в неделю, скрывая от всех свои визиты, я утром улетал в Крым, а вечером возвращался в Москву. Все наши усилия вывести Брежнева

из этого состояния оканчивались неудачей. Положение становилось угрожающим...».

Несмотря на то, что высшее кремлевское руководство тщательно сохраняло тайну о состоянии здоровья Брежнева, слухи об этом все равно просачивались вниз, в нижние структуры власти. Дошли они, судя по всему, и до Рашидова, который часто бывал в Москве в качестве кандидата в члены Политбюро, а также как пациент того же 4-го управления Минздрава (Рашидов лечил больное сердце в московской спецбольнице на улице Плотникова). Естественно, эти слухи волновали Рашидова, поскольку неожиданный уход Брежнева мог спровоцировать выступление его оппонентов в Узбекистане. Тем более, что одним из реальных претендентов на место Брежнева по-прежнему оставался Президент страны Николай Подгорный, с которым у Рашидова давно были натянутые отношения (а после «дела Насриддиновой» они испортились окончательно). Правда, лидера Узбекистана успокаивала мысль, что приход Подгорного к власти не мог удовлетворить большинство членов Политбюро. Да и сам Брежнев, как оказалось, был не готов уступить свою власть другому человеку. Поэтому предпринял все от себя зависящее, чтобы пресечь разговоры о своем катастрофическом нездоровье. Он удалил от себя медсестру Нину К. и взялся за свое здоровье: дважды в день плавал в бассейне, начал выезжать на охоту, гулять по парку. Слухи об этом тут же распространились (не без ведома КГБ) среди высшей советской номенклатуры.

3—5 февраля 1976 года состоялся 19-й съезд КП Узбекистана, который прошел в спокойной обстановке и оставил состав высшего руководства республики без изменений. Состав Бюро тогда выглядел следующим образом: Ш. Рашидов (1-й секретарь), В. Ломоносов (2-й секретарь), Н. Худайбердыев (председатель Совета Министров), Т. Осетров (1-й заместитель председателя Совета Министров), Н. Матчанов (председатель Президиума Верховного Совета), М. Мусаханов (1-й секретарь Ташкентского обкома), Ю. Белоножко (командующий Туркестанским военным округом), И. Анисимкин (секретарь ЦК), Ю. Курбанов (секретарь ЦК), А. Салимов (секретарь ЦК); кандидаты в члены Бюро: К. Камалов (1-й секретарь Каракалпакского обкома), Э. Нордман (председатель КГБ), Г. Орлов (заведующий отделом организационно-партийной работы), Н. Махмудов, С. Султанова.

Однако изменения затронули отделы ЦК. Там заведующими были назначены 16 человек, из которых только половина были старыми назначенцами, сохранявшими свои посты на протяжении долгих лет. Из них долгожителями (по времени работы) были двое: Т. Зинин (сельскохозяйственный отдел) и Д. Ходжаев (председатель партийной комиссии), которые занимали свои посты с 1961 года (с 16-го съезда). С 1966 года (с 17-го съезда) в должности заведующих отделами трудились: Г. Орлов (организационно-партийной работы), М. Саидов (строительства и городского хозяйства); с 1971 года (с 18-го съезда) — В. Архангельский (административных органов), У. Рустамов (информации и зарубежных связей), К. Таиров (общий отдел), Т. Умаров (управляющий делами).

Среди новеньких (а их было 9 человек) значились: М. Искандеров (пропаганды и агитации), П. Хабибуллаев (науки и учебных заведений), А. Тураев (культуры), В. Сускин (водного хозяйства), И. Хуснутдинов (торговли, плановых и финансовых органов), В. Хамидов (тяжелой промышленности и машиностроения), М. Юлдашев (легкой и пищевой промышленности), С. Расулов (транспорта и связи).

Между тем пройдет всего немного времени после съезда — всего пять месяцев — и в июле Москва пришлет в Узбекистан нового 2-го секретаря ЦК: им станет 48-летний Леонид Греков, который до этого в течение шести лет работал 2-м секретарем Московского горкома КПСС. Судя по всему, это назначение не обошлось без участия самого Рашидова. Как мы помним, до этого «глазами и ушами Москвы» был Владимир Ломоносов, с которым Рашидов проработал рука об руку более 13 лет (с 1963 года, когда Ломоносов был назначен председателем Среднеазиатского бюро). Однако в последние годы их отношения заметно осложнились. Приведу по этому поводу воспоминания тогдашнего главного архитектора Ташкента С. Адылова:

«Вспоминаю конец января 1975 года. Лежит снег на площади Ленина в Ташкенте. На месте, где теперь стоит памятник Неизвестному солдату, установлен макет будущего мемориала. Присутствуют все члены Бюро. Первым к макету подошел Шараф Рашидович, внимательно его осмотрел. Я докладывал, все внимательно выслушали, задали вопросы, в принципе проект понравился, только второй секретарь Ломоносов заметил: «Зачем нам на площади затевать такое грандиозное сооружение? Мы же не Москва, не город-герой. Нам надо хорошо подумать. Тридцатилетие Победы отметим, на братском кладбище цветы возложим, по-моему, достаточно».

Шараф Рашидович ничего не сказал. Взял меня под руку, пригласил всех пойти в Совмин. По площади идем пешком, он мне говорит: «Вот видите, вы понимающий человек, что здесь

плохого — вспомнить, увековечить память всех погибших узбекистанцев. Хотя бы критиканы уважали всех, кто присутствует здесь. Все за сооружение, видите ли, он один посоветоваться хочет, с кем — вам известно».

Затем Шараф Рашидович сказал: «Вы не все знаете! Как трудно принимать по некоторым большим проблемам решения. Я прошу вас начатое нами вместе строительство двухэтажных панельных домов с двориками для заселения большими семьями прекратить. Наши некоторые друзья (речь, видимо, опять шла о Ломоносове. — *Ф. Р.*) преподнесли в Центр эту гуманную акцию так, как будто бы мы с вами националисты, строим узбекам дома-коттеджи с двориками, а русским — девятиэтажки. Разве это так? Пожалуйста, если у русских или других национальностей есть большие семьи, пусть заселяются в 5—6-комнатные дома. Практически мы их даем двум-трем семьям, чьи собственные дома попали под снос. За снос собственного дома мы не оплачиваем, это нарушение Закона. Вот так, мой брат, мы должны терпеливо двигать наши решения по застройке города вперед».

Мы расстались у входа в здание Совмина. Решение было принято, памятник Неизвестному солдату сооружен...».

Отметим один нюанс: Ломоносов и Греков были одногодками (1928 года рождения) и одно время работали в одном и том же райкоме в Москве (Ломоносов был секретарем и руководителем Калининского райкома в 1958—1962 годах, а Греков в 1963—1966 был секретарем того же райкома, а в 1966—1971 годах — его 1-м секретарем). Вполне вероятно, что именно Ломоносов порекомендовал Грекова на свое место, а сам был переведен на мало почетное место председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам.

Практически с первых же дней пребывания Грекова в Узбекистане Рашидов, что называется, впряг его в работу. Причем сделал так, что тому пришлось выступить на его стороне против своих же, «москвичей», в деле строительства ташкентского метро. В те июльские дни 76-го обсуждался внешний вид станций Чиланзарской ветки и «москвичи» (министр путей сообщения, председатель Госплана СССР, директор Московского метрополитена и несколько проектировщиков) выступили против проектов ташкентских архитекторов, обвинив их в недостатке опыта. Так, директор Московского метрополитена, обращаясь к главному архитектору Ташкента С. Адылову заявил: «Вы с вашими коллегами запроектировали подземные мраморные дворцы. Пора вам отличать транспортные сооружения от дворцов».

Когда архитектор попытался выяснить, какими же должны быть станции метро, гость ответил: дескать, мраморных и гранитных полов не надо делать в вестибюлях, их следует заменить... асфальтом, что человек только спускается в зал, и поднимается, он там недолго бывает. Нечего там делать и художественным панно, тематическим рельефам и другим украшениям. За этим ответом явно читалось нежелание Центра тратить лишние деньги на обустройство ташкентской «подземки»: дескать, и с асфальтом сойдет. Естественно, Рашидова, который мечтал видеть свое метро не хуже московского, подобное развитие событий никак не устраивало. Поэтому он поступил весьма мудро: попросил высказаться на эту тему Грекова, который всего два дня занимал пост «второго». И тот, прекрасно понимая чего от него ждет Рашидов и все члены узбекистанского Бюро, присутствовавшие на том обсуждении, был краток, но лаконичен: «Я поздравляю вас и всех архитекторов с хорошими проектами станций метро». На этом спор был исчерпан.

Глава 28

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Между тем продолжается весьма активное экономическое и культурное развитие Узбекистана. Вводятся в действие новые крупные государственные предприятия (в том же 1976 году их открылось восемь), растет производительность общественного труда (в том году был получен 61% прироста промышленной продукции), капитальные вложения государства и колхозов на развитие сельского хозяйства (2 миллиарда рублей), выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления (увеличились на 6,5% по сравнению с прошлым годом и составили 3,8 миллиарда рублей) и т. д. В том году было построено 90,7 тысячи благоустроенных квартир и индивидуальных жилых домов общей площадью 5130 тысяч квадратных метров, в результате чего свои жилищные условия улучшили 576 тысяч человек. Среднемесячная зарплата составила в том году в республике 140 рублей, а с добавлением выплат и льгот из общественных фондов потребления — 192, 8 руб. против 184,2 руб. в 1974 году.

Особенно заметно преобразилась столица Узбекистана город Ташкент. В апреле 76-го минуло десять лет с момента ташкентского землетрясения, которое, как мы помним, практически уничто-

жило весь центр — так называемый старый город (было разрушено или повреждено 37 395 зданий, в том числе 35 тысяч жилых домов). За минувшие после трагедии годы узбекские власти сделали все от них зависящее, чтобы восстановить центр города фактически заново, сделав из него настоящий шедевр зодчества. Отметим, что если до стихийного бедствия в Ташкенте за год вводилось лишь 300—400 тысяч квадратных метров жилья, а общая жилая площадь в городе составляла 7935 тысяч квадратных метров, то после эти цифры выглядели следующим образом: только за первые три с половиной года было построено 3200 тысяч квадратных метров жилья, из которых 1180 тысяч руками строителей из братских республик и военными строителями.

К 1971 году в Ташкенте уже было построено 5633 тысячи квадратных метров жилья — фактически был возведен новый город. Вот почему изумлению многих людей, кто помнил столицу Узбекистана до землетрясения, не было предела. Поражены были и те, кто видел этот город впервые. Когда в марте 1977 года в Ташкент с гастролями впервые приехала восходящая звезда советской эстрады Алла Пугачева, она была буквально околдована его красотой. Во время движения из аэропорта в гостиницу, она то и дело вертела головой и удивлялась: «Ну и красотища!». Не случайно тогда одной из самых популярных песен в стране, звучащей из всех радиоточек и с экранов телевизоров, была песня Давида Тухманова на стихи Р. Бабаджаняна и Л. Ошанина «Звезда Востока» («Песня о Ташкенте»).

...Чье сердце было одиноко,
К тому надежда здесь пришла.
Сияй Ташкент — Звезда Востока,
Столица дружбы и тепла!

Как писалось выше, в Ташкенте появился и собственный метрополитен. Его открытие состоялось в ноябре 1977 года. Это событие можно было смело отнести к разряду фантастических, поскольку до этого мало кто верил, что метро в этом городе — учитывая его сейсмическую карту — вообще возможно. Отметим, что собственными метрополитенами тогда уже обзавелись многие города СССР, в частности: Москва (с 1935 года), Ленинград (с 1955-го), Киев (с 1960-го), Тбилиси (с 1966-го), Баку (с 1967-го), Харьков (с 1972-го). Естественно, Рашидов тоже мечтал иметь в своей столице подобный вид транспорта, тем более, что число жителей Ташкента (1,5 млн.) тогда превышало число жителей Тбилиси (на 500 тысяч), Харькова и Баку (почти на 300 тысяч). Однако Москва долго волынила этот вопрос (Рашидов обращался туда с этой просьбой целых 18 раз!), ссылаясь на опасную сейсмичность района. И все же в августе 1971 года было принято решение о начале строительства метрополитена в Ташкенте, и то только после того, как Рашидов принял условие о долевом участии республики в строительстве.

Стройка началась в январе следующего года и велась силами московских и ташкентских строителей. Как пишет журналист В. Дьяков: «Ташкент стоит на очень подвижном грунте, который имеет свойство уменьшаться в объеме после увлажнения. Порода уплотнялась искусственно. Конструкции усиливались сейсмическими поясами. Метро сооружалось в сложных условиях. Но ни «вывалы», которые раздвигали бетонные стены, ни подземные сели не останавливали проходчиков. Они шли с опережением графика работ, осваивая новую технологию метростроения в зоне высокой сейсмической активности и сложных инженерно-геологических условий. Трудно поверить, что первый пусковой участок Ташкентского метрополитена был сдан строителями с опережением графика на год. Это беспримерный результат на сооружении таких уникальных объектов, как метро. Это не был случай досрочной сдачи объекта к очередной «дате», после которого объект закрывался на доделки-переделки: Ташкентский метрополитен после своего пуска не останавливался ни на час...».

На протяжении всех лет строительства метро в Ташкенте Рашидов лично следил за его ходом. Так, 19 ноября 1971 года он присутствовал при взятии первого грунта на будущей станции «Чиланзарская». Приезжал он на объекты будущего метро и в другие моменты — например, кризисные. Вот как об этом вспоминает известный архитектор С. Адылов (в ту пору он был назначен заместителем заведующего отделом ЦК КП Узбекистана по строительству):

«При проходке тоннеля между станциями «Сабир Рахимов» и «Чиланзарская» пришлось пересечь арык Анхор, который снабжал водой пригородный Калининский район. По проекту через будущую трассу был проложен коллектор из железобетонных труб большого диаметра. Старое русло ликвидировалось. Шли последние метры по рытью нового обводного канала. В это время кто-то сообщил жителям Калининского района, что строители метро лишают их район воды. Буквально тут же от малого до великого, семьями, женщины с детьми, мужчины с кетменями прибыли к месту работы и встали стеной. Женщины и дети

окружили экскаватор и не дали ему работать, а мужчины начали кетменями засыпать вырытый котлован обводного русла. К месту происшествия были вызваны представители Чиланзарского исполкома, но они не могли сладить с толпой. Тогда вызвали представителей горисполкома. Но и они оказались бессильны, после чего сообщили о случившемся Ш. Рашидову. Он немедленно прибыл на место происшествия и сказал людям, что их информировали неправильно, вода в их район будет поступать. Народ успокоился, а затем стал помогать строителям вынимать грунт из траншеи. К концу дня вода через обводное русло уже поступала в Калининский район...».

Отметим, что открытие Ташкентского метрополитена состоялось в день 60-летия Шарафа Рашидова — 6 ноября 1977 года — что было, конечно же, не случайно: без его активной позиции, которую он отстаивал в Москве по данному вопросу, этот объект вряд ли бы вообще смог появиться в Узбекистане. Поэтому пуск метро явился своеобразным подарком не только всему населению столицы, но и руководителю республики, которого к тому времени иначе как «отахон» («отец нации») в Узбекистане никто не называл.

Первой была открыта Чиланзарская линия, протяженность которой составляла 12,2 км и которая связала станции «Сабир Рахимов» на юге города и «Октябрьской революции» на северо-востоке (всего на этой линии тогда было 9 станций).

Ташкентское метро стало первым в Средней Азии и по праву вошло в число главных достопримечательностей этого города, названного людьми «Звездой Востока». Иностранцы, попадая в это подземное царство, не уставали удивляться царившим там красоте, чистоте и уюту. В архитектуре большинства ташкентских станций уже тогда доминировали национальный художественный стиль с использованием комбинаций из местных гранита, мрамора, туфа, цветной пемзы, мозаики из узбекистанских самоцветов.

Между тем гостей Узбекистана поражало не только тамошнее метро, но и масса других достопримечательностей. Чтобы не быть голословным, приведу на этих страницах некоторые высказывания известных зарубежных деятелей о Ташкенте.

Т. Карретони (депутат итальянского и европейского парламентов, президент Итальянского форума за безопасность и сотрудничество в Европе и Средиземноморье): «Мне очень понравился Ташкент — город, имеющий свое лицо, свой характер. Я побывала во многих странах и должна сказать, что столица Узбекистана выгодно отличается от других городов своим национальным колоритом».

Х. Эстрада (мексиканский режиссер): «С первых же часов моего пребывания Ташкент очаровал меня тенистой зеленью своих садов и скверов, красотой жилых кварталов. Эта цветущая, счастливая столица, устремленная в будущее, разительно отличается от многого виденного мною в городах родного континента. Там буквально на каждом шагу бросаются в глаза вопиющие социальные контрасты — страшная нищета рядом с вызывающе бесстыдной роскошью».

И. Коломбо (профессор, архитектор из Италии): «На меня большое впечатление произвела реконструкция центра Ташкента. Она не может не вызывать огромного интереса у всех иностранных специалистов, работающих в области реконструкции и новостроек в старых городах со сложившимися архитектурными традициями. Вы достигли большого прогресса в использовании крупных панелей в домостроении. Этот опыт заслуживает внимания».

С. Ауидж (мэр города Тунис): «Мы многое знали о Ташкенте, но увиденное изменило наши представления об этом городе, его жителях. Прежде всего, город поражает своей красотой, неповторимым обликом, сочетающим черты восточного стиля и современную архитектуру. Я заметил, что в Ташкенте много строят жилья, причем здания жилых домов все благоустроенные и интересно оформленные».

А. Руссе (журналист из Франции): «Ташкент — город замечательный, современный. В нем, как и в Самарканде, сохранилось много исторических памятников. И все же столица Узбекистана не уступает современным городам Франции, Италии, Испании. На меня произвело большое впечатление архитектурное оформление не только административных зданий, но и жилых домов. Я бы назвал Ташкент одним из красивейших городов».

Р. Бун (заместитель главного редактора газеты «Афроамерика», Балтимор, США): «Я мечтал побывать в Ташкенте, потому что мне хотелось увидеть город, где люди живут, не зная расовой дискриминации. Путешествие в столицу Узбекистана для меня большая радость. Яркая природа, обилие зелени, прекрасные здания, хорошая планировка — вот то, что отличает этот город. Восстановленный Ташкент после землетрясения 1966 года производит грандиозное впечатление».

Если Ташкент своей архитектурой в основном олицетворял красоту и величие современного Узбекистана, то такие города,

как Самарканд, Бухара, Хива и другие пленяли воображение людей памятниками, возраст которых насчитывал не одно тысячелетие. По этому поводу приведу еще ряд высказываний людей, кто посетил в 70-е годы Узбекистан и оказался в плену его красот и достопримечательностей. Например, южноафриканский писатель Алекс Ла Гума написал следующее:

«Я — давний и искренний друг вашей страны. Своим примером вы даете жителям разных стран надежду на счастливое будущее. На африканском континенте хотят знать правду о Советском Союзе, о ваших успехах. Я напишу книгу об СССР, и большая глава в ней будет посвящена Узбекистану. То, что я увидел, — фантастично. Особенно поражают современные достижения Узбекистана. Республика с тяжелым прошлым сумела построить социализм. За 50 лет Советской власти сделано невероятно много. Другим народам для этого потребовались бы века...».

Еще одно признание принадлежит гамбийскому писателю Джею Сейди:

«Важность и размах социально-экономических перемен в Советском Узбекистане трудно переоценить. Успехи узбекского народа воплощены в бескрайних полях хлопка, обводненных пустынях, мощных индустриальных центрах, научных учреждениях, в новых произведениях искусства и литературы. Прекрасны новые города, новые жилые кварталы, утопающие в зелени, прекрасна республика, поющая о радости жизни в театрах, на сельских праздниках. Для гостей из развивающихся стран, которые посещают Узбекистан, другие советские республики, огромный интерес представляют не только исторические памятники, но прежде всего достижения советских народов, добровольно объединившихся в одну тесно сплоченную дружную семью».

Отметим, что с каждым годом число туристов из разных стран мира, посещавших Узбекистан, неуклонно увеличивалось. По этим показателям республика была лидером в Средней Азии, а также входила в лидирующую тройку среди республик всего СССР (после РСФСР и Украины). Так, если в 1962 году Узбекистан посетили всего 2 675 туристов из 30 стран, то в 1972 году их число составило 66 300 (70 стран), в 1973 — более 60 тысяч (65 стран), в 1974 — более 70 тысяч (50 стран), в 1975 — 79 300 (52 страны), в 1976 — более 90 тысяч (65 стран), в 1977 — 107 тысяч (70 стран), в 1978 — 135 тысяч (82 страны).

В то же время росло и число жителей Узбекистана, кто по различным туристическим путевкам выезжал за границу. В 1972 году таковых было 5500 человек (посетили 25 стран), в 1973 — 8

тысяч (30 стран), в 1974 — 8362 (30 стран), в 1975 — 10 511 (32 страны), в 1976 — 12 тысяч (82 страны), в 1977 — 12 661 (84 страны), в 1978 — 14 590 (93 страны).

Между тем Узбекистан продолжал вести весьма активную политику политического и экономического сотрудничества со странами Африки и Арабского Востока. Взять, к примеру, экономические связи. Республика поставляла туда самую широкую номенклатуру товаров: текстильные машины, экскаваторы, тракторы, тракторные прицепы, компрессорные станции, центробежные насосы, трансформаторные подстанции, химоборудование, дизели, хлопкоуборочные машины, кабельные изделия, горнобуровые инструменты, электро- и радиоизделия, гидрометприборы, киноаппаратуру, гидравлические прессы, стальную и чугунную арматуру, канавокопатели, электросварочное оборудование, мостовые краны, хлопчатобумажные ткани, медикаменты и др.

Номенклатура товаров свидетельствовала, что в экспорте Узбекской ССР был особенно высок удельный вес машин и оборудования, то есть товаров производственного назначения. Только в 1975—1976 годах эта группа товаров в экспорте республики в арабские и африканские страны составляла свыше 90%. Эту экспортную продукцию производили такие крупные предприятия республики, как «Ташкенткабель», «Таштекстильмаш», «Узбексельмаш», «Чирчиксельмаш», «Узбекхиммаш», ташкентские заводы «Подъемник», «Компрессор», «Гидрометприбор», экскаваторный, электронной техники, тракторосборочный, Андижанский машиностроительный, кокандский «Большевик», самаркандский «Кинап», Чирчикский трансформаторный и т. д.

В 1972—1977 годах в числе свыше 60 стран, куда экспортировал товары Узбекистан, были 28 арабских и африканских государств. Например, на крупные суммы вывозились хлопкоуборочные машины в Ирак и Сирию, тракторы — в Ирак и Сирию, тракторные прицепы — в Эфиопию и Сирию, экскаваторы — в Ирак, трансформаторные подстанции — в Ирак, дизели — в Сирию и Судан, насосы — в Ирак и Сирию, провода и кабели — в Ливию, Ирак и Сирию.

В то же время в 1972—1976 годах из стран Арабского Востока и Африки в Узбекистан ввозились полуфабрикаты и готовые изделия: хлопчатобумажная и шелковая ткань, пряжа, ковры, обувь, парфюмерные, кожгалантерейные, трикотажные и швейные изделия, клеенка, стиральный порошок, сушеный лук, сигареты, фруктовый сок, мясные консервы, вина, коньяки, а также листовая сталь.

В 1977 году в Узбекистане работало 26 театров, в том числе 2 театра оперы и балета, 8 драматических, 10 музыкальной драмы и комедии, Театр оперетты, узбекский музыкальный театр и 2 кукольных театра и др., которые показали за год 114 премьер (по произведениям драматургов Узбекистана — 43, русских драматургов — 32, драматургов братских республик — 28, было поставлено 36 спектаклей для детей.

В 1972 году в Узбекистане (в Ташкенте) был открыт собственный мюзик-холл (первый в Средней Азии и третий в стране после московского и ленинградского), руководителем которого был уже хорошо нам известный певец Батыр Закиров. Как пишет журналистка Г. Турсунова: «Программа мюзикла состояла из двух отделений — «Восточный базар, или Восточная сказка», и «Ташкентская свадьба». Представление открывала живописная картина шумного, пестрого восточного базара. На фоне торжественных призывов дойры происходили парадные гулянья с выступлениями жонглеров, канатоходцев и силачей. В основу «Восточного базара» была положена любимая народом изустно сатирическая форма «аския».

Балетные номера, построенные на элементах национальной хореографии, вместе с яркими стилизованными эстрадными песнями и сатирическими интермедиями в духе современности создавали единую композицию мюзикла. Оригинальность трактовки спектаклей мюзикла заключалась в том, что в сцене «выступления гостей на свадебном пиршестве» принимали участие настоящие гости, то есть певцы и эстрадные коллективы «со стороны». Одно время в «Мюзик-холле» выступали Владимир Высоцкий, Ирина Понаровская, ВИА «Поющие гитары», «Ялла», «Наво», ансамбль «Алан» Северной Осетии, и другие известные коллективы и деятели искусств регионов, где проходили гастроли Ташкентского мюзик-холла...».

Спустя год в содружестве с московскими коллегами из Театра сатиры — Марком Захаровым и Александром Ширвиндтом — Закиров поставил первый мюзикл: «1973-е путешествие Синдбада-морехода», который с большим успехом был показан во многих республиках СССР (премьера мюзикла в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, прошла в начале июня 1974 года).

Не менее популярным эстрадным исполнителем из Узбекистана, чем Батыр Закиров, была в те годы певица Рано Шарипова. По ее словам, в искусство она пришла следующим образом:

«Мои родители были театралами, папа хорошо играл на национальных инструментах. В доме были частые гости из России, Москвы, благодаря им я полюбила русские песни. К тому же я ходила в русскую группу детского сада, в русскую школу, где учились в свое время космонавт Владимир Джанибеков (свой первый полет в космос он совершит в январе 1978 года, а всего их будет три. — *Ф. Р.*), блистательный актер Роман Ткачук (в начале 60-х он поставит как режиссер несколько спектаклей в ташкентском Русском театре драмы имени М. Горького, после чего переедет в Москву и станет актером Театра сатиры; прославится на весь Союз ролью пана Владека в телевизионном клубе «Кабачок «13 стульев». — *Ф. Р.*), здесь же учился и Евгений Живаев, который впоследствии станет дирижером оркестра, где я буду солировать...».

На профессиональную сцену Шарипова пришла в начале 60-х. И уже в 1964 году, благодаря своему таланту, была приглашена в качестве солистки в оркестр радио и телевидения Узбекистана. Спустя несколько лет состоялось ее первое выступление в Москве, причем не в сборном концерте, а в сольном с трансляцией на весь Союз. С этого момента и началась ее всесоюзная слава.

Шарипова прославилась как блистательная исполнительница русских романсов. Первым было «Утро туманное» на слова Ивана Тургенева. Фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку с лучшими романсами в ее исполнении. Однако наравне с этим, Шарипова прекрасно исполняла и эстрадные песни. Первым подобным шлягером в ее исполнении стала песня композитора Энмарка Салихова на стихи московского поэта Олега Гаджикасимова «Осенний сон», которая прозвучала на одном из предварительных конкурсов популярной телепередачи «Песня года» в 1975 году. Откликов на эту песню со всей страны пришло более тысячи.

Отметим, что песня прозвучала вживую и практически без предварительных репетиций с оркестром ЦТ под управлением Бориса Карамышева. И это несмотря на то, что Рано Шарипова на момент записи была больна — простудилась. Узнав об этом, композиторы Александра Пахмутова и Юрий Саульский удивились: дескать, можно было и под фонограмму спеть (в те годы она уже входила в моду на ЦТ). Как вспоминает сама Р. Шарипова: «Да откуда мне было знать, что можно и под фонограмму: у нас в Узбекистане мы даже не думали об этом, считали это неуважением по отношению к зрителям».

В 1977 году в Узбекистане работали 4 киностудии («Узбекфильм», «Узбектелефильм», научно-популярных и документальных фильмов и ее филиал в Каракалпакской АССР), функционировало 3129 киноустановок государственной киносети (киносеансы посетили 136 миллионов 867 тысяч зрителей) и 1564 киноустановки профсоюзной сети (28 миллионов 400 тысяч зрителей).

Самым популярным узбекским киноактером на территории СССР в тот период был Рустам Сагдуллаев, который к середине 70-х сыграл уже более десятка различных ролей (самая известная — во «Влюбленных» 1969 года выпуска). Однако по-настоящему «звездной» стала для него роль летчика-узбека, влюбленного в русскую девушку (отсюда и его прозвище — Ромео) в ленте Леонида Быкова «В бой идут одни «старики» (1974). Как вспоминает сам актер:

«В судьбе роли Ромео определенное значение сыграл город Алма-Ата. Именно на кинофестивале, проходившем в этом городе (в апреле 1973 года. — *Ф. Р.*) Леонид Быков попросил Родиона Нахапетова посоветовать ему на роль артиста узбекской национальности. Нахапетов, с которым мы вместе снимались в Узбекистане в картине «Влюбленные», порекомендовал или «продал», как говорят в нашем кругу, меня Быкову.

В то время я снимался в картине «Мой добрый человек» у своего «крестного» — народного артиста Узбекистана Равиля Батырова, мэтра узбекистанского кино, который известен как режиссер таких картин, как «В 26-го не стрелять!», «Яблоки 41-го года» и множества других. Хотя у режиссеров существовало негласное правило — не отпускать во время съемок артистов в другие студии, Батыров поступил иначе. Он прочел сценарий «Стариков» и сказал: «Если моего актера приглашает студия имени Довженко, то я с удовольствием отпущу его»...

Мне пришлось работать одновременно в двух картинах и все время летать самолетом из Ташкента в Киев и обратно. В картине Быкова мой Ромео практически все время носит шлемофон. Так мне прятали длинные волосы, поскольку у Равиля Батырова я по сценарию не должен быть коротко стриженным...

Лично для меня помимо частых перелетов не было особых сложностей. В обеих картинах я играл романтического героя, только с Тамарой Шакировой в фильме «Дорогой мой человек» — бытовая любовь, а с Евгенией Симоновой в «Стариках» — высокие чувства в военное время...».

Фильм «В бой идут одни «старики» вышел на всесоюзный экран в августе 1974 года и собрал в прокате 44 миллиона 300 тысяч зрителей. Он был удостоен призов на кинофестивалях в Баку (Главный приз), Карловых Варах и Сопоте.

Теми же быстрыми темпами, что и кино, в Узбекистане продолжало развиваться и телевидение. Так, если всего пятнадцать лет назад в республике функционировало всего две телевизионные программы (местная и московская, причем в будние дни они

начинали свою работу ближе к вечеру), то теперь программ было три и работать они начинали с самого утра. В качестве примеру приведу программу ТВ от субботы 7 февраля 1976 года:

1-я программа. Москва: 10.00 — Новости. 10.10 — Утренняя гимнастика. 10.30 — АБВГДейка. 11.00 — Для вас, родители. 11.30 — «Утренняя почта». 12.00 — «Рассказы о художниках». 12.30 — Природа и человек. 13.00 — Новости музыкальной жизни. 13.30 — «Здоровье». 14.15 — «Буровых дел мастер» (премьера документального телефильма). 14.45 — На XII зимних Олимпийских играх. 17.00 — «Светлые ритмы Чимкента» (документальный фильм). 17.15 — Ф. Шопен. «Соната для виолончели и фортепьяно соль минор». 17.40 — «В мире животных».

Ташкент: 18.40 — Программа телепередач. 18.45 — Для детей (на узбекском языке). На русском языке: 19.15 — Информационная программа. 19.30 — Соревнуются Павлодар — Ташкент. На узбекском языке: 20.00 — Новые рубежи тружеников сельского хозяйства Узбекистана. Передача и концерт. 21.00 — Информационная программа. 21.20 — На экране — Ташкентская область.

Москва: 22.00 — «Время». Ташкент: 22.30 — Концерт коллективов художественной самодеятельности Ташкентской области (на узбекском языке). 22.30 — Программа телепередач.

2-я программа. Ташкент: 10.05 — Программа телепередач. 10.10 — Новости. 10.20 — «Исполнение желаний» (мультфильм, на узбекском языке). 10.50 — Улыбка экрана. 12.00 — Физкультура и спорт. 13.00 — Концерт мастеров искусств и молодых исполнителей, посвященный делегатам XIX съезда КП Узбекистана.

Москва: 18.40 — «Ирония судьбы, или С легким паром!» (телефильм, 1-я серия). 20.20 — Новости. 20.35 — «Ирония судьбы...» (телефильм, 2-я серия). 22.30 — Поет Иорданка Христова (Болгария). 23.00 — На XII зимних Олимпийских играх. 00.55 — Новости.

3-я программа. 17.00 — Душанбе.

Глава 29

ИНТРИГИ ПО-КРЕМЛЕВСКИ

В конце мая 1977 года Брежнев избавился от Николая Подгорного, отправив его в отставку и заняв его кресло: отныне у него было две высшие должности в стране — Генеральный секретарь и Президент. В ноябре 1978 года Брежнев удалил с глаз

долой еще одного своего оппонента — Кирилла Мазурова. На освободившееся место в Политбюро Генсек привел своего человека — Константина Черненко, а Николая Тихонова, который фактически являлся руководителем Совета Министров вместо больного Алексея Косыгина (в августе 76-го тот едва не утонул во время прогулки на байдарке и с тех пор был мало дееспособен), сделал кандидатом в члены Политбюро. Таким образом Брежнев избавился практически от всех своих оппонентов в высшем руководстве и мог быть спокоен за свое будущее — посягать на его власть в ближайшем окружении было некому.

Между тем историки до сих пор спорят о том, как бы пошла дальше история СССР, если бы Брежнев в конце 70-х не стал держаться за власть, добровольно ушел в отставку и передал бразды правления более молодому и дееспособному человеку. Чаще всего в этих спорах высказывается мнение, что, осуществись этот вариант, и последующего распада СССР наверняка бы не произошло. Может быть, так оно бы и случилось. Однако Брежнев от власти не отказался, видимо, испугавшись, что его сменщик не сумеет сохранить с таким трудом завоеванную стабильность. Победила точка зрения престарелых соратников Брежнева, которые решили дожить свой век в сытости и спокойствии.

Понимал ли Рашидов всю опасность подобной консервации? Судя по всему, понимал, поскольку был умным и компетентным человеком, лучше других видевшим недостатки системы. Но изменить ситуацию он был не в силах, поскольку жил и работал не в Москве, а за тысячи километров от нее. Впрочем, работай он даже в столице огромной страны, и будь даже членом Политбюро (а не кандидатом), это вовсе не означало бы, что он мог повлиять на развитие событий. Ведь все стратегические вопросы в Политбюро решала узкая группа людей, куда мусульманину Рашидову вход был заказан.

Повторим еще раз: все руководители советских республик были зависимы от Москвы и обязаны были следовать строго в фарватере того курса, который она проводила. И в этом были как свои плюсы, так и свои минусы. Например, Рашидов примерно с начала 70-х неоднократно ставил перед Москвой вопрос о снижении плана по хлопку в Узбекистане, поскольку понимал, что собрать требуемое количество хлопка-сырца практически невозможно и, значит, будут приписки. Но Москва каждый раз отказывала, мотивируя это тем, что экспорт хлопка-волокна позволяет стране получать дефицитную валюту. А в ней СССР нуждался все сильнее и сильнее, поскольку с 70-х начал активно

«закачивать» деньги в национально-освободительные движения в «третьем мире». Поэтому от Рашидова требовали не снижать, а увеличивать производство хлопка (в планах Центра было довести это производство к 2000 году до 10—11 миллионов, в том числе в Узбекистане до 8 миллионов). Если бы Рашидов начал активно сопротивляться этим планам, его участь была бы решена в одночасье — на его место Центр посадил бы более покладистого человека.

Отметку в 4 миллиона тонн хлопка-сырца Узбекистан перешагнул в 1966 году, пятимиллионная отметка была покорена в 1974 году, а четыре года спустя республика рапортовала о сдаче 5 миллионов 500 тысяч тонн. Почти ни для кого в республике не было секретом, что какая-то часть этих цифр липа, приписки. Знала об этом и Москва, но закрывала на это глаза, поскольку преследовала свои цели: во-первых, рапортовала перед всем миром о хлопковых рекордах в СССР, во-вторых — кормила свою бюрократию, которая с каждым годом становилась все ненасытнее.

Между тем в описании приписок, которые существовали в СССР, есть одна крайность: отдельными историками они гипертрофированы до немыслимых пределов. По ним выходит, что чуть ли не все предприятия и учреждения страны только тем и занимались, что выдавали «на-гора» липовые показатели. Это, конечно, абсурд. По этому поводу приведу одно вполне обоснованное мнение, взятое из Интернета (автор — lex kravetski):

«...Это как же надо было постараться, чтобы подделать всю статистику! Ведь статистика до того как попасть в газеты, попадала в статистические сборники. Их тоже надо было подделать, а то кто-то обязательно обнаружил бы совпадение. Можно, конечно, и совсем уничтожить, но вот беда — эти сборники до сих пор лежат в библиотеках и архивах. Значит, не уничтожили. Но ведь до сборников были еще документы для внутреннего пользования. И они тоже сохранились. Значит, подделаны были и они. Статистика в этих сборниках должна была согласовываться с внутренними данными по предприятиям. То есть, подделывать надо было сразу на заводах — ведь по этим отчетам шла оплата. Для этого минимум директора всех заводов должны были состоять в сговоре — никому не захотелось бы сесть за чужую растрату. Но и этого мало. В сговоре с ними должны были состоять все транспортные отделы. Причем, внешние тоже — железная дорога, порты. Отчеты на предприятиях должны были быть согласованы с отчетами по отделам, значит, начальники отделов тоже были в заговоре.

Воистину, чудовищная организация! Охватывает треть страны. И при этом оставшиеся две трети ничего не знают. КГБ, я понимаю, тоже. Могут все. Они были настолько ловкими, что умудрились уничтожить всю «белую бухгалтерию», оставив только «черную», в день распада СССР. Преклоняюсь перед ними...

Статистика нужна в основном не для публикации в газетах, а в управлении производством. Производством любого рода. С поддельной статистикой им просто не удалось бы управлять. Мечты о том, что в СССР все руководители верили друг другу на слово, конечно, внушают оптимизм, но реальности не соответствуют. Поэтому все дотошно документировалось. Каждая транзакция. Гораздо дотошнее, чем сейчас. Тогда за расхождение в цифрах не штрафовали, а сажали. Поэтому та статистика даже надежнее, чем нынешняя.

Объясняю еще раз: статистика велась раздельно. То есть ей не только одна организация занималась. Госкомстат только обобщал данные. А собирал их каждый завод отдельно. Так вот, статистика совпадает. То есть, если ее подделывали, то только в масштабах всей страны. Все должны были быть в этом завязаны. А если все завязаны, то зачем ее вообще было подделывать?..

Приписки есть всегда и везде, в любой ситуации, где существует отчетность, и награды или порицания (в чем бы они не выражались: в орденах или в банковских переводах) зависят от информации, изложенной в отчетности. Что нам прекрасно доказали не столь давние происшествия с «Энроном» или столь громкое дело «Корпорации ДЭУ» несколькими годами ранее. Учитывая тоталитаризм в СССР и возможные кары (намного весомее, чем на демократическом Западе), я бы не стал преувеличивать масштабы приписок.

Не будем голословными — вернемся к самому громкому и раскрученному «узбекскому делу». Узбекистан тогда рапортовал о сдаче 6 млн. тонн хлопка, в реальности же собирал чуть более 5 млн. То есть масштаб приписок составлял менее одной шестой. Как делались приписки — (надеюсь, вы не считаете, что каждый шестой вагон следовал пустым?) — путем завышения качества хлопковолокна. То есть, под видом самого низкокачественного хлопка грузили линт, улюк — то, что уже хлопком не считается, но внешне на него весьма похоже. Естественно, платились взятки тем, кто закрывал на это глаза. Как итог — не соблюдались нормы, падало качество тканей.

Приписать «на голом месте» невозможно, всегда есть контролирующие органы, и всех взятками не заткнешь. Особенно учитывая реалии того времени, когда подпольные миллионеры ездили на «Жигулях» и закапывали золото на огородах, а за взятку в 100 тысяч (господи, какие смешные деньги по нынешним масштабам — всего пара престижных автомобилей по «рыночной цене») светил «вышак». Можно маневрировать с сортами, пересматривать нормы, но вот так взять и высосать из пальца миллион тонн чего-либо — невозможно, если не впадать в конспирологию и не выдумывать некий вселенский заговор по припискам...».

Повторим, что в Узбекистане многие знали о приписках, в том числе и Рашидов. Не случайно он практически во всех своих выступлениях перед парт- и хозактивом республики повторял о том, что приписчиков ждет суровое наказание. И его слова не расходились с делом: ежегодно в республике на скамью подсудимых отправлялись десятки махинаторов от хлопка. Другое дело, что ситуация в лучшую сторону от этого не менялась, поскольку план по хлопку продолжал расти и соблазн урвать от него жирный кусок толкал многих людей на скользкую дорожку махинаций.

Та же ситуация была и с коррупцией, которая ширилась по мере того, как рос управленческий аппарат. В итоге в конце 70-х имел место неуправляемый рост численности работников аппарата управления — он вырос на 2 млн. 200 тысяч человек, или на 14,2%, в то время как общая численность работающих увеличилась только на 9,8%. Легкие нефтяные деньги, которые полились в страну с конца 1973 года, явились той лакомой добычей, на которую устремила свои взоры алчная часть советской бюрократии.

Специалисты в области борьбы с коррупцией различают два ее вида: административный и, так называемый, захват государства. В СССР налицо был первый — то есть предоставление незаконных или законных, но только для избранных, льгот и благ с целью получения выгоды и без изменения существующих законов и правил. Этот вид коррупции существует в большинстве стран и является гораздо меньшим злом, чем коррупционный захват государства. Чтобы сравнить эти два вида достаточно взглянуть на то, что сегодня происходит в России, где победил именно захватнический вариант, при котором коррупционеры влияют на разработку и принятие законов, норм, правил и т. д., из которых потом возможно извлечение выгоды («захватчики», к примеру, отменили такую судебную норму как конфискация имущества, которая в СССР существовала десятки лет).

Между тем, как это ни странно, но коррупция в СССР очень часто выступала в качестве... прогрессивного рычага в экономике,

поскольку стимулировала ленивого советского чиновника к более эффективной деятельности и устраняла несовершенства законодательства. Советская система во многих своих частях была настолько неповоротлива, что очень часто требовалось смазывать ее шестеренки... взятками, чтобы она лучше заработала. Как пишет историк А. Шубин:

«Мотивом коррупции в СССР в значительной части случаев была не личная корысть взяткодателей, а их заинтересованность в результатах дела, так сказать — «общественный интерес». Так, например в начале 80-х была арестована группа снабженцев, обеспечивавших поставку стройматериалов и оборудования в сельские хозяйства Пензенской области. Мотив преступления большинства фигурантов этого дела — обеспечить пензенские колхозы, совхозы и мехколонны стройматериалами и оборудованием. Если бы централизованное распределение могло работать нормально, то и смазывать поставки взятками было бы ненужно. Сами поставки были вполне оправданы...

На судах по делам о коррупции то и дело вскрывалось странное противоречие — по версии следствия через руки обвиняемых шли тысячи рублей, но при этом в других эпизодах дела они же уличаются в том, что, рискуя свободой, настаивают на ста рублях. В деле фигурирует и сумма в 10 рублей за оформление наряда на 23 тонны труб. Конечно, отдельные высокопоставленные взяточники (сколько их потом оказалось в правящей касте РФ?) брали по 2—3 тысячи рублей, но более типична была коррупция размером от 10 до 300 рублей на человека. Но даже в наиболее громких делах фигурируют подаренные халаты, десятки тысяч рублей, золотые украшения. Сейчас, когда украденные средства можно вложить в украденные же предприятия, эти масштабы советской коррупции вызывают разве что грустную улыбку. Отсутствие легальной частной собственности ограничивало возможности вложения украденных средств (синдром миллионера Корейко), что ограничивало масштабы коррупции — во всяком случае в сравнении с нынешними...».

Если сравнивать уровень коррупции в Узбекистане в брежневские времена, то он был не больше, чем в любой другой крупной советской республике (РСФСР, Украина, Белоруссия). Однако даже в менее крупных республиках, вроде закавказских, где численность населения по отдельности значительно уступала численности населения Узбекистана (более чем в 2—3 раза), а общая численность была почти равна узбекистанской (в Грузии, Азербайджане и Армении в конце 70-х проживало в общей сложности

13 миллионов человек, в Узбекистане — 15 миллионов), уровень коррупции был не меньшим. Вот как, к примеру, описывал ситуацию в Армении в 1979 году кинорежиссер А. Мкртчян (выступление на кинофестивале молодых кинематографистов в Киеве):

«Коррупция — это раковая опухоль, которая мешает жить. Надо бороться с коррупцией, охватившей всю республику, но результата мы вряд ли добьемся... Появился новый класс взяточников, откровенных гангстеров. Дельцы издеваются над интеллигенцией: могут дать 20 тысяч, чтобы им рассказывали анекдоты, пели песни... И только они живут полнокровно. В атмосфере всеобщей коррупции трудно дышать. Идут судебные процессы — одних сажают, их места немедленно занимают другие, такие же...».

Отметим, что сказано это было после того, как сравнительно недавно в Армении сменилось руководство республики: как мы помним, в конце 1974 года 1-м секретарем тамошнего ЦК стал Карен Демирчян. Но это, как видно, не помогло кардинально изменить ситуацию в лучшую сторону.

В такой же ситуации находился и Рашидов, который попрежнему был между молотом и наковальней и вынужден был учитывать интересы как Москвы, так и тех кланов, которые существовали в республике. Судя по всему, Центр подобный расклад вполне устраивал, поскольку достигалось главное: Узбекистан продолжал оставаться одной из передовых республик, который вносил весомый вклад в общесоюзную копилку. Поэтому не случайно, что в ноябре 1977 года, к 60-летию Рашидова, Москва наградила его второй Звездой Героя Социалистического Труда — не только за экономические показатели руководимой им республики, но еще и за умение находить компромисс с различными группировками и кланами внутри республиканской элиты, а также за ту безграничную любовь и уважение, которую Рашидову вот уже почти два десятка лет выказывал простой народ (как мы помним, его в Узбекистане называли «отахон» — «отец нации»). Как пишет Л. Левитин:

«Узбеки, в большинстве своем, по-настоящему религиозны. Ислам веками был для народа Узбекистана и верой, и нравственностью, и совестью, и просвещением. В общественном сознании узбеков коренилась мусульманская правовая культура, основанная на шариате. Здесь важно понять, что шариат проникнут системой обязанностей, возложенных на человека, а не прав, которые он может иметь. Мусульманское право всегда признавало за властями полномочия принимать самые строгие решения, самые авторитарные меры, если они направлены на охрану общественного

порядка. Вообще в традициях узбекского народа уважительное и почтительное отношение к власти. И, как правило, не из страха, а так как люди привыкли искренне верить, что власть призвана позаботиться о них в силу каких-то высших начал, в том числе и религиозного свойства. Можно назвать это этническим патернализмом или как-то иначе — суть дела не изменится. Это данность. Но если власть, если ее представители не оправдают доверия людей, если они окажутся слабыми, нечестными и безнравственными — горе им. Уважение и почтение людей сменится глубоким презрением, а на Востоке это страшнее, чем на Западе...».

О том, каким авторитетом пользовался Рашидов у самых разных людей, есть множество примеров. Об одном из них рассказывает С. Ризаев:

«Характерной чертой Шарафа Рашидовича было постоянное общение с людьми. Как-то я ехал с ним на открытие санатория «Хаватаг» в Хавастском районе. По пути на дороге нас встретила женщина-узбечка с тремя детьми. На руках она держала хлеб и виноград. Увидев ее, Шараф Рашидович попросил остановить машину. Подойдя к нему, женщина преподнесла лепешки с виноградом и сказала: «Спасибо Вам, дорогой Шараф Рашидович, за ту заботу, которую Вы проявляете о нас, женщинах-труженицах. И прошу Вас, погладьте по головке моих детей». Шараф Рашидович выполнил ее просьбу, с большим чувством поцеловал ее детей. Сцена потрясла меня до слез. Ее никто не готовил. Это один из сотен примеров, показывающих отношение народа к его личности. У узбеков есть емкое слово «халол». В применении к человеку оно означает «кристально чистый», то есть такой человек, к которому не липнет никакая грязь. В моей памяти, в моем представлении Ш. Рашидов остался именно таким...».

Рассказчик нисколько не преувеличивает — к Рашидову и в самом деле не прилипала никакая грязь. Несмотря на то, что в 70-е годы у многих простых людей уже развилась стойкая неприязнь к власть имущим (к «красным баям», как называли их в народе), Рашидова люди продолжали любить и даже тени подозрения не падало на него в связи теми негативными явлениями, которые имелись тогда в советском обществе.

А вот еще один пример того каким уважением пользовался Рашидов у людей. В 1978 году из жизни ушел командующий Туркестанским военным округом (занимал этот пост с 1971-го) генерал С. Белоножко. У него было онкологическое заболевание и он умер не сразу, успев перед этим проститься со всеми своими близкими и друзьями. На смертном одре, где обычно люди не

врут, он написал письмо Рашидову, в котором признался ему в следующем:

«Дорогой Шараф Рашидович! В Узбекистане нет равных Вам по масштабам мысли, работоспособности, уму, развитию, таланту, умению организовать и повести за собой массы. Вы вышли из самой гущи народа и как никто цените дружбу и любите людей.

За 10 лет я убедился, как легко с Вами решать сложные вопросы, с какой заботой и любовью Вы относитесь к людям в военной одежде. В истории Узбекистана Вы оставите глубокий след, неизгладимый и незабываемый. Вы как океанский айсберг, только часть которого на поверхности.

Вся Ваша семья может служить примером и гордостью. Пусть Володя, которым я восхищаюсь, Хурсана Гафуровна и все Ваши близкие почитают это письмо, пусть помнят дети и внуки, какого я мнения был об их отце до последнего биения моего сердца.

Мне безгранично жаль, что приходиться прощаться с Вами. Но это неумолимо и неизбежно. Таков рок судьбы. Прощайте, самый дорогой мой человек, прощайте, вся Ваша семья...».

В годы горбачевской перестройки небезызвестный нам писатель Тимур Пулатов, давая интервью журналу «Огонек», заявит, что «любимым чтением Рашидова стали романы Яна (речь идет о книгах «Чингисхан», «Батый» и «К последнему морю». — *Ф. Р.*) и «Жестокий век» Калашникова. Должно быть, он мнил себя в грезах владыкой Вселенной».

На самом деле Рашидов вообще любил читать исторические книги, поскольку история (а также литература) всегда привлекала его больше других наук. Так повелось еще с тех лет, когда Рашидов только начинал свою преподавательскую карьеру в средней школе и обучал истории и литературе детей простых дехкан. Сам он, отвечая на вопрос о своих литературных пристрастиях, много позже писал следующее:

«Освоение духовного опыта народа, воплощенного в лучших образцах его культуры, предполагает обращение к очень широкому кругу явлений литературы и искусства. И это обстоятельство нельзя не учитывать в каждом конкретном случае, когда мы говорим о наших учителях и наставниках.

В моем представлении такого рода духовный опыт связывается с русской классической литературой и классиками Востока.

Среди русских писателей XIX века благодарная память вызывает целый ряд славных имен от А. Пушкина до Л. Толстого и А. Чехова. Без чтения их произведений невозможно выполнить

великий завет В. И. Ленина, определяющий наше отношение к культурному наследию. И все же особенно близок мне И. С. Тургенев — своим задушевным лиризмом, любовью к природе, мастерством лепки образов. Инсаров, герой его романа «Накануне», — один из моих любимых героев. Многому научился я, читая произведения Н. В. Гоголя.

Что же касается классики Востока, то среди ее величайших образцов необходимо прежде всего назвать творения Алишера Навои...».

Отметим, что Рашидов знал многие произведения А. Навои наизусть и часто использовал строки из них в своих публичных выступлениях. Как вспоминает помощник Рашидова Л. Шабшай: «Ошибаются те, кто полагает, что Ваши (Рашидова. — *Ф. Р.*) доклады и речи сильны потому, что помощники хорошо пишут. Но ведь содержание, направленность, даже структурное построение доклада или речи всегда определяли и определяете Вы. Я, как и Жуков (А. Жуков — еще один помощник и спичрайтер Рашидова. — *Ф. Р.*), лучше кого-либо знаем, что Вы заранее продумывали и давали четкий план предстоящего выступления, подсказывали, какие теоретические, фактические материалы использовать, как построить доклад структурно, по разделам, какие делать выводы и ставить задачи. Более того, подсказывали народные пословицы и поговорки, которые следует включать в текст. Зачастую Вы вынимали из кармана пиджака маленькие листки, густо исписанные Вами мелким почерком, где суть, содержание, направленность нужного документа были вкратце изложены с безупречной четкостью и ясностью. Очевидно, все это Вами продумывалось дома, в нерабочее время. Меня нередко поражало, как Вы, узбекский писатель, пишущий на узбекском языке, тонко чувствуете русскую речь. Даже малейшая стилистическая погрешность, неточно или не к месту употребленное русское слово Вы как-то быстро улавливаете и говорите как исправить, какими словами, какой фразой заменить...».

Бессмертные творения А. Навои, написанные 500 лет назад, часто помогали Рашидову говорить о... современности. Ведь в те годы в большом ходу был «эзопов язык» и в той же прессе невозможно было написать о многих негативных явлениях — к примеру, о разложении части партийной номенклатуры. Поэтому даже кандидату в члены Политбюро Рашидову, если и приходилось говорить об этом, то только вскользь, мимоходом, не акцентируя на этом особого внимания. Однако, беря на вооружение бессмертные строки Навои, Рашидов находил возможность говорить с

людьми куда более откровенно. Вот почему в свое собрание сочинений он включил статью о творчестве великого мыслителя и просветителя, где есть следующие строки:

«Разящей критике придворной камарильи и восславлению людей труда посвятил Навои всю свою неспокойную жизнь, всю деятельность, полную борьбы, все свое творчество...

Главными объектами саркастически-бичующей поэзии Навои были прежде всего правители, истязавшие и грабившие народ, поощрявшие и поддерживавшие всякого рода авантюристов и вымогателей...

Меч своей сатиры поэт обрушивает не только на антинародных правителей и их окружение, но и на богачей, которые, присвоив чужое добро, используют его против своей же страны, против народа. Навои подвергает беспощадному осмеянию и тех, кто холопствует перед богачами-кровопийцами, в угоду им унижает человеческое достоинство, продает свою совесть. Без жалости бичуя их, Навои возвышает честных и благородных людей:

Достойнейшим того мы назовем,
Кто благороден сердцем и умом.
Муж — пусть его добро один медяк, —
Коль благороден духом, — не бедняк.
Но кто души величия лишен,
Тот подлинно и нищ и обделен...
Разбогатеет низкий человек —
И над казной своей дрожит весь век.
И если он медяк в ладонь возьмет,
Ладонь ему и смерть не разожмет.

...Навои срывал маски и с неправедных судей, ради личной наживы топтавших справедливость, торговавших совестью; с ученых и представителей искусства, опустившихся до вымогательства; с тунеядцев, воров, перекупщиков, спекулянтов...».

Выше уже писалось о том, каким интернационалистом был Рашидов. Особенно теплые чувства он испытывал к русским людям. На протяжении более двух десятков лет, пока он находился у руководства республики, он проводил в Узбекистане разного рода мероприятия, посвященные изучению русского языка и русской культуры. Вот и в своей статье о творчестве А. Навои он писал следующее:

«Но особо выделяет поэт представителей русского народа, занимавших почетное место в огромной армии Искандара (шах

Искандар — герой эпической поэмы А. Навои «Стена Искандара». — *Ф. Р.*). Навои уподобляет их «белому коню небосвода — солнцу» и говорит, что они — «для хороших благо, а для плохих — горе»...».

За все годы правления Рашидова в Узбекистане только однажды случилось ЧП с национальным уклоном: те самые события апреля 1969 года, когда после футбольного матча в Ташкенте произошли столкновения между узбекской и русскоязычной частью населения. О закулисной подоплеке этих событий я уже писал выше (целью их была дискредитация и смещение Рашидова). Однако до сих пор среди отдельных историков бытует мнение, что Рашидов каким-то образом повинен в этих волнениях. Например, тогдашний начальник 5-го управления КГБ СССР (идеология) Ф. Бобков так отзывается на этот счет:

«Следовало предать огласке эти случаи, принять меры, чтобы не допустить в будущем подобных эксцессов. Но этого вовсе не желал первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Рашидов. Такие неприятные эпизоды не красят республику, а следовательно, националистических проявлений у узбеков быть не может. Рашидов не только не принял никаких мер, но сделал все, чтобы скрыть эти факты от Москвы...».

Хотелось бы спросить уважаемого генерала КГБ, каким это образом Рашидов намеревался скрыть массовые беспорядки, которые произошли не в каком-то отдаленном кишлаке, а в столице союзной республики, насчитывающей 1,5 млн. жителей? Как это вообще возможно было сделать, учитывая, что сотни людей были свидетелями этих беспорядков и многие из них тут же бросились телеграфировать об этом как в ЦК КП Узбекистана, так и в Москву, в тамошний ЦК КПСС? Кроме этого, в Ташкенте находились постоянные «глаза и уши Москвы»: 2-й секретарь ЦК КП Узбекистана и председатель республиканского КГБ, которые по долгу службы обязаны были сообщить об этих событиях в Центр. Так что скрыть эти события даже при всем своем желании Рашидов не имел никакой возможности. И он их не скрывал, лично рассказав обо всем Брежневу по «вертушке». В результате в Ташкент был прислан спецбатальон из союзного МВД.

Бобков пишет, что подобные эксцессы всегда надо предавать огласке, чтобы они больше никогда не повторялись. Рашидов поступил иначе: он не стал выносить этот инцидент на суд общественности (кстати, посоветовавшись с Москвой), однако сделал все от него зависящее, чтобы подобное больше не случилось. И ведь не случилось: столкновений на национальной почве в Узбекистане при Рашидове (а он после этого руководил республикой еще 14 лет) больше не было. И Узбекистан, населенный более 100 нациями и народностями, считался одним из самых спокойных регионов страны. Там не было ни диссидентов, ни оголтелых националистов, коих в других советских республиках было хоть отбавляй. Взять, к примеру, такую республику, как Армения.

Среди закавказских республик (вместе с Грузией) ее высшая элита была наиболее сепаратистски настроена, это нашло свое отражение даже в ее гербе: на нем, помимо обязательных серпа и молота, было изображение Большого и Малого Арарата, которые находились на территории другого государства — в Турции (Арарат только виден с территории Армении). Сами турки называли подобное изображение (кстати, единственное среди советских гербов) «символической экспансией». Однако на все упреки по этому поводу армяне отвечали весьма оригинально: дескать, у самих турок на их гербе изображен полумесяц, хотя Луна тоже не является турецкой территорией.

Камнем преткновения для Армении всегда был Нагорный Карабах. До провозглашения Советской власти эта территория принадлежала Армении, поэтому большинство жителей там составляли армяне. Однако в самом начале 1920-х Москва приняла решение передать ее Азербайджану. Сделано это было под влиянием большой политики: Азербайджан тогда стал центром распространения советского влияния в Закавказье, поэтому голос бакинского руководства, возглавлявшего важный в экономическом и геополитическом отношении регион, для Москвы значил больше, чем разрозненные голоса армянских коммунистов, представлявших слабую партию крестьянской страны. Однако в последующим именно эта проблема превратится в «бомбу с замедленным действием». В 1965 году эта бомба рванула впервые: именно тогда в Армении состоялись массовые митинги с требованиями воссоединения Нагорного Карабаха с этой республикой. Тогда же произошли первые столкновения между армянами и азербайджанцами, которые пытались предотвратить милиция и армия.

Видимо, опасаясь роста национализма, Москва постоянно шла на поводу у армянской элиты, позволяя ей то, что в других советских республиках обычно не поощрялось. Например, именно Армении дозволялось иметь в качестве вторых секретарей ЦК («глаза и уши Москвы») не варягов, а собственные кадры — из армян. То же самое касалось и председателей КГБ — они тоже были местные: в 1954—1972 годах (почти 20 лет!) это был

Г. Бадамянц, в 1978—1988 (10 лет) — М. Юзбашян. Отметим, что рекорд Бадамянца побил только один человек, причем тоже кавказец — грузин А. Инаури, который просидел в кресле шефа КГБ Грузии 34 (!) года (1954—1988). Отметим, что эти закавказские республики были единственными в этом роде: в других шефы КГБ менялись достаточно часто — два-три раза в десятилетие. В том же Узбекистане за период с 1960 по 1977 год сменилось 5 главных чекистов, причем все они были пришлые и среди них не было ни одного узбека. В большинстве других республик все было совершенно иначе. Чтобы не быть голословным, обращусь к статистике.

Про Армению и Грузию мы уже знаем: в первой из трех председателей двое были армянами, во второй — председателем на протяжении почти 35 лет был один человек и он был грузином. В Азербайджане не местных обязательно сменяли местные, в результате чего за почти 20 лет (1967—1984) в должности главных чекистов побывали двое азербайджанцев. На Украине все (!) председатели КГБ были украинцами, причем двое из них были долгожителями, вернее долгосидельцами: В. Никитченко просидел в своем кресле 16 лет, В. Федорчук — 12. В Эстонии за почти 30 лет было всего два главных чекиста, причем оба были местные (один из них — А. Порк — проработал на своем посту 21 год!). В других республиках (Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва) за этот же период в председателях КГБ из местных побывал хотя бы один человек, при этом двое из них были долгосидельцами: Ю. Петкявичюс (Литва) пробыл в должности 17 лет, Д. Асанкулов (Киргизия) — 11 лет.

Отметим также то, что в среднеазиатских КГБ, помимо Узбекистана, также не было главных чекистов из местных еще в двух: таджикском и туркменском.

Между тем не было в СССР более диссидентского КГБ, чем армянский. Вот как это описывает А. Давтян:

«Где в СССР можно было свободно посмотреть запрещенные к прокату по идеологическим мотивам фильмы? Представьте себе — в клубе Комитета госбезопасности Армянской ССР, прямо в здании КГБ на углу Налбандяна и Ханджяна. Попасть туда было просто, правда, зал был небольшим, и за билетами бывали очереди, зато с администраторами можно было договориться о дополнительных сеансах, если обещать чекистам-киношникам, что приведешь много друзей. Когда число желающих посмотреть «Зеркало» Тарковского или «Желтую подводную лодку» оказывалось очень уж большим, просмотр переносили в находящийся через сквер от Клуба КГБ «Дом милиции» (клуб МВД) — там зал был побольше.

У чекистов и милиционеров все было без обмана: если в прокате шел фильм «Подсолнухи» или «Новые амазонки», где из русского дубля были вырезаны откровенные сцены, то в Клубе КГБ можно было посмотреть... то же самое. Но после «порезанного» фильма показывали все вырезанные эпизоды, правда, без дубляжа.

Практически полный спектр фильмов, демонстрировавшихся на закрытых просмотрах Московского Дома кино и ВГИКа (большинство действительно хороших фильмов, не попадавших в советский прокат), независимо от их идеологической направленности, можно было посмотреть в Клубе КГБ: будь то американские вестерны, итальянский неореализм, отечественные фильмы, легшие «на полку» по цензурным соображениям, эротика, фильмы ужасов или концерты западных рок-групп...».

Отметим, что подобных вольностей (КГБ в роли проводника западной идеологии!) не было ни в одной советской республике, даже в прибалтийских. Что касается Узбекистана, то там не только в местном КГБ, но даже в широком прокате были запрещены к показу многие фильмы капиталистических стран (из США, Англии, Франции, Италии). Это было связано не только с местными традициями, осуждающими свободу нравов по-капиталистически, но и с не желанием местной партийной элиты распространять в республике западную идеологию. По сути высшая узбекская элита (в отличие от армянской) в этом вопросе солидаризировалась с теми европейскими коммунистами, которые давно подозревали кремлевское руководство в ползучей реставрации капитализма. Как было написано в 1972 году в западногерманском печатном издании «Revolutionarer Weg»: «Империализм США очень хорошо знает, что капиталистическая реставрация в ревизионистских странах не может продвигаться только экономическими средствами. Должно последовать проникновение буржуазной идеологии, первоначально через культурные связи».

Вот почему в Узбекистане были немыслимы прецеденты, которые происходили в Армении. Так, в 1977 году именно в центре Еревана сожгли огромный портрет Брежнева, и именно оттуда в Москву в том же году приехали террористы, взорвавшие здесь три бомбы и убившие почти три десятка ни в чем не повинных москвичей. Почему произошло подобное объясняет все тот же Ф. Бобков:

«Понимая, что осуществить присоединение Западной Армении без конфликта с Турцией не удастся, дашнаки (члены нацио-

налистической мелкобуржуазной армянской партии «Дашнакцютун». — *Ф. Р.*) замышляли осуществить идею создания Великой Армении путем собирания земель на территории Советского Союза. Это совпало и с заметным ростом армянского населения в Армянской ССР за счет реэмиграции соотечественников из западных стран...

Первая группа армян, приехавших в СССР со всех концов планеты, встретила на земле предков радушный прием и активно включилась в жизнь Советской Армении. Это были рабочие люди, мастеровые, как говорится, простые трудяги. Но позднее в потоке репатриантов стал преобладать торговый люд со своими представлениями о нравственности и морали. С их появлением в республике усилилось влияние «Дашнакцютуна», которая продолжала подрывную деятельность, опираясь, главным образом, на националистически настроенные экстремистские круги, всеми способами отстаивавшие свои идеи, не останавливаясь даже перед терроризмом.

В январе 1977 года в Москве прогремели три взрыва: на улице 25 Октября (ныне Никольская), в магазине на площади Дзержинского (Лубянка) и в метро между станциями «Измайловский парк» и «Первомайская» — в результате погибло 29 человек... Преступников задержали спустя десять месяцев. Оказалось, все трое являлись членами нелегальной армянской националистической партии, ставившей целью борьбу против советского строя, а следовательно, против Москвы. Они решили мстить русским, неважно, кому именно: женщинам, детям, старикам — главное, русским.

Казалось бы, этот случай должен был привлечь внимание партийных и государственных деятелей, побудить искать пути устранения причин, ведущих к межнациональному расколу. Однако никаких действий, кроме работы следственных органов и суда, проходившего в Москве, не последовало. А армянское руководство сделало все, чтобы скрыть от населения республики это кровавое преступление. По указанию первого секретаря ЦК компартии Армении Демирчяна, ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над Затикяном (главарь террористов. — *Ф. Р.*) и его сообщниками, снятый во время заседаний Верховного суда, запретили показывать даже партийному активу Армении, его демонстрировали лишь в узком кругу высшего руководства. На экраны фильм так и не вышел, хотя мог принести немалую пользу и помочь в воспитательной работе. Руководство республики мотивировало запрет нежеланием компрометировать армянский народ в глазах русских...

Даже из факта террора никто не хотел делать политических выводов, борьба с террором — это, дескать, сфера деятельности КГБ, на то они и чекисты, чтобы предупреждать подобные акции и не допускать их, а раз уж такое случилось, пусть сами и расхлебывают. Никто не желал вникнуть в существо вопроса и понять — только разъяснительная работа, направленная против дашнакской пропаганды, могла предотвратить беду. Руководители и в центре, и на местах не хотели понять, что на этом дело не кончится. Даже несколько лет спустя, когда националистические тенденции в республике стали нарастать, а дашнаки все активнее насаждали в Армении свою идеологию, местное руководство не давало им должного отпора и, по-видимому, неслучайно.

Теория исключительности армянской нации внушалась населению республики с малых лет. Например, в учебнике для 7—8 классов средней школы ставился вопрос: в столицах каких государств есть армянские школы, и тут же выяснялось, что в столице СССР такой школы нет, а вот в некоторых зарубежных странах есть. Среди участников организации «Молодая гвардия», боровшейся в годы оккупации с гитлеровцами, в учебнике назывался только Жора Арутюнянц. Другие имена, даже ее руководителей, не упоминались. Когда шла речь, скажем, о выдающихся советских музыкантах, художниках, деятелях культуры и науки, назывались, как правило, только армянские фамилии. Естественно, в результате дашнакская пропаганда попадала на благодатную почву...»

Не меньшая националистическая спесь была присуща и другой закавказской элите — грузинской. Поэтому Центр как только не стелился перед Грузией, лишь бы предоставить ей режим наибольшего благоприятствования. Например, в 70-х республику дотировали на 60 процентов, в то время как, например, Узбекистан вдвое (!) меньше. К моменту воцарения в Грузии Шеварднадзе (в 1972 году) Москва уже вкачала в эту закавказскую республику 14 миллиардов рублей, а после воцарения там «хитрого Лиса» (такое прозвище было у Шеварднадзе в среде партноменклатуры) субсидии потекли еще обильнее. В грузинскую социальную сферу вкачивалось в 15 раз больше средств, чем в «социалку» РСФСР! В результате уровень жизни в Грузии превышал средний показатель по стране втрое! Поэтому неслучайно, что эту республику граждане СССР за глаза называли «родиной миллионеров» (при этом доля рабочего класса там составляла всего лишь 2%).

Как пишет Г. Нижарадзе: «Через два-три года после прихода к власти Шеварднадзе номенклатурно-теневая система быстро оправилась и расцвела пышным цветом. Появились целые отрасли, к примеру, «соки», принадлежность к которым надежно маркировала человека: когда о ком-нибудь говорили, что он работает в «соках», всем было ясно, что данный индивид напичкан дензнаками до отказа. Правда, потом этими соками где-то в Заполярье отравился целый город и контору разгромили уже по указке из Москвы, но это детали, центр теневой экономики тут же переместился в «шерсть»...

Нельзя сказать, что шеварднадзевский режим уж очень сильно отличался от общесоюзного, но в Грузии альянс правящей номенклатуры с теневиками был более рельефным и прямо-таки бросался в глаза. Попасть в номенклатурную обойму, партийную или комсомольскую, означало пользование всеми благами, которые только способен предоставить советский сервис; это означало власть, влияние, богатство и радости земные...

60—80-е годы прошлого века были, возможно, самым беззаботным периодом в истории Грузии: общереспубликанские потребности с избытком дотировались из Центра, денежных мест было много, цвели искусство и спорт, приезжие пили дешевое вино и поражались «несоветской» атмосфере легкомыслия и веселого вольнодумства, царящей в стране. Советскую власть ругали, не понижая голоса, но того, что она доживает последние годы, не мог себе представить никто. Что же касается самого Шеварднадзе, его не любили, но воспринимали в качестве неизменного атрибута неизменной системы...».

Отметим, что в Узбекистане, в отличие от Грузии ситуация была диаметрально противоположной. Дотировали его хуже, однако простой народ в большинстве своем советскую власть не ругал и никакого особенного вольнодумства не выказывал. И Рашидова люди искренне любили, считая лучшим узбекским правителем за годы советской власти (вместе с У. Юсуповым). Но вернемся к Грузии.

Послабления со стороны Центра грузины воспринимали как само собой разумеющееся, поскольку всегда претендовали на главенство среди советских республик, мотивируя это тем, что многие их земляки долгие годы определяли политику страны (Сталин, Орджоникидзе, Берия и др.). При Шеварднадзе эти процессы усилились, приобретя весьма замысловатые формы. Например, грузины отказались отправлять в московский ВГИК своих студентов, мотивируя это тем, что там их испортят — привьют им

имперские замашки. В итоге Москва разрешила (!) грузинским студентам учиться в Тбилиси, где был открыт филиал ВГИКа (при театральном институте). Весьма снисходительно Центр отнесся и к другому тамошнему инциденту, куда более серьезному. И снова обратимся к воспоминаниям Ф. Бобкова:

«В середине 70-х я был у Э. Шеварднадзе, который только что вернулся в Тбилиси из Москвы и взволнованно рассказывал о проекте новой Конституции республики. В частности, в разделе о государственном языке Грузии предлагалось признать равноправными грузинский и русский языки.

— А что сейчас записано в Конституции? — спросил я.

— Ничего по этому поводу не записано, — ответил Шеварднадзе.

— Так может быть, не стоит и в новой об этом писать? — засомневался я. — Зачем поднимать вопросы, которых там нет?

— Мы ведь должны утверждать свою государственность, — возразил он. — А потом, знаете ли, я уже согласовал этот вопрос с Сусловым, и он нашу инициативу одобрил.

Однако как только сессия Верховного Совета Грузии в апреле 1978 года приняла эту статью Конституции, на улицы вышли толпы студентов и потребовали убрать из Конституции утверждение русского языка в качестве государственного — им должен оставаться только грузинский. К митингующим вышел Шеварднадзе и пообещал их требование удовлетворить. И действительно, в тексте опубликованной Конституции слова о русском языке были вычеркнуты, и грузинский объявлялся единственным государственным языком.

Это говорит о том, как у нас относились к решениям высшего органа власти: Верховный Совет принял решение, а первый секретарь ЦК партии своим личным распоряжением отменил его.

Этот жест, кстати, вызвал определенную реакцию в Армении, где уже была принята Конституция. Армяне тут же дали обратный ход и, по примеру Грузии, признали государственным только армянский язык...».

Кавказские республики всегда имели мощное лобби в кремлевской, и около нее, власти, что и объясняло привилегированное положение этих республик по сравнению с остальными. Кавказцы не только входили в высший кремлевский ареопаг — в Политбюро (И. Сталин, Г. Орджоникидзе, Л. Берия, А. Микоян), но и возглавляли многие учреждения, игравшие определяющую роль в советской внешней и внутренней политике. Например, такие

«мозговые центры», как Всесоюзный Институт Системных исследований Государственного Комитета по науке и технике при АН СССР и Институт мировой экономики и международных отношений. Первым руководил грузин Джермен Гвишиани — выдвиженец Л. Берии и супруг единственной дочери советского премьера Алексея Косыгина, второй — армянин А. Арзуманян, который был женат на сестре жены другого влиятельного советского политика — Анастаса Микояна (в годы горбачевской перестройки к власти в институте придет Е. Примаков, который является выходцем... из столицы Грузии города Тбилиси).

Отметим, что в Институте Гвишиани в течение нескольких лет работал Егор Гайдар, который уже после развала СССР возглавит ельцинское правительство «шоковых реформ». Как верно напишет историк А. Шевякин, касаясь работы этих институтов: «Эти и многие другие, интересующие заокеанскую сторону учреждения в конечном итоге попали под западное влияние и стали выразителями воли Америки. Еще в застойные годы они прошли длительную эволюцию и в конце концов превратились в продолжение информационно-аналитических подразделений транснациональных корпораций».

Оплотом национализма и откровенной русофобии были в 70-е годы три прибалтийские республики. Особенно в этом отношении выделялась Эстония, которую (и я это хорошо помню) в России иначе как фашистской никто не называл. Тамошняя молодежь в открытую называла советскую власть оккупационной и призывала свое правительство отделиться от СССР.

И вот на этом фоне Узбекистан времен Рашидова выглядел одним из самых спокойных в национальном отношении регионом, где в мире и согласии жили и трудились более сотни различных наций и народностей. Причем нельзя сказать, что Рашидов был откровенно промосковским правителем: нет, он тоже во главу угла ставил прежде всего приоритеты своей нации. Но он избрал разумный компромисс в отношениях с Центром и проводил такую политику, которая позволяла жителям его республики спокойно жить и трудиться, а не забивать свою голову разного рода шовинистическими идеями. И слова, сказанные им в интервью «Литературной газете» в конце 1972 года, были по-настоящему искренними и шли из глубины его сердца. Цитирую:

«Лучшие, благородные умы испокон веков мечтали о том светлом дне, когда народы, распри позабыв, заживут на земле единой дружной семьей. Из бездны столетий доносится к нам этот зов, выраженный в песне сказителя, в прекрасных легендах

о царстве солнца и разума, в словах мудреца. Ибо, если правда, что нет в мире силы более жестокой и разрушительной, нежели силы вражды и ненависти, — правда и то, что нет в мире энергии более доброй и созидательной, нежели энергия, рожденная дружбой людей и братством народов...».

Однако в Кремле эти слова мало кто услышал, поскольку там верх постепенно брали те, кто мысленно уже, видимо, прикидывал, что Советский Союз рано или поздно надо будет распускать. Там все востребованнее становились либерально-прозападные взгляды, которые стали чрезвычайно модными как в высших партийных верхах, так и в среде интеллигенции. Не случайно, вся московская либерал-интеллигентская тусовка буквально молилась на лидера Грузии Эдуарда Шеварднадзе, находя во многих его поступках пример того, как надо сопротивляться «имперскому диктату Москвы». Например, когда грузины отказались присылать во ВГИК своих студентов, московскими либералами это было воспринято как подвиг. Поэтому, стоило представителям державного лагеря «наехать» в журнале «Искусство кино» на грузинский кинематограф, который взял курс на отказ от идеологического воспевания «красного проекта», либералы тут же выступили в защиту грузин и в этом противостоянии победили.

Весьма симптоматично, что именно в разгар этого конфликта перед Шеварднадзе были открыты двери в святая святых кремлевской власти: 27 ноября 1978 года на Пленуме ЦК КПСС он был избран кандидатом в члены Политбюро (и это спустя несколько месяцев после антирусских выступлений в Тбилиси!). На этом же Пленуме произошла еще одна знаменательная кадровая рокировка: секретарем ЦК по сельскому хозяйству был избран бывший 1-й секретарь Ставропольского крайкома Михаил Горбачев. Спустя несколько лет именно эти люди будут стоять у истоков развала СССР.

Как известно, за обоими этими назначениями маячила тень шефа КГБ Юрия Андропова. Это он покровительствовал Шеварднадзе и Горбачеву, считая их будущей надеждой партии. Обоих Андропов (и люди, стоявшие за ним) двигали в руководящие кресла, убирая перед ними все препятствия, способные помешать этому продвижению на самый верх кремлевского Олимпа. Например, когда в первой половине 70-х министр внутренних дел Николай Щелоков попытался «наехать» на Горбачева, послав в его вотчину инспекторскую комиссию, должную разобраться почему в Ставропольском крае преступность стала стремительно расти (он занимал 11-е место по количеству зарегистрированных пре-

ступлений), именно Андропов пресек эту попытку, объединившись с союзной Прокуратурой. В итоге Горбачев в своем кресле усидел. Более того, осенью 1979 года он был избран кандидатом в члены Политбюро, хотя за год своей секретарской работы ему так и не удалось выправить ситуацию в сельском хозяйстве страны, а его Ставропольский край продолжал оставаться не самым спокойным в криминальном отношении регионом страны. Достаточно сказать, что там была высокой и коррупция, и общеуголовная преступность. Например, в конце 70-х именно там объявилась банда братьев Самойленко (три брата), которые занимались убийствами и грабежами автовладельцев. За два года банда братьев-душегубов отправила на тот свет 32 (!) человека (они убивали целыми семьями, включая несовершеннолетних детей).

В годы горбачевской перестройки, когда в союзных СМИ вовсю раскручивалось, так называемое, «узбекское дело», много писалось о том, как Рашидов задаривал членов Политбюро и других высоких московских деятелей подарками. Впрочем, подобные разговоры ходят по сию пору. Взять, к примеру, известного тележурналиста Л. Млечина, который по этому поводу заявляет следующее:

«Подарки хозяину страны и его приближенным дарили во всех республиках. Но никто не умел делать подарки лучше Рашидова, который знал вкусы и пристрастия московских начальников. С пустыми руками ни один ответственный работник из Узбекистана не уезжал. Особо нужным подарки везли круглый год. Даже весной доставляли в Москву дыни и виноград, которые всю зиму заботливо хранились в подвалах.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Филипп Бобков писал, что Рашидов сделал члену Политбюро Андрею Кириленко царский подарок — преподнес ему для жены и дочери шубы из уникального каракуля специальной выделки...».

Не стану оспаривать все эти факты, поскольку, как пишет сам тележурналист, подарки высоким гостям дарили во всех союзных республиках. За это дарители старались выхлопотать у Центра для своих регионов (не для себя лично) всевозможные послабления в виде дотаций, фондов и т. д. При этом отметим, что система подарков всячески поощрялась Центром, чиновникам которого был выгоден подобный бартер.

Но вернемся к Рашидову. Даже если поверить Млечину и предположить, что глава Узбекистана был «лучшим дарителем в

Союзе», возникает невольный вопрос: почему же он так и не сумел стать членом Политбюро и проходил в кандидатах вплоть до своей смерти — то есть 22 года?! Зато националист Шеварднадзе и липовый аграрий Горбачев вошли в Политбюро практически с ходу, пробыв в кандидатах всего-то ничего: Шеварднадзе ждал шесть с половиной лет, а Горбачев... всего одиннадцать месяцев! Не потому ли, что именно они-то и были самыми талантливыми и изощренными лизоблюдами среди республиканских руководителей? Например, существует масса свидетельств того, как Горбачев, будучи хозяином Ставропольского края и заведуя здравницей в Кисловодске, где отдыхали и лечились почти все руководители страны, с таким рвением обхаживал высоких гостей, что те не забыли этих стараний и учли их, когда принимали решение перевести Горбачева в Москву. Как вспоминает работавший в те годы в Ставрополе В. Казначеев:

«Партийные привилегии давали некоторые преимущества, порой достаточно ощутимые: квартиру, машину, дачу, покупку продуктов, необходимых книг в спецмагазинах, медицинское обслуживание. Однако все пользовались этими благами по-разному: были те, кто практически не пользовался привилегиями, были и другие, среди них — Горбачев.

Все, начиная от шикарной мебели из дорогих пород дерева, которую Михаил Сергеевич приобретал через своих людей за бесценок, почти как струганные доски, до роскошных загородных домов, которые строились специально для сиятельной четы. Ставропольский «Интурист», по сути, был превращен в личную дачу Горбачевых, где принимались только нужные, полезные Михаилу Сергеевичу люди...

Михаил Суслов (отметим, что главный идеолог партии тоже был родом из этих мест. — *Ф. Р.*) прибыл в край по случаю 200-летия Ставрополя (в 1977 году. — *Ф. Р.*), город наградили орденом Октябрьской Революции. Михаил Андреевич был с дочерью. Торжества совпали с днем рождения Майи Михайловны. Горбачевы узнали об этом заранее и, естественно, окружили дочь Суслова чрезвычайно любезными ухаживаниями. Раиса Максимовна весь день никого к ней не подпускала, вцепившись в ее руку мертвой хваткой. Жены других секретарей допущены не были.

Майе Михайловне преподнесли дорогие подарки. Перед самым отъездом по указанию Горбачева семье Суслова вручили подводное ружье, модную по тем временам кожаную куртку для внука...

Это был не единичный случай. Зная особое расположение Брежнева к министру гражданской авиации Б. Бугаеву, Горбачев пригласил Бориса Павловича с семьей и знакомыми в Кисловодск. Встречу организовал на высшем уровне — дорогие подарки, роскошный ужин. Это был единственный раз, когда Михаил Сергеевич явился без супруги. Охотно танцевал, говорил комплименты жене министра, другим дамам...».

Не меньшим мастером лести был и Шеварднадзе, с выспренными речами которого по адресу Брежнева и других руководителей страны не мог сравниться ни один республиканский руководитель. Чтобы не быть голословным, приведу небольшой отрывок из одного подобного выступления Шеварднадзе:

«В старину говорили, что чем чище небо, тем выше можно взлететь, тем большую силу обретают крылья. Леонид Ильич Брежнев, его славные соратники и вся наша партия создают это чистое и безоблачное небо над нами, создают атмосферу, когда люди всем своим существом устремляются ввысь, в чистое небо, к прозрачным, светлым вершинам коммунизма».

Опытный и хитрый царедворец Андропов фактически обеспечил Горбачеву и Шеварднадзе попадание на самый верх кремлевского Олимпа. При этом в случае с Горбачевым шеф КГБ опять же воспользовался ресурсами своего ведомства, дабы скомпрометировать давнего конкурента своего протеже — 1-го секретаря Краснодарского края Сергея Медунова (в случае с Шеварднадзе Андропов точно так же когда-то скомпрометировал и убрал Василия Мжаванадзе).

Отметим, что Краснодарский край по традиции соревновался со Ставропольским и имел против него весьма весомые козыри: как экономические, так и политические. В число первых входило то, что край практически кормил и лечил весь Советский Союз: там производилось 50% советского винограда, 10% зерна, 22% сахарной свеклы, 32% плодов, 11% овощей, а также имелись лучшие санатории, мощная оборонная промышленность. Главным политическим козырем Медунова было то, что он был близким другом Брежнева. Короче, при наличие всего перечисленного Медунов и его край могли не бояться конкуренции со стороны вотчины Горбачева. В итоге Брежнев стал склоняться к тому, чтобы именно Медунова назначить секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству вместо внезапно скончавшегося Федора Кулакова. Однако в дело вмешался Андропов, который хотел видеть на этом посту другого человека — Михаила Горбачева. Вот как это описывает историк Н. Зенькович:

«Лично сам Андропов не мог положить на стол Брежневу досье на его друга Медунова. Нужно было создать видимость чрезвычайного возмущения народа. Поэтому были организованы письма трудящихся в ЦК, КГБ, газету «Правда» о тех безобразиях, которые творились в Краснодарском крае (отметим, что точно такой же поток «возмущенных» писем будет организован потом и против Рашидова. — *Ф. Р.*). Главная их цель — это нейтрализация друга Генсека. Началось судебное преследование. «Операция» с черной икрой позволила разогнать Министерство рыбной промышленности (речь идет об уже упоминавшемся деле «Океан», которое было затеяно в 1978 году — аккурат перед переездом Горбачева в Москву. — *Ф. Р.*). Заместителя министра Рытова приговорили к расстрелу (самого министра — Ишкова — отправят на пенсию. — *Ф. Р.*)...».

Стоит заметить, что в «краснодарском деле» схлестнулись амбиции двух силовых министров — Андропова и Щелокова. Ведь, расследуя дела о коррупции, КГБ и Прокуратура невольно затрагивали интересы МВД, которое, получалось, «плохо ловило мышей». Поэтому Щелоков, который был не менее искушенным царедворцем, чем Андропов, прекрасно понимал, что «копание» под Медунова обязательно скомпромитирует как вверенное ему ведомство, так и его лично. Вот почему в этом деле он был на стороне руководителя Краснодарского края. Плюс он прекрасно видел, ради кого Андропов старается — ради Горбачева, которого Щелоков на дух не переносил.

Во многом благодаря стараниям Щелокова, сместить Медунова его недоброжелателям тогда не удалось (это случится чуть позже, когда шеф КГБ займет место Брежнева). Однако репутация хозяина Краснодарского края была подмочена, что и позволило Горбачеву и его вотчине весьма выигрышно выглядеть в глазах Центра. В итоге спустя некоторое время Горбачев пошел на повышение: именно его, а не Медунова, перевели на работу в Москву.

Отметим, что противостояние двух силовых ведомств — КГБ и МВД — имело место по всей стране и особенно усилилось во второй половине 70-х, когда Брежнев стал сдавать физически, а Андропов и Щелоков стали активно бороться за место у трона. Судя по всему, Брежнев это видел и в свою очередь старался, чтобы в этой борьбе никто из боровшихся не обладал решающим превосходством (даже звания генералов армии Андропову и Щелокову были присвоены в 1976 году одновременно).

В Узбекистане также существовало противостояние КГБ и МВД, которые возглавляли ставленники Андропова и Щелокова: Эдуард Нордман и Хайдар Яхъяев. Рашидову был ближе последний, поскольку он в своей политике отстаивал прежде всего национальные интересы, в то время как Нордман (уже пятый председатель КГБ на его секретарском веку) являлся в первую очередь «глазами и ушами» Москвы. Впрочем, даже в самой структуре узбекского МВД не все звенья работали в унисон друг с другом. Вспоминает И. Карпец (в те годы начальник Управления уголовного розыска МВД СССР):

«Однажды мне позвонил из Узбекистана В. И. Селиверстов (начальник уголовного розыска МВД УзССР. — *Ф. Р.*) и сказал, что хотел бы приехать в Москву, посоветоваться. Когда он приехал, то поведал мне об очень сложной обстановке, складывавшейся в республике. Он, конечно, всего не знал, но с волнением говорил, что через агентуру ему поступают сигналы о преступных действиях некоторых должностных лиц, о взятках и хищениях. До поры до времени, он направлял эти сигналы в аппарат БХСС — по принадлежности. Но однажды ему позвонил министр Яхъяев и попросил его заняться проверкой одного из таких сигналов. Селиверстов отказался, сославшись на то, что уголовный розыск не занимается этими делами. Министр нехотя согласился.

Однако через некоторое время вновь хотел поручить аналогичное дело уголовному розыску. При этом Селиверстов сказал, что, похоже, — идет борьба между разными группами в верхних эшелонах власти республики и ему вовсе не улыбается быть втянутым в нее. Он всю свою жизнь проработал в этой республике и ее особенности, как и взаимоотношения между кланами (не будем закрывать глаза, для тех республик это столь же обычно, сколь и естественно) знал прекрасно. Он был высококлассный специалист, его уважали все: узбеки и русские, таджики и турки-месхетинцы. Уважали за неподкупность, прямоту и решительность. Втягивать в разные склоки такого человека было недопустимо...

Я позвонил министру и сказал, что считаю недопустимым поручать уголовному розыску заниматься не свойственными ему делами. Когда он сослался на просьбу ЦК КП Узбекистана, я сказал, что позвоню и туда. Что и сделал. Кроме того, я знал, что к Селиверстову с уважением относится Рашидов, и порекомендовал ему пойти, сказать все и сослаться, что в угрозыске страны считают недопустимыми поручения подобного рода. И без них у угрозыска дел невпроворот. Селиверстов так и сделал. Сомнительные поручения угрозыску прекратились...».

Противостояние Нордмана и Яхъяева вновь обострилось в конце июня 1977 года. Тогда в Ташкенте проходило собрание партийного актива республики по вопросу усиления работы по предупреждению правонарушений и повышении эффективности борьбы с антиобщественными проявлениями и председатель КГБ Узбекистана в своем выступлении открытым текстом заявил о существовании коррупции в республике, а также других серьезных правонарушениях. Это был прямой упрек как Рашидову, руководителю республики, так и Яхъяеву, главе правоохранительного ведомства. Хотя определенную долю вины за сложившуюся ситуацию обязан был взять на себя и сам Нордман, который вот уже почти три года руководил органами госбезопасности Узбекистана и имел весьма существенные властные рычаги для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Другое дело, хотел ли он этого на самом деле — ведь, манипулируя этим вопросом, можно было поиметь гораздо большие дивиденды в той закулисной борьбе, которую Центр беспрерывно вел в республиках.

Отметим, что в 70-х общая ситуация с коррупцией в СССР усугубилась. С каждым годом количество уголовных дел, возбужденных по фактам взяточничества и должностных хищений в СССР росло. Так, в 1975 году эти цифры равнялись: 4039 (взятки) и 58 821 (должностные хищения), в 1976 — 4311 и 59 946, в 1977 — 4162 и 61 029, в 1978 — 4501 и 62 425, в 1979 — 5291 и 64 751. Та же ситуация наблюдалась и в Узбекистане. Правда, как и прежде, среди привлеченных к уголовной ответственности лиц по этим видам преступлений почти не было представителей высшей власти, поскольку судьбу их могла решать только Москва. А она редко трогала номенклатуру высшего звена, исходя из принципа «своих не обижать». Лишь иногда эта традиция нарушалась, но не потому, что кто-то во власти пытался изменить сложившуюся систему, а исключительно в силу клановых разногласий (как это было, к примеру, с делом «Океан»). Вот и упомянутое выступление Нордмана было, судя по всему, продиктовано тем же: попыткой Лубянки вмешаться в расклад сил между различными кланами. Однако Брежнев эту попытку не одобрил. В ноябре 1977 года Рашидов был награжден второй Звездой Героя Социалистического Труда (в честь 60-летия со дня рождения), а в марте следующего года Эдуард Нордман был отозван в Москву и шефом КГБ Узбекистана впервые за долгие годы стал местный кадр, но опять не из узбеков — армянин Левон Мелкумов (Мелкумян), бывший до этого первым заместителем Нордмана.

Глава 30

В ТЕНИ «ЗАСТОЯ»

Конец 70-х в советской историографии принято называть «застоем». Хотя на самом деле это определение верно лишь отчасти — применительно к политической системе, где действительно царил определенный застой мысли и кадров. Что касается экономики, то она продолжала развиваться и рост ее составлял 2—4%, что по западным стандартам вообще нормально. Как пишет историк А. Шубин:

«Суть понятия «застой» — не в прекращении развития. Это было общество со стабильной структурой. Чтобы уйти от эмоциональных оценок, можно назвать этот период равновесием, или стабильностью. Производство росло, благосостояние повышалось (правда, рост благосостояния переставал поспевать за ростом потребностей), но общество оставалось таким же, как и десять лет назад. Перемены были настолько медленны, что еле заметны глазу.

Стабильность советской системы времен застоя обеспечивалась ростом благосостояния большинства населения. Среднемесячная зарплата в 1980-1985 годах выросла с 168,9 до 190,1 рубля в месяц, а зарплата рабочих — со 182,5 до 208,5 рубля. Доход от подсобного хозяйства составил в 1980 году 7 % от общего дохода населения, в том числе у колхозников — 27,5%, а в реальности, возможно, и больше. С добавлением различных выплат и льгот среднемесячная зарплата в народном хозяйстве возросла с 233 до 269 рублей. Уровень жизни населения можно замерить и иначе. Важный показатель, характеризующий качество жизни, — количество родившихся и умерших на 1000 человек. В 1975 году рождаемость составила 15,7, а смертность — 9,8. В 1985 году рождаемость продолжала расти и составила 16,6, а смертность — 11,3. В 2005 году рождаемость составила всего 10,2, а смертность — целых 16. По этим показателям (как и по многим другим) Российской Федерации далеко до СССР.

Разумеется, существовало и социальное расслоение. В 1980 году в СССР 25,8% населения получали без учета льгот доход ниже 75 рублей, а 18,3% — выше 150 рублей (в РСФСР уровень жизни был выше среднесоюзных показателей на 4,9—5,2%). Таким образом, средние имущественные слои количественно преобладали, что характерно для развитого индустриального общества с социальным государством...».

Отметим, что во второй половине 70— цены в СССР стали несколько расти, однако этот рост не коснулся товаров первой необходимости. Еще в 1975 году Совет Министров пытался «раскрутить» Политбюро на повышение цен на все виды вин, на бензин, на некоторые сорта водки и все виды бальзама, повышения тарифа на такси, а также стоимости проездных билетов в авиации. Однако Брежнев наложил на это дело вето, справедливо посчитав, что подобное повышение выгодно лишь Госплану и Минфину, которые таким образом стремились свою бесхозяйственность, неумение руководить экономикой закрыть «добычей» 1—2 миллиардов рублей за счет повышения цен. «Вы этот миллиард хотите взять у собственного государства, у народа!», — заявил Брежнев руководителем Госплана и Минфина.

Между тем по мере роста доходов советских граждан, нарастал товарный дефицит. Он был вызван, в частности, тем, что предприятия, гонясь за прибылью, намеренно отказывались выпускать товары дешевого ассортимента, ориентируя свое производство на товары более дорогие, которых выпускалось значительно меньше. В итоге всем этих товаров не хватало. Но даже они сметались с прилавков в одночасье либо простыми покупателями (ведь их зарплаты постоянно росли), либо самими продавцами, которые использовали дефицит как внутреннюю «валюту» при взаиморасчетах с «нужными людьми».

Вымыванию дешевого ассортимента из продажи весьма способствовала и плановая реформа 1979 года. В итоге снабжение Центра и республик было неравнозначным. Например, Узбекистан по этой части находился не в самом лучшем положении и располагался ближе к концу списка, пропустив вперед себя РСФСР, Украину, Белоруссию, а также республики Закавказья и Прибалтики. Хотя существенных перебоев со снабжением теми же продуктами в Узбекистане не было. Например, таких, как это было в сентябре 1978 года в столице Марийской АССР городе Йошкар-Оле: там начались перебои с хлебом и людям приходилось занимать очередь в булочные с вечера, практически как в войну.

Вспоминает Е. Березиков: «Обычно Рашидов никогда не грубил, никогда никого не обрывал. Только однажды я видел его таким. Это было в 1978 году, когда он шел по городу Карши и решил зайти в продовольственный магазин. Естественно, там все прилавки были переполнены продуктами. Люди стали благодарить Рашидова и хвалить за то, что все здесь есть: и торговля, и снабжение. Но вдруг одна старушка сказала:

— Шараф Рашидович, вот вы уедете, полки опять будут пустыми.

Он спросил:

— Вы откуда приехали?

— Из Куйбышева, — ответила, смутившись, старушка.

— А что, в Куйбышеве всего полно? — спросил Рашидов, причем как-то зло.

— Какое там. Ничего нет!

— Вот видите, а здесь все-таки есть! — ответил он с ухмылкой...»

Естественно, Рашидов видел, что с каждым годом экономика страны все чаще дает сбои и это негативно отражается на жизни населения. Причем Узбекистану приходилось особенно тяжело, поскольку его население продолжало расти, в то время как в других крупных регионах (в той же РСФСР или Украине) этот показатель падал. Однако Центр упорно не желал этого замечать, продолжая снабжать Узбекистан хуже других крупных регионов. И это несмотря на то, что республика продолжала играть роль регионального центра на азиатском направлении и вносила весомый вклад в общесоюзную копилку, производя хлопок, золото, медь и т. д. Кстати, именно за успешное развитие золотодобывающей промышленности Рашидов в 1980 году был удостоен Ленинской премии (а не за свои книги, как это объясняет сегодняшняя либеральная историография). То есть это была не дежурная награда к очередному юбилею или празднику, а именно рабочая — за обеспечение золотовалютного запаса страны.

Тем временем в конце 70-х произошли очередные существенные ротации в руководящей элите Узбекистана. Так, в декабре 1978 года президентом республики (председателем Президиума Верховного Совета) вместо «хивинца» Назара Матчанова (он занимал этот пост с сентября 1970 года) стал «ферганец» — 48-летний Инамжон Усманходжаев. Учитывая, что это была вторая по значению должность во властной иерархии и занимающий ее всегда рассматривался в качестве кандидата на должность 1-го секретаря ЦК, можно предположить, что Рашидов пошел на эту перестановку не по личной инициативе, а в силу сложившихся обстоятельств. Послушаем на этот счет мнение С. Ризаева:

«У Усманходжаева была замечательная анкета. Он — сын Бузрукходжи Усманходжаева, известного в Узбекистане человека, одного из руководителей строительства легендарного Ферганского канала. На Востоке популярность родителя нередко способствует служебной карьере детей. Во всяком случае, при прочих равных достоинствах с другими претендентами, им отдается

предпочтение. Ш. Рашидов хорошо знал Бузрукходжу Усманходжаева, с большим уважением к нему относился. К тому же И. Усманходжаев был единственным депутатом Верховного Совета Узбекской ССР среди первых секретарей обкомов партии.

И при этом налицо был и такой немаловажный фактор, который мог учитываться при окончательном выборе кандидатуры. Возможно, была уверенность, что слабовольный, слабохарактерный И. Усманходжаев, не имея лидерских качеств и авторитета, не в состоянии будет организовать оппозицию, претендовать на высший пост в республике...».

Можно с уверенностью сказать, что за назначением Усманходжаева стояла Москва, которая хорошо знала этого человека. Дело в том, что еще в 1969 году с должности секретаря Сырдарьинского обкома (занимал ее четыре года) он был переведен в аппарат ЦК КПСС, где курировал прибалтийские республики (это, кстати, говорит о его несомненной образованности и культуре). В Москве Усманходжаев пробыл до 1972 года, после чего вернулся на родину и работал на постах председателя Наманганского облисполкома и 1-го секретаря Андижанского обкома (с 1974 года).

Кандидатами в члены Бюро тогда же были избраны два силовика: Л. Мелкумов (председатель КГБ) и Ю. Максимов (новый командующий Туркестанским военным округом вместо скончавшегося С. Белоножко). Секретарем ЦК стал «ташкентец» Асадилла Ходжаев, который до этого работал в должности 1-го секретаря Ташкентского горкома (1973-1978).

Спустя полгода — летом 1979 года — вынужден был уйти со своего поста министр внутренних дел Узбекистана Хайдар Яхъяев (был им с марта 1964). Рашидов не смог его отстоять, поскольку за его отставкой стояли весьма влиятельные силы в союзном МВД, а именно — зять Брежнева Юрий Чурбанов. Весной 1971 года тот женился на дочери Генсека Галине и стал стремительно продвигаться по службе: с должности начальника политотдела ГУИТУ (исправительные колонии) дослужился до должности заместителя министра внутренних дел СССР (назначен в ноябре 1977). Чурбанов заведовал в МВД кадрами и активно менял тех, кто не входил в его обойму. Яхъяев был как раз из этого числа. В итоге он был заменен на 47-летнего Кудрата Эргашева, который в молодости служил в КГБ (лейтенант госбезопасности), после чего перешел в МВД. Последнее время он занимал должности начальников УВД Кашкадарьинской и Наманганской областей.

Что касается дальнейшей судьбы Яхъяева, то Рашидов, ценя его опыт и знания (особенно по части обладания конфиденциальной информацией), оставил бывшего министра при деле, назначив 1-м заместителем председателя республиканского Комитета народного контроля.

Глава 31

ГИБЕЛЬ «ПАХТАКОРА»

В самом конце 70-х Узбекистан пережил трагедию, равную которой он не переживал еще никогда. Даже ташкентское землетрясение не могло с ним сравниться, поскольку во время него, как мы помним, погибло незначительное количество людей и главный ущерб был нанесен инфраструктуре города. В трагедии, случившейся в августе 1979 года, удар был нанесен в самое сердце республики — по одному из национальных символов узбекского народа. Я думаю, читатель уже догадался, о чем идет речь: о гибели в авиакатастрофе почти всей ташкентской команды «Пахтакор».

Я уже писал о том, что «Пахтакор» был любимым детищем не только Рашидова, но и всей республики. Буквально с первых же дней появления на свет этой команды (весной 1956 года) миллионы жителей Узбекистана, даже те из них, кто не увлекался футболом, с интересом стали следить за судьбой этого коллектива. И когда в 1962 году «Пахтакор» достиг значительного успеха — занял 6-е место в первенстве СССР — этому событию радовалась вся республика. И хотя долго задержаться на вершине футбольного Олимпа команде не удалось и в последующие годы она занимала уже менее высокие места, однако интерес к ее играм в Узбекистане по-прежнему оставался большим.

На страницах этой книги мы расстались с «Пахтакором» в тот момент, когда он вынужден был оставить высшую лигу. На дворе стоял 1972 год.

Тот футбольный сезон стал настоящей сенсацией, поскольку на вершину Олимпа вознеслась периферийная команда «Заря» из Ворошиловограда. Для Владимира Щербицкого, который вот уже полгода, как сидел в кресле хозяина Украины, успех его земляков должен был стать настоящим подарком. Должен был, но не стал, поскольку «Заря» перебежала дорогу его подшефному клубу «Динамо» из Киева, из-за чего киевлянам пришлось довольствоваться только серебром чемпионата. Кроме этого «Заря» больно

ударила и по политическому имиджу Щербицкого. Руководитель Ворошиловоградской области Владимир Шевченко считался человеком Петра Шелеста (это вместо него Брежнев привел к власти Щербицкого) и к новому хозяину Украины относился без подобающего уважения. Поэтому для него перебежать дорогу своему врагу было делом чести.

Щербицкий это знал, как знал и другое — что «Зарю» усиленно тянули в чемпионы влиятельные покровители. Одним из них был начальник Управления футбола Спорткомитета СССР Лев Зенченко, который до этого три года работал на посту председателя Ворошиловградского областного комитета по физической культуре и спорту, а в январе 71-го был переведен на работу в Москву. По чьему повелению это произошло, никто не сомневался: Брежнев и его команда, именуемая в народе «днепропетровским кланом», перетягивали в столицу всех своих земляков. Именно при Зенченко Федерация футбола СССР (там костяк составляли бывшие спартаковцы) стала ширмой, а реальным административным руководящим футбольным органом стало Управление футбола. В итоге прыть Зенченко поразила тогда всех: он всего лишь год работал на новом посту, как курируемая им команда стала чемпионом страны. Такого в истории советского футбола еще не было.

Повод взять реванш у Шевченко Щербицкий нашел через год. В 1973 году в Ворошиловградскую область нагрянет инспекция из 33 прокуроров, собранных со всей Украины. Они насобирают столько компромата на Шевченко и его подчиненных, что его вполне хватило бы, чтобы надолго упрятать их всех за решетку. И кого-то из них действительно посадили (например, зампреда исполкома, у которого в сейфе нашли 20 тысяч неучтенных денег, которые он прикарманил под видом помощи футболистам). Шевченко же спасло его высокое положение (он был членом ЦК КПСС) — его сняли с должности персека с формулировкой «как не имеющий морального права быть первым секретарем».

Тем временем в сезоне-73 в высшую лигу вернулся «Пахтакор». Однако узбекская команда выступила не совсем удачно и заняла место в хвосте турнирной таблицы — 12-е. Но в 1974 году команда заметно преобразилась и совершила стремительный рывок из аутсайдеров в одного из лидеров — поднялась на 8-е место. И пускай до повторения высшего достижения в своей карьере (6-е место в 62-м) «Пахтакор» не добрал всего-то чуть-чуть, однако и этот результат можно было считать большим успехом.

Один из лучших игроков «Пахтакора» — нападающий Владимир Федоров — был привлечен под знамена сборной СССР (играл в ней до 1978 года). Увы, но длился успех «Пахтакора» не долго: в следующем году команда заняла предпоследнее место и в очередной раз потеряла право играть в высшей лиге.

Отметим, что по многим показателям «Пахтакор» образца 75-го года был не слабее большинства середняков. Однако к тому времени футбольные чемпионаты СССР превратились из соревнований, где побеждали сильнейшие, в турниры, где многое решали закулисные интриги сильных мира сего и деньги. Одних договорных матчей, когда команды выручали друг друга и «гоняли» матчи вничью, стало столько, что еще в 1973 году спортивными властями было принято решение проводить каждый матч до победы одной из команд (посредством послематчевых пенальти). Но поскольку это новшество спутало все карты так называемой «футбольной мафии», она предприняла все возможное и невозможное, чтобы ситуация вернулась к своему первоначальному состоянию. В итоге в 74-м пенальти стали пробивать только после нулевых ничьих, а через год эти пенальти и вовсе отменили.

Рашидов, который был прекрасно осведомлен о закулисных интригах в отечественном футболе и порой сам в них участвовал (в противном случае его подопечные вряд ли бы вообще надолго задержались в высшей лиге), был по-человечески уязвлен тем, что его команда никогда не станет не только чемпионом, но даже «серебро» и «бронзу» взять не сможет. И дело было вовсе не в футболистах. К началу 70-х в советском футболе созрела такая ситуация, когда связи и деньги могли вознести к чемпионству команды, которые всегда считались середняками. Взять ту же ворошиловградскую «Зарю», которая после своего чемпионства в 72-м году ничем выдающимся больше не прославилась и вновь вернулась в группу середняков (даже сборная СССР, костяк которой составляли именно игроки «Зари», а старшим тренером был ее же наставник Г. Зонин, с треском провалила сезон). А «Пахтакор», который считался не только сильнейшим клубом среди азиатских команд, но и не самым бедным по части «черной кассы», о золотых медалях даже не мог помыслить. Почему?

Судя по всему, все упиралось... в Рашидова, а именно в то место, которое ему определили в Политбюро — вечный кандидат. Позволить, чтобы любимая команда «вечного кандидата» стала чемпионом страны и вышла на широкую международную арену, в задумки недругов Рашидова явно не входило. Считалось, что хозяину Узбекистана для удовлетворения его амбиций вполне хватает Международного кинофестиваля стран Азии и Африки, который проходил в Ташкенте с конца 60-х. Хотя, попади «Пахтакор» в Кубок чемпионов, он наверняка выступил бы не хуже той же «Зари», которая в первом раунде смогла легко пройти слабеньких киприотов, а вот во втором «сломалась» на таком же как и она середняке — трнавском «Спартаке».

В 1975 году, когда «Пахтакор» вылетел в первую лигу, чемпионат был не менее скандальным, чем и предыдущие. Самый вопиющий и самый характерный случай произошел в Одессе, где местный «Черноморец» принимал московский «Локомотив». Главный судья матча настолько явно подсуживал хозяевам, что это привело к конфликту. Сразу после игры, которая закончилась победой «Черноморца» 1:0, локомотивец Уткин подбежал к главному судье и прилюдно сорвал с его футболки эмблему судьи всесоюзной категории. Жест символический: эти эмблемы тогда можно было срывать чуть ли не с половины судей чемпионата — настолько предвзято они судили матчи. И «Пахтакору» пришлось убедиться в этом на личном примере. Ташкентцев угораздило очутиться в одной группе риска с ЦСКА и ленинградским «Зенитом». Позволить, чтобы эти команды покинули высший дивизион (с «Зенитом» это случилось лишь однажды — в далеком 44-м, а ЦСКА вообще никогда не покидал высший дивизион) их высокие покровители не могли, поэтому «черную метку» получили ташкентцы и армейцы из Ростова-на-Дону.

Отметим, что в 1976 году участь «Пахтакора» постигла и одного из грандов всесоюзного чемпионата — столичный «Спартак». По уровню игры он тогда скатился к середнякам, однако вылета в низший дивизион явно не заслуживал. Но ему не повезло — против него объединились руководители сразу трех столичных клубов: ЦСКА, «Торпедо» и «Локомотива». Этим командам достаточно было в последнем туре выиграть у своих соперников или даже сыграть с ними вничью и их земляки спартаковцы остались бы в высшей лиге. Но они предпочли отправить земляков в низший дивизион, подарив очки и возможность играть в высшей лиге футболистам «Арарата», «Днепра» и «Зари». Как утверждала народная молва, все три столичных клуба даже денег за эти поражения от соперников не взяли — ими двигала элементарная злоба к народной команде. Чем заслужил «Спартак» такое отношение к себе от своих земляков, история умалчивает.

Тем временем футбольный сезон 1977 года оказался не менее скандальным: одних договорных игр в нем, наверное, было проведено больше, чем за все предыдущие годы. Большинство этих игр

были спрятаны под ничьи. Причем тон в этом деле задавали лидеры. Так, чемпион страны киевское «Динамо» имел в своем активе 15 ничейных результатов, серебряные медалисты динамовцы из Тбилиси и бронзовые призеры торпедовцы из Москвы — по 13. Но лидерами по ничьим стали два столичных клуба — ЦСКА и «Динамо», которые сыграли вничью... 17 (!) раз каждый. Поскольку почти все эти «договорняки» были видны даже невооруженным глазом, Управлению футбола пришлось принимать решительные меры. Тем более, что тема договорных игр стала часто всплывать даже... на заседаниях Политбюро. Поскольку Брежнев был заядлым болельщиком ЦСКА и смотрел почти все игры своей любимой команды, он не мог не возмутиться невыразительной игрой своих любимцев (только нулевых ничьих у армейцев «набежало» 8 штук).

Как только до Управления футболом дошли слухи о недовольстве Брежнева, тут же были приняты решительные меры. Сразу после окончания сезона-77 вышло специальное постановление «По поводу некоторых вредных явлений в нашем футболе». В нем отмечалось: «Считать совершенно недопустимым, противоречащим принципам спортивной этики умышленное неведение спортивной борьбы, продолжающее иметь место в играх чемпионата СССР, разлагающе действующее на воспитание футболистов и дискредитирующее советский футбол в глазах широких масс зрителей».

Накануне нового сезона-78 было введено еще одно революционное новшество, которое не имело аналогов в истории мирового футбола и было чистым ноу-хау советских футбольных функционеров: команды высшей лиги получали по очку только за первые восемь ничьих, последующие ничьи объявлялись «бесплатными» — очки за них не начислялись. Кроме этого всех тренеров и футболистов команд мастеров предупредили, что участники договорных игр отныне будут сурово наказываться: результаты таких матчей будут отменяться, а участники — дисквалифицироваться.

Между тем в сезоне-78 в высшую лигу вновь вернулись «Спартак» и «Пахтакор» (в первой лиге они заняли соответственно 1-е и 2-е места). Однако если москвичи сумели совершить невозможное — заняли 5-е место, то ташкентцы довольствовались только 11-м. И снова есть серьезные основания предполагать, что скатились они туда не сами, а им явно помогли в этом. Скандал тогда вышел грандиозный. Все произошло во время матча с «Зарей», которую «Пахтакор» принимал на своем поле.

Главный судья матча, по мнению хозяев, судил игру предвзято, в пользу гостей. В итоге ворошиловградцы победили 1:0. Но сразу после матча пахтакорцы устроили потасовку, напав на главного судью. Особым рвением при этом отметились два футболиста — Владимир Федоров и Константин Баканов. Их поведение стало поводом к разбирательству в Спортивно-технической комиссии. Вердикт был ошеломляющий, не имеющий аналогов в истории советского футбола: Федорова дисквалифицировали на рекордное количество матчей — 10. Судя по всему, сделано это было специально, чтобы ослабить «Пахтакор», где Федоров считался одним из лучших «забивал» (к тому времени он успел забить 6 голов — больше всех в команде и являлся игроком сборной СССР вместе с другим пахтакоровцам — полузащитником Михаилом Аном). Недруги «Пахтакора» не зря старались: в отсутствии Федорова «Пахтакор» занял всего лишь 11-е место. К слову, Федорова после этого случая вывели и из состава сборной Советского Союза.

Несмотря на неудачное выступление в сезоне-78, «Пахтакор» сумел-таки порадовать своего патрона Рашидова игрой против киевского «Динамо» в последнем туре (как мы помним, Рашидов находился в давнем клинче с хозяином Украины Владимиром Щербицким). Поединок был из разряда принципиальных. Если бы киевляне его выиграли, они досрочно взяли бы «серебро» первенства, поскольку стали бы недосягаемыми для двух своих ближайших преследователей — «Шахтера» и московского «Динамо». Но ташкентцы буквально костьми легли и свели матч к ничейному результату — 1:1. Однако это не помогло. Столичные динамовцы не смогли обыграть «Нефтчи», а «Шахтер» и вовсе проиграл ЦСКА. Как итог: «серебро» досталось киевлянам. Как потом будет утверждать народная молва, все это стало возможным благодаря закулисным манипуляциям. Бакинцев попросту купили, а «Шахтер» заставили проиграть, дабы не перебегать дорогу любимому клубу Владимира Щербицкого.

Сезон 1979 года «Пахтакор» начал очень даже уверенно. Уже во втором матче ташкентцам пришлось принимать у себя дома прошлогоднего серебряного призера киевское «Динамо». И хозяева победили 1:0. А в финальной стадии первого круга «Пахтакор» умудрился не проиграть подряд пять матчей. Лично я хорошо помню то лето и эйфорию узбекских болельщиков, поскольку в июле того года в очередной раз приехал к Узбекистан с отцом и застал весь тот ажиотаж вокруг успешной игры «Пахтакора». К сожалению, выступление самой команды мне воочию наблю-

дать так и не удалось, поскольку мы все дни пребывания в республике (а это целый месяц) находились не в Ташкенте, а в Бухарской области. Зато я впервые посетил прекрасный город Навои и сходил на игру тамошней футбольной команды.

Кстати, в эти же дни в Узбекистане с гастролями был и Владимир Высоцкий. Это был третий его приезд в республику, после гастролей в сентябре 1973-го и октября 1977-го, и последний перед смертью, последующей ровно через год. Несколько концертов артист дал именно в Навои — в Доме культуры «Фархад». Увы, но эти гастроли едва не стоили артисту жизни. Что же произошло?

Высоцкий приехал в республику 19 июля. В этой поездке его сопровождали несколько человек: близкий друг, артист МХАТа Всеволод Абдулов, администраторы Валерий Янклович и Владимир Гольдман, врач Анатолий Федотов (его оформили в поездку как артиста «Узбекконцерта»), артистка разговорного жанра Елена Облеухова.

Первый концерт состоялся уже на следующий день после приезда в городе Зарафшане, в ДК «Золотая долина», в 16.00. После этого до конца дня Высоцкий дал еще три (!) концерта. На всех были аншлаги. На следующий день картина повторилась, только место сменилось — это был уже Учкудук, ДК «Современник». В итоге уже через пару дней такого темпа, да еще в жуткую жару, Высоцкий стал чувствовать себя крайне плохо. Чтобы как-то поддержать его, 24 июля Янклович позвонил в Москву любимой девушке Высоцкого Оксане Афанасьевой и попросил немедленно вылететь к ним. Она так и сделала. И буквально спасла любимого с того света.

Гастроли Высоцкого проходили в бешеном ритме. После концертов в Зарафшане (20-го) и Учкудуке (21-го), он выступил в Бухаре (25-го), Навои (26—27-го). Именено выступления в последнем городе едва не стали для него последними в жизни. Дело было так.

Рано утром 28 июля прямо в гостиничном номере у Высоцкого случилась клиническая смерть. Потом друзья придумают версию, что поводом к ней стало острое отравление — якобы накануне Высоцкий съел несвежий плов. На самом деле узбекское национальное блюдо было ни при чем — все произошло из-за пагубного пристрастия артиста к наркотикам (к ним он пристрастился примерно два года назад).

Находившаяся рядом Оксана Афанасьева стала делать Высоцкому искусственное дыхание рот-в-рот, позвала на помощь. Сначала прибежал живший в соседнем номере Владимир Гольдман, который немедленно пригласил врача Анатолия Федотова. Тот сделал Высоцкому укол в сердце, потом стал массировать его. Оксана и Гольдман попеременно дышали ему в рот. И Высоцкий ожил. Как вспоминает О. Афанасьева:

«Тогда я услышала от него самые важные слова. Первое, что он сказал, когда пришел в себя: «Я люблю тебя». Знаете, я почувствовала себя самой счастливой женщиной в мире! Он никогда не бросался такими словами и говорил их далеко не каждой женщине. В тот день, видимо, он понял, что не сможет со мной расстаться, и принял окончательное решение... До этого все просил: «Оксаночка, не ревнуй! У меня для вас обеих, для тебя и Марины (Марина Влади была официальной женой артиста. — *Ф. Р.*), всегда в сердце места хватит»...

Он долго не говорил мне о любви, наверное, не хотел связывать. Твердил, что как только я захочу уйти, он меня сразу отпустит, но тут же добавлял, что не представляет своей жизни без меня... Я понимала, что Володя разрывается между нами. По общепринятым меркам он ведь калечил мне жизнь. Ну что он мог мне дать? Роль второй гражданской жены? Я ведь даже не могла родить от него ребенка, хотя он очень хотел этого. Забеременела, но пришлось сделать аборт — не было гарантий, что ребенок родится здоровым...».

Как ни странно, но едва оклемавшись, Высоцкий заявил, что концерты отменять не будет. «Выступлю прямо сегодня!» — заявил он друзьям. Но те встали на дыбы: понимали, что с такими делами не шутят. В итоге Гольдман отменил все последующие концерты и отправил Высоцкого через Ташкент в Москву. С ним полетели Оксана Афанасьева, Всеволод Абдулов, Анатолий Федотов, а Владимир Гольдман и Валерий Янклович пока остались: они должны были отправить багаж.

Но вернемся к судьбе ташкентского «Пахтакора».

Свою последнюю игру перед трагедией ташкентцы играли 8 августа после месячного перерыва (многие игроки команды участвовали в Спартакиаде народов СССР, выступая за сборную Узбекистана). Соперником «Пахтакора» была ворошиловоградская «Заря». Стадион в Ташкенте в тот день, как всегда, был забит до отказа. Но, без сомнения, интерес к матчу прежде всего подогревал прошлогодний инцидент, наделавший много шума в футбольных кругах. Весь Узбекистан жаждал реванша, и он его получил.

Хозяева в тот день играли превосходно. Счет открыл Чуркин, после поданого Аном углового. «Пахтакор» повел 1:0. Спустя несколько минут Заваров сравнял счет, однако целеустремлен-

ных хозяев этот гол остановить не смог, даже подстегнул. В итоге Федоров (у которого был свой счет к ворошиловградцам) и Корченов довели счет до 3:1. Ташкент ликовал. Впереди у «Пахтакора» была игра в Минске с тамошним «Динамо» (13 августа), но узбекские футболисты были уверены в своей победе: всего лишь месяц назад они победили минчан со счетом 2:0. Никто даже не мог предположить, чем обернется поездка «Пахтакора» в столицу Белоруссии.

Субботним утром 11 августа футболисты «Пахтакора» приехали в аэропорт, чтобы самолетом Аэрофлота Ту-134 с бортовым номером 65 735 вылететь в Минск. На борт поднялись 14 игроков команды: Юрий Загуменных (32 года), Владимир Макаров (32 года), Александр Корченов (30 лет), Сергей Покатилов (28 лет), Виктор Чуркин (27 лет), Михаил Ан (26 лет), Николай Куликов (26 лет), Константин Баканов (25 лет), Алым Аширов (24 года), Владимир Федоров (23 года), Владимир Сабиров (21 год), Равиль Агишев (20 лет), Шухрат Ишбутаев (20 лет), Сирожиддин Базаров (18 лет), а также второй тренер Идгай Тазетдинов (46 лет), врач Владимир Чумаков (46 лет), администратор Мансур Талибджанов (35 лет). Всего в самолете было 44 пассажира, из них 17 «пахтакоровцев». Самым молодым из погибших был вчерашний школьник 18-летний Сирожиддин Базаров, который должен был улететь в Минск накануне, вместе с командой дублеров, но из-за приезда отца опоздал к своему самолету и в виде исключения был взят на борт основного состава.

Похожая история произошла с Михаилом Аном. Он на тренировке получил повреждение и в Минск лететь не должен был. Но он приехал в аэропорт, чтобы проводить своих товарищей. Когда выяснилось, что к рейсу уже не успеет приехать игрок Анатолий Могильный, игроки стали уговаривать Ана полететь вместо него. И уговорили...

Старший тренер команды Олег Базилевич вылетел в Минск несколько раньше, поскольку поссорился с женой и не мог оставаться дома. Эта ссора спасла ему жизнь. Повезло и председателю Союза спортивных журналистов Узбекистана, который засиделся накануне в компании и опоздал на рейс.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла: «За неделю-полторы до полета в Минск я и еще несколько жен футболистов с детьми отправились отдыхать в пансионат на озеро Иссык-Куль. Володя хотел второго ребенка и считал, что перед этим я должна хорошенько оздоровиться.

Но... Еще до поездки на Исык-Куль и мне, и мужу приснились страшные сны. Мне привиделось, что к нам в квартиру идет моя мама, умершая 10 лет назад. Еще во сне я вспомнила, что это нехорошо, — покойник хочет кого-то забрать с собой...

Примерно в тот же день Володя увидел во сне свое отражение в зеркале, будто он лишается волос. Он знал, что это плохой сон.

Утром 11 августа мы с Элиной собрались на прогулку. Дочка бежала по лестнице, зацепилась ногой за ступеньку, и у сандалика оторвался каблук. Я еще пожурила Элинку за неловкость. А теперь мне кажется, что, может, в тот момент Володя думал о нас...»

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна: «В тот жаркий летний день все шло, как обычно. Рутинные домашние дела, хождение в магазин, приготовление каши малышке... Баюкая ее, я хожу по комнате из угла в угол. Неожиданно глазами встречаюсь с Сергеем, глядящим на меня с фотографии, и тут же пронзительная мысль — почему ты смотришь на меня, как неживой? (Потом я узнала, что он «смотрел» на меня именно в те мгновения, когда погибал). Ничего вроде бы не происходит, но подсознательно я словно чего-то жду...».

Были и другие мистические приметы этой трагедии. Так, футболист Виктор Чуркин, который раньше и гвоздя в доме не вбил, накануне поездки в Минск своими руками привел квартиру в полный порядок. А Владимир Федоров расстроился, когда жена положила ему в чемодан черную рубашку. Администратор команды Мансур Талибджанов, по воспоминанию супруги, провел беспокойную ночь: то просил заварить чаю, то порезать арбуз, принести фрукты. До рассвета рассказывал о детстве, юности, о том, как зарабатывал на свадьбу. Накануне разбился их сосед, летчик, и на похоронах Мансур вдруг сказал, что его смерть тоже придет с небес. Рано утром подъехала машина, и он осторожно закрыл за собой дверь, стараясь не разбудить детей. Однако спустя несколько минут он вернулся, чтобы поцеловать их на прощание. После его гибели жена обнаружила, что Мансур оставил дома полный список своих кредиторов.

Также известно, что за год до трагедии «Пахтакор» летел на встречу с венгерской командой и самолет попал в страшную воздушную яму. Игроки уже прощались с жизнями, когда пилотам удалось спасти машину. Один известный маг позже скажет, что этот случай был предупреждением всей команде: бойтесь самолетов. Но как футбольной команде было обойтись без полетов на самолете? Поездом ведь добираться куда дольше.

Трагедия произошла в небе Украины, недалеко от города Днепродзержинска. В тот день полетами управляли диспетчеры Харьковского районного Центра единой системы управления воздушным движением 30-летний Владимир Сумской (четыре года работает диспетчером) и 20-летний Николай Жуковский (два с половиной месяца). Начальником над ними был Сергей Сергеев, но он от контроля за работой диспетчеров почему-то самоустранился, занимаясь какими-то своими делами. Более того, именно он назначил старшим Жуковского, а не Сумского, хотя последний сам его просил доверить руководство полетами ему. Но Сергеев от него отмахнулся. Был еще контролер диспетчеров Томилов, но и он от своих прямых обязанностей устранился. Короче, в диспетчерской в тот день царил бардак либо случайный, либо закономерный.

По роковой случайности, в тот день один из высокопоставленных руководителей летел то ли с официальным визитом за рубеж, то ли еще куда-то (по одной из версий это был секретарь ЦК КП Украины, по другой — руководитель монгольских коммунистов Цеденбал, который летел в Брежневу в Крым) и поэтому несколько эшелонов (высот) зоны были перекрыты. Эти высоты были «расчищены», а другие соответственно были уплотнены, что значительно повысило риск возможных аварий. Харьковская зона и по сей день считается одной из самых тяжелых, а в те годы она вообще была страшнее некуда. Например, в тот роковой день 11 августа 79-го на связи с диспетчерами было 12 самолетов, хотя даже для автоматики предел не должен превышать 10 бортов.

Между тем около часа дня в небе на участке Жуковского летели навстречу друг другу два самолета: ташкентский Ту-134 и его близнец с бортовым номером 65816, следовавший по маршруту Челябинск — Кишинев. На борту последнего находился 121 человек. Молодой диспетчер вычисляет расчетный временный интервал, в течение которого каждый из этих двух самолетов может пройти теоретическую точку пересечения их трасс. Она находится в районе Днепродзержинска. Диспетчер высчитывает, что расстояние между самолетами позволяет им занять один эшелон и в 13 часов 30 минут 46 секунд отдает команду ташкентскому борту занять эшелон полета 8400 метров. Это была роковая команда, поскольку расчеты молодого диспетчера оказались неточными и самолеты оказались в одном коридоре. Проверить действия Жуковского, при царившем в диспетчерской бардаке, никто не удосужился. А сам Жуковский тоже не стал заниматься расчетами дважды.

Только за четыре минуты до катастрофы Сумского внезапно пронзает мысль, что дело нечисто. Он кинулся проверять расчеты коллеги, нашел ошибку и тут же взял управление полетами в свои руки. Но ситуация усложнилась тем, что в том же районе появился третий самолет — Ил-62, летящий в эшелоне 9 000 метров. Сумской командует ему освободить свой эшелон и направляет туда ташкентскую машину. Но тут в ситуацию вмешались силы природы. Из-за помех в радиоэфире ташкентский борт не смог принять последнюю команду диспетчера. Зато ее принял Ил-62, отнес на свой счет и изменил маршрут в сторону эшелона 8 400. Сумской же посчитал, что ему ответил «ташкенец» и выключил радиосвязь. Это было ошибкой: он должен был убедиться в позывных и потребовать повтора ответа.

Столкновение произошло в 13 часов 35 минут 38 секунд. В те самые минуты, когда по Узбекскому телевидению шел спектакль Театра оперы и балета имени А. Навои «Бессмертие» (!), ташкентский борт столкнулся со своим челябинским «близнецом» лоб в лоб. В катастрофе погибли 178 человек. По одной из версий, столкновение было не лоб в лоб, а иначе: «челябинец» отсек «ташкентцу» хвост и тот стал плавно снижаться. У него был шанс спастись, но в этот момент в баках вспыхнуло горючее.

Вспоминает Н. Гладкий (в то время он был главным государственным санитарным врачом Днепропетровской области и заместителем председателя Чрезвычайной противоэпидемиологической комиссии при облисполкоме):

«В субботу 11 августа 1979 года на службе остался я один. Около 13.45 позвонил дежурный облисполкома и сообщил, что под Днепродзержинском упал самолет и надо выезжать. Через час я уже был на месте трагедии, где встретил начальника УВД Днепропетровской области генерал-майора Михалькова. Генерал был очень бледный и встревоженный. Увидев меня, передал на хранение свой пистолет, объяснив, что боится не справиться со своим состоянием и расстрелять мародеров, которые тащили с полей остатки вещей, чемоданы и авиадетали.

К тому, что предстало перед нашими глазами, никто не был готов. Вспаханное поле в радиусе 30 км было густо пробито воронками глубиной 20—50 см, сами же тела лежали не на дне, а по краям углублений — с такой силой они врезались в землю. Ходили слухи, что несколько человек умерли от разрыва сердца, когда под их ноги стали падать куски тел. Несколько трупов залетело на подворье. Один, пробив крышу, упал в кухне перед хозяйкой.

Убирать его милиционер отказался, сказал: «Ваш труп, вы и убирайте, а мы со своими не справляемся»...

«Пахтакорцы» сидели в переднем салоне, сразу за пилотом. И, по всей видимости, пристегнутыми. Поэтому упали в одно место. Фрагменты тел пристали к горящему алюминию намертво. Из полка гражданской обороны тут же пришлось убрать узбеков и лиц восточных национальностей, так как они прекратили работы, встали кружком и стали молиться, не реагируя на команды. Вместо них Днепродзержинский горисполком прислал человек 20 рабочих с предприятий. Часть их приехала уже пьяными, пили и там...».

Так получилось, но в тот день, когда погиб «Пахтакор», в Москве, на Центральном стадионе имени Ленина игрался финальный матч Кубка СССР по футболу. В присутствии 65 тысяч зрителей силами мерились два динамовских клуба — Москвы и Тбилиси. Основное время игры закончилось нулевой ничьей, и все решили одиннадцатиметровые пенальти. Героем стал вратарь тбилисцев Габелия, который взял штрафной, пробитый лучшим игроком матча — Валерием Газзаевым. В итоге гости выиграли 5:4. Говорят, матч еще шел, а по стадиону уже пошел слух о том, что на Украине случилась трагедия — разбился «Пахтакор». Причем, народная молва чуть ли не в первые часы после трагедии «пристегнула» к этой трагедии Брежнева: дескать, он куда-то летел, ему открывали воздушный коридор и в спешке направили два пассажирских самолета не туда, куда нужно. И теперь уже трудно установить, как родился этот слух: то ли случайно, то ли преднамеренно, чтобы лишний раз бросить тень на престарелого генсека.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла: «12 августа к нам в пансионат неожиданно приехал работник Госкомспорта Узбекистана. Он сообщил, что случилась неприятность: во время обеда вся команда якобы чем-то отравилась и попала в больницу.

Мы все быстро собрали вещи. Но в самолете я почувствовала неладное. В большом лайнере находились только мы! Когда мы прилетели, мне показалось, что сотрудники аэропорта смотрят на нас слишком напряженно. Я подошла к одной женщине и попросила сказать, что случилось. Она взяла меня за руку и тихо сказала: «Они разбились...».

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна: «Утром 12 августа — телефонный звонок. Я кормлю ребенка, трубка говорит: «А разве ты не знаешь?..». Кровь бешеными скачками забилась в голове. Дальше все, как в тумане, непослушные ноги и руки, рваные мысли и решения... Ребенка соседке, сама еду в Спорткомитет. Кто-то заслонил солнце гигантским фильтром, в ушах вата — почти нет звуков. Но нет, скорей, скорей, сейчас все выяснится, сейчас наше футбольное начальство развеет страшную новость... Стоп. Выбрасываю себя из машины. Почему так беспомощно стоят у дверей Толик и Ахмат? Преодолеваю последние метры, пытаюсь поймать их взгляд, шепчу: «Это правда?». Но... Чьи-то руки подхватили сразу ослабевшее, чужое тело... И все, ночь...».

Рашидов узнал о трагедии одним из первых — уже спустя час. Ему сообщил об этом сам руководитель Спорткомитета Узбекистана Мирза Ибрагимов. Сказать, что Рашидов был в шоке, значит ничего не сказать — он был просто раздавлен. «Пахтакор» был его детищем, родной командой, многих игроков из которой он по-человечески искренне любил. Они ковали славу Узбекистана на спортивных аренах многих континентов и были настоящими любимцами не только Рашидова, но и всей республики. И вдруг всего в одну минуту нацию лишили ее кумиров. И Рашидов никак не мог понять, за что Провидение так поступило с его родиной. Говорят, больше часа Рашидов сидел в своем кабинете в ЦК и никого к себе не впускал — не хотел, чтобы кто-то посторонний видел его состояние.

Чуть позже, узнав о том, что в гибели «Пахтакора» может быть повинен кто-то из секретарей ЦК КП Украины, Рашидов связался с одним из руководителей КГБ Узбекистана и попросил выяснить подробности катастрофы. «Узнайте всю правду и лично доложите мне об этом», — попросил Рашидов. Однако скрыть эту просьбу от Москвы не удалось. И уже спустя несколько часов информация об этом дошла до Андропова.

В те дни в высшем кремлевском руководстве царила привычная для этого времени года пора, именуемая мертвым сезоном. Практически вся политическая верхушка страны во главе с генеральным секретарем ЦК Леонидом Брежневым находилась вдали от Москвы, догуливая последние дни перед началом нового политического сезона. И только два члена Политбюро, оставшиеся в столице «на хозяйстве», были вынуждены раньше остальных впрягаться в работу: Андрей Кириленко и Юрий Андропов. Особенно много работы было у шефа КГБ, которому приходилось анализировать информацию сразу из двух регионов — Афганистана и Китая, где события приобретали для Советского Союза тревожный оттенок. Как вдруг в субботу 11 августа на плечи Андропова свалилась еще одна неожиданная ноша.

В тот субботний день около двух часов дня, когда шеф КГБ находился на своей даче в Подмосковье, ему позвонили по спецсвязи из Москвы. Взволнованным голосом один из помощников Андропова сообщил, что полчаса назад в небе над городом Днепродзержинском произошла авиакатастрофа с многочисленными жертвами. «Столкнулись два самолета, — сообщал помощник. — В одном из них находились футболисты ташкентской команды «Пахтакор», летевшей на очередную встречу в Минск. Проверяются две версии: диверсия и халатность диспетчерских служб, которые вынуждены были работать в авральном режиме». «Почему в авральном?» — спросил Андропов. «Воздушный коридор освободили для «главного борта» и сразу несколько самолетов оказались в одном коридоре». «Кто был «главным бортом», установили?». Дежурный ответил утвердительно и назвал фамилию не украинского функционера или лидера монгольских коммунистов, а... члена Политбюро Константина Черненко, который должен был вылететь к Брежневу в Крым. В итоге с утра 11 августа авиадиспетчеры держали открытым один из трех воздушных коридоров, оставив на маневр остальным самолетам только два. Выслушав информацию, Андропов распорядился, чтобы его постоянно держали в курсе происходящего, и положил трубку.

За те 12 лет, что Андропов занимал кресло шефа КГБ, на его памяти было более десятка разного рода авиа-ЧП. Среди них было несколько террористических актов, а остальные — стандартные авиакатастрофы. Поэтому с недавних пор подобного рода инциденты перестали быть для Андропова чем-то особенным. Но последнее происшествие резко выделялось из обычного ряда не только масштабами жертв (по приблизительным подсчетам в обоих самолетах могло находиться до двухсот человек), но и тем, что могло нести в себе политический подтекст. Ведь команда «Пахтакор» была любимым детищем хозяина Узбекистана Шарафа Рашидова, который всегда слыл страстным футбольным болельщиком. Впрочем, он был не одинок в своем увлечении.

Как мы помним, футбол в СССР считался не только одним из самых любимых видов спорта, но и был любимой игрушкой в руках политиков. За всеми грандами первенства страны стояли как реальные хозяева из спортобществ, так и закулисные — высокопоставленные партийные и государственные деятели. Так, ЦСКА «курировал» министр обороны (сначала Гречко, потом Устинов), столичное «Динамо» — Николай Щелоков (вотчиной шефа КГБ Юрия Андропова было хоккейное «Динамо»), киевское «Динамо» — хозяин Украины Владимир Щербицкий, бакинский «Нефтчи» — Гейдар Алиев, тбилисское «Динамо» — Эдуард Шеварднадзе и т. д. Генсек Брежнев болел сразу за два футбольных клуба — столичный ЦСКА и «Днепр» из Днепропетровска, что тоже было немаловажно — иные победы этим командам присуждались специально, чтобы не огорчить «дорогого Леонида Ильича».

Здесь стоит несколько отвлечься от футбольной тематики и описать те взаимоотношения, которые установились между Андроповым и Рашидовым. Судя по официальным документам того времени, они были вполне ровными. Например, если взять переписку этих двух людей, то ничего такого, что бросало хотя бы тень на эти взаимоотношения, найти невозможно. Чтобы не быть голословным, приведу отрывки из некоторых писем. Например, вот какие поздравления посылал Рашидов шефу КГБ на различные праздничные даты:

«...Пользуясь приятной возможностью, от всей души поздравляю Вас, членов вашей чудесной семьи с великим праздником весны и труда 1 мая, Днем Победы, желаю Вам богатырского здоровья, большого личного счастья, успехов в труде на благо нашей любимой социалистической Родины, во имя торжества светлых идеалов коммунизма.

С глубоким уважением *Ш. Рашидов*».

Или:

«...Пользуясь случаем, еще раз сердечно поздравляю с праздником Великого Октября, горячо желаю Вам, дорогой Юрий Владимирович, богатырского здоровья, счастья, успехов в Вашей плодотворной деятельности на благо нашей великой социалистической Родины, во имя торжества идеалов коммунизма.

По-братски обнимаю и целую *Ш. Рашидов*».

А это — ответ Андропова на поздравительное письмо Рашидова с Новым годом и те книги, которые тот прислал ему в подарок:

«Дорогой Шараф Рашидович!

Благодарю тебя за проявленное внимание, за книги, которые ты мне прислал. Сердечное спасибо за теплые новогодние пожелания мне и моей семье.

Зная, сколько сил и энергии ты отдаешь работе на ответственном посту, порученном партией, желаю тебе прежде всего здоровья, высокого душевного подъема, новых успехов во всех твоих делах и начинаниях. Счастья и благополучия твоей семье и близким.

С братским приветом *Ю. Андропов*».

Между тем было бы наивно считать, что эти письма отражали подлинную суть тех взаимоотношений, которые сложились между Андроповым и Рашидовым. Ведь оба были политиками, а в этой сфере деятельности, как известно, друзей практически не бывает. Например, еще более теплыми и сердечными были послания Андропова на имя Брежнева, но все мы прекрасно знаем, что осталось от этих пожеланий практически сразу после того как Генсек скончался: шеф КГБ повел такую атаку на его клан, что от него буквально полетели пух и перья (и в первую очередь пострадали близкие родственники бывшего Генсека). В случае с Рашидовым эта ситуация повторится с зеркальной точностью.

Однако вернемся к истории гибели команды «Пахтакор».

Андропов прекрасно знал страсть Рашидова к футболу (сам шеф КГБ больше тяготел к хоккей с шайбой) и всегда поражался тому, как ему хватает времени и терпения нянчиться с любимой командой. Рашидов заботился о «Пахтакоре» так, как иной отец не станет нянчиться со своим любимым дитятей. И вот теперь это детище у Рашидова отняли. И где: в небе над Днепродзержинском, который был родным городом для Леонида Брежнева. Плюс в этом же городе начиналась партийная карьера нынешнего хозяина Украины Владимира Щербицкого, который, по злой иронии судьбы, считался одним из давних недоброжелателей Рашидова. Поэтому первое, что могло прийти в голову людям, знавшим об этом — что гибель «Пахтакора» не случайна. Подумал об этом же и Андропов. «Эта катастрофа может серьезно расшатать нервы Рашидова, — размышлял шеф КГБ. — И это в тот самый момент, когда нам нужно от Рашидова совсем другое: концентрация воли и характера. Ведь в случае дальнейшего обострения ситуации в Афганистане именно на плечи его республики выпадет одна из главных миссий — военная».

Уже к вечеру того субботнего дня по Москве поползли слухи о гибели «Пахтакора». Как мы помним, именно в тот день в столице состоялся финальный матч на Кубок СССР по футболу между динамовцами Москвы и Тбилиси. И уже в процессе игры среди зрителей стала гулять версия о том, что в гибели «Пахтакора» повинен Брежнев. Дескать, он летел из Крыма, где отдыхал, в Москву и стал невольным виновником аврала в небе Украины. Андропову доложили об этих разговорах тем же вечером. И он в очередной раз поразился феномену народной молвы: казалось бы, при абсолютной закрытости советской печати слухи распространялись по стране с поразительной быстротой. Между тем Андропов точно знал, что Брежнев никаким боком к этой трагедии

причастен не был, поскольку в тот субботний день 11 августа у него было железное алиби — он встречался с лидером монгольских коммунистов Цеденбалом, с которым обсуждал тревожную ситуацию на границе с Китаем.

Но еще сильнее Андропова обеспокоила другая информация, пришедшая вечером того же трагического дня: о том, что Рашидов по своим каналам (через КГБ Узбекистана), пытается выяснить, чей самолет создал авральную ситуацию в небе над Днепродзержинском. «Зачем ему это надо? Что он хочет этим добиться? — спрашивал себя Андропов. — Может, он считает, что это была преднамеренная диверсия, направленная против него? Но в любом случае он не имеет права действовать в обход Центра. Людей все равно уже не вернешь, а лишние страсти только усугубят и без того сложную ситуацию в Политбюро».

Ситуация в высшем партийном ареопаге действительно была сложная. Брежнев был уже настолько болен, что некоторые члены Политбюро стали в открытую поговаривать о том, что ему пора бы и на покой. И первым кандидатом на место генсека мог стать Андрей Кириленко, которому Андропов откровенно не симпатизировал. Поэтому шеф КГБ делал все возможное, чтобы вопрос об уходе Брежнева не дискутировался. В этом его поддерживали самые влиятельные члены Политбюро: Громыко, Устинов, Щербицкий. Вот почему возможные нападки Рашидова на последнего в связи с авиакатастрофой были совсем не к месту. А значит требовали немедленного вмешательства. «Рашидова надо осадить, и сделать это должен никто иной как... Кириленко», — пришел к окончательному выводу Андропов.

Разговор Кириленко с Рашидовым занял всего несколько минут. Кириленко, что называется, взял с места в карьер: «Шараф Рашидович, вы же знаете, что Днепродзержинск это родной город Леонида Ильича, а значит одно упоминание этого факта может больно его ранить. Поэтому не стоит мусолить эту трагедию в печати. Мы все скорбим вместе с вами, Шараф Рашидович, но произошедшего уже не изменить. Вы должны понять, что акцентирование внимания на этой трагедии может породить нежелательные разговоры, как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому, мы разрешаем вам воздать все почести погибшим, но в прессе об этом должно быть сказано короткой строкой».

Похороны спортсменов команды «Пахтакор» прошли в пятницу 17 августа при абсолютном молчании всех советских СМИ. Только газета ЦК КП Узбекистана «Правда Востока» за три дня до этого поместила небольшой некролог — и все. Жителей рес-

публики это резануло будто по живому. Когда 10 августа на Украине произошла авария на шахте «Молодогвардейская» с человеческими жертвами, все центральные СМИ оперативно откликнулись на эту трагедию. А в случае с «Пахтакором» все будто воды в рот набрали.

Траурный митинг прошел в Ташкентском аэропорту, после чего останки 17 «пахтакоровцев» пронесли по улицам столицы Узбекистана в наглухо закрытых гробах. Похороны состоялись на кладбище имени Боткина. Самому молодому из футболистов Сирожиддину Базарову было 18 лет, самому старшему Владимиру Макарову — 32 год, тренеру Идгаю Тазетдинову и врачу команды Владимиру Чумакову — по 46 лет. У многих осталось по двое маленьких детей. Как написано на официальном сайте команды «Пахтакор»:

«Столица Узбекистана, да и вся республика, готовилась к торжественному прощанию. И оно действительно получилось торжественным. Народ живой стеной стоял на всем пути следования траурного кортежа от аэропорта до Боткинского кладбища. Примечательно, что при этом невиданном скоплении людей нигде не было давки, каких-либо эксцессов. Тысячи сердец бились в унисон, ритм им задавало единое на всех горе.

На церемонии погребения, на которой присутствовало все руководство республики, выступавшие говорили с трудом подбирая слова. Трудно было до конца осознать произошедшее, найти нетрафаретные соответствующие ситуации определения...».

Любопытно была сформулирована причина гибели членов команды в свидетельстве о смерти, выданном в Днепропетровске: «Несчастный случай вне производства. Грубые нарушения анатомической целостности тела, несовместимые с жизнью. Обугливание тела...». Семьям погибших сразу же выдали по 1000 рублей страховки, детям — ежемесячное пособие в 120 рублей. Правительство Узбекистана назначило семьям погибших персональную пенсию в таком же размере (отметим, что из 16 молодых вдов — а среди них были очень красивые — ни одна не вышла замуж вторично). Чуть позже власти воздадут должное памяти погибших пахтакорцев, установив на Боткинском кладбище мемориал в их честь.

Что касается непосредственных виновников случившегося — авиадиспетчеров Сумского и Жуковского — то суд определит им наказание в виде 15 лет тюремного заключения. Правда, отсидят они по шесть лет и выйдут на свободу по амнистии.

Практически в первые же дни после гибели «Пахтакора» Спорткомитет СССР взялся за формирование новой команды. Поскольку игроков уровня погибших в самом Узбекистане найти было невозможно, был брошен клич ко всем футболистам высшей лиги с просьбой согласиться доиграть сезон в «Пахтакоре». Сочли за честь откликнуться на этот призыв многие, из которых выбрали лучших. Это были: Глушаков («Спартак», Москва), Бондарев (ЦСКА), Церетели («Торпедо», Кутаиси), Нечаев («Черноморец», Одесса), Яновский и др.

Свой первый матч обновленный «Пахтакор» сыграл через 12 дней после трагедии — 23 августа в Ереване против «Арарата». 75-тысячный стадион «Раздан» был заполнен до отказа — все пришли посмотреть на игру нового «Пахтакора». К сожалению, она не удалась, поскольку времени для того чтобы сыграться у вновь приглашенных игроков было немного и они вынуждены были играть практически с чистого листа. В итоге хозяева победили со счетом 3:1.

Глава 32

АФГАНСКИЙ КАПКАН

В конце того же 1979 года Узбекистан оказался в эпицентре событий, которые позднее определят будущее Советского Союза: именно с его территории произошел ввод советских войск в Афганистан. Но прежде, чем рассказать об этом, стоит хотя бы вкратце описать подоплеку этих событий.

Все началось в апреле 1978 года, когда в Афганистане произошла так называемая саурская революция, в результате которой афганские левые в лице Народно-демократической партии (НДПА) свергли короля Мухаммеда Дауда. В итоге к власти в стране пришли: писатель Нур Мухаммед Тараки, который занял пост президента, и офицер Хафизулла Амин, занявший кресло премьер-министра. Поскольку НДПА стояла на позициях марксизма, естественно, Советский Союз не мог остаться в стороне от этих событий и взялся всеми силами помогать молодой афганской революции. Тем более, что долгие годы Афганистан входил в сферу интересов СССР и тот не мог бросить стратегически важного партнера в трудную минуту.

Тем временем саурская революция принесла Афганистану больше проблем, чем спокойствия. Дело в том, что в НДПА су-

ществовало два крыла — «Хальк» и «Парчам» — которые между собой враждовали. И теперь, после прихода к власти, противоречия между ними только усугубились. В результате в стране начались репрессии и «парчамистам» пришлось уйти в подполье, а их лидер Бабрак Кармаль нашел убежище в Чехословакии. А весной 1979 года начались массовые волнения в нескольких афганских провинциях. Из-за этого в афганском руководстве обострились противоречия, которые привели к тому, что Амин начал теснить Тараки, явно собираясь полностью взял власть в стране в свои руки. Этот захват произошел в сентябре, после того как Амин физически устранил Тараки (он был задушен). Это убийство переполнило чашу терпения Москвы, поскольку погибший входил в число друзей Брежнева.

Отметим, что до этого момента кремлевское руководство не собиралось вводить войска в Афганистан, полагая, что это вторжение принесет лишь одни неприятности. Но после гибели Тараки и агентурных сведений о том, что Амин хочет пойти на дружбу с США, большая часть кремлевских руководителей стала склоняться к тому, чтобы решить этот вопрос военным путем. Особенно настаивали на этом варианте «силовики»: Юрий Андропов (председатель КГБ) и Дмитрий Устинов (министр обороны).

Историки до сих пор спорят, что стояло за этой инициативой силовиков: просчет, вызванный ловкой дезинформацией спецслужб США и Израиля, или наоборот — злой умысел, должный помочь мировой закулисе начать кроить карту мира по своим глобалистским лекалам. Особенно много подозрений падает на Андропова, поскольку он являлся одним из самых информированных людей в советском руководстве. По этому поводу приведу мнение историка В. Шурыгина:

«Именно Андропов был тем человеком, чье слово окончательно убедило Брежнева решиться на ввод войск. Напомню, что на совещании у Брежнева по афганскому вопросу руководство Генштаба ВС СССР (Н.В. Огарков, С.Ф. Ахромеев и В.И. Варенников), а также главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский до принятия окончательного решения политическим руководством СССР выступали против ввода войск, так как считали, что внутренние конфликты афганское руководство должно разрешать исключительно самостоятельно, наше военное присутствие спровоцирует развязывание боевых действий и приведет к усилению мятежного движения в стране, которое в первую очередь будет направлено против советских

войск, а слабое знание обычаев и традиций афганцев, особенно ислама, национально-этнических и родоплеменных отношений поставит наших воинов в весьма тяжелое положение.

После столь резких и однозначных возражений военных Брежнев, который всегда прислушивался к позиции Генштаба, несмотря на уже сложившееся у него убеждение вмешаться в ситуацию в Афганистане, заколебался. В этот момент слово взял Андропов. Опираясь на некие «данные агентуры», он заявил, что ЦРУ США в Турции (резидент в Анкаре Пол Хенци) проводят операцию по созданию «Новой Великой османской империи» с включением в нее южных республик из состава СССР, что США уже подготовили батареи ракет «Першинг» к тому, чтобы в ближайшие месяцы развернуть их в Афганистане, и это ставит под угрозу наши стратегические объекты, в том числе космодром Байконур, что после переворота в Афганистане Пакистан готов начать разработку афганских урановых месторождений для создания ядерного оружия. После этого выступления Брежнев свернул дальнейшую дискуссию и приказал готовить операцию по вводу войск.

На последовавшем затем 12 декабря 1979 года заседании Политбюро Андропов вместе с Устиновым, Громыко и Тихоновым были основными разработчиками постановления по вводу войск.

Сегодня мы знаем, насколько сильны были позиции советской разведки в США. И представляется более чем сомнительным, что председатель комитета госбезопасности не знал об истинных намерениях Америки в Афганистане и о том, чем там занималось ЦРУ. Совершенно очевидно, что Андропов не мог не знать, что никакие ракеты к переброске в Афганистан не планируются и что «атомный проект» Пакистана проводится не с помощью афганских месторождений, а с помощью южноафриканских месторождений и научного потенциала ЮАР...

Я убежден, что Андропов блефовал сознательно. Являясь более чем информированным человеком, допущенным в высшую касту управления, он, поняв полное «обрусение» «красного проекта» и невозможность его «модернизации» в соответствии с изначальным планом, под который он и был когда-то создан, действовал по принципу «чем хуже — тем лучше», стремясь максимально ослабить СССР и перевести ситуацию в ту, которую в итоге спровоцировал один из его «подсоветных» М. С. Горбачев...»

Повторимся, что решение о вводе советских войск в Афганистан принимал узкий круг членов Политбюро. Под этим решением в тот исторический день 12 декабря подписались: Брежнев,

Андропов, Громыко, Устинов, Черненко, Пельше, Суслов, Кириленко, Гришин, Тихонов. На заседании присутствовал всего лишь один неголосующий кандидат в члены Политбюро — заведующий Международным отделом ЦК КПСС Борис Пономарев. Что касается отсутствующих членов Политбюро, то с ними ситуация выглядела следующим образом.

Косыгина, который все еще никак не мог оправиться после инфаркта, беспокоить вообще не стали. А вот трем другим членам копию документа отослали по месту их пребывания: Кунаеву в Алма-Ату, Щербицкому — в Киев, Романову — в Ленинград. Таким же образом информировали и кандидатов в члены Политбюро, в том числе и Шарафа Рашидова. А ведь он из всех перечисленных был наиболее осведомленным в этом вопросе человеком и прекрасно отдавал себе отчет, чем чревато вторжение войск в такую страну, как Афганистан. Вспомним, что на протяжении долгих десятилетий именно Узбекистан вел широкую дипломатическую работу в афганском направлении и Рашидов, который почти 30 лет находился в руководстве республики (со времен своего президентства), объездил Афганистан вдоль и поперек и был лично знаком со многими его руководителями. Однако советоваться с ним по вопросу ввода войск никто из кремлевского руководства не захотел, уведомив об этом лишь постфактум.

Впрочем, если принять за истину версию о том, что за этим решением стоял злой умысел советских глобалистов, которые были заинтересованы в том, чтобы помочь мировой закулисе (США и Израилю) взорвать и расколоть исламский мир (особенно после иранской революции 1979 года), то игнорирование мнения таких людей как Рашидов вполне объяснимо. Понятным становятся и последовавшие вскоре события, в том числе и рождение на свет пресловутого «узбекского дела», которое было продолжением того же раскола мусульманского мира уже в пределах СССР. Впрочем, об этом речь еще пойдет впереди.

Принимая решение о вводе войск в Афганистан, кремлевское руководство было уверено в том, что ни руководство среднеазиатских республик, ни тамошнее население не станет чинить этому препятствия или выражать какое-либо недовольство. Об этом же телеграфировал в США и американский посол в СССР Тун. Цитирую:

«Во время частных в последние месяцы поездок сотрудников посольства в советскую Среднюю Азию было обнаружено мало признаков недовольства. Среднеазиатские республики под советским руководством достигли значительного социального и экономического прогресса и имеют значительно более высокий жизненный уровень, чем соседние районы Афганистана...».

Поставленный перед фактом ввода советских войск в Афганистан, Рашидов и все узбекское руководство (как и руководство Таджикистана во главе с Джабаром Расуловым и Туркмении во главе с Мухамедназаром Гапуровым) вынуждено было впрягаться в эту проблему с головой. На территории Узбекистана еще летом был сформирован «мусульманский батальон» (отряд особого назначения ГРУ Генштаба) под командованием майора Х. Халбаева, который одним из первых вступил в действие — в первой декаде декабря он был передислоцирован в Баграм для охраны важных объектов.

Главным аванпостом Советского Союза в войне с Афганистаном суждено было стать узбекскому городу Термезу, что в Сурхандарьинской области. Именно оттуда 25 декабря в 15.00 по московскому времени начала переправу по понтонному мосту через Амударью и марш на Кабул 108-я мотострелковая дивизия Туркестанского военного округа (командующий Ю. Максимов), дислоцированная в Термезе. Одновременно с этим еще одна мотострелковая дивизия (5-я), но уже из Среднеазиатского военного округа, двинулась из Кушки (Туркмения), а по воздуху советско-афганскую границу пересекли самолеты военно-транспортной авиации с личным составом и боевой техникой 103-й воздушно-десантной дивизии, которая посадочным способом десантировалась на аэродром Кабула и Баграма. За 47 часов было совершено 343 самолеторейса. В оба города было доставлено 7700 человек, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов. Командующим 40-й армией, действующей в Афганистане, был назначен 1-й заместитель командующего Туркестанским военным округом (его управление располагалось в Ташкенте) генерал-лейтенант Ю. Тухаринов.

Первой акцией, которую осуществили советские войска стала операция 27 декабря под кодовым названием «Шторм-333» — штурм дворца Тадж-Бек, где находился Амин, и его последующее убийство (в операции были задействованы «мусульманский батальон», усиленный десантной ротой 345-го полка, спецгруппы КГБ «Гром» и «Зенит»). После этого власть в стране перешла к Бабраку Кармалю.

Первые потери в ходе афганской операции советские войска понесли практически с первого же дня. К 1 января 1980 года (то есть за шесть дней операции) потери составили 89 человек, из которых 10 были офицерами (большинство из них погибли

не в бою, а в самолете, рухнувшем на подлете к Кабулу). Вначале погибших вывозили в Ташкент (первый рейс сделал на АН-12 подполковник Александр Войтов). Эти перевозки были названы «груз 200», а потом прижилось другое — «черный тюльпан». В столице Узбекистана было похоронное бюро с таким названием, и кто-то, улетающий в Афганистан, перенес его на «пункты сбора и отправки тел погибшего личного состава» (так официально именовались морги).

Как известно афганская война продлится чуть больше девяти лет (до февраля 1989 года). Она унесет жизни 13 833 советских солдат и офицеров, среди которых русских было 6879 человек, украинцев — 2374, узбеков — 1067, белорусов — 611, казахов — 361, туркмен — 281, таджиков — 237, молдаван — 195, азербайджанцев — 195, киргизов — 102, армян — 98, грузин — 81, литовцев — 57, латышей — 23, эстонцев — 15.

Глава 33

НАКАНУНЕ ТРАГЕДИИ

Тем временем здоровье Брежнева стремительно ухудшалось и все, кто был подле него прекрасно понимали, что счет жизни Генсека идет на считанные годы. Вот как описывал тогдашнюю деятельность Брежнева его коллега по Политбюро, министр иностранных дел Андрей Громыко:

«Последние два-три года до кончины Брежнев фактически пребывал в нерабочем состоянии. Появлялся на несколько часов в кремлевском кабинете, но рассматривать назревшие вопросы не мог. Лишь по телефону обзванивал некоторых товарищей...

Состояние его было таким, что даже формальное заседание Политбюро с серьезным рассмотрением поставленных в повестке дня проблем было для него уже затруднительным, а то и вовсе не под силу...».

Однако, несмотря на свою прогрессирующую немощь, Брежнев не собирался уходить в отставку. И по-прежнему лично курировал главный рычаг управления — кадровый. Ни одно маломальски серьезное назначение в высших эшелонах власти не могло произойти без его ведома и согласия. Тем более назначение (или наоборот снятие) людей, которые входили в его команду. Так, когда Андропов продолжил наступление на клан Медунова (хозяина Краснодарского края) и довел до логического завершения «дело «Океан», Брежнев не стал возражать против расстрельного приговора заместителю министра рыбной промышленности, однако самого министра (Алексея Ишкова) пожалел — отправил на пенсию.

Самым активным образом Генсек занимался карьерным ростом своего зятя — Юрия Чурбанова. В феврале 1980 года именно по велению Брежнева тот был назначен 1-м заместителем министра внутренних дел СССР. С этого момента ни для кого уже не было секретом, что следующий должностной прыжок генсековский зять должен совершить непосредственно в кресло министра.

А вот другое кадровое решение — ввод в Политбюро в октябре 1980 года почти ровесника Чурбанова Михаила Горбачева (последний был старше 44-летнего генерала всего на 5 лет) — Брежнев провел при активном участии Юрия Андропова. Таким образом время между кандидатством и членством Горбачева составило минимальный срок — меньше одного года. Было чему позавидовать другим кандидатам, которые ходили в этом звании не годы, а десятилетия. Например, Шараф Рашидов на тот момент имел за своими плечами 19-летний кандидатский стаж, Петр Демичев — 16-летний, Михаил Соломенцев — 9-летний, Борис Пономарев — 8-летний, Гейдар Алиев — 4-летний, Василий Кузнецов — 3-летний, Эдуард Шеварднадзе — 2-летний.

Как пишет историк А. Шубин: «1979 год стал первым годом затяжного аграрного кризиса, на фоне которого удивительной кажется головокружительная карьера Горбачева, отвечавшего за состояние провального сельского хозяйства. Однако будущего Генерального секретаря защищал ряд обстоятельств. Во-первых, он стал человеком Андропова, карьерные успехи и поддержка которого играли гораздо большую роль, чем неудачи сельскохозяйственной политики Горбачева. Во-вторых, секретарь по сельскому хозяйству вовремя нашел «объективную причину» кризиса — «эксплуатация» со стороны промышленности и плохая работа министерств. Он предлагал выход и мог ссылаться на то, что его предложения пока не реализованы. В-третьих, кремлевские старцы понимали, что кризис имеет более глубокие причины, нежели деятельность секретаря ЦК. В-четвертых, неудачи объясняли погодой — 1979 год действительно выдался необыкновенно дождливым. И, наконец, в-пятых, Горбачев показал себя как энергичный руководитель...».

В это же время значительно возросли влияние и авторитет верного оруженосца Брежнева Константина Черненко. В ноябре 1978 года он стал членом Политбюро и заведовал (с 1965 года)

Общим отделом ЦК КПСС. Причем если до него этот отдел выполнял роль партийной канцелярии, то при Черненко он стал важным инструментом власти и органом управления партийным аппаратом. Ни один документ, даже самый секретный, не мог отныне миновать Общего отдела. Поэтому в конце жизни по всем кадровым вопросам (за редким исключением, вроде случая с Чурбановым) Брежнев прежде всего советовался с Черненко. Вот почему только руководитель Общего отдела имел возможность по нескольку раз в день встречаться с Генсеком.

Как и большинство лидеров страны, Рашидов прекрасно видел и понимал, что дни Брежнева сочтены. Догадывался он и о том, что после его смерти высшую элиту страны могут ожидать поистине тектонические сдвиги, поскольку ни для кого не было секретом, что перемены режиму необходимы как воздух. Другое дело какую форму примут эти перемены. И вот здесь все зависело от того, кого именно кремлевская элита приведет к власти.

Между тем 3—5 февраля 1981 года состоялся 20-й съезд КП Узбекистана — последний в жизни Рашидова. На нем произошли очередные кадровые перестановки в республиканском руководстве. Так, вместо внезапно скончавшегося буквально накануне съезда (1 февраля) члена Бюро, секретаря ЦК Юлдаша Курбанова (ему шел всего лишь 52-й год) в Бюро и секретариат пришел Ережеп Айтмуратов — председатель Совета министров Каракалпакской АССР. Из кандидатов в члены Бюро были выведены С. Султанова (кандидатский стаж с осени 1970 года) и Г. Орлов (кандидатский стаж с декабря 1971 года). Кандидатом в Бюро был избран 1-й секретарь Ташкентского горкома У. Умаров.

Полный состав Бюро выглядел следующим образом: Ш. Рашидов (1-й секретарь), Л. Греков (2-й секретарь), Н. Худайбердыев (председатель Совета министров), Т. Осетров (1-й заместитель председателя Совета министров), И. Усманходжаев (председатель Президиума Верховного Совета), А. Ходжаев (секретарь ЦК), Ю. Максимов (командующий Туркестанским военным округом), М. Мусаханов (1-й секретарь Ташкентского обкома), И. Анисимкин (секретарь ЦК), А. Салимов (секретарь ЦК), Е. Айтмуратов (секретарь ЦК); кандидаты в члены Бюро: Л. Мелкумов (председатель КГБ), К. Камалов (1-й секретарь Каракалпакского обкома), Н. Махмудова, У. Умаров.

Долгожителями Бюро являлись трое: Ш. Рашидов (с 1950 года), М. Мусаханов (с 1961-го) и И. Анисимкин (с августа 1964-го).

Из 17 заведующих отделами ЦК КП всего семеро были прежними: Т. Зинин (сельскохозяйственный отдел; возглавлял его с

1961 года), К. Таиров (общий; с 1971-го), Т. Умаров (управляющий делами; с 1971-го), В. Архангельский (административных органов; с 1976-го, а до этого пять лет возглавлял отдел пропаганды и агитации), А. Тураев (культуры; с 1976-го), В. Сускин (водного хозяйства; с 1976-го), И. Хуснутдинов (плановых и финансовых органов; с 1976-го).

Среди новичков значились: Т. Абдушукуров (пропаганды и агитации), А. Кучкаров (науки и учебных заведений), Х. Рахимов (информации и зарубежных связей), Б. Бугров (торговли и бытового обслуживания), Г. Кадыров (тяжелой промышленности и машиностроения), С. Асриянц (сельскохозяйственного машиностроения), А. Икрамов (легкой и пищевой промышленности), Г. Захритдинов (транспорта и связи), У. Атакулов (председатель партийной комиссии).

На должность заведующего одного из ключевых отделов — организационно-партийной работы (его называли мозгом партии) — Рашидов поставил Владимира Окунского, которого хорошо знал: тот долгие годы работал в отделе строительства Ташкентского горкома и участвовал в ликвидации последствий ташкентского землетрясения. Этому человеку Рашидов доверял, знал его деловые качества, поэтому надеялся, что и на новом посту тот не подкачает — сумеет справиться с большим объемом работы (на тот момент Компартия Узбекистана насчитывала в своих рядах более полумиллиона коммунистов).

Между тем съезд констатировал очередные экономические и политические успехи республики в завершающем году (1980) десятой пятилетки. В цифрах статистики это выглядело следующим образом. Национальный доход составил 15 миллиардов 857 миллионов 600 тысяч рублей и увеличился за год на 6,6%; валовой общественный продукт возрос на 6,4%. Капитальные вложения в народное хозяйство составили 5 миллиардов 340 миллионов рублей. В народном хозяйстве за счет всех источников финансирования были введены в действие основные фонды общей стоимостью 6 миллиардов 100 миллионов рублей. Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве составила 4 миллиона 100 тысяч человек.

Объем промышленного производства возрос по сравнению с 1979 годом на 6,6%. Были введены в действие 11 крупных промышленных предприятий. Продукция сельского хозяйства достигла отметки в 6 миллиардов 830 миллионов 100 тысяч рублей. Хлопка-сырца было произведено 6 миллионов 240 тысяч тонн, в том числе 357 тысяч 800 тонн тонковолокнистых сортов. Уро-

жайность «белого золота» составила в среднем по 33,2 центнера с гектара.

Выплаты и льгот населению из общественных фондов потребления в 1980 году составили 4 миллиарда 940 миллионов 600 тысяч рублей (возросли за год на 310 миллионов 600 тысяч рублей). Реальные доходы в расчете на душу населения увеличились за год на 3,3%. За счет средств государства, колхозов и населения в республике было построено 94,1 тыс. благоустроенных квартир и индивидуальных жилых домов общей площадью 6120 тыс. кв. метров. Жилищные условия улучшили 631 тысяча человек.

В 1980 году в Узбекистане работали 28 театров, в том числе 2 театра оперы и балета, 7 драматических, 11 театров музыкальной драмы и комедии, театр оперетты, Узбекский музыкально-драматический театр, 3 ТЮЗа и 3 кукольных театра.

На киностудии «Узбекфильм» было создано 6 полнометражных художественных фильмов, 3 двухсерийных телефильма, 7 мультипликационных. В республике действовали 3518 киноустановок государственной киносети (киносеансы посетили более 145 миллионов зрителей) и 1636 киноустановок профсоюзной сети (более 30 миллионов зрителей).

Отметим, что именно в 1980 году на «Узбекфильме» была снята лента, которая стала саммой кассовой за всю историю узбекского кинематографа. Но прежде, чем рассказать о ней, следует хотя бы вкратце коснуться проблемы кассового успеха узбекского кинематографа во второй половине 70-х.

К тому времени среднеазиатские киностудии уже пресытились «истернами» и переключились на выпуск лент о современности, а также исторических фильмов о далеком прошлом. Увы, но этот отход самым существенным образом сказался на посещаемости фильмов этих кинематографий — она стала падать. Не избежал этой участи и узбекский кинематограф. Несмотря на то, что качество его новых лент практически не снизилось, однако массового зрителя они почти не привлекали. В итоге во второй половине 70-х, несмотря на ряд весомых наград, которые узбекские фильмы завоевали на нескольких престижных кинофестивалях, ни одна из этих картин не смогла собрать даже 10 миллионов зрителей (необходимый порог для окупаемости ленты).

Так, фильм «Без страха» (1973) привлек в кинотеатры лишь 4 миллиона 200 тысяч зрителей, «Мой добрый человек» (1974) — 4 миллиона 900 тысяч, «Абу Райхан Бируни» (1975) — 5 миллионов 800 тысяч, «Человек идет за птицами» (1976) — 2 миллиона 100 тысяч, «Дом под жарким солнцем» (1978) — 2 миллиона 654

тысячи. Как вдруг в 1980 году случилась настоящая сенсация — на свет появился кассовый хит про Али-Бабу, не только вернувший «Узбекфильму» славу одной из кассовых киностудий страны, но и принесший ей невиданный доселе финансовый доход, перекрывший предыдущие почти вдвое.

По жанру это был фильм-сказка, но с откровенно голливудским уклоном — типичное подражание таким американским лентам, как «Седьмое путешествие Синдбада». Этот фильм в начале 60-х прокатывался в СССР и вызвал большой интерес у зрителей — его посмотрели почти 50 миллионов человек. В конце 70-х (а если быть точным, то с сентября 1977 года) фильм «прокатили» в стране еще раз. И хотя на этот раз его посмотрело меньше людей, однако общая цифра зрительской аудитории на этой картине составила в итоге 70 миллионов 100 тысяч зрителей, что позволило ему войти в тройку самых кассовых зарубежных фильмов советского проката.

Именно этот успех и вдохновил руководителей «Узбекфильма» создать картину, равную по своему коммерческому успеху «Синдбаду». В результате, помня, что в СССР большим успехом пользуются индийские фильмы, было решено снять такое кино, где произошло бы слияние жанров: музыкальная индийская мелодрама должна была соединиться с восточным фильмом-сказкой. Так на свет появилась картина Латифа Файзиева (председатель Союза кинематографистов УзССР) и Умеша Мехры из Индии «Приключения Али-Бабы и сорока разбойников», которая принесла неслыханный для фильма подобного жанра коммерческий результат: ее посмотрели 52 миллиона 800 тысяч зрителей (как мы помним, до этого самой кассовой лентой узбекских кинематографистов был детектив Равиля Батырова «в 26-го не стрелять» 1967 года выпуска, собравший во всесоюзном прокате 32 миллиона 900 тысяч зрителей). Кроме этого «Али-Баба...» был удостоен призов на Всесоюзном кинофестивале в Душанбе (1980) и Белграде (1981).

Весьма насыщенной была и музыкальная жизнь республики. Например, в таком популярном жанре как эстрада новых успехов добился вокально-инструментальный ансамбль «Ялла», песня которого «Учкудук» (Ф. Закиров — Ю. Энтин) стала всесоюзным шлягером и была включена в финальную часть популярного телевизионного конкурса «Песня-81» (концерт транслировался по ЦТ 1 января 1982 года).

Отметим, что «Ялла» тогда переживала второе рождение. Как мы помним, коллектив был создан в 1970 году и за эти годы за-

воевал устойчивый успех у жителей практически всех республик СССР. Однако во второй половине 70-х у ансамбля наступил творческий кризис. В итоге в 1979 году почти весь первый состав ансамбля покинул его и был набран новый. Из «стариков» в нем остался Фарух Закиров, а среди новичков были: Аббос Алиев, Рустам Ильясов, Алишер Туляганов, Джавлон Тохтаев. Именно этот состав и вернул «Ялле» ее былую популярность, спев песню про чудесный город, который вырос в пустыне — про Учкудук (с узбекского — три колодца).

В начале 80-х в Узбекистане значительно увеличилось время телевизионного вещания. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу телепрограмму хотя бы одного дня — субботы 14 февраля 1981 года:

«Восток»: 9.00 — «Время». 9.40 — Утренняя гимнастика. 10.05 — «АБВГДейка». 10.35 — Для вас, родители. 11.20 — Творчество народов мира. 11.50 — Больше хороших товаров. 12. 20 — Рассказы о художниках. 12.50 — 7-й тираж «Спортлото». 13.00 — Это вы можете. 13.45 — Народные мелодии. 14.10 — «Кладовая солнца». 15.00 — Сегодня в мире. 15.15 — Чемпионат мира по хоккею с мячом. СССР — Норвегия, 2-й тайм. 16.00 — «Очевидное-невероятное». 17.00 — «Малахитовая шкатулка» (мультфильм). 17.20 — Беседа политического обозревателя Ю. Летунова. 17.50 — Концерт народной артистки СССР Е. Образцовой. 18.35 — Беседа на международные темы политического обзревателя газеты «Правда» Ю. Жукова. 19.20 — Премьера фильма-спектакля Киевского театра имени Леси Украинки «Хозяйка». 21.30 — «Время». 22.05 — Концерт мастеров искусств. 23.20 — Новости.

ЦТ IV: 21.30 — Чемпионат СССР по хоккею: «Сокол» — «Крылья Советов». В перерыве (22.50) — «Спокойной ночи, малыши!». 23.45 — «Белгород» (телефильм).

Программа Узбекского ТВ: 9.55 — Программа передач. 10.00 — Новости. 10.10 — Телевизионный театр миниатюр. 10.55 — Научно-популярная программа. 11.25 — «Встреча с поэзией». 12.20 — «Человек и закон». 12.50 — Заключительный концерт победителей IV Республиканского конкурса скрипачей, альтистов и виолончелистов, 1-е отделение. 14.00 — «Шахматная школа». 18.15 — Программа передач. 18.20 — «Почти невыдуманная история» (мультфильм). 18.30 — «До-ре-ми-фа-соль». Музыкально-образовательная передача для школьников. 19.00 — Издательства Узбекистана — XXVI съезду КПСС. 19.30 — «Ахборот» (на русском языке). 19.45 — «В мире кино». 20.30 — «Ахборот». 20.50 — Классические песни в исполнении заслуженной артистки Узб. ССР Х. Кадыровой и А. Эркаева. 21.30 — «Время». 22.05 — Перспективным сортам хлопчатника — широкое применение. 22.25 — Конкурсная программа. Выпуск 4-й. 22.35 — «Футбол-81». Обозрение. 23.55 — Програма передач.

Программа Таджикского ТВ: 17.00 — 21.30.

Весьма насыщенной в те февральские дни была культурная жизнь столицы Узбекистана. Так, 15 февраля во всех крупнейших кинотеатрах Ташкента началась Всесоюзная премьера фильма Евгения Матвеева «Особо важное задание»; 17—18 февраля в концертном зале имени Я. Свердлова выступал актер московского Театра на Таганке Валерий Золотухин; 18—21 февраля в Республиканском Доме знаний играл для публики джаз-ансамбль «Аллегро».

Что касается героя нашей книги, то он без дела тоже не сидел: 16 февраля Рашидов вручил переходящее Красное Знамя ЦК КПСС руководству Ташкентской области, а спустя несколько дней был уже в Москве, чтобы принять участие в работе XXVI съезда КПСС. Выступление Рашидова на нем состоялось 24 февраля: руководитель Узбекистана поделился с собравшимися теми успехами республики, о которых речь у нас шла выше. О недостатках практически ничего не говорилось, поскольку партийные съезды давно уже превратились в мероприятия, где речь шла исключительно о достижениях.

Между тем недостатков в жизни республики (впрочем, как и всей страны) тоже хватало. Например, пусть медленно, но росла преступность, высыхал Арал, все чаще происходили перебои со снабжением республики зерном и мясом. Кстати, многие из этих проблем Рашидов обсудил во время работы съезда с Брежневым и тот обещал помочь. Однако надежды на то, что Генсек выполнит обещанное, было мало — в последнее время тот много чего обещал, но его аппарат затем заволокивал проблему, спуская все на тормозах. Во всяком случае, с Узбекистаном было именно так.

Например, еще на прошлом съезде партии (в 1976 году) было принято решение о начале грандиозного проекта о заборе и переброске части стока реки Обь в Среднюю Азию, но воз, как говорится, и ныне был там: различные ведомства всячески торпедировали эту идею. Причем в этом неприятии проекта сошлись в едином мнении как либералы, так и державники, а также... политики США и Турции, поскольку строительство канала не отвечало их геополитическим интересам в этом регионе.

Этот проект помог бы Узбекистану решить сразу несколько стратегических задач. В частности, республика получила бы новые инвестиции, размеры которых в начале 80-х начали существенно уменьшаться. Кроме этого, освоение очередных тысяч гектаров целины позволило бы резко нарастить производство сельскохозяйственной продукции, дать работу и жилье миллионам людей, был бы спасен Арал. От этого проекта выиграла бы вся страна: среднегодовая рентабельность канала (2320 км.) оценивалась в 7 миллиардов 600 миллионов рублей.

Тем временем противники проекта уверяли руководство страны, что его осуществление вызовет непредсказуемые изменения климата. По их мнению, проект таил в себе серьезные политические и экологические риски, которые вместе с крайней затратностью проекта (а общая сумма затрат равнялась 32 миллиардам 800 миллионам рублей), делали его не вполне жизнеспособным. По мнению сторонников проекта, изъятие мизерной доли стока Оби (в проекте канала шла речь о 3—4% от годового стока этой реки) никоим образом не угрожало экологии сибирского региона, зато позволило бы дать воду плодородным, но безводным землям, где можно было выращивать кукурузу на зерно и сою — столь необходимые для животноводства фуражные культуры. Кроме этого, проект мог значительно укрепить геополитические и экономические связи между республиками СССР. Однако, судя по всему, многим людям в высших сферах страны именно это укрепление связей и не было уже нужно. Помогать Средней Азии, которую многие в Центре называли «захребетницей», у этих людей большой охоты не было. Как пишет С. Кара-Мурза:

«В порядке лирического отступления замечу, как протекал день типичного интеллектуала — организатора кампании против «поворота рек». Утром, приняв хорошую ванну из переброшенной в Москву волжской воды, он садился писать статью или повесть, проклинающую водохранилища, а вечером надевал рубашку из хорошего узбекского хлопка и шел на собрание, где протестовал против проклятой административно-командной системы, загубившей Аральское море. При этом он никогда прямо не говорил: «Пусть узбеки не пьют воду и не умываются» или «пусть узбеки не выращивают хлопчатник, он нам не нужен». Этот интеллектуал — гуманист. И если бы кто-то попробовал лишить его ванны или хорошей рубашки, он поднял бы визг на весь мир. Ради этого можно и нужно перебрасывать воду и поливать хлопчатник, но сверх этого — ни-ни...».

Отметим, что в последние годы два проекта переброски части стока рек в СССР уже были осуществлены. Так, в 1962—1974 годах был построен канал Иртыш — Караганда, по которому за 458 километров вода Иртыша была подана в Караганду, Экибастуз, Темиртау (Казахская ССР). Еще по одному каналу вода Каховского водохранилища пошла в засушливую Таврию и на Крымский полуостров для виноградников, санаториев. Теперь должна была настать очередь Узбекистана, но у этого проекта оказалось слишком много противников, чтобы позволить ему осуществиться.

Рашидов воочию мог наблюдать с какой интенсивностью нарастает сопротивление этому проекту. Если на предыдущем съезде в 1976 году его противники отмалчивались, не осмеливаясь перечить Брежневу, то теперь у них прорезались голоса и свое недовольство они высказывали в открытую, не опасаясь навлечь на себя гнев Генсека. Впрочем, тот уже особенно и не возражал, больше озабоченный состоянием своего здоровья, чем каким-то проектом о переброске части северных рек в Среднюю Азию.

Поскольку Рашидов не был слепцом и всегда отличался умением мыслить стратегически, он не мог не видеть, что советский режим стоит на пороге серьезных испытаний. И дело было не столько в экономических трудностях, сколько в идеологических. Рашидов отлично знал историю и помнил как завершили свои дни великие империи, вроде Византийской, или более близкого ему Хорезмского царства. Многие столетия эти государства являли миру свое могущество, которое многим казалось несокрушимым. Однако внутренние противоречия, которые буквально раздирали тамошние высшие элиты, сыграли роль того самого червя, который исподволь подтачивал опоры обоих режимов. И внешнему врагу достаточно было нанести незначительный удар по этим империям, чтобы они рассыпались в прах. И нет теперь ни Византии, ни Хорезмского царства.

Советский Союз имел все предпосылки повторить судьбу этих государств, поскольку слишком много уязвимых мест появилось за последние десять лет на его некогда могучем теле. С тех пор как Брежнев согласился подписать Хельсинкские соглашения в 1975 году и особенно пакет документов из «третьей корзины» (гуманитарные проблемы), началась стремительная вестернизация советской идеологии, которая играла на руку «кремлевским глобалистам». К началу 80-х все большая часть населения огромной страны превращалась в откровенных апологетов западного образа жизни с его культом наживы. Особенно заметно это было в центральной части России, Прибалтике, на Украине и в Закав-

казье. Менее заметно — в республиках Средней Азии, где подавляющую часть населения составляли сельские жители, которые придерживались патриархальных традиций, и которым не был присущ радикальный национализм кавказцев и прибалтов.

Именно в прибалтийских и закавказских республиках капитализация экономики сопровождалась мощнейшим всплеском национализма. Это было связано со стремлением тамошних элит контролировать ресурсы своих территорий без участия союзных органов власти. В итоге за два последних десятилетия (1960—1980) развитие товарно-денежных отношений в республиках Прибалтики и Закавказья привело к появлению полулегального слоя коммерсантов, стремившихся найти поддержку со стороны властей республик. И они эту поддержку нашли, в результате чего в этих регионах сложился альянс части партийно-хозяйственной элиты, националистически настроенной интеллигенции и нарождающегося класса предпринимателей.

Читатель вправе спросить: а разве в том же Узбекистане не было подобного? Конечно, было. Но в меньшей мере, и это не сопровождалось всплеском оголтелого национализма и сепаратизма, когда республиканские власти где исподволь, а где и в открытую настраивали жителей своих республик против Центра, называя его оккупантом (как в Прибалтике) или кровососом (как в Закавказье). В Узбекистане ничего подобного не было — тамошняя высшая элита в большинстве своем была лояльна Центру, хотя в душе, конечно, могла его и не любить.

Повторюсь, что именно Узбекистан был одним из лидеров среди союзных республик по числу проживающих там русскоязычных жителей. И это было не случайно. Как верно пишет В. Казначеев: «Русская национальная психология, пожалуй, единственная, которая не только не исключает братство народов, но и подразумевает его. Только русские со своей врожденной толерантностью смогли скрепить гигантское евразийское пространство, не дать поглотить его активной капиталистической среде, постоянно требующей захвата новых колоний, получения дешевой рабочей силы и новых рынков сбыта».

В 1939—1979 годах численность русских в СССР выросла со 100 миллионов 391,5 тысячи до 137 миллионов 397 тысяч — то есть на 37%. В это же время в Узбекистане численность русских увеличилась с 727 тысяч 331 человека до 1 миллиона 666 тысяч — то есть на 129%. Таким образом рост опережал общесоюзные темпы примерно в 3 раза. Подобного никогда бы не удалось достичь, если бы в Узбекистане был распространен национализм, какой был присущ прибалтийским республикам или ряду закавказских.

Между тем трагедия среднеазиатских республик заключалась в том, что даже несмотря на свою лояльность и большой людской потенциал (а это почти 40 миллионов жителей), их руководителей Центр чаще всего держал на почтительном расстоянии от принятия важнейших государственных решений, предпочитая прислушиваться к мнению руководителей из Прибалтики и Закавказья. Их Центр считал более «цивилизованными» и более способными к тому, чтобы вести диалог с Западом. Чем завершился этот диалог, мы теперь хорошо знаем: именно прибалты и кавказцы первыми прокляли «братскую советскую дружбу» и переметнулись на сторону недавнего стратегического врага, став его самыми верноподданными служками.

Но вернемся в начало 80-х.

Нельзя сказать, что противники Рашидова как в самом Узбекистане, так и в Москве безучастно взирали на то, как он укрепляет свои позиции во власти. Так, в мае 1981 года председатель КГБ Узбекистана Левон Мелкумов, выступая на расширенной коллегии КГБ СССР, поднял вопрос о коррупции в республике. Отметим, что еще летом прошлого года в Узбекистане была предпринята попытка сместить Мелкумова с его влиятельного поста (в дело был пущен компромат как против него самого, так и против его супруги), однако Андропову удалось отстоять свою креатуру. И вот уже спустя год сам Мелкумов, при содействии все того же Андропова (а не самостоятельно, как утверждает либеральная историография) начал атаку на Рашидова (проблема коррупции была всего лишь удобным поводом для этой атаки). Эту акцию поддержало не только ведомство Андропова, но и союзная Прокуратура, во главе которой стоял ставленник Андропова Александр Рекунков (с февраля 1981 года, когда из жизни ушел прежний прокурор-брежневец Роман Руденко). Устроители этой атаки уже готовы были отправить в Узбекистан «десант», для того чтобы начать там серьезную кадровую чистку. Но занесенный над Рашидовым меч в очередной раз остановил Брежнев, который, как мы помним, по-прежнему зорко следил за полем битвы на кадровом фронте. Генсек продолжал ценить руководителя Узбекистана во-первых, как своего надежного союзника, во-вторых — как толкового руководителя одной из самых крупных республик в составе СССР.

Отметим, что, несмотря на прогрессирующую старческую немощь, Брежнев вынужден был иногда все же выезжать в респуб-

лики, дабы у населения и, главное, парт- и госэлиты не сложилось мнение, что он окончательно выпустил бразды правления из своих рук. Правда, подобных выездов с каждым годом становилось все меньше. Так, в 1981 году Генсек сделал это лишь дважды: в начале мая посетил Украину (отпраздновал там День Победы), после чего направил свои стопы в Грузию, где отмечалось 60-летие установления Советской власти (вторая половина того же мая). Естественно, везде Брежнева встречали по высшему разряду, хотя грузинское гостеприимство, конечно, оказалось куда более пышным, чем украинское. Как мы помним, Эдуард Шеварднадзе вообще был непревзойденным мастером лести среди всех республиканских секретарей и умел так пустить пыль в глаза, что даже у вполне адекватных людей порой терялось ощущение реальности (чего уж говорить о престарелом и больном Брежневе). Вот и в этот раз Генсек так расчувствовался, что неоднократно пускал слезу, причем не скупую мужскую, а самую что ни на есть обильную.

Между тем, несмотря на пышно отпразднованную дату, советской власти в Грузии оставалось все меньше, а вот национализма — все больше. Как напишет много позже журналист В. Марьян: «Национализм стал в Грузии всеохватным явлением. При внешнем флере интернационализма. А в реальности приоритет одной нации над остальными стал доминировать буквально во всем. В культуре, в образовании, при приеме на работу и продвижении по службе. К примеру, к 70-м годам в аппарате ЦК КП Грузии, где за два десятилетия до того работало немало русских, армян и представителей других национальностей, даже в машбюро их не стало. Чувство превосходства над другими стало внушаться грузинским детям с раннего детства. В передачах грузинского радио, в детских книжках их убеждали в том, что грузинская нация самая великая, самая героическая, самая красивая, самая талантливая и т. д. и т. п. В быту шовинизм стал проявляться в унизительных прозвищах инородцев...».

Брежнев, естественно, всего этого не видел, да и не знал, судя по всему. Во-первых, был нездоров, во-вторых — те, кому было положено ему об этом доложить, предпочитали этого не делать, чтобы не портить настроение своему старенькому патрону. Поэтому субсидии Грузии из Центра продолжали идти в таком же большом объеме, что и раньше, ставя эту республику в этом отношении чуть ли не на первое место среди остальных. Видимо, в Центре расуждали следующим образом: грузин (как и всех кавказцев) обижать не надо, поскольку они слишком вспыльчивы

и обидчивы. К жителям среднеазиатских республик применялся другой подход: дескать, они и без того лояльны Центру, зачем их еще и баловать? Чем обернулось такое задабривание, хорошо известно: именно с Кавказа в Центр и пришел сепаратизм, угробивший страну.

Тем временем весной 1982 года Брежнев совершил еще один вояж — на этот раз в Узбекистан. Официальной целью этой поездки было вручение республике ордена Ленина (пятого по счету, которого она была удостоена еще в 1980 году) и Шарафу Рашидову — ордена Октябрьской Революции. Отметим, что, учитывая здоровье Брежнева, ему сподручнее было бы не ехать в такую даль, а послать туда кого-нибудь из более молодых членов Политбюро. Но Генсек предпочел сам отправиться в Ташкент. Более того, на это мероприятие (вручение орденов) он собрал всех (!) руководителей среднеазиатских республик: Д. Кунаева (Казахстан), Т. Усубалиева (Киргизия), М. Гапурова (Туркмения), Д. Расулова (Таджикистан; отметим, что ровно через месяц последний скончается в возрасте 69 лет и на его место придет Рахмон Набиев, занимавший до этого пост председателя Совета Министров Таджикистана). Судя по всему, эта поездка Генсека не была случайной, а стала результатом тех событий, которые произошли в Москве за несколько месяцев до этого. Что же это за события?

После того, как с подачи Андропова (КГБ) и Рекункова (Прокуратура) летом 1981 года был приговорен к расстрелу заместитель министра рыбного хозяйства СССР Рытов и арестован другой крупный правительственный чиновник — заместитель министра торговли РСФСР Лукьянов, «днепропетровский» клан предпринял ответные действия: в ноябре был снят с должности курировавший эти дела начальник следственного отдела Генеральной прокуратуры В. Найденов. Одновременно с этим Щелоков (МВД) начал наступление на «бриллиантовую мафию», которую курировало ведомство Андропова. События на этом фронте борьбы были похожи на лихо закрученный детектив.

В поле зрения МВД давно попала популярная киноактриса Зоя Федорова, которая выполняла конфиденциальные поручения «бриллиантовой мафии». Однако трогать ее люди Щелокова не решались, зная, что она дружит с Галиной Брежневой. Однако в конце 1981 года это табу, видимо, было решено нарушить. Но эмвэдэшники опоздали: 10 декабря Федорова была застрелена неизвестным убийцей в своей квартире на Кутузовском проспекте. Тогда МВД предприняло новую попытку потревожить «бриллиантовую мафию». Накануне Нового года была ограблена кварти-

ра не менее знаменитой артистки цирка Ирины Бугримовой — у нее украли коллекцию бриллиантов. Это преступление дало повод МВД завести уголовное дело и начать активно «шерстить» чуть ли не всех «бриллиантщиков», находившихся под колпаком у чекистов.

Однако и противоположная сторона (КГБ) тоже не сидела сложа руки. Чтобы заблокировать следствие, чекисты предприняли арест любовника самой Галины Брежневой — певца Большого театра Бориса Буряце. Этот арест вызвал бурю негодования в близком окружении Генсека и привел к тому, что все расследования по «бриллиантовым делам» были приостановлены. В разгар этих событий случилась трагедия.

19 января 1982 года на своей даче в Усково застрелился заместитель Андропова генерал Семен Цвигун. Вполне вероятно, что это самоубийство было вызвано все тем же: противостоянием между Щелоковым и Андроповым. Видимо, Цвигун оказался между огнем с трех сторон (МВД, КГБ и семья Брежнева) и предпочел свести счеты с жизнью. Этим же, судя по всему, объясняется и то, что Брежнев отказался подписывать некролог на самоубийцу, видимо, посчитав, что покойный выбрал не «ту» сторону.

Тем временем спустя несколько дней грянула еще одна смерть: 25 января из жизни ушел главный идеолог страны Михаил Суслов (он умер в силу естественных причин — ему шел 80-й год). Кто займет его место, какое-то время было неизвестно, поскольку Брежнев колебался в своем выборе между несколькими людьми, в число которых также входили Константин Черненко, Юрий Андропов и ряд других лиц. Именно в этот момент Брежнев и отправился в Узбекистан.

Судя по всему, он хотел заручиться поддержкой среднеазиатских элит на предмет своих дальнейших действий. В его ближайшие планы входило приведение к власти в стране хозяина Украины Владимира Щербицкого (он должен был стать Генеральным секретарем), а себя он видел на посту Председателя ЦК (копия того, что было в Компартии Китая). Андропова Брежнев собирался убрать из КГБ и пересадить в кресло главного идеолога, а к руководству КГБ должен был прийти «варяг» — друг и соратник Щербицкого Виталий Федорчук (руководил КГБ Украины с 1970 года), который должен был в кратчайшие сроки провести чистки во вверенном ему ведомстве — убрать из него ставленников Андропова.

Поскольку у Щербицкого были плохие отношения с Рашидовым и натянутые с остальными руководителями среднеазиатских республик, Брежнев, видимо, хотел прозондировать почву на этот счет, лично встретившись со всеми руководителями среднеазиатских республик (отметим, что среди последних был один член Политбюро (Д. Кунаев) и один кандидат (Ш. Рашидов). Существует версия, что Брежнев собирался объявить последнему о том, что в ноябре на очередном Пленуме ЦК КПСС того введут в состав Политбюро, что было в общем-то закономерно, поскольку Рашидов ходил в кандидатах дольше всех — уже 21 год (своеобразный рекорд). Если бы это произошло, то мусульманское лобби в высшем кремлевском ареопаге выросло бы до двух человек. Но этого так и не случилось. Более того, эта поездка едва не стоила Генсеку жизни.

Судя по тем фактам, которые станут известны от очевидцев позднее, ЧП в Ташкенте было результатом случайного стечения обстоятельств. Однако, учитывая все перипетии той борьбы, которая тогда происходила в кремлевских верхах, есть вероятность того, что это могла быть спланированная акция тех сил в высшем советском руководстве, кто, обеспокоенный внезапной активностью Брежнева в деле передачи власти «не тому, кому надо», мог предпринять против него акцию устранения, убивая тем самым сразу двух зайцев: физически убрать как Брежнева, так и Рашидова (в случае, если последний остался бы жив, а первый погиб, то карьера хозяина Узбекистана наверняка была бы завершена сразу после ЧП).

О том, что же случилось в Ташкенте 23 марта 1982 года, рассказывает очевидец событий — личный телохранитель руководителя страны Владимир Медведев:

«В тот день по программе визита мы должны были посетить несколько объектов, в том числе авиационный завод. С утра, после завтрака, состоялся обмен мнениями с местным руководством, все вместе решили, что программа достаточно насыщена, посещение завода будет утомительным для Леонида Ильича. Договорились туда не ехать, охрану сняли и перебросили на другой объект.

С утра поехали на фабрику по изготовлению тканей, на тракторный завод имени 50-летия СССР, где Леонид Ильич сделал запись в книге посетителей. Управились довольно быстро, и у нас оставалось свободное время. Возвращаясь в резиденцию, Леонид Ильич, посмотрев на часы, обратился к Рашидову:

— Время до обеда еще есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас. Нехорошо... Возникнут вопросы... Пойдут разговоры... Давай съездим.

Гостеприимный Рашидов, естественно, согласился:

— Давайте, Леонид Ильич, давайте съездим.

Разговор зашел уже при подъезде к резиденции. Вмешался Рябенко (начальник охраны Брежнева. — *Ф. Р.*):

— Леонид Ильич, ехать на завод нельзя. Охрана снята. Чтобы вернуть ее, нужно время.

Брежнев жестко ответил:

— Вот тебе пятнадцать минут — возвращай охрану.

День стоял чудесный, ясный, мы вынесли из резиденции кресла, и Леонид Ильич с Шарафом Рашидовичем уселись на ярком солнце. Они беседовали о чем-то, Брежнев смотрел на часы, нервничал. Рябенко связался с местными руководителями госбезопасности, те стали звонить на завод. Прошло всего минут десять, не больше, Леонид Ильич не выдержал:

— Все, выезжаем. Времени на подготовку у вас было достаточно.

Колонна машин двинулась в сторону авиационного завода.

Мы знали, что принять все меры безопасности за такой короткий срок невозможно. Что делают в таких случаях умные руководители? Просят всех оставаться на рабочих местах. Пусть бы работали в обычном режиме, и можно было никого не предупреждать, что мы снова передумали и высокий гость все-таки прибудет. Здесь же по внутренней заводской трансляции объявили: едут, встреча — в цехе сборки. Все бросили работу, кинулись встречать.

Мы все-таки надеялись на местные органы безопасности: хоть какие-то меры принять успеют. Но оказалось, что наша, московская охрана успела вернуться на завод, а местная — нет. Когда стали подъезжать к заводу, увидели море людей. Возникло неприятное чувство опасности. Рябенко спросил:

— Давайте вернемся?

— Да ты что!

Основная машина с Генеральным с трудом подошла к подъезду, следующая за ней — оперативная — пробиться не сумела и остановилась чуть в стороне. Мы не открывали дверцы машины, пока не подбежала личная охрана.

Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников охраны с опозданием закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолеты, и расползались наверху повсюду, как муравьи. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Чувство тревоги не покидало. И Рябенко, и мы, его заместители, настаивали немедленно вернуться, но Леонид Ильич даже слушать об этом не хотел.

Мы проходили под крылом самолета, народ, заполнивший леса, также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, когда раздался вдруг скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка — во всю длину самолета и шириной метра четыре — под неимоверной тяжестью перемещавшихся людей рухнула!.. Люди по наклонной покатились на нас. Леса придавили многих. Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова, вместе с сопровождавшими они были накрыты рухнувшей площадкой. Мы, человека четыре из охраны, с трудом подняли ее, подскочили еще местные охранники, и, испытывая огромное напряжение, мы минуты две держали на весу площадку с людьми.

Люди сыпались на нас сверху, как горох.

...Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним — Володя Собаченко (телохранитель. — *Ф. Р.*). С разбитой головой. Тяжелая площадка, слава Богу, не успела никого раздавить. Поднимались на ноги Рашидов, наш генерал Рябенко, местные комитетчики. Мы с доктором Карасевым подняли Леонида Ильича. Углом металлического конуса ему здорово ободрало ухо, текла кровь. Помогли подняться Володе Собаченкову, сознания он не потерял, но голова была вся в крови, кто-то прикладывал к голове платок. Серьезную травму, как потом оказалось, получил начальник местной «девятки», зацепило и Рашидова.

Доктор Косарев спросил Леонида Ильича:

— Как вы себя чувствуете? Вы можете идти?

— Да, да, могу, — ответил он и пожаловался на боль в ключице.

Народ снова стал давить на нас, все хотели узнать, что случилось. Мы вызвали машины прямо в цех, но пробиться к ним не было никакой возможности. Рябенко выхватил пистолет и, размахивая им, пробивал дорогу к машинам. Картина была — будь здоров, за все годы я не видел ничего подобного: с одной стороны к нам пробиваются машины с оглушительно ревущей сиреной, с другой — генерал Рябенко с пистолетом.

Ехать в больницу Леонид Ильич отказался, и мы рванули в резиденцию. В машине Рябенко доложил Брежневу, что случилось, кто пострадал. Леонид Ильич, сам чувствовавший себя неважно, распорядился, чтобы Володю Собаченкова отправили в

больницу. У Володи оказалась содрана кожа с головы, еще бы какие-то миллиметры, и просто вытекли бы мозги.

Конечно, если бы мы не удержали эту тяжеленную площадку с людьми на ней — всех бы раздавило, всех, в том числе и Брежнева.

В резиденцию вызвали врачей из 4-го управления Минздрава, которые прибыли с многочисленной аппаратурой. Остальных пострадавших на машине «скорой помощи» отправили в больницу. Володя Собаченков очень скоро, буквально через час, вернулся из больницы с перебинтованной головой. Врачи осмотрели Леонида Ильича, сделали рентген и, уложив его в постель, уехали проявлять снимки.

Результаты предстали неутешительные: правая ключица оказалась сломана. К счастью, кости не разошлись.

Леонид Ильич отдохнул, пришел в себя, началось всеобщее обсуждение, сможет ли он завтра выступить с речью на торжественном заседании ЦК Компартии республики и Верховного Совета Узбекистана. Косарев и местные врачи настаивали прекратить визит и возвращаться в Москву. Но Брежнев ответил, что чувствует себя вполне прилично, а возвращение домой вызовет в народе массу ненужных кривотолков.

Утром следующего дня, 24 марта, состояние Брежнева ухудшилось. Врачи вновь просили его вернуться в Москву, и вновь он отказался, просил сделать все возможное, чтобы он смог выступить на праздничном торжественном заседании. Руку его укрепили на повязке.

На торжества он поехал. Перед выступлением повязку сняли. Встретили его овацией. Выступал больше часа! Надо отдать должное его выдержке, если хотите — мужеству. Он осторожно перелистывал страницы доклада, и из всего огромного зала только мы знали, что каждое мало-мальское движение руки вызывает у него нестерпимую боль.

Движения были скованные, речь заторможенная. Он был похож на человека, который накануне сильно выпил. Так думали не только многие телезрители или слушатели в зале, но и люди из ближайшего окружения Генерального. Нам не стеснялись задавать вопросы на эту неприятную тему. Каждому не объяснишь. Обидно...».

В тот день Брежнев прикрепил к Красному Знамени Узбекистана орден Ленина, а на следующий день вручил орден Октябрьской Революции Рашидову. Во время последнего мероприятия Генсек произнес довольно большую речь (учитывая происшедшее накануне), которую условно можно поделить на две части: хвалебную и критическую. Приведу несколько отрывков из обоих частей:

«...Руководить такой крупной партийной организацией, как Компартия Узбекистана, не простое дело (отметим, что по своей численности КП Узбекистана находилась на 3-м месте после РСФСР и Украины. — *Ф. Р.*). Для этого нужны немалый жизненный опыт и беззаветная преданность делу партии. Для этого необходимы талант организатора, умение критически оценить достигнутое, неугасимое чувство нового, воля и настойчивость в достижении поставленной цели. Необходимы хорошее знание людей и чуткость к людям.

Эти качества помогают товарищу Рашидову и всему руководству парторганизации Узбекистана обеспечивать успешный ход дел в республике.

Очень хорошо, товарищи, что коммунисты Узбекистана не останавливаются на достигнутом, а стремятся все время идти вперед, брать еще более высокие рубежи.

У вас сейчас развернулась напряженная работа, можно даже сказать — напряженная борьба за выполнение продовольственной программы, за ускоренное развитие животноводства.

Душой этого дела, как всегда, выступают Компартия республики, Бюро ЦК и, конечно, прежде всего первый секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС товарищ Рашидов.

Высокая награда Родины, которую он получает сегодня, — это и знак того, что партия и государство ждут от него новых значительных дел, ждут от коммунистов и всех трудящихся Узбекистана дальнейших побед в коммунистическом строительстве...».

Во второй части речи Брежнев сказал следующее:

«...Если говорить о вашей республике, то ведь только в прошлой пятилетке здесь введено в строй 67 крупных промышленных предприятий. Основные фонды и оборотные средства ныне превысили 53 миллиарда рублей. Это — огромное богатство, товарищи. Задача в том, чтобы как можно полнее и эффективнее его использовать.

В целом промышленность у вас работает устойчиво, обеспечивает плановые задания. Это хорошо, это мы приветствуем. Однако надо научиться использовать все резервы, а они у вас немалые.

Нельзя не заметить, что в прошлом году каждое четвертое предприятие не выполнило план реализации продукции с учетом обязательств по поставкам. Они недодали продукции более чем

на 400 миллионов рублей. А ведь ее ждут предприятия-смежники в различных районах страны.

В таких отраслях, как химическая, легкая промышленность, строительных материалов, слабо используются производственные мощности.

Серьезным вопросом для вас является рост производительности труда. В 1981 году за счет этого фактора получено лишь 56 процентов прироста промышленной продукции. Надо, товарищи, и трудовую дисциплину подтягивать, и лучше использовать достижения науки и техники. А ведь у вас пока что внедряется в производство немногим более половины научных разработок, передаваемых народному хозяйству...

Высоких показателей достигли хлопкоробы. Особенно важно, что рост производства хлопка обеспечен главным образом за счет повышения урожайности (в 1981 году Узбекистан рапортовал о сдаче государству 6 млн. 02 тыс. тонн хлопка. — *Ф. Р.*). Она у вас выросла за пятилетие на 5 центнеров с гектара и достигла в 1980 году 33,3 центнера.

Конечно, и в хлопководстве у вас есть еще немалые резервы. Особую заботу надо проявить о качестве хлопка-сырца. Я знаю, что кое-кто снижение его качества относит за счет машинной уборки. Безусловно, добиваться высокой сортности сырца при ручной уборке проще. Но ведь ясно, что возврата к ней быть не может.

Поэтому нужно искать другие пути: строже соблюдать оптимальные сроки агротехнических работ, технологию машинного сбора. Словом, надо научиться и при полной механизации возделывания хлопка получать сырье высокого качества... (отметим, что если в 1980 году было произведено 357, 8 тыс. тонн тонковолокнистых сортов хлопка, то в следующем году уже 387, 4 тыс. тонн. — *Ф. Р.*)...

Теперь о животноводстве... Надо прививать руководителям и всем труженикам села такое же ответственное, и я бы сказал, любовное отношение к животноводству, как и к возделыванию хлопка.

В этом, по-моему, есть настоятельная необходимость. Судите сами: до сих пор более трехсот совхозов и колхозов республики не имеют коров, а двести семь хозяйств вообще не держат крупного рогатого скота. Это вам не к лицу.

Сейчас многие промышленные предприятия, откликнувшись на призыв партии, организуют подсобные хозяйства для улучшения снабжения продуктами питания своих коллективов. А какую

же оценку можно дать тем руководителям колхозов и совхозов, которые, имея землю, орошаемые угодья, не желают участвовать в пополнении ресурсов крайне нужной продукции? Центральному Комитету и партийным организациям республики надо разобраться в этом повнимательнее.

Мы всегда ставим Узбекистан в пример по эффективному использованию поливного гектара, особенно на посевах хлопчатника. И все же, если взять посевы кормовых культур, то здесь картина не столь отрадна...».

Во второй половине того же дня 25 марта Брежнев и сопровождающие его лица улетели в Москву. Это было последнее посещение Брежневым Узбекистана. Жить Генсеку оставалось всего семь с половиной месяцев. Но за это время произошли важные события.

Спустя месяц после возвращения Брежнева из Узбекистана его клан повел атаку на западников в верхах: затеял «дело международников» (были возбуждены уголовные дела по обвинению в антисоветской деятельности двух сотрудников Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Как мы помним, это учреждение было переполнено глобалистами, которые группировались вокруг директора института Николая Иноземцева. Затевая указанные выше уголовные дела, разработчики этой акции собирались разворошить это «осиное гнездо» — сместить Иноземцева и всех его ставленников. Далее в планах брежневцев было наступление и на другие прозападные учреждения: Институт США и Канады, Институт системных исследований и др.

Однако операция удалась лишь наполовину. Директор ИМЭМО и в самом деле был устранен (он умер от инфаркта), однако большинство его креатур в институте удержались на своих местах, да и само директорское кресло долгое время (целый год) оставалось вакантным. Заглохла и атака на другие прозападные институты, поскольку неожиданная смерть Иноземцева позволила глобалистам использовать ее как рычаг давления на Брежнева (тот с молодости был человеком сентиментальным, а к старости эта черта в его характере стала доминирующей, чем часто пользовались многие).

Отметим, что шеф КГБ Юрий Андропов во время атаки на ИМЭМО вынужден был занять нейтральную позицию, поскольку его собственные позиции во власти на тот момент были неустойчивыми. А вскоре — на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 24 мая — он был избран секретарем ЦК по идеоло-

гии и вынужден был покинуть Лубянку. Вместо него туда пришел «варяг» с Украины Виталий Федорчук. В конце ноября должен был состояться еще один Пленум ЦК, на котором Брежнев планировал сложить с себя полномочия Генсека и отдать бразды правления хозяину Украины Владимиру Щербицкому, а сам собирался стать Председателем ЦК. Но 10 ноября Леонид Брежнев скончался. И верх в итоге взяла группировка Андропова, назначившая именно его Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Как напишет чуть позже помощник М. Горбачева Валерий Болдин: «После Пленума ЦК, избравшего Андропова Генсеком, Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его. А вечером, когда я зашел к нему с документами, не удержался и сказал:

— Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают».

Часть III
СПРЯТАННАЯ ПРАВДА

Глава 34

ГЛОБАЛИСТЫ ИЗ КРЕМЛЯ

Получив бразды правления в свои руки, Андропов начал стремительное наступление на «днепропетровский клан» и его союзников. Первое, что он сделал — провел эффектную двухходовку: уже в декабре отстранил от власти министра внутренних дел СССР Николая Щелокова, а на его место поставил Виталия Федорчука, удалив его со своей вотчины — с Лубянки. Судя по всему, Андропов был бы рад отправить Федорчука вслед за Щелоковым — в отставку, но поскольку тот тоже был ставленником «днепропетровцев», а они вряд ли бы согласились со столь масштабными рокировками, поэтому новый Генсек решил «поиметь с паршивой овцы хотя бы клок»: отправил Федорчука чистить «авгиевы конюшни» в другом ведомстве — в МВД. А председателем КГБ Андропов назначил Виктора Чебрикова: тот хоть и был родом из Днепропетровска, однако считался преданным ему человеком. Отметим, что Чебриков с 1967 года заведовал в КГБ кадрами и все рокировки в республиканских «комитетах» проходили при его непосредственном участии, что позволяло ему хорошо знать обстановку на местах.

Весьма оперативно Андропов назначал своих людей и на другие должности. Так, на Пленуме ЦК в ноябре он убрал из Политбюро некогда одного из самых верных брежневцев Андрея Кириленко (на тот момент тот уже был явно нездоров) и ввел в высший кремлевский ареопаг своего коллегу-чекиста, бывшего 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана Гейдара Алиева, назначив его также 1-м заместителем председателя Совета Министров СССР. На том же Пленуме была произведена еще одна кадровая ротация — секретарем ЦК был назначен опытный хозяйственник Николай Рыжков (до этого он три года работал в должности 1-го заместителя председателя Госплана СССР).

Два последних назначения были неслучайны: судя по всему, Андропов собирался с помощью этих людей начать поворот советской экономики в сторону ее окончательной капитализации. Вот почему в планах Генсека значилось скорое устранение престарелого Николая Тихонова с поста премьера и назначение на этот пост Алиева, который у себя в Азербайджане давно пытался совместить социализм с капитализмом.

В начале следующего года Андропов вызвал из Ленинграда в Москву 1-го секретаря тамошнего обкома, члена Политбюро Григория Романова и доверил ему курировать оборонную промышленность. Эта рокировка тоже была не случайной. Андропов знал о давней вражде Романова с хозяином Москвы Виктором Гришиным и, сам испытывая к последнему не самые теплые чувства, собирался заиметь в его лице еще одного союзника в деле борьбы с Гришиным. Под последнего, кстати, Андропов начал «копать» еще до перевода Романова, когда в конце 81-го отдал команду КГБ начать «трясти» торговую мафию в Москве (первой жертвой этой чистки стал директор престижного Елисеевского гастронома Юрий Соколов, арестованный прямо в своем рабочем кабинете).

Параллельно с этим Андропов «закручивал гайки» и во внешней политике: вошел в жесткий клинч с новым президентом США (с января 1981) Рональдом Рейганом. Уже тогда многие историки отметят, что подобного клинча в отношениях двух супердержав не наблюдалось давно — со времен «карибского кризиса» 1962 года. Для большинства аналитиков на Западе это поведение Андропова выглядело странным, поскольку там его почему-то всегда считали либералом. Однако эта странность, видимо, объяснялась тем, что Андропов, будучи «кремлевским глобалистом» и давно мечтавшим о конвергенции (схождении) советской и западной систем, просто хотел подороже продать «красный проект». То есть не сдаться на милость Западу, как это сделает чуть позже Горбачев, а именно не задешево продаться. Победить Запад Андропов вряд ли рассчитывал, поскольку к тому времени стало уже окончательно понятно, в какую ловушку тот заманил СССР. Как пишет В. Шапинов:

«Нефтяной кризис 1973 года привел к резкому удешевлению кредита, в развитых странах теперь кредит дают под процент, который только-только превышает инфляцию, а иногда дают и под такой процент, который перекрывается инфляцией. Инфляция во время кризиса и правда резко подскочила во всех странах капиталистического «центра». Низкие процентные ставки были не

жестом «доброй воли» со стороны банкиров, а жесткой необходимостью — спад производства не позволял эффективно вкладывать деньги, и они остались бы мертвым грузом, если бы не отдавались «в рост».

Эти дешевые кредиты пользовались очень большой популярностью не только в странах «третьего мира», но и у социалистических стран. Кредиты очень часто брались под экономически плохо просчитанные проекты, которые затем провалились...

Однако, когда нефтяные цены стабилизировались, а пик кризиса миновал, процентные ставки по кредитам вновь поползли вверх. Дешевые кредиты оказались очередной порцией бесплатного сыра, располагавшегося в империалистической мышеловке. Внешний долг социалистических стран стремительно рос. К 1981 году долги Польши выросли до 24 миллиардов долларов, Советского Союза — до 12,4, ГДР — 12, Румынии — 9,8, Венгрии — 6,9. Социалистические страны предпринимают отчаянные попытки сократить задолженность. Но приходится сократить инвестиции в собственную экономику, замедлился рост уровня жизни, а кое-где и вовсе начал снижаться, перестал работать брежневский механизм «компенсации»...

Отказавшись в 1960-е годы от движения к коммунизму, руководство СССР вынуждено было «компенсировать» этот отказ от социального развития развитием потребления населения, фактически — подкупом. Но когда этот механизм перестал работать, «назад» (к коммунизму) пути уже не было и советской бюрократии ничего другого не оставалось, как реставрировать капитализм...».

Войдя в клинч с Америкой, Андропов в то же время пытался перекинуть «мосты дружбы» в Западную Европу. При нем начал функционировать газопровод Сибирь — Европа, а также готовилось соглашение о поставках из Сибири сжиженного угля. Все это ясно указывало на то, что СССР окончательно превращается в сырьевой придаток западной экономики, вроде Кувейта или Нигерии. Причем советское сырье продавалось на Запад по весьма дешевым ценам, в том числе и золото, значительная часть которого добывалась на территории Узбекистана.

Без сомнения, что найти общий язык с Западной Европой Андропову было значительно легче, чем с США, поскольку, как мы помним, именно Андропов и люди из его близкого окружения (группа помощников, а также сотрудников Международного отдела ЦК КПСС) еще в конце 60-х наладили контакты с, так называемым, Римским клубом — влиятельной организацией, оп-

ределявшей направления западной геополитики и сплотившей вокруг себя не только наиболее серьезных иностранных аналитиков, но и самых влиятельных политиков, а также теневых кардиналов мировой власти. Судя по всему, «римляне» давно «вели» Андропова как своего человека, создавая всеми возможными способами (в том числе и с помощью СМИ) ему на Западе имидж либерала и западника. Причем даже в самые, казалось бы, мрачные годы разгула КГБ (например, когда он в начале 70-х нанес удары по диссидентскому движению), западные СМИ продолжали петь осанну Андропову, называя его самым адекватным и умным членом советского Политбюро.

Некоторые историки до сих пор придерживаются мнения, что, идя на сближение с Западом, Андропов тем самым пытался спасти СССР от окончательного поражения в «холодной войне». Например, историки М. Калашников и С. Кугушев пишут следующее:

«В конце 1970-х годов Андропов из особо приближенных лиц создал замкнутую, своего рода тайную организацию внутри КГБ СССР по образцу то ли оруэлловского Братства, то ли на манер народовольческого подполья, то ли в духе масонской ложи. Сам он общался с несколькими избранными, ближайшими соратниками. Они, в свою очередь, имели по пять — семь «завербованных» каждый. Те же, в свою очередь, становились главами своих пятерок. И так далее. Получалась пирамидальная иерархическая структура, разбитая на пятерки, незнакомые между собой. Взаимодействие шло только через руководителей некоей «ложи» внутри уже аморфной компартии и постепенно костенеющего Комитета госбезопасности.

По свидетельству нашего источника, входившего в круг близких Андропову людей, никто из сторонников сближения с Римским клубом и зарубежными центрами реальной власти не входил в состав этой сети. С другой стороны, сеть особо тесно взаимодействовала с теми подразделениями КГБ, которые занимались финансовыми операциями с Западом, создавали сеть фирм, компаний, банков, финансирующих и реализующих цели и программы Комитета государственной безопасности. Одновременно Андропов оказал поддержку ЦК ВЛКСМ по созданию центров научно-технического творчества молодежи — первых предпринимательских структур в России, возникших в начале 1980-х...

Еще одним свидетельством стала разработка операции «Невод» по целенаправленному созданию финансовой сети в Европе и Америке, которая могла бы не только обслуживать нужды

разведки, но и нацеливалась на экспансию, на захват наиболее быстрорастущих и перспективных инвестиционных финансовых структур Западного мира. Все это были элементы плана, которым хотели обеспечить устойчивую финансовую базу для разгромленного, но, по мысли Андропова, непобежденного русского, советского, национального проекта...».

Как мы теперь знаем, создать непобедимый проект команде Андропова не удалось. Да и вряд ли это было возможно, учитывая то, на кого в первую очередь решил опереться новый Генсек — на либералов-западников, которые давно ждали своего часа начать в стране рыночные реформы по образцу тех, что, к примеру, проходили в Югославии. Там еще в конце 60-х начали строить «рыночный социализм», который был ничем иным, как ползучей реставрацией капитализма. Югославы активно внедряли в свою экономическую политику идею самоуправления на предприятиях, что, якобы, должно было ликвидировать отчуждение труженика от средств производства. На самом деле все вышло наоборот: в стране появилась легальная безработица, поскольку директора предприятий с легкостью стали избавляться от «нерадивых» рабочих. В итоге уже в середине 70-х число безработных в Югославии достигло 300 тысяч. Тогда югославское партийное руководство пошло еще дальше: разрешило своим рабочим уезжать в поисках работы на Запад. После чего около 500 тысяч югославских граждан нанялись только в Западную Германию. Всего же более 800 тысяч рабочих из СФРЮ было отстранено от процесса производства у себя на родине и «горбатилось» на господ-капиталистов (напомню, что в СССР югославский экономический опыт активно перенимался в Армении).

Придя к власти, Андропов не случайно сразу заговорил о положительном в югославском опыте, и в частности — о самоуправлении на предприятиях. Услышав этот сигнал нового Генсека, тут же зашевелились его адепты в академических кругах. Так, в недрах Сибирского отделения АН СССР группой экономистов под руководством Абеля Аганбегяна и Татьяны Заславской был подготовлен обстоятельный доклад, в котором делался вывод о том, что «советское общество представляет отныне устаревшую систему производственных отношений и управления народным хозяйством, порождающую постоянный спад производства, постепенную утрату заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, неспособность обеспечить полное и адекватное использование трудового и умственного потенциала общества...».

Отметим, что этот документ стал тут же достоянием гласности на Западе, что, конечно же, не случайно: без сомнения, что без помощи КГБ здесь не обошлось и цель у этой акции была одна — прозондировать реакцию Запада на данную концепцию экономического развития СССР. Запад отреагировал немедленно, причем, положительно. Как писал уже хорошо известный нам западногерманский коммунист и историк В. Диккут:

«Секретная новосибирская статья вызвала настоящую сенсацию на Западе. Заславская показала антинародный характер горбачевской реформы гораздо более открыто, чем сам Горбачев в своих будущих речах. Неукротимым презрением к рабочим массам веяло от документа Заславской и К°. Цель всей этой линии рассуждений, представленных в документе, состояла в том, чтобы представить рабочий класс как главное препятствие прогрессу и оправдать наступление на рабочих...».

Впрочем, атаке должны были подвергнуться не только рабочие, но и другие категории населения СССР. Как писалось в том же «новосибирском документе»: «Необходимо мобилизовать заинтересованные в изменениях группы и одновременно нейтрализовать группы, потенциально выступающие против реформ». Поскольку под провозглашенными андроповцами реформами понималась капитализация советской системы, то в разряд «заинтересованных» попали те, кто их всячески поддерживал, а в разряд противников — все, кто мог выступать против них. По этому поводу приведу один весьма симптоматичный пример.

Как мы помним, еще в бытность Генсеком Брежнева (в апреле 1982 года) его единомышленники повели атаку на советских западников из такого влиятельно учреждения, как Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и планировали очистить от глобалистов и другие влиятельные учреждения: Институт США и Канады, Институт системных исследований и др. Однако эта атака заглохла в самом начале, а потом и вовсе сошла на нет после смерти Брежнева. В результате в мае 1983 года уже новый Генсек — Юрий Андропов — назначил новым руководителем ИМЭМО вызванного из Канады Александра Яковлева — будущего разрушителя СССР. А Георгий Арбатов, как и другие западники из высших сфер, так и остались при своих должностях. Зато началась атака на представителей самой лояльной Москве элиты — узбекистанской, а также массированный разгром органов МВД по всей стране.

Последняя «реформа» была скорее похожа на целенаправленный развал ведомства, игравшего одну из ключевых ролей в

обществе, чем на его реформирование. По приказу Андропова его люди, под видом борьбы с коррупцией в среде сотрудников МВД, выгнали на улицу тысячи профессионалов, которые десятилетиями стояли на страже законности. И, отметим, не плохо стояли, о чем наглядно свидетельствовал уровень преступности в СССР, который для почти 300-милионной страны был не самым высоким (настоящий обвал преступности начнется именно в годы горбачевской перестройки).

Была ли в органах МВД коррупция? Естественно, была, в том числе и в высших его эшелонах. Однако, судя по всему, для Андропова это был всего лишь удобный повод для того, чтобы как можно сильнее ослабить своего вечного конкурента. Ведь и за самим КГБ водилось множество грешков: к примеру, та же коррупция, предательство сотрудников и т. д. Да и Андропов, если сравнивать его с Щелоковым, тоже был далеко не безгрешный ангел. Впрочем, разве можно оставаться таковым, на посту председателя Комитета государственной безопасности? Как мы теперь знаем, Андропов отдавал разные приказы, в том числе и на физическую ликвидацию людей (например, теперь широко известна история с убийством болгарского диссидента Георгия Маркова в 1978 году, но сколько еще подобных историй остались неизвестными для широкой общественности?).

Чистки в МВД, затеянные Андроповым и его людьми, помогли КГБ занять еще более прочные позиции во властных структурах, чего, судя по всему, и добивались авторы этой «реформы». А то, что ситуация с преступностью в стране от этого только усугубилась, реформаторам, видимо, было наплевать — все недостатки они все равно собирались списать на милицию, на тех честных трудяг, кто продолжал работать на «земле».

Реальной оценкой андроповских реформ может служить развал СССР, к которому КГБ непосредственно приложил руку. Ведь нелепо утверждать, что самое информированное и наименее коррумпированное учреждение в стране (по мнению либеральных историков) попросту прошляпило развал огромной державы. Ведь еще в 1977 году лично Андропов направил в Политбюро секретную записку о том, что в стране имеются, так называемые, «агенты влияния» — высокопоставленные деятели из среды парт— и госаппарата, а также интеллигенции, которые где по неведению, а где по прямому умыслу работают на Запад. Политбюро эту записку проигнорировало. Но что стоило Андропову, этому мастеру политической интриги, на свой страх и риск провести несколько разоблачительных операций против «агентов

влияния» (арбатовых, яковлевых и т. д.) и вывести их на чистую воду, дабы другим неповадно было? Ведь смог же он таким же способом затеять тогда же (в конце 70-х) дело «Океан». Почему же он не тронул «агентов влияния»? Не потому ли, что они волновали его гораздо меньше, чем конкуренты из медуновского клана? Ведь это были агенты западного влияния, которого сторонник конвергенции либерал Андропов вовсе не боялся, а считал даже плодотворным.

На момент прихода к власти Андропова (ноябрь 1982) в Политбюро, помимо него, входило еще 11 человек: А. Громыко (министр иностранных дел), Д. Устинов (министр обороны), К. Черненко (заведующий Общим отделом), В. Гришин (1-й секретарь МГК), Г. Романов (1-й секретарь Ленинградского обкома), А. Кириленко (секретарь ЦК), А. Пельше (председатель Комитета партийного контроля), Д. Кунаев (1-й секретарь ЦК КП Казахстана), Н. Тихонов (председатель Совета Совета Министров), В. Щербицкий (1-й секретарь ЦК КП Украины), М. Горбачев (секретарь ЦК по сельскому хозяйству). Восемь человек были кандидатами в члены Политбюро: Ш. Рашидов (1-й секретарь ЦК КП Узбекистана), Г. Алиев (1-й секретарь ЦК КП Азербайджана), П. Демичев (министр культуры), Т. Киселев (1-й секретарь ЦК КП Белоруссии), В Кузнецов (1-й заместитель председателя Президиума Верховного Совета), Б. Пономарев (заведующий Международным отделом), М. Соломенцев (председатель Совета Министров РСФСР), Э. Шеварднадзе (1-й секретарь ЦК КП Грузии).

Как мы помним, первое, что сделал Андропов, придя к власти, — убрал из Политбюро А. Кириленко и ввел туда Г. Алиева. Затем в течение полугода в силу естественных причин (от смерти) высший кремлевский ареопаг покинули еще два человека: хозяин Белоруссии Т . Киселев (умер 11 января 1983) и председатель КПК А. Пельше (умер 29 мая). Новым кандидатом в члены Политбюро был избран В. Воротников, которого Андропов назначил председателем Совета Министров РСФСР, а бывший российский предсовмина М. Соломенцев (он же кандидат в члены Политбюро) был назначен на место Пельше — председателем КПК.

Параллельно с этим Андропов мостил дорогу в Политбюро и другим своим выдвиженцам: Н. Рыжкову и Е. Лигачеву (стали секретарями ЦК). Именно последний, возглавив вместо И. Капитонова (руководил с 1965 года) Отдел организационно-партийной работы (партийные кадры), и был одним из организаторов всех партийных пертурбаций андроповского (да и постандроповского тоже) периода. Отметим, что до этого Лигачев почти 20 лет (с

того же 1965-го) возглавлял Томский обком и, по мысли Андропова, почти не был связан ни с какими московскими кланами.

Учитывая, что в состав Политбюро входили пятеро руководителей республиканских партийных организаций (Рашидов, Кунаев, Шеварднадзе, Алиев и Щербицкий), зададимся вопросом: почему Андропов и его люди ополчились именно на Рашидова и его вотчину? Не потому ли, что в памяти глобалистов еще были свежи телодвижения Брежнева, который на закате своей жизни стал активно искать опору именно в среднеазиатских мусульманских элитах? Буквально накануне своей смерти (если точно — то за семь с половиной месяцев) Генсек ездил в Узбекистан, где собрал всех руководителей среднеазиатского региона. А буквально за полтора месяца до своего ухода в мир иной Брежнев посетил еще одну мусульманскую республику — Азербайджан. Не было ли это связано с желанием руководителя страны и его сторонников наконец опереться на мусульманский центр силы, вместо прежнего — кавказско-еврейского (глобалистского)? Не понял ли престарелый Генсек на закате своей жизни, что именно мусульманство может стать одной из главных державных скреп для советского государства? Ведь еще Александр Невский произнес по этому поводу крылатую фразу: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Были и другие высказывания на этот счет. Например, архиепископ Дмитрий (Абашидзе), одно время возглавлявший Туркестанскую епархию, отмечал: «Мусульмане всегда были верными подданными Российской державы».

Увы, но эти задумки Брежнева так и не успели вылиться во что-то серьезное. В итоге, если у кавказцев и украинцев по-прежнему были весьма сильные позиции в кремлевских верхах, то у мусульман такого мощного прикрытия не оказалось. Из двух представителей среднеазиатского региона для атаки был выбран именно Рашидов, поскольку его статус был ниже, чем у Кунаева (тот был членом Политбюро). Однако и другие мусульмане — Кунаев и Алиев — недолго будут неприкосновенными: их очередь придет вскоре после Рашидова — при Горбачеве.

Судя по всему, посредством «узбекского дела» глобалисты из Кремля преследовали цель подчинить себе и расчистить плацдарм для капитализации Узбекистана, а через него и всей Средней Азии. Они не ставили целью подчинить себе, к примеру, не менее коррумпированные республики Закавказья, поскольку те уже давно были капитализированы и выступали союзниками «кремлевских глобалистов». Жертвой должен был стать Узбекистан, который долгие десятилетия был не только одним из центров му-

сульманского населения СССР (более 90% жителей там составляли мусульмане), но и одним из региональных лидеров азиатского региона. «Кремлевские глобалисты» собирались не только произвести смену элит: поменять интернационалистов на капиталистов (замена из разряда тех, которые произошли десятилетие назад в Закавказье), но и привести мусульманский регион (один из самых густонаселенных и трудоспособных) в такое состояние, которое позволило бы эксплуатировать его население, что называется, «по-черному» (то бишь по-капиталистически).

Кроме этого, сюда был примешан и внешнеполитический фактор — радикализация исламского мира после революции в Иране в 1979 году. Эта радикализация крайне напугала мировых глобалистов, которые увидели в исламе главное препятствия для будущей глобальной перекройки мира. «Кремлевские глобалисты» прекрасно это поняли и внесли свою лепту: начали войну в Афганистане.

Рашидов давно раздражал «кремлевских глобалистов». Во-первых, тем, что был слишком умен, во-вторых — что смог не разменять свой авторитет в республике на медяки. К тому же он становился все более активным противником войны в Афганистане. Он ведь с самого начала отдавал себе отчет какими проблемами это вторжение грозит советским мусульманским республикам: тут и активизация националистических группировок, появление наркотрафика и т. д. Однако он, как и многие в Политбюро, полагал, что вторжение будет недолгим: ведь, как заявляли поначалу силовики, советские войска не станут долго задерживаться в Афганистане и, после оказания помощи новому правительству в разгроме оппозиции, покинут эту страну. Но минуло почти три года с момента ввода войск, а воз, как говорится, и ныне был там. Более того, ситуация складывалась таким образом, что «воз» этот основательно увяз и уходить из Афганистана не собирался. В итоге Рашидов оказался в стане тех людей, кто все чаще ставил перед кремлевскими руководителями вопрос: доколе? Ответа на этот вопрос не было вплоть до момента, пока Андропов не пришел к власти. После чего в Узбекистан был послан «андроповский десант».

Придя к власти, Андропов не ослабил, а еще более укрепил позиции кавказцев в высших эшелонах власти. Правда, он осуществил определенный реверанс в сторону мусульман: сделал азербайджанца Гейдара Алиева членом Политбюро и 1-м заместителем председателя союзного Совмина. Можно легко предположить, какую реакцию это возвышение вызвало в стане других кавказцев, давних соперников Алиева — грузин и армян (ведь от первых в состав Политбюро был делегирован Эдуард Шеварднадзе, но только в качестве кандидата, а от вторых вообще никто, причем длилось это уже достаточно долго — с марта 1966 года, когда из Политбюро был выведен армянин Анастас Микоян). Однако Андропов был прекрасно осведомлен, что те же армяне и грузины достаточно активно проникали и закреплялись в других высших органах государственной власти: в отделах ЦК КПСС, министерствах, главках и т. д. То есть лобби у них в Москве было внушительное. С азербайджанцами (как и с другими мусульманами) все обстояло иначе — их позиции во властных верхах были значительно слабее. Видимо, чтобы несколько разрядить ситуацию на этом направлении, Андропов и ввел Алиева в состав Политбюро. Что касается его места в Совмине, то речь об этом уже шла выше: Андропов рассчитывал на коммерческую хватку Алиева и на его обширные связи с кавказскими коммерсантами.

Параллельно с этим шло усиление позиций и других кавказских кланов. Так, грузин Тенгиз Ментешашвили (сподвижник Шеварднадзе и бывший 1-й секретарь Тбилисского горкома) был назначен секретарем Президиума Верховного Совета СССР (вместо умершего, и опять же грузина (!), М. Георгадзе, который просидел на этом посту ни много ни мало 25 лет!). Кроме этого, одним из ближайших помощников Андропова был карабахский армянин Георгий Шахназаров, с которым они были знакомы более 20 лет — с тех пор, как Шахназаров пришел работать в Международный отдел ЦК КПСС, который возглавлял Андропов (чуть позже Шахназаров станет помощником М. Горбачева).

Короче, несмотря на то, что руководящие элиты Грузии и Армении являлись наиболее националистически и сепаратистски настроенными, однако во многом именно на кавказские кадры Андропов сделал ставку в своих реформах. Не потому ли, что сепаратисты были ему гораздо ближе, чем узбекские интернационалисты, которые более чем кто-либо в СССР сумели устроить в своей республике комфортные условия для проживания многим нациям и народностям, в том числе и титульной нации — русским?

Отметим следующий парадокс: несмотря на то, что Грузия считалась одной из самых сепаратистских советских республик, однако она же была и наиболее «коммунистической» нацией: в 1982 году из 10 тысяч грузин 826 являлись счастливыми обладателями партийных билетов, опережая по этому показателю русских с белорусами (774 и 706) и оставляя далеко позади туркмен,

молдаван и таджиков (320, 316 и 268). Объяснялся сей парадокс достаточно просто. Во всех советских республиках к тому времени членство в КПСС становилось товаром, пользовавшимся спросом на рынке. Но именно в Грузии этот спрос был наиболее высоким, поэтому и уровень коррупции в партийной среде там был соответствующим — также одним из самых высоких в стране. Думаете, Андропов этого не знал? Естественно, знал, но предпочел грузин не трогать.

Судя по всему атака на Узбекистан готовилась не один месяц в недрах союзного КГБ и ЦК КПСС. Естественно, полной правды об этой спецоперации мы никогда не узнаем, поскольку документы об этом вряд ли сохранились, а большинство участников ее либо уже умерли, либо вместо правды предпочитают рассказывать общественности мифологизированную историю о том, как «в насквозь коррумпированный Узбекистан были отправлены честные следователи, чтобы разворошить преступное гнездо». Следователи, в большинстве своем, и в самом деле были честными, однако использовали их отнюдь не для того, чтобы восторжествовала справедливость.

Без сомнения, что у высшей партийной элиты Узбекистана, что называется, «рыльце было в пушку» — коррупция там была чрезвычайно развита. Но, повторюсь, то же самое можно было сказать фактически про любую союзную республику, но особенно про закавказские, а также РСФСР, Украину, Молдавию. Однако туда «андроповские десанты» отправлены не были, хотя все возможности у Андропова для этого были, но не было лишь одного — желания. Поэтому в качестве «козла отпущения» «кремлевскими глобалистами» был выбран Узбекистан.

Много позже историки из разряда андроповедов придумают версию, что Андропов послал свой «десант» в эту республику, пытаясь пресечь раскольническую деятельность кланово-этнических региональных элит. Дескать, поскольку самые мощные и устойчивые группировки в советской элите сформировались, прежде всего, на уровне союзных республик, Андропову потребовалось начать карательные операции против них. Но даже если и предположить верность этой версии, опять же возникает вопрос: почему в качестве полигона был выбран именно Узбекистан? Да, там была одна из крупнейших в стране партийных организаций, но она всегда была лояльна Москве и во многом именно благодаря усилиям Рашидова. В Узбекистане никогда не было радикальных диссидентов-националистов, чего не скажешь о тех же Грузии и Армении: вспомним хотя бы таких деятелей, как грузины

Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава, или армян-террористов, которые взорвали бомбы в Москве в январе 1977 года.

Если бы Андропов ставил целью умерить амбиции узбекистанской элиты, ему достаточно было «обрубить» их связи в самой Москве. Ведь КГБ наверняка были хорошо известны имена тех высокопоставленных деятелей, кто был завязан с узбекистанскими коррупционерами на махинациях с приписками хлопка. Поэтому, произведя аресты в этой среде, можно было решить проблему без кардинальных потрясений. Но вместо этого Андропов затеял чистку непосредственно в самом Узбекистане и в то же время стал усиливать позиции кавказцев, что было нонсенсом: нельзя бороться с коррупцией и одновременно поощрять сепаратизм. В Узбекистане была коррупция, но не было сепаратизма, в Закавказье было и то, и другое. Вопрос на засыпку: где надо было прежде всего наводить порядок, чтобы спасти государство? Ответ, думаю, очевиден. Андропов же поступил вопреки всякой очевидности, исходя исключительно из клановых пристрастий.

Отдадим должное Андропову: он весьма умело воспользовался определенной разобщенностью узбекистанской элиты, а также использовал «втемную» группировки, которые существовали в Центре. Например, удар по «среднеазиатскому клану» был с большим воодушевлением поддержан так называемыми державниками (русскими патриотами), которые давно считали, что «нацмены сидят на шее у России». Центр и в самом деле в значительной мере субсидировал почти все союзные республики, однако здесь было одно «но»: какова была отдача этих республик в обмен на эти субсидии.

Например, если взять тот же Узбекистан, то его отчисления в союзную копилку были весьма существенными: тут и «белое золото» — хлопок (его СССР продавал в 34 государства), и настоящее золото (республика занимала 2-е место по золотодобыче в стране; только предприятие в Мурунтау — единственное в мире как по мощности, так и по технологии, выпускающей слитки высокой чистоты — имело мощность 18 миллионов тонн руды в год, из которых получалось 50 тонн золота), уголь, нефть, медь и т. д. (ежегодный национальный доход республики в начале 80-х составлял 20—21 миллиард рублей).

Кроме этого, как уже отмечалось выше, весьма значительным был вклад Узбекистана в, так называемой, неконвертируемой валюте — то есть в духовной сфере. Эта республика, которую населяли более 100 наций и народностей, являлась своего рода регионом, цементирующим братскую дружбу народов СССР.

Именно там русские люди чувствовали себя наиболее комфортно, о чем свидетельствовали факты, упоминаемые выше — темпы прироста русскоязычного населения (они обгоняли общесоюзные в три раза!). Похожая ситуация сложилась и в других республиках Средней Азии, чего нельзя было сказать о закавказских и прибалтийских республиках, где русские с недавних пор стали жить, что называется, на пороховой бочке.

Между тем ни о каком «сидении на шее у Центра» в отношении Узбекистана говорить было нельзя. Если, к примеру, в начале 80-х месячный заработок сельских жителей там составил 59,4 рубля, то по стране он равнялся 91,5 рубля (и это при том, что минимальная заработная плата официально составляла 75 рублей). Объем торговли на душу населения в Узбекистане был в 1,5 раза меньше, чем по Союзу, и он занимал следующие места среди 15 республик по оказанию услуг населению: по связи (почта, телеграф, телефон) — 15-е место, по культурному обслуживанию — 14-е, по жилью, транспорту — 13-е. Потребление на душу населения продуктов животноводства (мясо, молоко, масло, яйца), фруктов, овощей оказалось в 2 раза меньше против общесоюзного уровня.

Вина Центра в сложившейся ситуации была несомненной, поскольку он субсидировал республики неодинаково, выделяя прежде всего «любимчиков». Среди последних были те же Грузия, Армения, а также прибалтийские республики, которые вносили во всесоюзную копилку значительно меньше средств, чем Узбекистан, однако требовали себе значительно больших привилегий. И получали их, поскольку имели в союзной столице мощное лобби. Однако в обмен на эти привилегии Кавказ и Прибалтика платили Москве... ростом национализма и сепаратизма.

Таким образом «русские патриоты» оказались попросту обмануты «кремлевскими глобалистами», которые действовали в высшей степени по-иезуитски и ловко натравили их на те регионы, которые меньше всего заслуживали обвинений в «дармоедстве». При этом главной приманкой, на которую поймали «русских патриотов», оказался, упоминаемый выше проект переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Именно из него глобалисты раздули скандал вселенского масштаба, чтобы лишний раз уличить мусульманские республики в «захребетничестве»: дескать, мало того, что объедают Россию-матушку, так еще и на ее воду посягают. Когда в конце 80-х «русские патриоты» разберутся в ситуации и поймут, что их ловко надули, будет поздно — великий некогда Союз уже будет трещать по всем швам.

Глава 35

АНДРОПОВСКИЙ ДЕСАНТ

Одним из руководителей «андроповского десанта», посланного в Узбекистан, был близкий соратник Андропова, новый председатель КГБ СССР (с декабря 1982 года) Виктор Чебриков. Отметим весьма показательный факт: в декабре 1983 года, спустя два месяца после смерти Рашидова, именно Чебриков придет на его место в Политбюро — будет избран на Пленуме ЦК кандидатом в этот высший кремлевский ареопаг. Судя по всему, это было платой ему за его деятельное участие в «андроповском десанте», отправленным в Узбекистан.

Как утверждают все либеральные источники, начало так называемого «узбекского дела» было положено весной 1983 года, причем по чистой случайности. Якобы некая жительница Бухары пришла в областное КГБ и возмутилась порядками, царившими в бухарской милиции, когда даже начальник ОБХСС Музаффаров открыто вымогает у посетителей взятки. Чекисты внимательно отнеслись к заявлению женщины и предложили ей взятку милицейскому начальнику дать. А о дальнейшем ходе событий обещали позаботиться. И позаботились.

27 апреля бдительная женщина передала Музаффарову в его рабочем кабинете деньги в размере 1000 рублей за содействие в деле освобождения одного осужденного. Спустя некоторое время начальник УБХСС был арестован чекистами на пыльной дороге в райцентр Ромитан в своей служебной «Волге». Вскоре, по его рассказам, начали арестовывать и других высокопоставленных взяточников Бухары и области. Так, уже в начале мая 1983 года к Музаффарову присоединились директор Бухарского горпромторга Шоды Кудратов, несколько высокопоставленных милиционеров и торговых чиновников.

Отметим, что операцию начали в Бухаре и именно с «чистки» органов МВД. Это было не случайно. Бухарская элита была союзницей «самаркандцев», что и предопределило направление главного удара. С МВД то же самое — это был целенаправленный удар по вотчине Николая Щелокова, которое андроповцы уже назначили «главным коррупционным ведомством страны».

Итак, согласно официальной версии, растиражированной в годы горбачевской перестройки во всех советских СМИ, чистки в Узбекистане начались после заявления некой женщины. На са-

мом деле, конечно же, все было куда более серьезно. «Отмашку» этой операции дали в Москве, а узбекистанский КГБ тут же взял под козырек. И вот тут существуют две версии происшедшего.

Согласно первой, КГБ Узбекистана использовали «втемную». Как мы помним, во главе этого ведомства стоял местный — пусть и армянин, но долгие годы проживший в Узбекистане Левон Мелкумов (Мелкумян). Игнорировать «отмашку» Москвы он, естественно, не мог, поэтому и санкционировал начало антикоррупционной кампании в республике, уверенный, как опытный и искушенный в интригах чекист, в том, что все происходящее — это очередная кампания по разоблачению нижнего звена парт- и хозаппарата. Поэтому все дальнейшие действия Москвы (то есть прибытие десанта следователей из союзных Прокуратуры и КГБ) были для него полной неожиданностью.

Согласно второй версии, Мелкумов действовал заодно с Москвой, поскольку давно находился в оппозиции к Рашидову и его сторонникам (вспомним его выступление на расширенной коллегии КГБ СССР в мае 81-го). Его симпатии были на стороне ферганского клана, на который сделала свою ставку и Москва. Поэтому Мелкумов был посвящен во многие детали разработанной в союзной столице спецоперации, хотя, наверняка, и не во все. И посвятили его в эти детали не случайно. Как уже отмечалось, Мелкумов был армянином, а именно представители этой национальности составляли значительное число «кремлевских глобалистов». Заметим, что и одним из начальников следственной группы союзной Прокуратуры в Узбекистане (причем самым раскрученным благодаря горбачевским либеральным СМИ) будет назначен... армянин Тельман Гдлян. Поскольку этому человеку отводилась особая роль в репрессиях в Узбекистане, стоит остановиться на его биографии более подробно.

Гдлян в 1968 году закончил юридический институт в Саратове и там же стал работать в уголовном розыске. Затем, заручившись поддержкой московских земляков, Гдлян в 1974 году был переведен в столицу СССР и назначен следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР. В течение почти десяти лет он работал, что называется, «не хватая звезд с небес», пока в 1983 году в его руки не попадает так называемое «дело Хинта».

Йоханес Хинт являлся директором и основателем эстонского кооперативного конструкторского бюро «Дезинтегратор». Являясь талантливым изобретателем, Хинт нашел способ создавать с помощью дезинтегратора прочный строительный материал без использования цемента. Это было большим достижением в строительном деле — бесцементная технология. В итоге по методу Хинта были возведены сотни домов в самой Эстонии, а также в Перми и многих других регионах СССР. Разработки Хинта использовали крупные фирмы Италии, Австрии, Японии. В 1981 году изучать опыт Хинта приехала комиссия Госплана из Москвы. Крупные специалисты прочили так называемому силикальциту огромное промышленное будущее. Хинт стал доктором наук, лауреатом Ленинской премии (1962). Однако этот триумф в итоге обернулся трагедией.

Как в Эстонии, так и в Москве у талантливого инженера-рационализатора появились весьма влиятельные враги, которым были невыгодны разработки ученого. Эти люди и решили убрать его с дороги, тем более что сделать это было нетрудно: ведь Хинт был кооператором и, работая в советских условиях, иногда вынужден был преступать закон. Именно это и было использовано против него. Кроме этого, недоброжелателям Хинта стало известно, что он ведет дневниковые записи, в которых весьма нелестно отзывается о высшем советском руководстве и той политике, которую оно проводило в стране (в том числе и в экономике). Этот факт тоже стал удобным поводом к тому, чтобы привлечь изобретателя к уголовной ответственности.

Хинта арестовали в ноябре 1981 года. Основанием для ареста послужила якобы дача взятки им высокому должностному лицу, который должен был на высоком уровне «пробить» дальнейшее использование силикальцита. Во время обыска в доме изобретателя был обнаружен и злополучный дневник с записями, которые их автор назвал «Трагедия некоторых честных людей XX века». Все это стало основанием к тому, чтобы Хинта лишили всех научных званий и должностей, а также звания лауреата Ленинской премии.

Поначалу дело Хинта вел эстонский следователь Эрих Вяллимяэ. Однако в 1983 году на помощь к нему из Москвы был прислан Тельман Гдлян. Он и раскрутил это дело на полную катушку. Как напишет чуть позже журналист О. Чайковская:

«Недурны были и методы расследования, примененные Гдляном. Приведу один пример. Часть созданного под руководством Хинта чудодейственного препарата по решению правления кооператива бесплатно раздавалась инвалидам войны и другим беспомощным людям, присылалась в дома для престарелых; ведомости такого рода бесплатных раздач велись тщательно, поэтому Гдляну никакого труда не составляло подсчитать суммы роздан-

ного бесплатно — он подсчитал и вменил ее Хинту в качестве хищения государственных средств (хотя и средства-то были не государственные, а кооперативные); препарат был дорогой, и сумма получилась солидная...». (Отметим, что в ходе этого дела с виновных — а вместе с Хинтом осудили и нескольких работников его кооператива — было взыскано 870 тысяч рублей).

Несмотря на то, что Хинт на момент ареста находился в достаточно преклонном возрасте — ему было уже за 70 — суд не счел этот факт смягчающим обстоятельством и присудил изобретателю 15 лет тюрьмы. В заключении Хинт скончался. Что касается Гдляна, то его карьера после этого резко пошла в гору. Именно вскоре после возвращения из Эстонии, он отправляется в Узбекистан, причем в качестве одного из руководителей той репрессивной кампании, которая затевалась Москвой в этой республике. И это не было случайностью. Разработчики кампании прекрасно знали характер Гдляна, его амбициозную натуру, жестокость, поэтому были уверены: этот будет рвать людей зубами ради того, чтобы выслужиться.

Между тем отметим следующий любопытный факт. Гдлян, будучи армянином (по отцу, а мать у него была еврейкой), родился в Грузии. А эти республики в СССР, как мы помним, считались одними из самых развитых по части капитализации экономики. Например, в Армении многие предприятия почти легально имели «подпольные» цеха, которые «клепали» частную продукцию «налево» — то есть прибыль от них шла исключительно в карман «красных директоров». Коррумпированная местная власть закрывала на это глаза, поскольку была в доле с «красными директорами». А в Москву шли бодрые рапорты о том, что в республике успешно развивается «инициативная экономика» — якобы аналог того, что внедрялось в ряде социалистических стран (отметим, что заведующим экономическим отделом ЦК КП Армении был человек, который в конце 70-х изучал «закономерности развития экономики в условиях самоуправления» в самой капиталистической стране в соцлагере — Югославии и, прежде чем попасть на свой высокий пост, более пяти лет преподавал эти «закономерности» работникам того же армянского ЦК КП).

Короче, если бы Москва на самом деле захотела вскрыть коррупционный гнойник на территории СССР, можно было смело посылать «десант» в Армению или Грузию и арестовывать людей, что называется, пачками (отметим, что Гдлян был докой и в такого рода делах: в конце 70-х он расследовал деяния «цеховиков» в Чечено-Ингушетии). Однако Гдляна и К° послали в Узбекистан. Таким образом «кавказское лобби» в Кремле отводило беду как от своих республик, так и от своих соотечественников в самом Узбекистане, коих должен был «прикрыть» Гдлян (судя по всему, на них глобалисты предполагали опереться в ходе будущей капитализации республики). Ведь в высших эшелонах узбекской власти тех же армян было достаточно много (вспомним, что председателем КГБ Узбекистана был армянин Левон Мелкумов или Мелкумян), несмотря на то, что общее число граждан этой национальности в этой республике составляло около 0,2% от всех жителей.

«Прикрытие» полностью удалось: в ходе «узбекского дела» будут арестованы тысячи (!) людей, однако среди них фактически не окажется ни одного представителя армянской национальности. То есть в уголовных делах в качестве главных фигурантов будут проходить узбеки, таджики, туркмены, русские, евреи, азербайджанцы, греки, украинцы и т. д., но ни одного высокопоставленного армянина среди них не окажется (а их, повторюсь, в руководящих кругах Узбекистана было предостаточно — в одних органах внутренних дел четверть личного состава составляли армяне). Получалось, что преступниками в этой республике мог оказаться кто угодно, но только не граждане армянской национальности. Позднее эта политика «кремлевских глобалистов» дорого обойдется простым армянам, проживающим в Узбекистане: местные жители их станут оттуда выживать. Впрочем, вполне возможно, именно этого как раз и добивались глобалисты — поссорить между собой народы, которые на протяжении десятилетий жили друг с другом в мире и согласии.

Отметим, что даже несмотря на эти процессы, выдавливание армян из Узбекистана имело меньшую активность, чем в других среднеазиатских республиках, где армяне после узбекистанских событий угодили в разряд потенциально опасной диаспоры. В итоге из 180 тысяч уехавших из данного региона армян, большую часть составляли выходцы из Таджикистана и Туркмении, и только потом шел Узбекистан. То есть узбеки и здесь доказали свою национальную толерантность.

Рашидову и его сторонникам не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, против кого было направлено «бухарское дело». Ведь Мелкумов действовал в обход высшего руководства Узбекистана, выполняя прямое указание Москвы. Значит, повторялась та же схема, которая была опробована Андроповым в 1969 году в Азербайджане, и в 1972 году в Грузии. То есть целью Москвы была смена высшего руководства республики.

Отметим, что поначалу в планы андроповцев входило «мягкое» смещение Рашидова — то есть, согласно его собственному желанию. Но чтобы это желание у него появилось, в Узбекистан был послан пресловутый «андроповский десант», а также было организовано противниками Рашидова «эпистолярное наступление» — то есть в Москву полетели тысячи писем, в которых их авторы жаловались на неблагополучное состояние дел в республике практически во всех областях ее жизнедеятельности. Вскоре после этого в Москву был вызван сам Рашидов с явной целью вручить ему «черную метку». Сделать это было поручено только что назначенному заведующему Отделом организационно-партийной работы Егору Лигачеву. Вот как он сам вспоминает об этом:

«Я не изменил давным-давно установившейся у меня привычке принимать посетителей за столом для заседаний, сидя при этом друг напротив друга. И здесь мы сели за продолговатый заседательский стол, стоявший в кабинете. Причем я заранее и не без умысла разложил на нем солидные стопки писем из Узбекистана. Шараф Рашидович, человек опытный, сразу понял, что это за письма. И после первых общих фраз как-то смутился, стал то и дело поглядывать на стопки писем, словно пытаясь угадать, какую угрозу для него таят эти конверты.

Почувствовав это, я вскоре перешел к делу:

— Шараф Рашидович, в ЦК поступает много писем о безобразиях в республике. Люди жалуются, притом основательно, все больше и больше. Мы пересылаем письма вам для проверки, но вы и ваши товарищи отвечаете, что факты не подтверждаются. Трудно в это поверить. Вот посмотрите, сколько писем. А ведь здесь малая-малая толика. ЦК завален письмами из Узбекистана.

Рашидов неуютно заерзал на стуле, даже пару раз привстал с него. Он явно не ожидал такой дерзости с моей стороны, такой прямоты, такой лобовой постановки вопроса. И, моментально взвесив ситуацию, решил перейти в атаку, сразу поставить меня на место. Не отвечая по существу, нахмурившись, тоже в лоб, без всяких церемоний спросил:

— Вы с кем разговариваете?..

— Я разговариваю с товарищем Рашидовым.

Рашидов, видимо, намеревался сказать еще что-то резкое, усилить давление, однако на сей раз я его опередил:

— Шараф Рашидович, дело серьезно. О письмах доложено Юрию Владимировичу Андропову. Я беседую с вами по поручению Генерального секретаря.

Рашидов сразу обмяк. Угрожающий прием — «Вы с кем разговариваете?» — возможно, впервые не сработал. К тому же Брежнева уже не было, а на покровительство Андропова рассчитывать явно не приходилось. Я продолжал:

— Отдел будет вносить предложение направить в Узбекистан авторитетную комиссию из ЦК...

Расстались мы внешне спокойно, но, разумеется, с разными чувствами. Я — с сознанием того, что открывается большой фронт для очень трудной работы в Узбекистане. А Рашидов, несомненно, ушел от меня в большой тревоге...».

В своих мемуарах Лигачев явно многого недоговаривает, что вполне объяснимо: правда о закулисных интригах в Кремле может бросить тень на самого мемуариста. Видимо, поэтому замалчиванию подвергнута и концовка разговора, где Рашидов не просто ушел из кабинета Лигачева, а согласился подать в отставку по приезде в Ташкент (об этом вспоминают многие люди, близко знавшие его). Однако, вернувшись на родину и посоветовавшись с членами Бюро, Рашидов решил отложить эту отставку до осени — до конца кампании по сбору хлопка. Москва же встретила эту затяжку как неповиновение и усилила процесс давления на республиканскую верхушку: вновь усилилась волна критических публикаций в центральных СМИ, посвященных неблагополучной ситуации в Узбекистане, продолжились аресты в республике, проводимые «андроповским десантом».

Судя по всему, сместить Рашидова силовым способом Андропов попросту опасался, прекрасно зная, каким авторитетом тот пользуется в Узбекистане — такой любви у рядового населения мало кто имел из республиканских руководителей. Поэтому волевое смещение потребовало бы от Москвы какого-то объективного объяснения, а его у нее как раз и не было. Поэтому и был избран путь дискредитации Рашидова по примеру того, что было проделано с бывшим лидером Грузии Василием Мжаванадзе. Тот тоже был в большом авторитете у жителей республики, из-за чего его смещение растянулось на полгода: сначала Москва начала «чистку» в Тбилисском горкоме, выпустив специальное Постановление ЦК КПСС о неблагополучном положении дел в нем (март 1972) и сместив почти все его руководство (новым руководителем города был назначен Эдуард Шеварднадзе), а осенью, на волне тех разоблачений, которые растиражировали подконтрольные власти СМИ, Мжаванадзе был смещен со своего поста и его место занял все тот же Шеварднадзе. В Узбекистане предпо-

лагалось проделать почти то же самое, только центром операции должна была стать не столица республики Ташкент, а Бухара.

О том, какие чувства одолевали тогда Рашидова, рассказывает очевидец — Н. Мухитдинов (как мы помним, в начале 60-х, когда он был членом Президиума ЦК КПСС, у него были весьма натянутые отношения с Рашидовым, однако с тех пор утекло слишком много воды):

«В мае 1983 года в ЦК и правительстве Союза приняли решение о проведении в конце месяца в Ташкенте Всесоюзного совещания по хлопку, пригласив туда руководящих работников всех хлопкосеющих республик... Мне поручили выступить с докладом на этом совещании (Мухитдинов с 1977 года занимал пост заместителя председателя президиума Торгово-промышленной палаты СССР. — *Ф. Р.*)...

На следующий день после выступления вместе с председателем Торгово-промышленной палаты Узбекистана Д. Ильхамовой мы встретились с Рашидовым. После ее доклада о том, как прошло совещание, он сказал:

— Я читал все выступления и считаю обвинения в адрес Узбекистана тенденциозными, необоснованными. Хлопок у нас хороший, никто не имеет права предъявлять нам претензии.

Отпустив Ильхамову, мы с Рашидовым остались вдвоем. Вот тут-то он впервые довольно откровенно поделился со мной своими переживаниями, сказал, что на него давят со всех сторон, что союзная печать регулярно публикует критические материалы по Узбекистану, а в самой республике — не все благополучно. Люди перестали чувствовать ответственность, и он одинок.

Я спросил, соответствует ли действительности то, о чем пишет пресса, заметив при этом , что все материалы в общем-то из Узбекистана. Он ответил:

— В таких масштабах и формах — нет. Кое-где есть приписки, снижение качества хлопка, выявлены также факты взяточничества. Но все это, повторяю, не в таких размерах, как изображается в центральной прессе.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил я у него.

— Честно говоря, не знаю, — сказал Шараф Рашидович. — Хотел бы, дорогой друг, посоветоваться с вами. Со мной, скажу вам доверительно, недавно беседовали руководители ЦК в Москве. Разговор был острый. Мне дали понять, что пора уходить. Я сказал, что пришлю из Ташкента заявление об уходе.

Вернувшись из Москвы, — продолжил он, — побывал на местах. Впечатление такое, что будет хороший урожай, план хлопкозаготовок перевыполним. Поэтому настроился подать заявление по завершении года.

В ответ я сказал:

— Все, о чем пишется и говорится по поводу вопиющих фактов в Узбекистане, беспокоит и тревожит многих. Думаю, будет неплохо, если вы лично проявите инициативу о созыве совещания, сессии Верховного Совета или Пленума ЦК, где откровенно, по партийному, самокритично доложите обо всем, что происходит, следует откровенно поговорить с членами ЦК, руководителями республики, областей, районов и вместе решить, как продуманными действиями положить конец нарушениям. Разобраться с конкретными фактами, действуя строго по закону, а главное — разработать и осуществить меры.

Рашидов долго молчал, отрешенно глядя куда-то, затем сказал:

— Подумаю. — И неожиданно добавил: — Возвращайтесь, Нуритдин Акрамович. Будем работать вместе.

Я ответил:

— Дорогой Шараф Рашидович, в прошлый раз (речь идет о событиях 1977 года. — *Ф. Р.*) вы уже настаивали на этом. Я дал согласие и с радостью хотел вернуться на родину, работать с вами. Сказал об этом Брежневу. Он поддержал. По моей просьбе меня освободили от должности посла. Но наши договоренности остались нереализованными.

— Дорогой друг, — заметил Шараф Рашидович, — и в Ташкенте, и в Москве есть люди, которые не хотят, чтобы мы с вами вместе работали...

— Но не они же должны делать политику, — возразил я. — Что касается моего возвращения, то я бы с радостью. Но самое лучшее сейчас — поднять народ, чтобы поправить положение в хозяйстве, экономике, улучшить политическую работу.

— А вы не могли бы приехать и принять участие, если мы созовем Пленум или собрание актива?

— Это неудобно. По-разному может быть истолковано. После собрания я готов приехать и работать с вами...».

Так вышло, но Мухитдинову тогда не суждено было вернуться на работу в Узбекистан. И это было вполне закономерно, поскольку, как правильно выразился Рашидов, и в Ташкенте, и в Москве были люди, которые не хотели этого — они понимали, что объединение с Мухитдиновым (а он, как мы помним, был «ташкентцем») могло укрепить позиции Рашидова. Поэтому делалось все, чтобы союзников у него не прибавлялось, а, наоборот, остава-

лось как можно меньше. В то же время шел обратный процесс — в большую политику возвращались его недавние оппоненты. Так, например, вышло с Владимиром Ломоносовым.

Как мы помним, тот с 1963 года занимал руководящие должности в Узбекистане: сначала был председателем Среднеазиатского бюро, а потом в течение 11 лет (1965-1976) трудился на посту 2-го секретаря ЦК КП Узбекистана. В конце этого срока у него испортились отношения с Рашидовым и он был отозван в Москву на должность председателя Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам. Однако в 1983 году, в разгар атаки на Узбекистан, Ломоносов был возвращен в аппарат ЦК КПСС: судя по всему, для того, чтобы помогать «андроповскому десанту» советами (ведь Ломоносов знал очень много о расстановке сил в узбекистанской элите).

Тем временем 14—15 июня в Москве прошел Пленум ЦК КПСС, посвященный решению вопросов идеологической и массово-политической работы. На нем Андропов заметно усилил свои позиции, приведя во власть своих сторонников. Так, секретарем ЦК стал член Политбюро Г. Романов (ему доверили курировать оборонный комплекс), кандидат в члены Политбюро М. Соломенцев был назначен председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, а В. Воротников был избран кандидатом в члены Политбюро.

Из кандидатов ЦК в его члены были переведены два силовика: 1-й заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР С. Ахромеев и заместитель министра обороны СССР В. Шабанов; а также ряд других лиц.

Был поставлен крест на партийных карьерах двух недавних руководителей, принадлежавших к брежневскому клану: министра внутренних дел СССР Н. Щелокова и 1-го секретаря Краснодарского обкома С. Медунова — их вывели из состава ЦК с формулировкой «за допущенные ошибки» (в кулуарах Пленума все прекрасно знали, что следственные органы уже вовсю «шьют дела» на этих руководителей).

Отметим, что Щелоков в те дни был полностью деморализован и раздавлен, находясь под спудом той трагедии, которая произошла в его семье четыре месяца назад — 19 февраля. В тот день покончила с собой его жена Светлана — она застрелилась из небольшого подарочного пистолета, именуемого на профессиональном жаргоне «солянкой»: боек у него был от одного пистолета, корпус от другого, ствол от третьего. Судя по всему, главным побудительным мотивом этого самоубийства был не только страх

перед публичным разоблачением, но и чувство отчаяния и бессилия от того, что в качестве судей будут выступать люди, о которых Щелоковы знали много нелицеприятных вещей и что при другом раскладе не они, а эти люди могли бы оказаться в качестве жертв.

Между тем июньский Пленум стал толчком для проведения аналогичных форумов во всех союзных республиках, в том числе и в Узбекистане. Таковой там состоялся 4 июля и его повестка была озаглавлена следующим образом: «О задачах республиканской партийной организации по выполнению решений июньского Пленума ЦК КПСС». Как и московский форум, узбекистанский Пленум вывел из состава ЦК (с той же формулировкой «за допущенные ошибки») двух человек: Н. Хикматова и Б. Эльбаева.

Незадолго до этого Пленума в Узбекистане произошли и другие кадровые рокировки. Так, в конце мая от должности 2-го секретаря республиканского ЦК был освобожден Л. Греков и на его место пришел Т. Осетров, который до этого трудился на посту 1-го заместителя Председателя Совета Министров республики. Был заменен и министр финансов Вали Муратходжаев, который трудился на этом посту 27 лет (!) и был посвящен во многие детали финансовых взаимоотношений Узбекистана и Москвы. Новым министром финансов был назначен заместитель Муратходжаева самаркандец Ислам Каримов (нынешний Президент Узбекистана).

Позднее он будет вспоминать, как порой сбивался с ног, бегая из кабинета в кабинет и выбивая в Москве нужные для республики фонды. Результат был разным: иной раз удавалось добиться положительного результата, иной раз и нет. Особенно тяжело было в середине 80-х в разгар «узбекского дела». Закавказским республикам в этом отношении было, видимо, легче, поскольку у них в министерстве финансов СССР сидел свой человек: заместителем министра (а эту должность с мая 1960 года занимал Василий Гарбузов) был армянин Степан Ситарян (с 1974 года). Ничего не имею против профессиональных качеств этого специалиста (а он закончил МГУ и одно время работал директором Научно-исследовательского финансового института), но задаюсь невольным вопросом: если бы, к примеру, Минфин стоял перед дилеммой, кому выделить больше средств — Узбекистану или Армении — на чью мельницу лил бы воду Ситарян? На узбекистанскую, где проживало всего 0,2% армян, или на мельницу Армении, которая считалась самой моноэтнической республикой в составе СССР (там, согласно переписи 1979 года, проживало 89,7%

армян)? Думаю, ответ очевиден. Кстати, в годы горбачевской перестройки Ситарян дослужится до должности 1-го заместителя Председателя Госплана СССР и станет одним из экономических советников Горбачева. Но это так, к слову.

Однако вернемся к событиям 1983 года.

На июльском Пленуме с большой речью выступил Рашидов. В его докладе не было даже намека на то беспокойство, которое царило в высшем руководстве республики в связи с действиями «андроповского десанта» в их вотчине. Хотя на душе у самого Рашидова наверняка было неспокойно. Он даже отложил до лучших времен литературную деятельность — работу над завершающей частью трилогии, начатой книгами «Победители» и «Сильнее бури». Более того, Рашидов отозвал заявку на экранизацию двух первых книг, которая должна была осуществиться на главной киностудии страны «Мосфильме». В своем письме на имя генерального директора киностудии Николая Сизова Рашидов так объяснил свои мотивы:

«После долгих раздумий я пришел к выводу, что надо отложить съемки фильма по моему роману. Хотя сценаристы много и плодотворно поработали, но сценарий им, к сожалению, не совсем удался. В результате хорошего фильма из этого сценария, на мой взгляд, не получится, а посредственный нас не устраивает.

Сейчас я пишу третью, заключительную книгу романа. Когда ее закончу, тогда можно будет вернуться к работе над фильмом».

Как покажет уже ближайшее будущее, завершить свою трилогию Рашидову так и не удастся — помешает внезапная смерть.

Тем временем антикоррупционные чистки в Узбекистане набирали свои обороты. Так, в июле КГБ Узбекистана провел аресты среди лиц, занимавшихся хищением нефтепродуктов в особо крупных размерах. Преступники поддерживали связи с отдельными руководителями правоохранительных органов и Госкомитета по нефтепродуктам. Были арестованы: директор автозаправочной станции Закиряев, начальник отдела ГАИ УВД Ташкентского облисполкома Мадаминов и 13 работников нефтебаз и АЗС. Нити от них потянулись к самому министру внутренних дел Узбекистана К. Эргашеву, который 30 июня был снят со своей должности (новым министром стал Ниматжан Ибрагимов).

По тем сообщениям, которые публиковались в тогдашних узбекских газетах, в действиях Рашидова нельзя было обнаружить никакой паники и его рабочий график был таким же насыщенным, как и раньше, когда в его республике не хозяйничали никакие «андроповские десанты». Так, 5 июля лидер Узбекистана присутствовал на 7-й сессии Верховного Совета республики, а два дня спустя выступил на республиканском совещании по вопросам охраны общественного порядка, где призвал органы внутренних дел республики усилить борьбу с преступностью, в том числе и с «беловоротничковой» (то есть с коррупцией). Отметим, что это совещание лично посетил союзный министр внутренних дел В. Федорчук, который тоже выступил с докладом резко критической направленности. Тон этого доклада и факты, которые в нем приводились, не оставляли сомнений у всех, кто его слушал, в том, что Москва решила основательно взяться за наведение порядка в высших эшелонах республики.

В тот же день 7 июля Рашидов принял у себя лидера Афганистана Бабрака Кармаля, который оказался в Узбекистане проездом (он летел с официальным визитом в Монголию). Напомню, что Узбекистан по-прежнему играл одну из ключевых ролей в афганской войне, участвуя в ней всесторонне: с помощью людских и материальных ресурсов. И Рашидов, будучи кандидатом в члены Политбюро, непосредственно отвечал в среднеазиатском регионе за афганское направление.

Помимо этого Рашидов регулярно вел и заседания Бюро ЦК КП Узбекистана. Так, 18 июля Бюро заседало по вопросам выполнения государственного плана экономического и социального развития республики, а также вопросам по улучшению издания художественной литературы. 27 июля заседание Бюро было посвящено вопросам уборки хлопка, призыва молодежи в армию и подготовке к торжествам, посвященных 2000-летию Ташкента (торжества намечались на начало сентября).

Несмотря на то, что волна слухов о действиях «андроповского десанта» со скоростью степного пожара распространяется по Узбекистану, республика продолжает жить вполне размеренной и привычной жизнью. В те дни в республиканских газетах было много публикаций о превосходном выступлении сборной Узбекистана на VIII летней Спартакиаде народов СССР: она заняла 6-е место, завоевав 38 медалей (рекорд за всю историю республики), среди которых было 8 золотых, 10 серебряных и 20 бронзовых. Самой «урожайной» по части наград спортсменкой в команде (а это 63 человека) оказалась 18-летняя гимнастка Венера Зарипова: за ней числилась одна золотая медаль (за упражнения без предмета), одна серебряная (за композицию с лентой) и две бронзовые (за упражнения с мячом и в многоборье).

В те же августовские дни в Ташкенте находилась Алла Пугачева, которая участвовала в творческих вечерах поэта Ильи Резника. Место проведения вечеров было выбрано не случайно, поскольку последние пять лет Резник был самым тесным образом связан с Узбекистаном, написав более десятка песен для самых разных эстрадных исполнителей этой республики: например, для таких вокально-инструментальных ансамблей, как «Ялла», «Садо», «Наво», певицы Рано Шариповой и т. д. Поскольку эти творческие вечера были приурочены к 2000-летию Ташкента, в программе концертов звучали песни Резника, написанные им в честь этого прекрасного города: «Улицы Ташкента» (композитор Д. Сайдишвили), «Гимн Ташкенту» (Р. Паулс), «Здравствуйте, люди Ташкента» (В. Шаинский) и др.

Вспоминает И. Резник: «Средняя Азия всегда казалась мне загадочной страной. Переносясь из Ленинграда в Самарканд или Бухару, я неожиданно чувствовал себя то дервишем, то звездочетом, то стражником у городских ворот, то муэдзином. Я был настолько увлечен Востоком, что не только написал о нем цикл стихотворений, но и сумел заразить своим восторженным отношением сдержанного Раймонда Паулса и сочинить вместе с ним песни о Фергане, Бухаре, Ташкенте, городе мертвых Шах-и-Зинда.

А в Ташкенте я встретил свою будущую жену Муниру...».

Но вернемся к Рашидову и взглянем на его тогдашнюю деятельность сквозь призму воспоминаний людей, которые непосредственно с ним тогда соприкасались. Вот что, к примеру, рассказывает тогдашний главный архитектор Ташкента С. Адылов:

«Не забуду период подготовки к 2000-тысячелетнему юбилею Ташкента. Ш. Рашидов часто повторял, что сам Аллах послал нам юбилейные даты, праздники, мы к каждой такой дате должны прийти с подарками, то есть построить памятные сооружения. Не забывайте, предупреждал он, других специальных случаев не будет, время не ждет. Каждая минута дорога! Была подготовлена грандиозная по масштабам программа строительства юбилейных объектов. Хотя все они были сооружены, но большинство из них было заложено благодаря энтузиазму всех участников этого большого процесса.

Было задумано в старом городе построить величественный музей истории Узбекистана с грандиозным обелиском. Строительство было начато, сооружены фундаменты музея, обелиска. Благодаря этому более тысячи семей из снесенных ветхих хижин получили благоустроенные квартиры, земельные участки. Я был руководителем авторского коллектива. Проектировали день и

ночь без устали, с воодушевлением. Творческий накал освещал наш путь, неиссякаемая энергия Шарафа Рашидовича нас подпитывала. Но Центр оказался сильнее. Один из партийных деятелей написал жалобу, что тратятся государственные средства на ненужные народу дела. Строительство комплекса было приостановлено. Шараф Рашидович сказал тогда: «Обязательно придет хорошее время, и мы построим музей и обелиск. А пока — нельзя. Видите, сегодня такое отношение к нам». В это время анонимки могли многое...».

Вспоминает Н. Мухитдинов: «...В следующий раз (после майской встречи. — *Ф. Р.*) мы встретились с Шарафом Рашидовичем в августе 1983 года. Купив в ВЦСПС четыре путевки для отдыха и лечения в санатории «Чартак» (в Наманганской области. — *Ф. Р.*), мы с женой, внуком и внучкой приехали в Ташкент. На этот раз Рашидов выглядел хуже, чем в мае. Говорил, что принимаются все меры для выполнения республикой обязательств по всем отраслям, особенно по хлопку.

При мне он позвонил первому секретарю Наманганского обкома партии, сообщил, что я с семьей еду в санаторий «Чартак», и просил уделить внимание. Управделами ЦК Турсуну Умарову Рашидов поручил отправить нас в хорошей машине из гаража ЦК, а также позвонить первому секретарю Чартакского райкома партии и главврачу санатория о предстоящем нашем приезде.

Прощаясь, добавил:

— Через несколько дней обязательно приеду в Чартак. Нам надо поговорить наедине о серьезных делах.

Отдохнули мы хорошо, но Рашидов в Чартак не приехал. 27 августа всей семьей вернулись в Ташкент. Я позвонил в ЦК. Трубку взяла Майя Спиридоновна, секретарь Рашидова. Она ответила, что Шараф Рашидович находится в Сырдарье и она немедленно доложит ему о нашем возвращении. На следующий день Майя, позвонив нам домой, сообщила, что Шараф Рашидович после Сырдарьи поехал в Джизак, потом посетит Самарканд и его не будет в Ташкенте еще четыре-пять дней.

Встреча наша не состоялась. 29 августа мы вылетели в Москву. Что собирался Рашидов доверительно сказать мне, так и не удалось узнать...».

Между тем 18 августа 1983 года «бухарское дело» чекисты передали в Прокуратуру СССР, и там была создана специальная следственная группа из 3 человек под руководством следователя по особо важным делам Тельмана Гдляна. Именно с этого момента и берет начало стремительная карьера этого человека и

закат карьеры другого — его земляка Левона Мелкумова (Мелкумяна), которого 31 августа сняли с поста председателя КГБ Узбекистана.

В своих мемуарах Гдлян пишет, что Мелкумова сместили с подачи Рашидова: дескать, тот таким образом пытался остановить деятельность «андроповского десанта». Однако эту версию можно смело назвать несостоятельной, поскольку вопрос смещения таких номенклатурных единиц как председатель КГБ был только в компетенции ЦК КПСС, то есть Москвы. Рашидов мог только просить об этом Центр, но права самостоятельно решать этот вопрос у него не было. Тем более в той ситуации, в которой он находился накануне осени 83-го — практически загнанный в капкан. Кроме этого, если бы Рашидов действительно был инициатором смещения Мелкумова, то он наверняка бы привел в КГБ своего человека. А вместо этого главным узбекистанским чекистом стал 61-летний Владимир Головин — ставленник Москвы (в этом городе он родился, здесь же начался его путь в чекисты: в органы КГБ он пришел в конце 1942 года в качестве оперуполномоченного районного отделения НКВД).

Что касается отставки Мелкумова, то, судя по всему, она была вызвана тем, что главную свою миссию этот человек сделал: начал «бухарское дело». После этого Москва сочла возможным вывести его из операции и отправила подальше от Узбекистана — Мелкумов был назначен советником советского посла в Чехословакии. Симптоматично, что отставка Мелкумова и возвышение Гдляна произошли почти одновременно: 31 августа вышел указ о смещении первого, а уже на следующий день Гдлян принял к производству «бухарское дело». И оно закрутилось с новой силой, вовлекая в свою орбиту все больше и больше людей.

Тем временем рабочий график Рашидова по-прежнему остается весьма насыщенным. Так, 1 сентября он проводит в ЦК КП Узбекистана встречу с ветеранами партии. Четыре дня спустя уже присутствует на IV сессии Межправительственного Совета Международного прогрессивного развития коммуникаций ЮНЕСКО, где произносит речь о достижениях Узбекистана. По его словам, до 1917 года весь Туркестан представлял собою колониальную окраину царской России. Промышленность Ташкента по данным дореволюционного справочника выглядела следующим образом: водочно-винокуренных заводов было всего 3, кожевенных — 15, маслобойных — 7, кирпичных — 4, мыловаренных — 2, столярно-плотничных — 2, фотографий — 6. В сегодняшнем Узбекистане, по словам Рашидова, было более 1600 крупных предприятий.

Из других данных, приведенных докладчиком, явствовало, что в Узбекистане теперь выходит 287 газет, в том числе 16 республиканских, 26 областных, 10 городских, 166 районных, 75 журналов. В ближайшие дни в Ташкенте должна была вступить в строй 375-метровая телевизионная башня, которая позволит вести передачи по 5 программам.

6 сентября из жизни уходит один из членов Бюро ЦК КП Узбекистана Асадилла Ходжаев. Отметим, что ему было 63 года и секретарем ЦК он работал с 1978 года.

8 сентября Рашидов принимает в ЦК генерального директора ЮНЕСКО А. М. М'Боу. На следующий день весь Узбекистан справляет знаменательную дату — 2000-летие Ташкента. В самой столице, во Дворце дружбы, проходит торжественное заседание по этому поводу. Рашидов лично прикрепляет к Знамени города орден Ленина, произносит речь. На собрании присутствуют руководители трех городов-соседей: Алма-Аты, Душанбе и Ашхабада. Приветственную телеграмму присылает Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов. Трудно сказать, какие чувства одолевали Рашидова, когда он зачитывал последнее послание — он-то прекрасно понимал, что это всего лишь формальная отписка, а на самом деле Москва готовит именно его республике серьезные испытания уже в недалеком будущем.

10 сентября праздник продолжается: в Государственном академическом Большом театре имени А. Навои проходит торжественное заседание, после которого на стадионе «Пахтакор» состоялось театрализовано-спортивное представление, на котором опять же присутствует все руководство республики во главе с Рашидовым. На следующий день последний покидает Узбекистан — летит с официальным визитом в Эфиопию. Возвращается назад он спустя неделю и 20 сентября проводит заседание Бюро ЦК, на котором обсуждаются вопросы уборки хлопка, внедрения в народное хозяйство автоматизированных систем управления. Во второй половине того же дня Рашидов выступает на Пленуме Ташкентского обкома. И снова в этой речи нет даже намека на то, что происходит в высших эшелонах власти республики.

21 сентября Узбекистан теряет одного из своих национальных героев, вернее героинь: знаменитого бригадира хлопководческой бригады колхоза имени С. Кирова Чинаузского района Ташкентской области Турсуну Ахунову. Как мы помним, слава пришла к этой женщине еще в конце 50-х, когда она за сезон собрала хлопкоуборочной машиной 210 тонн хлопка, за что ей было привоено звание Героя Социалистьического Труда (1959). Вто-

рой Звезды она была удостоена в 1978 году, а в 67-м ей присвоили Ленинскую премию. Долгие годы Т. Ахунова считалась одним из символов Узбекистана, олицетворением его подвигов на трудовой (хлопковой) ниве.

Отметим, что умерла она в сравнительно молодом возрасте — на момент смерти ей шел 47-й год. Как это ни кощунственно звучит, но из жизни Ахунова ушла вовремя: она не застала того момента, когда, благодаря стараниям горбачевской прессы, само звание хлопкороба будет приравнено к чему-то преступному, нехорошему. Впрочем, тогда практически все советские символы были оболганы, опозорены либералами-глобалистами.

22 сентября Рашидов принимает участие в работе Пленума Ферганского обкома. На следующий день он открывает Дни Монголии в Узбекистане. Торжественное открытие проходит в Театре оперы и балета имени А. Навои в Ташкенте. 24 сентября Рашидов посещает выставку Монголии в Государственном музее искусств. Два дня спустя он уже выступает на VIII конференции Ассоциации писателей стран Азии и Африки. 27 сентября ведет заседание Бюро ЦК, посвященное ходу уборки хлопка.

28 сентября Рашидов принимает в ЦК делегацию членов Социалистической единой партии Германии во главе с Хорстом Долусом. После этого он в течение недели совершает поездки по областям республики: 1 октября присутствует и выступает на Пленуме Сырдарьинского обкома партии, 6 октября — на Пленуме Джизакского обкома. В понедельник 10 октября проводит очередное заседание Бюро ЦК: на этот раз оно посвящено повышению содержательности и оперативности информационных программ Узбекистанского телевидения, а также вопросам укрепления материально-технической базы парков культуры и отдыха. 13 октября Рашидов присутствует и выступает на Пленуме Навоийского обкома партии.

17 октября в Узбекистан приезжает бывший главный кадровик ЦК КПСС Иван Капитонов. Этот приезд явно не случаен: судя по всему, Москва делегировала его — человека, который на протяжении почти 20 лет (1965—1983) курировал кадры на местах — для того, чтобы тот уговорил Рашидова не тянуть с отставкой. Они вместе ездят по республике, посещают Андижанскую область, Ташкент, где 19 октября приезжают на авиационный завод имени В. Чкалова, 20-го — на Выставку достижений народного хозяйства. 21 октября Капитонов и Рашидов выступают с речами на совещании республиканского партийно-хозяйственного актива. Обе речи были выдержаны в благожелательных

тонах и практически не содержали в себе никакой критики деятельности республиканского руководства. Однако эта некритичность является всего лишь ширмой для рядовых коммунистов, поскольку «верха» республики знают куда больше о тех событиях, которые затеяла Москва в их вотчине.

Многие очевидцы, кто видел тогда Рашидова, утверждают, что он выглядел в те дни то крайне раздраженным, что с ним бывало редко, то крайне подавленным. Это было странно, учитывая, что со своей отставкой, казалось бы, он уже должен был смириться (как мы помним, еще весной он готов был оставить свой пост). Тогда что же его угнетало? Судя по всему, он прекрасно понимал, что одной отставкой дело может не закончиться и его враги, которых в избытке было как в Узбекистане, так и в Москве, готовят ему незавидную участь. При этом никакие его свершения на посту 1-го секретаря в расчет браться не будут: он слишком хорошо знал подноготную тех людей, кто теперь верховодил в кремлевских кабинетах. В той закрытой системе, которая существовала в высших советских кругах, назначить кого-то «козлом отпущения», главным виновником всех бед, было делом достаточно элементарным.

Вспоминает Е. Березиков: «Примерно за неделю до своей смерти Рашидов был у нас в Самарканде. Первый секретарь обкома и я сопровождали его в поездке, побывали во всех районах. Такие поездки Рашидов совершал 2—3 раза в год. Он объезжал все районы области и встречался со сборщиками хлопка, призывая их как можно интенсивнее работать... Потом мы сидели в кабинете и что-то обсуждали. И я Рашидову откровенно сказал, что мы сдаем хлопок-сырец не того качества, какой у нас проходит по сводкам. Он меня очень грубо оборвал:

— Ты ничего в этом деле не понимаешь!

Сделал он это так резко и неожиданно, что все окружающие посмотрели не на него, а на меня с удивлением. И я в их взгляде прочитал что-то среднее между жалостью и сочувствием, дескать: «Ну, Березиков, теперь жди, получишь, тебе этого не простят»...»

Когда 27 октября в Ташкенте проездом была советская делегация во главе с Гейдаром Алиевым (она направлялась во Вьетнам), всем бросилась в глаза угнетенность Рашидова. Как будет потом вспоминать член делегации Николай Рыжков: «У меня сложилось впечатление, что Рашидов какой-то угнетенный, не в своей тарелке, он обычно ведь очень жизнерадостный человек был, энергичный такой, а тут вот какой-то подавленный. Рашидов был совершенно отрешен. Даже когда мы сидели за столом, уставлен-

ным яствами, бывает такое, попробуйте это, попробуйте то блюдо. Нет, Рашидов сидел совершенно безучастный. Мне тогда бросилось в глаза, что-то невероятное, думаю, что такое, болен он что ли?..».

Вполне вероятно, что Алиев, будучи единоверцем Рашидова и человеком, посвященным в тогдашние кремлевские интриги, предупредил узбекского лидера о том, что «андроповский десант» — это только начало крупномасштабной операции Центра по дискредитации Узбекистана. Отметим, что на тот момент Юрий Андропов уже был фактически живым трупом (в сентябре у него начались серьезные проблемы со здоровьем, с почками, и он угодил в больницу, из которой живым уже не вышел) и страной фактически руководил Константин Черненко и его клан. А с Черненко у Рашидова были такие же плохие отношение, как и с Владимиром Щербицким. Короче, куда ни кинь — везде клин.

Во второй половине того же дня 27 октября Рашидов принял делегацию финской партии Центра во главе с С. Кляриянненом. Как окажется, это была его последняя официальная государственная церемония, поскольку спустя несколько дней Рашидов скончается.

Трагедия случится ранним утром 31 октября. Накануне Рашидов приедет в столицу Каракалпакской АССР город Нукус, чтобы встретиться с партийным активом автономии, а заодно навестить свою дочь, которая была замужем за сыном руководителя этой автономии. Выглядел Рашидов плохо и все время жаловался на сердце. Как мы помним, оно у него давно было больным, что было следствием того ранения, которое он получил еще на фронте (у Рашидова была ишемическая болезнь сердца, атеросклероз коронарных сосудов, постинфарктный кардиосклероз). Кстати, в Центре прекрасно знали о всех болячках Рашидова, поскольку он, как высшее номенклатурное лицо, был приписан к 4-му управлению Минздрава и часто наблюдался в Москве. Учитывая это, можно предположить, что недоброжелатели Рашидова намеренно нагнетали атмосферу вокруг него, чтобы его сердце не выдержало. Кто-то из читателей сочтет это за досужий вымысел, но думать так есть веские причины. Ведь политика — вещь грязная, тем более политика большая. И неважно, где она вершится: в далеком Белом Доме в Вашингтоне, или в московском Кремле.

В высших кругах СССР было немало случаев внезапных смертей людей, которые были неугодны кому-то из власть предержащих. Самый близкий пример к Рашидову — внезапная смерть члена Политбюро Федора Кулакова. Известно, что Брежнев хорошо относился к этому человеку и считал его одним из реальных своих преемников на посту Генсека. Но, видимо, этот выбор не устроил другие кремлевские группировки. В итоге летом 1978 года Кулаков скончался в одночасье от сердечного приступа в возрасте всего-то 60 лет. В околокремлевских кругах потом долго будут ходить разговоры, что этот приступ был намеренно спровоцирован, чтобы расчистить дорогу выдвиженцу Андропова Михаилу Горбачеву (он стал секретарем ЦК по сельскому хозяйству вместо Кулакова).

Рашидову стало плохо с сердцем около семи часов вечера 30 октября. Его лечащий врач Борис Наумов констатировал острый повторный обширный инфаркт миокарда, в результате которого произошло резкое нарушение сердечной деятельности. Спасти Рашидова было уже невозможно и на следующий день в 5 часов утра он скончался.

Вспоминает Е. Березиков (он, как мы помним, работал в Самаркандском обкоме): «...На работе, когда я поднял трубку правительственного телефона, телефонистка, которая хорошо меня знала, сказала:

— Евгений Ефимович, вы знаете, по правительственной связи в Ташкенте телефонистки между собой говорят о какой-то странной новости.

— А что там такое случилось?

— Говорят, что скончался Рашидов, — неуверенно произнесла она.

Положив трубку, я, честно говоря, долго не мог прийти в себя — сообщение о смерти Рашидова произвело на меня невероятное впечатление. Через несколько минут из Ташкента позвонил один из работников ЦК и подтвердил: «Да, Рашидов скончался в пять часов утра от инфаркта».

Смерть случилась в поезде. Во время разъездов по областям он обычно ночевал не в гостинице, а оставался в своем салоне-вагоне, где с ним были жена, врач и личный повар.

Сообщение о его кончине передали по радио в четыре часа дня...»

Едва эта новость стала общеизвестной, как тут же кем-то был пущен слух, что смерть Рашидова последовала не от естественных причин, а по причине самоубийства (кто-то говорил, что покойный отравился, кто-то — что застрелился). Судя по всему, слух этот намеренно был пущен противниками Рашидова: дескать, если покончил с собой — значит, в чем-то виновен. Этот

слух станет прелюдией к тому, что станут творить с именем Рашидова уже в ближайшем будущем.

Вспоминает С. Ризаев: «В день смерти Ш. Рашидова члены Бюро ЦК собрались в зале заседаний Бюро и обсуждали вопрос об организации похорон покойного и о кандидатуре его преемника. Высказывалась мысль, что Ш. Рашидова следует похоронить не на кладбище, а где-то в центре Ташкента, учитывая его огромные заслуги перед республикой. Кто-то предложил похоронить его в детском парке напротив здания исполкома городского Совета, члены Бюро даже поехали туда, чтобы выбрать место. Уже здесь они засомневались, решили еще раз все обдумать. И когда члены Бюро на нескольких машинах возвращались в здание ЦК, первая машина остановилась у скверика напротив филиала музея имени В. И. Ленина и площади имени В. И. Ленина. Здесь же, на месте было решено, что это наиболее подходящее место для предания земле покойного Ш. Рашидова.

При обсуждении кандидатур на пост первого секретаря ЦК члены Бюро назвали две — Н. Д. Худайбердыева и А. У. Салимова... Второй фигурой в Бюро ЦК после Ш. Рашидова был несомненно председатель Совета Министров Худайбердыев (напомним, что он был одним из старейших членов Бюро: работал в нем в 1962—1964 и с 1971 года — *Ф. Р.*). Кто присутствовал на заседаниях Бюро, запомнил, видел, как резко, бывало, выступал он против мелочной опеки со стороны второго секретаря, когда в отсутствие первого тот вел заседание. Все знали, что это лишь видимая сторона айсберга, что Предсовмина фигура влиятельная, сильная. И он вряд ли бы позволил беспардонно хозяйничать московским ставленникам. Это и решило исход дела...

Второго секретаря ЦК Т. Осетрова позвали к телефону ВЧ, звонили из Москвы. Он долго отсутствовал. Вернувшись, он сообщил, что Москва рекомендует похоронить Ш. Рашидова там, где покоятся его соратники, а на пост первого секретаря предлагают избрать И. Усманходжаева.

Если первая рекомендация была воспринята членами Бюро как совет, то вторая носила характер директивы, которая позднее была реализована на Пленуме ЦК...».

1 ноября все республиканские газеты вышли с некрологом на Рашидова, где указывалось, что смерть руководителя Узбекистана последовала от инфаркта. В тот же день состоялись похороны, на которых присутствовало все республиканское руководство во главе с новым 1-м секретарем ЦК КП И. Усманходжаевым. Из Москвы на похороны был прислан кандидат в члены Политбюро Владимир Долгих (кандидатом он стал в мае 1982 года. — *Ф. Р.*), который был земляком К. Черненко: оба они родились в Красноярском крае, в 1969—1972 годах Долгих возглавлял Красноярский крайком, после чего по протекции Черненко был переведен на работу в ЦК КПСС.

Приехали на похороны и руководители соседних республик: от Киргизии это был 1-й секретарь тамошнего ЦК Т. Усубалиев, от Туркмении — опять же 1-й секретарь М. Гапуров, а вот Казахстан и Таджикистан прислали деятелей рангом пониже: С. Имяшева (председатель Верховного Совета Казахстана) и К. Махкамова (председатель Совета Министров Таджикистана).

Прощание с Ш. Рашидовым прошло во Дворце дружбы. На него пришли десятки тысяч ташкентцев, причем людей было столько много, что всем проститься с «отцом нации» не удалось — для этого не хватило бы и нескольких дней.

Выступая с траурной речью, новый партийный руководитель Узбекистана И. Усманходжаев так отозвался о покойном: «Нет больше с нами верного коммуниста-ленинца, человека большой души и щедрого сердца Шарафа Рашидовича Рашидова. Но его славные дела, его светлый образ — навсегда с нами».

Тогда же были приняты решения об увековечении памяти Ш. Рашидова. Появились две улицы его имени в Ташкенте и родном Джизаке (в последнем был сооружен его бюст), целинный район Кашкадарьинской области был переименован в Шарафрашидовский. Имя Ш. Рашидова было присвоено трем высшим учебным заведениям (в Ташкенте и Джизаке), текстильному комбинату (в Ташкенте), совхозу (в Каракалпакской АССР), областной библиотеке (в Джизаке). В государственном музее истории народов УзССР была организована музей-комната, где создали экспозицию, посвященную жизни и деятельности Ш. Рашидова. Кроме этого, были открыты несколько мемориальных досок на зданиях в Ташкенте, Джизаке и Самарканде.

Глава 36

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС

Несмотря на то, что под некрологом Рашидову подписалось все высшее кремлевское руководство, однако смерть многолетнего лидера Узбекистана для большинства из них оказалась своевременной и желанной. Может быть, поэтому чистки в респуб-

лике хотя и продолжились, однако уже без того энтузиазма как ранее. Объяснялось это, судя по всему, двумя причинами. Во-первых, сам инициатор этих чисток Юрий Андропов тоже находился на смертном одре (жить ему оставалось чуть больше трех месяцев), во-вторых, «ферганцы» добились, чего хотели — вернули себе высшее руководство республикой, и не были заинтересованы в том, чтобы чистки продолжались с прежней энергией. Таким образом между республикой и Центром по этому вопросу был достигнут некоторый паритет. Однако длился он недолго — до смерти Ю. Андропова, последовавшей в начале февраля 1984 года.

Отметим, что смерть эта для многих оказалась неожиданной. Несмотря на то, что Андропов давно страдал серьезным заболеванием почек, однако на момент своего прихода к власти был вполне работоспособным (кстати, это видно и по его фотографиям того времени). Однако уже к осени 1983 года Андропов стал стремительно сдавать и с октября фактически прописался в Центральной Кремлевской больнице в Кунцево. Живым из нее он уже не вышел.

Как гласит официальная версия, окончательно подточила Генсека элементарная простуда. Якобы в сентябре во время отдыха в Крыму он простудился и «заработал» себе флегмону. Ему была сделана операция, однако полностью оправиться после нее Андропов так и не смог. К зиме он уже не мог ходить и плохо видел. Однако много позднее станут известны новые подробности последних месяцев жизни Андропова.

В самом начале болезни Генсека председателю КГБ СССР Виктору Чебрикову пришло письмо за подписью двух высокопоставленных чекистов. В нем они утверждали, что лечение Андропова поставлено из рук вон плохо, и требовали от Чебрикова немедленного вмешательства. Председателю КГБ не оставалось ничего иного, как вызвать на Лубянку начальника 4-го Управления Минздрава Евгения Чазова.

Узнав о письме чекистов, тот в свою очередь отреагировал на него весьма нервозно. Двое ничего не смысливших в медицине людей пытались учить его, академика, как ему лечить. Было от чего возмутиться. К тому же болезнь Андропова была слишком тяжелой, чтобы не понимать, что он, в сущности, обречен и спасти его вряд ли кому удастся.

Тем временем в конце января 1984 года из-за нарастающей интоксикации у Андропова стали появляться симптомы выпадения сознания. Смерть его ждала с минуты на минуту. Она наступила 9 февраля. И сразу же как отголосок того письма, что пришло зимой Чебрикову, на свет явился документ, который один из агентов ленинградского КГБ, вернувшийся из Москвы, положил на стол своего начальства. Вот его текст:

«Среди персонала 1-го медицинского института, связанного с 4-м Главным управлением Минздрава СССР, циркулируют разговоры о загадочности смерти Генерального секретаря ЦК КПСС. По мнению ряда специалистов, в ГУ есть люди, которые на ранней стадии болезни Андропова умышленно вели неправильный курс лечения, что впоследствии привело к его безвременной кончине. На более поздней стадии ведущие специалисты страны были бессильны что-либо сделать, несмотря на все предпринимавшиеся ими меры. Люди, «залечившие» Андропова, связаны с группировкой (название условно) некоторой части партийных аппаратчиков в Москве, которым пришлись не по вкусу позитивные изменения и реформы, начатые Андроповым, в частности намерение изменить «кремлевский паек», призывы к личной скромности партийных работников, обращение к ленинским идеалам коммуниста. Один бывший ответственный сотрудник Госплана СССР подтвердил изложенное выше и добавил, что Андропова убрали».

Действительно, врагов у Андропова еще в бытность его шефом КГБ было предостаточно. А когда он стал Генеральным секретарем и президентом страны одновременно количество этих врагов выросло в геометрической прогрессии. В числе людей, активно желавших новому руководителю смерти, могли быть представители разных кланов. Это могли быть как «брежневцы», которых Андропов стал «прессовать», едва пришел к власти, так и «глобалисты», доверие которых Андропов оправдывал все меньше и меньше, войдя в жесткий клинч с США.

Кое-кто из историков позднее причислит к сонму возможных убийц Андропова и представителей мусульманских элит, которые якобы мстили ему за его «десант» в Узбекистане. Но эта версия не выдерживает критики, поскольку к власти в Кремле в итоге пришел такой же антимусульманин — Константин Черненко. И при нем «андроповский десант» в Узбекистане заработал даже еще энергичнее, чем раньше. В этом деле устремления нового Генсека полностью совпадали с целями «кремлевских глобалистов». Тем более те прекрасно понимали, что больной Черненко долго не протянет и им, перед приходом к власти, нужно продолжать зачищать те регионы, элита которых не внушала им доверия.

В Узбекистане они сделали ставку на «ферганцев» и «ташкентцев», надеясь с их помощью оттеснить «самаркандцев» и их союзников от власти и сделать республику ручной. Для этого там был оставлен «андроповский десант» во главе с Т. Гдляном, который должен был помочь новым руководителям в их планах. Увы, но последние были слишком увлечены процессом захвата командных позиций, чтобы понять, что силы, рвущиеся к власти в Кремле, преследуют свои узкокорыстные цели и при первом же удобном случае не замедлят обрушить свою секиру на них самих. Впрочем, в мировой истории достаточно подобных примеров, когда недавние союзники в борьбе за власть становились потом лютыми врагами.

В итоге вслед за «бухарским делом» Кремль затеял в Узбекистане еще одно, куда более масштабное и потому более перспективное с точки зрения политических дивидендов. Это дело получило название «хлопкового». Началось оно буквально накануне ухода из жизни Андропова — в январе 1984 года. Именно тогда сотрудники УКГБ по Москве и области задержали в злотоглавой двух жителей Узбекистана: директора Учтепинского хлопкоочистительного завода объединения «Джизакзаготхлопкопром» Узбекской ССР и товароведа Дустликского хлопкозавода того же объединения. Они, якобы, пытались вручить взятку в размере 40 тысяч рублей одному из руководителей Серпуховского хлопчатобумажного комбината за оформление фиктивных документов о производственной поставке комбинату этими узбекскими заводами 150 тонн хлопка. На самом деле вместо хлопка в Серпухов были пригнаны 4 вагона отходов, так называемого линта, эти отходы надо было записать как волокно.

Как мы помним, подобная система приписок имела место еще при Хрущеве, однако тогда это были все-таки единичные случаи. Как система это оформилось в самом конце 70-х, когда Центр, в погоне за валом, повысил норму сдачи хлопка государства во всех хлопкосеющих республиках и те, чтобы не попасть в отстающие (а это могло самым пагубным образом сказаться на выделении различных субсидий и фондовых ресурсов), стали мухлевать с цифрами.

Чуть позже перестроечная пресса изрядно постарается, чтобы изобразить сдачу хлопка в том же Узбекистане как одну сплошную махинацию. В сотнях (!) статей само понятие «хлопкороб» превратится в нечто ругательное. На самом деле приписки при сдаче хлопка составляли лишь незначительную часть от сбора. Например, в середине 70-х самым отстающим регионом в республике по части сбора хлопка была Бухарская область. Казалось бы, чего проще: приписывай себе лишние тонны и живи припеваючи. Но этого не происходило, поскольку о массовых приписках тогда никто не думал. И ситуацию удалось разрешить с помощью волевого подхода: в феврале 1977 года Рашидов в приказном порядке назначил 1-м секретарем Бухарского обкома одного из лучших руководителей — Абдувахида Каримова.

До этого Каримов более шести лет руководил Сурхандарьинским обкомом. При нем ежегодно область увеличивала урожай хлопка на 25-30 тысяч тонн опять же не с помощью приписок, а за счет грамотной экономической политики — привода в область большого количества воды (отметим, что тамошний климат считается самым жарким в СССР). Для этого пришлось построить два крупных водохранилища: Тупалангское и Актепинское. В итоге уже в 1976 году область дала 484 тысяч тонн хлопка (шесть лет назад было всего 360 тысяч тонн).

До Каримова Бухарская область три года подряд не выполняла планы по заготовке хлопка. Причем сами бухарцы считали ситуацию безнадежной — полагали, что их земля (избыточно соленая) уже не может давать много «белого золота». Но Каримов переломил ситуацию. По его же словам:

«Изучив причины отставания области, я понял, что здесь, так же как в Китабе и Сурхандарье, это происходит из-за низкой водообеспеченности, ухудшения мелиоративного состояния орошаемых земель, монокультуры, нарушения севооборота. А все это явилось следствием неправильной кадровой политики и нарушения трудовой дисциплины, отсутствия надлежащего партийного руководства народным хозяйством. Большинство членов бюро обкома и первых секретарей райкомов, горкомов партии были педагоги, которые получили образование заочно. Они работали по 15—20 лет, не зная толком агротехники, мелиорации и механизации (Каримов был кандидатом технических наук по мелиорации. — *Ф. Р.*), сложных сельскохозяйственных процессов. На всех руководящих должностях, как в районах, так и в области, работали родственники и близкие членов бюро обкома и горкома партии. Существовала круговая порука. Эти выдвиженцы из-за незнания дела и в условиях безнаказанности работали плохо, а Бухарская область занимала последнее место по экономическим показателям в Узбекистане. Для исправления положения дел в этой области ЦК КП Узбекистана освободил первого, второго и других секретарей обкома, председателя облисполкома, большинство секретарей райкомов партии...

В конце 1977 года, когда после трехлетнего провала Бухара перевыполнила план — дала 110 процентов — народ был очень доволен. Прямо на совещаниях говорили: «Оказывается, бухарская земля может давать урожай, а наши прежние руководители всегда утверждали, что выполнить план на соленой земле невозможно!»...».

Примерно с 1980 года в Москве и хлопкосеющих республиках стала складываться система хлопковых приписок. На перерабатывающие предприятия России, Узбекистана, Украины, Казахстана под видом хлопка шестого сорта шли поставки его отходов, пресловутого линта. Шли не безвозмездно. Вагон такой «безтоварки» стоил 10 тысяч рублей. Это была отлаженная система, когда хищения совершались не изъятием из натурального количества, как кусок от пирога, а государству продавалось несуществующее количество хлопка-сырца, а затем «пустота» как бы материализовывалась для сокрытия. И ЦК, и Совмин СССР не могли не видеть этих приписок. Ведь они в общей сложности составили не менее 3—4 миллионов тонн, за этот «воздух» из госбюджета было выделено около 2—3 миллиардов рублей. Из них украдено было 1—1,5 миллиарда (отметим, не только в Узбекистане). Но никто ничего «не замечал», потому что так оказалось выгодно многим. Однако даже после того, как у Центра вдруг прорезалось зрение, зоркость эта получилась явно однобокой.

По ней выходило, что всесоюзным центром приписок был Узбекистан, а в других республиках эти махинации были единичными. В итоге в течение января — марта 1984 года по «хлопковому делу» были арестованы несколько десятков жителей Узбекистана (среди них: директор объединения «Дзижакзаготхлопкопром» Шадиев, заведующий приемным пунктом Учтепинского хлопкозавода Султанов и др.), у которых изъяли денег и ценностей на сумму 2 миллиона 314 тысяч рублей, и лишь несколько граждан других республик (азербайджанский министр Салманов, еще один туркменский министр, казахстанский). Однако никаких «десантов» в другие республики, кроме Узбекистана, из Центра отправлено не было.

Между тем в конце июня 1984 года в Ташкенте состоялся XVI Пленум ЦК КП Узбекистана. Доклад, с которым на этом форуме выступил 1-й секретарь республиканского ЦК И. Усманходжаев, содержал в себе изрядную долю нелицеприятной критики в адрес узбекистанских властей. И хотя имя Ш. Рашидова в нем ни разу не упоминалось, однако всем было ясно, в чей огород был брошен камень. Отметим, что этот доклад, хотя и писался в Ташкенте, однако руку к нему приложила группа ответственных работников ЦК КПСС во главе с самим заведующим Отделом организационно-партийной работы Егором Лигачевым. То есть по сути текст этого документа был написан под диктовку Москвы. Чтобы читателю стало понятно, о чем шла речь в этом докладе, сошлюсь на репортаж с работы Пленума специальных корреспондентов газеты «Правда» Н. Гладкова, Н. Кожанова и Ю. Мукимова:

«...В народном хозяйстве республики наряду с достижениями просматривается ряд слабых звеньев, выявились серьезные упущения. Где же их корни, в чем причины, их породившие? Что мешало республиканской партийной организации своевременно взяться за их устранение? Глубокий анализ, сделанный участниками пленума, дал на эти вопросы ответ прямой и нелицеприятный: в республике были допущены грубые промахи в стиле руководства экономическим и культурным строительством, наглядно проявился разрыв между словом и делом, обнаружились отступления от ленинских норм и принципов партийной жизни...

В условиях круговой поруки, бесконтрольности и вседозволенности не исключено нравственное падение и перерождение отдельных работников. Некоторые руководители начинают заботиться не столько о порученном деле, сколько о собственном благополучии. А отсюда недалеко и до приписок, хищений, использования служебного положения в корыстных целях...».

О том, как развивались события после Пленума, рассказывает С. Ризаев:

«Изложение доклада (речь идет о докладе И. Усманходжаева, который в узбекистанской прессе был напечатан в изложении. — *Ф. Р.*) поразило читателей резкостью оценок и необычным обилием высоких должностей раскритикованных работников, при попустительстве которых, как было сказано, в республике допускались грубые нарушения партийной и государственной дисциплины. Приводились факты приписок, очковтирательства, злоупотреблений служебным положением отдельных партийных, советских, хозяйственных работников. Их, однако, было так много, что тень ложилась на всех руководителей. Принятое постановление было также опубликовано в республиканской печати.

Затем в течение месяца-двух согласно графика, составленного в Отделе оргпартработы ЦК, состоялись пленумы областных комитетов партии, в городском и районном звене. По сути, все они сводились к тому, что бичевались стиль, методы кадровой работы. Девиз: «Привести побольше фактов негативных явлений, побольше фамилий виновных». Это вменялось в обязан-

ность докладчикам и их консультантам из вышестоящих партийных комитетов. В каждую область, город, район выехали члены ЦК, работники аппарата ЦК, чтобы на месте помочь провести пленумы в заданном строго критическом духе.

В спешке, торопливости к каждому факту неблагополучия пристегивалось имя конкретного руководителя. Внешне это выглядело довольно убедительно. Принципиально и нелицеприятно вскрываются недостатки, весь негатив подается в предельно обнаженном виде. «Маятник» качнулся! Если раньше в докладах, выступлениях больше говорилось об успехах, теперь фигурировали одни недостатки и провалы. На анализ проблем, глубинных процессов, коренных противоречий не оставалось ни желания, ни времени. Уполномоченные поняли задачу узко: больше критики, больше крови! Нагоним страху! И с каждым будущим выступающим (они, как всегда, заранее намечались) проводилась соответствующая работа, его опекали, с ним беседовали, подсказывали ту или иную проблему, объект критики, его выступление писалось, редактировалось в стенах партийного комитета. Исключение делалось лишь для первых секретарей партийных комитетов, которые сами знали, как ставится вопрос, и могли сориентироваться. Их особо не опекали...».

Этот Пленум стал тем самым компромиссом между новым руководством Узбекистана и Центром, согласно которому последние помогали первым закрепиться у власти, а те в свою очередь не должны были сопротивляться расширению деятельности «андроповского десанта» в своей вотчине. В итоге уже в июле в Узбекистане случилось беспрецедентное для всей страны событие: был арестован сначала министр хлопкоочистительной промышленности В.Усманов, а затем и вся (!) коллегия данного министерства. Так что полоса репрессий в этой южной республике, начавшаяся более года назад, вновь начала набирать обороты, захватывая в свою орбиту все больше и больше высокопоставленных деятелей. Начавшись с ареста начальника ОБХСС областного масштаба, репрессии достигли уровня министров и членов ЦК республики. 11 августа был задержан уже упоминавшийся выше 1-й секретарь Бухарского обкома партии Абдувахид Каримов, что тоже было событием из разряда экстраординарных — до этого в СССР еще ни разу не арестовывался столь высокопоставленный партийный руководитель. 13 августа было заведено уголовное дело на директора Папского РАПО, Героя Социалистического Труда (1965) Ахмаджона Адылова. Предчувствуя свою

печальную судьбу, 15 августа застрелился бывший министр внутренних дел Узбекистана К. Эргашев.

Поскольку центральная и республиканская пресса в те дни весьма скупо освещали чистки в Узбекистане (этот процесс наберет обороты в годы горбачевской гласности), поэтому страна полнилась самыми невероятными слухами. Я помню как в Москве люди судачили о горах золота и бриллиантов, изъятых у узбекистанских коррупционеров, а также о сотнях наложниц и тысячах простых дехкан, томящихся в их гаремах и зинданах, сродни средневековых. Поскольку я до этого неоднократно бывал в Узбекистане и знал тамошнюю жизнь не понаслышке, эти слухи воспринимались мной как откровенный вымысел. Но многие москвичи, ни разу не бывавшие в тех краях, искренне верили во все это. Судя по всему, именно этого и добивались те, кто целенаправленно распространял подобную дезинформацию среди рядовых советских граждан.

По задумке организаторов этой кампании, Узбекистан должен был предстать в глазах обывателей «всесоюзным центром преступности». Это было тем более кощунственно, что долгие годы именно эта республика по части криминогенной обстановки считалась одной из самых благополучных в Союзе. Но после приезда туда «андроповского десанта», который весь свой пыл направил на выявление взяточников и коррупционеров, кривая уголовной преступности в республике резко пошла вверх. Впрочем, так было не только в Узбекистане, но и по всей стране: широкомасштабная атака КГБ на органы МВД буквально развязала руки уголовному криминалитету.

Основательная перетряска правоохранительных органов, затеянная министром внутренних дел В. Федорчуком, огульное увольнение десятков первоклассных оперов не могли не сказаться на качестве работы уголовного розыска страны. В то время как КГБ, имея мощную поддержку на самом кремлевском верху, давил по всей стране «беловоротничковую» преступность, уголовный розыск боялся и шагу ступить, чтобы не вызвать гнев со стороны нового начальства. Во многих регионах штат розыскников был заменен на 80% зеленой молодежью, которая только-только начала постигать азы оперативной службы. Но и они работали с оглядкой, так как знали: за каждым их шагом зорко наблюдают находящиеся рядом штатные сотрудники КГБ. Именно для них в МВД СССР и во всех МВД союзных и автономных республик, в краевых и областных управлениях были выделены специальные кабинеты. Давно уже советский милиционер не чувствовал

себя таким бесправным, как в эти годы. Даже бесплатный проезд в городском транспорте для сотрудников милиции решением Федорчука был отменен. Это было явным нарушением Закона о милиции, и вскоре Прокуратура Союза опротестовала такое решение. Но сам прецедент...

В Узбекистане широкомасштабное наступление на «беловоротничковых» тоже вдохнуло свежие силы в организованную преступность. Такого ее разгула просто не могло быть при Ш. Рашидове, который всегда держал руку на пульсе работы правоохранительной системы. А теперь республиканские органы внутренних дел оказались настолько деморализованными, что противостоять распоясавшимся бандитам практически стало некому. Волна бандитизма буквально захлестнула республику. В 1984 году следственные органы Узбекистана зафиксировали 308 вооруженных разбойных нападений, 1406 грабежей и 5101 квартирую кражу.

Как пишет генерал милиции А. Гуров: «Т. Гдлян вовсе не занимался лидерами уголовной среды, у которых на крючке сидели коррумпированные чиновники. Видимо, перед Гдляном стояла другая задача — прощупать зарвавшихся секретарей райкомов и обкомов, что и получилось, благо разрешение «на отстрел» было. Так что Гдлян прошел мимо настоящей мафии. Он извлекал ценности и задерживал подозреваемых, которых потом, как мы знаем, освободили, а против него самого в Узбекистане хотели возбудить уголовное дело по причине сомнительных методов следствия...».

Дискриминация Узбекистана шла по всем направлениям, в том числе и в СМИ. Например, в телетрансляциях ЦТ практически нельзя было уже встретить эстрадных номеров с участием артистов из этой солнечной республики. Причем, началось это еще при жизни Рашидова. Например, в новогоднем «Голубом огоньке», показанном в первые часы 1983 года были представлены артисты практически из всех союзных республик, кроме Узбекистана. Это было тем более странно, что буквально накануне (в декабре 1982 года) страна торжественно отмечала 60-летие с момента образования СССР.

Печальная участь постигла и футбольную команду «Пахтакор» из Ташкента. После страшной трагедии в августе 1979 года, когда основной состав этой команды погиб в авиакатастрофе и был набран новый — из разных советских клубов, «Пахтакор» угодил в полосу неудач. Если в роковом 79-м он занял 9-е место, то в следующем году очутился уже на 16-м, а в 81-м и вовсе на последнем, 18-м месте. Как вдруг в 1982 году случилось невероятное: «Пахтакор», нанеся поражения таким грандам советского футбола, как столичный «Спартак», ЦСКА, тбилисское «Динамо», повторил свое лучшее достижение, датированное далеким 62-м годом — занял 6-е место. Но длился этот триумф недолго.

В последнем сезоне при жизни Ш. Рашидова (1983) «Пахтакор» занял 10-е место. Затем Рашидов скончался и с его уходом разом закатилась и звезда ташкентского «Пахтакора». В сезоне 1984 года его преднамеренно выкинули в первую лигу (в сговоре участвовали руководители трех именитых клубов), из которой в высший дивизион советского футбола он уже в том десятилетии так и не вернулся.

Тем временем дни Генсека Константина Черненко были уже сочтены. Как теперь известно, его здоровье резко пошатнулось осенью 84-го, после того, как он, будучи на отдыхе, отведал... копченой рыбы, которую ему прислал в подарок министр внутренних дел СССР В. Федорчук. Отравившись этим «подарком», Черненко с этого момента стал сильно сдавать. Хотя еще совсем недавно, вроде бы, держал бразды правления страной в своих руках и даже предпринимал попытки значительно ослабить позиции своих конкурентов в борьбе за власть.

Так, в Москве были продолжены антикоррупционные чистки в среде торговых работников, что было скрытой атакой на хозяина столицы — члена Политбюро Виктора Гришина. Как мы помним, эти чистки начались еще в бытность Генсеком Юрия Андропова и преследовали ту же цель — дискредитацию Гришина. За эти несколько лет в системе столичного Главторга было привлечено к уголовной ответственности 15 066 человек, из которых 1221 были руководителями различных рангов (это было 7,5% штатной численности работников Главторга). Однако именно при Черненко разработчики этой операции добрались до самого начальника Главторга — Николая Трегубова. Отметим, что еще в январе 84-го чья-то властная рука пыталась остановить занесенный над его головой топор и пересадила Трегубова в другое кресло — он стал управляющим Союзторгпосредконторы Министерства торговли СССР. Однако это не спасло чиновника: в июле он был арестован. Судя по всему, потому, что состоял в дружеских отношениях с Гришиным и очень много знал о закулисных нитях, связывающих московские власти с «беловоротничковой» преступностью в Главторге.

Тогда же был нанесен удар и по другому члену Политбюро — Григорию Романову. Именно в аппарате Черненко была реанимирована и запущена в народ сплетня о том, что в конце 70-х, когда

Романов выдавал свою дочь замуж, свадьбу якобы справляли в Таврическом дворце (на самом деле торжество проходило на романовской даче под Ленинградом), причем гуляли по-барски — с битьем уникальной раритетной посуды екатерининских времен из коллекции Эрмитажа. Кремлевские политтехнологи знали, что делали: в информационно закрытом советском обществе любая подобная сплетня становилась объектом самого широкого обсуждения. В итоге безупречная до этого репутация Романова была изрядно подмочена.

Третьим в этом списке персон, в компрометации которых был заинтересован Черненко и люди, которые за ним стояли, оказался самый молодой член Политбюро Михаил Горбачев. Для его дискредитации был выбран «гришинский» вариант. То есть, в бывшую вотчину Горбачева Ставропольский край был отправлен «десант» из следователей союзной Прокуратуры (отметим, что часть из них работала по «бухарскому делу») и КГБ. Однако из этой затеи (в отличие от гришинской) ничего не вышло. Генсек внезапно «отравился» и в марте 1985 года ушел из жизни. Новым Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран именно Михаил Горбачев и уже спустя два месяца следственная группа, работавшая в его бывшей вотчине, была в полном составе отозвана назад (кто-то из следователей продолжил работу в Москве, а кто-то опять вернулся в Узбекистан).

Как теперь уже понятно — Горбачев являлся ставленником «кремлевских глобалистов», которые действовали в тайном сговоре со своими зарубежными сторонниками, полпредом которых выступила тогдашний премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер (одна из лидеров неоконсерваторов): это она во всеуслышание объявила на весь западный мир, что «с этим человеком можно иметь дело». Кроме этого, свою лепту внесли и воротилы еврейских и закавказских диаспор, жившие за пределами СССР и обладавшие не только огромными финансовыми средствами, но, главное, влиянием во всем мире. В самом Союзе за Горбачева хлопотали разные люди: тут были и влиятельные «международники», вроде члена Политбюро, министра иностранных дел Андрея Громыко, или кандидата в члены Политбюро, заведующего Международным отделом ЦК КПСС Бориса Пономарева; а также фигуры рангом пониже, вроде директора Института США и Канады Георгия Арбатова, директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Александра Яковлева, или его сменщика (с 1985 года) на посту директора Евгения Примакова (отметим, что последний имел кавказские корни: он

родился в Тбилиси и был женат на сестре директора Института системных исследований ГК по науке и технике Джермена Гвишиани).

Как теперь известно из мемуаров многих очевидцев тех событий, приход Горбачева к власти готовился долго и тщательно. Но особенно форсированным этот процесс стал накануне смерти Черненко — зимой 85-го. Именно тогда был окончательно перетянут на сторону горбачевцев Андрей Громыко, хотя перетянуть его большого труда не составляло: он был умным человеком и прекрасно видел, чья сила ломит не только в СССР, но и в мире (сила глобалистов). Поэтому на заседании Политбюро 11 марта именно Андрей Громыко предложил выбрать Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Горбачева. И ни один человек, присутствовавший на том историческом заседании, не высказал даже намека на сомнение.

Промолчали и ближайшие конкуренты Горбачева в борьбе за власть: Виктор Гришин и Григорий Романов, поскольку были скомпрометированы и деморализованы задолго до этого. Потому они сдались фактически без боя, надеясь на снисхождение со стороны победителя. Надежды оказались тщетными: Романова новый Генсек отправил в отставку спустя три с половиной месяца после своего прихода к власти (2 июля), а Гришина чуть позже — в феврале 1986 года. Вместо Романова в Политбюро был введен бывший руководитель Грузии Эдуард Шеварднадзе, который был назначен на пост министра иностранных дел СССР. А престарелый Громыко был вознагражден за свое рвение декоративным, но почетным постом председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Назначение Шеварднадзе на столь ответственный пост не просто удивило большинство граждан СССР — как рядовых, так и высокопоставленных — оно их буквально ошеломило. Даже сам Громыко, когда Горбачев впервые сообщил ему об этом, на время потерял дар речи. И лишь чуть позже заметил: дескать, если вы этого так хотите... В результате это назначение было осуществлено в считанные дни.

Много позже станет понятно, откуда росли ноги у этого назначения. Со стороны Горбачева и К° это было своеобразным «алаверды» в сторону кавказцев, внесших весомый вклад в дело его возведения на трон, а также уступка мировым глобалистам, которые уже приступили к практическому осуществлению будущего развала СССР. И лучшей кандидатуры для этого, чем сепаратист Шеварднадзе, трудно было себе представить. Тем более,

что с Горбачевым они были знакомы уже почти 20 лет, но особенно сблизились в конце 70-х, когда вместе отдыхали в Пицунде и вели длительные дискуссии о будущих реформах в СССР. Как вспоминает сам Э. Шеварднадзе:

«Если одним рывком преодолеть три десятилетия нашего (с Горбачевым. — *Ф. Р.*) знакомства и перенестись в конец семидесятых — начало восьмидесятых, то можно увидеть такую картину. Пустынный парк на безлюдном берегу Черного моря в районе мыса Пицунда и мы вдвоем, неспешно прохаживающиеся по аллее. «Прогулка в лесу» с далеко идущими последствиями. К тому времени Михаил Сергеевич Горбачев, секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро, и я, первый секретарь ЦК Компартии Грузии, тоже кандидат в члены Политбюро, уже не таили друг от друга своих взглядов...

В те годы мы еще не проецировали столь прямо внешнеполитические дела на внутреннюю ситуацию в Советском Союзе, хотя обоим было ясно: не изменив внешнюю политику, не изъяв из нее главные факторы недоверия — силовой компонент и ориентацию на идеологические «указатели пути», мы не создадим вокруг нее зоны комфортного доверия...».

Как мы теперь знаем, «зону комфортного доверия» Горбачев и Шеварднадзе создали, только комфортно в ней чувствовал себя лишь стратегический противник СССР — США, а сами Советы должны были играть в этой «зоне» роль туземца, которого мировые глобалисты собирались купить (и благополучно купили) за бижутерию. Как верно заметит госсекретарь США Дж. Бейкер: «Шеварднадзе выполнил все наши пожелания на 120 процентов!». В итоге некогда великий и могучий СССР пал.

За оказанную ему услугу в деле уничтожения великой державы Запад сполна воздал «пицундским заговорщикам»: осыпал их всевозможными наградами и провозгласил «людьми столетия». Таковыми они считаются в либеральной историографии и поныне. Зато деятели вроде Шарафа Рашидова числятся там по разряду преступников. Что, естественно, верх вопиющей несправедливости. Рашидов был интернационалистом, лидером одной из самых просоветских республик и СССР не разваливал. В его деятельности были ошибки и заблуждения, но высокой идее он всегда оставался верен и страну свою, ровесником которой являлся, не предавал. Побегушкой или официантом-разносчиком на банкете мировых глобалистов он никогда не был, да и не мог быть по определению. За это, собственно, горбачевский Агитпроп и сделал из него этакого монстра — «босса всесоюзной мафии». Чтобы истинные мафиози чувствовали себя в безопасности.

Придя к власти, Горбачев запустил проект «перестройка», в котором настоятельно нуждалась страна. Однако под его руководством этому проекту суждено было войти в историю как катастрофа (не случайно в народе его нарекли «катастройкой»). Историки потом долго будут спорить о том, что двигало Горбачевым: недостаток опыта или злой умысел. Пока в 1999 году он сам не поставил точку в этих спорах, заявив в Турции, на семинаре в Американском университете, следующее:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма... Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Когда я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступать от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех коммунистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря... Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы...».

Таким образом Горбачев и его ближайшие соратники конкретно разваливали страну, под видом перестройки сея в ней «управляемый хаос» (начался этот процесс еще в мае 1985 года с пресловутой антиалкогольной кампании). По этому поводу приведу слова писателя-конспиролога Ю. Воробьевского:

«Чтобы установить новые правила игры, новый порядок, надо заставить людей пройти через хаос. Смятение истощает, очередное разочарование укладывает самых активных на диван — погружает в теленевидение. Люди, охваченные апатией и ложью, удобны для управления. Порядок из хаоса — масонский девиз. Технология была уже апробирована, в том числе и в Соединенных Штатах. Что происходило в Америке с начала 60-х? По сути, стимулировалась война уличных банд. Она даже стала популярной — после «Вестсайдской истории» (фильм Роберта Уайза 1961 года выпуска. — *Ф. Р.*). СМИ будоражили умы темой наркомании. А тут еще Хичкок своими ужасами пугает. «Птицы», которые врываются в человеческое жилище, явились образом клокочущего агрессивного хаоса. Кстати, еще в 70-е годы в США было создано Федеральное агентство по управлению чрезвычайными ситуациями. Через шоки, в ходе управляемых конфликтов, вы-

плавлялась новая популяция американцев. Молодежь превращали в лишенное консервативных рудиментов «поколение цветов». Когда цветочки облетели, остались антропоморфные овощи...».

А вот еще одно мнение на этот счет — известного философа А. Зиновьева, который в конце 70-х эмигрировал из СССР и считался большим специалистом по советской системе:

«Горбачевская перестройка стала реальностью кризиса, подтолкнула его. Тогда много говорили о реформах в СССР. Я же буквально кричал — никаких реформ! Сложилась ситуация, при которой любые реформы вели к кризису и краху...

Госаппарат СССР обвиняли в коррупции, но коррумпированность такого рода систем на Западе была выше. Теперь тогдашние советские взяточники кажутся младенцами по сравнению с тем, что сейчас происходит в России. Назревал кризис, но высшее советское руководство и интеллектуальная элита не понимали его природы и не знали, какие меры надо предпринимать. Более того, шла «холодная война» и Запад оказывал огромное влияние на советское общество, провоцируя идеологический кризис. В результате верхушка руководства страны и элита были разложены, деморализованы. Важнейший фактор развала советской системы заключается в том, что они встали фактически на путь предательства. Те организации на Западе, которые работали против Советского Союза, это понимали и всячески этому способствовали...».

В Узбекистане состояние хаоса намеренно нагнеталось следственной группой Тельмана Гдляна и Николая Иванова, которая после прихода к власти Горбачева была увеличена до 200 человек (всего в республике трудилось около четырех тысяч (!) «десантников»). Полномочия Гдляна были расширены и он по сути превратился в фактического наместника Москвы в республике (не зря его называли «начальником отдела кадров ЦК КП Узбекистана»), а его номер в ташкентской гостинице «Щелковичная» стал главным репрессивным штабом, от одного упоминания о котором в дрожь бросало всех жителей республики: от рядовых до самых высокопоставленных. Одного телефонного звонка Гдляна или записки, написанной его рукой, было достаточно, чтобы любого узбекского чиновника исключили из партии, арестовали и посадили за решетку.

Борьба с коррупцией в Узбекистане по сути превратилась в целенаправленный разгром партийных, государственных и правоохранительных органов. Аресты и отставки шли на всех этажах власти: начиная от министров и секретарей обкомов, и заканчивая начальниками областных и районных УВД. При этом аппарат КГБ в орбиту следствия не попадал. В итоге уголовная преступность в республике продолжила свое победное шествие: даже Ташкент, совсем недавно одна из самых безопасных столиц не только СССР, но и мира, стал превращаться в город разнузданного криминала.

17 мая 1985 года застрелился бывший заместитель министра внутренних дел Узбекистана Г. Давыдов, отстраненный от должности за неделю до этого. Перед смертью генерал написал предсмертное письмо, в котором сообщал следующее:

«Горько и обидно, что неожиданно предложили уйти на пенсию и сделано это в столь бесцеремонной и даже грубой форме. Сейчас, по-моему, стало легче оболгать ответственного работника, чем когда-либо, запачкают грязью, а потом отмывайся. И мне кажется, что кто-то хочет оклеветать меня, взвалив на мои плечи грехи прежних руководителей, очернить безупречную работу в МВД в течение 16,5 лет. Ухожу честным работником МВД, коммунистом, генералом, отцом... Я вынужден сам принять крайнюю меру к сохранению своей чести и достоинства. А перед этим не лгут».

Между тем на действия следственной группы Гдляна-Иванова в союзные органы стали поступать многочисленные жалобы. В них сообщалось, что следователи применяют недозволенные методы, повторяя 37-й год: то есть избивают и пытают людей. Конечно, можно было бы отмахнуться от этих заявлений, объясняя их просто желанием коррупционеров свалить с больной головы на здоровую, однако вся закавыка была в том, что даже некоторые следователи-«десантники» выражали свое возмущение жестокими действиями своих коллег. Например, следователь Шамсутдинов заявил, что он был очевидцем ударов и плевка в лицо подследственному, нанесенных одним из следователей. Факты издевательств подтвердили также следователь Шароевский и ряд тюремных информаторов (кстати, их показания Гдлян пытался изъять из уголовных дел). Еще один следователь — сотрудник БХСС МВД СССР М. Аверков, покинувший группу Гдляна — Иванова, чуть позже заявил: «Я с Гдляном работать отказался, и не потому, что побоялся чего-то, а просто не привык издеваться над людьми».

24 мая 1985 года подследственный М. Барнаев был доставлен после допроса в больницу с множественными кровоподтеками, рвотой и головными болями. Он заявил, что был избит следователями. Факт избиения был установлен и прокурорской провер-

кой. Однако уже в следующем месяце дело об избиении перешло в руки союзной прокуратуры, которая переправила его... Гдляну. В итоге Барнаев был арестован и после соответствующей обработки «признался», что был избит своим дядей, в передаче взятки которому и обвинялся.

Приведу отрывки из некоторых писем, которые поступили тогда на имя тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко от людей, которые пострадали от действий следователей из группы Гдляна — Иванова:

«В конце октября 1985 года меня в мои 70 лет схватили и как особо опасного преступника под специальным конвоем этапировали в следственный изолятор Ташкента. Первую неделю после такого ареста я вообще говорить не мог. Тогда я думал, что не выдержу весь этот унизительный ритуал лишения свободы. Но долгая солдатская дорога оставила, видимо, какой-то след мужества и терпения... От меня требовали, чтобы я признал взятку в 300 тысяч рублей, а не то, говорили, сгноим в тюрьме или поместим в психиатрическую больницу. Оказавшись в таком безвыходном и беспомощном положении, я понял, что единственный шанс спасти свою жизнь — покорность. И я встал на путь лжесвидетельства, самооговора и оговора тех, кого мне называли...».

А вот отрывок из письма председателя одного из колхозов, арестованного по делу секретаря Каракалпакского обкома партии: «Мне предложили признаться во взятке секретарю N, разъяснив: если признаюсь, то мне ничего не будет и все останется в секрете. Но я сказал, что не могу давать ложных показаний. Услышав это, они стали угрожать мне тем, что посадят меня между уголовниками, а им подскажут, чтобы они делали со мной все что хотят, пусть тебя топчут (подлинных их слов написать просто невозможно), убивают, тогда ты как миленький напишешь все, что от тебя требуют. Пошлость, низменный жаргон, уличный мат и похабщина были для следователя нормой разговорной речи. Если бы мне сказали, что подобное возможно в наше время, вряд ли бы я поверил...».

Конечно, кто-то опять может возразить: дескать, подобные письма люди могли писать, чтобы обвинить честных следователей и выгородить себя. Но как в таком случае быть с презумцией невиновности? И почему словам следователей надо верить больше, чем словам подследственных? Разве из нашей истории мы знаем мало случаев, когда сотрудники правоохранительных органов «ломали» подследственных, сажая их в камеры к уголовникам и запугивая таким способом людей, показания которых им были необходимы?

Когда поток жалоб из Узбекистана превысил все мыслимые нормы, Москва создала специальную прокурорскую группу, которая должна была проверить обоснованность этих жалоб. О результатах этой проверки вспоминает один из ее участников — Виктор Илюхин:

«По данным проверки, следователи часто изымали из материалов дела документы, противоречащие версии следователей. Когда «продиктованные» следствием показания очевидно расходились с реальностью, они оперативно пересматривались. Так, по схеме Гдляна подполковник милиции Очилов должен был давать взятку первому секретарю Кашкадарьинскому обкома Гаипову (весной 1985 года он покончил жизнь самоубийством прямо на глазах у следователей, которые пришли его арестовывать. — *Ф. Р.*). После того, как Гдлян показал ему постановление на арест отца и сына, Очилов согласился дать любые показания. Но при допросе Очилова следователем Ковеленовым выяснилось, что Очилов, «передавший взятку» ко дню рождения Гаипова, не знает, когда тот родился. Пришлось идти к Гдляну. По воспоминаниям Очилова: «Гдлян в присутствии нас позвонил управляющему хозяйственной частью ЦК КП Узбекистана и у него узнал дату рождения Гаипова». То же самое рассказал и следователь Ковеленов: «Когда я стал выяснять у Очилова дату рождения Гаипова, то он ее не знал, и я не знал. Тура постоянно говорил мне, что давал показания под диктовку Гдляна и Иванова. Тогда я и Очилов пошли к Гдляну, который в присутствии нас позвонил в ЦК КП Узбекистана, выяснил дату рождения Гаипова и сообщил мне»...

После того, что мы выявили в делах Гдляна, хочется спросить его защитников, так рьяно оправдывавших творившееся беззаконие ссылкой на поговорку «Лес рубят — щепки летят»: где здесь лес, а где щепки? Рубили невиновных, они оказывались «лесом», а щепками были преступники. Это ли не репрессии, которые сродни произволу 30-х годов? Это был страшный психологический и физический пресс на арестованных, на задержанных. Прибегая к нему, как и в 30-е годы, заставляли родителей «изобличать» своих детей, а тех, наоборот, родителей. И делалось это вопреки существующему запрету на принуждение в даче показаний... Как и в 30-е годы людям, измордованным в следственных камерах, сломленным психологически, потерявшим всякую сопротивляемость к обману и готовым пойти на любой оговор, подсовывали

списки должностных лиц и требовали подписать на них ложные показания о даче взяток...».

Несмотря на многочисленные жалобы на действия Гдляна, его московские покровители не собирались отстранять его от руководства следственной группой. Поэтому, когда в декабре 1985 года член Политбюро Егор Лигачев приказал отозвать Гдляна в Москву, это распоряжение было в силе всего лишь несколько недель. После чего Гдлян вновь вернулся на прежнее место руководителя следственной группы. Видимо, «кавказское лобби» в Кремле было могущественнее даже члена Политбюро. Этим же объясняется и то, что в закавказские республики никаких «десантов» послано не было и при Горбачеве. Правда, в Грузии был арестован секретарь ЦК С. Хабеашвили, но в соседней Армении ни одного высокопоставленного коррупционера даже пальцем не тронули. Впрочем, как уже отмечалось выше, армян-взяточников и в Узбекистане также не привлекали к ответственности, опять же по негласному приказу из Москвы.

Тем временем в начале января 1986 года состоялся XXI съезд КП Узбекистана, который вывел из состава Бюро практически всех ближайших соратников Рашидова. Был заменен и 2-й секретарь ЦК Т. Осетров — вместо него Москва назначила 50-летнего Владимира Анищева. В 1979—1985 годах он трудился на посту 1-го секретаря Воронежского обкома, после чего стал инспектором ЦК КПСС. В марте 1985 года он был переведен в Узбекистан в качестве секретаря республиканского ЦК, а спустя почти год был повышен до должности 2-го секретаря. Из Москвы также был прислан и В. Огарок, который занял пост председателя Совета Министров Узбекистана и вошел в состав Бюро ЦК республики.

Все эти перестановки были не случайны и логически вытекали из той линии, которая направлялась из Москвы — линии на критику брежневского периода правления, который отныне был наречен «застоем». Эту линию оформил XXVII съезд КПСС, который состоялся спустя месяц после узбекистанского.

Между тем на последнем был нанесен удар не только по личности самого Ш. Рашидова, но и по годам его правления, которые новым руководством республики рисовались исключительно в темных красках. Чтобы читателю стало понятно, о чем именно идет речь, приведу отрывок из репортажа со съезда, который был опубликован в газете «Правда» и принадлежал перу журналистов Н. Гладкова и В. Кожемяко:

«За последние годы в Узбекистане выявлены грубые нарушения партийных норм и морали, советских законов, серьезные

недостатки в руководстве народным хозяйством. Широкое распространение получили здесь приписки, хищения, взятки, которые привели к разложению и перерождению определенной части кадров. Эти негативные явления приобрели крайне опасный характер...

В руководящих органах республиканской парторганизации, и прежде всего в Бюро ЦК, многие годы складывалось некритичное, самодовольное отношение к результатам проводимой работы. Наступившее из-за серьезных просчетов замедление темпов социально-экономического развития стало умышленно замалчиваться, всячески искажаться путем приписок и очковтирательства. В обстановке самовосхваления, надуманных победных рапортов, лести и угодничества попирались и игнорировались ленинские нормы партийной жизни. Кадры, как правило, выдвигались не по политическим, деловым и моральным качествам, а по признакам родства, землячества, из корыстных побуждений. Отсутствовал контроль за выполнением директив партии и собственных решений, нарушался важнейший, основополагающий принцип коллегиальности руководства. Создавался культ должностного положения первого руководителя, принижалась роль членов выборных парторганов, принимались субъективные, необоснованные решения, не отражавшие действительного положения дел. Наносился вред интересам партии и государства, ущерб насущным нуждам трудящихся.

На съезде говорилось о неприглядной роли бывшего первого секретаря ЦК КП республики Ш. Рашидова, осуждалось его покровительство нечестным, непорядочным людям, некоторые из них оказались крупными государственными преступниками. Среди них — бывшие первый секретарь Бухарского обкома Каримов, министр внутренних дел республики Яхъяев и другие.

Выступивший на съезде с отчетным докладом первый секретарь ЦК КП Узбекистана И. Усманходжаев признал, что он и ряд других ответственных работников не смогли принципиально выступить против порочной практики Рашидова, а порой и подлаживались под него. Все это и явилось той почвой, на которой произрастали нарушения законности и моральных принципов, всевозможные злоупотребления служебным положениям...

За последние полтора года удалось в значительное мере оздоровить морально-психологическую обстановку в республике, укрепить партийную и государственную дисциплину, поднять здоровые силы на борьбу с приписками и хищениями, взятками и другими злоупотреблениями... Из состава партийных комитетов

выведено около 300 человек. Отозвано более двухсот депутатов Советов. Многие бывшие руководители привлечены к уголовной ответственности...».

Отметим, что одновременно с партийным съездом в Узбекистане по давно заведенной традиции прошли такие же форумы и в других союзных республиках. На каждом из них шло «посыпание головы пеплом» — то есть участники съездов клеймили позором времена брежневского «застоя» и свою позицию тогда. На двух форумах «клейма позора» были наложены на первых руководителей республик: в Узбекистане это был Ш. Рашидов, в соседней Киргизии — Т. Усубалиев. Тогда многим казалось, что это — очищение. Хотя еще древние говорили, что тот, кто стреляет в свое прошлое, будет сражен той же пулей в будущем. И то, что эту истину предали забвению именно на Востоке, где всегда бережно относились к наследию своих предков, особенно удивляло. Видимо, конъюнктурные, сиюминутные мотивы для тамошних элит оказались сильнее вековой мудрости предков. Иначе никак не объяснить то, что произошло спустя пять месяцев после съезда КП Узбекистана.

22 мая ЦК КПСС принял Постановление «Об отмене решений, связанных с увековечением памяти Ш. Р. Рашидова», в котором узбекистанские власти обязывались ликвидировать все ранее принятые решения о сохранении памяти покойного руководителя республики. В кратчайшие сроки предписывалось снять мемориальные доски с домов, где жил и работал Рашидов, переименовать учреждения его имени, а также ликвидировать бюст Рашидову, установленный на его родине в городе Джизаке. Последнюю операцию предписывалось провести глубокой ночью с 6 на 7 июня. Тогда же (и тоже под покровом темноты) должно было произойти и перезахоронение останков Ш. Рашидова. Руководить этим делом назначили работника ЦК КП Узбекистана Гайрата Кадырова.

Отдадим ему должное: будучи по сути учеником Рашидова, он лично приехал к его вдове и честно рассказал о той миссии, которую на него возложили. Вдова заметила: «Пусть лучше это сделаешь ты, чем кто-то из недругов Шарафа Рашидовича». Она хотела, чтобы тело мужа похоронили на его родине в Джизаке, но Кадыров ее отговорил и в итоге бывший руководитель республики был похоронен на одном из престижных кладбищ в Ташкенте.

Несмотря на все кощунство происходящего, ничего удивительного в этом не было. Горбачев к тому времени уже прочно

«оседлал перестроечного коня» и чувствовал себя победителем, избавившись от всех брежневцев в Политбюро. А чтобы общество приняло эти отставки как должное, Горбачеву пришлось облить грязью не только этих людей, но и то время, когда они ходили в руководителях. По проторенной Горбачевым дорожке отправились и его приспешники, ведомые главным либерал-идеологом Александром Яковлевым. Например, в том же мае на 5-м Съезде кинематографистов СССР киношные пигмеи заклеймили позором таких титанов советского искусства, как Сергей Бондарчук, Евгений Матвеев, Юрий Озеров. Так что то, что творилось тогда вокруг имени и памяти Ш. Рашидова, вытекало из той ситуации, которая в те дни складывалась в стране, а именно — либерал-перестройщики окончательно взяли курс на опрокидывание ее в пропасть.

Но вернемся к Ш. Рашидову.

Майское Постановление ЦК КПСС хотя и вызвало шок в Узбекистане у большинства его жителей, однако какого-либо действенного отпора с их стороны не вызвало. Узбекистанцы пережили его, что называется, втихую. Но боль, конечно, осталась. Как и осознание того, что справедливость все равно рано или поздно восторжествует, как это уже неоднократно бывало в истории. Как пишет С. Ризаев:

«Казалось бы, история должна нас кое-чему научить. 387 лет назад, например, из Архангельского Собора Кремля удалили тело Бориса Годунова. Годунов считается ныне одним из самых мудрых царей России.

Оливера Кромвеля — вождя английской революции, полновластного правителя страны, торжественно похоронили в 1658 году. Современникам он казался выдающейся личностью, воплощением всех человеческих добродетелей. Но через несколько лет, когда к власти пришли другие, Кромвель подвергся бичеванию в прессе как «кровавый диктатор», «цареубийца», «исчадие ада», а сама революция была заклеймена как «коварный заговор», и «узурпация власти». Все совершенное за 20 революционных лет подверглось злобному поношению. Останки Кромвеля извлекли из саркофага и повесили, а голову выставили на крыше Вестминстер-Холла. И что же? В Лондоне стоит сейчас памятник Оливеру Кромвелю. Сегодня каждый английский школьник скажет: Кромвель — крупнейшая историческая фигура, гордость британской нации, а английская революция — исходная точка всей современной цивилизации.

То же было и во Франции. В 1815 году все 26 лет со дня взятия революционерами Бастилии, включая правление Наполеона, были объявлены пагубными и преступными. Революцию окрестили «заговором масонов». Ее вождей заклеймили как «тиранов», «узурпаторов», «цареубийц». Как и в Англии, останки Марата и Мирабо вынесли из пантеона. А сегодня Марата и Мирабо чтут все просвещенные французы...».

Именно с лета 1986 года союзные и республиканские СМИ открыли кампанию по дискредитации как имени Ш. Рашидова, так и всего Узбекистана. Между тем в этих публикациях, переполненных разного рода разоблачениями, замалчивалось то, что именно с середины 80-х, с начала горбачевской перестройки, узбекистанская экономика пошла на спад, упал национальный доход, возросла преступность, особенно тяжкие ее виды. Сократились инвестиции в республику и фондовые поступления. Это было тем более странно, поскольку в ряде других советских республиках ничего подобного не наблюдалось. Например, в закавказские регионы субсидии шли пусть не в том объеме, как раньше, но опять же они были больше узбекистанских.

В одной из публикаций 86-го года (в статье «Черная тень на «белом золоте», опубликованной в «Литературной газете» и принадлежащей перу К. Кожевниковой и В. Соколова) ее авторы невольно проговаривались об истоках той беды, что свалилась тогда на Узбекистан. Писалось там следующее:

«Лучшие люди арестованы» — эту фразу нам повторяли неоднократно в самых разных организациях. Никто, конечно, не думает толковать ее буквально — сидят за дело, чего уж там! И все же в словах сквозит сожаление. В преступления оказались втянутыми самые опытные работники. А вместо тех, кто получил по заслугам, работают молодые да необстрелянные...».

Оставим на совести авторов их выводы о том, что «все арестованные сидят за дело» (советская система правосудия, даже при всех ее плюсах, была далеко не самой совершенной) и посмотрим на это дело более широко. Еще с момента прихода к власти Андропова по стране прокатилась первая волна «чисток», которая затронула большинство управленческих структур. И на пользу этим структурам огульные чистки явно не пошли — они породили лишь хаос. Например, только из органов МВД за три года (1983—1985) было уволено 80 тысяч человек. Причем большая часть из них были настоящими профессионалами своего дела, асами оперативно-розыскной деятельности, которые вынуждены были уйти из профессии вовсе не из-за своей профнепригодности, а по причинам личного характера: кого-то «подсидел» более ушлый коллега, кто-то не смог смириться с тем беззаконием, которое творили в органах «птенцы гнезда Андропова» и т. д. Как результат — всплеск преступности по всей стране. Отметим, что организованная преступность, которая в брежневские годы находилась более-менее под контролем правоохранительной системы, именно при горбачевской перестройке оформилась в мощного и влиятельного спрута, который стал проникать во все поры общественного организма, в том числе и во власть.

Узбекистан стал тем полигоном для «кремлевских глобалистов», на котором они испытали систему «управляемого хаоса» на деле. Там они намеренно стравливали друг с другом различные кланы, чтобы в этой междуусобной войне наработать необходимые навыки, которые должны были пригодиться им в их дальнейшей «перестройке» общества по своим глобалистским лекалам. Они тысячами арестовывали и правых, и виноватых, конфисковали их материальные ценности, львиная доля из которых шла не в государственный бюджет, а в карманы самих разработчиков этой операции.

К лету 1986 года только за должностные преступления в Узбекистане было привлечено к ответственности 22 тысячи человек (всего до конца 80-х через чистки там пройдут около 58 тысяч должностных лиц). Были сняты со своих постов 172 работника, входивших в номенклатуру ЦК КПСС, 1813 — входивших в номенклатуру ЦК КП Узбекистана, среди них 52 секретаря обкома (из 65), 408 секретарей горкомов и райкомов партии (70%). Вместо них пришли новые люди, многие из которых не обладали должным опытом работы, да и действовать им приходилось отнюдь не в благополучной атмосфере.

Между тем московские разработчики чисток в Узбекистане ловко уводили общественное внимание в сторону от тех, кто на самом деле представлял угрозу для общества. Например, под шумок борьбы с «узбекской мафией» глобалисты позволили кавказским кланам проникнуть в центральные регионы России: в частности, в сердце страны, в Москву — город был окончательно захвачен и поделен между кавказскими преступными группировками именно в середине 80-х.

То же самое произошло и с проектом переброса части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Именно в 1986 году «кремлевские глобалисты» стали еще более активно натравливать так называемых державников на среднеазиатские элиты, чтобы «загрести жар чужими руками» — то есть, перессорить между со-

бой тех, кто мог помешать им развалить СССР. И неважно, что у этого проекта и в самом деле имелись определенные изъяны (например, многие специалисты были убеждены, что экономически он был неэффективен: из каждых 10 кубометров воды до места назначения доходили бы только три-четыре), главная цель его была в другом: он бы позволил накормить страну и еще крепче объединить братские народы Средней Азии и России. Но именно этого-то «кремлевские глобалисты» больше всего и боялись. Это была уже не просто политика, а геополитика.

Известный нам философ и политолог С. Кара-Мурза так описывает перипетии той кампании, которая была затеяна вокруг проекта переброски части стока сибирских рек:

«Поскольку в бассейне Амударьи и Сырдарьи имелось достаточно трудовых ресурсов для полного использования земли, переброска воды из Сибири дала бы возможность резко увеличить производство продовольствия. До этого весь бассейн Аральского моря и смежных областей засушливой зоны был уже полностью обустроен сетью ирригационных сооружений, так что на их создание больших затрат не потребовалось бы — дело было за нехваткой воды. Поставка воды дала бы рост производства именно продовольствия, поскольку до этого орошаемые земли Средней Азии отводились прежде всего под хлопчатник, что и позволило полностью решить проблему обеспечения хлопком всего СССР и СЭВ...

Противники проекта выдвинули множество аргументов, которые были лишь прикрытием главной идеи, которую сформулировал А.Л. Яшин (один из руководителей Академии наук СССР): «резкое сокращение площадей, засеваемых хлопчатником» (он еще добавляет: «Конечно, было бы неплохо сократить также площади, засеваемые в низовьях Амударьи и Сырдарьи рисом», но был бы рад хотя бы ликвидации хлопка). Какова же аргументация? Аргумент — типичный перл мышления перестройки: в Узбекистане, мол, урожайность хлопчатника всего 23 ц/га, а в США «хлопководство при урожайности менее 35—40 ц/га считается нерентабельным и не практикуется». Подумайте, при чем здесь США? Вот в Кувейте себестоимость добычи барреля нефти 4 доллара, а в России 14 — так что, нам и нефть не добывать? (Кстати, в действительности урожайность хлопчатника в 1990 году в пересчете на волокно была в Узбекистане 8,4 ц/га, а в США 7,2 ц/га, но на то и новое мышление и разгром правоохранительных органов, чтобы можно было безнаказанно фантазировать даже должностным лицам).

А.Л. Яншин утверждает, что нам не нужен был хлопок (так же, как и сталь, удобрения и т. д.). Каковы же доводы? Вот, не надо экспортировать хлопковое волокно в СЭВ и Центральную Европу, так как они могут покупать хлопок в Египте. Допустим, так. Но разве экспорт волокна (в отличие от сырой нефти это продукт весьма высокого передела) только в интересах покупателя? Разве нам не нужны были лекарства, оборудование и дамские сапоги, что мы покупали за хлопок? Да и весь экспорт составлял урожай всего с 6% хлопковых полей Узбекистана, это же дела не решало. Другая «порочная» потребность в хлопке, которую А.Л. Яншин предлагал прикрыть, — изготовление из хлопка взрывчатки, поскольку «сейчас международная обстановка изменилась к лучшему» и порох нам не нужен. Это, наверное, ему генерал Дудаев по секрету сказал. (Судя по всему, не Дудаев, а «кремлевские глобалисты», которые под тот же тезис об «изменении международной обстановки к лучшему» сдали Западу все те завоевания, которые десятилетиями потом и кровью завоевывали вместе с народом прежние руководители страны. — *Ф. Р.*)...

Кампания против создания большой водохозяйственной системы Обь — Арал была доведенным до совершенства политическим спектаклем. И сегодня, обобщив все, что мы увидели за десять лет, становится понятно то, о чем не догадывались в середине 80-х. Дискредитация проекта «поворота рек» наносила сильнейший удар по самой идее единого народно-хозяйственного комплекса, а затем и существования СССР как целостного единого государства. В этой кампании уже просматривалась идея регионального суверенитета над природными ресурсами, которая затем была утверждена в декларациях о суверенитете, узаконивших роспуск СССР. Эта кампания прямо разрушала идею общей исторической судьбы народов СССР — прежде всего во взаимоотношениях РСФСР и Средней Азии. Почему народы Средней Азии вошли в состав России практически добровольно? В частности, и потому, что это обещало очень выгодное для обеих сторон соединение ресурсов — земли, солнца, труда и воды...

В какой-то степени «в кредит» под будущую воду узбеки и туркмены всю свою наличную воду пустили под хлопок, который затем вывозился в Центр России. И вдруг — шумная кампания с криками «Не дадим воду!». Кампания, возглавленная элитарной интеллигенцией и явно поддержанная верхушкой КПСС. Нетрудно представить, как она была воспринята в массовом сознании народов Средней Азии. Идейная основа СССР треснула. В кампании против «поворота рек» уже зрел зародыш беловежского сговора...».

Глава 37

ЦЕПНЫЕ ПСЫ

Тем временем чистки в Узбекистане вышли на новый уровень — в орбиту арестов оказались вовлечены бывшие высшие руководители республики. Первым таким лицом оказался Т. Осетров, который в 1970—1983 годах работал 1-м заместителем председателя Совета Министров УзССР, а затем почти три года трудился на посту 2-го секретаря ЦК КП Узбекистана. 13 декабря 1986 года Осетрова арестовали органы КГБ и препроводили в специзолятор №4 МВД СССР. Там его стали «колоть» на признания о том, что он на протяжении чуть ли не всех лет своей работы в Узбекистане занимался взяточничеством, а также стали склонять к тому, чтобы он «раскрыл преступные деяния всей руководящей верхушки ЦК КП Узбекистана во главе с Ш. Рашидовым».

Отметим, что тогда же был арестован и бывший 1-й заместитель министра внутренних дел СССР, зять Брежнева Юрий Чурбанов, которого кремлевские власти собирались сделать главным «козлом отпущения» — лидером брежневской мафии, а также «пристегнуть» и к «узбекскому делу» (его обвиняли в получении взятки от Осетрова и других высших узбекистанских руководителей). Как будет исповедоваться на следствии сам Ю. Чурбанов:

«Наверное, догадываетесь, почему они за Узбекистан взялись, и вам, следователям, для работы полный простор дали? Кто курировал этот хлопок и эти приписки на Старой площади? Тот же Горбачев — он же был секретарем ЦК по сельскому хозяйству. Мне рассказывали, как его в Узбекистане принимали. Да и не он один, многие здесь эти приписки покрывали. И вдруг такую активность проявляют, показательный процесс в Узбекистане начали. Может, под себя копают? Наоборот, беду от себя отводят. Ведь рано или поздно все бы это вскрылось. Так лучше самим сделать, пока у власти и все под контролем. Одних узбеков обвинят, а сами чистенькие. И безопасно. Кто на Горбачева сейчас пальцем покажет? Да никто не решится...».

Чурбанов окажется прав: на Горбачева пальцем и в самом деле никто не осмелится тогда показать (это случится позже — накануне развала СССР). Зато покажут на другого члена Политбюро — Егора Лигачева. Причем сделают это... все те же Гдлян с Ивановым. В своих мемуарах они кичатся этим поступком: дескать, вот какие мы отважные. Хотя на самом деле отваги в этом

поступке не было никакой, поскольку тылы следователям прикрывало мощное лобби «кремлевских глобалистов». Если бы его не было, то Гдлян давно бы не только слетел со своего места руководителя следственной группы (вспомним, как его сначала сняли, а потом быстро восстановили в должности в конце 85-го), но и с легкостью сам мог оказаться на скамье подсудимых за те нарушения законности, которые обнаружила в его действиях прокурорская проверка.

Однако «наезд» на Лигачева случится чуть позже, а пока Центр продолжал разыгрывать «мусульманскую карту». В том же декабре 1986 года был «взорван» сосед Узбекистана — Казахская ССР. И опять этот процесс целиком и полностью был на совести Москвы, которая, решив заменить на посту 1-го секретаря этой республики Динмухамеда Кунаева (а он, как и Рашидов, руководил своей вотчиной четверть века — в 1960—1962, 1964—1986 годах, кроме этого был единственным представителем среди мусульман, кто являлся членом Политбюро продолжительное количество времени — 15 лет), вместо него привела к власти не казаха, или другого уроженца тех мест, а «варяга» — русского Геннадия Колбина, который до этого три года руководил Ульяновским обкомом (отметим, что и 2-й секретарь ЦК там тоже будет русский — Мирошхин). Это назначение всколыхнуло Казахстан: в его столице городе Алма-Ате произошли волнения, которые пришлось усмирять с помощью силы. В итоге Колбина казахам навязать удалось, однако спокойствия в республике это отнюдь не дабавило, а наоборот — убавило. Москва и здесь себя полностью дискредитировала.

Заметим, что в начале 1987 года в таком влиятельном печатном издании, как «Литературная газета» будет напечатана статья Игоря Беляева «Ислам», суть которой сводилась к тому, что эта религия определенно враждебна и опасна для советского государства, а мусульмане — народ коварный и вероломный. Без сомнения, что эта публикация не была случайной: таким образом «кремлевские глобалисты» уже не скрывали своих намерений по разрушению интернационального фундамента советского государства. В будущем мире, который кроили глобалисты, все нации и народности должны были не жить в дружбе друг с другом, а вести перманентные войны, за счет которых «золотой миллиард» мог бы жить припеваючи, безбоязненно набивая свои мошны. Как говорится, кому война, а кому и мать родна.

Между тем Кунаева постигнет та же участь, что и Рашидова: Москва, заручившись поддержкой части казахстанской эли-

ты (кланов, соперничавших с кланом Кунаева) развернет кампанию по его дискредитации. Этот процесс начнется в марте 1987 года, когда на Пленуме ЦК КП Казахстана прежняя деятельность Кунаева будет всячески осуждена. Ни одного доброго слова не удостоится от выступающих ораторов человек, который на протяжении более двух десятков лет руководил их республикой и сделал ее процветающей. Более того, участники Пленума пришли к выводу о необходимости привлечь к партийной ответственности Кунаева «за грубые нарушения норм партийной жизни, создание культа личности, извращение кадровой политики, проявление вседозволенности, что привело к развитию в республике протекционизма, злоупотреблениям служебным положением, взяточничеству, коррупции, к националистическим и другим негативным проявлениям».

Как и следовало ожидать, кремлевский выдвиженец Колбин в Казахстане так и не приживется (как и московские «десантники» в Узбекистане). Однако возложенную миссию эти «десантники» с честью выполнят — внесут хаос в жизнедеятельность, возглавляемых ими республик. Тем самым ускорив развал СССР. Как верно пишет Б. Самсонов:

«Колбин явил собой в Казахстане пик перестроечного авантюризма и всенародного обмана. Политбюро, Горбачев покрывали своего ставленника, как видного мастера политических интриг, вместо немедленного отзыва. По сути дела, посадив «чужака» на трон, в масштабах партии ее недальновидными авторитетами совершен партийный криминал, прикрываемый для пущей важности «перестройкой», получившей глубокую трещину в декабре 1986 года. Именно эту «дыру» заделать Горбачев исхитрялся, и потому изощренные московские умы придумали «кунаевщину» (как и «рашидовщину». — *Ф. Р.*), дабы свалить на нее весь хлам и сор, что накопился за много лет в казахстанском доме залежалого «кадрового» мусора, от которого Кунаев в свое время избавиться не успел, и на этом мрачном фоне преподнести Кунаева.

Творцы перестройки во главе с Горбачевым с первых шагов втоптали ее в грязь «колбинским экспериментом». Грубо, бестактно, кровью и дубинками, попирая в зародыше демократию, гласность, принципы новой кадровой политики и обновления КПСС. На виду у коммунистов и беспартийных всего Союза, вопреки здравому смыслу, новому мышлению и высоким целям строительства обновленного Советского государства, предатели-перестройщики уже тогда замышляли реставрацию капитализма, не считаясь с мнением народа, на всенародном референдуме сказавшего твердое «да» своей Великой Родине — СССР...

Перестройка Горбачевым и его компанией для того и была выдумана, чтобы, прикрываясь ею, якобы реформируя демократию, гласность, государство и саму партию, фактически ослабить все эти политические атрибуты, свести на нет основы социализма и расчистить дорогу рыночной экономике, монетаристской политике, начать широкую капитализацию СССР, расчленив этой идеей сознание советских людей...».

Тем временем в январе 1987 года, на очередном Пленуме ЦК КПСС, Горбачев запустил в действие новый механизм своей деструктивной политики — так называемую «гласность». И не было бы в ней ничего страшного (в широком освещении разных сторон жизни общества страна остро нуждалась), если бы она не была «одноглазой» (то есть смотрела на жизнь общества в основном с либеральной точки зрения). Дело в том, что к тому моменту, благодаря стараниям А. Яковлева, большая часть средств массовой информации страны находилась в руках тех самых «либералов», которые ставили целью не усовершенствовать систему социализма, а похоронить ее. Поэтому вся горбачевская «гласность» превратилась в огульное охаивание и оплевывание советской истории. И особенно доставалось временам правления Сталина, что было отнюдь не случайно. Как верно отмечает политолог С. Кургинян:

«Бренд под названием «сталинщина» был специально придуман для того, чтобы не допустить ускорения. Мобилизовать систему нельзя без элементов правильного, гибкого авторитаризма. Отнюдь не какого попало, а именно нужного. Потому что есть и такой авторитаризм, который несовместим с развитием и даже уничтожает все его предпосылки. Но если с ходу сказать, что любые элементы гибкого авторитаризма, соединенные с развитием, это мерзость, рецидивы сталинизма, — оказывается, что система немобилизуема...».

Так что Горбачев и К° прекрасно знали, что они делали: их задачей было не мобилизовать систему, не реформировать ее, а именно угробить. И краеугольном камнем в их политике было разрушение многонациональной дружбы советского народа. На это указывал еще первый шеф ЦРУ Ален Даллес в начале 50-х, так что его тезисы здорово пригодились горбачевцам спустя тридцать лет. И та массированная кампания в советских СМИ по поводу, так называемого, «узбекского дела» (это обозначение стало всесоюзным брендом в советской печати именно в 1987 году) была далеко не случайной: с ее помощью советских людей невольно приучали к мысли, что весь узбекский народ — вор и захребетник, сидящий

на шее у «старшего брата», у России. В итоге в 1987—1989 годах в советских СМИ было опубликовано более четырех сотен (!) статей, где разоблачалась «узбекская мафия». Не «грузинская», «армянская» или «молдавская», а именно «узбекская».

В авангарде этого процесса шли самые раскрученные либеральные издания (раскручивал их все тот же А. Яковлев, который лично следил за тем, чтобы тиражи у этих изданий были запредельными: 60 миллионов против... 1,5 миллионов «державных») вроде журналов «Огонек», «Советский экран», «Искусство кино», «Смена»; газет «Правда», «Аргументы и факты», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Собеседник», «Известия», «Советская культура», «Литературная газета», «Социалистическая индустрия», «Красная звезда», «Московский комсомолец» и т. д., во главе которых были посажены яковлевские креатуры. Название статей были соответствующие: «Кобры над золотом» и «Кобры теряют жало» («Правда»), «Под сенью «отца нации» («Огонек»), «Мы столкнулись с мафией» («Московские новости»), «Награбленное» («Собеседник»), «Этажи коррупции» («Литературная газета»), «Коррупция» («Известия»), «Обвиняются во взятках» («Социалистическая индустрия»), «Миллионы на «черный день» («Московский комсомолец»), «Следствие не закончено...» («Комсомольская правда») и т. д.

Эти публикаци намеренно создавали у миллионов советских граждан впечатление повальной коррупции в Узбекистане практически на всех этажах власти, а также приучали тех же граждан к тому, что узбеки на протяжении долгого времени обворовывали страну, приписывая миллионы тонн хлопка и получая за это миллиарды рублей. Между тем приписки эти на самом деле были, но их цифры были в разы меньше тех, о которых писала союзная пресса. Здесь по сути была та же ситуация, что и с числом репрессированных людей в сталинские годы. В горбачевскую перестройку либералы жонглировали этими цифрами как бог на душу положит, в результате чего «вилка» в расхождениях была поистине фантастичской: от 30 до 100 миллионов человек. То же самое можно сказать и о цифрах хлопковых приписок в Узбекистане — они явно брались с потолка. Как говорится, одним миллионом больше, одним меньше — какая разница. Вот лишь один пример.

В узбекском журнале «Звезда Востока» (№3 за 1988 год) С. Усманов писал, что в период с 1978 по 1983 год было приписано 4,5 миллиона тонн хлопка, а уже в №12 за тот же год прокурорский работник О. Гайданов называет другую цифру — 3,7 миллиона (расхождение в 800 тысяч!). У Усманова выручка от приписанного хлопка составила 2,8 миллиарда рублей, а у Гайданова — 3 миллиарда (разница в 200 миллионов). А вот в армянской газете «Коммунист» (сентябрь 1988) один из членов следственной группы Гдляна-Иванова Альберт Карташян ничтоже сумняшеся утверждал, что в Узбекистане «за последние 3—4 года различными способами было похищено у государства более 4 миллиардов рублей». Как видим, цифры в устах разных людей существенно разнились.

Читатель может возразить: дескать, какая разница? В том-то и дело, что большая, поскольку речь идет во-первых, о миллиардах (!) рублей, во-вторых — о доверии к названным цифрам. Ведь во всех подобных публикациях читателям предлагалось верить на слово их авторам, поскольку источники, откуда брались цифры приписок, не назывались. Повторюсь, все это было похоже на манипуляцию с числом жертв сталинских репрессий: мол, написал А. Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ», что их было 60 миллионов — значит, надо верить. А то, что Солженицын был лицом заинтересованным (сам сидел в лагере и люто ненавидел советскую власть), в расчет не бралось. Таким же образом обстояло дело и с цифрами хлопковых приписок: на свет их вытаскивали люди, заинтересованные в том, чтобы представить Узбекистан «всесоюзным центром коррупции». Не Грузию, которая тысячами тонн гнала в советские республики псевдочай или фальшивое вино (а это тоже миллионы рублей взяток и приписок), не Украину, которая манипулировала цифрами выращенного зерна, а именно Узбекистан.

Разоблачительные статьи об «узбекской мафии» сделали сногсшибательное паблисити двум старшим следователям Генеральной Прокуратуры СССР Тельману Гдляну и Николаю Иванову. Если к тому «девятому валу» статей с их участием приплюсовать еще их выступления по радио и мелькание на телеэкранах (опять же в либерал-перестроечных передачах типа «Взгляда» или «Пятого колеса»), то читателю станет понятно, какая степень популярности была у этих людей в то время. И слава эта была отнюдь не случайной: она специально раскручивалась «кремлевскими глобалистами», поскольку Гдлян и Иванов были не только наиболее талантливыми служителями советской Фемиды, но главное — наиболее беспринципными и тщеславными среди них. Их более чем кого-либо из их коллег одолевала неумеренная жажда стать знаменитыми, прославиться на всю страну.

Ведущей скрипкой в этом дуэте был Тельман Гдлян — армянин, родившийся в Грузии (что называется, гремучая смесь для

тех перестройщиков, кто затеял разыграть «мусульманскую карту»). Напомним, что граждане армянской национальности в то время вообще составляли значительную часть перестроечной либеральной элиты. Так, в ближайшем окружении Горбачева их было несколько: одним из его ближайших помощников был Георгий Шахназаров (он перешел к нему от Ю. Андропова), а советниками по экономическим вопросам — Абель Аганбегян и Степан Ситарян. Кроме этого, в центральной прессе часто выступали полпреды либералов: политолог Андраник Мигранян (в наши дни он дослужился до звания профессора МГИМО и должности директора одного из политологических институтов с головным офисом... в Нью-Йорке), поэтесса Сильвия Капутикян, журналист Зорий Балаян и др.

Тельман Гдлян хотя и не входил в круг ближайших сподвижников Горбачева, но долгое время считался его активным сторонником. Их расхождение случилось чуть позже, в 1988 году, после того, как Горбачев начал лавировать между «либералами» и «консерваторами» и сделал ряд шагов, которые испугали армянское лобби в Кремле. Вот тогда Гдлян и разочаровался в Горбачеве, впрочем, как и большинство высокопоставленных представителей его народа.

Все началось на июньском Пленуме ЦК КПСС в 1987 году, на котором Горбачев внезапно посягнул на святое: сказал, что руководство ЦК Компартии Армении не борется со взяточничеством, спекуляцией и протекционизмом. Генсек знал, что говорил. Эта республика на тот момент и в самом деле являла собой одну из наиболее коррмупированных в составе СССР, однако наводить порядок там Кремль не решался, предпочитая делать это в иных местах — например, в Средней Азии (только с весны 1986-го до лета 1987 года советские СМИ сообщили о расстрельных приговорах, вынесенных в отношении: бывшего директора Бухарского продторга Ш. Кудратова, бывшего начальника Бухарского УВД А. Музаффарова, бывшего министра хлопкоочистительной промышленности УзССР В. Усманова, бывшего 1-го секретаря Бухарского обкома А. Каримова). В итоге к концу 80-х ситуация в Армении приобрела настолько вопиющий характер, что на это вынужден был отреагировать даже сам Горбачев, который к кавказцам всегда относился лучше, чем к среднеазиатам (не даром столько лет проработал в Ставропольском крае, который граничит с закавказским регионом), к тому же прекрасно помня, какое усердие проявили кавказские кланы, возводя его на кремлевский престол.

На что надеялся Горбачев, делая свое заявление, непонятно, поскольку армянская элита ценила и поддерживала его только потому, что он был ей нужен как союзник и толкач их интересов. Но когда Генсек, что называется, «взбрыкнул» и посягнул на святое, вот тут, как говорится, и стало не до сантиментов. В результате в конце того же года Кремлю заметно осложнили жизнь — были спровоцированы волнения в Нагорном Карабахе.

Под петицией с требованием воссоединиться с Арменией поставили свои подписи более 75 тысяч жителей этой автономии. Митинги в Степанакерте, повлекшие за собой остановку тысячи заводов и фабрик по всей стране, больно ударили по карманам миллионов людей в СССР, которые свой гнев направляли на рядовых армян: их начали выдавливать из многих регионов, где они жили десятилетиями — из Узбекистана, Туркменистана, Северного Кавказа и т. д. Самое интересное, но армянское лобби в Москве почему-то никак не отреагировало на эти события: видимо, ему подобное развитие было только на руку. Каким образом? Поддерживая выселение своих соотечественников из других республик, армянское лобби в Москве не только увеличивало количество армян в Армении, но и накапливало там нужную агрессивную массу, необходимую для дальнейшей эскалации напряженности.

Тем временем в конце октября 1987 года Горбачев освободил от обязанностей члена Политбюро последнего мусульманина в нем — азербайджанского лидера Гейдара Алиева. Без сомнения, что сделано это было под давлением все того же армянского лобби, которое по сути уже в открытую диктовало руководству страны свои законы (спустя три года на Алиева в центральной прессе будет устроен такой же «накат», как ранее на Рашидова и Кунаева, после чего в обиход будет введен еще один ругательный термин — алиевщина).

Рассказывает Г. Алиев: «За период с 1985 года в стране шло разрушение — разрушение в экономике, социальной сфере. Люди стали плохо жить, намного хуже, чем когда бы то ни было. Морально-психологическая атмосфера в стране была осложнена до крайности, межнациональные конфликты стали обычным явлением, разрушался Союз Советских Социалистических Республик, происходили неуправляемые процессы. И все это Горбачев выдавал за перестройку. То она на «крутом повороте», то на «особом переломе», то перестройка «вступила в этап серьезных испытаний» и так далее.

Ну что сказать, после войны я помню только один случай, когда не было хлеба — в период Хрущева. При Горбачеве снова не хватало хлеба. Причем где? В столице. После войны я не помню ни одного случая, чтобы не было табака. В перестройку, видите ли, пытались давать объяснения. Какие могут быть объяснения, скажите, пожалуйста? Ведь мы прежде производили значительно меньше табака, чем в перестройку, но кризиса не было.

В перестройку в стране осложнились межнациональные отношения. Горбачев и другие пытались все свалить на прошлое, на Сталина, на период «застоя», но никто не говорил о том, какие ошибки были допущены за годы горбачевского правления, хотя ясно, что все межнациональные конфликты связывать только с прошлым — это необъективно и нечестно. В период Сталина и позже были, конечно, ошибки, но если уж определять, когда и сколько их было, то в годы перестройки их было гораздо больше...

Горбачев все время противоречил сам себе. В докладе, которые он сделает в начале 1990 года на Пленуме ЦК, он будет довольно долго (хотя сам доклад был небольшой) говорить о событиях в НКАО. И снова ничего ясного не скажет, кроме того, что ему, видите, теперь стало окончательно понятно, что вопрос об НКАО должен решаться при целостности Азербайджана (отметим, что Горбачев даже название республики ни разу в своих публичных выступлениях за все годы перестройки не назвал правильно: он говорил «Азебарджан». — *Ф. Р.*). Ну а почему об этом два года назад не было сказано, спрашивается? Значит, тогда он занимал позицию другую, среднюю: ни вашим — ни нашим, идите и деритесь, кто кого побьет — разве так можно? Если это федерация, союзное государство — значит, союзное государство должно было сразу выразить свое мнение. Вот еще ошибка в национальной политике. Только не надо забывать, что до перестройки никаких проблем между армянами и азербайджанцами в Закавказье не было: за 14 лет работы на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана я каждый год, иногда не один раз, бывал в Нагорном Карабахе, и ни один человек из этой автономной области не ставил передо мной вопрос о том, что НКАО нужно вывести из состава Азербайджана и передать Армении. Никто, понимаете?! Отдельные националистические настроения были в Армении, там кое-кто вынашивал такие планы, но они не были поддержаны населением НКАО...».

Между тем отставка Алиева еще сильнее накалила атмосферу в Закавказье. Как утверждают многие специалисты, если бы

Горбачев оставил Алиева в Политбюро и отправил его в Карабах, то будущей трагедии могло бы и не быть. Но Горбачев предпринял другой вариант: избавился от Алиева, зато приблизил к себе Георгия Шахназарова (он стал его помощником именно тогда) и принял у себя представителей Армении — журналиста Зория Балаяна (ярого националиста) и поэтессу Сильвию Капутикян. Азербайджанскую сторону Горбачев выслушать не захотел. Как выразится чуть позже известный дипломат Валентин Фалин относительно позиции Шахназарова: «Квинтэссенцией его идей было следующее: цена свободы — развал Советского Союза».

Отметим, что не меньшая радикализация политической ситуации происходила и в другой кавказской республике — Грузии. Как пишет политолог Б. Колоницкий:

«Перестройка предоставляла для оппозиционных сил Грузии особые возможности. Традиции допустимого антиимперского фрондирования позволяли местным диссидентам поддерживать особые связи с республиканской советской элитой, включая и известную часть номенклатуры. Движение в защиту национального языка и возрождение влияния грузинской церкви укрепляли авторитет местных диссидентов в самых разных широких слоях общества. Наконец, в некоторых ситуациях их могли поддержать деятели «теневой экономики». Ни в одной другой советской и постсоветской республике воздействие вхождения диссидентов в политику, а затем и во власть не было столь впечатляющим...»

Напомним, что в СССР именно Грузия находилась на привилегированном положении, являясь фактически «любимицей» Центра. В итоге десятилетия такого положения приучили грузинское руководство к тому, что их республика — чуть ли не пуп Союза, вторая после кесаря. А затем дело дошло до того, что и сам кесарь ей стал уже в тягость: дескать, мы сами с усами. К чему привела подобная политика Грузию, мы теперь хорошо знаем: республика на долгие годы превратилась в одну из самых «горячих точек» на постсоветском пространстве. По этому поводу хочется привести рассказ уже упоминавшегося выше журналиста В. Марьяна, опубликовавшего уже в наши дни в «Литературной газете» статью, где речь идет о том, какие аргументы двигали грузинскими сепаратистами в их желании отделиться от СССР:

«Вдруг вспомнилось, как в 1987 году, находясь в гостях у последнего, как оказалось, советского руководства Грузии, я не удержался и спросил одного местного деятеля, откровенно сочувствовавшего уже тогда грузинской оппозиции коммунистической власти:

— Представим, что Грузия добилась выхода из СССР и стала самостоятельной страной. А как вы будете жить дальше? Ведь у вас даже хлеба своего не хватит для населения. Не говоря уже об энергетических ресурсах и многом другом, поставляемом из России и других союзных республик. Тем более что при развитом крестьянстве в Грузии так и не сформировался национальный рабочий класс, в вашей промышленности трудятся в основном русские и армяне. Кто будет работать на производствах, когда, придя к власти, националисты вынудят и их покинуть Грузию?

— У нас есть море, курорты, вино — хванчкара, киндзмараули, — последовал ответ. — У нас есть боржоми, фрукты, чай. Этого достаточно, чтобы не только обеспечивать грузинский народ, но и процветать.

— Но ваши курорты по уровню комфорта и сервиса способны привлечь только советских людей. А им, мне думается, если распадется СССР, очень долго будет не до курортов. С Запада же ваши здравницы начнут посещать лишь после того, как вы приведете их в соответствие с мировыми стандартами. Для чего потребуются многомиллиардные вложения. Откуда они возьмутся?

Ответа я не дождался и продолжил:

— Что же касается вина, вы лучше меня знаете, что настоящие хванчкара и киндзмараули могут производиться из сортов винограда, растущих только в одноименных селах Грузии. И их объемы настолько мизерны, что не могут приносить существенную прибыль. Сколь-либо значительному наращиванию производства они не подлежат. Весьма ограничены и мощности скважин, содержащих настоящее боржоми. Насчет же мандаринов и других фруктов... Прошу не обижаться, но тот, кто может покупать средиземноморские и африканские, вряд ли предпочтет грузинские фрукты. И основными покупателями ваших мандаринов еще долго могут быть лишь все те же ваши соседи по Советскому Союзу. А о чае грузинском давайте лучше промолчим. Вы его сами не пьете...

Реакция на мои предельно вежливо высказанные суждения последовала отнюдь не соответствовавшая чинной обстановке госдачи в Крцаниси. Мой оппонент банально полез в драку. Тогда уже считалось непозволительным перечить грузинским «вольнодумцам», свободомыслие и демократизм которых ограничивались лишь яростным антикоммунизмом и безудержным поношением «тоталитаризма Москвы и русских»...».

Поскольку автор приведенного отрывка является армянином, становится понятно почему он забыл упомянуть о том факте, что в те годы высшее руководство Армении стояло на тех же сепаратистских позициях, что и грузинское. В Армении тоже считали, что выживут без СССР: мол, поможет Запад, наши богатые диаспоры за рубежом (около 1 миллиона 800 тысяч армян жили за пределами Союза: в США — 650 тысяч, во Франции — 250 тысяч, в Иране — 200 тысяч, в Турции — 150 тысяч, в Ливане — 120 тысяч, в Сирии — 120 тысяч, в Аргентине — 85 тысяч и т.д.). Как пишет о событиях конца 80-х Б. Колоницкий:

«Армения стала восприниматься как один из очагов противостояния и «коммунистическому режиму Баку», и «имперскому центру». Участники антикоммунистических демонстраций в российских и прибалтийских городах поднимали армянские флаги... В Армении наладился своеобразный диалог между прагматичным крылом комитета «Карабах» и частью местной советской элиты, в некоторых ситуациях они выступали как союзники. В этом отношении Армения напоминала скорее республики Прибалтики, чем соседние Грузию и Азербайджан, где движение возглавляли диссиденты-националисты и представители радикальной молодежи, организовывавшие улицу...».

Как покажет будущее, надежды армянских националистов окажутся таким же мыльным пузырем, как и надежды националистов грузинских. После распада СССР именно эти республики погрузятся в кровавые конфликты и экономические катаклизмы. А ведь все это было понятно уже тогда, в конце 80-х. Та же Армения была чрезвычайно интегрирована в союзную экономику и значительная часть энергоносителей, сырья и комплектующих поступало туда из различных районов СССР. Достаточно сказать, что 79% товаров, потребляемых в Армении, ввозилось извне. А большая часть продукции, произведенной в самой Армении, направлялась в другие союзные республики и только 2% (!) промтоваров оставалась для внутреннего потребления. Но армянское руководство (так же, как и грузинское), забыв обо всем этом, избрало своим курсом сепаратизм.

В феврале 1988 года карабахский кризис вошел в свою критическую фазу: начались вооруженные столкновения между азербайджанцами и карабахскими армянами. Пролилась кровь. Естественно, в такой ситуации бороться с коррупцией в Армении или том же Азербайджане Москве стало несподручно и эта проблема была благополучно положена под сукно (если вообще рассматривалась всерьез).

Зато борьба с коррупцией в Узбекистане продолжалась. Причем на тот момент уже мало кто из непосредственных очевидцев

ее сомневался в том, какие цели она преследует. Вот что, к примеру, рассказывает В. Лобко (в конце 80-х он был назначен очередным 2-й секретарем ЦК КП Узбекистана):

«Моя личная позиция по поводу «хлопкового дела» сильно отличалась от того, что проповедовали официальные источники. Конечно, это «дело» базировалось на конкретных фактах взяточничества, хищения государственной собственности . Но не думаю, что в Узбекистане это было в масштабах намного больших, чем в других местах.

Не скрою: туда я ехал, как на фронт. Но, пожив там, понял, что реальность обстоит иначе. «Хлопковое дело» сегодня мне представляется фактом очень большой и опасной политики. Думаю, это был первый шаг на пути раскачивания и развала Советского Союза как единого государства. Ведь то, что вменяли в вину узбекам, на самом деле было оборотной стороной их национальных традиций. Мне представляется, что, видимо, авторы этого шага недооценили те узы братства, которые за многие годы сложились между узбекским и русским народом, вообще между людьми, жившими в той красивой республике. Еще раз повторюсь: там были и взяточничество, и коррупция, и все другие негативные явления, присущие нашему тогдашнему обществу. Однако следователи зачастую пытались найти то, чего не было...».

Весной 1988 года Гдлян и Иванов, при активной поддержке либерально-яковлевских СМИ, затеяли новый виток разоблачений: вытащили на свет так называемое «кремлевское дело», к которому «пристегнули» одного из лидеров «консерваторов» в Политбюро Егора Лигачева. По мысли ретивых следователей, которых даже на митингах демократической общественности называли «цепными псами перестройки» (свидетельствую это как очевидец), фигурантами «кремлевского дела» были чуть ли не все руководители СССР во главе с Брежневым, а также все (!) руководство ЦК КП Узбекистана во главе с Рашидовым (руководители остальных советских республик, в том числе Грузии Эдуард Шеварднадзе или Армении Карен Демирчян, в эту «мафию» почему-то странным образом не вошли, хотя все годы своего пребывания у власти «сосали соки» из Москвы даже более активно, чем другие).

Между тем будем честными и отметим, что Гдлян с Ивановым, даже с помощью влиятельных лоббистов из Кремля, не смогли бы в одиночку «навести порядок» в Узбекистане. В этом им помогало тогдашнее руководство этой республики, которое преследовало собственные интересы: думало таким образом скрыть

свои грешки и замаслить Москву. Как показало будущее, эти надежды оказались тщетными. Москва их руками дискредитировала Рашидова, а потом взялась и за них самих. И вновь в авангарде этого процесса оказались два «цепных пса перестройки» — Гдлян и Иванов.

За короткое время став фигурами всесоюзного масштаба — этакими медийными королями толпы — эти два следователя-шоумена на достигнутом не остановились и, ведомые своими закулисными покровителями (а они несомненно были, что бы ни писали в своих книжках сами следователи) продолжили свое шествие во власть: на XIX партийной конференции КПСС в мае 1988 года они обвинили Егора Лигачева во взяточничестве, а также сообщили делегатам, что коррупционерами являются и ряд деятелей из нынешней верхушки ЦК КП Узбекистана. Это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы и подняло рейтинг следователей в глазах рядового обывателя на недосягаемую высоту. Не случайно тогда в народе даже пошли разговоры, что Гдляна надо сделать Генеральным прокурором СССР. И ведь сделали бы, если бы власть предоставила решение этого вопроса одураченному либерал-перестройщиками народу.

Судя по всему, покровители Гдляна и Иванова знали, что делали. «Пристегивая» в этому делу Лигачева, они рассчитывали, что на защиту того будут брошены значительные силы, и в это время Кремлю будет не до защиты прежнего узбекистанского руководства. Дело в том, что еще в январе того же года Москва сменила И. Усманходжаева другим своим выдвиженцем — Рафиком Нишановым, и теперь собиралась расчистить ему дорогу во власть, убрав конкурентов.

Если читатель забыл, то напомню: Нишанов долгое время работал вместе с Рашидовым: будучи членом Бюро ЦК КП Узбекистана в 1963—1970 годах, он отвечал за идеологию, но потом попал в немилость к Первому и был отправлен в почетную ссылку — послом на Цейлон и Мальдивы, чуть позже — в Иорданию. Никакой злобы по отношению к нему Рашидов после этого не испытывал и даже иногда помогал: например, в 1977 году содействовал устройству дочери Нишанова (по его же просьбе) на работу в УзТАГ. И чем в итоге отплатил Нишанов Рашидову? Цитирую его выступление на XIX Всесоюзной партийной конференции:

«Народ Узбекистана непосредственно на себе испытал результаты жестокого диктата, разнузданного беззакония и подлости в годы сталинских репрессий. Глубокую моральную травму он получил в годы торжественного марша назад, когда за угодниче-

ство и коварство, очковтирательство такой лидер и наградозахватчик, как Рашидов, мог удостоиться десяти орденов Ленина и двух Золотых Звезд и еще стать лауреатом Ленинской премии. Кто дал Рашидову эти ордена? Разумеется, Брежнев и его ближайшее окружение. Почему давали? Да потому что сами были наградозахватчиками. (Аплодисменты)...».

Отметим, что Нишанов оказался не одинок в рвении разоблачить своего бывшего руководителя. В июле того же года на Пленуме ЦК КП Казахстана новой атаке недоброжелателей подвергся бывший руководитель этой компартии Д. Кунаев. Против него выступил его недавний сподвижник, заведующий Общим отделом А. Бородин. Приведу лишь небольшой отрывок из его речи, который весьма похож на нишановский:

«Критически осмысливая прошлое, видишь, как из года в год складывался культ Кунаева и «культики» ряда первых секретарей обкомов партии, десятилетиями сидевших в своих креслах и восхвалявших Кунаева. Этот человек, будучи четверть века руководителем республики — то Первым секретарем, то Председателем Совмина, то снова Первым секретарем, — сам пел дифирамбы, и ему пели...».

Самое интересное, что при руководителях, которых критиковали Нишанов и Бородин, их республики развивались и процветали, даже несмотря на все существовавшие там недостатки. А при людях, которые пришли им на смену и впряглись в горбачевскую перестройку, наступил коллапс, который обрушил СССР. И вина в этом была не прежних руководителей, которые были далеко не безгрешны (как и все люди), но служили все-таки великой идее, а именно новых — тех самых, которые за красивым фантиком не увидели пустышку. Как сказал когда-то великий восточный просветитель Авиценна: «Берегись мухи, которая сидела на дохлой змее». Этой дохлой змеей оказалась горбачевская перестройка, а мухами... сами понимаете кто.

В годы перестройки разного рода разоблачителей повылазило из всех щелей не счесть сколько. Долгие годы они служили и пели осанну одним руководителям, а когда троны под ними закачались (или они ушли из жизни), как тут же переметнулись к другим — к тем, кто оказался «на коне». По этому поводу вспоминаются события древней истории. Великий правитель монголов Чингисхан ввел у себя в государстве закон, который соблюдался неукоснительно: слуга, который предавал своего хозяина, подлежал смерти. Этот закон хан опробовал на слугах своего главного врага — Джамухи. Когда те пленили своего хозяина, напав на

него сонного, и привезли к хану, думая, что он тем самым их пощадит, тот приказал слуг-предателей казнить. А Джамуху отпустил. Если бы этот жестокий, но мудрый закон действовал в наши дни, глядишь, и советская империя просуществовала бы не меньше, чем государство Чингисхана.

Тем временем практически сразу после партконференции последовали новые аресты в Узбекистане. За решетку отправился недавний 1-й секретарь ЦК КП И. Усманходжаев и еще несколько членов узбекистанского Бюро. Арестованные начали давать показания, где рисовали картину тотальной коррупции, которая, якобы, охватывала не только весь Узбекистан, но и большинство других советских республик, а также Москву (все это опять же четко укладывалось в русле стратегии «управляемого хаоса»). И вновь по странному стечению обстоятельств в этом перечне коррупционных очагов отсутствовали республики Закавказья, а в числе обвиняемых не было ни одного армянского или грузинского высокопоставленного деятеля. Зато чаще всего упоминалось имя Ш. Рашидова, которого Гдлян с Ивановым назначили чуть ли не «боссом всесоюзной мафии». Именно следователи стали распространять в народе версию о том, что Рашидов перед смертью припрятал... 100 миллионов рублей и эти деньги те же следователи окрестили «кладом Чингисхана».

Самое интересное, но все эти сказки о несметных сокровищах воспринимались большинством людей как вполне реальные. Это был уже неоднократно опробованный ранее ход: точно также, к примеру, был дискредитирован член Политбюро Григорий Романов. Как мы помним, был запущен слух, что он справил свадьбу дочери в Таврическом дворце и на этом празднестве гости, перепившись вдрызг, разбили огромное количество раритетной посуды екатерининских времен из коллекции Эрмитажа. А в горбачевскую перестройку подобные бредни оказались еще более востребованными, поскольку попадали на весьма благодатную почву, которую вот уже в течение нескольких лет усердно унавоживали либерал-перестройщики, захватившие в свои руки газеты, журналы, а также телевидение и радио. На том же Центральном ТВ тогда в качестве кумиров выступали экстрасенс Анатолий Кашпировский и следователь Тельман Гдлян. И, несмотря на разность профессий, занимались они одним и тем же делом: зомбированием доверчивой публики.

О том, каким образом выпекались блюда на «кухне» у Гдляна, свидетельствует хотя бы следующая история. Одна из арестованных — высокопоставленный деятель узбекистанского ЦК — на

следствии рассказала, что состояла в романтических отношениях с Рашидовым. Причем длилась эта связь, по ее словам, в течение нескольких лет. Следователи, естественно, ухватились за эту историю, поскольку в их коллекции грязных историй о Рашидове подобного еще не было. Но их ждало разочарование: уже спустя месяц подследственная заявила, что ее показания про романтическую связь — всего лишь выдумка. Спрашивается, зачем же она возводила напраслину на покойного?

Ларчик сей открывался просто: все арестованные были прекрасно осведомлены о том, что следователи «платят золотом» за любую клевету на Рашидова, поскольку это позволяло придать их расследованию масштаб глобальных разоблачений. Вот и рождались в головах арестованных (не забудем и то, каким образом могли с ними обращаться следователи) разного рода бредовые истории про «несметные сокровища», «кровавые зинданы», «тайные гаремы» и т. д.

Кстати, и в самой Москве в те годы усиленно муссировались слухи о так называемом «золоте партии». Где только его не искали и кому только не приписывали обладание им: начиная от Леонида Брежнева и его родственников до бывшего хозяина Москвы Виктора Гришина. Как выяснилось позже, все это были досужие сплетни и домыслы, а то и целенаправленный «слив» дезинформации, чтобы скрыть истинных обладателей этого золота. Судя по всему, оно действительно существовало, но было, скорее всего, присвоено «кремлевскими глобалистами», чем брежневским кланом или тем же Гришиным. Будь иначе, то Галина Брежнева не умерла бы в фактической нищете от алкоголизма, а бывший всесильный хозяин Москвы не нашел бы свою смерть в районном собесе, куда он пришел для пересчета своей не самой большой пенсии.

Тем временем, чем активнее Москва пыталась развенчать у людей память о Рашидове, тем сильнее сопротивлялся народ. В 1988 году в Узбекистане усилились разговоры о том, что «отец нации»... не умер, а жив-здоров, проживая то ли в Иране, то ли в Египте, то ли в Ангрене недалеко от Ташкента. Слухи были настолько масштабными, что вызвали смятение в рядах недоброжелателей Рашидова. Как же: столько публикаций против него было инспирировано в центральной и республиканской прессе за последние два-три года, а народ продолжает верить, что он жив и вспоминает о нем с теплотой и любовью! Вот и один из штатных разоблачителей покойного руководителя, известный нам уже писатель Камил Икрамов в журнале «Искусство кино» (сентябрь 1988) с неприкрытым изумлением отмечал:

«Сотни тысяч людей лично или по телевизору видели, как его (Рашидова. — *Ф. Р.*) хоронили, все знают, что тело его было эксгумировано и перенесено из центра города на почетное кладбище. Но нет, оказывается. Твердо ходят по узбекской земле слухи, что Рашидов жив...».

Вообще этот известный узбекский писатель в годы горбачевской гласности буквально прописался в центральных СМИ либерального толка. Таких «разоблачителей» в те годы мутная перестроечная волна вынесла на самый гребень событий неимоверное количество, причем почти все они раньше считались добропорядочными советскими интеллигентами, воспевающими положительное в человеке, а в горбачевскую перестройку вдруг превратились в «гробокопателей», танцующих на костях своих предков (тот же Икрамов, помимо Рашидова, усердно клеймил и другого узбекистанского лидера — Усмана Юсупова, и даже написал сценарий разоблачительного фильма о нем). Как будто тумблер какой-то щелкнул в головах у этих людей: раньше они писали только о светлом, теперь же — сплошь один негатив. Взять того же К. Икрамова.

В марте 1977 года он писал Рашидову следующее:

«Поистине нет слов, чтобы рассказать, какое огромное впечатление произвело на меня и мою семью Ваше доброе, мудрое, щедрое, отеческое письмо! Десятки раз я перечитывал его, думая о том, как и чем я должен ответить на такое Ваше внимание и заботу.

Буду краток. Я обещаю Вам, дорогой Шараф Рашидович, написать свою главную книгу — роман о замечательных людях и небывалых трудовых свершениях современного Узбекистана, о дружбе народов, о преемственности народных, революционных и культурных традиций, — обо всем том, чему Вы лично без остатка отдаете Ваш ум, талант и саму жизнь.

За последние годы в качестве специального корреспондента «Правды» и других центральных изданий я много ездил по Узбекистану и районам Нечерноземья, собирал материал для книги и очень надеюсь, что она понравится Вам больше всех других моих книг...».

Отметим, что письмо это было написано в тот самый период, который господа-либералы позднее охарактеризуют как «апогей брежневского застоя». Однако Икрамову почему-то оно таковым тогда не казалось. И он с упоением пишет о том, что собирает материал для новой, главной книги в своей жизни, где воспоет трудовой подвиг своей родины. Значит, он воочию ви-

дел этот подвиг на хлопковых полях Узбекистана и на целинных землях Нечерноземья? Или он притворялся, идя на компромисс с собственной совестью: дескать, напишу еще одну книгу «про успехи» и отхвачу за нее солидный куш (на такого рода книги в те годы тиражей не жалели)?

Минует всего-то десять лет, и вот уже Икрамов пишет иные строки о бывшем руководителе республики, которого уже нет в живых и, значит, он никак не сможет ему ответить: «Рашидов, вместе с министром внутренних дел Яхъяевым и знаменитым уже на весь мир Адыловым был большим знатоком пыток, фабрикации клеветнических документов и мастером «мокрых дел»...».

Заметим, что ни одного факта, подтверждающего правоту этих обвинений, писатель не приводит. Впрочем, в те годы либерал-перестройщики особо не утруждали себя поиском каких-то проверенных фактов, видимо, исходя из старого геббельсовского принципа: чем чудовищнее ложь, тем больше у нее шансов на успех.

Другой узбекский литератор — Тимур Пулатов — специализировался в те годы на разоблачениях Рашидова-писателя. В главном рупоре либерал-перестройщиков — в журнале «Огонек» — он опубликовал статью «Под сенью «отца нации» (июль 1988), где писал следующее:

«Пусть простят мне кандидаты и доктора наук, защитившие диссертации по творчеству Рашидова, если скажу: все, написанное им, начиная с первого стихотворного сборника, «Мой гнев», и кончая его прозаическими работами — романами «Сильнее бури», «Могучая волна», — вторично и конъюнктурно. Ничего оригинального ни в сюжете, ни в манере письма. Темы для своих романов он брал из «Основных направлений пятилетнего плана развития Узбекской ССР». Это не преувеличение. «Глобальные» темы он брал себе, а остальные милостиво раздавал своим приближенным писателям, ибо темы считались престижными, наградными. Рашидов был убежден — и это видно из его литературно-критических работ, — что литература должна показывать жизнь лишь на высокой ноте прославления, напрочь отвергая ее противоречия, драматизм...».

Вдумайся, читатель, в чем интервьюер обвиняет Рашидова: что тот показывал жизнь на высокой ноте прославления! Кстати, в этом же «грехе» в те годы либерал-перестройщики обвиняли и других известных советских деятелей литературы и искусства. Среди писателей это были: Михаил Шолохов, Анатолий Софронов, Всеволод Кочетов, Анатолий Иванов, Петр Проскурин, Георгий Марков и др.; среди кинорежиссеров: Сергей Бондарчук, Евгений Матвеев, Юрий Озеров, Даниил Храбровицкий и др. Всех этих деятелей либеральная общественность скопом записала в «соловьи режима», напрочь забыв, что их произведения в течение долгих десятилетий помогали миллионам советских людей, как поется в известной песне, «строить и жить». Да, эти произведения выходили миллионами экземпляров или тысячами копий, однако они отнюдь не навязывались людям из-под палки — те сами их покупали или смотрели в кинотеатрах, записывая в свои любимые не по принуждению, а по собственной воле.

Силу и пользу этих произведений доказала история: во многом благодаря им СССР долгие годы был великой и процветающей державой. А какую пользу принесли публикации икрамовых и пулатовых, коротичей и яковлевых? Они взорвали общество, перессорили между собой народы и похоронили Советский Союз. Именно в таком контексте они навсегда и останутся в памяти большинства людей, кто помнит то лихолетье, именуемое «перестройкой».

Без сомнения, что разоблачения по адресу Рашидова, Брежнева и других высокопоставленных советских деятелей помогли сделали громкое имя многим ранее безвестным писателям, кинорежиссерам, поэтам, публицистам, журналистам, а также двум следователям Гдляну и Иванову. Последние буквально за считанные месяцы, благодаря беспрецедентному пиару в СМИ, сделали головокружительную карьеру в рядах демократов, которых позже в народе метко окрестят «дерьмократами». Сегодня даже поражаешься, как же легко можно было облапошить миллионы взрослых людей: достаточно было взойти на трибуну, проорать что-то про «мафиози Брежнева», намекнуть на то, что у тебя есть чемодан компромата на него и все — народ тебя боготворит и готов сделать хоть Прокурором страны, хоть ее Президентом.

Но уже очень скоро сама перестроечная власть пришла в ужас от того, каких «чудовищ» она взрастила, и бросилась их усмирять. Но было поздно: на защиту своих кумиров дружно встал облапошенный народ, вышедший на площади, а также их покровители, которые в конце перестройки уже не скрывали своей принадлежности. Поэтому, чтобы Гдляна и Иванова самих не арестовали, лишив депутатской неприкосновенности (депутатами они стали в марте 1989 года), их сделали народными депутатами… от Армении. Более того, книгу Т. Гдляна (и еще одного тогдашнего кумира толпы — скандального перестроечного журналиста Евгения Додолева) под характерным названием «Мафия времен без-

закония» выпустил... ЦК Компартии Армении тиражом 200 тысяч экземпляров. Предисловие написал профессор Сурен Золян. В нем он, заливаясь соловьем, писал следующее:

«Гдляну не дали поставить последнюю точку в его блестяще начатой роли. Ушли от возмездия те, кого он разоблачал и как дотошный юрист, и как взрывной оратор. Но его не смогли ни купить, ни сломить, ни заставить замолчать, и при колоссальном неравенстве сил выстояв, он остался в народном сознании — победителем...».

Ну чем не панегирик времен Брежнева? Рассчитан он был, конечно же, на людей наивных и легко внушаемых. Поскольку умные люди уже хорошо разобрались в сути гдляновских разоблачений. Ведь никто не мешал Гдляну продолжить свою борьбу в том же Ереване и, зайдя в соседний с типографией, где печаталась его книга, дом, в котором располагался ЦК Компартии Армении, завести уголовное дело на какого-нибудь функционера тамошнего ЦК, а то и вовсе на самого Первого секретаря. А потом вместе с тем же Е. Додолевым написать вторую часть книги под названием «Мафия времен беззакония: «армянское дело». Вот тогда следователь и в самом деле мог бы вырасти в народном сознании до подлинного борца с мафией. А так для большинства людей, кто уже прекрасно разобрался, что из себя на самом деле представляла горбачевская перестройка, он так и остался «цепным псом», кусающим того, на кого укажет хозяин.

ЭПИЛОГ

Без сомнения, что, так называемое, «узбекское дело» ставило главной целью не борьбу с коррупцией, а являлось звеном в цепи операций «кремлевских глобалистов» по развалу Советского Союза. Вместо того, чтобы начать «разминировать бомбу с замедленным действием», каковой являлся вовсе не Узбекистан (и не Средняя Азия в целом), а Закавказье и Прибалтика, кремлевские политтехнологи ловко переключили внимание общественности на самый спокойный и лояльный Центру регион. А когда прозрение народа наступило, было уже поздно. Приведу по этому поводу слова из выступления русского писателя Валентина Распутина, сказанные им на I Съезде народных депутатов РСФСР всего за полтора года до развала СССР — в июне 1990 года:

«Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на наших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы направляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное...».

Итак, в конце 80-х первыми заговорили об отделении их республик от СССР руководители Армении, Грузии, Азербайджана, а также прибалты. Они же (кроме Азербайджана) саботировали референдум в марте 1991 года по вопросу о сохранении СССР. Саботировала его и Молдавия, а казахстанская элита заставила голосовать свой народ по иной формулировке, которая позволяла тамошним сепаратистам в будущем выйти из состава СССР. Но даже несмотря на это, за то, чтобы остаться в Союзе, проголосовало 94,1% жителей Казахстана.

Между тем больше всего приверженцев единого Союза оказалось в Средней Азии. Так, в Туркмении за него проголосовало 98% населения, в Таджикистане — 96%, в Киргизии — 94,5%, в Узбекистане — 93,7%. Вдумайтесь в это: люди, пережившие унижение «узбекским делом», целиком и полностью состряпанным в Москве, нашли в себе силы и разум проголосовать за нахождение своей республики в составе СССР. Это голосование окончательно показало, «кто есть ху» во всей предыдущей истории. Народ, значительная часть жизни которого пришлась на времена правления коммуниста-интернационалиста Шарафа Рашидова (а он, как мы помним, 10 лет был Президентом республики и 24 года 1-м секретарем ее ЦК), остался верен его заветам: жить в мире и дружбе с братскими народами. И не их вина, что уже очень скоро результаты этого референдума были безжалостно растоптаны кремлевскими предателями.

И все же, как говорили древние, время — лучший судья. В ноябре 1992 года в уже независимом Узбекистане было широко отмечено 75-летие со дня рождения Ш. Рашидова. С большим докладом о его жизни и деятельности на посту руководителя республики выступил Президент Узбекистана И. Каримов. Не стану приводить здесь весь документ и ограничусь лишь некоторыми отрывками из него, которые, тем не менее, наглядно демонстрируют то, что истина рано или поздно все равно торжествует:

«...Шараф Рашидов оставил нам и грядущим поколениям большое наследие. Суть этого наследия заключается в том, что Шараф Рашидович был скромным, кристально чистым и честным человеком. И его замечательные качества гражданина и руководителя служат для нас примером.

Каждый человек, исходя из своего мировоззрения, характера и воспитания, образа мыслей, живет и действует, оставляет след в жизни. И в этом плане образ мыслей и дела Шараф-ака, их гармоничность и его многогранная плодотворная деятельность являются для нас ориентиром в работе и жизни.

Конечно же, Шараф Рашидов не был ангелом. Говорят, что только Господь безгрешен. Были в его деятельности и недостатки, и упущения. Но лично я убежден в одном: что бы ни делал Шараф Рашидов как видный государственный деятель, он прежде всего думал об Узбекистане, интересах народа.

Рашидов сделал все, чтобы возвеличить доброе имя узбекского народа, показать всему миру его замечательные черты. Поэтому его дела, его планы находили отклик в сердцах людей, поэтому он удостоился всенародной любви...

В связи с этими торжествами мы должны сделать некоторые выводы, необходимые для нашего народа, для всего нашего края.

Во-первых, целью кампании по шельмованию имени Шарафа Рашидова было не только опорочить его как государственного деятеля, но и опрочить всю страну и весь народ. Враги сумели частично добиться своей цели — им удалось на короткий срок заставить и другие народы поверить таким измышлениям, как «узбекское дело», «хлопковое дело». Однако у этой лжи, как и водится, оказались короткие ноги. Сегодня мир воочию видит, что на самом деле представляет из себя узбекский народ и на что он способен.

Реабилитируя сегодня Шарафа Рашидова, мы должны видеть в этом деле скромную, но органичную часть большой работы по очищению имени узбекского народа.

Во-вторых, в шельмовании народа наши враги избрали изощренный путь. Эту кампанию провернули с помощью выходцев из узбекского народа, которые занимали высокие посты, а также руками и других людей. Эта грязная работа была нацелена и на то, чтобы нашу нацию расколоть. Хорошо, что мы смогли вовремя это понять. Мы не стали делить представителей нашей нации на плохих и хороших. Но виновников вывели на божий свет. В воле Аллаха воздать им должное.

Третий урок, который нам преподало недавнее прошлое, состоит в том, что нам надо как можно скорее избавиться от порока слепого беспрекословного повиновения.

В-четвертых, сегодня, когда над республикой веет ветер независимости, мы не отдадим нашу Родину на чужой суд. Мы должны еще глубже уяснить для себя ту истину, что мы сами в ответе за судьбу своих людей.

В-пятых, мы выражаем глубокую благодарность людям, которые во время репрессий 80-х годов не склонили головы перед клеветниками и твердо защищали свою честь и честь народа. Сегодня я хочу с этой трибуны воздать должное этим смелым людям, которые боролись за чистоту имени своего народа, своей Родины. Думаю, что наши историки, наша литература, печать должны увековечить имена и образы этих мужественных людей для грядущих поколений.

В-шестых, давайте убедим нашу молодежь, что в жизни все же существуют единство слова и дела, историческая справедливость.

И, наконец, давайте исправим ошибки, совершенные в отношении Шарафа Рашидова, восстановим должное уважение к этому человеку перед лицом истории, грядущих поколений. Вместе с тем пусть получат должную оценку и займут подобающее им место в истории люди, которые клеветали на своих близких, предавали свой народ, порочили страну. Если мы поступим таким образом, то еще раз продемонстрируем черты, присущие узбекскому народу. Перед духом наших предков, перед лицом грядущих поколений мы и не можем поступить иначе. Такова воля узбекского народа!..».

Использованная литература:

Р. Ризаев. «Шараф Рашидов».
Л. Левитин. «Узбекистан: время перемен».
В. Овечкин. «Статьи. Выступления. Дневники. Письма».
Р. Нахапетов. «Влюбленный», «Певцы советской эстрады» (Выпуск второй), «Песни советской эстрады» (Выпуск второй).
А. Сахнин. «Произошло вот что».
Л. Млечин. «Брежнев».
В. Щелкин, С. Фролов. «Легенды ВИА»,
Г. и Н. Юнгвальд-Хилькевич. «За кадром».
Т. Егорова. «Андрей Миронов и я».
А. Шевякин. «Загадка гибели СССР».
«СССР после распада» (Сборник статей под редакцией О. Маргания).
И. Карпец. «Сыск. Записки начальника уголовного розыска».
В. Головской. «Кинематограф 70-х: между оттепелью и гласностью».
Е. Чазов. «Здоровье и власть», «Л. Брежнев. Материалы к биографии» (Сборник статей).
Н. Зенькович. «Михаил Горбачев: жизнь до Кремля».
В. Рецептер. «Жизнь и приключения артистов БДТ».
А. Шубин. «Тайны советской эпохи».
С. Семанов. «Председатель КГБ Юрий Андропов».
Т. Гдлян, Е. Додолев. «Мафия времен беззакония».
Т. Гдлян, Н. Иванов. «Кремлевское дело».
И. Резник. «Алла Пугачева и другие».
Б. Пирогов. «Футбол: хроника, события, факты».
В. Медведев. «Человек за спиной».
Н. Зенькович. «1985—1991: что это было?».
М. Калашников, С. Кугушев. «Третий проект: погружение».
В. Андриянов, Г. Мираламов. «Гейдар Алиев».
С. Кара-Мурза. «Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней».
Б. Самсонов. «Бремя величия», «Большая советская энциклопедия» (Ежегодники).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть I. ОТ УЧИТЕЛЯ ДО ПРЕЗИДЕНТА

Глава 1. Бурлящая Азия 7
Глава 2. Кто был ничем... 13
Глава 3. Десница Тимура 23
Глава 4. Идет война народная... 27
Глава 5. Журналист и писатель 35
Глава 6. Президент 48
Глава 7. Узбекский прорыв 60
Глава 8. В паутине интриг 75

Часть II. МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Глава 9. Три дня и две ночи 87
Глава 10. «Догнать и перегнать!» 109
Глава 11. Между двух огней 118
Глава 12. В горниле «карибского кризиса» 136
Глава 13. В водовороте проблем 142
Глава 14. В конфликте с Хрущевыи 152
Глава 15. Заговор против Хрущева 170
Глава 16. Удар по Рашидову 179
Глава 17. Против подпольных миллионеров 199
Глава 18. Очередная атака на Рашидова 204
Глава 19. Ташкент — город дружбы 217
Глава 20. Два золота Узбекистана 238
Глава 21. По лезвию бритвы 249
Глава 22. Азербайджанский полигон 266
Глава 23. От музыки до кино 279
Глава 24. Гангстеры Ташкента 291
Глава 25. Грузинский полигон 296
Глава 26. Высоцкий, евреи, «Пахтакор» и... индейцы 311
Глава 27. Метла для номенклатуры 321
Глава 28. Звездв Востока 333
Глава 29. Интриги по-кремлевски 343
Глава 30. В тени «застоя» 370
Глава 31. Гибель «Пахтакора» 374
Глава 32. Афганский капкан 393
Глава 33. Накануне трагедии 398

Часть III. СПРЯТАННАЯ ПРАВДА

Глава 34. Глобалисты из Кремля 421
Глава 35. Андроповский десант 435
Глава 36. Управляемый хаос 457
Глава 37. Цепные псы 484

Эпилог 505

Использованная литература 509

Федор Ибатович Раззаков

КОРРУПЦИЯ В ПОЛИТБЮРО

Дело «красного узбека»

Редактор Манягин В.Г., художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор И.А. Носкова

ООО «Алгоритм–Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

Сдано в набор 07.09.09. Подписано в печать 14.10.09.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16. Тираж 4000 экз. Заказ